

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

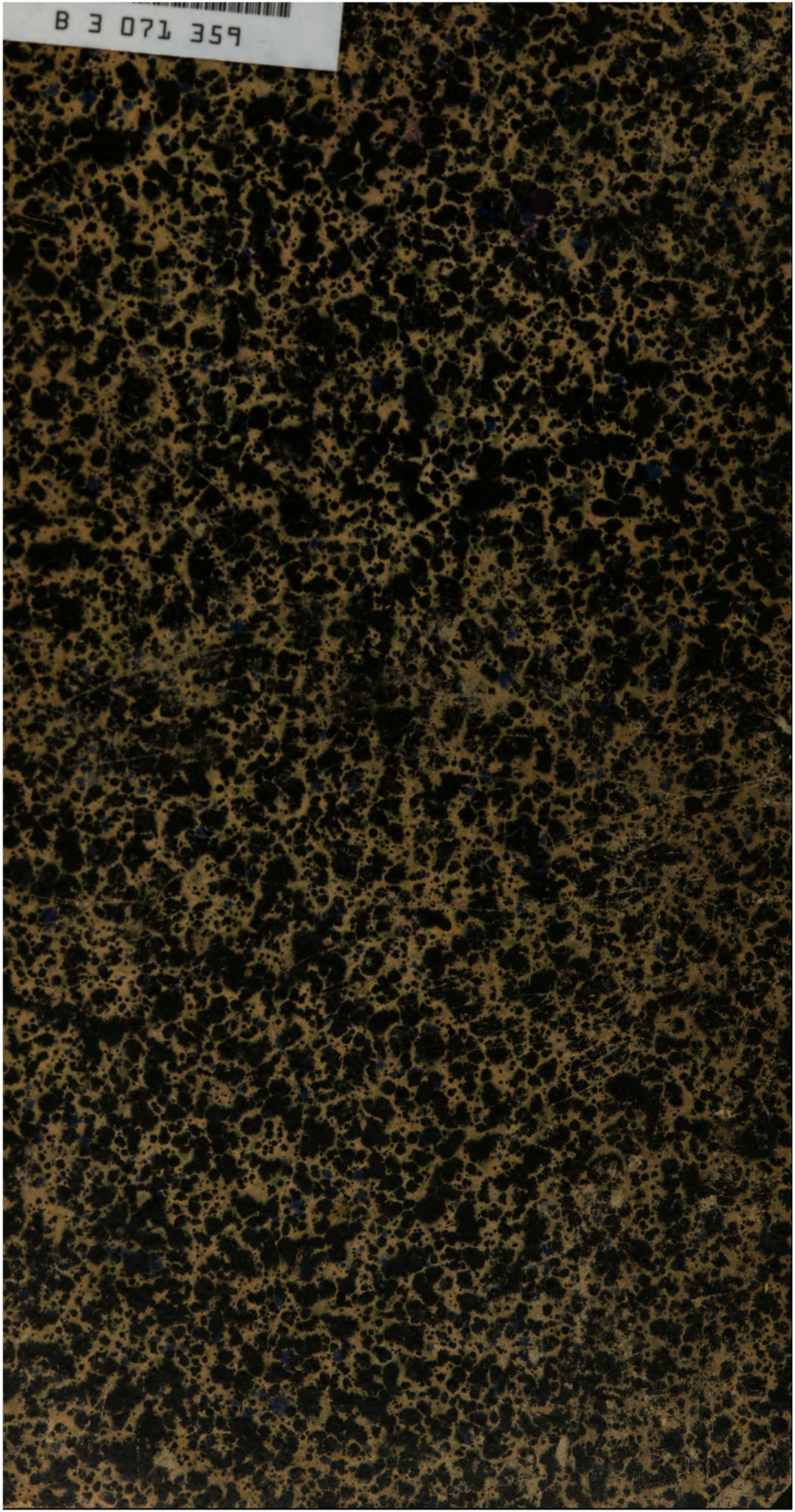
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

B 3 071 359

РЫБИЦКАЯ ЗЕМСКАЯ

1945 E

Шкафа № .....

Отдела № .....

Книги № .....

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

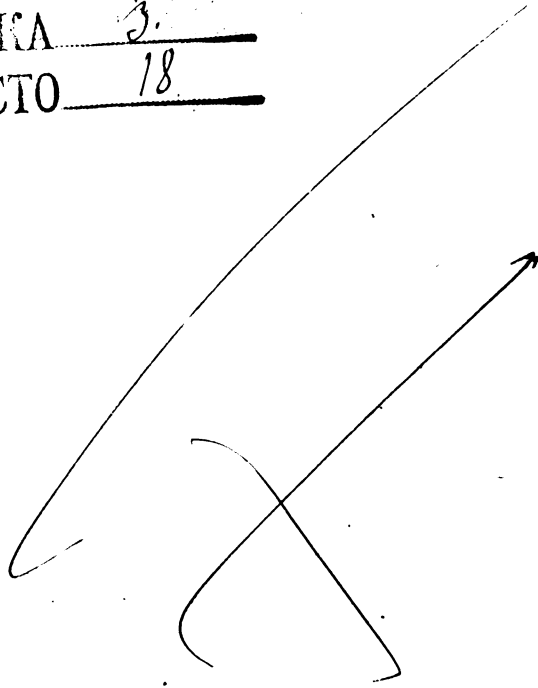
8/5-25
6/11

№ .....

ШКАФЪ 34

ПОЛКА 3

МѢСТО 18

1904.

05
0

ОБРАЗОВАНИЕ.

ІЮНЬ.

Гг. подписчики, пользующіеся разсрочкой платежа, приглашаются сдѣлать своевременно взносы, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

СОДЕРЖАНІЕ № 6.

	СТРАН.
ОТДѢЛЪ I.	
1. Музыканты. Разсказъ О. Безпалова	1— 29
2. * * * Стихотвореніе О. Боголюбовой	30
3. За свободу. Романъ Алоиза Ираска , перев. съ чешскаго. В. Южанина (Продолженіе)	31— 64
4. Госпожа нищета. Разсказъ З. Карево . (Продолженіе)	65— 83
5. * * * Стихотвореніе А. Лукьянова	83
6. Пѣсня волнъ. Стихотвореніе Д. Ц.	84
7. Тамъ, гдѣ кончается Висла. Повѣсть А. Грушецкаго , перев. съ польскаго А. Даманской (Продолженіе)	85 - 107
8. На чужбинѣ. Стихотвореніе Е. Чернобава	108
9. Кто былъ правъ? Повѣсть Л. Авиловой	109—145
10. Навсегда. Стихотвореніе Г. Галиной	146
11. Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффура , перев. съ франц. Е. С. (Продолженіе)	147—170
ОТДѢЛЪ II.	
12. Какъ живутъ японцы. О. Волькенштейнъ	1— 19
13. Джордано Бруно. Б. Куликова	20— 37
14. Душевная жизнь истеричныхъ и типы женской истеріи у русскіихъ писателей. Прив.-доц. В. Муратова	38— 66
15. Тридцатипятилѣтіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. И. Бѣлоконскаго	67—93
16. Къ исторіи сектантства. Назарены въ Венгріи и Сербіи В. Ольховскаго	94—126
ОТДѢЛЪ III.	
17. Задачи земской печати. (Изъ земской и городской жизни) Н. Юрданскаго	1— 19
18. ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ . Губернскія совѣщанія по пересмотру положенія о крестьянахъ.—„Гражданинъ“ объ уходѣ Д. Шипова .—Инцидентъ съ кн. Щербатовымъ въ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.—Статья „Московскихъ Вѣдомостей“: „Наши псевдонаучныя сѣзды“.—Искъ г. Британа къ д. с. с. Устругову .—Нѣсколько судебныхъ процессовъ и административныхъ распоряженій.—Происшествія въ Кронштадтѣ и Баку .—Журнальныя новости и послѣднія распоряженія по дѣламъ печати. В. Б.	20— 42

ХШ.

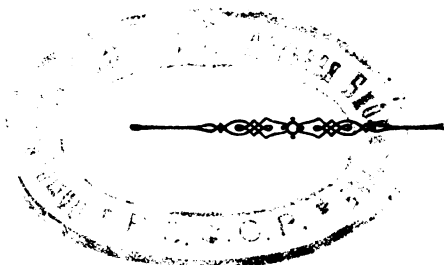
1904.

ОБРАЗОВАНИЕ

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ.

№ 6.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

Дозволено цензурою 17 іюня 1904 года.

LOAN STACK

L 51
O 35
v. 13:6

СОДЕРЖАНИЕ № 6.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
1. Музыканты. Разсказъ О. Безпалова	1— 29
2. * * * Стихотвореніе О. Боголюбовой	30
3. За свободу. Романъ Алоиза-Ираска , перев. съ чешскаго В. Южанина (Продолженіе)	31— 64
4. Госпожа нищета. Разсказъ З. Карев. (Продолженіе)	65— 83
5. * * * Стихотвореніе А. Лукьянова	83
6. Пѣсня волнъ. Стихотвореніе Д. Ц.	84
7. Тамъ, гдѣ кончается Висла. Повѣсть А. Грушецкаго , перев. съ польскаго А. Даманской. (Продолженіе)	85 —107
8. На чужбинѣ. Стихотвореніе Е. Чернобаева.	108
9. Кто былъ правъ? Повѣсть Л. Авиловой	109—145
10. Навсегда. Стихотвореніе Г. Галиной.	146
11. Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффура перев. съ франц. Е. С. (Продолженіе)	147—170

ОТДѢЛЪ II.

12. Какъ живутъ японцы. О. Волькенштейнъ	1— 19
13. Джордано Бруно. Б. Куликова.	20— 37
14. Душевная жизнь истеричныхъ и типы женской истеріи у русскихъ писателей. Прив.-доц. В. Муратова	38— 66
15. Тридцатипятилѣтіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. И. Бѣлконскаго	67— 93
16. Къ исторіи сектантства. Назарены въ Венгрии и Сербіи. В. Ольховскаго	94— 126

ОТДѢЛЪ III.

17. Задачи земской печати. (Изъ земской и городской жизни) Н. Юрданскаго	1— 19
18. ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ. Губернскія	

	совѣщанія по пересмотру положенія о крестьянахъ.—„Гражданинъ“ объ уходѣ Д. Шипова.—Инцидентъ съ кн. Щербатовымъ въ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.—Статья „Московскихъ Вѣдомостей“: „Наши псевдонаучные сѣвзды“.—Искъ г. Британа къ д. с. с. Устрогову.—Нѣсколько судебныхъ процессовъ и административныхъ распоряженій. Происшествія въ Кронштадтѣ и Баку. Журнальныя новости и послѣднія распоряженія по дѣламъ печати. В. Б.	20— 42
19.	РОДНЫЯ КАРТИНЫ. О г. Фаресовѣ и его дружбѣ съ покойниками. О дѣтскомъ трудѣ на сценѣ. Обь одесскихъ учителяхъ и обь одесской городской Управѣ. Обь инженерахъ—„манчжурцахъ“ и о скамьѣ подсудимыхъ. Мелочи. А. Яблоновскаго.	43— 67
20.	НА ЗАПАДѢ. (Изъ Германіи) Пасторъ Гере и его политическая карьера Г. Гроссмана	68— 86
21.	КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. 1. С. Елеонскій. Разказы. Н. Ашешова. 2. И. Новиковъ. Исканія. Сборникъ разказовъ О. Миртова. 3. К. Баранцевичъ. Свободные сны и др. разказы. А. Налимова. 4. В. Умановъ - Капчуновскій. Лучи и тѣни.— Н. Карповъ. Штрихи и блики.— Н. Клеменць. Грусть и смѣхъ.— А. Рокотковъ. Разказы и пѣсни о жизни. Л. В. 5. Зоя Бухарова. Стихотворенія Л. В. 6. П. Каленовъ. Атта Троль Гейне. П. Морозова. 7. И. Озеровъ. Изъ жизни труда П. Берлина. 8. Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи. 9. Г. Дюмоляръ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и социальномъ отношеніи. Вас. Сторожева. 10. Вѣстникъ психологій, криминальной антропологій и гипнотизма. № 1—3. П. Каптерева. 11. А. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному образованію Н. Чехова.	87—122
22.	Объявленія.	127—128

«Музыканты».

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ одинъ изъ юльскихъ вечеровъ 189... г., шумно разсѣкая бирюзовую гладь Чернаго моря и разбрасывая въ воздухъ клубы дыма, въ гавань Одессы входилъ пассажирскій пароходъ.

Море сверкало, переливалось миллионами трепещущихъ бликовъ и, мощно раскинувшись, убѣгало въ даль, окутанную мгlistою дымкою.

Впереди, на высокомъ берегу, смутно рисовались силуэты городскихъ зданій, напоминая собою стаю лебедей, дремавшихъ надъ необъятною равниною водъ.

Раздался могучій свистокъ и замеръ вдали мѣднымъ отголоскомъ.

Пароходъ вздрогнулъ, глубоко и шумно взрывая воду, медленно обошелъ флотилію мелкихъ судовъ, и тихо примкнулъ къ гранитному молу.

Загремѣли цѣпи; глухо шлепнулся якорь, взметнувъ цѣпный фонтанъ брызгъ; скрипнули сходни, и на пристань хлынула шумливая пестрая толпа пассажировъ. Поднялась обычная суматоха: замелькали носильщики, задребезжали экипажи. Надъ трюмомъ вздрогнулъ и зазвенѣлъ штегтель ¹⁾, извлекая изъ чернѣвшаго подъ нимъ жерла ящики и тюки багажа.

Какъ бы въ контрасть этой суетѣ, тутъ же, на набережной, вырисовывалась живописная группа турокъ-богомольцевъ; неподвижные, какъ изваянія, въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, они безстрастно оглядывали толпу, тихо и стройно напѣвая что-то въ родѣ: „Илля-илля-ха... Иль-алла!“...

¹⁾ Грузоподъемная машина.
1904 г. № 6. Отд. I.

Мало-по-малу толпа разсыпалась, утонувъ въ полумракѣ таявшихся къ городу улицъ; по одной изъ нихъ меторопливо шагала небольшая фигурка человѣка, покинувшего пароходъ въ числѣ прочихъ пассажировъ. Это былъ еще совсѣмъ юноша, почти мальчикъ; черты лица, кудреватые завитки на вискахъ и длиннополный кафтанъ свидѣтельствовали о его семитическомъ происхожденіи. Въ рукахъ его не было никакой поклажи, если не считать бѣленькаго холщеваго чехла, надъ которымъ торчалъ коонецъ смычка.

Путникъ смотрѣлъ на окружающее глазами, полными любопытства и изумленія. Скоро передъ нимъ выросъ почти отвѣсный скатъ, заросшій зеленью, прижавшей какой-то сказочный колоритъ, благодаря цѣпи электрическихъ фонарей, вспыхивавшихъ по его карнизу. Сверху доносились звуки музыки.

Путникъ направился къ наиболѣе ярко освѣщенному пункту. Вотъ онъ дошелъ до колоссальной мраморной лѣстницы, ведущей съ пристани на возвышенность, гдѣ собственно начинается городъ. Постоявъ нѣсколько въ раздумьи около нея, онъ, по примѣру сновавшихъ вокругъ пѣшеходовъ, также началъ подниматься вверхъ. На послѣдней ступени онъ оглянулся назадъ и замеръ отъ восхищенія.

Потемнѣвшее теперь, море утопало какъ бы въ какой-то бездонной глубинѣ, сливаясь вдаль съ небесами ошероватою бархатистою эмалью. Что-то живое, безгранично могучее чувствовалось въ этомъ величавомъ покоѣ царственной стихіи!.. Ближе чернѣли силуэты судовъ, напоминаая собою сказочныхъ чудовищъ съ огненными глазами и вытянутыми вверхъ лапами; порои оттуда неслись какъ бы глухіе вадихи и лягъ цѣпей. А надо всѣмъ этимъ крупными бриллиантами сверкали и переливались лучистыя звѣзды жужаго неба...

Путникъ обернулся къ городу; на него взглянули нѣмые ряды зданій, и ему сдѣлалось вдругъ какъ-то жутко; какое-то неясное предчувствіе сжало его сердце. Онъ вадихнулъ, оглядѣлся вокругъ и, крѣпче натянувъ картузъ, зашагалъ по набережной въ городъ, откуда, навстрѣчу ему, неся глухой подавленный рокотъ. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ больше приходилъ въ изумленіе. Невиданныя имъ доселѣ монументальныя постройки, яркое освѣщеніе оконъ и витринъ, пестрота вывѣсокъ и шумно двигавшаяся и колыхавшаяся толпа прозвѣли на него одурающее впечатлѣ-

нѣ; онъ чувствовалъ себя затерявшимся въ какомъ-то огромномъ водоворотѣ и шель, повинаясь инерціи этого смутнаго движенія. Вскорѣ, однако, томительное ощущеніе около сердца напомнило ему, что онъ голоденъ; онъ оцупаль карманъ; тамъ было нѣсколько мѣдныхъ монетъ; тогда онъ зашелъ въ подвернувшуюся на пути булочную, купилъ бѣлый пятикопеечный хлѣбъ и, сумувъ его за пазуху, рѣшилъ возвратиться на набережную, гдѣ было не такъ многолюдно и шумно. Пройдя нѣсколько кварталовъ и увидя паркъ, въ ворота котораго по-временамъ безпрепятственно входила и выходила публика, онъ постоялъ у калитки и, затѣмъ, примкнувъ къ группѣ молодыхъ людей, прошелъ внутрь. Тамъ было тихо и почти пустынно, только кой гдѣ виднѣлись запоздавшія парочки, раздавался серебристый женскій смѣхъ, а еще далѣе, за сплошною стѣною зелени, хлопали пробки.

Путникъ выбралъ себѣ укромное мѣстечко и, усѣвшись на скамью, принялся за уничтоженіе купленнаго хлѣба.

Публика приходила и уходила; временами вовсе никого не было, и тогда на освѣщенномъ электричествомъ, какъ бы поблѣвшемъ, пескѣ аллеи дрожали узорныя тѣни листы.

Городской гулъ смягчался и замиралъ. Въ воздухѣ вѣяли свѣжесть и прохлада ночи.

Глаза путника начали смыкаться; онъ сумувъ скрипку подъ полу кафтана и, растянувшись на скамьѣ, уснулъ глубокимъ безмятежнымъ сномъ юности, держа въ рукѣ закушенный кусокъ хлѣба.

II.

Кто былъ этотъ юноша, и зачѣмъ онъ очутился въ этомъ, незнакомомъ ему, городѣ безъ друзей и знакомыхъ и почти безъ копейки денегъ?

Онъ пришелъ за славой,

Исаакъ Данишевскій,—такъ звали юношу,—родомъ изъ небольшого захолустнаго городка, былъ сыномъ когда-то зажиточнаго, но подъ конецъ жизни разорившагося еврей-коммерсанта.

Дѣтство Исаака протекло въ невѣжественной фанатической средѣ хасидовъ¹⁾, въ сферѣ мелкихъ коммерческихъ

¹⁾ Еврейская секта.

и узко-религиозныхъ интересовъ. До четырнадцати лѣтъ онъ посѣщаль хедеръ ¹⁾, изучая древне-еврейскій языкъ и неуловимыя тонкости талмудической мудрости, затѣмъ странно какъ-то охладѣлъ ко всему этому и, превратившись послѣ смерти матери изъ рѣзваго неугомоннаго мальчика въ мечтательнаго юношу, пристрастился къ скрипкѣ, подаренной ему кѣмъ-то изъ родныхъ еще въ дѣтствѣ. Способностями музыкальными онъ обладалъ, повидимому, замѣчательными, однако, никто этому не придавалъ серьезнаго значенія; наоборотъ—музыкальное увлеченіе Исаака приписывалось его бездѣятельности и лѣности. Первое было почти справедливо, потому что, несмотря на примѣръ отца, братьевъ и большинства знакомыхъ, принадлежавшихъ къ коммерческой части населенія городка, она не чувствовала ни малѣйшаго влеченія къ ихъ дѣятельности; однако, едва ли это происходило отъ лѣности; вѣрнѣе—онъ искалъ труда, но не находилъ его, такъ какъ то, чѣмъ занимались его родители, казалось ему чѣмъ-то безжизненно-однообразнымъ, томительно-скучнымъ и даже жестокимъ по отношенію къ бѣднякамъ, жизнь которыхъ всегда привлекала его вниманіе. Онъ имѣлъ ту удивительно-чуткую организацію, обладатели которой какъ-то инстинктивно угадываютъ всякую несправедливость житейскихъ отношеній. Избѣгая быть въ лавкѣ отца, онъ предпочиталъ удаляться куда-нибудь за городъ на цѣлые дни; тамъ онъ извлекалъ изъ своей скрипки то томительно-жгучіе, то задумчивые звуки, уносившіе его воображеніе въ какія-то невѣдомыя, таинственно-прекрасныя дали. Онъ не любилъ играть общеизвѣстные мотивы; скрипка его, обыкновенно, говорила что-то другое, вытекавшее изъ настроенія его души.

Необыкновенно впечатлительный и какъ-то болѣзненно-отзывчивый, Исаакъ не могъ равнодушно видѣть страданія, хотя-бы носителемъ такового было самое микроскопическое изъ существъ, одаренныхъ жизнью, за что нерѣдко и подвергался насмѣшкамъ со стороны своихъ товарищей. Заброшенные щенки, искалѣченные или выпавшіе изъ гнѣздъ птенцы находили въ немъ заботливаго и терпѣливаго покровителя; онъ пряталъ ихъ въ укромные уголки и выкармливалъ тамъ до возраста, или выздоровленія.

Въ семьѣ Данишевскихъ цариль разладъ, вслѣдствіе вторичной женитьбы главы ея, уже въ преклонномъ воз-

¹⁾ Низшая еврейская школа.

раствѣ, на молодой красивой дѣвушкѣ, сумѣвшей затѣмъ всецѣло подчинить его своему вліянію; она вооружила его противъ дѣтей, разорила, тайно переводя на свое имя значительныя суммы денегъ, и, наконецъ, скрылась, оставивъ мужа въ бѣдѣности и на одрѣ болѣзни. Самую болѣзнь его народная молва приписывала результатамъ ея таинственныхъ сношеній со всевозможными знахарями и ворожеями, съ которыми она нерѣдко и подолгу запиралась въ своихъ апартаментахъ. Среди забытыхъ ею вещей найдены были какіе-то загадочные амулеты и неизвѣстныя снадобья. Однако, благодаря этимъ-то семейнымъ неурядицамъ, Исаакъ и могъ безпрепятственно предаваться своему излюбленному занятію—игрѣ на скрипкѣ,—и хотя посѣщаль еще хедеръ, но, въ общемъ, пользовался значительною свободою. Онъ подружился со многими русскими мальчиками, пріѣзжавшими въ городокъ на каникулы. Ихъ рассказы будили его врожденную любознательность, а мечтательный умъ создавалъ фантастическія картины будущаго, тревожившія его воображеніе причудливостью и неоконченностью очертаній.

Изучивъ подѣ руководствомъ своихъ друзей русскую грамоту, онъ набросился на книги; умственный кругозоръ его расширился; ему сдѣлалось тѣсно и душно въ стѣнахъ родительскаго дома; мечты о какой-то иной жизни, непохожей на окружающую, все болѣе и болѣе заполоняли его воображеніе; наконецъ, и стремленія къ чему-то, вначалѣ смутныя, необъяснимыя, принимали болѣе отчетливыя очертанія и выливались въ опредѣленный, какъ казалось ему, идеаль: онъ рѣшилъ сдѣлаться „знаменитымъ“ музыкантомъ. Хедеръ, разузнется, былъ заброшенъ.

Отецъ уже не могъ заниматься Исаакомъ, такъ какъ лежалъ на одрѣ болѣзни, замѣтно угасая отъ тоски по любимой женщинѣ и дѣловыхъ огорченій; вскорѣ онъ умеръ. Кой какое имущество, оставшееся послѣ его смерти,—между прочимъ, старый домъ,—два старшіе брата Исаака подѣлили между собою; самого-же Исаака еще разъ попытались посадить за прилавокъ, но попрежнему безуспѣшно. Тогда они задержали у себя „на храненіе“ и ту незначительную долю наслѣдства, которая причиталась ему, и, въ общемъ, махнули на него рукою.

Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ и имѣя въ карманѣ около трехъ рублей денегъ, а на плечахъ полный національный костюмъ до лапсердака включительно, Исаакъ безъ сожалѣнія покинулъ родной городокъ и направился въ Одессу. Кипучая жизнь этого города обыкновенно

привлекаетъ къ себѣ юное еврейское поколѣніе, вырастающее изъ предѣловъ религіозной и національной нетерпимости хасидизма.

Однако, опредѣленнаго плана на дальнѣйшее въ умѣ Исаака не имѣлось.

„Тамъ“,—думалъ онъ,—„тамъ—все!“—чѣмъ и ограничивался пока, возлагая надежды на провидѣніе.

III.

Исаакъ спалъ, и сквозь сонъ чувствовалъ, какъ что-то горячее, ласкающее заливаетъ его лицо и щекочетъ рѣсницы. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ собою ярко пылающее солнце... Гдѣ-то вблизи раздавался неумолкаемый грохотъ и гулъ.

Очнувшись окончательно, Исаакъ, къ ужасу своему, не нашелъ возлѣ себя скрипки.

Въ паркѣ было такъ-же пустынно, какъ и вчера, однако, ясно было, что инструментъ кѣмъ-то похищенъ. Юный музыкантъ безслѣдно опустился на скамью. Съ исчезновеніемъ скрипки исчезала и всякая надежда на возможность какъ-нибудь пробиться въ этомъ шумномъ незнакомомъ городѣ до болѣе благоприятныхъ дней. Оставалось: или безцѣльно блуждать по городу и умереть съ голода, или возвратиться на родину.

Объжавъ всѣ аллеи и никого не встрѣтивъ, Исаакъ вышелъ на улицу и скоро очутился на набережной. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, тамъ уже не было ничего фантастическаго. Гранитная набережная была пустынна и, отражая солнечные лучи, вспыхивала искристыми бликами. По бульвару тянулись одинокіе бѣлешкіе столики. Изъ павильона, гдѣ вчера гремѣла музыка, выглядывала какая-то заспанная физиономія, а на ступеняхъ колоссальной лѣстницы, сидя и полулежа, дремали какія-то смуглыя фигуры въ красныхъ фескахъ. Ниже—безпорядочно толпились сѣроватыя каменные постройки, а дальше, на спокойной поверхности моря, неподвижно висѣли паруса мелкихъ судовъ, чернѣли мачты и трубы пароходовъ; но уже ничего величественнаго и подавляющаго въ этой картинѣ не было; самые пароходы не выглядѣли, какъ вчера, какими-то чудовищами, напоминая теперь скорѣе стаю плавающихъ диллипутовъ, пріютившихся подъ берегомъ на атласной поверхности моря.

Исаакъ задумался. Положеніе его, осложненное утратою инструмента, казалось ему безвыходнымъ. Денегъ почти не

было, не было и паспорта, между тѣмъ отсутствіе этого документа исключало возможность имѣть даже пріютъ для ночлега.

Переочевавъ вторую ночь на бульварѣ, въ кустахъ, на утро онъ снова отправился въ городъ, надѣясь найти какое-нибудь занятіе; съ этою цѣлью онъ заходилъ въ магазины, но тамъ ему сурово отказывали.

Такъ прошло нѣсколько дней! Положеніе Исаака принимало все болѣе и болѣе угрожающій оборотъ. Въ магазины онъ уже не рѣшался заходить и даже избѣгалъ болѣе шумныхъ улицъ, замѣтивъ, что его юная фizioномія, украшенная пейсами и увѣчанная ермолкою, привлекала довольно обидное вниманіе встрѣчныхъ; даже евреи, въ большинствѣ одѣтые по-европейски, провожали его насмѣшливыми улыбками и замѣчаніями. Къ этому присоединился голодъ, мучительный голодъ, подобнаго которому онъ никогда не испытывалъ: во рту горѣло, животь какъ-бы запекался, а сердце било страшную тревогу.

Исаакъ похудѣлъ и, какъ тѣнь, бредя по городскимъ улицамъ, жадно озиралъ выставленные въ лавкахъ съѣстные припасы. Иногда онъ по цѣлымъ часамъ простаивалъ у окошъ булочныхъ, вдыхая аромать свѣже-испеченнаго хлѣба и, къ собственному удивленію, замѣчалъ, что это на нѣкоторое время притупляло его голодъ.

Возвращаясь по набережной на ночлегъ, Исаакъ часто встрѣчалъ какого-то рыжего малаго приблизительно своего-же возраста, съ вѣчно ослабленными зубами и воровато бѣгающими бойкими глазами. Одѣтъ этотъ послѣдній былъ не менѣе оригинально, чѣмъ Исаакъ, хотя совершенно въ иномъ родѣ: вмѣсто рубахи на немъ были натянуть обыкновенный мѣшокъ съ отверстіями для головы и рукъ, заправленный въ удивительно короткія панталоны, между тѣмъ какъ на ногахъ красовались громадѣйшія опорки, въ которыя, по его собственному выраженію, онъ могъ спрятать— „все!“.

Лукавая и довольно цвѣтущая фizioномія этого своеобразнаго обитателя набережной при видѣ Исаака обыкновенно кривилась въ саркастическую усмѣшку; при чемъ онъ не упускалъ случая отпустить по его адресу весьма недвусмысленное замѣчаніе, приправленное отборною бранью.

Сначала онъ задиралъ Исаака только словами, но однажды вечеромъ, столкнувшись съ нимъ носъ къ носу на лѣстницѣ, далъ ему тумака и больно ущипнулъ за пейсы.

Исаакъ хотѣлъ стусеваться и скрыться въ народѣ, но

малый ухватилъ его за фалду кафтана и, осматривая вызывающе-смѣющимися глазами, не отпускалъ отъ себя.

— Стой, чортово сѣмя!.. Ну, братъ, хо-рошъ... И на кой лядъ ты этакъ обрядился?.. Вотъ—жидъ!.. хха-ха-ха...—говорилъ онъ, уже отпустивъ фалду и засунувъ руки въ карманы штатовъ, отчего гачи ихъ поднимались выше колѣвъ, обнажая тощія кривыя ноги.

— Мычки - то, мычки!..—кивалъ онъ на пейсы Исаака, восторженно хихикая.—Дайка я посмотрю, не приставыня-ли...—И опять больно дернулъ его за пейсъ.

— Отстань... Пусти!..—просилъ Исаакъ.

— А морда то... нуу!—продолжалъ издѣваться малый.—А и жрать же ты хочешь!—перешелъ онъ вдругъ къ другой темѣ, пристально взглянувъ въ черты Исаака.—И вижу, что дуракъ...—укоризненно заключилъ онъ затѣмъ.—Вишь, рыло-то... Скоро языкъ высунешь... А у меня, братъ, — вотъ!—И вытащивъ изъ одного кармана сушеную рыбу, а изъ другого—кусокъ бѣлаго хлѣба, торжествуя сунулъ все это къ носу Исаака.

Послѣдній застычиво отвернулся, стараясь не смотрѣть на соблазнительные предметы.

— На!—лаконически предложилъ малый, протягивая ему припасы.

Исаакъ робко взялъ и уже торопливо принялся за уничтоженіе ихъ, думая про себя, что „онъ—ничего все таки; хотя и дерется, а вотъ... добрый!“

Слушай,—заговорилъ малый,—хочешь—будутъ дѣмьги?.. На кой чортъ тебѣ эта жидовская шкура!.. Видишь, какъ я—и тепло, и свободно... Ты, братъ, я вижу—тоже кадетъ ¹⁾, только глупъ, а я... ну я... я, братъ, со-всѣмъ другое дѣло!—съ гордостью заключилъ онъ.

— Такъ и есть... англицкій мартерьялъ, хха-ха!—продолжалъ онъ, изслѣдуя его кафтанъ.—Айда!.. Ну чего еще!?!—уже грозно равкнулъ онъ, видя нерѣшительность Исаака.—А таранъ, жидище поганый, а булка?.. Обожралъ человѣка, да и дѣло съ концомъ? Нѣтъ, шалишь,—айда!

Исаакъ повиновался. И они направились къ базару, гдѣ, по настоянію Магика, какъ рекомендовалъ себя дорогою малый, Исаакъ обмѣнялъ свой еврейскій костюмъ на старенькую ситцевую рубашку съ тридцатью копейками на придачу.

Магикъ испытующе осмотрѣлъ Исаака и, повидимому, остался доволенъ.

— Ну вотъ, теперъ на человѣка похожъ,—заявилъ онъ.

¹⁾ Бродяга, босаягъ.

А то... тьфу! Чай, тебѣ собаки всѣ пятки объѣли?.. Вотъ еще только бы это...—уже горестно какъ-то ткнулъ онъ Исаака въ пейсы.—А впрочемъ...—И, схвативъ лежавшія на прилавкѣ ножницы, двумя взмахами остригъ кудрявые завитки, висѣвшіе на вискахъ Исаака.

Исаакъ, не ожидавшій ничего подобнаго, испуганно отшатнулся, однако, проводивъ глазами пущенные Магикомъ по вѣтру завитки, улынулся и облегченно вздохнулъ.

— Тб-то!—строго замѣтилъ босякъ.—А вотъ ты красть не умѣешь!—съ снисходительнымъ сожалѣніемъ и какъ бы вдохновившись, началъ онъ, когда они покинули базаръ.

— Красть?..—медовѣрчиво протянулъ Исаакъ.

— Ну да, красть! Что ты шары-то выпятилъ? Хуже я тебя, по твоему, а?.. Ну скажи—хуже?

— Я еще не пробовалъ...—созмался Исаакъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Сдыхать, значить, собираешься?.. Ну такъ... воруй! У меня, братъ, каждый день—селедка, колбаса... все, что захочу!

— Ну, а какъ же, если...

— Ну, а е-сли!..—передразнилъ Магикъ.—А ты не нарываешься... А хоть и если, такъ и то не велика важность... Видѣлъ, какъ я тебя давеча?.. Ххе-хе-хе... Ну вотъ это самое и получишь!.. Хха-ха-ха...

— Больно...

— Не разсыплешься!.. Брюхо-то, вѣдь, дороже шеи.. Всѣ воруютъ!.. А я братъ, сейчасъ дерябну... давако, што у тебя тамъ... Хочешь со мной?

Магикъ безъ церемоніи залѣзъ Исааку въ карманъ и, пересчитавъ найденныя тамъ деньги, отложилъ ему десять копеекъ.

— Вотъ тебѣ на первый случай... Больше тебѣ не нужно. Видишь, какой я человекъ? Другой бы... ну, другой бы тебѣ и по-ню-хатъ не далъ! А я, братъ... Я, братъ, жалостливый!.. Да. Ну—пшелъ! Да помни и дѣйствуй!..

И, зажавъ деньги въ кулакъ, Магикъ весело ухмыльнулся и въ припрыжку помчался по набережной, громыхая по грагиту опорками.

IV.

А Исаакъ на другой день шагаль по дорогѣ къ родному мѣстечку, въ надеждѣ добыть тамъ паспортъ и тогда уже снова кинуться въ водоворотъ, такъ меласково встрѣ-

тившаго его, города. До цѣли путешествія ему необходимо было пройти верстъ семьдесятъ; путь это онъ совершилъ въ два дня и, явившись въ квартиру своего старшаго брата Рувима, засталъ его въ обществѣ нѣсколькихъ человѣкъ родныхъ и знакомыхъ, собравшихся къ нему по случаю Субботы. Они сидѣли вокругъ стола, уставленнаго праздничными кушаньями, и тянули какой-то безконечно-скорбный напѣвъ.

Проговоривъ обычное привѣтствіе, Исаакъ подошелъ къ Рувиму.

Послѣдній изумленно отшатнулся, значительно переглянувшись съ собесѣдниками.

Все это были хасиды, а потому наружность Исаака, лишенная пейсовъ, и отсутствіе національнаго костюма произвели на нихъ ошеломляющее впечатлѣніе.

— Что тебѣ нужно? — сурово спросилъ его Рувимъ послѣ нѣкотораго молчанія, и въ глазахъ его заиграло выраженіе холодности и сдержаннаго любопытства.

— Я потерялъ скрипку...—объяснилъ Исаакъ.

„Онъ потерялъ скрипку!“ — казалось, хотѣлъ сказать въ свою очередь Рувимъ, изумленно поднявъ кверху указательный палецъ и снова вопросительно обернувшись къ собесѣдникамъ.

— Что же ты отъ меня хочешь?—продолжалъ онъ затѣмъ.

— Ты не бойся, Рувимъ!—торопился объяснить Исаакъ.— Мнѣ нуженъ только паспортъ. Я хочу попросить...

— Значить, ты опять хочешь туда?

— Ну да!.. Вѣдь, вы сами знаете, что я не гожусь для васъ?.. Я ничего не умѣю... Я даже считать не умѣю!—горячо заговорилъ Исаакъ.

Послышался сдержанный смѣхъ.

— Онъ считать не умѣеть!—иронически повторилъ кто то.

— Онъ хочетъ быть гоемъ,—крикнулъ Рувимъ.

— Но онъ уже го-ой!—поддержалъ старый еврей съ длинною раздвоившеюся бородою и трясущеюся отъ старости головою.

Гости шумно заговорили.

Послѣ нѣкотораго какъ бы совѣщанія Рувимъ снова обратился къ Исааку.

— Ицхокъ! ¹⁾—торжественно началъ онъ.—Хотя мнѣ и

¹⁾ Др.-евр.—Исаакъ.

стыдно видѣть тебя въ такомъ положеніи, послѣ всего того, что съ тобою было тамъ...—Рувимъ неопредѣленно махнулъ рукою.—Ты, навѣрно, пытался на тrefной кухнѣ, ты... Но изъ уваженія къ памяти отца... Ты знаешь, кто былъ твой отецъ?.. Онъ былъ благочестивый хасидъ и честный коммерсантъ... и жертвовалъ на Палестину!... Изъ уваженія къ его памяти я забуду все это, — поступай въ лавку... Придетъ время — прійдетъ какой нибудь еврей, возьметъ тебя въ жемихи и дастъ хорошее приданое... Понимаешь? Ты будешь имѣть собственную коммерцію!

Исаакъ болѣзненно улыбнулся и попытался возразить.

— Стой!—перебилъ его Рувимъ, при чемъ глаза его заблестѣли фанатическою ненавистью.—Если же ты не захочешь послѣдовать моему совѣту... совѣту всѣхъ ихъ,—кивнулъ онъ на гостей,—не выкинешь изъ головы своихъ глупыхъ затѣй,—ты не получишь паспорта—мы объ этомъ позаботимся—и умрешь съ голода, потому что ни одинъ честный еврей не дастъ тебѣ ни крова, ни пищи!..

Рувимъ умолкъ, наблюдая эффектъ, произведенный его словами.

Лицо Исаака сдѣлалось еще болѣе грустнымъ; онъ стоялъ немного въ раздумьи; затѣмъ взглянулъ на судилище уже холодно-неопредѣленными глазами и, не сказавъ больше ни слова, повернулся и вышелъ.

Позади раздался неодобрительный гулъ.

Теперь Исаакъ направился къ другому брату—Нухиму, жившему на самой окраинѣ города. Это былъ человѣкъ бѣдный, болѣзненный и притомъ обремененный многочисленною семьею, однако, онъ согласился все таки временно пріютить Исаака, съ условіемъ, чтобы послѣдній ничего отъ него не просилъ и жилъ не въ домѣ, а въ одной изъ надворныхъ построекъ.

— Пхе... — брезгливо говорилъ онъ.—И кто подумаетъ, что ты сынъ такого отца?.. Лучше бы тебѣ не родиться!

Исаакъ молчалъ, мысленно соглашаясь съ подобнымъ заключеніемъ.

Ему было отведено довольно удивительное сооруженіе.

Это былъ неоконченный срубъ когда-то начатаго домика, доведенный только до уровня верхней части единственнаго окна; позже, это отверстие было заколочено досками, и срубъ сталъ служить сорнымъ ящикомъ, содержимое котораго не вывозилось и, слежавшись, почти достигло нижней части окна. Впослѣдствіи надъ срубомъ сдѣлали крышу, обративъ его въ курятникъ.

Занявъ это логовище, Исаакъ вбилъ въ рыхлую почву четыре кола и, наложивъ на нихъ доски, устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ койки; затѣмъ обошелъ всѣхъ своихъ родныхъ; его встрѣчали съ недоумѣніемъ и опасливостью; это отбило у него охоту посѣщать ихъ, и онъ превратился въ отшельника.

Такъ прошла недѣля, другая, а за нею потянулись и мѣсяцы. Люди какъ бы забыли о существованіи Исаака,—никто не шелъ къ нему. Только Нухимъ изрѣдка присылалъ еще ему кусокъ хлѣба. Сначала Исаакъ не придавалъ этому особеннаго значенія, надѣясь, что современемъ ему всетаки дадутъ паспортъ, и только тоска о скрипкѣ больно щемила его сердце; къ тому же онъ уже не чувствовалъ себя одинокимъ, открывъ внутри сруба довольно своеобразное населеніе: у ногъ его шмыряли и пищали крысы и мыши,—сначала онѣ смущали его, но потомъ превратились въ его друзей; на стѣнахъ всегда можно было открыть цѣлыя коллекціи насѣкомыхъ; науки оплели всѣ углы его кровати, въ почвѣ слышался постоянный легкій шелестъ—тамъ тоже была какая-то жизнь.

Однако, ожиданія Исаака были напрасны. Изъ Управы, куда онъ, было, явился съ требованіемъ паспорта, его прямо таки выгнали. Рувимъ не хотѣлъ его видѣть.

Тихое отчаяніе овладѣло душою Исаака, смѣшившееся затѣмъ состояніемъ равнодушія и безразличной апатіи. Вскорѣ онъ какъ бы забылъ вовсе о цѣли, для которой возвратился на родину. Одичавшій и какъ бы отупѣвшій, теперь онъ былъ всецѣло поглощенъ заботами о пропитаніи. Видъ хлѣба приводилъ его въ состояние экстаза.

„Боже мой, сколько хлѣба!..“—думалъ онъ въ такихъ случаяхъ и замиралъ въ блаженномъ созерцааніи.

Костюмъ его истрепался, лицо осумулось, только глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ затаенной гдѣ-то внутри полубеасознательной энергіи и упорства.

Ночью, когда весь городъ мирно погружался въ сонъ, Исаакъ бродилъ по пустыннымъ улицамъ, стараясь представить себѣ ихъ дневное оживленіе; затѣмъ пробирался на огороды и копалъ тамъ картофель, служившій ему главнѣйшею пищею.

Когда же звѣзды потухали, востокъ блѣднѣлъ и окрашивался багрянцемъ зари, онъ неслышно, какъ призракъ, скользилъ обратно, разводилъ въ устроенной имъ самимъ печкѣ огонь и варилъ свою добычу, а затѣмъ засыпалъ, или погружался въ обычное теперь для него состояніе безразличной апатіи и равнодушія.

Порою въ его отуманенную мысль неожиданно врываются плѣнительныя грезы; воображеніе начинало усиленно работать. Грязныя мокрыя стѣны сруба ступевывались, смѣняясь бѣлоснѣжными коллоадами фантастическихъ дворцовъ, залитыхъ ослѣпительнымъ сіяніемъ солнца... гдѣ-то плескались и сверкали миллионами отблесковъ бирюзовыя волны убѣгавшаго въ необозримую даль моря; въ воздухѣ чувствовался ароматъ цвѣтовъ, разбросанныхъ на изумрудномъ коврѣ неувядающей зелени... Очаровательныя феи, облеченыя въ прозрачныя туники, держали въ рукахъ вѣнки и, кѣжно улыбаясь Исааку, готовились возложить ихъ на него... Чувствовались какая-то кѣга... истома... блаженство...

А мыши попрежнему метались и пищали подѣ койкою, мокрицы грузно шлепались со стѣнъ, и въ почвѣ что-то шелестѣло и шевелилось...

Временами же, наоборотъ, въ немъ снова закипало отчаяніе, и тогда хмурныя стѣны сруба оглашались глухими истерическими рыданіями. Онъ бился головою о койку, впиался себѣ пальцами въ грудь, какъ бы желая разорвать ее, и, наконецъ, обезсилѣнный, падалъ на свое жесткое ложе и лежалъ на немъ безъ движенія.

Солнце совершало свой суточный оборотъ, достигало зенита и, склоняясь къ западу, золотило стѣны этого логовища, а Исаакъ все лежалъ и лежалъ.

Крысы безпрепятственно пробѣгали по его ногамъ, прыгали внизъ, заводили драки, пауки разстилали надъ его головою тенета... И полумракъ дрожалъ и клубился въ пропитанномъ миазмами воздухѣ, какъ бы обнимая таинственными чарами это заброшенное жилище заброшеннаго человѣка.

V.

Была тихая лунная ночь. Городокъ спалъ, замороженный мягко трепетавшею надъ нимъ дымкою полумрака. Сады приняли смутныя загадочныя очертанія, и только стройныхъ тополей возвышались надъ ними отчетливо обрисованными серебрястыми купами. Небо синее-синее, казалось, беззвучно придвинулось къ землѣ и задумчиво-пристально вглядывалось въ нее мириадами звѣздъ, увѣчаныхъ радужными ореолами. Всюду было пустынно и тихо, но тишина эта была полна недоговоренныхъ, едва уловимыхъ звуковъ.

Какой-то одинокій путникъ, съ котомкою за плечами и

длинною, некрашеною палкою въ рукѣ, шагаль по желѣзно-дорожной линіи по направленію къ городку.

— Хорошо... Чертовски хорошо!—бормоталь онъ вполголоса, вглядываясь въ звѣздное небо, и уже мысленно продолжалъ:— въ особенности для человѣка, любящаго пофилософствовать и помечтать... притомъ же на тощій желудокъ...

Дойдя до первыхъ строеній, путникъ сошелъ съ дороги присѣлъ на холмикъ около канавки, затѣмъ досталь изъ-за голенища маленькую трубочку, набилъ ее табакомъ, закурилъ и задумался.

Въ это время до его слуха донеслись какіе-то странныя звуки, не то плачь ночной птицы, не то подавленные рыданія человѣка.

Путникъ съ любопытствомъ повелъ глазами и прислушался.

Звуки на мгновеніе замирали и снова возникали съ удвоенною силою.

Незнакомецъ оглянулся въ ту сторону, откуда доносились звуки, и проговорилъ:— Такъ... совершенно естественно хибарка, болѣе чѣмъ на курьихъ ножкахъ и... мелодія, вполнѣ достойная обстановки... Вотъ и ночлегъ! Я думаю, тамъ меня вовсе не ожидаютъ,—тѣмъ пріятнѣе.

Незнакомецъ вскочилъ на ноги, подошелъ къ избушкѣ и, не найдя окна, стукнулъ палкою въ дверь.

— Эй, кто тамъ... впустите!—крикнуль онъ.

Внутри раздался шорохъ; дверь приотворилась, и въ образовавшемся отверстіи обрисовалась блѣдая, измятая и всклокоченная фізіономія Исаака.

Съ минуту какъ онъ, такъ и путникъ пристально разглядывали другъ друга.

— Ха-ха-ха!..—добродушно засмѣялся вдругъ незнакомецъ, хлопнувъ Исаака по плечу.—Руку! Если бы я цѣлую ночь скитался по городу, я не нашель бы болѣе уютнаго очага для ночлега и болѣе достойнаго товарища для дружеской бесѣды. Посторонись же, коллега!.. И не воображай, что я—привидѣніе, вызванное твоими воплями съ того свѣта... Ты, быть можетъ, оплакивалъ невѣсту, друга?.. Въ такомъ случаѣ, ты лгаль передъ самимъ собою, находясь, быть можетъ, подъ вліяніемъ аффекта, какъ говорятъ ученые,—ничего подобнаго у тебя быть не можетъ и... въ этомъ ты можешь вполнѣ положить на мое слово!.. Да. Очень естественно, что ты не зажигаешь огня, принимая гостя, такъ какъ подобная роскошь въ твоего бюджета. Я уважаю

твою скромность и... Раствори же, по крайней мѣрѣ, хоть дверь!.. Такъ. Кто ты?

— Я...—запнулся Исаакъ и закончилъ,—еврей.

— Или жидъ, какъ говорится въ просторѣчьи... Это еще болѣе придаетъ смысла нашей встрѣчѣ и союзу, который мы, безъ сомнѣнія, заключимъ. Почему ты не находишься въ кругу твоей семьи, почему не спишь на ложѣ, болѣе достойномъ мирнаго обывателя мирнаго городка, окруженный благоразумно заготовленнымъ скарбомъ?.. Однимъ словомъ, на основаніи чего я вижу тебя въ одиночествѣ и въ такомъ удивительномъ шалашѣ?

— Я... учусь...—тихо произнесъ Исаакъ, апатично уже разглядывая страннаго незнакомца.

— Чему?—продолжалъ послѣдній, испытующе зорко разсматривая Исаака.

— То есть я... хотѣлъ учиться...—поправился онъ.

— Это справедливо... и даже болѣе, чѣмъ первое,—огласился незнакомецъ.—Съ этого тебѣ и слѣдовало бы начинать... Но ты не можешь учиться.. ибо, насколько мнѣ извѣстно, ни одна школа, хотя бы даже и еврейская, не потерпитъ въ своихъ стѣнахъ фигуры, облаченной въ такія царственныя лохмотья!

Исаакъ застѣнчиво запахнулъ остатки кафтана, подареннаго ему, за негодностью, Нухимомъ.

— Чему же ты хочешь учиться?

— Я?.. Я—скрипачъ... на скрипкѣ... Я хочу быть музыкантомъ!—заволновался вдругъ Исаакъ, какъ бы неожиданно вспомнивъ о чемъ-то.

— О—о!.. Ты меня вдвойнѣ интересуешь... какъ соночлежничъ и какъ... да-а. Но объ этомъ—послѣ. Гдѣ же мнѣ лечь?.. Вездѣ?.. Превосходно! Я большого и не ожидалъ... Теперь—адью, ибо страшно усталъ, несмотря на то, что совершилъ путешествіе по желѣзному пути... Очевидно, и онъ имѣетъ свои неудобства...

Незнакомецъ растянулъ тонкій кожаный поясъ, сбросилъ на землю пиджакъ и, оставшись въ ситцевой красной рубашкѣ, тотчасъ же растянулся на немъ, подложивъ подъ голову котомку.

— Но... кто же вы сами?—робко спросилъ Исаакъ.

— На такіе безразсудные вопросы не отвѣчаю,—уже соннымъ голосомъ отвѣтилъ незнакомецъ.—Вообрази, что—никто! Или, лучше того, сочти за провидѣніе, ибо я не прочь сыграть въ отношеніи тебя подобную роль... Глупцы болѣе всего возлагаютъ надежды на эту неуловимую, скольз-

кую, какъ человѣческая совѣсть, штуку... Вотъ тебѣ и за-
дача; рѣшай за ночь... Ты, вѣроятно, выспался, иначе я бы
тебя не засталъ за такимъ правдымъ занятіемъ, которое...
которому... кот...

Ровное дыханіе, послѣдовавшее за этими словами, за-
свидѣтельствовало Исааку, что гость его спитъ.

Исаакъ въ свою очередь опустился на койку.

Въ раскрытую дверь глядѣла луна.

Вокругъ все было тихо...

VI.

— Я начинаю тебя понимать...—говорилъ на завтра Исааку
его гость, сидя на койкѣ и покуривая трубочку.

Это былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, мускулистый,
чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, съ большою курчавою
бородою и остриженными по крестьянски, вьющимися же
волосами; его энергическое лицо съ крупными, чисто-рус-
скими чертами освѣщалось насмѣшливо-добродушнымъ
выраженіемъ рта, между тѣмъ какъ иссиня-сѣрые глаза,
сидѣвшіе подъ большимъ выпуклымъ лбомъ, были непро-
ницаемы и лишь по-временамъ вспыхивали какою-то несо-
крушимую, властною энергіей.

— Да, я тебя понимаю,—повторилъ онъ уже задумчиво,—
и даже болѣе, чѣмъ ты себя самъ... Ты хочешь быть музы-
кантомъ?.. Это хорошо... Пребываніе твое въ этой камерѣ
уже свидѣтельствуетъ о непреложности твоего рѣшенія и
нѣкоторомъ какъ бы предназначеніи... Подобное упорство
вообще свойственно всѣмъ юродивымъ! Я беру тебя подъ
свою опеку. А какъ и чему ты будешь учиться, это пока-
жетъ будущее.. да. Скрипочка твоя улыбулась? Ну и цар-
ство ей небесное... или—какъ тамъ по вашему... Надѣюсь
мы приобрѣтемъ не менѣе превосходный инструментъ... Однако
же, время не ждетъ,—собирайся!

— Куда?—изумился Исаакъ, чувствуя въ то же время
непонятное влеченіе къ своему загадочному гостю.

— Какъ куда? Неужели же ты намѣренъ подышать здѣсь
съ голода? Это можно сдѣлать и при болѣе поэтической
обстановкѣ и притомъ во всякое время... Однако, прежде
мы пойдемъ съ тобою туда, гдѣ кипитъ жизнь, и гдѣ мы
съ тобою зададимъ нѣкій концертъ... Надѣюсь, это соблаз-
нительно? Ты же, вѣдь, музыкантъ! Ну, и я тоже... въ своемъ

родѣ, ха—ха... хотя и не ношу при себѣ инструмента. Впрочемъ, я пошутить... Какіе ужъ тутъ сборы? Просто, надѣвъ мой пиджакъ, нахлобучь что нибудь на голову—и айда!.. Тѣмъ болѣе, я вижу, что какой-то злокачественный прыщъ уже наблюдаетъ за нами съ противоположной стороны улицы.

Исаакъ молчалъ, не рѣшаясь еще слѣдовать за незнакомцемъ, хотя и боялся въ то же время, чтобы онъ не ушелъ безъ него. Онъ оглянулся вокругъ. Эти мрачныя, сырыя стѣны сруба, эти унылые заборы, торчавшіе передъ глазами, наконецъ, эти примелькавшіяся озабоченныя лица, все это мгновенно какъ-то потускло и показалось ему чѣмъ-то далекимъ, далекимъ; ему казалось, что онъ пробудился отъ тяжелаго сна.

„Но я—еврей,—мелькнуло въ его головѣ,—а онъ—русскій“...

И онъ высказалъ то же самое вслухъ, съ томительнымъ замираніемъ сердца ожидая отвѣта.

— Ты—еврей, я—русскій...—въ свою очередь, повторилъ незнакомецъ, задумчиво покусывая бороду.—Ты вѣруешь въ Бога?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Ну... да,—отвѣтилъ Исаакъ.

— И я тоже. Сколько Боговъ?

— Одинъ!..

— Я думаю то же. Какъ ты, такъ и я, исповѣдуемъ *единого* Бога, слѣдовательно?.. Слѣдовательно, мы съ тобою единовѣрцы!—спокойно заключилъ незнакомецъ.

Исаакъ вопросительно глядѣлъ на него.

— Непонятно?.. У тебя глаза черныя, у меня сѣрыя; однако, несмотря на эту разницу, если мы смотримъ на одинъ и тотъ же предметъ, мы видимъ передъ собою одно и то же! Неужели намъ драться изъ за того, что у насъ разные глаза?..

Подобный выводъ озадачилъ Исаака, хотя въ глубинѣ души онъ не могъ не согласиться въ особенной, какой-то возвышенной справедливости его.

Онъ покорно одѣлся въ предложенный ему незнакомцемъ пиджакъ, натянулъ на голову картузь, и оба они направились за городъ.

Исаакъ еще разъ оглянулся назадъ, съ изумленіемъ разглядывая покинутое имъ убѣжище, вадрогнулъ и отвернулся; прошлое, какъ будто, вошло въ бездну. Онъ съ наслажденіемъ втягивалъ живительный воздухъ ночи.

оглядываясь по сторонамъ глазами человѣка, вырвавшагося на свободу послѣ долгаго тюремнаго заключенія.

— Но кто же вы сами?—спросилъ онъ, наконецъ, своего спутника.

— Я? Гм.. Ты не могъ придумать болѣе сложнаго вопроса... Нѣтъ, чортъ возьми,—трудно! Но развѣ ты самъ-то можешь сказать что нибудь о себѣ?.. Ну ка скажи,—кто ты?

— Но я... еврей!—отвѣтилъ по обыкновенію Исаакъ.

— Вотъ и лжешь! Развѣ я тебѣ говорю, что я—русскій? Ты и я—мы... какъ бы тебѣ это сказать!.. прежде всего люди, а съ этакой практической точки зрѣнія не болѣе, какъ юридичные... въ своемъ родѣ—младенцы... младенцы жизни!... Да. И съ этимъ я тебѣ совѣтую примириться... Согласись, что между людьми подобнаго сорта существуетъ родство, способное уничтожить всякія національныя перегородки... Я вижу, мнѣ предстоитъ съ тобою много работы. Однако, я надѣюсь на успѣхъ... Юридичные вообще проникательны, и въ данномъ случаѣ я думаю, что я не ошибся... Кажется, ты хотѣлъ знать, какъ меня зовутъ? Зовутъ меня Артеміемъ... А вотъ и вокзалъ! Мы, конечно, ѣдемъ, такъ какъ я уже достаточно усталъ за послѣднее время... Въ Одессу, гдѣ намъ нужно будетъ заpastись кой-чѣмъ, и затѣмъ дальше, гдѣ можно будетъ имѣть кой какую работу и зимою... Но мы не успѣли заpastись билетами!.. Звонокъ... свистокъ... Какъ это грустно...

Путники подошли къ поѣзду, готовившемуся уже къ отбытію.

Артемій, улыбувшись, посмотрѣлъ на Исаака, затѣмъ, вскочивъ на подножку вагона третьяго класса, знакомъ пригласилъ его слѣдовать за собою. Черезъ минуту они уже лежали vis-à-vis подъ скамьями одного изъ отдѣленій вагона.

Исаакъ съ изумленіемъ вглядывался въ Артемія, оставшагося невозмутимо спокойнымъ, несмотря на довольно смѣшное положеніе, въ которомъ они очутились.

Поѣздъ вадрогнулъ, загремѣлъ желѣзомъ и медленно двинулся отъ платформы, оглашая воздухъ глухими вздохами.

VII.

Было еще рано. Городъ спалъ и, сверкая бѣлыми корпусами и колоннадами зданій, презрительно оглядывалъ съ высоты толпившіяся подъ нимъ сѣрыя постройки и пыльныя

площади гаваней, гдѣ замѣчалось уже нѣкоторое оживленіе. По всячимъ мостамъ съ грохотомъ проносились поѣзда, неожиданно появляясь неизвѣстно откуда и исчезая такъ же безслѣдно. Клочки дыма, разбрасываемые паровозами, быстро таяли въ воздухѣ, сгущая и безъ того удушливую атмосферу. На площадяхъ видны были люди; они разсѣялись по грязнымъ улицамъ или группировались около винныхъ лавокъ въ ожиданіи ихъ открытія.

Солнце начинало палить. Море, спокойное, ласковое, едва колыхалось, накатывая на берегъ тихо шумѣвшіе и пѣвившіеся валы; даль его теперь рѣзко отдѣлялась отъ блѣдно-голубой лазури неба темною синевою, а ближе—мягко сверкали и переливались серебристые отблески; порою они угасали, и тогда по омраченному лому беззвучно, какъ хищная птица, проносилось тѣневое отраженіе облака.

На рейдѣ хрипѣли свистки; тяжкимъ эхомъ отдавались какіе-то удары.

Гавани, гранить набережной и пыльные площади—все было залито ослѣпительнымъ солнечнымъ сіяніемъ и манило къ покою и безвольной истомѣ, между тѣмъ какъ зычные свистки и снующіе надъ улицами поѣзда вносили какое-то недоумѣніе и диссонансъ въ эту гармонию тишины и красокъ зарождающагося дня.

Артемій и Исаакъ стояли на верхней ступени мраморной лѣстницы.

— Знаешь-ли ты, что такое трудъ?—спросилъ вдругъ первый.

— Трудъ... Нѣтъ, я никогда не работалъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Восемнадцать.

— Гм... Хочешь, мы это испытаемъ сегодня?—предложилъ послѣ нѣкотораго молчанія Артемій.—Забудемъ на время о скрипкѣ... да. Тебѣ восемнадцать лѣтъ, но ты еще мало знаешь жизнь... Что можетъ сказать твоя скрипка хотя бы вотъ этимъ людямъ, которые кружатся вошь тамъ, на площади?.. Ничего! Она мертва для нихъ... Неужели ты хочешь играть только для счастливыхъ? Пойдемъ туда... Быть можетъ, ихъ дикія ругательства, ихъ хриплые стоны дадутъ тебѣ матеріалъ для симфоніи... жизни!

Артемій взялъ Исаака за руку, и они быстро спустились внизъ, направившись въ „Карантинную“ гавань. На пути имъ встрѣчались рабочіе, большею частью грязные, оборванные. Они апатично жмурились, ослѣпляемые яркимъ солнечнымъ сіяніемъ, и по-временамъ медлительно-равнодушно

переругивались. Попадались и женщины, такія же истерзанныя, такъ же равнодушныя ко всему, кромѣ водки. И на лицахъ ихъ всѣхъ былъ одинъ отпечатокъ похмелья, тоски и желанія поскорѣе утопить неомраченное еще сознание кромѣшной дѣйствительности.

На „Карагинной“ царило полное оживленіе. Рабочіе выстроились въ ряды; между ними сновали озабоченныя, дѣловитыя фигуры приказчиковъ, наймавшихъ людей на выгрузку и загрузку судовъ.

Путники наши примкнули къ ближайшей цѣпи рабочихъ.

По окончаніи найма, Артемія опредѣлили на пересыпку угля въ складахъ, Исаака на выгрузку пшеницы съ парохода. Условившись о мѣстѣ свиданія, они разстались.

Исаакъ послѣдовалъ за толпою къ огромному черному пароходу, тяжело навалившемуся на гранитный откосъ набережной. Рабочіе промелькнули по сходящямъ и начали быстро исчезать въ темной дырѣ, ведущей въ утробу этого гиганта. Исаакъ спустился туда же.

Спертый, душный воздухъ на мгновеніе стѣснилъ ему грудь; онъ задохнулся и, проглотивъ какъ бы какую-то густую массу, осмотрѣлся.

Въ трюмѣ царила полутьма. Подъ ногами Исаака было что-то мягкое, сыпучее; со всѣхъ сторонъ надвигалась такая же движущаяся масса; ближе, на веревкѣ, привязанной къ потолку, висѣло желѣзное рѣшето; рѣшето это вдругъ вздрогнуло и закачалось, при чемъ отъ нижней его части отдѣлилось густое облако пыли и медленно поползло между рабочими; слышался шорохъ сыпаемой пшеницы.

— Эй, ты, вихрастый,—сюда!—кликнулъ Исаака какой-то бородатый рабочій, указывая на ступень лѣстницы, ведущей на палубу.—Што пялы-то разинуль,—принимайсь!

Только что Исаакъ примостился на ступень, снизу ему сунули въ руки ведро, наполненное зерномъ, которое онъ долженъ былъ передать стоявшему выше его рабочему; послѣдній—слѣдующему, и т. д.

Работа закипѣла, молчаливая, упорная. Рабочіе чихали, кашляли и тяжело отдувались; они странно замахиwали лопатами и затѣмъ какъ бы пропадали въ надвигавшейся со всѣхъ сторонъ живой движущейся массѣ зерна. По-временамъ раздавалось хриплое ругательство и замирало безъ отголоска, и опять слышался шелестъ и шорохъ сыпаемой пшеницы. Ведра жадно впивались въ эту пыльную массу, судорожно вздрагивали въ напряженныхъ рукахъ и мгно-

вечно залетали вверхъ, а пшеница какъ бы прибывала и съ глухимъ однообразнымъ шипѣніемъ ссыпалась въ выбранныя углубленія. Что-то сверхъестественное, мистическое чувствовалось въ этомъ напряженіи, превращавшемъ трудъ въ какую-то лихорадочную оргію. Казалось,—эти смутныя сгорбившіяся фигуры ведутъ съ кѣмъ-то ожесточенную отчаянную борьбу...

Исаакъ напрягалъ неимоверныя усилія, стараясь своевременно подавать вверхъ принимаемныя снизу ведра. Сначала ему казалось, что—вотъ, вотъ жилы на его рукахъ лопнуть, и онъ уронитъ ведро и разсыплеть эту драгоценную массу, за чѣмъ послѣдуетъ что-то ужасное, о чемъ онъ даже старался не думать; потомъ ощущеніе это исчезло; руки его какъ бы окаменѣли, или отяжелились; онъ ихъ почти уже не чувствовалъ и съ удивленіемъ замѣчалъ, что онѣ все таки судорожно впиваются въ ведро и бросаютъ его вверхъ. Лицо его побѣлѣло; глаза помутнились и какъ-то безжизненно остановились; сердце то начинало биться, такъ быстро, что Исаакъ на мгновеніе терялъ сознаніе, то опять какъ бы совсѣмъ останавливалось; въ груди поднималась какая-то волна, ширилась, ширилась и подкатывала къ горлу...

И вдругъ случилось это „что-то“, чего онъ все время страшно боялся и въ то же время ожидалъ, какъ неизбежное: руки его мельпо взмахнули вверхъ и ударились въ лицо склонившагося къ нему рабочаго; внизу что-то грохнуло и зашипѣло... Слѣдомъ раздалось ужасное ругательство, и на шею Исаака опустилась какъ бы свинцовая гиря; передъ глазами его засверкали золотые дрожащія круги и понеслись въ бѣшеной пляскѣ; онъ какъ-то подѣтски всхлипнулъ и рухнулъ въ бездну тишины и мрака, охватившую его со всѣхъ сторонъ. Дальше наступило уже совершенно безразличное состояніе.

Очнулся онъ на палубѣ и попробовалъ приподняться, но не могъ, и только чуть слышно простоналъ; затѣмъ онъ почувствовалъ, что его кто-то тормошитъ, и открылъ глаза.

Надъ нимъ склонялось чье-то запыленное бородатое лицо и, къ удивленію его, привѣтливо улыбалось; выше тянулись канаты, а надъ ними синѣла бездонная глубина неба.

Исаакъ силился припомнить, гдѣ онъ видѣлъ это лицо, и, вспомнивъ, безбеспокоился, пытаясь подняться.

— Лежи, лежи-и!—услыхалъ онъ надъ собою грубый, но привѣтливый голосъ, и вдругъ, заинтересовавшись почему-

то крупными бѣлыми зубами висѣвшей надъ нимъ фязіономіи, улыбулся и снова закрылъ глаза, вздохнувъ полною грудью.

— Ожилъ, братцы!—сказаль кто-то.

— Къ сожалѣнію, да,—вставиль чей-то надтреснутый баритонъ.

— И вправду!... Смѣтается, слышь... матку во снѣ увидалъ, должно,—замѣтилъ еще чей-то голосъ.

Исаакъ почувствовалъ, что кто-то суетъ ему ко рту кружку съ водою; онъ сдѣлалъ два глотка, и ему захотѣлось вдругъ спать.

— Оно, конечно—жидъ... а все же живая душа!—услыхаль онъ дальше.—Да и мальчешка... Куды ему!..

Исаакъ совершенно очнулся и, съ трудомъ поднявшись, вадрогнулъ вдругъ, увидя, что пальцы его были въ крови; на одномъ изъ нихъ ноготь былъ перерванъ пополамъ; концы прочихъ представляли сплошную рану.

— Ишь, ты...—сплюнувъ въ сторону, заявиль обладатель бородатой фязіономіи сидѣвшему рядомъ съ нимъ молодому парню съ открытымъ выраженіемъ простодушнаго крестьянскаго лица.—Запретъ щенка... на такую работу-то!

— Чахлый онъ доже, это вѣрно. Ну, а я, братъ, иду!—махнулъ парень рукою по направленію къ трюму.—Отдышался малость... саднить только съ непривычки... А ты?

— Я не... пойду. Ишь, ты—пальца-то!.. хм... Ахъ, ты, распропаеваемая душа!—продолжалъ бородачъ по адресу невѣстнаго лица.—Грому и молніи на васъ нѣту.

— На таковой случай имѣются громоотводы, въ видѣ... вашей же братіи,—спокойно замѣтилъ обладатель баритона—худощавый человекъ съ интеллигентными чертами лица, одѣтый въ довольно истерзаный пиджакъ и широкіе мало-россійскіе шаровары.

— Дакъ я пойду, паря!—снова вмѣшался парень, обращаясь къ бородачу.—А то еще въ ухо заѣдетъ... Кка-акъ саданетъ, ккакъ онъ Турсука-то седни?... Кка-акъ саданетъ, кка-акъ саданетъ!.. Ну-у... Мотри, штобъ до тебя не добрался... Рыло, говорить, мнѣ яво больно не идравится!.. Ужо, говорить...

— Рылс?—оскалбился бородачъ.—Ну это... не на таковаго парвался!.. А вотъ какъ я ему вцѣплюсь въ глотку, такъ это ему будетъ все равно, што... гiena смертельная!.. Всѣ громоотводы сворочу!.. Да. Ну ты, што еще торчишь тутъ?—обратился онъ вдругъ къ Исааку.—Вотъ тоже лѣпшій мо-

сить! Кишка кишкой, а туды же—по-да-вальщикъ!.. Пшелъ отцелева!

Исаакъ подобралъ картузъ, валявшійся на палубѣ, и направился къ сходнямъ.

— Да стой ты!—кликнулъ его бородачъ.—На!—И, сунувъ ему въ руку нѣсколько мѣдныхъ монетъ, повернулъ его лицомъ къ сходнямъ и легонько толкнулъ въ шею.

— Не суйся больше!—дополнилъ онъ какъ то преувеличенно сурово и тотчасъ же разразился:—Ахъ ты, распроанаемская сила!.. Пойти выпить... Хоть бы прорва штоли какая пожрала эти треклятыя бандуры!..

VIII.

Артемій поджидалъ Исаака на условленномъ мѣстѣ.

— Ну, какъ?..—спросилъ онъ, взглядываясь въ его, какъ то сразу опавшее, лицо.

Вмѣсто отвѣта Исаакъ показалъ ему свои израненныя пальцы.

— Что же...—улыбнулся Артемій,—по крайней мѣрѣ, ты теперь знаешь, что такое трудъ... Голодъ и трудъ! Вотъ симфонія, первые аккорды которой тебѣ уже извѣстны. Советую тебѣ не забывать ихъ... Впрочемъ, аккорды эти звучатъ повсюду...

Артемій стоялъ, вытянувшись во весь ростъ, и холодно глядѣлъ на окутывавшійся сумерками городъ.

— Когда я буду... настоящимъ музыкантомъ,—прошепталъ Исаакъ,—я буду все отдавать имъ—этимъ бѣднымъ людямъ!..

— Ты будешь давать концерты въ пользу бѣдныхъ?—рѣзко спросилъ Артемій.

— Да...

Артемій задумчиво посмотрѣлъ на Исаака.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ затѣмъ.

Они спустились по лѣстницѣ внизъ и скоро потонули въ молумракѣ грязныхъ закоулковъ гавани.

IX.

Черезъ мѣсяцъ Артемій и Исаакъ покинули Одессу и, очутившись въ одномъ изъ большихъ южно-русскихъ городовъ, устроились до присканія подходящей работы на „Кукушкиной дачѣ“; такъ называлась мѣстность подъ самымъ

городомъ, въ крутомъ яру, почти отвѣсно спускавшемся къ большой широкой рѣкѣ, куда собирались по ночамъ многіе изъ бездомныхъ граждавъ этого города. Оба конца „дачи“ упирались въ глухія улицы, населенныя не менѣе сборнымъ элементомъ.

По вечерамъ Артемій обыкновенно разводилъ костеръ и, усѣвшись около него съ неизмѣнною трубочкою въ зубахъ, задумчиво слѣдилъ за синеватыми струйками пламени, весело перебѣгавшаго по сухимъ вѣткамъ. Исаакъ, пріобрѣтшій въ Одессѣ, на одномъ изъ аукціоновъ, скрипку, извлекалъ ее изъ чехла и вторилъ настроенію товарища такими же задумчивыми звуками.

Внизу разстилалась великолѣпная панорама рѣки и окрестныхъ полей. Ночью картина эта принимала еще болѣе поэтической колоритъ. Рѣка выступала изъ полумрака какою то матовою серебристою гладью, черезъ которую перекидывался огненный столбъ луннаго сіянія; а далѣе, среди мягкой бѣлесоватой мглы, горѣли и переливались огни разбросанныхъ по полямъ деревень.

Однажды до слуха ночлежниковъ донеслись звуки пѣсни, распѣваемой чѣмъ-то, довольно мелодичнымъ женскимъ голосомъ. Это было что-то весьма печальное; звуки по временамъ неожиданно прерывались и, погода, снова возникали безконечно-жалобною мольбою какой-то надорванной груди.

— Кто бы это могъ быть?—заинтересовался Артемій, вслушиваясь.—Голосъ довольно чистъ для обитателей сей... земли...

„О-о-о-о-ой-й“...—выплыло уже изъ за ближайшаго выступа глубокою вибрирующею нотою.

„Ой, да не судьба-а ли... зло-о-дѣй-ка“...

Грустно раскатилось затѣмъ по обрыву.

„Эй-а...“—невнятно повторило внизу эхо, выхвативъ изъ сумрака умиравшіе звуки.

„Исте-ерза-ла“...

Какъ бы всколыхнулось опять что-то въ сумракѣ.

Послѣдняя половина этого слова была пропѣта уже чуть слышно, и пѣніе смѣнилось глухими порывистыми вскрипываніями.

А черезъ минуту опять звенѣло, катилось по обрыву и таяло гдѣ-то подъ берегомъ въ густомъ орѣшникѣ:

„И-стер-за-ла бѣллу грудь“...

Пѣніе снова оборвалось.

Исаакъ всталъ, раздвинулъ кусты и, пройдя нѣсколько шаговъ, увидѣлъ надъ обрывомъ силуэтъ женщины, повидимому, дѣвушки, глядѣвшей куда то вдаль.

Она сидѣла на камнѣ, блѣдная, съ полураспушею косою, небрежно разсыпавшейся по бѣлому фону кофточки. Лицо ея было совершенно неподвижно, между тѣмъ какъ на щекахъ дрожали крупныя капли слезъ.

Исаакъ подошелъ къ ней и, потихоньку положивъ ей на колѣно руку, спросилъ:

— О чемъ вы... плачете?

Дѣвушка даже не обернулась и, порывисто опустивъ ладонь на руку Исаака, закатилась еще болѣе голосисто:

„Да истомила рѣ-звы но-о-о-жемь-ки“...

Затѣмъ снова замолчала.

— Я—съ той стороны,—бросила она черезъ минуту, махнувъ рукою за рѣку.

Сказано было коротко и, повидимому, совершенно равнодушно, однако, въ самомъ голосѣ чувствовалось столько порывистой накинѣвшей тоски, что у Исаака захватило дыханіе отъ жалости.

— Хха-ха-ха!..—засмѣялась вдругъ дѣвушка.—Вы всегда спрашиваете, о чемъ мы плачемъ!.. Ну васъ!..—И, рѣзко обернувшись и взглянувъ въ черты Исаака, съ какимъ то уже страстнымъ упрекомъ заговорила:—Зачѣмъ же ты прише-ель?.. Вѣдь, ты говорилъ, что не придешь!..—И, помизгивъ голосъ до шопота, продолжала:—А я ждала, ждала и...

Въ это время въ кустахъ затрещали вѣтви, и на уступѣ неожиданно выросла фигура какого то человѣка.

— Наташа...—какъ то робко позвалъ онъ глухимъ надтреснутымъ голосомъ.

— Ахъ!..—вскрикнула дѣвушка и мгновенно прыгнула въ кусты, а черезъ минуту шаги ея слышались уже подъ обрывомъ.

— Вотъ поди жъ ты!..—сокрушено проговорилъ неизвѣстный, выдвигаясь изъ кустовъ.

Это былъ сѣдой сгорбленный старикъ, одѣтый во что то сѣрое, или казавшееся такимъ въ темнотѣ.

— А ты... ужъ подлимохился!—укоризненно обратился онъ къ Исааку и покачалъ головою.—Э-эхъ, вы!.. Какъ это вы до человѣческой то крови жадны... жадны какъ вы до нея... да.

— Но я вовсе не знаю этой дѣвушки!—протестовалъ Исаакъ.—Я самъ только что подошелъ...

— Не знаешь?.. А-а...—сомнительно протянул старикь.— А коли не знаешь,—зачѣмъ лѣзешь?.. Дурная она.

— Дурная...—вздрыгнувъ Исаакь.—Но вы ее знаете? Кто же она?

— Кто?.. А дочка.

Старикь еще разъ взглянулъ на Исаака, затѣмъ повернулся и началъ спускаться внизъ.

Часа черезъ два, когда Артемій и Исаакь почти позабыли объ этомъ случаѣ, около нихъ снова раздался знакомый уже Исааку дребезжащій гомозъ:

— Доброй ночи, други!

— Это тотъ...—шепнулъ Исаакь товарищу.

— Спасибо, старина! Садись—отдохни,—привѣтствовалъ, въ свою очередь, Артемій.

— Отдохнуть то?.. Пора бы ужъ миѣ... да не угодилъ знать Господу Богу,—не принимаетъ мать-сыра земля...—глухо пробормоталъ старикь, усаживаясь около костра, затѣмъ, прищуривъ глаза, внимательно присмотрѣлся къ собесѣдникамъ, послѣ чего равнодушно опустилъ голову.

Внизу тихо шелестѣла рѣка. Сквозь чащу орѣшника глядѣлъ огромный серебристый дискъ луны.

— Откедова?.. Нездѣшніе?..—немного погодя спросилъ старикь.—Не видалъ...

— Нездѣшніе, старина!—отвѣтилъ Артемій.—Забрели вотъ пока сюда...

— Молоды вы...—началъ старикь, снова приглядываясь къ ночлежникамъ,—а и вамъ бы тоже... Ишь, теметь то какая!.. Люди-то всѣ, какъ люди, а вы вотъ... Чудны дѣла твои, Господи!.. Робить, не робить—все едино... Я вотъ всю жизнь промаячилъ, а на старости лѣтъ за Христово имя приходится... Грѣхи это наши... пьянство, да буянство... А все отъ мечты!

— Отъ какой же это мечты?—заинтересовался Артемій.

— А такъ... ходитъ она, окаянная, по людямъ, какъ вѣтеръ по лѣсу, смущаетъ души... да Богу-то угодно, штобъ мы крестъ несли, а мы... фордыбачимъ!.. Не вѣруемъ въ Его, батюшку... старшихъ не почитаемъ... Ээ-ххъ!.. Вы не изъ эфтихъ?—кинулъ старикь куда-то внизъ, переходя къ другой темѣ.—На фатеру бы вамъ... да. Сходиѣ оно... фатера-то оно все таки... Я тоже вотъ тутъ близехомько живу! Коли не здѣшніе, къ намъ бы, а?.. Потѣсимся...

— Ты что же это, на квартиру насъ приглашаешь?—спросилъ Артемій.

— Да вотъ—стали бы, чѣмъ эта-то...

— Спасибо тебѣ за это... Только почему ты знаешь: можешь быть, у насъ и заплатить-то нечѣмъ!

— А нечѣмъ, такъ и не надоть... Богъ заплатить, Богъ заплатить!..

— Да... Хорошо, мы пойдемъ къ тебѣ!

— Но гдѣ же дочь ваша?—спросилъ Исаакъ.

— Дочка-то!—встрепнулся вдругъ старикъ, и на лицѣ его отразилось болѣзненное безпокойство.

— Дурная она у меня, болѣзныя, дурная вотъ уже четвертый годокъ!.. И не то шобы, такъ сказать, дурная, а находить это на нее... За грѣхи это родительскіе!—И, помолчавъ немного, добавилъ:—Не подумайте чего, добрые люди! Она у меня ровно какъ птичка небесная, даромъ што... Душа-то у ей—во какая душа!.. Кабы не это самое дѣло...

Старикъ изволнованно замолчалъ и странно замигалъ глазами.

Снизу опять донеслась тягучая печальная рулада.

— Слышите?..—прошепталъ старикъ.—Слышите!.. Теперь ужъ до утра такъ... И я тутъ около ее... Тоскуеть душа-то у ей, то-скуеть, а онъ, окаанный-то, и... того! Ну, пусть поеть, Христось съ ей,—жива, и слава Богу!.. А я ужъ посижу около васъ, други... Бѣжить она отъ меня, бѣжи-ить... — грустно заключилъ онъ, недоумѣвающе качая головою.

— Какъ же это такъ случилось-то съ нею?—спросилъ Артёмій.

— Случилось-то...—тихо повторилъ старикъ.—А такъ, обнаковенно... Ишь, тянеть!—прислушался онъ снова, какъ-то съжившись весь, и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, началъ:

— Служила она... у профессора тутъ... Люди хорошіе!.. Горничной это ее, значить... Сперва-то такъ—на побѣгушки, ну а потомъ и въ горничныя, потому—выросла въ одиѣмъ домѣ!.. Помогала, братцы, во какъ помогала! Жалованьишко то никакъ цѣликомъ домой... Въ деревнѣ мы тады жили; старуха жива еще была... да. Только слышимъ однова: сбѣжала дочка-те наша... отъ профессора то ись... Какъ? Почему? Никакого званія. Согрubiла, думаемъ... Извольничался народъ мойѣ. Взяло меня сердце,—такъ, думаю, своими бы руками!.. По старинѣ мы еще это... Ну и характеръ, извѣстно отцовскій!.. Живемъ. Ни вѣсти, ни привѣсти. А мѣсяцовъ етакъ черезъ пять—гумага въ волостное!.. Явился. Такъ и такъ... Какъ обухомъ, братцы!.. Ажю искры изъ глазъ посыпались... Въ острогъ, молъ, дочь-то ваша... за душегубство то ись,—молодемычка, значить, того... придушила... А единственная была дочь!.. И такая, братцы, дочь! Да-а... Ну, ко-

нешно, — судъ; а тамъ, глядимъ, — въ сумашедчій ее... въ больницу, значить, для умалишенныхъ... Провѣдали мы это ее... Исхудала, ровно вотъ свѣча воску яраго, а глаза — быдто полыймя!.. Наша это дочь, али не наша... а такъ видимъ, што наша. Взглянула... за-пла-ка-ла... — Разсказчикъ низко опустилъ голову и продолжалъ: — заплакала, братцы мои, а тамъ и понесла околесную! Только дохтурь-то это: хорошо, говорить это, што хотя узнала-то, да... хорошо это... Только, говорить, раньше, какъ черезъ полгода — не бывать ей у васъ! Приѣжайте тады. Ну а мы ваяли, да въ городъ, потому какое у насъ хозяйство? Три десятины, да и та въ тридцати заѣздахъ!.. Продали хибарку, да и суды. Провѣдаемъ. И какъ это сказаль дохтуръ, такъ и вышло: выправилась дѣвка наша, взяли мы ее... Тихая такая, братцы, стала, да покорливая, — воды не замутигъ... А, вѣдь, какая забавница была?.. Повинилась!.. Во всемъ повинилась...

Голосъ старика дрогнулъ; глаза на секунду вспыхнули какъ бы какимъ-то недомѣнемъ и вдругъ такъ же быстро погасли.

Съ рѣки пахнуло холодною влажною струею вѣтра. Деревья вздрогнули и тревожно зашептались.

— Сынъ это у профессыря-то былъ, — продолжалъ разсказчикъ, — ну и слюбись они!.. Омъ-то, конешно, по баловству, жу а Наташка... Я говорю, — дурость дѣвичья!.. А тамъ и забрюхать... А какъ забрюхатила, — онъ, конешно, въ амбицію: звать-де тебя же знаю! Доглядѣли. Какъ? Почему?.. Зло, братцы, взяло дѣвку-то... потому тоже мечтаніе этакое!.. Да. Возми, да и бухъ всю правду самой евоиной матери то ись. А та ей: врешь, говорить, ты, потаскуха!.. Ну и тамъ такія разныя слова... А дѣвка — на своемъ. Д-акъ, говорить, хучь бы и такъ! — сама-то, значить... Омъ, говорить, — молодой человекъ; съ какой это стати по такимъ-то дѣламъ ему изъ дому уходить, коли, говорить... да. Благодарности въ тебѣ, говорить, нѣту... Ну и ступай себѣ съ Богомъ, коли ласки господской не чувствуешь!.. Съ этого, братцы, самого и пошло! Домой — ни гу-гу. Каюзь, убилъ бы!.. Скиталась эго она съ брюхомъ-то, скиталась, братцы, а тамъ и родить время пришло... Городъ чужой; своихъ — никого... А хучь бы и были?.. Д-д-а. Въ больницу — стыдъ... И заберись это она ко храму Божьему, въ садочекъ, да и роди!.. ночью то ись... А тамъ — Богъ ё звать, какъ оно было, — и... того — придушила молоденчика-то... А какъ придушила, тутъ съ ней это самое и сдѣлалось, — не вынесла!.. Потому, видите ли, все же оно — дитѣ, кровное дитѣ!.. Д-да-а... Безгаланная дѣвка!..

Старикъ грустно поглядѣлъ на собесѣдниковъ и махнулъ рукою.

Внизу теперь слышался шумный прибой. Деревья глухо и однообразно роптали. Луна, блѣдная-блѣдная, безжизненно осматривала землю съ своей недоступной высоты.

— Жалѣю я ее... такъ жа-лѣю!..—продолжалъ старикъ.— Кабы не эта моя дикость, — уцѣлѣла бы дѣвка... Мало ли што съ нашимъ братомъ бываетъ!.. Што бишь я говорилъ... Память то у меня... да. Завернула это трупикъ-отъ въ юбку и пошла... А куды,—невѣдомо. Задержали.. Насилу, братцы отняли трупикъ-отъ,—облютѣла вотъ, ровню тигра лѣсная!.. Ни, какъ не слышать?—спохватился онъ вдругъ, прислушиваясь.

Внизу было тихо, только мятежные вѣдохи волны равномерно зарождались и гасли подъ береговою зарослью

— Простите, Христа ради!—заторопился старикъ.—Пойду я... Неровно — грѣхъ какой... Устеречь. А тамъ оно само у шей того... проходить. А вы бы къ намъ на фатерку-то, коли не заладится што? Лукьяна спросите на Гнилой... Потѣшимся. Городъ-отъ лютъ онъ, во какъ лютъ!..

Послѣднія слова старикъ бормоталъ, уже спускаясь внизъ по обрыву.

— Съ Богомъ, съ Богомъ!—напутствовалъ его Артемій.— А къ тебѣ зайдемъ, непремѣнно...

Исаакъ сидѣлъ на землѣ какъ-то согнувшись и глядѣлъ куда-то во мглу странно углубившимися глазами. Красно-ватые отблески костра играли на его вихровой головѣ, озаряя по-временамъ нервно вздрагивавшія губы.

— Исаакъ!—позвалъ его Артемій.

Исаакъ взглянулъ на него грустно-недоумѣвающимъ взглядомъ и тотчасъ же отвернулся.

Черезъ минуту онъ уже лежалъ на землѣ, лицомъ къ рѣкѣ, попрежнему вглядываясь въ черную стѣну мрака, вслѣдствію впереди.

Артемій, въ свою очередь, задумчиво оглядѣлъ его маленькую фигурку, неслышно отгребъ отъ нея угли костра и, выправившись, долго всматривался въ чернѣвшіе вверху силуэты городскихъ зданій.

Скоро и онъ легъ рядомъ съ Исаакомъ; послѣдній не шевельнулся.

Плавный тягучій ударъ колокола прокатился надъ землею и замеръ въ отдаленіи, а едва уловимый отголосокъ его еще долго звучалъ въ воздухѣ...

Звѣзды блѣднѣли.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О. Безпаловъ.

* * *

Нѣтъ, если ужъ борьба, такъ—на смерть, безъ пощады,
Безъ вздоховъ и безъ слезъ о счастья прежнихъ лѣтъ,
Безъ трепета и думъ передъ огнемъ преграды,
Предъ стономъ раненыхъ, предъ тьмой грозящихъ бѣдъ!

Къ такой борьбѣ зови! И мечъ мой обнажая,
Откликнусь радостно на зовъ могучій твой,
Съ презрѣньемъ отрекнусь отъ благъ и свѣта рая
И кинусь первая на этотъ смертный бой!

О. Боголюбова.

За свободу.

РОМАНЪ

Алоиза Ираска.

Перевелъ съ чешскаго В. Южанинъ.

(Продолженіе).

XXIV.

Ходы вспоминали потомъ не разъ эту весну. Вспоминали, какъ они тогда работали въ полѣ, какъ свободно, безъ попуканій, безъ страха передъ Ламмингеромъ. Еще повсюду жила надежда, что послѣ страды все пойдетъ, какъ слѣдуетъ, что судъ въ это время кончится, дѣло будетъ выиграно, и они будутъ разъ навсегда свободны. И вотъ страда настала. Но какая страшная буря разрушила всѣ эти надежды, всѣ упованія Ходовъ на другія, свободныя [времена! Буря утихла, но что послѣ нея осталось! Тамъ, въ Починовцахъ много было пролито крови, и пролито напрасно. Тѣмъ было лучше, которые, какъ Матвѣй Пршибекъ, остались тамъ, на полѣ сраженія, или скончались отъ полученныхъ ранъ. Правда, не одинъ человѣкъ изъ числа этихъ смѣльчаковъ пробился. Но и имъ было не легко въ лѣсахъ, или въ сосѣдней Баварской землѣ. Выдержать ли тамъ долго эти бѣглецы? Не заставитъ ли ихъ нужда и невыносимая тоска, тоска по родимѣ, вернуться и просить помилованія, подобно другимъ въ Гамрахъ? Матвѣй Пршибекъ вѣрно предсказалъ.

Ихъ приняли, но какъ! Болѣе семидесяти человѣкъ были разосланы, закованные въ цѣпяхъ, по тюрьмамъ въ Прагу, Тышь и Стриборъ. Обращались съ ними сурово, даже били какъ злодѣевъ и бродягъ.

Затѣмъ послѣли хлѣба, настала жатва, которой такъ радовались Ходы. Крестьяне передъ самой страдой были позваны въ канцелярію въ Трхановъ; но не всѣ разомъ, а каждое село отдѣльно, и тамъ всѣ крестьяне и хуторяне должны были на святомъ Евангеліи присягнуть, что какъ они, такъ

и ихъ потомки останутся вѣрными и покорными крѣпостными, Его Милости, благороднаго пана Максимилиана фонъ-Альбенрейтъ и его потомковъ; что они обѣщаются быть вѣрными, послушными и покорными рабами своихъ господъ. Когда они произнесли присягу, имъ еще разъ прочитали бумагу, въ которой было сказано, что всѣ Ходы признають несостоятельность своихъ прежнихъ правъ и вольностей, что они обѣщаются никогда больше, какъ повелѣваетъ имъ это верховная, королевская власть, не тягаться со своимъ паномъ и строго соблюдать предписанный имъ *perpetuum silentium*.

Тихо, безшумно шли Ходы въ канцелярію и тихо безмолвно въ глубокомъ оцѣпенѣніи ждали, пока ихъ не позовутъ. Между ними уже не было ни дикаго Брыхты, ни Шерловскаго, ни Матвѣя Пршибека. Многіе были совсѣмъ убиты, а кто и не былъ, то все таки хорошо понималъ, что все кончено.

Они произнесли присягу глухимъ голосомъ; не одинъ изъ нихъ зашумелъ и вадрогнулъ, не у одного тяжелая, трудовая правая рука затряслась, подписывая бумагу, которой они сами запирали свои уста, сами себѣ связали руки, сами съ собою порѣшили.

Не одинъ тяжелый, глубокій вздохъ вырвался изъ груди Ходскихъ людей, когда они выходили изъ канцеляріи. Теперь они уже стали крѣпостными, принадлежали и тѣломъ, и душой ненавистному Ламмингеру.

Эти мысли ихъ угнетали. Но они почувствовали всю тяготу этого только тогда, когда имъ пришлось исполнять обѣщанное. Едва началась жатва, какъ Ламмингеръ немедленно воспользовался своими правами и началъ выгонять Ходовъ на работу. Правда, и они сами, и ихъ отцы и раньше исполняли ихъ; но теперь была большая разница и въ работѣ, и въ количествѣ рабочихъ дней, и во всемъ обращеніи съ ними!

Самныя тяжелыя, трудныя работы пришлось исполнять всѣмъ, наиболѣе уважаемымъ крестьянамъ, всѣмъ тѣмъ, которые были въ Гамрахъ. Ихъ приводили изъ сель и тюремъ, гдѣ они до сихъ поръ сидѣли, и гнали на работу въ оковахъ.

Это было неслыханно. Сыка, прокураторъ, старый Псутка, Починовскій Пайдаръ и не одинъ изъ крестьянъ, голова котораго посѣдѣла среди всеобщаго уваженія, работали на панскихъ поляхъ съ оковами на ногахъ, словно какіе то злодѣи и разбойники. Каждый изъ тѣхъ, которые принимали участіе въ возстаніи, каждый, кто только раньше откликнулся

на него, теперь былъ наказанъ. Не забыли и Домажлицкаго сосѣда, того Юста, и онъ былъ заключенъ въ тюрьму за то, что подстрекалъ и возбуждалъ Ходовъ. И самого адвоката заперли въ тюрьму; не помогло ему и благородное происхожденіе; знатные родные напрасно просили за него.

Объ ихъ же послахъ, о старомъ Грубомъ, Кожинѣ, Эцлѣ и Медаковскомъ Нѣмцѣ, Ходскомъ Печѣ и другихъ ничего не было извѣстно; они знали только, что послѣдніе въ тюрьмѣ. Всѣ лучшіе, всѣ самые отважные Ходы были или заключены, или работали въ оковахъ, а потому ничего не было удивительнаго, что весь Ходскій край былъ грустенъ и безмолвенъ. Жатва прошла, но тихо, безъ пѣсенъ, прошла грустно, и послѣ нея осталось одно утомленіе. Осень принесла новый трудъ,—Ламмингеръ взвалилъ на нихъ новыя работы. Ходы исполняли ихъ угрюмо и молча и слова не пророняли, когда управитель грубѣе прежняго покрикивалъ на нихъ, суровѣе прежняго обращался съ ними. Они, развѣ только отвернувшись, посылали ему проклятіе; иногда раздавался скрежетъ зубовъ. А болѣе малодушные начали горько пенять на покойнаго Пршибека, Сыку, Грубаго, Кожину, на тѣхъ самыхъ, за которыми они раньше слѣдовали съ такимъ воодушевленіемъ; они укоряли ихъ за то, что они начали все это, и начали напрасно, къ общей пагубѣ.

Молчалъ одинъ старый Пршибекъ, отецъ Матвѣя. Съ той поры, какъ все такъ грустно кончилось въ Починовцахъ и Гамрахъ и его сынъ погибъ, онъ совсѣмъ перемѣнился. Восемьдесятъ лѣтъ, до которыхъ онъ дожилъ, начали его вдругъ тяготить. Теперь онъ ни на что не обращалъ вниманія, его ничего не тѣшило. Онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ дома въ горницѣ, у липоваго стола, или на постели, иногда въ саду, когда солнышко пригрѣвало, но всегда одинъ; склонивъ голову, онъ глубоко задумывался и упорно глядѣлъ въ землю. Манка часто думала, что онъ дремлетъ, но когда она однажды тихонько подошла къ нему, то услышала, что дѣдъ разговаривалъ самъ съ собою, вполголоса, и что онъ думаетъ о покойномъ отцѣ. А разъ, когда она стояла за нимъ, онъ вдругъ поднялъ глаза и, словно видя кого то передъ собою, произнесъ: „Это комета,—какъ я и сказалъ“. — И, покачавъ головою, опять опустилъ ее и тихонько прибавилъ: „Это справедливость? И есть ли справедливость?“ — Внучка поняла, о чемъ онъ думаетъ. Голова его была занята только однимъ и онъ ни на что другое не обращалъ вниманія. Если она обращалась къ нему за совѣтомъ, онъ едва отвѣчалъ ей, словно не слыша, не понимая ее. Онъ, прежде такой хо-

заяигъ! Теперь молодая дѣвушка должна была обо всемъ сама хлопотать, да еще ухаживать за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. И она ухаживала. Ей крѣпко запали въ голову слова отца, когда послѣдній прощался съ ними, передъ битвой. Она добросовѣстно исполняла его послѣдній завѣтъ, заботилась, какъ только умѣла, о дѣдѣ. Она его сейчасъ же послѣ похорожъ увела домой. И какое это было возвращеніе, какое зрѣлище представила имъ усадьба! И у нихъ, какъ повсюду въ Уѣздѣ, все было разграблено.

Но она была дочерью Матвѣя Пршибека. Другая не знала бы, какъ помочь себѣ. Манка хлопотала съ утра и до поздняго вечера, между тѣмъ, какъ работникъ былъ на барщинѣ. Но что значили эти тяжелыя работы, эти непосильные труды! Самое тяжелое было то, что она не могла забыть отца, и къ этому же еще другія заботы!

Старикъ Шерловскій пробился съ сыномъ, но потомъ все таки вернулся домой, и теперь тоже работалъ въ оковахъ на барщинѣ.

Сынъ остался въ Баваріи, такъ какъ ему передали, что Ламмигеръ особенно его ищетъ, и, навѣрное, если онъ вернется, его ожидаетъ тяжелое наказаніе. Какъ будетъ дальше? Когда онъ вернется, и будетъ ли ему вообще возможно притти? Это больше всего угнетало дочь Пршибека.

Волынка Искры Ршехурека и гусли его слѣпного отца висѣли безъ употребленія; ихъ никогда не было слышно. И ученики не приходили. Могъ ли кто, въ подобныя времена, думать о музыкѣ! Волынщикъ вель теперь хозяйство у Кожини. Онъ былъ тамъ очень нуженъ, и счастье, что Искра не забывалъ о семействѣ своего друга. Правда, старая Кожинова и Ганка работали, не покладая рукъ, но этого было мало. Искра не оставлялъ ихъ больше, съ той поры, какъ онъ помогъ имъ въ бѣгствѣ. Онъ привелъ ихъ обратно изъ Зеленовскаго лѣса и проводилъ большую часть дня у нихъ. Нѣсколько разъ только его отрывали на работу, да однажды вызвали въ замокъ, гдѣ мушкетеръ опять отсчиталъ ему изрядное количество ударовъ плетью.

Ганна сейчасъ же становилась веселѣе, ей дѣлалось легче на душѣ, когда онъ приходилъ. Она была рада Искрѣ: вѣдь, онъ былъ самымъ близкимъ другомъ ея мужа, она могла съ нимъ вволю наговориться о Янѣ, могла излить передъ нимъ свою душу. Съ матерью Яна она имѣла мало общаго. Старуха избѣгала ее, хорошо чувствуя, что невѣстка, про себя, считаетъ ее причиною всего. Не настрои она Яна, не сохрани она тѣ злосчастныя бумаги, Янъ, конечно,

не началъ бы спора съ Ламмингеромъ или, по крайней мѣрѣ, не такъ.

Искрѣ удавалось иногда развеселить грустную Ганку, вызвать улыбку на ея лицѣ, но не надолго, и она опять впадала въ задумчивость. Она работала, хлопотала, насколько умѣла, повсюду была первой, но, по временамъ, вдругъ бросала самую спѣшную работу и долго не показывалась. Тогда работницы не искали ее: онѣ хорошо знали, что хозяйка не могла себя пересилить, что ей стало не въ мѣготу и она убѣжала въ комору или въ сарай выплакаться.

* * *

Уже на апелляціонномъ судѣ отъ Ходской депутаціи потребовали, чтобы она признала негодность своихъ прежнихъ вольностей, своихъ старинныхъ правъ; чтобы она присягнула въ вѣрности и покорности Максимилиану Ламмингеру. Тогда всѣ до одного мужественно и рѣшительно отказались, они отказались и тогда, когда ихъ отвезли въ тюрьму. Здѣсь ихъ не долго оставили вмѣстѣ. Кожину и стараго Грубаго какъ вожаковъ и подстрекателей къ сопротивленію, разлучили съ ними и каждого изъ нихъ заперли отдѣльно.

Потомъ они еще разъ свидѣлись другъ съ другомъ и опять въ залѣ суда, когда имъ былъ объявленъ приговоръ. Старый Грубый и Кожина, признанные наиболѣе виновными, были присуждены къ тюремному заключенію на годъ. Остальнымъ объявили, что ихъ отпустить на свободу, если они подпишутъ бумагу, въ которой сказано, что они признаютъ себя крѣпостными Ламмингера. При этомъ одинъ изъ судей опять припомнилъ имъ несчастный конецъ возстанія у нихъ на родинѣ и прибавилъ, что всѣ села уже изъявили покорность и скрѣпили это рукоприкладствомъ.

Это рѣшило всѣ колебанія Ходовъ, которыхъ тяготила тюрьма и тоска по родинѣ и семьѣ. Къ чему дальнѣйшее сопротивленіе?

Первымъ подписалъ Медаковскій Нѣмецъ, за нимъ Печъ, потомъ всѣ остальные, одинъ за другимъ, пока не дошло до Адама Эцля, который произнесъ на масляницѣ такую прекрасную рѣчь въ честь павскаго чучела. Онъ послѣднимъ приписалъ свое имя.—И все было кончено! Ихъ отпустили, они были вольныя птицы, но никто изъ нихъ не радовался. Они отошли отъ бумаги, лежавшей на столѣ, тихими шагами словно отъ гроба.

Одинъ изъ судей подождалъ еще разъ Грубаго и Кожину, требуя, чтобы и они подписали. Сѣдовласый Дражиновскій

судья отрицательно покачалъ головою, а его племянн икъ отвѣчалъ серьезно, прямо глядя въ лицо судьямъ:

— Ломикарь можетъ насъ заставить работать, но какъ можемъ мы сказать, что наши права отжили? Зачѣмъ же мы затѣяли все это, зачѣмъ судились, ходили ко двору въ Вѣну, зачѣмъ сидѣли здѣсь, въ тюрьмѣ, зачѣмъ, наконецъ, текла кровь? И я долженъ теперь сказать: это было все пустое, все это была одна блажь? Раньше, чѣмъ начать, я все хорошо обдумалъ и вѣвѣсилъ. Наши права не отжили. Буду на Бога уповать.

Послѣ этой рѣчи всѣ его земляки, подписавшіе бумагу, опустили глаза въ землю и, когда, выходя вслѣдъ за служителемъ, они прошли около Грубаго и Кожими, они не посмѣли даже поднять ихъ. Они ушли, а Дражиновскаго судью и его племянника опять увели въ тюрьму, которую они должны были оставить только для крѣпости.

Свѣтъ Божій затворился за Кожимою. Онъ былъ опять одинъ, со своими разрушенными надеждами, безпокойствомъ и страхомъ за дорогихъ ему людей. Для него было всего тяжелѣе разставаться со своимъ старикомъ дядей. Всѣ были такъ малодушны, и одинъ онъ, этотъ престарѣлый, хворый человѣкъ остался твердъ. Если бы онъ, по крайней мѣрѣ, могъ ухаживать за нимъ. Онъ просилъ, но напрасно.

Такъ проходилъ день за днемъ, одинъ длиннѣе другого, и каждый изъ нихъ безконечный, мрачный. Въ груди молодого Хода что то дрогнуло, когда уходили его земляки, отпущенные на свободу. Онъ чаще прежняго вспоминалъ своихъ, жену и дѣтей! Его мысли чаще всего обращались къ нимъ. Онъ вспоминалъ жену, видѣлъ, какъ она мучается и тоскуетъ, видѣлъ и старуху мать, такую, какою ее звалъ, мрачною, но безъ единой жалобы, которая спокойно борется со своимъ горемъ. Ганка жалуется, а старуха мать сокрушается о бесполезной борьбѣ, о томъ, что всѣ надежды рухнули. Ахъ, не дожидаться ей той золотой свободы, ради которой она сохранила эти старыя бумаги, какъ какой то кладъ, и ради которой позволила мучить и тиранить сына! А Гамалка и Павликъ! Сердце у него болѣзненно сжалось, когда онъ подумалъ, какъ они одиноки и убоги, когда онъ вызвалъ образы былого, когда онъ вспомнилъ своихъ веселыхъ дѣтей, ихъ смѣхъ, ихъ ласки, когда онъ внутренне услышалъ ихъ голоса, ихъ маленькіе шажки, которыми они бѣгали ему навстрѣчу. Онъ представилъ себѣ Ганну, какъ она теперь летитъ въ Кленчу, услыжавъ, что Эцль вернулся, какъ она спрашиваетъ о немъ, о своемъ мужѣ, и какъ печально воз-

вращается, услыхавъ, что онъ еще не скоро вернется! Что то они будутъ безъ него дѣлать? Сколько заботъ и хлопотъ для Ганки? А онъ! Онъ никого не увидитъ, онъ—словно заживо погребенный. Если бы, по крайней мѣрѣ, получить вѣсточку оттуда, каково тамъ, въ Ходскомъ краю. Что то тамъ дѣлается! Кожина хмурилъ брови и невольно сжималъ кулаки, вспоминая всѣ беззаконія, совершенныя надъ нимъ, надъ всѣми Ходами.

Они взывало къ небу, и ни откуда нѣтъ защиты. А каково то будетъ, когда онъ, вернувшись домой, пойдетъ на работу и долженъ будетъ молча выносить надруганіе и насмѣшки управителя. О, если бы всталъ изъ гроба его покойный отецъ и другіе его современники, какъ бы они стали сокрушаться!

Все время онъ надѣялся, что къ нему, въ Прагу, пріѣдетъ ктонибудь изъ близкихъ,—онъ особенно ждалъ Ганну. Но проходилъ день за днемъ, зима была уже не за горами, а никто не являлся. Кожина былъ сильно разочарованъ, глубоко опечаленъ. Можетъ быть, къ нему никого не пустили? Онъ не ошибался. Если бы онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, что Ганна, будучи не въ состояніи сама пріѣхать, благодаря разнымъ хлопотамъ, послала сюда его вѣрнаго друга Искру Ршехурека! Если бы онъ видѣлъ, какъ этотъ послѣдній выбивался изъ силъ, чтобы добиться свиданія съ товарищемъ, и сколько онъ бѣгалъ отъ Понтія къ Пилату, сколько просилъ, молилъ, сколько дней бродилъ кругомъ тюрьмы, и потомъ снова просилъ, пока, наконецъ, его не прогнали!

Но этого Кожина не зналъ.

Настала суровая зима. Молодой Ходъ не переставалъ освѣдомляться о старикѣ дядѣ, не переставалъ просить, чтобы его пустили къ нему. Правда, ему сообщили, что старикъ боленъ, что ему хуже; но просьбу его не исполнили. Кожина хорошо видѣлъ, что съ нимъ обращаются, точно съ какимъ то разбойникомъ, сурово и грубо, что другимъ, настоящимъ преступникамъ, не бываетъ хуже. И, въ своемъ раздраженіи, онъ виновникомъ всего несчастія Ходовъ считалъ Ламмингера. Онъ становился все болѣе озлобленнымъ, онъ чувствовалъ, что, явись теперь къ нему неожиданно самъ Трхановскій панъ и предложи ему свободу, съ однимъ условіемъ, чтобы онъ отрекся и сознался въ своемъ заблужденіи, въ томъ, что ихъ права уже не имѣютъ цѣны, онъ взглянулъ бы Ламмингеру въ глаза и сказалъ бы этому извергу прямо въ лицо рѣшительное „нѣтъ“, и выдержалъ бы его грозный пронизывающій взглядъ, какъ въ тотъ разъ, когда онъ пріѣхалъ въ Уѣздъ за старинными грамотами.

XXV.

Въ одинъ ясный, теплый мартовскій день тюремщикъ вывелъ Кристофа Грубаго на тюремный дворъ. Старый дядя Кожикъ былъ очень слабъ и не воспользовался дозволенной ему прогулкой, но сейчасъ же опустился на грубую лавочку, стоявшую на залитой солнцемъ площадкѣ. Съ того времени, какъ онъ разнемогся на апелляціонномъ судѣ, ему больше не полегчало. Тюрьма, видимо, подтачивала его силы; а вѣсти изъ Ходскаго края, дошедшія до него, и безпокойство о томъ, что дѣлается дома, откуда онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакихъ извѣстій, довершили остальное. Онъ протянулъ ноги на солнцѣ, сложилъ на колѣняхъ руки и смотрѣлъ на ясное, лучезарное небо, котораго ему уже не долго было ждать. Но черезъ минуту старикъ опустилъ усталыя, ослабѣвшіе глаза и склонилъ сѣдобласую голову. Онъ сидѣлъ неподвижно и только по временамъ дѣлалъ легкое движеніе, когда его начиналъ мучить кашель. Потомъ онъ поднялъ свою старческую голову. Вдругъ онъ увидалъ передъ собою на землѣ тѣнь, которая остановилась передъ нимъ.

— Ну, какъ тебѣ, старина?—спросилъ Грубаго важный панъ, въ кафтанѣ темногвоздичнаго цвѣта, въ черныхъ башмакахъ и чулкахъ, держа въ правой рукѣ трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

— Плохо, всемилостивѣйшій панъ, — отвѣчалъ старый Ходъ, повернувъ голову къ доктору, стоявшему передъ нимъ.—Едва ногами передвигаю. Силъ совсѣмъ нѣтъ. Сперва хоть сонъ былъ, а теперь и этого нѣтъ. И потомъ мысли не даютъ покоя,—оттого такъ и худѣю.

— Молчи, старина, я дамъ тебѣ порошокъ.

— Охъ, милостивый панъ, аптека ужъ не для меня. Съ весною и я уйду,—и лучше будетъ.

— Ну, старина, неужели тебѣ такъ умирать хочется? Свѣтъ никогда не наскучить.

— Помятно, ваша милость, когда хорошо живется, но нашимъ...

— Не бойся, перетерпится.

— Не думаю, а если бы ваша милость... Пусть бы со мною дѣлали, что хотятъ, только бы наши права вернули. Этого же они не дадутъ. Вотъ этого то, ваша милость...

Старецъ слабо махнулъ рукой. Его началъ душить кашель. Докторъ смотрѣлъ на него не безъ состраданія. Когда

старый Грубый пересталъ кашлять, онъ произнесъ, устремивъ глаза на доктора:

— Милостивый панъ, будьте такъ добры, скажите, что нашъ парень, Кожина?

— Тотъ стоитъ на своемъ. Видно, что у васъ одна кровь. Безумцы, о чемъ вы думаете? Почему не сдаетесь?

Грубый покачалъ сѣдвласой головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ не стоитъ докторъ, говорить... А какъ онъ поживаетъ, не хвораетъ ли?

— Кожина? Нѣтъ,—отвѣтилъ уже суше лѣкарь, раздраженный упорствомъ Ходовъ; онъ собрался уходить.

— Еще о чемъ буду васъ просить, милостивый панъ!—остановилъ его Грубый.—Въ которой сторонѣ нашъ городъ, Домажлицы?

Докторъ взглянулъ съ удивленіемъ на старика.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Такъ, чтобы я могъ видѣть хотя небо, что въ нашей сторонѣ, надъ нашимъ краемъ.

Докторъ посмотрѣлъ на солище и, махнувъ рукою, проговорилъ:

— Вотъ тамъ, въ той сторонѣ Домажлицы и вашъ несчастный край... Охъ, вы, вожаки...

Его голосъ былъ уже не такъ суровъ и, уходя, онъ еще разъ оглянулся на стараго Хода. Послѣдній пристально глядѣлъ въ ту сторону неба, подъ которымъ поднимались Шумавскія горы, у подножія которыхъ расположилось его несчастное село, ради котораго онъ терпѣлъ и которое не выходило у него изъ головы.

Не успѣлъ докторъ выйти изъ тюрьмы, какъ встрѣтился съ судьей Парубкомъ, который остановилъ его, спрашивая, куда онъ ходилъ.

Докторъ отвѣчалъ, что заходилъ къ старому Ходу.

Судья Парубокъ замигалъ своими немного косыми глазами и затѣмъ проговорилъ:

— А знаете ли, что сказалъ о немъ и объ его племянникѣ нашъ судья Кнехтъ: *Echter, böhmischer Dick-schädel*, но при этомъ онъ взглянулъ на меня, — и Парубокъ усмѣхнулся, при чемъ всѣ морщины собрались у лѣваго, косога глаза. — И они таковы, — продолжалъ онъ,—что скорѣе согласятся, чтобы кони ихъ растоптали, чѣмъ откажутся отъ своихъ правъ. Тотъ Кожина, наконецъ, спросилъ, зачѣмъ же мы требуемъ подписи, если ихъ права уже ничего не стоятъ. Онъ сказалъ, что поступаетъ согласно своей совѣсти, иначе не можетъ.

— Съ ними еще обошлись довольно снисходительно,— замѣтилъ докторъ.

— Ого, а вы ждали кола и плахи! Но не забудьте, что эти бѣдныя были введены въ заблужденіе. Благородный панъ Тункль, ихъ адвокатъ,—прирожденный плутъ. Сколько омы выманилъ у нихъ денегъ на лошадей, на экипажъ и на все другое! Удивительно, что они не могутъ забыть того, что было раньше, не могутъ забыть, какими они пользовались вольностями. Остальные теперь притихли. Присягнули быть покорными слугами... лишь эти два...

— Ну, со временемъ и Кожина сдѣлается шелковымъ. Старикъ же врядъ ли дотянетъ.

— Гм, не знак, а если бы...

— А что?

— Вотъ что. Мы не особенно потѣшили Ламмингера своимъ приговоромъ. Онъ требуетъ, какъ я слышалъ, пересмотра. Хочетъ добиться передачи изъ апелляціоннаго суда въ судъ уголовный.

— И успѣетъ въ этомъ?

— Гм, это—Ламмингеръ. Сначала дѣло Ходовъ въ Вѣнѣ шло довольно успѣшно, и адвокатъ Штраусъ направилъ его, какъ слѣдуетъ. Ламмингеръ постарался придать ему другой оборотъ. У него много друзей, да и потомъ ему хорошо извѣстно, что тамъ, наверху, не особенно долюбливаютъ крестьянскіе бунты и тяжбы.

— А добьется омы уголовного суда?—прервалъ его рѣчь докторъ.

— Сочтутъ это бунтомъ и...

— Потомъ отыщется одинъ параграфъ за другимъ, пока не дойдетъ дѣло до плахи,—прибавилъ докторъ.

— Да, да, точно такъ же, какъ вы даете одну водицу за другою, пока не отправите больного на тотъ свѣтъ. Это тоже докторская наука.

* * *

Майка послѣ смерти отца была полной хозяйкой въ домѣ. Конечно, все дѣлалось отъ имени стараго Пршибека, ея дѣда, но послѣдній ни во что не входилъ. Всѣхъ этихъ заботъ было болѣе чѣмъ достаточно для женщины, да еще такой молодой. И ко всему этому многое другое не давало покоя красивой дѣвушкѣ,—женихъ былъ еще въ Баваріи, въ изгнаніи.

Онъ рвался домой, посылалъ родителямъ посла за посломъ, спрашивая, можно ли вернуться. Старикъ отецъ каждый разъ приказывалъ ему еще потерпѣть немножко, въ виду того, что

времена не вѣрныя и его до сихъ поръ еще ищутъ. Молодой Ходъ пока поступилъ въ услуженіе на одинъ уединенный хуторъ, недалеко отъ границы. Уже годъ былъ на исходѣ, и за это время ему удалось два раза порадовать себя и невѣсту. Онъ приходилъ въ Чехію, тайкомъ, крадучись, черезъ лѣса, и ночью пробирался въ Уѣадъ, ночью же тайкомъ и уходилъ. Въ послѣдній разъ, передъ самой Пасхой, онъ божился, что не выдержитъ дальше въ Баваріи, что охотнѣе отсидитъ цѣлый годъ въ тюрьмѣ, охотнѣе будетъ ходить на работу въ цѣпяхъ, чѣмъ останется на чужой сторонѣ, среди чужихъ ему людей. Мамка утѣшала его, успокаивала, просила помнить о ней, и, наконецъ, онъ обѣщалъ ей еще немного повременить. Несмотря на это, она была неспокойна и боялась, какъ бы тоска по дому не сгубила ея милого.

Съ какою бы радостью она увидала его тутъ, около себя, своимъ мужемъ! И все таки она не приняла совѣта старыхъ сосѣдокъ, которыя уговаривали ее пойти въ Трхановъ, просить за жениха.

— Отецъ явился бы мнѣ... нѣтъ, этого я никогда не сдѣлаю! Зато Ганна каждый день освѣдомлялась, не пріѣхали ли паны.

Молодая крестьянка при первомъ наступленіи весны собралась въ Прагу навѣстить своего Яна и старика дядю въ тюрьмѣ. Она спѣшила, радовалась и боялась, удастся ли ей увидать мужа. Она хорошо помнила, что осеью Искру не пустили къ Яну. Но, вѣдь, волынщикъ—чужой, а она—жена, мать его дѣтей; никто не будетъ такъ безжалостенъ и жестокосердъ, чтобы прогнать ее прочь отъ дверей! И все таки это случилось. Съ нею обошлись такъ же, какъ съ Искрой.

Она напрасно просила, напрасно плакала и всѣ деньги, бывшія при ней, раздала тюремщикамъ. Ее не пустили, и она добилась только одного, чтобы Яну сказали, что она была тутъ.

Хотя Кожина и привыкъ къ суровому обращенію съ нимъ, но онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы ему не разрѣшили этого короткаго свиданія съ женою. И она была такъ близко отъ него! Сначала у него болѣзненно сжалось сердце, но потомъ онъ тѣмъ въ большую пришелъ ярость. Онъ провожалъ мысленно несчастную Ганну, видѣлъ, какъ она уходила отъ тюрьмы, какъ возвращалась домой. Онъ не видалъ только, какъ она была убита, какъ она цѣлую дорогу плакала и опять горько разрыдалась, когда навстрѣчу ей вышли дѣти съ бабкой, чтобы поздороваться съ матерью и узнать, что имъ передалъ отецъ.

И оттого, когда насталъ май мѣсяцъ, когда въ долинахъ и горахъ все зазеленѣло и расцвѣло, она не переставала спрашивать о пажахъ. Въ прежніе годы паны въ это время были уже тутъ. Въ нынѣшнее же лѣто ихъ совсѣмъ не было. Можетъ быть, Ломикаръ не довѣрялъ еще усмирениому народу, можетъ быть, онъ опасался новаго возстанія, если самъ явится,—такъ разсуждали мужчины. Никто не сожалѣлъ о нихъ. Одна Ганна съ радостью услышала бы объ ихъ пріѣздѣ. Она рѣшила, хотя никому не повѣдала этого, пойти въ замокъ къ благородной паннѣ просить за Яна, просить, чтобы его отпустили. Она слыхала, что госпожа Ламмингеръ не такъ безжалостна, какъ ея мужъ, а потому чувствовала довѣріе къ ней; Ганна вѣрила, надѣялась, что и та сочувствуетъ ей. Вѣдь, ясновельможная панна была тоже жемою и матерью. А если бы ей не удалось вымолить возвращеніе Яна раньше срока изъ тюрьмы, то она твердо надѣялась добиться свиданія съ нимъ. Она рѣшила, что тогда немедленно пойдетъ въ Прагу и, чтобы порадовать мужа, возьметъ съ собою и Павлика.

Однако, весна прошла, настала жатва, а пановъ не было въ замкѣ. Ганка уже не думала о нихъ,—вѣдь, она знала, что скоро будетъ годъ, какъ Янъ заключенъ, и теперь уже не долго ждать его возвращенія. Тоски какъ и ни бывало, лицо молодой хозяйки прояснилось, и съ Искрой и съ Дорлой она только и говорила, что о приходѣ Яна. А, когда они уходили, она опять разговаривала объ этомъ съ Ганалкой и Павликомъ, говорила имъ, что онъ скоро вернется изъ Праги, рассказывала о немъ въ воскресенье, когда была съ ними, въ каждую свободную минуточку, особенно, когда укладывала ихъ и заставляла молиться о немъ.

Наконецъ, настала давно желанная минута. Она, въ сильномъ волненіи, ждала его ежедневно, ежечасно, ходила сама съ дѣтьми ему навстрѣчу; ждала, не дождалась его. Затѣмъ осень пришла, прошло больше года, какъ Янъ ушелъ изъ дома, больше года, какъ онъ осужденъ, и теперь твердая надежда, та надежда, которая ее поддерживала, начала колебаться и опять сердцемъ овладѣли прежнія опасенія, что всѣ ея надежды должны рушиться.

Однажды, въ одинъ непривѣтливый осенній вечеръ, Ганка возвращалась въ родное село изъ города, куда ходила и по домашнимъ дѣламъ, и съ тайной надеждой встрѣтить Яна.

Теперь, когда она возвращалась одна, въ ея душѣ было такъ же мрачно, какъ мрачны были сумерки этого осенняго

вечера. Вдругъ на краю села она замѣтила собравшихся людей, которые внимательно что то слушали.

— Ломикару всего этого мало, мало тюрьмы — раздался чей то голосъ изъ толпы.—Опять будетъ судъ! Вы слышали? Изъ замка пришли въ Кленчу, забрали оттуда Адама и Сыку. Ихъ поведутъ въ Пильземъ.

Ганна поблѣднѣла, и сердце у нея замерло. О ея мужѣ ни слова не говорилось, а между тѣмъ эта новость ее такъ испугала, такъ смутила.

На слѣдующій день пришли болѣе подробныя извѣстія; рассказывали, какъ неожиданно нагрянули не только за Сыкой и Адамомъ, но и за Починовскимъ Пайдаромъ, за старымъ Шерловскимъ, Медаковскимъ Нѣмцемъ, за всѣми, которые были посланы въ Вѣну и Прагу, и какъ ихъ связанными отвезли въ Пильземъ.

Ганна заломила руки; она поняла теперь, почему мужъ не вернулся, хотя и прошелъ годъ, который онъ долженъ былъ отсидѣть въ тюрьмѣ. И, когда къ ней вошелъ Искра Ршехурекъ, убитый горемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, она дико вскрикнула:

— Искра, онъ ужъ не вернется!

XXVI.

Въ половинѣ января мѣсяца 1695 года, однажды въ полдень, тюремщикъ и часовой переводили Яна Кожину изъ его помѣщенія въ другое. На дворѣ ревѣлъ вѣтеръ, и его завыванія глухо раздавались въ пустынныхъ, тюремныхъ коридорахъ. Кожина, войдя въ камеру, остановился на минуту у двери, оглянулся и потомъ такъ быстро вошелъ, что даже кандалы на ногахъ загремѣли. Онъ стоялъ у грубаго ложа, посланнаго одною соломой, на которомъ покоился Дражиновскій Кристофъ Грубый.

Старецъ, разговаривая въ прошломъ году съ докторомъ на дворѣ, думалъ, что онъ близокъ къ смерти. Но она не приходила, и онъ вторую зиму проводилъ въ заключеніи. По его желтому, худому лицу, по усталымъ глазамъ было не трудно видѣть, что силъ у него не прибыло. Онъ такъ измѣнился, что племянникъ его съ трудомъ узналъ.

Куда дѣвался прежній Дражиновскій судья, правда, уже преклонныхъ лѣтъ, но до тѣхъ поръ статный старикъ, со свѣжимъ лицомъ, съ ясными, блестящими глазами и благородными чертами лица. Онъ лежалъ изнуренный и слабый.

Длинные волосы съ просѣдью въ темницѣ сдѣлались совсѣмъ бѣлосѣдыми.

Старецъ съ минуту внимательно смотрѣлъ на Кожину, когда тотъ подошелъ къ нему. Потомъ изможденное лицо Грубаго прояснилось, слабая улыбка показалась на губахъ. Старикъ не видалъ племянника съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ имъ было объявлено приговоръ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ихъ земляки подписали ту злополучную бумагу и потомъ ушли домой, въ порабощенный Ходскій край.

— И ты сталъ не тотъ, но все же не такимъ, какъ я,— обратился онъ къ племяннику, не спуская глазъ съ его похудѣвшаго, блѣднаго лица. Онъ былъ обрадованъ его посѣщеніемъ, о которомъ столько разъ напрасно просилъ, и вдвойнѣ обрадованъ, когда тюремщикъ объявилъ, что молодой заключенный останется съ нимъ. Онъ ушелъ, двери затворились, ключъ щелкнулъ, и Ходы остались одни. Кожина присѣлъ къ дядѣ на кровать. Слабый, зимній свѣтъ падалъ на Ходскаго арестанта, на его бѣлый жупанъ, теперь уже изношенный. Но онъ и теперь еще былъ красивъ. До сихъ поръ на грудь молодого Хода спускались ветхія, красныя ленты, прежній подарокъ Ганны, памятка счастливой веселой свадьбы.

Кожина разспрашивалъ дядю о здоровьѣ, и, когда тотъ отвѣтилъ, что плохо дѣло, послѣдній, сочувственно взглянувъ на страдальца, спросилъ его:

— Годъ уже кончился, а мы еще здѣсь. Не знаете ли, почему?

Старецъ, который между тѣмъ приподнялся и сѣлъ на постель, кивнулъ утвердительно головой. Онъ зналъ, что Ламмингеръ подалъ жалобу на приговоръ апелляціоннаго суда и требовалъ уголовнаго.

— И онъ добился этого... Я былъ уже въ судѣ. Но въ другомъ. Меня опять допрашивали и сказали, что все это случилось благодаря моимъ рѣчамъ.

Кожина смолкъ.

— Они и у меня были, здѣсь. Я на ноги не могу стать.

— Я такъ и думалъ,—отвѣтилъ тотъ и прибавилъ, что сына, Адамъ, Шерловскій, Пайдаръ и всѣ тѣ, которые были въ Вѣнѣ и Прагѣ, снова заключены и тоже предстали передъ уголовнымъ судомъ.

Старецъ кивнулъ головою и, сжавъ руками виски, проговорилъ:

— Знаю, знаю. Я думалъ, что имъ нужно только меня или насъ обоихъ, а они и всѣхъ хотятъ. И это называется разсудить!

— Такъ вы уже знаете?!

— Знаю ли? Конечно, знаю. Всѣ паны изъ уголовного суда были у меня. Но, вѣдь, и вамъ это читали.

Старикъ, замолчавъ, устремилъ свои мутные глаза на племянника, который сидѣлъ молча и неподвижно, склонивъ блѣдное лицо на грудь. Онъ не поднялъ его и тогда, когда дядя сообщилъ ему содержаніе приговора, который былъ ему сегодня объявленъ. Адамъ, онъ самъ, Кристофъ Грубый, и Кожина, какъ главные зачинщики и бунтовщики, подлежатъ повѣшенію, Сыка и Брыхта приговорены стоять въ продолженіе извѣстнаго времени по два часа у позорнаго столба, послѣ чего будутъ изгнаны. Объ остальныхъ, а ихъ было не мало, старецъ не помнилъ, зналъ только, что нѣкоторые изъ нихъ присуждены, кто на два, кто на годъ, а иные на нѣсколько мѣсяцевъ строгаго тюремнаго заключенія.

Когда Грубый умолкъ, Кожина, словно очнувшись отъ своихъ мыслей, поднялъ голову.

— Да, и намъ это читали.

— Ну, парень, вотъ что мы получили за наши права. Грамоты у насъ украли, да къ висѣлицѣ и приговорили. Но если бы этого одинъ Ломикаръ хотѣлъ. Вѣдь, и въ Вѣнѣ молчать. Ничего не могутъ. Что мы имъ сдѣлали?

Кожина повернулъ голову, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, и проговорилъ:

— Не знаю, дядя.

— Но все это взываетъ къ небу! Король не подпишетъ этого. Нѣтъ, нѣтъ... А ежели тому Трхановскому волку нужна чья либо жизнь, пусть возьметъ меня, стараго, хвораго человѣка. Мнѣ все равно, по крайней мѣрѣ, не увижу этихъ злыхъ гадинъ,—прибавилъ слабымъ голосомъ старецъ, при чемъ кашель не далъ ему договорить.

Кожина прошелся взадъ и впередъ, и затѣмъ проговорилъ:

— Я знаю его—онъ не смягчится. Мы уже не вернемся домой.

— Я—нѣтъ, парень, но ты,—не убивайся. Вѣдь, это невозможно, у тебя жена, дѣти.

Молодой Ходъ остановился. Слова старика коснулись того, о чемъ онъ самъ теперь думалъ. Изъ его молодой груди вырвался невольный вздохъ.

— Дядя, вѣдь, это мнѣ горше всего. Ганна и дѣти, мои дѣти,—я непрестанно думаю о нихъ. Не будь ихъ,—вѣшай меня, я и тогда не сталъ бы унижаться.

— А ты хотѣлъ бы Ломикара просить!

— Никогда, даже если бы мнѣ и взаправду пришлось подъ висѣлицей стоять.

Оба замолкли; когда же они снова заговорили, то рѣчь не заходила уже больше объ этомъ. Они вспоминали про домъ, про свой чудный Ходскій край, про свои семьи. Старикъ только все таки не выдержалъ и началъ жаловаться, когда услышалъ, что Искру и даже Ганну не пустили къ племяннику. То было грустное свиданіе, но тѣмъ не менѣе оно обоихъ очень обрадовало. Они такъ давно желали, добивались этого. Теперь они, по крайней мѣрѣ, освободились отъ томительнаго одиночества и не были одни со своими мучительными, грустными думами. Кожина ухаживалъ за дядей, насколько это позволяли ему камдалы.

Однимъ утѣшеніемъ старика была бесѣда о родныхъ, да и племянникъ былъ радъ, хоть мысленно, переноситься туда. Приговора они болѣе не касались, хотя каждый изъ нихъ нѣсколько разъ на день,—и во время разговора, и среди долгихъ безмолвныхъ чассъ, и ночью—невольно спрашивалъ себя, будетъ ли онъ подписанъ королемъ.

Старецъ не боялся смерти. Онъ не разъ вспоминалъ о ней и ожидалъ ее спокойно. Онъ чувствовалъ, что силы уходятъ. На третій день послѣ того, какъ Кожину перевели къ нему, онъ попросилъ священника. Когда послѣдній пришелъ и напутствовалъ его въ его послѣдній путь, старецъ обратился къ нему съ просьбою написать письмо. Священникъ согласился, что не мало обрадовало и Кожину: вѣдь, такимъ образомъ, и его близкіе узнаютъ что нибудь о немъ, можно будетъ передать имъ нѣсколько словъ. Уже одна эта мысль его глубоко осчастливила.

Священникъ написалъ семейству Грубаго, въ Дражиновъ, все подробно о немъ, передалъ его послѣднюю волю, его послѣднее благословеніе, въ случаѣ, если онъ не вернется; передалъ, что и ему самому тяжело ихъ всѣхъ уже никогда больше не видѣть. Въ концѣ онъ прибавилъ, что съ нимъ Кожина и что послѣдній кланяется сто разъ женѣ и дѣтямъ и всѣмъ въ Дражиновѣ и въ Уѣздѣ и проситъ передать это всѣмъ,—больше ничего нельзя было прибавить.

Привѣтливый старикъ священникъ старался передъ уходомъ изъ тюрьмы утѣшить старика, сказалъ, что смерти бояться нечего, что онъ можетъ, наконецъ, поправиться. Но Грубый не далъ ему договорить.

— Нѣтъ, это ужъ и всѣ знаютъ, что со мною аминь, оттого и пустили ко мнѣ этого парня.

Когда священникъ ушелъ, онъ проговорилъ, обративъ свои утомленные глаза на племянника:

— Только бы Господь далъ, парень, и я зналъ, что ты уйдешь отъ этого! Это лежитъ камнемъ у меня на сердцѣ. И умирать было бы легче:

Онъ умолкъ и смотрѣлъ прямо передъ собою въ пустое пространство, потомъ снова обернулся къ племяннику, который сидѣлъ у него въ ногахъ.

— А ежели Господь Богъ допуститъ, и ты взаправду будешь приговоренъ, не проси, Ягъ!

— Не буду, я уже сказалъ. Мы ничего не добились, но все таки не напрасно умремъ.—Въ глазахъ старика словно что то блеснуло.

— И если всѣ подпишутъ и отрекутся, а мы одни нѣтъ, то наше право не погибло. Тѣ, которые будутъ послѣ насъ, снова заговорятъ о немъ, только бы Господь Богъ послалъ лучшя времена.

Усталый, онъ смолкъ и сложилъ, точно на молитву, руки. Потомъ задремалъ, послѣ чего опять молился. Затѣмъ долго бесѣдовалъ съ Кожиною, но разговоръ его утомлялъ и старикъ часто остаивался, чтобы отдохнуть. Онъ опять былъ тамъ, въ своемъ Ходскомъ краю, опять вспоминалъ про своихъ близкихъ, и ему было тяжело подумать, что онъ не будетъ лежать тамъ, на своемъ родномъ кладбищѣ. Потому онъ схватилъ Кожину за руку.

— Ягъ, во имя Господа Бога заклиная тебя, прости мнѣ, и въ первый, и во второй, и въ третій разъ... ты, быть можетъ, и не былъ бы тутъ, если бы не я... прости мнѣ...

Голосъ его дрогнулъ.

Молодой Ходъ сжалъ холодную руку старика.

— Нѣтъ, дядя, я бы все таки началъ, не будь и васъ... вы ни чѣмъ не согрѣшили противъ меня,—ничѣмъ.

Когда первая сумерки спустились въ мрачную тюрьму, опять раздавался голосъ стараго Дражиновскаго судьи.

— Я молю, прошу Господа Бога смилостивиться надъ нашими дома, а особенно надъ тобою, Ягъ, чтобы онъ не допустилъ тебя безвинно погибнуть. И я вѣрю, что есть еще Божья справедливость.

Когда тюремщикъ принесъ миску супа, онъ не дотронулся до нея. Кожина просилъ не тушить огня, и просьбу его исполнили. Кожина цѣлую ночь не смыкалъ глазъ, потому что самъ уже видѣлъ, что дядя не ошибался.

Старый Ходъ сохранилъ до послѣдней минуты ясность мыслей.

На разсвѣтъ, когда уже догоралъ каганецъ, онъ сталъ просить племянника громко помолиться. Кожина опустился на колѣни около кровати и началъ читать молитву за молитвой, не спуская глазъ со старика. Вдругъ онъ остановился. Дядя протянулъ руку, склонилъ голову и по всему его лицу разлилась смертельная блѣдность...

Тусклый утренній свѣтъ падалъ въ мрачную темницу; оттуда неслись судорожныя, мужскія рыданія.

Когда, немного погодя, вошелъ тюремщикъ, неся заключеннымъ завтракъ, онъ засталъ Кожину сидящимъ у ложа почившаго.

Молодой Ходъ уже не плакалъ. Онъ сидѣлъ блѣдный и неподвижный, словно изваяніе, со сложенными руками, молясь за дядю, душа котораго отлетѣла въ лучшій міръ.

Когда выносили тѣло старика Грубаго, Кожина просилъ позволенія проводить гробъ. Въ этомъ ему было отказано, и на его вопросъ о погребеніи, отвѣтили только, что оно состоится на слѣдующій день. Но другую его просьбу исполнили: ему позволили остаться тутъ, гдѣ умеръ его дядя. Покойникъ всѣ эти два дня не выходилъ у него изъ головы. Кожина не могъ забыть, что скончался одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ судей Ходскаго края въ тюрьмѣ, не могъ забыть, куда отнесутъ его мертвое тѣло. Не было при немъ никого изъ близкихъ, которые поплакали бы надъ его тѣломъ, они даже не знали, что ихъ старшій хозяинъ навѣки ушелъ отъ нихъ. А тамъ на Дражиновской усадьбѣ его стали бы оплакивать сыновья и работники, и не только въ минуту смерти, но цѣлыхъ три дня. Оттуда въ продолженіе всего этого времени неслись бы громкія причитанія; стали бы восхвалять все то доброе, что покойникъ сдѣлалъ, вспоминали бы, какъ онъ родныхъ любилъ и работниковъ жалѣлъ; прославляли бы его разумъ, щедрость, привѣтливость ко всѣмъ. Здѣсь же, въ этой каморѣ, куда его отнесли, онъ даже не пролежитъ до третьяго дня. Его вынесутъ на второй же день, и не придутъ три старыя пѣвца затянуть надъ открытымъ гробомъ грустную, жалостную пѣснь объ отлѣтѣвшей душѣ, не придутъ и сосѣди проводить мертваго, никто не проводитъ его, не раздастся перевозъ, его отнесутъ и кинутъ въ яму. Если бы, по крайней мѣрѣ, позволили взглянуть на это жалкое мѣсто послѣдняго успокоенія и запомнить его... Запомнить? Ему? Развѣ онъ вернется домой, чтобы показать его?

Кожина вздрогнулъ.

Онъ молился все время, пока шло погребеніе. Но

среди самой горячей молитвы онъ не могъ отдѣлаться отъ ужасныхъ мыслей, которыя закрадывались къ нему, и тогда онъ невольно оставался на минуту.

Кожина невольно подумалъ о себѣ, о женѣ, о дѣтяхъ. А что будетъ съ нимъ? Быть можетъ, его ожидаетъ что нибудь еще болѣе ужасное?

Будетъ ли подписанъ приговоръ въ Вѣнѣ? Мысль эта его убивала; онъ чувствовалъ, какъ сердце его холодѣетъ, и онъ принимался еще съ большимъ жаромъ повторять святыя слова, чтобы отогнать эти страшныя мысли.

Снова настали дни невыносимаго одиночества, полныя грустныхъ мучительныхъ думъ. Медленно уплывалъ часъ за часомъ, въ невыразимой тоскѣ.

Однажды, рано утромъ, тюремщикъ, поставивъ заключенному завтракъ, оставившись, уже собираясь уходить, у самыхъ дверей и, устремивъ на него глаза, словно о чемъ то размышляя, проговорилъ:

— Слышь, человѣче, я тебѣ что повѣдаю, но, смотри, никому не говори, что узналъ отъ меня. Тебя мучаетъ мысль, будетъ ли приговоръ подписанъ въ Вѣнѣ,—вотъ я и думалъ, что тебя облегчить...

Кожина, поднявъ голову, напряженно слушалъ.

— Пришло это вчера изъ Вѣны—стороною узналъ... понимаешь, но, смотри, молчи,—говорилъ тюремщикъ.—Король не все подписалъ.

Заключенный вздрогнулъ и почувствовалъ, какъ вся кровь бросилась ему въ лицо. Глаза его такъ и впились въ губы тюремщика.

— Король повелѣлъ, чтобы только одинъ изъ васъ обоихъ былъ—ну тамъ, знаешь... повѣшемъ.

— А кто?—быстро перебилъ его Кожина.

— Этого я не знаю. Рѣшить это должны тамъ, наверху,—тюремщикъ поднялъ руку, давая тѣмъ понять, что дѣло шло о членахъ уголовного суда.—Старикъ ушелъ. Осталось только двое васъ... кого выберутъ—того ли, или тебя—это они должны рѣшить. Но ты въ лучшемъ положеніи. Имя того Адама поставили на первое мѣсто за его дерзкія рѣчи, покойника на—второе, а ты былъ только третьимъ. Можетъ быть, ты скорѣе всѣхъ избѣгнешь этого.

— А ежели бы меня не присудили?

Тюремщикъ помялъ.

— Домой не вернешься. Тотъ, кто останется, будетъ посланъ на десять лѣтъ въ Венгрію, въ крѣпость. Пришло это вчера... Десять лѣтъ крѣпости тоже не шутка, но все

же они пройдутъ. Изъ Венгріи вернешься,—а оттуда...—Тюремщикъ не докончилъ.

— Да благословить васъ Богъ,—поблагодарилъ глухимъ голосомъ Кожина.

— Но, смотри, ни слова! Я отъ души желаю тебѣ этого, вѣдь, у тебя жена, дѣти.

Онъ ушелъ. Это извѣстіе было лучомъ надежды, который проникъ въ мрачную темницу.

Одно было въ немъ ясно: всё, т. е. теперь они двое, онъ и Адамъ, не умрутъ позорною смертію. Одному изъ нихъ оставить жизнь,—какому?

Лучъ все мерцалъ, то слабѣе и слабѣе, то опять вдругъ вспыхивалъ, и заключенный на минуту пріободрялся.

Вѣдь, онъ былъ молодъ, у него была любимая жена, дѣти, ему такъ не хотѣлось умирать. И ему не за что было, онъ былъ убѣжденъ въ своей невинности. Онъ добивался только справедливаго дѣла, а когда остальные дѣлали Ломикару все наперекоръ, онъ ихъ предостерегалъ и сдерживалъ. Онъ полагался только на правду, на свое право и справедливость. И за это онъ долженъ быть повѣшенъ, онъ или Адамъ. Но, вѣдь, послѣдній говорилъ въ Клемячѣ рѣчь; онъ оскорбилъ Ломикара, и тотъ ему не забудетъ этого. А онъ, Кожина, удерживалъ Эцля, просилъ его именемъ Бога не ходить въ замокъ. И теперь онъ обвиненъ и осужденъ вмѣстѣ съ нимъ! Но, вѣдь, и Адамъ не заслужилъ этого наказанія, да и никто изъ Ходовъ, а только одинъ Ломикаръ, который дразнилъ и раздражалъ ихъ. Кого онъ выберетъ, кого производить на смерть, Эцля или же его, Кожину, который столько разъ ему смѣло смотрѣлъ въ глаза, всегда за всѣхъ отвѣчалъ? И внутри его всегда раздавалось:—Тебя, тебя!

Но, вѣдь, не Ломикаръ рѣшаетъ, а судъ. Заключенный вздохнулъ съ облегченіемъ, но сейчасъ же, вслѣдъ за тѣмъ, точно черная туча, пронеслась у него въ головѣ мысль:

— Да развѣ онъ не все можетъ!

Онъ уничтожилъ приговоръ апелляціоннаго суда, онъ же заставитъ и судей рѣшить, какъ захочетъ.

— Пусть рѣшаетъ! Но Ломикаръ не дождется, чтобы онъ, Кожина, смирился, онъ не дождется, чтобы онъ, Кожина, отрекся и сказалъ: Все то, чего я добивался, было неправильно, все то, что я говорилъ, была одна ложь. Чтобы Ломикаръ еще надругался надъ нимъ и, указывая на него пальцемъ, сказалъ: — Вагляните, вотъ какъ я его укротилъ, вагляните, какъ онъ смирился, — нѣтъ, столько пере-

терпѣть — и дожидаться еще этого стыда и надруганія?! — О, его покойный отецъ не думалъ, объ этомъ, когда предсказывалъ, что полетѣтся еще кровь, ради Ходской свободы, — да развѣ онъ, самъ, ожидалъ всего этого, тамъ подъ липой. Да будетъ воля Божія! Ежели онъ умретъ, то умретъ за правое дѣло.

И опять наступали минуты, когда его покидала твердость духа; случалось это при воспоминаніи о женѣ и малыхъ дѣтяхъ. Не разъ, размышляя обо всемъ этомъ, онъ начиналъ думать о послѣдней минутѣ, о вѣчной разлукѣ, и тогда у него каждый разъ выступалъ на лбу холодный потъ. Неувѣренность, постоянный переходъ отъ надежды къ страху мучили, его всего больше и онъ не разъ спрашивалъ тюремщика, рѣшено ли. И тотъ ему всегда отвѣчалъ, что еще нѣтъ, а можетъ быть, что и такъ, да онъ навѣрное не знаетъ, а если бы судъ и рѣшилъ, то приговоръ будетъ еще посланъ на утвержденіе, и опять недѣли пройдетъ.

Ужасные люди! Зачѣмъ эти проволочки, зачѣмъ это мученіе? Но никто не отвѣчалъ Кожинѣ, никто его не слышалъ.

Разъ въ бессонную ночь онъ опять думалъ объ этомъ, сидя на кровати, думалъ о томъ, кто будетъ изъ нихъ двухъ присужденъ къ смерти: онъ или Адамъ. Но какъ узнать это? Кто могъ бы повѣдать ему? И вдругъ у него промелькнуло въ головѣ: „Спроси судьбу! Буду считать четъ и нечетъ. Нечетъ будетъ твоя смерть“. Онъ всталъ и подошелъ къ стѣнѣ. На минуту остановился, потомъ двинулся и направился прямо къ дверямъ, считая про себя шаги. Среди темноты было явственно слышно позвякиваніе кандаловъ у него на ногѣ. Вдругъ оно стихло. Кожина дошелъ до дверей и досчиталъ. Семь шаговъ! Дурное предзнаменованіе! Но онъ еще разъ попытался. Дойдя до кровати, Кожина вытянулъ оттуда горсть соломы. Потомъ принялся считать у окошка стебли. Сосчитанные падали одинъ за другимъ на землю. Четырнадцать, — только два осталось у него въ рукѣ, — пятнадцать, шестнадцать... О! И вдругъ онъ увидалъ между пальцами еще послѣднее, семнадцатое! Эту ночь онъ не уснулъ, больше уже не загадывалъ.

XXVII.

Опять все цвѣло: роскошные хлѣба волновались при малѣйшемъ вѣтеркѣ, точно море, и съ каждымъ днемъ все больше наливались. Въ эту то пору приѣхалъ въ Трхановскій замокъ Ламмингеръ съ женою, въ первый разъ послѣ

этихъ несчастныхъ событій. Но госпожа фонъ-Альбенрейтъ неохотно сюда ѣхала. Мужъ хотѣлъ привезти ее еще въ прошломъ году, но тогда ей удалось отстоять свою волю. Теперь пришлось подчиниться.

— Не бойтесь, моя милая, — сказала онъ ей холодно, сухо. — Это уже не прежніе Ходы. Взгляните, какъ я ихъ укротилъ. Они — настоящія овечки!

Ясновельможная панна повѣрила мужу на слово; однако, это то именно и угнетало ее. Она боялась мрачной, гробовой тишины въ этомъ чудномъ Шумавскомъ краю, боялась, чтобы Максимилианъ фонъ-Альбенрейтъ не натянулъ слишкомъ струны, боялась чтобы у Ходовъ не лопнуло терпѣніе. И потому, когда она очутилась въ бѣломъ Трхановскомъ замкѣ, который утопалъ въ густой зелени, она лишь изрѣдка выѣзжала, проводя почти все время въ саду. Лишь только нѣсколько дней провела она тутъ, а между тѣмъ ей было такъ тоскливо. Раньше, пока при ней были дочери, жилось все таки веселѣе. Теперь же младшая вышла замужъ, и нынѣшнее лѣто проводила въ помѣстьи мужа, графа фонъ-Вертебъ-Фрей-денталь.

Она радовалась за дочь, и не разъ вспоминала, какъ веселая, молодая дѣвушка скучала всегда здѣсь, въ уединенномъ замкѣ, и какъ бы она теперь рвалась отсюда!

Однажды, въ воскресенье подъ вечеръ, госпожа фонъ-Альбенрейтъ читала письмо въ саду, въ бесѣдкѣ изъ густой грабины. Она прочла его до половины, и уже по нѣсколько разъ перечитывала каждую страницу. Она внимательно слѣдила за каждой строчкой, и насколько въ первый разъ быстро его пробѣжала, настолько теперь не пропускала ни слова, завѣшивая каждое выраженіе. Во время чтенія ея серьезное лицо засвѣтилось тихой радостью. Покончивъ его, она вдругъ остановилась и, держа письмо въ правой рукѣ, обернулась въ ту сторону, откуда раздались шаги.

Панна поджидала мужа; вмѣсто него по дорожкѣ, обсаженной стриженными грабинами, показался старый Петръ, камердинеръ Ламмингера.

— Ахъ, это ты, Петръ! — проговорила она привѣтливо. — Что дѣлаетъ твой господинъ?

— Еще занимается.

— Случилось чтонибудь?

— Ничего, ваша милость; ворота заперты, а между тѣмъ, понять не могу, какъ очутилась здѣсь какая то крестьянка. Вѣрно, пробралась, когда ворота отворяли.

— А что она хочетъ?

— Спросила васъ, ваша милость. Ее стали гнать. Теперь иду посмотрѣть, заперта ли садовая калитка.

Онъ вдохнулъ и не договорилъ. Шаги, раздавшіеся по дорожкѣ, усыпанной мелкимъ пескомъ, прервали старика.

Госпожа фонъ-Альбенрейтъ тоже обернулась. Вѣрно, это та крестьянка. Она робко приближалась, вся блѣдная, какъ полотно, одѣтая въ темное платье и передникъ и покрытая вышитымъ платочкомъ. Съ нею было двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, въ праздничныхъ одеждахъ, съ гладко причесанными волосами.

Госпожа Ламмингеръ съ любопытствомъ взглянула на молодую красивую крестьянку. Ей сейчасъ же бросилась въ глаза блѣдность, измученность пришедшей. Петръ, опомнившись, шелъ уже ей навстрѣчу, намѣреваясь ее прогнать, но, по знаку своей госпожи, остановился. Молодая женщина смутилась, увидавъ богато одѣтую панну. Но сейчасъ же наклонилась къ дѣтямъ и что то имъ шепнула; мальчуганъ подбѣжалъ, и раньше, чѣмъ кто нибудь успѣлъ его остановить, поцѣловалъ руку ясновельможной панны. Его сестренка, четырехлѣтняя златокудрая дѣвочка, покраснѣвъ вся, какъ маковый цвѣтъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась. Старый Петръ не могъ безъ умиленія смотрѣть на смѣлаго мальчика и на его робкую, хорошеющую сестренку, которая, видимо, очень понравилась и госпожѣ фонъ-Альбенрейтъ.

— Кто ты, и откуда?—спросила та.

— Я изъ Уѣзда, Кожимова.

Тѣнь пролетѣла по лицу благородной панны. Старый Петръ вздохнулъ.

— Что ты хочешь?

Молодая женщина залилась слезами; не въ силахъ произнести ни одного слова, она упала на колѣни.

— Смилуйтесь, ясновельможная панна, смилуйтесь!

— Встань и расскажи мнѣ, что ты хочешь.

— Вѣдь, вы, ясновельможная панна, можете быть, знаете... Уже другой годъ, какъ мой мужъ томится въ тюрьмѣ. Ему хуже всѣхъ, а, вѣдь, онъ меньше другихъ виноватъ. Онъ и уговаривалъ, и ссорился, и просилъ парней не дѣлать всѣхъ этихъ безчинствъ. А въ томъ бунтѣ онъ и совсѣмъ не участвовалъ, вѣдь, онъ сидѣлъ тогда уже въ тюрьмѣ. Ясновельможная панна, попросите, чтобы его отпустили. Мы такъ давно одни одиношеньки, все прахомъ идетъ, а онъ, бѣдняга... А эти дѣточки, ясновельможная панна! А ежели хозяинъ въ чемъ и провинился, то, вѣдь, мы всѣ сидимъ на

сухомъ хлѣбѣ, мы довольно наказаны. Именемъ Бога заклинаю васъ, ясновельможная панна.

Госпожа фонъ-Альбенрейтъ не прерывала несчастную женщину. Ея слова, ея слезы глубоко ее тронули; но у нея еще больше, еще сильнѣе сжалось сердце, когда она въ эту минуту вспомнила то, что ей сказалъ мужъ, говоря о судѣ: то, что Уѣдскій Кожина будетъ, навѣрное, приговоренъ къ смерти. Не удивительно, что теперь, при видѣ этого красиваго, краснощекаго мальчугана и его златокудрой сестренки, этихъ невинныхъ дѣтей, у нея глаза наполнились слезами. Послѣднія, не понимая всего несчастія родителей, смотрѣли со страхомъ то на плачущую мать, то на важную, красиво одѣтую панну.

— Не плачь, несчастная!—обратилась она къ женщинѣ.— И мнѣ все это очень тяжело, я и рада бы тебѣ помочь, и желала бы для тебя и дѣтей, чтобы вы не оставались безъ отца, но я ничего не могу.

— Но ясновельможный панъ...

— Ты ошибаешься: не онъ судить твоего мужа, а судья въ Прагѣ, отъ него все зависитъ. Я увижу, что будетъ можно...

Она вадрогнула и не договорила: ее смутили приближавшіеся шаги. Петръ тоже испугался и невольно отступилъ въ глубину, къ кустамъ. И онъ понималъ, кто приближался. Ламмингеръ уже стоялъ около нихъ. Онъ обвелъ своими холодными, пронизывающими глазами всю эту неожиданную группу людей. Ганна, напряженно слушая то, что ей говорила панна, не замѣтила его, пока онъ не заговорилъ:

— Кто пустилъ ее сюда?

Онъ спросилъ это, даже не оглянувшись, спокойно и хладнокровно, но съ укоризной. Ганну будто что то кольнуло, когда она увидала и услышала его. Къ той, къ важной паннѣ она относилась съ довѣріемъ, ту она не боялась, но передъ нимъ! Это онъ, Ламмингеръ! Точно коршунъ спустился. У нея судорожно сжалось горло, и она невольно прижала къ себѣ маленькую Ганалку, которая пряталась въ складкахъ ея юбки, словно малый цыпленокъ.

— Ясновельможный панъ!—проговорила она дрожащимъ голосомъ.

— Что ты хочешь?—спросилъ Ламмингеръ.

— Это Кожинова,—сказала его жена, со страхомъ глядя на обоихъ.

— Такъ... А что она хочетъ?—спросилъ онъ равнодушно.

Ганка отвѣтила вмѣсто нея:

— Смилуйтесь, благородный панъ, мой Янъ уже такъ долго томится въ тюрьмѣ.

— Онъ послалъ тебя просить за него?

— Ахъ, я не могла говорить съ нимъ, ясновельможный панъ. Я была у него, но меня не пустили!

— А ежели бы тебя пустили, врядъ ли бы онъ велѣлъ тебѣ притти сюда. Кромѣ того, ты могла и дома остаться. Не я его сужу, а судъ въ Прагѣ.

— Милостивый панъ, ежели бы вы только захотѣли, вѣдь, вы все можете. Все случилось по вашему слову, и по вашему слову его отпустить. Милостивый панъ, ради самого Бога, ради этихъ дѣтей!

— О нихъ онъ долженъ былъ подумать прежде, нежели начинать борьбу со мною,—отвѣчала Ламмингеръ ледянымъ голосомъ. На минуту воцарилась мучительная тишина. Эти жестокия, черствыя слова отняли у Ганны способность дальше просить. Панна Ламмингеръ вадрогнула.

— А когда отпустить моего Яна, милостивый панъ?—спросила Ганка тихимъ, скорбнымъ голосомъ, не рѣшаясь больше просить снисхожденія.

Странная усмѣшка скривила ротъ Ламмингера.

Но прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ, отозвалась его жена и сказала ему по-французски дрожащимъ голосомъ:

— Ради самого Бога, ничего не говорите, я не снесу этого—пощадите меня!—Она, съ глубокимъ волненіемъ, напряженно смотрѣла на губы мужа, ожидая, что онъ произнесетъ.

— Не я судья, я ничего не знаю, могу сказать тебѣ только, что приговоръ будетъ на-дняхъ объявленъ. Но, чтобы ты не заблуждалась, скажу одно, что онъ будетъ очень строгъ. Нельзя возставать противъ пана. Необходимъ примѣръ, чтобы уже на вѣчныя времена никому этого не приходило въ голову. Особенно съ твоимъ мужемъ нужна строгость. Онъ возбудилъ всѣхъ. Пусти мы его сегодня, онъ завтра опять всѣхъ взбунтуетъ. Онъ опять начнетъ произносить рѣчи. Онъ безпокойный человекъ и долженъ поплатиться за это. Иди съ Богомъ!

Эти жестокия, безсердечныя слова, произнесенныя съ твердымъ нѣмецкимъ выговоромъ, доконали молодую женщину. Она встала, не въ силахъ произнести больше ни слова, не въ силахъ поднять на него глаза, и взяла за руку своихъ перепуганныхъ дѣтей. Когда же она обернулась, то

глаза ея встрѣтились съ сострадательнымъ взглядомъ ясно-вельможной панны.

Ганна, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, разрыдалась.

Такъ она и ушла. Ламмингеръ не оглянулся на нее и, вперивъ свои холодные глаза на жену, сказалъ:

— Прошу другой разъ избавить меня отъ подобныхъ аудіенцій!

Онъ повернулъ на другую дорожку и сейчасъ же скрылся между деревьями и кустами. Его жена, глубоко взволнованная, не въ силахъ произнести ни слова, проводила его глазами, въ которыхъ сверкнулъ гнѣвъ, и въ ея возмущенной душѣ раздалось:

— Тиранъ!

* * *

Все небо было покрыто тучами. Тѣнь ихъ ложилась на весь погорскій край, который словно притаился въ ожиданіи влаги. Это было въ воскресенье подъ вечеръ, недѣлю послѣ того, какъ Ганна ходила въ Трхановскій замокъ просить за мужа. Въ Увадѣ царствовала глубокая тишина. Но это было не отъ одной надвигавшейся грозы. Повсюду царило безмолвіе и безпокойство. И здѣсь, какъ и во всемъ Ходскомъ краю, съ нетерпѣніемъ и трепетомъ ожидали рѣшенія участи не только новыхъ заключенныхъ, но и прежнихъ, которые, какъ Кожина и Адамъ, такъ долго томились. Никто не зналъ, что ожидаетъ послѣднихъ, никто не догадывался. Кто могъ бы ожидать такого суроваго наказанія.

Только о судьбѣ стараго Грубаго всѣ узнали, узнали, какъ онъ со смертнаго одра прислалъ письмо домой и вскорѣ затѣмъ отошелъ въ лучшій міръ. О немъ говорили и у Кожинovýchъ.

На дворѣ подъ липой сидѣла Ганна со свекровью, Искрою и гостемъ. Это былъ старшій сынъ покойнаго Грубаго, который пришелъ навѣстить родныхъ и передать имъ, что онъ хочетъ итти въ Прагу. Ему хотѣлось узнать все подробно о покойномъ отцѣ и попытаться добраться до Яна Кожины. Эта вѣсть оживила Ганну. Она до сихъ поръ не могла опомниться послѣ посѣщенія Трхановскаго замка. Ее убивала мысль, что мужъ будетъ надолго оужденъ и проведетъ въ тюрьмѣ еще долгіе годы. И никому не удавалось ее утѣшить; ни Искрѣ, который твердилъ, что Ломикаръ такъ грозилъ, чтобы выместить свою злобу на жемѣ Яна. Прежній весельчакъ, а теперь серьезный человѣкъ, волынщикъ при-

бавиль, что этого и быть не может, разъ у Яна не было въ рукѣ ни ружья, ни палицы.

Какъ обрадовалъ всѣхъ и въ особенности Ганну поклонъ, присланный Яномъ въ письмѣ Грубаго. Она все еще и теперь надѣялась, что молодой Грубый принесетъ тоже вѣсточку, и ежели его пустять въ тюрьму, тогда и она опять пойдетъ въ Прагу; такъ рѣшила она про себя.

Вдругъ откуда то послышался грохотъ, и всѣмъ показалось, что гдѣ то загремѣло. Но это была не гроза, а барабанный бой.

Искра быстро всталъ и направился къ воротамъ; маленькій Павликъ уже опередилъ его и теперь летѣлъ, точно стрѣла, назадъ, крича еще издалека, что на площади барабаны и какіе то люди верхомъ.

Всѣ поспѣшили туда. Первою ихъ мыслью было: не войско ли это. Такъ предполагали и другіе, которые выбѣжали на площадь изъ домовъ и садовъ, гдѣ отдыхали на травѣ.

Но то было не войско, а только два всадника; они узнали ихъ: это былъ писарь изъ Трхановскаго замка и мушкетеръ. Послѣдній билъ, не переставая, въ барабанъ, точно желалъ собрать весь міръ. И, въ самомъ дѣлѣ, это ему удалось; онъ согналъ все село. Народъ немедленно обступилъ обоихъ всадниковъ; каждому хотѣлось поскорѣе узнать, что они объявятъ.

Барабанъ умолкъ, мушкетеръ положилъ палочки. Писарь вынулъ бумагу, развернулъ ее и началъ читать:

— По повелѣнію его милости, королевскаго гетмана Пильзенской области, объявляю и приказываю обнародовать этотъ приговоръ уголовнаго суда, который изволилъ утвердить его Королевское Величество; обнародовать его какъ въ городѣ Прагѣ, въ королевскомъ городѣ Пильзенѣ, такъ и во всѣхъ городахъ Чешскаго королевства. Вышеупомянутый приговоръ, касательно непослушныхъ и мятежныхъ Ходовъ, долженъ быть публично прочтенъ во всѣхъ Ходскихъ селахъ и, главнымъ образомъ, въ помѣстьяхъ его милости, высокорожденнаго графа Максимилиана Ламмингера фонъ-Альбемрейта.

Громкій говоръ, который былъ слышенъ вначалѣ, разомъ умолкъ. Какъ только всѣ узнали, о чемъ будетъ рѣчь, такъ сейчасъ же на площади воцарилась глубокая тишина, только изрѣдка прерываемая отдѣльными возгласами удивленія и ужаса. Каждый такъ и втился глазами въ чтеца. Старики, и между ними сѣдовласый Пршибекъ, пробравшись почти къ самому коню, слушали, опустивъ го-

лову. Манка вся горѣла отъ ожиданія, она просто дрожала отъ страха, ожидая услышать, къ чему приговорять ея жениха.

Съ краю стоялъ Искра Ршехурекъ и рядомъ съ нимъ Ганна, блѣдная, дрожащая. Она забыла про все кругомъ, даже про дѣтей, и съ трепетомъ ожидала роковую вѣсть. Старая Кожинава стала поодаль, держа Павлика за руку. Ея морщиновое лицо, въ послѣднее время совсѣмъ пожелтѣвшее, теперъ почернѣло; глаза старухи сверкали гнѣвомъ.

Писарь читалъ громкимъ голосомъ пространнѣйшій приговоръ; объясненій онъ никакихъ не давалъ, а приводилъ одни наказанія. Въ немъ значилось, что уголовный судъ призывалъ трехъ главныхъ и самыхъ дерзкихъ вожаковъ бунта, а именно: Адама изъ Клемча, Грубаго изъ Дражинова и Яна Сладкаго, по прозванію Кожина, которыхъ и приговорилъ къ смерти. Но Его Королевское Величество, по своей безконечной благодати, повелѣтъ соизволилъ, чтобы смертная казнь была примѣнена только къ одному изъ нихъ; а посему судъ, въ виду того, что вышеупомянутый Христофъ Грубый умеръ естественною смертію, рѣшилъ повѣсить Яна Сладкаго изъ Уѣзда, по прозванію Кожина. Рѣшеніе уголовного суда вызвано тѣмъ, что вышеупомянутый Янъ Сладкій, сирѣчь Кожина, человекъ велерѣчивый, а посему человекъ безпокойный, наиболѣе упорный изъ всѣхъ, не желавшій даже принести повинную.

Ганна уже не слыхала всѣхъ этихъ объясненій. Услыхавъ слово смерть, она начала трястись, какъ осина, точно въ лихорадкѣ, и раньше, чѣмъ былъ дочтемъ приговоръ объ ея мужѣ, упала, какъ подкошенная, на землю.

Этотъ несчастный случай остановилъ на минуту чтеніе приговора. Всѣ бросились къ несчастной Кожиновой. Женщины начали вопить и причитать, къ этимъ причитаніямъ присоединился плачь Ганалки и Павлика, которые бросились къ матери, лежавшей въ глубокомъ обморокѣ. Искра Ршехурекъ поднялъ Ганну и при помощи одной сосѣдки отнесъ ее въ ближній домъ, чтобы привести въ чувство. За ними тихими, неувѣренными шагами шла старая Кожинава. Въ глазахъ у нея застилало, грудь и горло судорожно сжимались, но она не могла облегчить себя ни криками, ни причитаніями, словно этотъ неожиданный, страшный ударъ ее совсѣмъ ошеломилъ. Писарь продолжалъ читать дальше свой ужасный списокъ, начиная съ Адама изъ Клемчи, который, помилованный отъ смертной казни, былъ осужденъ отсидѣть десять лѣтъ въ Комаренской крѣпости; бѣжавшій Брыхта, ко-

торый гдѣ то скрывался, на два года крѣпостныхъ работъ, Сыка и молодой Шерловскій на годъ тюремнаго заключенія. Остальныхъ, и списокъ ихъ былъ не малъ, приговоренныхъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, король помиловалъ.

Ламмингеръ былъ настолько убѣжденъ, что Ходы усмиреши, что послалъ объявить этотъ суровый приговоръ одного писаря, безъ провожатыхъ, съ однимъ мушкетеромъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ человѣкъ, выслушавъ этотъ приговоръ, не поднялъ руку, и писарь могъ безпрепятственно уѣхать. Кое кто только пристально посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, но смотрѣли безмолвно, другимъ лишь теперь вернулся голосъ, и крики отчаянія хотъ немного облегчили ихъ грудь. Большая часть поспѣшила туда, куда отнесли несчастную Кожинову. Всѣ женщины плакали надъ нею, и даже мужчины смотрѣли съ глубокимъ состраданіемъ на молодую женщину, которая возвращалась послѣ обморока къ мрачной дѣйствительности. Другіе, не входя въ горницу, останавливались въ сѣняхъ. Здѣсь на ступеньки упала старуха Кожинова, упорно глядя передъ собою, ничего не слыша и не вида, что дѣлалось кругомъ нея. Манка Пршибкова возвращалась вся въ слезахъ, оглядываясь на грустное шествіе. Двѣ крестьянки вели подъ руки домой молодую Кожинову и ея мать; радомъ съ ними шель Искра съ маленькой Ганалкой на рукахъ и держа за руку плачущаго Павлика.

О, что этотъ годъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ Кожину!

Въ эту минуту, упали первыя капли дождя, а въ саду деревья качались отъ вѣтра, и громъ, сначала далекій, теперь загремѣлъ надъ самымъ селомъ. Манка, войдя въ горницу, сейчасъ же вспомнила про дѣда. Но его не было ни на дворѣ, ни у сосѣдей. Когда она спросила о немъ, ей кто то отвѣтилъ, что онъ пошелъ туда, и человѣкъ указалъ по направленію къ Трханову.

Зачѣмъ ему было туда итти! Вѣдь, онъ даже изъ дома съ трудомъ выходилъ. А теперь въ Трхановъ?! Къ кому? Она бросилась за дѣдомъ. Ей не пришлось далеко пройти. На холмѣ, откуда былъ видѣнъ Трхановъ, стоялъ старый Пршибекъ въ бѣлой свиткѣ, весь сгорбленный, опираясь на палицу. Кусты на межѣ пригибались отъ вѣтра, длинные бѣлые волосы старца развѣвались. Онъ не замѣчалъ ни вѣтра, ни крупныхъ дождевыхъ капель, ни грома; для него ничего не существовало.

Только, когда молнія сверкнула среди темноты своимъ красноватымъ, зловѣщимъ блескомъ, онъ вдрогнулъ, точно желая бѣжать за ней.

— Что вы тутъ дѣлаете?—воскликнула Манка.

Старецъ оглянулся на нее, потомъ указаль своей морщиистой рукой на Трхановъ.

— Я жду, когда его поразитъ Божій посланецъ. Его долженъ поразитъ громъ, его, этого Трхановскаго нечестивца.

— Но, дѣдушка...

— Можетъ быть, есть еще Богъ, Манка, можетъ быть, еще есть справедливость на небѣ, ежели ея нѣтъ на землѣ!

Дѣвушка просто испугалась. Она поняла, что такъ сокрушаетъ и угнетаетъ дѣда, что такъ глубоко возмущаетъ его. Но только бы это не отразилось на его умѣ! Она подождала старца. Гроза пронеслась надъ ними, въ темномъ небѣ блистала молнія за молніей, но ни одна изъ нихъ не упала на жилище Ламмингера въ долину у подошвы когда то вольныхъ Ходскихъ лѣсовъ!

XXVIII.

Настала осень, а паны все еще пребывали въ своемъ замкѣ. Въ прежніе года тамъ въ это время было шумно и весело, особенно, когда съѣзжались туда на охоту гости. Въ нынѣшнемъ году еще никого не было. И странно, зачѣмъ было Ламмингеру такъ долго проживать въ Трхановѣ, который теперь ходилъ скорѣе на монастырь или крѣпость.

Тихо вездѣ, и въ коридорахъ, и наверху, въ покояхъ, и на дворѣ, и въ людскихъ,—все на заперѣ, словно отъ непріятеля. Привратникъ цѣлый день не трогается со своего мѣста, а ночью ходитъ дозоръ. Госпожа фонъ-Альбемрейтъ уже давно не выходила изъ замка, проводя почти всѣ дни у себя или въ замковой каплицѣ. Ея мужъ выѣзжалъ чаще, особенно въ Куть, но всегда въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ, а не одинъ со слугою, какъ бывало прежде. Но никто не видалъ у него на лицѣ страха: оно было, какъ всегда, спокойно и холодно, все равно, былъ ли онъ въ замкѣ или внѣ стѣнъ его. Даже болѣе того, оно было веселѣе прежняго и выражало какое то спокойствіе.

Да и могло ли быть иначе! Урожай былъ уже второй годъ хорошій, а Ходы уже второй годъ отбываютъ тяжелую барщину, и повсюду тихо. Они привыкли. Въ нынѣшнемъ году уже нигдѣ, ни въ одномъ селѣ не было, какъ прежде,

непослушанія или серьезнаго сопротивленія. Возмущеніе принесло ему пользу, а наказаніе даетъ хорошій плодъ. Этотъ гордый народъ смирится и будетъ такимъ же, какъ вездѣ, во всѣхъ помѣстьяхъ. Приговоръ уголовного суда былъ выслушанъ безъ возмущенія, а спустя немного времени, вернулись и бѣглецы, тѣ, которые бѣжали въ Баварію и были приговорены заочно.

Пришелъ и Брыхта, явился и молодой Шерловскій, упрямыя головы. Теперь они раскаиваются. Теперь уже Брыхта знаетъ, чего стоитъ бросать въ воду панское чучело, знаетъ это и деракій Эцль, который здѣсь, подъ самыми окнами насмѣхался надъ нимъ. По крайней мѣрѣ, они теперь, при звонѣ кандаловъ, вспоминаютъ тамъ, въ Комаріѣ, про эти буйства.

А Кожима! Судьи въ Прагѣ хорошо рѣшили, хорошо отплатили ему за это. Онъ—самый гордый, самый безпокойный изъ всѣхъ. Какое у него понятіе о правѣ! И какъ они его любятъ! Всѣ наиболѣе уважаемые люди изъ всѣхъ сель пришли просить за него въ Трхановскій замокъ, просить о его помилованіи, какъ они унижались, какъ молили!

Онъ впустилъ ихъ въ замокъ, но зато какую имъ правду сказалъ. Когда они стали его просить, онъ имъ отвѣтилъ, что они, вѣрно, еще ослѣплены, если защищаютъ того, кто виновникъ всего случившагося.

А раньше, чѣмъ явились люди въ Трхановъ, пришла старуха Кожинова. И она стала передъ воротами, желая просить за сына. Но привратникъ, по приказанію своего господина, не пустилъ ее. Кожинова стояла, какъ изваяніе, стояла съ утра до полудня, и по временамъ выпускала только жалобныя стоны, да простирала свои морщинистыя руки къ окошкамъ замка. Она стояла до полудня, стояла передъ воротами и послѣ полудня, когда пришла ея невѣстка, молодая Кожинова, не подозрѣвая, что она тутъ.

Жалко было смотрѣть на несчастную. Даже черствый привратникъ вознегодовалъ на своего безсердечнаго господина; онъ не рѣшался выйти, а все таки ему пришлось это сдѣлать, чтобы прогнать ее, по приказанію Ламмигера. Но слуга убѣждалъ, просилъ ихъ уйти, говоря, что все напрасно.

А въ это время, наверху, въ покояхъ, ясновельможная панна горько плакала, между тѣмъ, какъ ея разсерженный повелитель ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Ее взволновали эти мествячивыя просительницы. Это онѣ возбудили его жену, которая осмѣлилась просить за него, потому что не могла видѣть этихъ женщинъ,

Потомъ уже никто больше не приходилъ въ Трхановскій замокъ.

Повсюду было тихо, все оставалось по старому. Только Ламмингеръ удвоилъ предосторожности, велѣлъ ночнымъ сторожамъ быть бдительнѣе, внимательнѣе прежняго. Съ того времени, какъ былъ назначенъ день казни Кожина, Максимилианъ фонъ-Альбенрейтъ не совсѣмъ довѣрялъ Ходамъ. Онъ боялся, какъ бы они не отомстили ему за Кожину.

* * *

Знаменіе, котораго добивался Кожина дважды ночью, его не обмануло. Незвѣстность кончилась. Уголовный судъ рѣшилъ такъ, какъ заключенный скорѣе ожидалъ, чѣмъ не ожидалъ, когда въ душѣ у него надежда смѣнялась опасеніями. Это рѣшеніе потрясло его до глубины души. Но это было не надолго, какая то тупая покорность придала ему силы. Кожина почувствовалъ облегченіе: онъ избавился отъ мучительной неизвѣстности, которая его такъ утомляла и которая все таки не переставала его мучить и терзать, днемъ и ночью.

Когда скорѣ затѣмъ пришелъ тюремщикъ и объявилъ, что его повезутъ въ Пильзенъ, Кожина обрадовался, хотя и предугадывая, зачѣмъ его отправляютъ въ родной городъ: чтобы его наказаніе служило устрашеніемъ и предостереженіемъ для его земляковъ, на которыхъ эта казнь произведетъ большее впечатлѣніе въ Пильзенѣ, нежели въ Прагѣ. Но онъ и этому былъ радъ. По крайней мѣрѣ, каждый въ его родномъ краю узнаетъ, какъ Ломикарь поступаетъ и поступалъ съ ними; вѣдь, каждому хорошо извѣстно, что Кожина изъ Уѣзда не разбойникъ и не воръ, каждый знаетъ, за что онъ осужденъ на эту позорную смерть. Это не будетъ стыдомъ ни для него, ни для его родныхъ, и Ходы не забудутъ, что онъ умеръ за ихъ права, они не забудутъ ни его, ни Ломикара, который его неправильно обвинилъ и велѣлъ неправильно осудить! На него нельзя было жаловаться, ради него было нарушено право и справедливость— это всѣ знаютъ, это всѣ признаютъ. И онъ обрадовался, что увидитъ жену, дѣтей, мать.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней его везли изъ Праги, въ Пильзенъ. Это было грустное, мучительное путешествіе, въ кандалахъ, на жалкомъ возу, въ мрачные, дождливые дни начала ноября. Но черезъ недѣлю послѣ его переѣзда въ Пильзенскую тюрьму исполнилось совершенно неожиданно его

завѣтное желаніе. Однажды, послѣ полудня, въ необычайное время, двери растворились и въ нихъ показались—Мать Пресвятая Богородица!—Ганна съ Ганалкой и Павликомъ и старуха мать.

Мрачные своды огласились криками радости и горя, плача, отрывистыми восклицаніями, прерывистой рѣчью, всѣмъ тѣмъ, что наполняло ваволнованныя души всѣхъ этихъ людей. Мать и жена бросились статному Ходу на грудь и горько разрыдались. Онъ обнималъ, прижималъ ихъ къ своей груди, потомъ наклонился къ дѣтямъ, которыхъ не узнали его. Они удивленно и испуганно смотрѣли на блѣднаго человѣка въ сѣромъ халатѣ, у котораго гремѣли кандалы на ногахъ и который ихъ такъ пугалъ. Мать взяла ихъ, одного за другимъ подвела къ отцу и объясняла имъ дрожащимъ голосомъ, едва удерживаясь отъ рыданій, что, вѣдь, это отецъ, отецъ... А онъ обнималъ и цѣловалъ ихъ...

Изъ темноты кто то выступилъ; о немъ всѣ присутствующіе и Кожина въ порывѣ радости и забыли: Искра Ршехурекъ. Онъ подошелъ и подалъ заключенному, въ глубокомъ волненіи, руку. А у того, при видѣ стараго вѣрнаго друга, глаза опять наполнились слезами. Онъ усѣлся на свое жалкое ложе, съ обоими дѣтьми на колѣняхъ. Они уже привыкли къ нему, больше его не боялись, а Павликъ совсѣмъ припомнилъ отца. Онъ гладилъ ихъ, спрашивалъ. Потомъ опять оборачивался къ Ганнѣ и матери. Молодая женщина успокоилась на минуту. Кандаловъ на ногѣ мужа не было слышно и, видя, какъ онъ прижималъ къ себѣ дѣтей, она забывала про тюрьму, про все.—Но сейчасъ же, вслѣдъ за тѣмъ, ее опять будто что то кольнуло. Страшная мысль, снова проникла къ ней въ сердце. Ганна разрыдалась, и къ ея плачу присоединились причитанія старухи-матери.

Тюремщикъ, стоя въ сторонѣ, въ углу, напоминалъ, что положенное время уже прошло. Всѣ пришли въ ужасъ. Они едва увидались, едва поговорили и ихъ уже разлучаютъ. А сколько имъ есть еще чего сказать! Женщины наскоро передали ему о томъ, что дѣлается дома, какъ онѣ за него хлопотали, какъ напрасно Ломикара просили,—а онъ въ двухъ словахъ рассказалъ, какъ ему въ тюрьмѣ тяжело было, какъ старій дядя умиралъ. А Искра, у котораго Кожина спросилъ о томъ несчастномъ возстаніи, только что началъ въ короткихъ словахъ передавать ему конецъ злополучнаго мятежа и Матвѣя Пршибека, какъ имъ уже нужно было уходить.

Однимъ утѣшеніемъ для нихъ было, что завтра имъ опять позволено свидѣться.

Заклученный опять остался наединѣ самъ съ собою. И теперь, когда около него не было дорогихъ ему существъ когда онъ не держалъ уже больше на колѣняхъ своихъ горячо любимыхъ дѣтей, на которыхъ не могъ наглядѣться, когда его снова обступила страшная темнота мрачной темницы, его охватилъ ужасъ, и онъ только теперь почувствовалъ страхъ передъ тѣмъ, что ему предстояло.

На слѣдующій день Кожина опять увидалъ всѣхъ своихъ дорогихъ и опять время пробѣжало такъ скоро, что они и не замѣтили. Потомъ наступила минута разставанія: они должны были уходить. Они надѣялись еще разъ свидѣться. Это будетъ тогда...

Такъ тоскливо убѣгалъ день за днемъ, и уже приближалось роковое двадцать восьмое число ноября мѣсяца.

Это число особенно живо предстало передъ Кожиною, когда къ нему вошелъ однажды священникъ, чтобы приготовить на этотъ далекій путь. Онъ принялъ его почтительно, и набожный Ходъ нашелъ въ его словахъ много утѣшенія.

Онъ внимательно слушалъ его, ничего ему не возражая. Но, когда священникъ упомянулъ о Ламмингерѣ, Кожина невольно покачалъ головою и нахмурилъ брови.

— Кто, святой отецъ, виновнѣе, тотъ ли, кто защищаетъ свои права, или же тотъ, кто постоянно грабитъ и обижаетъ людей и дѣлаетъ изъ нихъ рабовъ, кто у женъ убиваетъ мужей, а у дѣтей отцовъ?

Священникъ, видя непоколебимую убѣжденность заключеннаго, не уговаривалъ его больше и только сказалъ:

— Предоставь все это, сынъ мой, Господу Богу,—Онъ лучший, справедливѣйшій судья.

— Да, Господь Богъ разсудитъ,—твердо отвѣчалъ, нахмурившись, Ходъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Госпожа Ницета

РАЗСКАЗЪ.

(Продолженіе).

7-го сентября. Парижъ.

Не знаю, плакать или смѣяться. Вчера сижу въ своей комнатѣ, вдругъ слышу:

— Здравствуйте, Нора!—Я быстро оборачиваюсь: передо мной стоялъ мой баринъ.

— Видите, нашель!—радостно говоритъ онъ, беря меня за руки... Подъ его пристальнымъ взглядомъ я невольно краснѣю. Я теперь лишь вспоминаю, что я не накрашена и безъ парика.

— Это не я,—это моя тѣнь...—говорю я.

— Мнѣ тѣнь больше нравится. Наконецъ то я вижу васъ въ вашемъ настоящемъ видѣ!.. Какъ поживаете?

— Умереть не успѣла. До сихъ поръ не могу исполнить ваше порученіе... Какъ вы меня розыскали?

— Я не только нашель васъ, но знаю ваше имя.

— У васъ не было другого дѣла?

— Моя голова сейчасъ занята лишь вами.

— Кѣмъ, Норой?

— Это все равно,—Норой или Татьяной Лыниной.

— Я могу ревновать васъ къ Норѣ.

— Чтобъ ревновать, нужно любить... Къ тому же я не имѣю права называть васъ вашимъ настоящимъ именемъ.

— Это не помѣшало вамъ узнать.

— Я согласенъ, что это нескромно. Я люблю васъ, а потому все касающееся васъ я долженъ знать.

— Логично. Но что общего теперь между рыжей Норой и Татьяной Лыжиной?

— Терпѣть не могу крашенныхъ лицъ и рыжихъ волосъ!

— Вы же любили меня...

— Это единственное мнѣ не нравилось въ васъ.

— Что же вы полюбили во мнѣ?

— Человѣка, душу вашу.

— Вы ее никогда не видѣли.

— Въ злости очень часто.

— Я хочу знать, что намѣрены вы дѣлать дальше?

— Чтобъ опять убѣжать? Не скажу.

— Да такъ, вообще...

— Въ свободное время буду приходить къ вамъ, смотрѣть на васъ.

— Интересное занятіе!

— Стану вамъ сказки рассказывать.

— Вы умѣете?

— О, еще сколько.

— Я слушаю.

— Я вамъ расскажу одно восточное сказаніе о двухъ людяхъ. Одинъ изъ нихъ былъ король и видѣлъ себя во снѣ нищимъ, другой былъ нищій и видѣлъ себя во снѣ королемъ.—Какъ вы думаете, кто изъ нихъ былъ счастливѣе?

— Оба равно—несчастливы.

— И я такъ думаю.

— Къ чему это вы рассказали?

— Такъ, пришло на память. Вы не знаете, какъ я радъ, что васъ снова вижу!

— Я тоже рада.

— Правда! И вы больше не убѣжите отъ меня?

— Завтра отвѣчу вамъ на этотъ вопросъ... А сегодня постараемся быть счастливы.

— Помните, куда бы вы ни убѣжали, я все равно отыщу васъ.

— Даже на томъ свѣтѣ?

— Я пойду и въ адъ... Но зачѣмъ же меня затруднять отнимать у меня время на разговоры съ чертами въ адъ? Въ какой котелъ васъ ни посадили-бы, я все равно оттуда вытаску.

— И посадите въ свой?

— Посажу въ свой.

Какъ только онъ ушелъ, я тотчасъ же пошла къ знакомому парикмахеру, попросила его выкрасить мои собственные

волосы въ пепельный цвѣтъ. Въ тотъ же день съѣхала съ квартиры... женой моего барина я не могу быть,—тотъ же будетъ вѣчный адъ, а любовницей тяжело... Я не могу отъ него деньги брать, потому что любви не продаю.—Я его сильнѣе полюбила, чѣмъ сама думала... Любовь же можно лишь дарить, а у меня не съ чего ему этотъ даръ дать... Ничего не остается, какъ лишь уйти.

21-го Сентября. Парижъ.

Вчера у меня опять начались мои головныя боли. Господи, зачѣмъ я только живу!—Не знаю, какъ умереть? Ни воли, ни энергіи...

22-го Сентября. Парижъ.

Вчера я сдѣлала надъ собой усиліе, одѣлась и вышла на улицу. На мигъ меня какъ бы отрезвилъ уличный шумъ, говоръ куда-то вѣчно снующей толпы и блескъ сіяющаго солнца. Но потомъ чувство одиночества снова еще съ большей силой охватило меня, при видѣ этой равнодушной толпы. Яркій блескъ бездушнаго солнца, равнодушный міръ людей, окружавшій меня, этотъ громадный городъ, казавшійся какой-то пустыней, несмотря на громадную толпу, наполнявшую его,—все это мнѣ показалось такимъ мерскимъ, однимъ безформеннымъ пятномъ, что я опять впала въ забытье, я перестала замѣчать все происходившее вокругъ меня. Я ничего не слышала, не видѣла и съ какимъ то особеннымъ наслажденіемъ смотрѣла на каждый камешекъ мостовой и старалась, не пропуская ни одного изъ нихъ, мысленно ударяться головой о каждый. Я не чувствовала толчковъ толпы, ничего не видѣла, кромѣ этихъ камней, лежавшихъ у меня подъ ногами. Вдругъ чей-то сильный толчокъ въ бокъ, чуть не свалившій меня съ ногъ, заставилъ меня очнуться отъ грезъ. Я стояла передъ большой красивой кофейной, у которой за столиками сидѣли группы людей и толпились веселыя лица. Я знала эту кофейню. Она преимущественно посѣщалась мелкими корреспондентами, артистами, и многими иностранными писателями, журналистами. Здѣсь можно было прямо изъ устъ узнать какую нибудь животрепещущую новость дня или скандалъ, вѣсть о которомъ появится черезъ нѣсколько часовъ уже въ газетахъ. Эту кофейню не любили посѣщать сытые бары, а слѣдовательно, адѣсь трудно было встрѣтить женщинъ дурнаго поведенія, такъ какъ имъ здѣсь нечего было дѣлать. Когда мнѣ все надоѣдало на свѣтъ, то я убѣгала въ эту кофейню писать

письма или читать журналы. Здѣсь мнѣ никто и ничто не напоминало о моей жизни. Не помню, въ силу какой мысли или причины, скорѣй даже по привычкѣ, я машинально вошла въ эту кофейню. Я помѣстилась на моемъ обычномъ мѣстѣ недалеко отъ окна,—здѣсь воалѣ меня, за сосѣднимъ столикомъ, сидѣла группа нѣмецкихъ журналистовъ, громко спорившихъ о чемъ-то. Этотъ споръ, шумъ, врывавшійся съ улицы въ открытое окно, лакей, подбѣжавшій ко мнѣ съ обычнымъ вопросомъ, все это мало-по-малу отвлекло мои мысли отъ всѣхъ моихъ фантастическихъ грезъ къ реальной дѣйствительности.

— Какое громадное спасеніе для одинокихъ людей въ большихъ городахъ эти кофейни! Не правда-ли?—обратился ко мнѣ съ этимъ вопросомъ маленькій, невзрачный, сѣденькій старичокъ съ живыми умными, сѣрыми глазами и съ удивительно подвижной физиономіей. Я невольно вдрогнула при этомъ неожиданномъ вопросѣ старичка, сидѣвшаго противъ меня и точно угадавшаго мои мысли.

— Да, вы правы. Я только что объ этомъ сама думала.

— Вы англичанка?—обратился онъ по-англійски.

— Да. А вы?

— Я русскій. Вы чѣмъ здѣсь занимаетесь, миссъ?—спросилъ онъ меня добродушнымъ тономъ.

— Всѣмъ дурнымъ.

— Кто вамъ помогаетъ?

— Госпожа нищета. Вы, вѣроятно, имѣли счастье съ ней когда нибудь встрѣчаться?

— Съ невѣстой студента! Какъ же, какъ же, даже не разъ встрѣчался съ этой милой дамой!

— А вы чѣмъ занимаетесь, серъ?

— Ничѣмъ серьезнымъ... Я больше наблюдаю.

— Какъ другъ друга пожираютъ? Довольно интересное занятіе... Вы, вѣроятно, очень богаты.

— Боже меня избави! Развѣ я съ ума сошелъ?

— Развѣ богачи—сумасшедшіе?

— Нормальный человекъ не можетъ быть богатымъ. Большое богатство и большая бѣдность—двѣ крайности.

— Какъ же вы живете, чѣмъ?

— Въ новые мѣшки пересыпаю старыя вещи. За это получаю деньги.

— Я не понимаю, вы—старьевщикъ или упаковщикъ?

— Если вамъ угодно, миссъ.

— Что же, вы продаете или упаковываете платье, мебель?

— Старыя истины.

- Не понимаю.
- Я сотрудничаю въ научныхъ журналахъ.
- Что же, ваши старыя истины больше выигрываютъ въ новыхъ мѣшкахъ?
- Эти драгоценности никогда не теряютъ свою цѣну.
- Мнѣ кажется, что ихъ курсъ частенько въ упадкѣ.
- Гдѣ это?
- На жизненномъ рынкѣ.
- Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ день ярчѣй, прекраснѣй...
- Вы вѣрите въ свѣтлые дни?
- Зачѣмъ мнѣ тогда жить? А вы?
- Я ни во что не вѣрю.
- Почему?
- Для меня довольно страшенъ вашъ вопросъ.
- Почему же?
- Потому что я нигдѣ не вижу даже далекаго проблеска лучей хваленыхъ вами истинъ. Мракъ вездѣ и повсюду. Лишь сильный кулакъ прекрасно въ немъ работать.
- Погодите... Время... Во мракѣ засіяютъ яркимъ свѣтомъ великія истины.
- Но это можетъ быть еще черезъ сотни лѣтъ!.. А я должна сейчасъ захлебываться въ потокахъ грязи, во имя чего? Гдѣ выходъ сейчасъ?
- Ищите и обряцете. Лучи истинъ никогда не гаснутъ. Сквозь мракъ ночи онѣ, какъ сторожевые огни, свѣтятъ намъ съ своихъ далекихъ высотъ.
- Я хотѣла бы видѣть ихъ, да не вижу. Ищу и не нахожу.
- Это потому, что вы никогда не смотрите вверхъ.
- Для этого нужно имѣть большія деньги, чтобы намъ позволили такое эстетическое и этическое блаженство: смотрѣть на ваши свѣтлыя вершины.
- Дитя мое! Ихъ нельзя купить и за миллионы. Онѣ высшее благо, какъ воздухъ, солнце.
- Но безъ воздуха нельзя жить, а безъ истинъ можно.
- Кто вамъ сказалъ?
- Я говорю. И такъ говорящихъ миллионы.
- Нѣтъ хуже тюрьмы, нѣтъ мрачнѣй ночи, нѣтъ страшнѣй жизни, какъ у живущихъ безъ истинъ.
- Но масса живетъ ложными иллюзіями?
- Кто думаетъ, что это жизнь; но лишь до тѣхъ поръ, пока не увидитъ настоящаго яркаго солнца—истинъ.
- Но есть такіе, которые принимаютъ всю жизнь мѣдный таазъ за солнце.

— Ихъ нужно жалѣть; указать имъ тѣ бѣлоснѣжныя вершины, гдѣ свѣтитъ настоящее солнце.

— А гдѣ ваши бѣлоснѣжныя вершины, гдѣ ваше солнце?

— Ищите.

— Укажите путь.

— Путей много.

— Да дорожки не видать!

— У каждаго свой путь.

— У меня его нѣтъ.

— Какъ не быть. Была бы охота поискать.

— Гдѣ? Въ моей грязи, въ клоакѣ.

— Отчего бы поближе не поискать.

— Но гдѣ-же, гдѣ?

— Въ вашей волѣ, въ вашемъ „я“.

— Силь нѣтъ. Да если бы были, пришлось бы другихъ давить.

— Зачѣмъ же непременно давить? Можно каждый шагъ свой исправлять, да еще по пути подымать другихъ.

— Я обращусь тогда въ того знаменитаго магометанина, идущаго на богомолье въ Мекку и дѣлавшаго шагъ впередъ два назадъ!

— Не смѣйтесь. Омъ шелькъ къ Богу и скорѣе всѣхъ правовѣрныхъ пришелъ къ мѣсту, потому что если и не попалъ въ земную Мекку, то, навѣрное, пришелъ въ самую главную.

— Въ рай! Благодарю. Если я стану всю жизнь работать ради одного пути, то когда же я достигну тѣхъ бѣлоснѣжныхъ вершинъ, гдѣ вѣчно сіяютъ прекрасныя истины?

— Вы незамѣтно очутитесь на этихъ вершинахъ; свѣтъ истинъ засіяетъ вамъ съ первыхъ же шаговъ вашего пути тысячами радостныхъ огней!

— Въ концѣ жизни?

— Но зато какая прекрасная смерть!

— Вы идеалистъ, а я...

— А вы прежде всего человѣкъ, не забывайте этого никогда.

— Я давно забыла о моемъ человѣческомъ достоинствѣ.

— Не думаю.

— Ну, потеряла.

— Если вы начали созавать его потерю, то значить наполовину нашли.

— Второй половины мнѣ во вѣкъ не отыскать!

— Послушайте моего добраго совѣта. Я, старый глупецъ, много думалъ о счастіи людей. Возможно, что мои думы ничего не принесли людямъ. Но, когда наступитъ конецъ

моему дню жизни, я все же спокойно надѣюсь уснуть съ сознаниемъ, что если я ничего хорошаго не свершилъ для людей, то все же, что только зависѣло отъ меня лично, я старался дѣлать для нихъ. Благодаря этому мнѣ часто приходилось наблюдать ихъ. Я пришелъ къ заключеню, что люди часто погибаютъ отъ своего собственнаго нытья и отъ неувѣренности въ своей силѣ воли. Воля все. Это давно поняли злые. И въ этомъ ихъ крупный выигрышъ во всѣхъ жизненныхъ благахъ, конечно, по ихъ собственному сытому идеалу. Добрые не хотятъ понять этого высочайшаго и единственнаго блага, дарованнаго имъ природой. Если вы скажете себѣ: „Я—воля, я—сила“, а главное, убѣдите себя въ этомъ, то вы никогда не будете въ жизни ни лишнимъ, ни рабомъ. Соберите всю вашу энергю, волю и боритесь со всѣмъ аломъ, обступившимъ васъ. Будьте бодры, съ бодростью явится смѣлость, а съ смѣлостью — веселье. Смѣйтесь надъ демонами, и они уйдутъ отъ васъ — они ненавидятъ смѣхъ. Не терзайтесь прошлымъ; само небо не имѣетъ власти надъ прошедшимъ.—И у каждаго былъ дурной часъ. Пусть прошлое хоронитъ своихъ мертвецовъ. Постарайтесь воскреснуть для настоящаго, болѣе свѣтлаго. Вы боитесь, что люди будутъ помнить умершее? Не бойтесь ихъ. Они нѣкогда создали инквизицію, распяли Христа, отравили Сократа. Держите высоко вашу голову, и вы не замѣтите ихъ низкихъ насмѣшекъ, клеветы. Помните,—орлы парятъ лишь вверху, а всѣ пресмыкающіеся гады ползаютъ внизу. Не проклиняйте этихъ гадовъ и не оскорбляйтесь. Смотрите на нихъ, какъ на несчастныхъ, жалкихъ, глупыхъ. Старайтесь вашей добротой уничтожить ихъ ядовитые уколы. Помните, что мудрецы не мстительны, не злы. Это преимущество лишь обыкновенныхъ глупцовъ. Оставьте имъ его. Вотъ мой вамъ совѣтъ. Я не хочу знать, кто вы? Я не спрашиваю васъ о вашей жизни.. Вотъ вамъ мой адресъ. Я самъ русскій. Моя фамилія Нумень. Если вамъ понадобится добрый совѣтъ, книги, помощь, то милости прошу. Чѣмъ богаты, всегда готовъ служить.

Благодаря еще этому толчку, я рѣшила еще разъ попытать счастья; пока я—вольная птица. Что будетъ дальше, не знаю. Работы еще нѣтъ. Деньги, которыя я получила изъ ломбарда за дорогіе наряды, подаренныя мнѣ моимъ любимымъ бариномъ, уже на исходѣ. Я еще пока не унываю. Буду искать работу, авось, что набѣжитъ. Румяна, бѣлила, крашенные волосы, всѣ эти атрибуты женской красоты опять полетѣли къ чорту!—Смѣюсь надъ злыми демонами! Я опять

Татьяна Лынина. Я окончательно убила Нору Штремъ! Я ее всегда ненавидѣла и презирала... Нѣтъ, нѣтъ, не я ее убила, но лишь одно человѣческое участие!

1 октября. Парижъ.

Везетъ же нѣкоторымъ счастливымъ! А вотъ я смѣло могу быть названа геніемъ неудачи... Денегъ нѣтъ, работы нѣтъ, срокъ квартирной платы. Право, иной разъ, обезсиленная голодовкой, я проклиная тотъ день, когда задумала убѣжать отъ моего любимаго барина. Кажется, мнѣ ни за что не попасть на стезю добродѣтели. Въмѣсто госпжи Добродѣтели все встрѣчаю госпжу Нищету. Удивительно дружелюбная дама. Сколько ни бѣгаю отъ нея, она все же не оставляетъ меня своей дружбой... Иногда подумываю, не пойти ли мнѣ за совѣтомъ къ Нумену? Боюсь разочарованій... Пусть этотъ чужакъ мирно почиваетъ въ моемъ воспоминаніи со своими бѣлоснѣжными вершинами, гдѣ сіяютъ неугасаемые огни истины. Блаженъ, кто вѣруетъ. Я никогда не обрѣту этого блаженства. Мечтой пути не проложить. Пока я лишь должна вѣрить въ сильный кулакъ. Онъ на каждомъ шагу выпихиваетъ меня изъ колеи добродѣтельныхъ. У меня совершенно нѣтъ энергіи толчками отвѣчать. За кулаками все сіяющія истины давно померкли. Да и существуютъ ли истины вообще? Не фантазіи ли это идеалистовъ, кабинетныхъ ученыхъ? Нумемъ такъ убѣждалъ меня въ ихъ дѣйствительности, что я даже почувствовала ихъ тепло и свѣтъ, проникшій мнѣ въ душу и освѣтившій весь ужасъ моей ночи.

20 октября. Парижъ.

Вчера вечеромъ, рука объ руку съ моей доброй подругой госпжой Нищетой опять прогулялась неудача... Нѣтъ, рѣшительно мнѣ не везетъ!.. Прочла въ газетѣ объявленіе о спросѣ на русскихъ пѣвицъ. Иду по адресу. Свиданіе назначено въ кофейнѣ на большихъ бульварахъ. Прихожу туда; за столикомъ сидитъ какая-то толстая скотина: красная короткая шея, рачьи глаза на одутловатомъ лицѣ съ длиннымъ краснымъ носомъ.

— Вы желаете пѣвицу—сопрано?

— Да, я ставлю оперу, „Жизнь за царя“—можете спѣть партію Антонида?

— Попробую.

— Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ сейчасъ пойти на пробу голоса?

— Я готова.

Онъ повелъ меня къ себѣ на квартиру. Голосомъ онъ остался доволенъ. Предлагаетъ условія. Я соглашаюсь. Послѣ дѣловаго разговора онъ переходитъ къ частному, болѣе интимнаго свойства.

— Вы замужемъ?—спрашиваетъ онъ меня.

— Да.

— Вашъ мужъ здѣсь, въ Парижѣ?

— Нѣтъ.

— Вы скучаете?

— Я? Чего ради?

— Какже, бѣдняжка, одна,—говоритъ онъ, придвигаясь ко мнѣ все ближе. Лицо у него ужъ становится багровымъ, глаза чуть ли не выскочатъ изъ орбитъ. Онъ отворачивается. Я хочу уйти отъ него подальше. Онъ замѣчаетъ мой маневръ, придвигается еще ближе и хватаетъ меня въ объятья. Я вырываюсь, даю со всего размаха пощечину ему и убѣгаю. Вотъ результатъ вчерашняго дня. Начинаю убѣждаться, что добродѣтель лишь ходить по дорожкѣ богатства. Тамъ же, гдѣ разгуливаетъ моя госпожа Ницета, кромѣ голода, преступленій, порока, ничего не встрѣтишь больше...

23 октября. Парижъ.

Вотъ счастье-то! Забыла совсѣмъ о моихъ кольцахъ и крестикѣ. Только что спустила все это добро въ ломбардъ. Получила цѣлыхъ 57 ф. 60 сантимовъ. Теперь гуляй, душа Проявляй свое геройство до послѣдняго сантима! Когда кончится этотъ сантимъ, тогда опять будемъ цѣловаться съ госпожой Ницетой. Она мнѣ всегда издали коварно улыбается... Сейчасъ же, прогнанная на приличное разстояніе, она выглядываетъ все же со всѣхъ угловъ. И какъ это я такъ обалдѣла! Второй день погибаю отъ голода и не замѣтила, что сама пища на пальцахъ у меня сидитъ въ видѣ колець! Да, бываютъ затменія... А вотъ что съ квартирой предпринять? Не знаю... Въ четвертый разъ сегодня напоминаютъ мнѣ объ уплатѣ за квартиру. Уплатить этими деньгами значить умереть отъ голода. Плохо дѣло. Уплатить—мнѣ убытокъ, не уплатить—хозяину убытокъ. Никакъ не избѣжать убытковъ. Такъ лучше я сбѣгу отъ всѣхъ своихъ убытковъ! Совсѣмъ сбѣгу изъ квартиры... И на кой вельзевулъ мнѣ квартира съ мебелью? Пусть остается хозяину въ уплату за квартиру. Положимъ, продать ее нельзя, никто не рѣшится купить. Она вся шатается, какъ челнокъ на водѣ,

вся поломанная... Но хозяинъ можетъ употребить ее себѣ на подтопку камина... Сбѣгу, право сбѣгу! Ищи вѣтра въ полѣ! Переѣду на своихъ двухъ въ другой кварталъ... И тогда—эхъ, живи, не тужи!—Рѣшено, сегодня же подъ прикрытiемъ вечера сбѣгу. Къ тому же я страшно проголодалась. И желудокъ никакой добродѣтели не желаетъ признавать, кромѣ своего собственнаго насыщениа. .

7 октября. Парижъ.

Переѣхала! Живу подъ самымъ небомъ, въ мансардѣ. Небо, воздухъ, просторъ. Безъ мебели свои удобства. Сплю на голомъ полу, обѣдаю на подоконникѣ, онъ же служить мнѣ кресломъ. Веду жизнь спарташца. Зачѣмъ мнѣ мебель, платье? Я богата своей крылатой фантазiей, колесница которой уноситъ меня на бѣлоснѣжныя вершины, гдѣ сияютъ неугасимые огни истины, а главное, вѣра и надежда...

Съ квартирной платой я устроилась превосходно.

Привратникъ дома оказался глухъ и слѣпъ. Онъ не замѣтилъ, что у меня нѣтъ никакой мебели. Относительно же платы за квартиру онъ мнѣ заявилъ:—Мои пять франковъ *рoш воiге* должны быть. Что же касается квартирныхъ денегъ, то можно повременить. Я тотчасъ же уплатила ему его традиціонныхъ 5 ф. и перешла. Денегъ у меня еще достаточно. Я забываю ѣсть, въ поискахъ работы. На моемъ этажѣ рядомъ живетъ русскiй студентъ, ниже этажемъ другой. Я поселилась въ центрѣ русской студенческой колонiи...

15 октября. Парижъ.

Ищу работы черезъ газетныя объявленiя. И даромъ обувь бью. И какой болванъ выдумалъ эти газетныя объявленiя! Вѣроятно, Богатство въ насмѣшку Нищеты. Безъ протекціи тщетно попасть черезъ объявленiя. Всѣ эти объявленiя—одно издѣвательство сытыхъ надъ голодными!.. Требуютъ компаньонку въ американское семейство для молодой дѣвушки. Прихожу по адресу. У дверей стоитъ цѣлая толпа старушекъ и молодыхъ. Всѣ чаютъ движенiя воды. Надежда въ разныхъ формахъ выражается на лицахъ: однѣ стоятъ съ гордымъ видомъ, точно приготавлиются къ триумфальному шествiю; другiя мягко и покровительственно улыбаются своимъ ссѣдкамъ; третьи весело, съ дѣловымъ видомъ управляютъ свои костюмы, причеки передъ большимъ трюмо. Всѣ украдкой взглядываютъ на запертую дверь. Но вотъ дверь открылась. Всѣ сразу желаютъ войти. Лакей внушительнаго вида, съ улыбкой презрительнаго сожалѣнiя увѣ-

шеваетъ ихъ. Онъ впускаетъ насъ по очереди, въ одиночку. Обратнo выходятъ злыя, хмурныя лица, говорящя о неудачѣ. Дошла очередь ко мнѣ. Я вхожу. Дама среднихъ лѣтъ сидитъ въ креслѣ, прямо противъ двери. Она изображаетъ собой настоящую ювелирную витрину. Брильянтовъ, брильянтовъ, гдѣ ихъ только нѣтъ! Одинъ лишь ея носъ свободенъ отъ нихъ. Нѣкоторое время она смотритъ въ лорнетъ. Затѣмъ, осмотрѣвъ, какъ слѣдуетъ, она величественно заявляетъ:

— Вы мнѣ не годитесь.

— Почему?—спросила я.

Она, будто не слыша моего вопроса, величественно поворачиваетъ голову въ сторону лакея и говоритъ ему: „Жанъ, слѣдующую“.— Жанъ широко растворяетъ передо мной дверь, Я выхожу, слѣдующая входитъ. Этотъ ювелирный магазинъ перебралъ насъ всѣхъ и ни одной не выбралъ. Проклиная браня, грозя, мы всѣ спустились по лѣстницѣ этого богатаго дома и, опекаемая госпожой Ницетой, разошлись въ разныя стороны. Госпожа Ницета съ нами не желаетъ разстаться мы—ея любимыя дѣти...

20-го Октября. Парижъ

Деньги такъ, работы нѣтъ. Сегодня ходила по тремъ объявленіямъ, результаты тѣ же. „Художникъ ищетъ модель. нѣмецкое семейство прислугу, молодой человѣкъ учительницу англійскаго языка“. Прихожу къ художнику, стучу въ мастерскую. Изъ дверей высовывается растрепанная мужская голова и сердито ворчитъ:— „Не нужно, не нужно! Есть уже модель. Сегодня, благодаря этому проклятому объявленію, цѣлый день бѣгать долженъ къ дверямъ! И пришла же мнѣ ослиная мысль сдѣлать это проклятое объявленіе! Отбою нѣтъ отъ этихъ бабъ!“ Онъ съ злостью бросаетъ мнѣ эти слова и захлопываетъ передо мной дверь. Я слѣдую дальше. Толстая нѣмка встрѣчаетъ меня:— „Вашъ аттестатъ? Вы гдѣ нибудь раньше служили? Намъ безъ аттестата не нужно“. Иду по третьему объявленію. Меня встрѣчаетъ молодой человѣкъ. Онъ объявляетъ: что вмѣстѣ съ учительницей англійскаго языка онъ желаетъ имѣть также любовницу. Желаетъ эти двѣ полезности соединить въ одномъ лицѣ... Онъ находитъ меня подходящей для себя!—Я благодарю его за любезность, расхваливаю его практичность, но нахожу, что онъ слишкомъ ужъ красивъ для меня, и отказываюсь. Такъ кончился мой день... Скоро невозможно будетъ даже по безплоднымъ объявленіямъ ходить: ботинки совсѣмъ разорва-

лись... Одна грусть да и только.. И умирать не хочется, а карманъ жить не велить... Все надоѣло... И что думаютъ эти сытые богачи? Неужели не понимаютъ, что на вулканѣ сидятъ... Вѣдь, такъ не можетъ все на свѣтѣ продолжаться.

25-го Октября. Парижъ.

Нищета и неудача, кажется, сговорились задавить меня въ своихъ добрыхъ объятіяхъ. Нѣтъ ужъ силъ бороться... По газетнымъ объявленіямъ лучше не ходить.—Это все равно, что выиграть двѣсти тысячъ. Знакомствъ, протекцій нѣтъ. Родственники, друзья давно уже отпраздновали тризну на моей могилѣ. Просить, писать—рука не пишетъ. Зачѣмъ мнѣ эти лишнія оскорбленія, униженія? Первые будутъ молчать или мотаціями кормить, вторые же вмѣсто милосердія подадутъ камень. А, ну ихъ!.. Будь они всѣ прокляты! Ужъ и такъ я достаточно нахлебалась отъ нихъ униженій, сыта! Начнутъ клеветать, насмѣхаться, лучше ужъ возвратиться къ сытому барину или броситься въ Сену, чѣмъ обращаться къ милосердію каменныхъ сердецъ. Не пойти ли мнѣ къ Нумену? Какъ то не совсѣмъ удобно. Придется объяснить ему, кто я. Что общаго теперь между темноволосой Татьяной и Норой Штремъ, съ которой онъ случайно познакомился въ кафѣ? Онъ меня не узнаетъ. Ахъ, какъ все это гадко, отвратительно! Зачѣмъ всѣ эти страданія, кому онѣ нужны? Эта проклятая нищета цѣлую жизнь меня преслѣдуетъ. Да и не одну меня, насъ легіоны.

28-го Октября. Парижъ.

Я сайчасъ нахожусь въ положеніи затертаго льдами, но не сѣвернаго океана, а нищеты. Нашла въ углу немного стараго, заброшеннаго, запыленнаго хлѣба. У меня осталось нѣсколько еще кусковъ сахара,—эту пищу нужно протянуть хотя на два, на три дня... А потомъ что?—Не знаю...

1-го Ноября. Парижъ.

Эврика! Вчера по случаю отсутствія керосина я лежала въ потемкахъ, за стѣной кто-то вошелъ къ сосѣду-студенту.

— Здравствуйте, Тѣничъ! — раздался веселый женскій голосъ.

— Здравствуйте, Мидина.

— Бутылки есть?

— Вонъ въ углу.

— А, уже собрали! Здѣсь ихъ только пять?
 — Только и нашель.
 — У меня еще семь, да двѣ баночки изъ подъ варенья.
 — Вотъ разбогатѣемъ!
 — Почти цѣлый франкъ! Сейчасъ спущу ихъ въ магазинъ.

— Я вамъ помогу.

Затѣмъ слышенъ стукъ бутылокъ и, смѣясь, они уходятъ.
 Боже мой, какъ мнѣ раньше не пришла эта гениальная мысль! Бутылки, пустыя бутылки.—Да у меня ихъ штукъ двадцать пять...

Это цѣлая недѣля жизни. Да здравствуютъ пустыя бутылки и практичныя русскіе студенты.

7-го Ноября. Парижъ.

Вчера слышу стукъ въ двери. Отворяю. Передо мной стоитъ мой сосѣдь-студентъ.

— Простите, нѣтъ ли немного у васъ воды? Вода не идетъ изъ водопровода, кранъ испортился,—поясняетъ онъ мнѣ.

— Воды нѣтъ... Чай готовъ, не хотите-ли?

— Если я васъ не стѣсню...

— Чѣмъ же... зайдите,

— У васъ нѣтъ мебели!—съ удивленіемъ говоритъ онъ, обозрѣвая мою комнату.

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Зачѣмъ мнѣ мебель?

— Гм, хотите я подѣлюсь съ вами?

— Вы очень добры.. Увѣряю васъ, мнѣ и такъ удобно.

— Ну, какъ можно! Да что васъ спрашивать!—проговорилъ онъ, быстро удаляясь.

Черезъ нѣсколько минутъ столъ, стулъ и кушетка были водворены ко мнѣ въ комнату.

— Вотъ теперь хорошо!—говоритъ студентъ, съ удовольствіемъ посматривая вокругъ.

— Спасибо вамъ.

— А знаете что? Берите-ка вашу спиртовку, чайникъ, да и пойдемъ ко мнѣ пить чай? Согласны! У меня удобнѣе...

Я соглашаюсь. Комната у студента красивая, обставлена порядочно.

— Ахъ, я забылъ вамъ представиться! Моя фамилія Тѣничъ.

— Моя Лынина.

- Вы медичка?
- Нѣтъ... Такъ немного занимаюсь пѣніемъ.
- Съ какихъ мѣстъ Россіи?
- Съ юга. А вы?
- Я—сибирякъ.
- Въ дверь постучали.
- Войдите!—крикнулъ студентъ.
- Въ комнату вошла милостивая дѣвушка.
- А, Мидина!—привѣтствовалъ ее студентъ.
- Здравствуйте! А гдѣ ваща кушетка? — спросила она его.
- Она у меня,—сказала я.
- Вотъ противный! Я его сколько разъ просила дать мнѣ кушетку, не даль!..
- У васъ и такъ скоро будетъ весь толкуцій рынокъ,—сказалъ Тѣничъ.
- Пожалуйста, не сочиняйте! А вы медичка? — обратилась она ко мнѣ.
- Нѣтъ.
- Чѣмъ же вы занимаетесь?
- Ничѣмъ. Немного пѣніемъ.
- Моя сестра пѣвица. Она на казенной сценѣ, въ Россіи.
- А вы?—спросила я.
- Медичка.
- Изъ породы долбней, — сказалъ насмѣшливо студентъ.
- Ну ужъ оставьте! Не могу же я быть вѣчнымъ студентомъ въ родѣ васъ... Я не пріѣхала сюда тратить время на колониальныя общественныя дѣла, какъ это дѣлаете вы. Я пріѣхала учиться.
- Зачѣмъ мнѣ спѣшить... Меня въ шею никто не гонитъ.
- Какъ зачѣмъ? Вы итакъ изъ всѣхъ русскихъ университетовъ вышиблены за общественныя дѣла! И здѣсь ничего не дѣлаете.
- Не все ли равно, когда кончить?
- Конечно, не все равно! Я рвусь всей душой поскорѣй кончить...
- И замужъ выскочить. Знаю я дѣвицъ.
- Я не откажусь отъ замужества, но я также желаю поскорѣй приносить людямъ пользу.
- У колыбели своихъ ребятишекъ?
- Не говорите глупостей.
- Дерзаетесь до сытого пирога, да и забудете о всѣхъ вашихъ стремленьяхъ.
- Я буду фабричнымъ докторомъ!

- Тамъ еще женщинъ не видали!
- У меня зять фабричный инспекторъ!
- У меня кумушка полемойкой въ медицинскомъ департаментѣ!
- Не злите меня, не желаю съ вами говорить.
- Не вы со мной говорите, а вашъ языкъ..
- Ахъ, будетъ уже! А вы? Какіе у васъ планы на будущее?—обратилась она ко мнѣ.
- Никакихъ.
- Для чего же вы въ такомъ случаѣ живете?—Для кого?
- Ни для чего, ни для кого.
- Какъ, безъ цѣли! Къ какой же вы принадлежите партіи?
- Къ голодной,—сказала я, вставая и расклаиваясь съ ними.
- Ахъ, не вѣрю, не вѣрю, чтобы у васъ не было молодой мечты!—кричала она мнѣ въ догонку.
- Такимъ образомъ я познакомилась съ моими сосѣдями. Мидина живетъ на этомъ же коридорѣ.

9 ноября. Парижъ.

Опять ни гроша! Ничего больше нѣтъ, кромѣ души. Но ту въ закладъ не возьмутъ... Что дѣлать? Не попытать ли счастья еще по объявленіямъ?..

Парижъ 10 ноября.

Повсюду отказали! Второй день ничего не ѣла. Заснуть тоже не могу... Умереть не хочу, не могу, эмергии нѣтъ. Г-жа Ницета даже волю сожрала. Полнѣйшее банкротство.

Парижъ 11 ноября.

Сегодня зашелъ ко мнѣ мой сосѣдъ. Сидѣла безъ огня. Въ комнатѣ было холодно. Омъ, смѣясь, спросилъ:

- Вы чтоже это? При печальномъ интересѣ?
- Я васъ не понимаю.
- Денегъ нѣтъ?
- Вы у меня въ карманахъ считали!—сердито оборвала я эту непрошенную догадливость сосѣда.
- Да вы что кусаетесь? Я спрашиваю такъ, на всякій случай. Хотѣлъ у васъ самъ раздобыть нѣсколько франковъ!..
- Нѣсколько франковъ! У меня? Я уже третій день ничего не ѣла...—невольно вырвалось у меня.
- Ага, то-то-же... А я сегодня разбогатѣлъ. Могу обогатить и васъ.

— Благотворите другихъ, меня оставьте въ покоѣ.

— Послушайте, чего вы злитесь? Въ другой разъ я васъ оберу безъ стѣсненія.

— А если я не дамъ?

— Право сильнаго! Я сильнѣе васъ, отыму. Подумайте, я вамъ цѣлыхъ десять фряковъ могу сейчасъ дать! Неужели у васъ на такое богатство найдется презрѣнiе?

— Мнѣ и безъ вашихъ денегъ хорошо.

— Ну, конечно, я ничуть не сомнѣваюсь. Темнота будитъ въ насъ мечту... Но, во все же при свѣтѣ какъ-то веселѣй... Какъ вы думаете?

— Ахъ, ничего я не думаю, уйдите!

— На правахъ будущаго доктора, наконецъ, товарища, я не могу васъ оставить, умирающую съ голода. Наконецъ, это глупо съ вашей стороны!..

— Ну, давайте!

— Такъ бы уже давно. Забудьте всѣ церемонiи. Насъ большинство здѣсь кишихъ, всѣ терпимъ голодъ...

— У васъ есть хотя какiе нибудь источники, у меня никакихъ. Какъ же я вамъ возвращу долгъ?

— У меня тоже всѣ источники повисохли. Я самъ въ долгу. Но стоитъ ли объ этомъ думать, когда жизнь дороже денегъ? Когда нибудь разбогатѣете, отдадите.

— Не отдамъ, вотъ увидите.

— Сейчасъ ничего не вижу, темно какъ въ гробу. Гдѣ ваша керосинка? Чего вамъ еще купить? Хлѣбъ, сахаръ, чай. Ну бѣгу покупать. — И онъ убѣжалъ и минутъ черезъ двадцать возвратился, нагруженный покупками.—Сейчасъ уголь несутъ!—возвѣстилъ онъ мнѣ, весь сияющій довольствомъ.

— Спасибо вамъ.

— Ну, и будетъ свѣтъ! И свѣтъ явился,—смѣясь, говорилъ онъ, зажигая мою лампу,—да и явится тепло. И тепло явилось,—поддаливая въ каминѣ, продолжалъ балагурить Тѣничъ.

— Не знаю, какъ васъ и благодарить.

— Оставьте, какiя тамъ еще благодарности. Стоитъ ли изъ за этого подлѣйшаго металла языкъ ломать на благодарности... А вотъ вамъ капиталы.

— Вы добры.

— А вы злы. — Я думалъ, что вы пустите мнѣ чѣмъ нибудь въ голову. Ну слава Богу, голова цѣла осталась! Теперь пойду благодарственный молебень отслужу за спасенiе отъ явной опасности—шутить онъ уходя.

Благодаря сосѣду, я на время спасена. Нужно теперь постараться раздобыть хотя какую нибудь работу. Все же, пока душа спокойна, а главное, желудокъ, то и работу спокойнѣе можно искать.

18 ноября. Парижъ.

Работы нѣтъ. Заходилъ сосѣдь. Разсказалъ, что вчера русская студентка зарѣзалась, благодаря доброй заботѣ со стороны госпожи Ницеты. Вѣроятно, эта добрая женщина такъ надоѣла ей своими заботами, что она отъ нея на тотъ свѣтъ убѣжала. Говорилъ студентъ, что ея богатые товарищи теперь очень заботятся о ней, собираютъ на вѣнки, дѣлаютъ богатые похороны... Удивительная доброта послѣ смерти!.. До того жалѣють, хлопочуть, столько проявляютъ своей доброты, что если бы эта студентка воскресла, то вторично бы умерла уже отъ счастья и людского участія...

23 ноября. Парижъ.

Была у меня Мидина. Она пришла вся радостная, веселая, оживленная.

— Поздравьте, я экзамень сдала!—возвѣстила она.

— Поздравляю. А Тѣничъ?

— Ахъ, оставьте! Онъ ничего, ровно ничего не дѣлаетъ. Удивительный господинъ! Впрочемъ, ему теперь не до экзаменовъ.

— Что такъ?

— Опять влюбленъ.

— Развѣ такъ часто?

— Ежемѣсячно новая любовь.

— Несчастный, сколько терзаій...

— Онъ,—какой тамъ! Если не влюбленъ, то все расположение духа теряетъ. Вы знаете Бѣлину?

— Нѣтъ.

— Онъ теперь у нея по цѣлымъ днямъ торчитъ... Нѣтъ, онъ во всю жизнь свою не кончитъ медицинскій!—съ отчаяніемъ въ голосѣ проговорила она.

— У него много рыцарства въ характерѣ.

— Ахъ, его называютъ Донъ-Жуанъ Донкихотовичъ!

— Онъ красивъ, уменъ, прекрасно играетъ на роялѣ, превосходно декламируетъ...

— Признайтесь, Лынина, вы тоже въ него влюблены?

— Я не влюблена, но люблю его какъ человѣка. Онъ добръ, а это качество повсюду и во всѣхъ теперь въ забросѣ.

— Нѣтъ, скажите правду, онъ вамъ вскружилъ голову?

— Единственный господинъ мнѣ сейчасъ кружить голову—это голодъ. Нѣтъ ли у васъ работы?

— Здѣсь всѣ ищутъ работу, нигдѣ нѣтъ... Можетъ быть, вамъ деньги нужны? Я могу вамъ одолжить?

— Благодарю. Сейчасъ еще у меня немного есть.

— Вы не стѣсняйтесь, если нужно, приходите—я вамъ дамъ. Заходите-же!—приглашала она меня, прощаясь.

Всѣ они добры, но у человѣческой доброты есть дно. Это я знаю горькимъ опытомъ.

27 ноября. Парижъ.

Холодно, голодно... Каминъ не топлень, керосину въ лампѣ нѣтъ, хлѣбъ на исходѣ... А что завтра,—не знаю.

30 ноября. Парижъ.

Пошла въ одинъ кафешантанъ. Просила принять меня пѣть русскія пѣсни, Хозяинъ пригласилъ на три вечера. Спѣла—получила 30 фряковъ. Могу сосѣду отдать десять и сама нѣсколько времени прожить... Что же будетъ дальше?..

7 декабря. Парижъ.

Вчера сосѣдъ рассказывалъ мнѣ о тайгѣ сибирской... Рассказывалъ онъ такъ увлекательно, что сегодня ночью мнѣ приснилась тайга, но только совсѣмъ другая... Тайга мрачная, страшная, холодная. Я будто-бы все блуждала въ той страшной тайгѣ и искала просвѣта, выхода. Нищета—это та же вѣчная тайга, въ которой скорѣй умрешь, чѣмъ выберешься на свѣтъ, просторъ.

12 декабря. Парижъ.

Мой сосѣдъ переѣхалъ на другую квартиру. Я лишилась добраго сосѣдства. Теперь уже за стѣной поселилась какая-то француженка съ своимъ другомъ. Поцѣлуи звонкимъ эхомъ отдаются въ моей комнатѣ, черезъ тоненькую стѣнку. Я тоже съѣжаю, но только лишь въ другую сторону коридора. Тамъ мансарда похуже, но подешевле.

15 декабря. Парижъ.

Опять голодъ... Ахъ, Боже мой, какъ надоѣла мнѣ эта госпожа Нищета! Когда же этому будетъ конецъ?.. Я ничѣмъ не могу заниматься. Начала, было, ходить на лекціи въ College de France и посѣщать вечерніе классы рисованія, благо,

все это даромъ. Но нищета отсюду меня гонить вонъ. Не знаю, что предпринять, гдѣ набрать энергій, здоровья?.. Скоро съ ума сойду отъ вѣчныхъ думъ, гдѣ взять денегъ. О пѣнии я уже забыла и думать...

16 декабря. Парижъ.

Голодъ, холодъ, просто изводятъ меня. Гдѣ взять работу, денегъ?—Отъ холода руки коченѣютъ, едва пишу... Впрочемъ: не знаю, что меня трясетъ сейчасъ, холодъ или лихорадка. Нѣтъ, не могу больше писать!..

З. Карево.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Давно столѣтняя сосна
Скрипитъ печально, смерти ждетъ...
Но съ грустью знаю я: она
Меня переживетъ!

Я полонъ силъ и жить хочу
Для свѣтлой цѣли бытія,
Но я навѣки замолчу
Подъ жалкій стонъ ея!

И много, много передъ ней
Въ землѣ чернѣющей могилъ...
О, еслибъ мнѣ къ закату дней
Ея остатокъ силъ!

А. Лукьяновъ.

ПѢСНЯ ВОЛНЪ.

Надъ морскою глубиною
Волны съ пѣною сѣдою
Собиралися въ прибой.
А на берегѣ туманномъ
Я внималь, въ смятенѣ странномъ,
Пѣснѣ, созданной борьбой:
„Мы свободы жаждемъ. Въ морѣ
„Мы гуляемъ на просторѣ
„Своеволью, здѣсь и тамъ.
„Вѣтеръ дико насъ ласкаетъ,
„Буря громко призываетъ,
„И на битву посылаетъ
„Къ неприступнымъ берегамъ.
„Собирайтесь, сестры, дружно!
„Сокрушить намъ скалы нужно,
„Путь свободный проложить.
„Дружно волны! Строй за строимъ!
„Мы ударимъ, мы размоемъ...
„Мы смѣемся надъ покоемъ,
„Мы хотимъ для битвы жить.
„Дружно волны! Что за стоны...
„Пусть разбились легіоны,—
„Намъ равны и жизнь, и смерть.
„Мы одѣты въ панцырь бѣлый,
„Влажной грудью, съ пѣсней смѣлой,
„Бьемся въ берегъ помертвѣлый,
„Сокрушимъ нѣмую твердь...“
Я стоялъ, смятенья полный,
И внималь. Шумѣли волны,
Набѣгалъ за строимъ строй...
Съ гордымъ стономъ разбивались,
Съ пѣсней снова собирались
И рвались на смертный бой.

Д. Ц.

Тамъ, гдѣ кончается Висла.

Повѣсть Артура Грушецкаго.

(Переводъ съ польскаго А. Даманской).

(Продолженіе). ¹⁾

VI.

Урбанекъ, одѣтый по праздничному, шелъ къ Рудзишовой и не безъ нѣкоторой тревоги думалъ о томъ, какъ встрѣтить его вдова. Если она обижена тѣмъ, что опекуномъ надъ нею назначили его, Урбанека, то и отношенія съ нею будутъ непріятныя и самая опека бесполезная, и вся Ястарня будетъ смѣяться надъ нимъ.

Когда онъ вошелъ въ комнату, Ягуся учила младшую сестренку, Зося, читать по молитвеннику.

На шумъ открываемыхъ дверей Ягуся подняла голову и покраснѣла, а Зося, захвативъ книжку, убѣжала изъ комнаты.

— Я пришелъ къ твоей матери по дѣлу, — мягко сказалъ онъ.

— Я знаю, — отвѣтила она, вставая, — мама на кухнѣ, я сейчасъ ее позову.

Но въ эту-же минуту въ дверяхъ показалась Рудзишова, съ озобоченнымъ печальнымъ лицомъ. Въ глазахъ ея свѣтилось неудовольствіе. Урбанекъ, предупреждая ея слова, поклонился ей и сказалъ:

— Я пришелъ къ вамъ по порученію артели.

— Что-же ты мнѣ скажешь? — сурово спросила она.

— Артель назначила меня вашимъ опекуномъ, помимо моего желанія. Я этого не добивался.

— Зачѣмъ-же ты согласился?

— Я не могъ отказаться. И я думая, что буду вамъ полезенъ.

— Ты? — насмѣшливо сказала она. — Если я сама себѣ не помогу, мнѣ никто не поможетъ.

¹⁾ См. „Образованіе“ №. 4.

— Все-же лучше имѣть хоть какую-нибудь поддержку.

— Да, конечно, мужчины легче нашего со всякимъ дѣломъ справляются. Но хоть-бы мнѣ назначили въ опекуны челоуѣка пожилого, опытнаго, а что за помощьюъ ты мнѣ будешь, такой молодой, даже неженатый.

— Да развѣ люди отъ женитьбы умнѣютъ?—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Эхъ, да что ты понимаешь... Только женатый мужикъ и можетъ понять, что значить жизнь да работа, а у парней что на умѣ — забавы да гуляшье... Если бы я на своей родинѣ жила, меня не обидѣли-бы, дали-бы опекуна какъ слѣдуетъ быть, а здѣсь я все должна терпѣть... кто за меня заступится, за вдову,—докончила сна со слезами.

— Не плачьте, я никому не дамъ васъ въ обиду.

— Сядь, отдохни—сказала она, тронутая ласковой почтительностью Урбанека.

Онъ сѣлъ за столъ, закурилъ папиросу и сказалъ:

— Я пришелъ обсудить вмѣстѣ съ вами, какъ уплатить долгъ.

— Говори, я слушаю.

— На каждого приходится въ артели тридцать семь талеровъ. Вы могли-бы получить семьдесятъ четыре талера, но такъ какъ четырнадцать уже взято вами, то осталось шестьдесятъ. Затѣмъ, вы съ улова будете получать вдовью половину, а Ягуся въ концѣ года получить четвертую часть съ доли брата. Считаая, что вы обѣ получите тридцать талеровъ то на уплату долга, стало быть, останется восемьдесятъ талеровъ. Десять талеровъ кладу на расходы.

— Нѣтъ, я ни гроша изъ этихъ денегъ тратить не буду. Не стало кормильца, обойдемся безъ кофею и сахару, а муку, соль, крупу я куплю, когда продамъ запасныя сѣты.

— И я заработаю,—вставила Ягуся.— Буду кустарникъ корчевать, или шоссе чинить.

— Ну, что ты зарабатываешь...—со вздохомъ сказала мать.— Другое дѣло, у насъ въ деревняхъ, гдѣ въ страдную пору рабочихъ рукъ не хватаетъ, а тутъ, коли надсмотрщикъ доволить марки три-четыре заработать, то ихъ за счастье почитай... Говори дальше,—обернулась она къ Стаху.

— Если Лога получить двѣсти семьдесятъ марокъ, онъ согласится отсрочить уплату остального долга.

— Ну, плохой-же ты совѣтчикъ. Логъ слѣдуетъ семьсотъ. А вотъ если я продамъ борова, корову и телку, талеровъ за сто, то долгу останется всего сто тридцать марокъ.

— Но корову вы продать не можете... Чѣмъ-же вы дѣтей кормить станете?

— Довольно имъ одной рыбы, а для маленькаго возьму когда молочка у сосѣдки.

— Нѣтъ, это невозможно... Корову продать вы не можете... Предоставьте ужь мнѣ столковаться съ Логой.

— Гмъ... попытайся, коли охота. Другое дѣло у насъ въ деревняхъ... Тамъ даже Андриуша и Зося могли-бы заработать, а ужь про насъ и говорить нечего.

— Когда мы ѣхали изъ Данцига,—робко встала Ягуся,— ты рассказывалъ, что въ другихъ мѣстахъ и рыбацки зарабатываютъ...

— Какимъ образомъ?—живо спросила Рудзишова.

— Да, говорилъ... Въ другихъ мѣстахъ парни и дѣвушки готовятъ рыбу для большихъ магазиновъ. Коптятъ угри, селедки, балыки... Мы вотъ столько рыбы ловимъ, а наживаются на ней другіе... Мы могли-бы не мало денегъ удержать къ краю...

— Ты бы переговорилъ, Стахъ, съ рыбаками, — сказала Ягуся.

— Непремѣнно!.. Какъ только улучу удобную минуту.

— Дѣти, дѣти... — усмѣхнулась Рудзишова.— Да кто изъ насъ пустится въ торговлю. За рыбу—грошъ вѣрный, а торговля еще даетъ-ли что—это вилами на водѣ написамо...

— Можетъ быть, и вы правы. Но, вѣдь, попытка, матушка, не пытка.

— Опять высмѣютъ тебя... И то чего уже не говорятъ про тебя...

— Пусть себѣ говорятъ... Мнѣ отъ того горя мало. Только бы одна вещь удалась, со мной тотчасъ всё считается начнутъ. Я промахнулся уже тѣмъ, что къ старикамъ обращался. Теперь я поумнѣлъ, теперь, какъ затѣю что нибудь, пойду къ молодымъ и мы сообща добьемся своего!

— Дай Богъ!—сказала Ягуся и зардѣлась румянцемъ.

— Ты, Ягуся, сговоришься съ дѣвушками, а я парнямъ скажу, чтобы собратъся намъ всѣмъ въ воскресенье — тамъ и обсудимъ это дѣло.

— Ты сегодня на ловлю поѣдешь?—спросила Рудзишова.

— Да... и мнѣ пора... Итакъ, рѣшено—я съ Логой столкусь, а корову не продавайте...

— Если Лога согласится ждать.

— Хорошо было-бы, если-бы Цвѣтуха осталась,—добавила Ягуся.

— Я надѣюсь, что она останется... Прощайте!

— Съ Богомъ!

По дорогѣ домой Урбанекъ встрѣтился съ Валекомъ. Узнавъ, что Рудзишова приняла назначенную ей опеку, Валекъ сказалъ:

— Стахъ, у меня просьба до тебя, сердечная просьба. Обращаюсь къ тебѣ, какъ къ брату...

— Въ чемъ дѣло?

— Ты знаешь, я люблю Ягусю и мнѣ безъ нея жизнь не мила—позволятъ-ли мнѣ родители или нѣтъ, все равно—я женюсь только на ней.

— И прекрасно, чего-же тебѣ еще отъ меня нужно?

— Ты—ея опекунь, не позволяй ей тутъ выходить за другого, пожалуйста, Стахъ...

— Да, вѣдь, я невольтъ дѣвушку не могу, это вовсе меня не касается—это уже ихнее дѣло... Что захотятъ, то и сдѣлаютъ... Ты съ ней самой-то переговорилъ?

— И съ ней, и съ матерью. Да не знаешь развѣ: прочь съ глазъ,—изъ сердца вонъ.

— Пиши ей письма, она и не забудеть.

— Писать я буду. Да что письма?.. Это не живое слово... Неужели ты откажешься мнѣ помочь?..

— Я одно только могу тебѣ обѣщать,—сердечно и участливо сказалъ Урбанекъ,—я съ своей стороны не буду содѣйствовать замужеству Ягуси... если что-нибудь тутъ затѣется, то я заблаговременно тебѣ сообщу... во флотѣ, за работой горе скорѣй позабудется.

— О, я никогда не забуду!

— Такъ всегда говорится.

— Тебѣ легко говорить. Ты не знаешь, что за штука—любовь.

— Какъ не знаю, а Розалька?

— Гмъ... быть можетъ, ты такъ увѣренъ. Ну, Стахъ, стало быть, ты обѣщаешь мнѣ не уговаривать Ягусю выходить за другого и позволенія на бракъ не дашь?

— Нѣтъ, насчетъ позволенія я ничего тебѣ обѣщать не могу, а уговаривать не стану—это я обѣщаю.

— Я и съ ней говорилъ—дала мнѣ слово, что въ случаѣ, если какая перемѣна произойдетъ, что напишетъ мнѣ, но я не увѣренъ, сдержитъ ли она слово, и потому я прошу тебя.

— Ну, разъ она дала слово, то и сдержитъ... Хорошая, аккуратная дѣвушка.

— Лучше ея во всемъ свѣтѣ нѣтъ!

— Для тебя,—разсмѣялся Урбанекъ.—Ну, когда-же ты въ Данцигъ отправляешься?

— Завтра вечеромъ.

— Увидимся еще?

— Вѣроятно.

Слухи объ устройствѣ коптильни взбудоражили не только Ястарню, но и сосѣдніе поселки, Кузницу и Боръ. Старшіе рыбаки и рыбачки высмѣивали не только Урбанека, но и всѣхъ его близкихъ знакомыхъ.

— Мы всѣ глаза проглядѣли, а коптильни не разглядѣли, неужели ее моремъ смесло?—трунили они.

— Когда-же мы побѣжимъ въ Варшаву съ товаромъ?—иронически спрашивали другіе.

— Въ воздухѣ душно отъ дыму стало.—Сколько же вы рыбы по-сейчасъ накопили?

Но Урбанекъ только отпучивался или отмалчивался, но не терялъ энергіи и рѣшилъ довести дѣло до желаннаго конца.

Домашніе, въ свою очередь, тоже осыпали его насмѣшками, колкостями и ядовитыми замѣчаніями. Розалька, раздраженная людскими толками, сказала ему:

— Помни, Стахъ, чтобъ это была послѣдняя твоя фанаберія. Дальше я этого терпѣть не стану. Довольно съ насъ людскихъ пересудовъ.

— Да развѣ я кому-нибудь зло дѣлаю? Обманываю? Плутую?.. Смѣйся надъ ними, какъ я... увидятъ они, что ты на нихъ вниманія не обращаешь, и замолкнутъ... И, наконецъ, мнѣ кажется, что это дѣло съ коптильней, навѣрно, выгоритъ.

— Да что тебѣ далась эта коптильня? Зачѣмъ ты берешься за торговлю?—Ты рыбакъ, и занимайся своимъ дѣломъ.

— Гмъ... если-бы я могъ!

— Что-же тебѣ мѣшаетъ?—удивленно спросила она.

— Да все меня подмываетъ то, да другое перемѣнить. Наглядѣлся я, слышался, начитался, что въ другихъ краяхъ лучше, надежнѣй, богаче... Почему-же и у насъ не могло-бы быть такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ?

— Это только тебѣ такъ кажется, у тебя умъ за разумъ зашелъ. Дѣлай то, что всѣ дѣлаютъ, и ладно будетъ.

— Но подумай, Розалька, вѣдь, на такой коптильнѣ мы и сами много заработать могли-бы и другимъ хлѣбъ дать...

— У насъ нужды нѣтъ, каждый свой кусокъ хлѣба имѣетъ...—отвѣтила она, нахмурившись.

— Да, вѣдь, хлѣбъ-то горькій изъ милости дается, а заработать негдѣ.

— О комъ ты говоришь? Мы у своихъ родителей, и хлѣбъ не изъ милости получаемъ.

— Но, вѣдь, не у всѣхъ-же есть отецъ, который семью кормитъ. Вотъ, напримѣръ, взять Рудзишовыхъ...

— Я слышала, слышала,—сухо разсмѣялась она.—Какъ ты горячо опекаешь ихъ... Мнѣ говорили, что ты не досыпаешь, не доѣдаешь, и все по ихъ дѣламъ бѣгаешь.

— Я ходилъ два раза съ Корабельщикомъ къ Логѣ, чтобы столковаться насчетъ долга?

— Ну, и чего ты добился?

— Онъ согласился получить часть долга теперь, а вторую часть черезъ два года и безъ процентовъ.

— А корову Рудзишова продаетъ? Хорошо было бы ее купить... она много молока даетъ.

— Корова останется у вдовы, а если продасть, то деньги пойдутъ въ долгъ тому Логѣ. А быть можетъ, онъ и расквитается съ нимъ и раньше, если Богъ пошлетъ хорошій уловъ. Черезъ два года вернется Валекъ, а ужъ онъ, навѣрно, не дастъ корову продать.

— Какъ? Валекъ вернется черезъ два года?

— Да. Его назначили въ Киль. Тамъ служба недолгая.

— Везетъ ей, этой Ягусѣ!—со вздохомъ сказала дѣвушка.

— Ну, какъ-же, Розалька, придешь ты на сходку?

— А что мнѣ тамъ дѣлать? Ну, такъ и быть приду, но ужъ это будетъ въ послѣдній разъ.

— Ладно, этотъ разъ—пусть послѣдній разъ,—сказалъ онъ, весело разсмѣявшись.

Въ воскресенье на сходку собралось человекъ тридцать парней изъ Ястарни и сосѣднихъ поселковъ. Дѣвушки пришли только изъ Ястарни. Явилось и нѣсколько стариковъ, не сумѣвшихъ преодолѣть свое любопытство. Намѣченное мѣсто, по дорогѣ въ Кузницу, оказалось узкимъ и неудобнымъ и, по предложенію Капа, всѣ перешли на морской берегъ. Дѣвушки сбились въ кучку и стрѣляли шутками и островами въ группу парней.

Урбанекъ заговорилъ первый и при первыхъ его словахъ всѣ разговоры стихли. Его слушали со вниманіемъ и лица стали строже и серьезнѣй, когда онъ заговорилъ о томъ, что имъ, молодымъ, принадлежитъ будущность, что они выходятъ на новый и тяжелый путь самостоятельнаго труда въ интересахъ всѣхъ рыбаковъ; что, основавъ на общія средства коптильню, они сократятъ доходы перекупщиковъ, скупающихъ за безцѣнокъ сырую рыбу, создадутъ нов

область оплачиваемаго труда для незанятыхъ рыболовствомъ рукъ и поднимуть благосостояніе края.

— Устройство коптильни, — говорилъ онъ, — по словамъ людей свѣдущихъ, должно обойтись въ шестьсотъ марокъ. Матеріалъ мы сами будемъ доставлять изъ Куширка, и, кромѣ того, на время постройки будемъ доставлять подрядчику ежедневно трехъ работниковъ и двухъ работницъ.

— Не много-ли это будетъ, столько денегъ и рукъ? — сказалъ кто-то изъ слушателей.

— Да поторговаться съ подрядчикомъ намъ никто не мѣшаетъ. Но расходы еще этимъ не исчерпаются. Потому что нужно и дровъ, и рыбы для копчения, а на это, не считая уже труда по заготовкѣ рыбы и присмотра, надо считать марокъ двѣсти, а быть можетъ, и больше. Все это можно сдѣлать только общими силами. Выберемъ первымъ дѣломъ казначея; я предлагаю Мартина Капа: онъ — честный, дѣльный рыбакъ. Я съ своей стороны даю для начала шестьдесятъ марокъ, сорокъ на постройку и двадцать на обзаведеніе. Талеръ будетъ наименьшій взносъ и въ свое время каждый получитъ его съ лихвою обратно, если пожелаетъ выйти изъ товарищества, или-же будетъ получать проценты съ дѣла. Согласны?

— Согласны!.. Согласны!.. Ура! Ура! Урбанекъ! — кричала молодежь. Капа вынулъ изъ кармана припасенную бумагу и карандашъ и крикнулъ:

— Эй, рыбаки! Кто сколько даетъ?

— Сейчасъ, сейчасъ... дай вотъ только спросить, — сказалъ рыбакъ изъ Кузицы, — тутъ кое-что ясно. Мы всё знаемъ, что копченые угри, сельди, сига оплачиваются лучше сырыхъ... коптить другіе, и мы сумѣемъ... За покупателемъ дѣло не станетъ... но я не знаю, кто и сколько получаетъ барышей, кто и сколько убытковъ несетъ? Надо же принять во вниманіе, что мы можемъ и потерять на этомъ дѣлѣ, затѣмъ надо выбрать людей, которые бы и за постройкой смотрѣли, и занялись бы коптильней... Мы всё участники дѣла, но отвѣчать за все должны они передъ нами — иначе порядку не будетъ... Кромѣ казначея, надо еще трехъ чело-вѣкъ выбрать, потому что рыбакъ не всегда своимъ временемъ располагаетъ... Урбанека непременно выбрать надо, потому что онъ положилъ начало дѣлу, и еще двухъ надо...

— Вѣрно!.. Вѣрно!..

— А что до барышей, — сказалъ Урбанекъ, — то порѣшимъ вотъ такъ, что одна треть пойдетъ въ дѣло, а двѣ трети — для раздѣла, какъ въ рыбныхъ артеляхъ. Всѣ мы будемъ

работать при коптильнѣ, а не хватить рабочихъ рукъ, то будемъ платить, какъ на казенныхъ работахъ, по маркѣ въ день.

— Ладно! Ладно!

— На выборъ трехъ отвѣтственныхъ членовъ я согласенъ, но первымъ дѣломъ запишемся, тогда увидимъ, наберется ли денегъ достаточно и кто имѣетъ право голоса. Первымъ дѣломъ запись.

Рыбаки стали переговариваться межъ собою, и молодой рыбакъ изъ Бора Петръ Вжасъ сказалъ:

— Осенью мы всѣ получимъ изъ нашихъ артелей расчетъ и тогда внесемъ свои доли, а пока дадимъ только задатокъ, а тамъ внесемъ остальное или всю часть, которую сейчасъ обязуемся внести.

— Хорошо! Хорошо!

— А для удобства дѣлежа барышей, я предложилъ бы, чтобъ всѣ взносы были равны, только дѣвушкамъ дадимъ льготу, потому что у нихъ своихъ денегъ нѣтъ... Пусть каждая внесетъ одинъ талеръ, а остальное отработаетъ въ коптильнѣ.

— Отлично!.. Отлично!..

— Погодите-ка!—громко заговорилъ рыбакъ изъ Ястарни, Михаилъ Брыкъ.—Урбанеку захотѣлось коптильни, а вы бѣжите за нимъ, какъ стадо барановъ, и не спрашиваете даже, гдѣ она будетъ?

— У меня небольшой лугъ есть... что мать мнѣ отказала... подлѣ моря... я отдаю его подъ коптильню... — отвѣтилъ Урбанекъ.

— Гм... Жаль лужайки—да это дѣло твое,—сказалъ Михаилъ Брыкъ.—Но если вы полагаете, что коптильня—золотое дѣло, то вы очень заблуждаетесь.

— Почему?.. Что?.. Что?.. — отозвалось нѣсколько голо-совъ.

— Если бы это было доходное дѣло, то развѣ другіе не прельстились бы на него? Не нашелся бы какой-нибудь иѣмецъ, еврей и не выстроилъ бы у насъ коптильни? А старые рыбаки развѣ не додумались бы до этого, если бы это было выгодно? Надо благоразумно завѣсить, обдумать, что дѣлаешь, а не идти на авось. Урбанеку новыхъ модъ захотѣлось, пусть онъ самъ попробуетъ, а мы поглядимъ, что онъ сдѣлаетъ...: я и мои товарищи говоримъ такъ: у кого есть охота рисковать вмѣстѣ съ Урбанекомъ трудовыми деньгами,—пусть себѣ. Каждый надъ своей копейкой хозяинъ. А мы еще подождемъ-увидимъ: если у васъ дѣло пойдетъ

хорошо, тогда ни денегъ, ни труда не пожалѣемъ... но мы не такъ глупы, чтобы класть руку въ огонь... попробуйте вы.

Молодой Людвигъ, замѣтивъ какую то нерѣшительность въ толпѣ, крикнулъ:

— Капа, запиши меня... я на болтовню Брыка не обращаю вниманія.

— И меня запиши,—сказалъ Собекъ Брузда.

— И меня! И меня, Франекъ Метусъ!

— Шимекъ Скора!

Но другіе не двигались съ мѣста.

Урбанекъ опять заговорилъ:

— Я вотъ что могу отвѣтить Брыку. Промышленники не прельстились выстроить на нашемъ островѣ коптильню, потому что ищутъ болѣе удобные пункты. Землю приобрѣсти здѣсь трудно, желѣзныхъ дорогъ нѣтъ, пароходы не причаливаютъ, и въ закупкѣ рыбы они зависѣли бы отъ артели, потому что здѣсь рыбу можно достать только ту, которую мы ловимъ...

— Совершенно вѣрно... истинно вѣрно!—поддержало его нѣсколько голосовъ.

— А что старшіе рыбаки не додумались до этого, ужъ это другое дѣло...—онъ замаялся.

— Говори, говори здѣсь все!—поощрили его слушатели.

— Рыбакъ, уставая до изнеможенія на ловлѣ, радъ раде-шенекъ, когда ложится, отдыхаетъ и набирается силъ для дальнѣйшей работы, это одни... а другіе не желаютъ думать—имъ и такъ хорошо... У него домъ, здоровыя руки, а по расчетѣ—и денегъ малая толика... а третьи говорятъ: отцамъ нашимъ и такъ хорошо жилось, и мы проживемъ... Пусть будетъ такъ, какъ было до сихъ поръ... И не желаютъ никакихъ перемѣнъ за недосугомъ, по лѣни, по привычкѣ, а мы все бѣдимъ, потому что хлѣбъ, котораго хватало на двадцать человѣкъ, должно теперь хватать на сто. Но такъ дальше быть не можетъ... Надо предотвратить дѣйствіе въ будущемъ, пока же надо сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ, увеличить заработокъ, не нарушая пріятной дремы нашихъ стариковъ.

— Ну, ну, осторожнѣй, — крикнулъ Карлъ Лысый, стоявшій въ сторонкѣ съ двумя старыми рыбаками.—Я тебѣ зубы вышибу, перестанешь кусаться.

Но другіе перекричали его, и Капа едва успѣвалъ записывать молодежь, нацравшую на него со всѣхъ сторонъ.

Урбанекъ подошелъ къ группѣ дѣвушекъ и, улыбаясь, спросилъ:

— А изъ васъ никто не желаетъ записаться?

— Денегъ нѣтъ!—бойко отвѣтила Марья.

— Можешь поздѣй отработать.

Въ эту минуту и Капа подошелъ къ дѣвушкамъ съ бумагой и карандашомъ въ рукѣ.

— Кого записать? Эй, дѣвухи!

Дѣвушки молча переглядывались. Изъ толпы робко выступила Ягуся и, краснѣя отъ смущенія, тихо сказала:

— Запиши меня... я дамъ талеръ... остальное отработаю,— и, развязавъ узелокъ платка, дала Капѣ три марки.

— Поглядите!—воскликнула Розалька,—откуда же у тебя деньги взялись?

— За рыбу получила, когда ѣдила въ Данцигъ съ Марьсей и Касей.

— Удивительно, и ты до сихъ поръ ихъ берегла?—ядовито спросила Розалька.

— Да, потому что я не трачу на леденцы,—огрызнулась Ягуся.

— Ну, а ты, Розалька? — спросилъ Стахъ.—Ты должна была быть первой.

— Я не любопытна... И не такъ быстро, какъ другія, поддаюсь на медовыя рѣчи. Погляжу сперва, что ты со своей коптильной сдѣлаешь. Лужокъ свой уже сбьлъ, и денежки, вѣроятно, спустишь...

— Какъ, ты, ты, Розалька, не хочешь записаться?

— Я подумаю... еще потолкуемъ, вѣдь, мы часто видимся.

Капа тѣмъ временемъ сосчиталъ число записей и крикнулъ:

— Эй, рыбаки, слушайте... Рыбаковъ записалось двадцать, и пока одна только рыбачка... Такъ что, разъ постройка должна стоить двѣсти талеровъ, то пусть каждый обязуется уплатить въ теченіе полугода по десяти талеровъ, а для начала дѣла по талеру!.. Этого хватитъ пока на лѣсъ и прочій матеріалъ. Стало быть, одиннадцать талеровъ съ человѣка...

— Согласны! согласны!

— Ну, слушайте: Стахъ Урбанекъ, двадцать талеровъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, — прервалъ его Петръ Вжасъ.—Всѣ равны взносы дѣлаютъ... Безъ исключеній... И Урбанекъ одиннадцать талеровъ...

— Да, да!

— Ну, ладно... Стахъ Урбанекъ одиннадцать талеровъ...— и онъ прочиталъ списокъ именъ, заканчивавшійся именемъ Ягуси.

— Чтобъ ей не скучно было одной,—смѣясь, сказала Марья,—запиши и меня. Я дамъ талеръ попозже.

— Ура! ура! Еще одна!—кричалъ Капа.—Будемъ коптить, и Богъ дастъ, заработаемъ.

— Да здравствуетъ Стахъ! Ура, Стахъ!—кричали другіе.

Къ Стаху подходили, пожимали ему руку, и всѣ, радостные, возбужденные, обѣщали сдержатъ обѣщанія.

Карлъ Лысый, проходя мимо Розальки, останоуился и спросилъ ее:

— Ты что-же не записываешься? Ты-бы всю торговлю вела копченой рыбой.

— Да не хочется что-то,—отвѣтила она, зардѣвшись.

— А погубить онъ тебя своими фанаберіями. Жаль мнѣ тебя, ты настоящая рыбачка, разумная дѣвушка.

Розалька хотѣла отвѣтить, что Стахъ перебѣсится и остепенится, но подошли другія дѣвушки и увлекли ее за собою.

— А это удивительно,—сказала Марта,—откуда у нея талеръ взялся. У нихъ нужда въ помѣ, и кофей, и сахаръ перестали покупать... а она выскочила со своимъ талеромъ... Эй, ужъ не даль-ли ей этихъ денегъ опекунъ?

— Возможно,—добавила Валерка.—Валека нѣтъ, отца нѣтъ, мать хвораетъ, едва ноги волочить, а Стахъ любезничаеъ съ Ягусей. Ты что-же молчишь, Розалька?.. Я не допустила бы такого опекунства...

— Онъ должеъ сдѣлать то, что ему поручила артель,—отвѣтила Розалька,—а сколько разъ онъ жаловался, что ему тяжело, что онъ не оберется хлопотъ.

— Когда-же вапа свадьба, Розалька?—спросила Марта.

— Мнѣ же къ спѣху,—усмѣхнулась она.

— Это ты запретила ему строиться?—съ невиннымъ лицомъ спросила Юлька.

— А что?—сказала Розалька, краснѣя до ушей.

— Да вотъ пріѣхаль, деньги у него есть, вы давно обручены, а онъ до сихъ поръ ни кирпича, ни лѣса не привезъ себѣ... а все сходки съываетъ, да молодежь бунтуеъ...

— Ты забываешь, Юлька,—насмѣшливо вставила Валерка,—вѣдь, онъ опекунъ Ягусѣ... Ты замѣтила, какъ у него загорѣлись глаза, когда она дала талеръ.

— Какъ не замѣтить...

— Ну, нечего вамъ языки чесать,—сказала Розалька,—онъ же строится потому, что я не желаю въ этомъ году вѣнчаться.

— Когда же?

— Да еще останется-ли онъ у насъ? Слыхали, какъ грозилъ ему Карлъ Лысый.

— Ну, этотъ ко всѣмъ придираеъ,—сказала Розалька

- Гей, дѣвухи! — крикнулъ Брыкъ, догоняя дѣвушекъ со своими товарищами, — пойдемъ на заработокъ къ Урбанеку.
 — Развѣ вмѣстѣ съ вами, — смѣясь, отвѣтила Валерка.
 — Мы — рыбаки, намъ не надо, а вотъ вы — дѣло другое.
 — А мы — рыбачки, и въ хлѣбѣ не нуждаемся.

VII.

Наступила осень.

Солнце, пробиваясь изъ-за тучъ, освѣщало липы и клены подлѣ костела. Золотисто-пурпурные листья, раненые уже первыми морозами, послѣднимъ усиленіемъ красили деревья, обреченныя на жертву вѣтрамъ и снѣгамъ.

Въ лѣсу умирали, скорчившись, озябшіе почеркѣвшіе цвѣты и травы. Жизнь догорала. Вѣяніе смерти носилось надъ застывшей землей. Бѣлые, яркіе прежде пески тянулись теперь по побережью сѣровато-желтыми полосами.

Безпокойныя волны подъ блѣднымъ хмурымъ небомъ, темныя и унылыя, глухо бились о берегъ, разбиваясь о кольца, поддерживавшія сѣти на угрей, которые выходятъ ночью изъ моря искать добычи.

Недалеко съ маяка, отъ времени до времени доносился жалобный звонъ автоматическаго аппарата, предупреждающаго лодки и пароходы о бурѣ.

И казалось, что на эти звуки темныя ряды волнъ глухо шепчутся, сговариваются ударить сообща на врага.

Бѣлыя чайки, быстро прорѣзая воздухъ, тихо слонутъ, описываютъ широкіе круги, внезапно падаютъ въ море и, поймавъ добычу, опять взвиваются, высматривая на лету новую жертву.

Грусть и меланхолія, разлитыя въ природѣ, сообщаются и людямъ, связаннымъ съ нею трудомъ. Не слыша болѣе на песчаномъ побережѣ смѣха и веселаго говора, рыбаки стали серьезны, сосредоточены и общительны.

Рыбаки ежедневно осматривали сѣти, выставленныя на угрей.

Урбанекъ, Людвигъ и Капа молча подѣхали въ лодкѣ къ шестамъ. Въ сѣти тревожно клубились черно-зеленыя угри: одни, оцѣпенѣвшіе отъ испуга, лежали неподвижно, другіе бились и метались, пытаясь вырваться изъ сѣти. Въ однихъ сѣтяхъ было больше, въ другихъ меньше, — но, въ общемъ, уловъ въ этомъ году былъ хорошъ, и перекупщики изъ Данцига все дѣлали новые заказы и предлагали хоро-

шія цѣны. Когда рыбаки осмотрѣли всѣ сѣти, Капа замѣтилъ:

— Стахъ, что съ тобой? Ты чѣмъ-то огорченъ?

— А что?

— Да... такимъ сентябремъ смотришь.

— Нѣтъ, ничего... Это отъ погоды.

— Нѣтъ, нѣтъ, Стахъ,—сказалъ Людвигъ,—у тебя есть что-то на сердцѣ. И передъ нами тебѣ не слѣдъ-бы таиться—мы тебѣ друзья.

— Гнететъ меня вся эта Ястарня,—вырвалось у него.—Колкости, придирки, насмѣшки со всѣхъ сторонъ, а, вѣдь, я никому зла не сдѣлалъ, никому зла не желалъ. Тяжело... Изводятъ меня здѣсь.

— Ну это ты несправедливо говоришь? У тебя есть и вѣрные друзья—насъ двое и Петька Вжасъ, Шимка Скора, Собка Брузда, Франекъ Метусъ... На насъ ты всегда можешь рассчитывать.

— Васъ шестеро... а остальные.

— А про тѣхъ, что на коптильню записались, ты забылъ,—сказалъ Людвигъ,—тамъ, вѣдь, тринадцать парней, и всѣ въ артеляхъ участвуютъ.

— Это правда,—отвѣтилъ Урбанекъ, просвѣтлѣвъ немного,—и двадцать человѣкъ могутъ кое-что сдѣлать... Но у меня еще и семейныя непріятности.

— А что съ твоимъ лугомъ будетъ?—спросилъ Капа.

— Да вотъ мачеха настроила отца, и онъ не хочетъ мнѣ отдать его, пока я не женюсь, но я думаю, что мнѣ удастся умаслить его деньгами, онъ отдастъ мнѣ лугъ и мы поставимъ коптильню. А что, вѣсовъ никто больше не дѣлалъ?

— Нѣтъ, кого ни встрѣчаю, всѣ общаются вѣсти по расчету съ своей артелью... внесутъ,—и коптильня будетъ.

— Я думаю...—сказалъ Стахъ.—Кабы не эта коптильня, я дня не удержался бы здѣсь и пошелъ-бы куда глаза глядятъ.

— Гмъ... а Розалька?—спросилъ Людвигъ, улыбаясь.

— Подождала-бы, а не захотѣла-сь, я-бы изъ за этого топиться не сталъ.

— Глупости ты говоришь, и, конечно, съ досады. Ты нуженъ въ Ястарнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь, наши интересуются не одной только рыбой и сплетнями, но и другими вещами, посерьезнѣе.

Они подѣхали къ сѣти, въ которой оказалась цѣлая куча угрей.

— Охъ, кабы коптильня уже была,—со вздохомъ сожалѣ-

нiя промолвилъ Людвигъ,—было-бы что коштить, заработокъ былъ-бы.

— Будеть, будетъ, Людвигъ,—сказалъ Стахъ, смѣясь,—тогда мы покажемъ, на что мы способны.

— Миѣ кажется,—замѣтилъ Капа,—что двухъ рыбачекъ мало будетъ.

— Да придуть подевно работать...объ этомъ горя мало.

— А Розалька не будетъ съ нами?—спросилъ Капа.

— Да она что-то ломается...Видно, кто-то ее настраиваетъ. Разъ не хочеть, я принуждать ее не стану.

— Вотъ Рудзишова и Салтыковна—славныя дѣвки, работы не боятся.

— Да,—добавилъ Стахъ,—Ягуся ежедневно и дорогу чинить ходила, а дома еще улучала время на шитье, да на чтенiе...

— А знаешь, Стахъ,—сказалъ Людвигъ,—вѣдь, Павель-то Сикарка, вловець, никакъ Ягусю сватаеть...

— Кто тебѣ говорилъ? Вѣдь, при немъ мать живетъ и дочь отъ покойной жены.

— Что же изъ того? Видно, понравилась ему.

— Ерунда, она слишкомъ для него молода. Да, наконецъ, она помолвлена съ Валекомъ и за Сикарку не пойдетъ.

— А я слышалъ,—сказалъ Капа,—что Сикарка сватаеть Розальку.—Вотъ вамъ людскiе толки: одни женять его на Ягусѣ, другiе на Розалькѣ, а онъ, вѣрно, ни о той, ни о другой не думаетъ.

Выпроставъ сѣти, рыбаки перетасили угрей въ мѣшкахъ съ берега на валь, гдѣ шкиперъ передавалъ ихъ по счету торговцамъ.

На берегу было много рыбаковъ. Одни вталкивали угрей въ мѣшки, другiе помогали шкиперу въ счетѣ. Въ одинъ мѣшокъ по небрежности всыпали слишкомъ много рыбы, и озадаченный, Иоахимъ ко всеобщей потѣхѣ, не могъ его поднять.

— Тутъ и молодой паренъ не справится,—сказалъ Иоахимъ въ свое оправданiе.

— Еще-бы, они только на болтовню горазды,—сказалъ Людвигъ Длинный, покосившись на Урбанека.

— И на дурацкiя затѣи,—громко смѣясь, добавилъ Карлъ Лысый.

Урбанекъ приблизился къ нимъ, взялъ мѣшокъ и взвалилъ его себѣ на плечи. Онъ шелъ медленно, согнувшись подъ

тяжестью. Старики стали межъ собой переговариваться и посмѣиваться надъ нимъ.

Когда Урбанекъ всходилъ съ мѣшкомъ на валъ, Карль Лысый опередилъ его и, разставивъ обѣ ноги, загородилъ ему дорогу. Стахъ окликнулъ его разъ, другой; но тотъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ. Тогда Стахъ толкнулъ его и онъ, при общемъ смѣхѣ, кубаремъ скатился внизъ.

— Какъ ты смѣешь?—закричалъ онъ, поднявъ на него кулаки. Молодежь острила и хохотала, старшіе рыбаки изподлобья поглядывали на Стаха и ворчали.

— До сихъ поръ онъ только на словахъ бужтоваль, а теперь уже драться сталъ со стариками... Надо его обучить, не то намъ всѣмъ отъ него скоро житья не будетъ.

Неудовольствіе противъ Урбанека росло; уже на слѣдующій день онъ замѣтилъ, что старшіе рыбаки едва отвѣчаютъ на его привѣтствіе, уклоняются отъ разговоровъ съ нимъ и дѣлаютъ видъ, что вовсе его не замѣчаютъ. Это новое отношеніе еще болѣе огорчало его, нежели прежнія козкости и придирки. Порой имъ овладѣвало отчаяніе.

Если всѣ старшіе рыбаки отвергли его планы относительно страхованія жизни, двойной стражи при телеграфѣ и товарищескаго основанія коптильни, то, очевидно, его планы не сулили выгоды рыбакамъ.

И, вѣрно, рыбаки правы, не принявъ проекта страхованія, потому что артель удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ, и обезпечиваетъ также до известной степени вдовъ и сиротъ. Выплачиваніе же ежегодной преміи сильно урѣзало бы ихъ скромные доходы. Къ тому же, шкиперъ Симоу говоритъ, что обезпеченія вовсе не слѣдуетъ добиваться, потому что деньги порою приносятъ несчастье.

И содержаніе сторожа при телеграфѣ тоже сильно стѣснило-бы рыбаковъ, лишило-бы ихъ рабочей силы, и они должны были-бы доплачивать; а они и безъ того уже за сигнализацию платятъ. Къ тому же, опытные рыбаки во-время предвидятъ перемѣну погоды и бурю.

Ну, а коптильня? Вѣроятно, это—рискованная затѣя; можно испортить матеріалъ, перекоптить или недокоптить. Торговцы могутъ еговориться и бойкотировать ихъ товаръ... Коптильня требуетъ многихъ рукъ, а если она не принесетъ барыша, кто вернетъ людямъ потерянные деньги и время? Его объялъ страхъ передъ отвѣтственностью. Онъ самъ разохотилъ, подговорилъ, поднялъ молодежь, посѣялъ раздоръ въ семьяхъ, поссорился съ отцомъ изъ-за дуга, навлекъ на

себя немилость старших рыбаковъ, а если эта коптильня окажется вадорной затѣей, что будетъ тогда?

Ему казалось, что онъ слышитъ не только язвительныя замѣчанія и насмѣшки старшихъ, но что всѣ съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него, даже молодые товарищи, которые пока еще льнуть къ нему. Тогда и они будутъ его проклипать, и вполне справедливо, потому что онъ злоупотребилъ ихъ довѣріемъ, они рассчитывали на его опытъ и умъ и довѣрчиво откликнулись на его призывъ.

Вся его дѣятельность въ Ястаршѣ представлялась ему одной цѣпью опрометчивыхъ, зловредныхъ поступковъ и печальныхъ послѣдствій.

Не лучше-ли было-бы и для него, и для другихъ, если-бы онъ, тотчасъ по пріѣздѣ, записался въ артель, работалъ-бы такъ-же, какъ другіе, построилъ-бы домъ, женился-бы на Ровалькѣ, ловилъ-бы рыбу, отдыхалъ, а не подбивалъ на перемѣны, не прельщалъ новыми порядками и заработками. Здѣсь всѣмъ хорошо, тихо здѣсь, спокойно, нѣтъ недостатка, но нѣтъ и нужды, и живутъ счастливо. И у него совѣсть была-бы покойна, была бы мирная семейная жизнь, пользовался-бы уваженіемъ и расположеніемъ рыбаковъ...

А быть можетъ, вернуться съ пути, который онъ избралъ; еще время не ушло.

До поздней мочи въ комнатѣ его горѣлъ огонь, и онъ сидѣлъ, и думалъ, и, наконецъ, рѣшилъ пойти утромъ къ Корабельщику и при его посредничествѣ примириться со всѣмъ поселкомъ. Сонъ, несмотря на усталость, не шель, въ головѣ толпились безпокойныя мысли. Онъ закурилъ папироску и до зари читалъ книжку, подаренную ему товарищемъ по службѣ.

Утромъ, когда онъ убиралъ свою каморку, взглядъ его случайно остановился на надписи, сдѣланной товарищемъ на обложкѣ книжки. Передъ нимъ встали образы, картины минувшихъ лѣтъ. Онъ вспомнилъ, съ какой гордостью и увѣренностью онъ повѣрялъ товарищу свои планы на будущее. Всѣ артели, а ихъ въ округѣ около двадцати шести, высылаютъ часть рыбаковъ за рыбой въ далекое море. Паровое судно, общая собственность артелей, совершаетъ ежедневные рейсы между Ястарней и Данцигомъ, доставляя въ опредѣленные часы свѣжую рыбу. А угри, миноги и прочая мелкая рыба коптится и во всѣхъ поселкахъ царитъ достатокъ и всѣ благоденствуютъ. Онъ же самъ своимъ примѣромъ показываетъ, какіе дома надо строить — они должны быть высокіе, помѣстительныя, свѣтлыя... Онъ даже упра-

позвалъ товарища навѣстить его черезъ четыре года и по-дивиться переменамъ, совершившимся по его иниціативѣ...

А теперь?.. Что вышло изъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ плановъ?.. Всѣ отъ него сторонятся, избѣгаютъ его, косятся на него... Въ немъ поднималось чувство состраданія къ самому себѣ и медленно вставалъ вопросъ: такъ-ли ужъ велика его вина? Онъ мысленно перебралъ всѣ свои поступки со времени пріѣзда въ Ястарню, и сознание своей правоты вдругъ обожгло его, какъ горячая волна: зачѣмъ смиряться, оправдываться, мириться? Онъ развѣ кому иибудь сдѣлалъ зло? Обидѣлъ кого-либо? Оклеветалъ? За нимъ двадцать парней; *а притомъ* удовѣ въ этомъ году счастливый, деньги будутъ; они устроятъ коптильню, и она пойдетъ Хорошо, должна пойти хорошо.

А если одно дѣло удастся, артели охотно примутъ его проекты.

Онъ страхнулъ съ себя сомнѣнія и печали, къ нему вернулась увѣренность въ себѣ, и онъ далъ себѣ слово не отступать назадъ и довести дѣло до конца.

Бодрый и веселый, вышелъ онъ на работу и привѣтливо со всѣми здоровался, не обращая вниманія на хмурья минны и ворчливыя отвѣты.

— Что это ты нынче такой веселый?—спросилъ его Людвигъ, когда они сѣли въ лодку.

— Потому, что я рѣшилъ остаться самимъ собою,—отвѣтилъ онъ,—и ничего не приносить въ жертву покою.

Возвращаясь домой, онъ встрѣтился съ Розалькой.

— Что тебя не видать?—было ея первымъ вопросомъ.

— Много хлопотъ, заботъ...

— Ну, а какъ расчеты съ артелью?

— До сихъ поръ на мою долю причитается уже сорокъ два талера... мнѣ повезло.

— Это хорошо. Деньги всегда пригодятся.

— Ты на рынокъ не поѣдешь? Я поѣду, вѣрно... надо Рудзишевой помочь... Она свои сѣти поѣдетъ продавать.

— А ты что-же? Ея приказчикъ?

— Не приказчикъ, а опекушъ.

— Ягуся...—влобно сказала она, — хорошо ты ее опекаешь... ославили ее на всю Ястарню, на всю округу...

— За что?

— Еще спрашиваетъ... забылъ, что ли, какъ она выскочила со своимъ талеромъ, чтобы парнямъ понравиться.

— Ну, Розалька, что ты порешь? И отъ кого ты такія глупости слышишь... Ужъ не ревнуешь-ли ты?

— Я?!—вскрикнула она, сверкнувъ глазами—Я?! Рыбачка изъ роду въ родъ, буду ревновать къ деревенской дѣвушкѣ, что парнямъ на шею вѣшается?

— Не говори такъ, Розалька, меня это огорчаетъ.

— Да? А ты меня не огорчаешь, не срамишь съ тѣхъ поръ, какъ приѣхалъ? Кабы не то, что люди знаютъ о нашей помолвкѣ,—и, уловивъ искорку гнѣва въ его глазахъ, добавила мягче.—и то, что я люблю тебя, потому что ты хороший человѣкъ—межъ нами давно все было бы кончено.

— Ну, оставимъ, Розалька, эти пререканія. Довольно съ насъ людскихъ толковъ и придирокъ...

— Но, помилуй, Стахъ, вѣдь, на тебя и ангельскаго терпѣнія не хватитъ... Приходи сегодня вечеромъ. Отецъ жалеетъ о чемъ-то переговорить съ тобой.

— Ладно, я приду... Принести какую нибудь книжку?

— Не надо... Я еще ты не прочитала. Столько работы было эти дни...—И, поклонившись ему, она быстро побѣжала къ дому.

„Розалька красива-то красива,—думалъ Стахъ, оставшись одинъ,—глазки блестать, личико свѣжее, розовое, сладко цѣловать ее, бережливая и хозяйственная, но какая сварливая порою... Каждой сплетнѣ вѣрить, повторяетъ съ чужихъ словъ... И что она противъ Ягуса? Должно быть, кто-то наговариваетъ ей—у нея сердце не злое... Правда, на копильню она не записалась, но ужъ въ этомъ старшіе рыбаки виноваты: тотъ насмѣхается, тотъ выпучиваетъ,—ее и заупали“.

А Ягуса совѣмъ другая дѣвушка. Работающая, тихая, покойная, не думаетъ, какъ Розалька, о томъ, что скажутъ другіе, а дѣлаетъ свое дѣло... Дома матери помогаетъ, сестремку учить, на работу ходитъ, да еще хватало у нея времени три книжки уже прочитать, а Розалька одной еще не одолѣла... Счастливецъ этотъ Валекъ—славная у него будетъ жена, и красивая... Какіе у нея глаза глубокіе, умные, а какъ улыбнется, словно просвѣтлѣетъ кругомъ, и волосы—точно золотые... Кто могъ думать, когда они встрѣтились въ первый разъ въ Данцигѣ, что онъ будетъ ея опекуномъ. Вечеромъ онъ перенесъ ее изъ лодки на берегъ и она прижималась къ нему... По тѣлу его пробѣжала горячая дрожь. Эхъ, красивая дѣвушка эта Ягуса, и милая, добрая... Счастливыи Валекъ. А быть можетъ, она его не любить... Ея подруга говорила, и ему самому кажется... Да это и лучше было-бы для нея... Этотъ Валекъ—вахлакъ, еще у маменьки въ повиновеніи. Она не хотѣла—и помолвки не было. Но, если

этотъ вдовецъ Павелъ Сикорка вздумаетъ на ней жениться, онъ своего согласія не дастъ. Она должна будетъ нянчить чужихъ дѣтей, жить съ его сварливой матерью, и была-бы несчастна.—Нѣтъ, на этотъ бракъ онъ согласія не дастъ.

— Когда же придетъ Урбанекъ?—спросилъ Розальку ея отецъ, невысокій, коренастый рыбакъ, съ сбритыми усами и и коротко-подстриженной бородкой.

— Говорилъ, что придетъ послѣ обѣда.

— Видно, ему не къ спѣху...—явительно замѣтилъ онъ. Жена, сидѣвшая за шитьемъ подлѣ окна, тихо встала.

— Вернулся только что съ работы, надо же ему пообѣдать и переодѣться.

— Онъ ужъ долженъ-бы быть,—раздражительно сказалъ старикъ,—Розалька ему, вѣдь, говорила, что я его жду?

— Говорила.

— Связалъ дѣвку, а какъ устроиться—и подумать не желаетъ,—ворчалъ рыбакъ.—Слушай, Розалька, а не будешь ты потомъ жалѣть, если это разстроится.

— А я знаю?.. Быть можетъ, онъ еще согласится на ваше требованіе.

— Долженъ-бы... Ну, ладно, тамъ видно будетъ... Вотъ онъ идетъ!

Въ избу вошелъ Урбанекъ и низко поклонился.

— Ну садись... Что новаго?

— Ничего особеннаго? Утромъ выпростали сѣти, что-то нынче угрей было меньше...

— Извѣстное дѣло... это всегда такъ бываетъ... Сначала побольше покажется, а потомъ все меньше.

— Въ этомъ году у Симона ихъ было много.

— Чтожъ, Богъ послалъ — послѣ того несчастья, что вашу артель постигло.. Жаль ихъ,—добавилъ онъ, вздохнувъ,— всѣ трое—дѣльные и честные были рыбаки... Воля Божья!

— Быть можетъ, они сами отчасти виноваты.—сказалъ Урбанекъ,—быть можетъ, не повернули во время, или сигналъ запоздалъ.

— Э-э... Это вы, молокососы, такъ рассуждаете... Кому суждено умереть, тому смерти не миновать... Отчего же другіе спаслись, а вотъ они погибли? Ну, а какъ ты теперь съ Карломъ Лысымъ,—ты его обидѣлъ...

— Не знаю, мы другъ друга не видимъ.

— Гмъ... я его хорошо знаю, мы вмѣстѣ служили во

флотъ, онъ злопамятный человѣкъ и никогда обиды не прощаетъ.

— Пускай не прощаетъ!

— Я старше и опытнѣе тебя. Послушай, что я тебѣ скажу: съ людьми ссоръ не заводи, почитай ихъ, если хочешь, чтобъ они тебя почитали, и помни, что тебѣ надо жить съ этими людьми... если только ты не измѣнилъ своихъ плановъ на будущее.

— Нѣтъ, нисколько — я здѣсь родился и здѣсь хочу жить.

— Ну такъ и не раздражай людей. Когда же ты рассчитываешь строиться и жениться?

— Я хоть сейчасъ жениться готсъ,—сказалъ онъ, улыбаясь Розалькѣ,—но, по нашей рыбацкѣй модѣ, надо сперва домъ поставить.

— Ну и ставь—денегъ у тебя есть.

— Не хватить на такой домъ, какой я хочу строить, а въ долги влѣзать не желаю.

— Почему же у тебя мало денегъ? Ты, вѣдь, говорилъ, что триста талеровъ у тебя есть, да еще изъ артели получишь.

— Я хочу построить домъ на англійскій манеръ. Просторный, въ три комнаты, съ большой кухней, чуланомъ, погребомъ.

— Го-го... по-господски, стало быть. А куда рыбаку такой домъ? Сколько въ него мебели надо? А топлива? Ну, а во что такая постройка обойдется?

— Я того мнѣнія, и Розалька согласилась со мною, что для рыбака при его тяжкомъ трудѣ нуженъ пріятный, удобный домъ, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствительно отдохнуть, а не лачуги, въ которыхъ мы только томимся и задыхаемся.

— Я вѣрю, вѣрю, что Розалькѣ хотѣлось-бы имѣть такой домъ, но гдѣ ты денегъ наберешь?..

— Я заработаю!—сказалъ Стахъ.—Я получу свою долю, какъ членъ артели, копилка дастъ доходъ, а если я буду ѣздить съ товаромъ въ Данцигъ, то и за это буду деньги получать—такъ вотъ и скоплю нужныя деньги. Будущей осенью думаю сплавить материалъ изъ Данцига, весною буду строиться, а черезъ два года поженимся съ Розалькой.

— Съ Розалькой, говоришь?—недовѣрчиво усмѣхнулся старикъ.—Почему же ты не хочешь, по нашей модѣ, построить домъ, въ одну комнату съ кухней, жениться и работать, какъ работаютъ всѣ?

— Я не для того работаль и работаю, чтобы задыхаться въ душшой избѣ съ женой и дѣтьми, и, наконецъ, я долженъ обезпечить будущность жены, чтобы она не бѣдствовала потомъ, какъ Рудзишова,—и потому, какъ мнѣ ни грустно одному, я предпочитаю помучиться еще два года и потомъ сразу зажечь хорошо.

— Это все, что ты намѣрешь сдѣлать?

— Нѣтъ, у меня еще другіе планы, но сперва надо одно провести.

— А что-же еще? Говори ужъ?—сказаль старикъ, заинтригованный.

— Это касается рыболовства, потому что мы погибнемъ, выжидая, пока рыбы смилуются надъ нами и подплывутъ къ нашему берегу, и потомъ еще насчетъ доставки въ Данцигъ... Но ужъ это потомъ...

— Гмъ... теперь я тебѣ скажу, что я объ этомъ думаю.

— Я слушаю.

— Ты пріѣхаль къ мамѣ изъ большихъ городовъ и тотчасъ началъ одно хаять, другое осуждать, третье высмѣивать, потому что все-то тебѣ у насъ не по вкусу... Ну, молодому перебѣситься надо—думали мы—перебродить и успокоится. А ты что сдѣлаль? Скажи-ка.

— То, что мнѣ совѣсть подсказывала.

— Гмъ... На первомъ-же собраніи вашей артели ты хотѣль всѣхъ перемудрить и сталъ общимъ посмѣшищемъ. Потомъ ты взбунтоваль молодежь, оскорбляль старшихъ, ругаль насъ лѣвтяями, лежебоками, тюфяками... А потомъ эта коптильня,—ты, въ самомъ дѣлѣ, полагаешь, что изъ этого что-нибудь выйдетъ?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Ну такъ вотъ, запомни мои слова: ничего изъ этого не выйдетъ.

Урбанекъ вспыхнулъ и съ досадою въ голосѣ спросиль:

— Почему-же?

— Увидишь... Ну, а затѣмъ слушай дальше. Вдобавокъ ко всѣму, ты подняль еще руку на старшаго и всѣхъ возстановиль противъ себя... Плохи, плохи твои дѣла. Что-же ты станешь дѣлать?

— Да... постараюсь выдержать бурю—и выплыву... Можетъ, Богъ дастъ, не утону.

Розалька принесла пива. Старый рыбакъ налиль въ стаканы, чокинулся со Стахомъ и сказалъ:

—За твой успѣхъ!

— Спасибо... Ваше здоровье!

— Послушайся меня, Стахъ...—началь опять старикъ,—никто лучшаго совѣта тебѣ не дастъ.

— Гмъ... ну что-же вы мнѣ скажете?

— Ты долженъ жить въ мирѣ и согласіи со всѣми рыбаками... Меня люди здѣсь уважаютъ, съ Карломъ Лысымъ я хорошъ,—извинись передъ нимъ и пусть этой исторіи будетъ уже конецъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ!—горячо запротестовалъ онъ.

— Погоди, я еще не кончилъ... И такъ какъ изъ копильни ничего не выйдетъ, то тебѣ останется только построить себѣ домъ по нашей модѣ, жениться и зажить какъ живутъ всѣ рыбаки.

— Нѣтъ, на это я не соглашусь — я вѣрю въ успѣхъ копильни, а если не выгоритъ, я пойду на годъ, на два на службу на какомъ-нибудь пароходѣ, вернусь съ деньгами, построю домъ и женюсь.

— Но только не на Розалькѣ!

— Отчего-же?

— Что же ты думаешь, что я буду для тебя мариновать дочь, какъ рыбу.

— Но она дала мнѣ слово и вы—согласіе.

— Я далъ согласіе на бракъ съ прежнимъ Урбанекомъ—который почиталъ старшихъ и слушался добрыхъ совѣтовъ. Теперь ты сталъ другой; прежняго Урбанека и слѣда не осталось...

— Развѣ я васъ не почитаю? — спросилъ онъ съ упрекомъ.

— А Лысаго?.. Сегодня его оскорбилъ, завтра меня — такъ всѣ говорятъ... Ты всѣхъ противъ себя возстановилъ, билъ съ толку молодежь... Ты долженъ смириться.

— Передъ вами, потому что какъ вы—отецъ моей невѣсты, но не передъ другими.

Наступило молчаніе. Старикъ первый его прервалъ.

— Я тебѣ на чистоту скажу, по совѣсти, и ты мнѣ правду отвѣчай. Вотъ что: хочешь быть честнымъ рыбакомъ, жить, какъ другіе, не прельщаться никакими новыми затѣями, построить скромный домикъ, по нашей модѣ, беречь свое добро, а не раздаривать его понапрасну—тогда женись на Розалькѣ. Я самъ помогу тебѣ строить и на масляницѣ можете вѣнчаться. А не хочешь—мы съ тобою квиты. Я не могу свою дочь на погибель отдавать... Вотъ тебѣ — выбирай.

Урбанекъ всталъ и, блѣдный, но сдерживая волненіе, заговорилъ:

— Я вѣнчаться буду не съ вами, и жить не съ вами буду, а съ Розалькой. Вамъ легко сказать—откажись, извинись, смирись, но мнѣ-то не легко все это сдѣлать, я не хочу себя и свою жему подвергнуть насмѣшкамъ и издѣвательствамъ—я ничего дурного не сдѣлалъ. И я волею желать всякихъ перемѣнъ, потому что я—вольный рыбакъ. Развѣ я только о своей выгодѣ хлопочу?.. Развѣ Розалькѣ худо будетъ отъ того, что я введу ее не въ хлѣвъ, а въ чистый домъ? Я добиваюсь заработка съ копильни, и съ торговли потому, что хочу, чтобъ она ни въ чемъ нужды не знала... Вы говорите, что я пошелъ плохой дорогой, а я такъ полагаю—что хорошей. Пусть Розалька сама рѣшитъ: найдеть она со мною или нѣтъ?

— Говори, Розалька,—сказалъ отецъ.

— Какъ татуся скажетъ, то и сдѣлаю,—тихо отвѣтила она.—Но... но у Стаха ничего дурного на умѣ не было.

Урбанекъ смѣло взглянулъ на старика, который долго и медленно набивалъ трубку и, наконецъ, промолвилъ съ добродушной усмѣшкой:

— Ну, ладно—дѣло не горить... Черезъ мѣсяцъ потолкуемъ опять, тамъ видно будетъ, кто изъ насъ правъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На чужбинѣ.

Я былъ одинъ, а ночь глухая
Плелась, тяжелыхъ сновъ полна.
Раскрылъ окно я: тьма сплошная,
Прохладный вѣтеръ, тишина.
А надо мною звѣзды плыли,
Блестя въ небесной вышинѣ,
Какъ ясный слѣдъ недавней были,
И грустно, грустно стало мнѣ...
Родной землѣ, моей святынѣ,
Служить я болѣе не могъ
И лишь молился на чужбинѣ
Ей, полной сдавленныхъ тревогъ.
Я былъ одинъ, въ тоскѣ сгорая,
И вдругъ вдали, какъ долгій стонъ,
Пронесся, тихо замирая,
Призывный колокола звонъ...

Е. Чернобаевъ.

Кто былъ правъ?

ПОВѢСТЬ.

Шурочка сидѣла на подоконникѣ, глядѣла на занесенный снѣгомъ садъ, и мучилась сознаниемъ крайне неловкаго и глупаго положенія, въ которое она попала. Она даже поплакала немножко, но сейчасъ-же пристыдила себя и, чтобы разсѣять свои непрятныя мысли, стала мечтать о томъ, какъ она завтра же вернется домой, въ городъ, какъ она будетъ разсказывать «своимъ» о своемъ странномъ приключеніи и какъ мать и женихъ будутъ жалѣть ее за то, что она вынесла такъ много страха и незаслуженныхъ обидъ и стыда.

— Если-бъ они знали! Если-бъ они знали! — мысленно восклицала она.

Мѣсяца два тому назадъ Шура была объявлена невѣстой. Ея мать сочла нужнымъ сообщить объ этомъ событіи своему единственному брату; она не видала его уже много лѣтъ, потому что онъ безвыѣздно жилъ въ своемъ имѣннѣи и откровенно заявлялъ о своемъ нежеланіи принять у себя сестру, или кого бы то ни было изъ родныхъ и знакомыхъ. Шура совсѣмъ не знала этого дядю, но интересовалась разсказами о немъ, какъ о необыкновенномъ чудакѣ. Она слышала отъ матери, что онъ когда то жилъ очень весело и открыто, былъ женатъ, повидимому, чрезвычайно счастливъ, но вдругъ круто измѣнилъ образъ жизни. Никто не зналъ, что произошло между супругами, но они разошлись, и, разсказывали, будто жена не вынесла этой разлуки и умерла, а мужа такъ поразила эта смерть, что онъ едва не лишился разсудка и съ тѣхъ поръ сталъ чудить больше, чѣмъ когда либо. Звали его Николай Петровичъ Грубинъ и еще теперь это имя, произнесенное въ кругу его бывшихъ дру-

вей и товарищей, вызывало оживленные воспоминания, несмолкаемые толки и споры и всегда единокорные отзвѣвы:

— Хорошій былъ человекъ!

— Умница!

— Умъ то его и сгубилъ. Не вынесъ.

Шура всегда съ интересомъ прислушивалась къ этимъ разговорамъ, хотя совершенно отказывалась понять, какимъ образомъ человекъ можетъ погибнуть отъ собственного ума.

— Вотъ бы поѣхать къ нему, познакомиться, — говорила она иногда. — Вѣдь, я у него единственная племянница. Любопытно!

— А на что я у него — единственная родная сестра, такъ и меня онъ знать не хочетъ! — возражала ей мать.

Но Шура, все-таки, поѣхала. И случилось это такъ: въ одно утро, когда она только что встала съ постели и причесывалась передъ зеркаломъ, въ комнату вошла ея мать, взволнованная, блѣдная, съ вздрагивающими руками, въ которыхъ она держала распечатанное письмо.

— Молись Богу, Шура! — задыхаясь, проговорила она. — Молись... благодари Его.

Больше она уже не въ силахъ была говорить, сѣла въ кресло и заплакала.

Шура бросила гребенку и повернула къ ней испуганное лицо.

— Мама, что случилось, что случилось?

— Радость, Шура, радость... Не пугайся... — сквозь слезы отвѣтила мать и протянула ей письмо. — Поздравляю тебя...

— Радость? — недовѣрчиво повторила дѣвушка, развертывая листокъ почтовой бумаги.

Съ тѣхъ поръ, какъ она стала невѣстой, ея счастье казалось ей такимъ полнымъ и совершеннымъ, что ей даже не вѣрилось, что могло случиться еще что нибудь, что имѣло бы право называться радостью.

Прежде всего она прочла подпись: «твой братъ Николай Грубинъ» и тогда уже съ видимымъ интересомъ и волненіемъ быстро пробѣжала письмо.

«Сестра! — писалъ чужакъ, — я получилъ твое сообщеніе о предстоящемъ замужествѣ твоей дочери, а моей племянницы. Я понялъ, что это сообщеніе было вызвано не желаніемъ обрадовать меня такой, въ сущности, безразличной для меня вѣстью, и сейчасъ же догадался о той цѣли, которая побудила тебя написать мнѣ. Скажи же своей дочери, что ей не зачѣмъ ждать моей смерти, чтобы располагать той частью моего имущества, которую я предназначилъ ей. Она можетъ получить ее немедленно».

Затѣмъ слѣдовало нѣсколько дѣловыхъ указаній и совѣтовъ, перечень названій какихъ то бумагъ, а въ итогѣ довольно крупная сумма.

Шура дочитала, повертѣла письмо въ рукахъ и съ недоумѣніемъ взглянула на мать.

— Не особенно любезенъ мой дядя, но... щедръ,—съ невольнымъ волненіемъ замѣтила она. — Спрашивается: о чемъ ты плачешь?

— Шурочка! — заливаясь слезами, прошептала мать.—Шурочка... Мы съ отцомъ не умѣли жить... Онъ умеръ, а я... совсѣмъ запуталась. Ночи... ночи напролетъ я думала о томъ, какъ будешь ты?.. Какъ трудно будетъ тебѣ... Обидно мнѣ было, что придется тебѣ жить въ зависимости отъ мужа.

— Мама!—съ негодованіемъ вскрикнула дѣвушка.—Ты это такъ... про Сергѣя?

— Ахъ, Шура... Это все равно! Я знаю, какой онъ любящій и все... А такъ то оно лучше. Куда лучше! Сергѣя твоего я люблю, кажется, не меньше, чѣмъ ты. Вѣдь, ты знаешь. Но, вѣдь, и у него не капиталъ, а только что заработаетъ, то и его. Ну а ты теперь обезпечена.

Мать еще долго плакала, цѣловала и, почему то, крестила дочь и, наконецъ, уѣхала въ церковь служить благодарственный молебенъ.

Въ ея отсутствіе пришелъ Сергѣй Ивановичъ, и Шура объявила ему новость.

— И вообрази, что мама такъ рада, такъ рада, что даже стала заговариваться,—смѣясь, прибавила она.

Женихъ, почему то, слегка нахмурился.

— Конечно, меня это совершенно не касается, но если и ты рада, то поздравляю тебя!—съ натянутой улыбкой сказалъ онъ.

Шура даже немного испугалась его тона, а потомъ оцѣнила его и пришла въ восторгъ.

— Знаешь, Сережа, хочешь: я откажусь? Чтобы доказать тебѣ, какъ мало это для меня имѣетъ значенія. Хочешь, право? Я вижу, что тебѣ неприятно, что твоя дѣвѣста вдругъ стала «богатой невѣстой». Вотъ ты какой!—съ восторгомъ повторила она.

Но Сергѣй Ивановичъ не потребовалъ отъ нея, чтобы она отказалась отъ щедраго подарка дяди, и даже вызвался узнать изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, надежны ли тѣ бумаги, въ которыхъ старый чудакъ держалъ свои деньги.

Наконецъ, поднялся вопросъ, какъ и кому благодарить Николая Петровича. Послѣ долгихъ обсужденій Шура рѣшила, что сама поѣдетъ въ деревню къ старику.

— И вѣжливо и... любопытно,—весело заключила она.

— Охъ, ужъ и не знаю...—колебалась ея мать. — Чудакъ онъ! На что я—родная и единственная сестра... А, впрочемъ, разъ онъ пожелалъ облагодѣтельствовать тебя, надо думать, что ему будетъ пріятно видѣть тебя и твою благодарность.

— Ужъ и облагодѣтельствовать! — возмутилась Шура и быстро переглянулась съ женихомъ.

— И знаете, что я вамъ скажу? — не замѣчая гримасы дочери, продолжала мать:—поѣжайте-ка вы оба: и ты, и Сергѣй Ивановичъ...

Но молодой докторъ даже обидѣлся.

— Я? Но съ какой стати? Я не считаю себя ничѣмъ обязаннымъ г-ну Грубину! Я его денегъ не просилъ и не желалъ. Я не хочу и не имѣю права вмѣшиваться въ личныя дѣла Шуры...

— Вотъ онъ какой! Мама! ты слышишь? Вотъ онъ какой! — съ восторгомъ опять вскрикнула дѣвушка и бросилась на шею жениху. А мать глядѣла на нихъ и плакала отъ умиленія.

Черезъ два дня Шура подвѣзжала къ станціи, отъ которой до имѣнія ея дяди было не больше 10-ти верстъ. Эти 10 верстъ ей надо было проѣхать на лошадахъ. Еще изъ окна вагона она увидала крытыя сани, запряженныя тройкой совершенно бѣлыхъ лошадей.

— Выслалъ за мной: значить, рѣшилъ принять,—подумала она и почему то ей вдругъ стало немного жутко и неловко. Но это чувство продолжалось всего одну минуту. Счастливое настроеніе было въ ней такъ сильно, что оно сейчасъ же опять взяло верхъ, и ей захотѣлось смѣяться отъ радости, что вотъ она сейчасъ поѣдетъ по снѣжнымъ полямъ, будетъ нырять въ сугробахъ, увидить и испытаетъ столько новаго, интереснаго, и познакомится съ такимъ оригинальнымъ чудакомъ, о которомъ позже можно будетъ рассказывать и Сергѣю, и матери, и всѣмъ знакомымъ.

И все время, пока она ѣхала до усадьбы, ей было смѣшно и необычайно весело. Смѣшили ее толчки, такіе сильные, что одинъ разъ она едва не прикусила себѣ языкъ; смѣшили галки съ ихъ важной поступью и неуклюжими скачками; смѣшили лохматые деревенскія лошади и собаки и даже легкіе, мягкіе, точно ласковые хлопья снѣга, которые садились на ея лицо и какъ будто нарочно щекотали ее, чтобы ей было еще труднѣе сдерживать свой смѣхъ.

— Ахъ, будь здѣсь со мной Сережа!—съ сожалѣніемъ думала она.

Ее нѣсколько смущала длинная прямая спина кучера, которую она все время видѣла передъ собой.

Раза два она пробовала заговорить.

— А что, сильные у васъ были морозы?—спросила она. Ей не отвѣтили.

— Морозы, говорю, сильные были?

Кучеръ сидѣлъ прямо, неподвижно и молчалъ.

— Тоже, должно быть, чудакъ. Каковъ попь, таковъ и шриходь,—подумала дѣвушка.

— Сколько деревень проѣзжать до Орлинаго?—еще разъ попыталась она выесть своего возницу на разговоръ. И опять такъ же неудачно. Конечно, она не почувствовала себя ни огорченной, ни обиженной, но это полное равнодушіе или даже враждебность къ ея особѣ точно набросили легкую тѣнь на ея радостное возбужденное настроеніе.

Внѣшній видъ Орлинаго поразилъ Шуру какимъ то мрачнымъ величіемъ. Но еще болѣе поразили ее типина и безжизненность усадьбы: ни одна собака не залаяла, ни одно живое существо не показалось ни на дворѣ, ни въ окнахъ дома, когда сани остановились у крыльца.

— Куда-же мнѣ итти? Кто возьметъ мои вещи?—растерянно спросила дѣвушка.

Кучеръ молчалъ и ждалъ, чтобы она вышла.

— У меня тутъ сакъ и вотъ этотъ порть-пледъ.

Кучеръ, наконецъ, обернулся и она въ первый разъ увидала его лицо: старое, морщинистое, съ добродушнымъ, ласковымъ выраженіемъ. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее, какъ бы удивляясь, что она все еще сидитъ въ саняхъ.

— Отчего никто не выйдетъ?—спросила Шура.

— А я ужъ испугался, не вытрясъ ли я васъ,—сказалъ старикъ.—Очень просто! Долго ли? Потому ухабы, мнѣ бы дорогой поглядывать... Кричать бы стали—я бы не услыхалъ. Я, матушка, ничего не слышу.

— Такъ онъ глухой!—наконецъ, догадалась Шура.—А я то думала, сердитый.

Она взяла сакъ, оставила порть-пледъ и поднялась на ступеньки крыльца.

— Толкните дверь-то, толкните шибче, шибче: не заперто,—напутствовалъ ее старикъ кучеръ.

Въ комнатахъ ее встрѣтила степенная сухая старуха въ черномъ платьѣ; она молча поклонилась, молча взяла у гостя мѣшокъ и провела ее въ отведенную ей комнату, большую, свѣтлую, но очень неуютную. Нельзя было сомнѣваться, что въ этой комнатѣ уже давно никто не жилъ и что все, что въ ней стояло, стояло случайно и никогда никому не служило.

— Сейчасъ принесу вамъ кушать,—сказала старуха.

— А Николай Петровичъ?.. А дядя развѣ уже пообѣдали?
— удивилась Шура.

— Они кушаютъ у себя, — сдержанно отвѣтила старуха.

— А васъ какъ зовутъ?

— Анфиса, сударыня.

Эта Анфиса, нежилая комната и извѣстіе, что «Николай Петровичъ кушаютъ у себя», сразу испортило радостное настроеніе дѣвушки. Въ первый разъ почувствовала она себя нежеланной и даже, можетъ быть, неприятной гостьей.

Но пообѣдала она съ большимъ аппетитомъ.

— Что же теперь—дѣлать? думала она.—Сидѣть въ этой пустой, скучной комнатѣ сложа руки и ждать чего то? И чего ждать?

Ждать долго ей не пришлось. Явилась та-же Анфиса и своимъ сдержаннымъ, глуховатымъ голосомъ объявила дѣвушкѣ, что Николай Петровичъ ждетъ ее къ себѣ.

— Вотъ какая торжественность и церемоніальность!—начиная досадовать, подумала Шура.

Старуха повела ее черезъ рядъ пустыхъ безмолвныхъ комнатъ, большихъ и высокихъ, съ потолка, украшенными лѣпной работой, съ зеркалами и картинами, затянутыми бѣлымъ каленкоромъ, съ мебелью въ безукоризненно чистыхъ чехлахъ. Въ большія, ничѣмъ не занавѣшенные окна лился рѣзкій бѣлый свѣтъ зимняго дня безъ солнца, холодный и неподвижный; и несмотря на этотъ свѣтъ, весь домъ, мертвенно безмолвный, производилъ впечатлѣніе громаднаго склепа, въ которомъ было живо погребено какое то таинственное, загадочное существо.

Наконецъ, Анфиса остановилась у одной закрытой двери, тихо постучала, а Шура внезапно почувствовала такую робость и волненіе, что ей стоило большого труда переступить порогъ комнаты человѣка, который «облагодѣтельствовалъ» ее и оказалъ ей такое странное гостепріимство.

Здѣсь было значительно темнѣе отъ спущенныхъ занавѣсей и тяжелыхъ портьеръ. Сзади большого письменнаго стола, который стоялъ почти посреди комнаты, обставленной старинной мебелью, въ большомъ мягкомъ креслѣ сидѣлъ старикъ съ закутанными ногами и читалъ книгу, которая стояла передъ нимъ на подставкѣ съ высокой винтовой ножкой. Когда Шура вошла, онъ слегка толкнулъ пюпитръ и тотъ плавно откатился.

— Простите... не могу встать...—мягкимъ, пріятнымъ голосомъ сказалъ Грубинъ.—И... не могу подать руки. Видите: я—развалина.

Онъ указалъ глазами на свои закутанныя ноги и на изу-

родованныя ревматизмомъ руки, которыя лежали у него на колѣняхъ.

Шура остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и такъ смѣшалась, что совершенно не знала, что сказать.

— Вы пріѣхали... Вамъ, что нибудь угодно отъ меня?— спросилъ старикъ.

— Нѣтъ,—тихо отвѣтила Шура, чувствуя, что краснѣетъ до корня волосъ.—Я думала... я хотѣла... лично поблагодарить васъ за... за вашъ подарокъ.

Наступило долгое неловкое молчаніе. Дѣвушка опустила голову, но она чувствовала на себѣ взглядъ ясныхъ пронизательныхъ глазъ старика.

— Вы сочли это нужнымъ? да?—спросилъ онъ.—Вы, значитъ, не знали, что я уже давно никогда никого не принимаю у себя? Вы не думали, что мнѣ это будетъ неприятно

Шура хотѣла сказать:

«Я не знала». «Я не думала».

Но эта самая обычная, мелкая ложь, произнести которую, при другихъ условіяхъ, ей не стоило бы никакого труда, теперь оказалась для нея невозможной.

Она еще ниже опустила голову и промолчала.

— Ну, ничего, ничего...— послѣшилъ успокоить ее старикъ. — Я понялъ. Я знаю: трудно, очень трудно дойти до той степени уваженія къ личности человѣка, чтобы это уваженіе заставило забыть свѣтскія приличія, обычай и, такъ называемыя, обязанности. По вашему это, значитъ, такъ надо было, чтобы вы пріѣхали. И даже, быть можетъ, вамъ хотѣлось пріѣхать именно оттого, что вы знали, что я никого не принимаю. Но, видите-ли... У меня, конечно, по отношенію къ вамъ, какъ къ моей гостьѣ, тоже есть извѣстныя обязанности, но я давно отвыкъ отъ всякихъ условностей, отъ притворства, отъ приличій, я отвыкъ говорить не только то, чего не думаю, но даже то, что думаю... Я старъ и я боленъ...

Онъ остановился и довольно долго молчалъ.

— Весь мой домъ къ вашимъ услугамъ,—вдругъ утомленно добавилъ онъ.—Распоряжайтесь. И... и вѣрьте: я очень сожалѣю, если вы огорчитесь, или обидитесь, если вы сочтете мое обращеніе грубымъ и рѣзкимъ. Если когда либо я еще могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезенъ, я къ вашимъ услугамъ...

Шура быстро подняла голову, и взгляды ихъ встрѣтились. Старикъ глядѣлъ на дѣвушку виноватыми, почти умоляющими глазами, лицо его точно еще осунулось и выражало страданіе и утомленіе. Она сразу поняла его нѣмую просьбу, и жалость къ нему и стыдъ за себя больно кольнули ее.

— Николай Петрович! простите меня! — искренне вырвалось у нея. — И я уйду... Нѣтъ, вы не обидѣли меня, а я... я виновата.

Она неловко отступила, неловко поклонилась и, не поднимая глазъ, торопливо вышла изъ комнаты. Она была увѣрена, что уже не увидитъ больше Грубина, что онъ уже не позоветъ ее къ себѣ, а у нея не было другого исхода, какъ оставаться въ этомъ домѣ до слѣдующаго утра.

И вотъ сидѣла она на подоконникѣ, глядѣла на занесенный свѣгомъ садъ и думала о томъ, какъ хорошо будетъ вернуться домой, видѣть родныхъ, любимыя лица, забыть о громадномъ скупѣ, въ которомъ она чувствовала себя точно погребенной вмѣстѣ съ этимъ страннымъ, большимъ старикомъ и безмолвной враждебной Анфисой.

Она сказала Грубину, что онъ не обидѣлъ ее, что она сама чувствуетъ себя виноватой. Она сказала это искренне. Но, почему то, чувство ея очень быстро измѣнилось.

— Да чѣмъ же я виновата? — теперь разсуждала она. — Я поступила по общепринятой формѣ вѣжливости и любезности и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что онъ отрицаетъ то, что всѣми принято. Я любезна, а онъ невѣжливъ, невоспитанъ, негостеприименъ. Очень легко заявить, что я — де отвыкъ отъ свѣтскихъ приличій и условностей! А мнѣ какое до этого дѣло? Онъ отвыкъ, а я не привыкла, чтобы со мной обращались съ такой возмутительной безцеремонностью. Можно чудить, но нельзя же третировать людей. Хорошо мое положеніе! Какое право имѣетъ онъ ставить меня въ такое положеніе?

Анфиса принесла чай, нѣсколько книгъ и журналовъ, а Шура слѣдила глазами за ея безшумными, ловкими движеніями, пока она накрывала столъ и разставляла на немъ всѣ чайныя принадлежности, и ей почему то казалось, что прислуга тайно смѣется надъ ней.

Когда начало смеркаться, Шурѣ стало немного жутко. Въ мертвенной тишинѣ дома ей чудились какіе то таинственные звуки, жалобные и стонущіе. Какія то тѣни скользили по стѣнамъ, а въ углахъ унылой, нежилой комнаты затаилось что то особенно страшное, непонятное и необъяснимое.

Опять явилась Анфиса и принесла зажженную лампу.

— Послушайте! — окликнула ее Шура. — Я не знаю, распорядился ли дядя насчетъ лошадей? Я ѣду завтра утромъ. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Не извольте беспокоиться, — отвѣтила старуха.

Шура хотѣла читать и не могла. Но она замѣтила, что

Грубинъ выписываетъ много журналовъ и, очевидно, слѣдить и за текущей литературой.

— А спать еще рано. Слишкомъ рано,—съ сожалѣніемъ подумала она.

Въ дверь постучали. Анфиса каждый разъ предупреждала этимъ стукомъ о своемъ появленіи.

— Баринъ проситъ васъ пожаловать къ себѣ,—заявила она.

Шура такъ удивилась, что не повѣрила своимъ ушамъ.

— Николай Петровичъ?.. Меня?..

— Точно такъ. Проситъ. А если вамъ не угодно, то я такъ и доложу. Они такъ приказали.

Шура колебалась.

— Нѣтъ, мнѣ угодно,—наконецъ, сказала она.—Проведите меня.

Она старалась казаться спокойной, но сердце ея опять сильно билось и она чувствовала, что слегка поблѣднѣла.

— И я все скажу... Все, все, что думаю о немъ,—мысленно рѣшила она.

Въ кабинетѣ горѣла лампа. Старикъ сидѣлъ въ томъ же креслѣ, но теперь оно было отодвинуто отъ окна и стояло въ углу около камина, тщательно загороженное отъ свѣта. Больной весь былъ окутанъ одѣяломъ и пледомъ такъ, что виднѣлась одна его голова, утомленно прислоненная къ подушкѣ.

— Вы пришли... Благодарю васъ!—сказалъ онъ, когда Шура вошла въ комнату.

— Да, я пришла,—сказала дѣвушка, стараясь сохранить самостоятельный токъ и не поддаваться невольному вліянію этого страннаго существа, которымъ она только что возмущалась отъ души.

— Меня удивило ваше приглашеніе. Удивило и заинтересовало... Развѣ вы еще не все сказали мнѣ, что могли сказать?

Старикъ пристально поглядѣлъ на нее.

— Какая вы впечатлительная!—замѣтилъ онъ.—Утромъ вы готовы были понять меня, пожалѣть, простить мнѣ всѣ мои чудачества. Но съ тѣхъ поръ вы одумались. Необходимость остаться у меня, потерпѣть, поскучать—отняла у меня вашу снисходительность. Я это предвидѣлъ. Но вы искренни. Вы не скрываете вашихъ чувствъ. Вамъ непріятно поговорить со мной?

— Но вы сами сказали мнѣ, что такъ отвыкли...

— Я давно не видалъ людей. Ваше появленіе взволновало и даже немного испугало меня. А теперь... Я самъ не знаю, какъ это случилось: мнѣ захотѣлось видѣть васъ, послушать васъ. Присядьте. Скажите: правду ли мнѣ пишетъ ваша мать, что вы чрезвычайно счастливы?

Шура немного смутилась. Странно было говорить о счастьѣ въ этой мрачной комнатѣ полуживому, незнакомому человѣку. Но одно упоминаніе о ея будущей свадьбѣ, о Сергѣѣ Ивано-вичѣ сразу оживило ее: она невольно покраснѣла и улыбнулась.

— Очень счастлива!—призналась она.

— Кто вашъ женихъ?

— Докторъ.

— Онъ еще молодъ?

— Ему тридцать лѣтъ.

— А вамъ?

— Мнѣ—восемнадцать.

— И вы оба увѣрены, что очень любите другъ друга? На всю жизнь?

— О, да. Мы увѣрены.

Старикъ усмѣхнулся.

— Какую же фигуру представляетъ изъ себя вашъ докторъ? Докторъ, вы сказали... Я представляю себѣ два яркія, противоположныхъ типа: одинъ—карьеристъ, непременно честолюбивый, самоувѣренный, по большей части талантливый. Другой—идейникъ. Этотъ разнообразіе въ подробностяхъ. Или онъ искрененъ и тогда самоотверженъ, простъ и трудолюбивъ; или онъ съ намѣреніемъ драпируется въ какой нибудь модный плащъ, самолюбивъ, щепетиленъ, подозрителенъ до болѣзненности...

— Человѣкъ прежде всего индивидуаленъ,—увѣренно сказала Шура.—Мнѣ очень жаль, что я не могу такъ просто удовлетворить ваше любопытство и подвести Сергѣя подъ одну изъ вашихъ рубрикъ. Онъ какъ разъ противорѣчитъ вашей теоріи: онъ очень талантливъ и совсѣмъ не карьеристъ, очень уменъ и очень добръ. Васъ, кажется, удивляетъ, что мы увѣрены, что любимъ другъ друга на всю жизнь? Но иначе мы не рѣшили бы быть мужемъ и женой.

Старикъ опять улыбнулся.

— Удивительно,—сказалъ онъ, — удивительно, какъ въ ваши годы много увѣренности, рѣшительности. Итакъ, ваше счастье обезпечено на всю жизнь? Вы ни въ чемъ не сомнѣваетесь, ничего не боитесь, не допускаете никакой ошибки?

— А вы смѣтаетесь надо мной, Николай Петровичъ!—сказала Шура.—Это нехорошо. Вы спрашиваете, я отвѣчаю на ваши вопросы: отвѣчаю такъ, какъ думаю.

— Смѣюсь?—удивленно повторилъ Грубинъ.—Я надъ вами смѣюсь? Увѣряю васъ, что это не такъ. Если бы я могъ говорить просто и откровенно, какъ вы, вамъ стало бы ясно, что я не могу надъ вами смѣяться.

— А отчего же вы не можете говорить прямо и откровенно?
— Потому, что вы не поймете меня, и потому, что если бы вы поняли, мнѣ было бы васъ жалъ.

Шура слегка пожала плечами.

— Выходить, что вы просто считаете, что говорить со мной не стоитъ,—немного обиженнымъ тономъ пояснила она.— Я не могу себѣ представить, чтобы кто либо могъ сказать мнѣ что нибудь такое, что сразу сдѣлало бы меня несчастной, достойной жалости...

— А, вѣдь, вы правы!—задумчиво заключилъ Грубинъ.— Да, да. Чужой опытъ ничему не научить и не помѣшаетъ повторить много бѣдъ и золъ. Вы увѣрены, что я не огорчу васъ, если буду говорить откровенно?

— Я увѣрена!—съ самодовольной улыбкой отвѣтила дѣвушка.

— Начну опять съ вопроса. Ваша мать не совѣтовала вамъ отложить ваше намѣреніе выходить замужъ?

— Ну, нѣтъ!—сказала Шура и весело засмѣялась.—Мама очень рада.

— Значить, она изъ тѣхъ, которыя вѣрятъ своимъ мечтамъ больше дѣйствительности, своимъ обманамъ больше своего опыта. Знаете ли вы, что значить рано выйти замужъ? Это значить всю жизнь играть на одной струнѣ, натягивать ее до невозможности; иначе говоря, это значить отказаться отъ всей жизни для одной крошечной доли ея; ограничить міръ чувствъ для одного маленькаго чувства. Вы не думаете, что это страшно? Одно маленькое чувство можетъ обмануть, измѣнить—и вотъ вся жизнь разбита, потому что въ немъ, въ этомъ чувствѣ было рѣшительно все, потому что все остальное въ мірѣ осталось вамъ незнакомо и чуждо, потому что вы уже атрофировали способность человѣческой души черпать жизненную энергію изъ безграничнаго моря интересовъ, а довольствовались крошечнымъ источникомъ. У китайнокъ еще существуетъ обычай бинтовать съ дѣтства ноги. Стянутая бинтами нога не развивается нормально, а принимаетъ уродливую форму. Въ Китаѣ эта уродливость считается красотою, и китайки нисколько не смущаются тѣмъ, что на такихъ изуродованныхъ ногахъ далеко не уйдешь. Я думаю, что ранній бракъ очень похожъ на эти бинты. Онъ также останавливаетъ развитіе, лишаетъ самостоятельности, уродуетъ на всю жизнь.

Онъ замолчалъ, а Шура безпокойно задвигалась въ своемъ креслѣ, нѣсколько разъ порывалась сказать что то и, наконецъ, съ явной рѣшимостью обернулась къ старику.

— Такъ, вѣдь, я-же... люблю!—горячо и убѣдительно сказала она.

Грубинъ не ожидалъ ни этого тона, ни этого возраженія. Дѣвушка сейчасъ же замѣтила, какъ ея волненіе передалось ему.

— Не надо этому вѣрить! Не надо вѣрить!..—быстро заговорилъ онъ.—Это самообманъ, это мечта, это миражъ! Любви въ жизни нѣтъ. Человѣкъ еще не умѣетъ любить. Обратитесь къ вашему разуму—и вамъ это станетъ ясно. Анализируйте жизнь. Любви въ жизни нѣтъ! Есть только одиночество. Одиночество безграничное. Не надо обманываться. Надо видѣть и знать. И только при такихъ условіяхъ жизнь можетъ быть понятной и возможной. Нѣтъ въ жизни неодинокихъ людей! Всѣ, всѣ одиноки. Какъ же вѣрить любви?

Они смотрѣли другъ на друга и съ минуту длилось молчаніе.

— Нѣтъ неодинокихъ людей?—удивленно повторила Шура.— Но вы думаете такъ, потому что... ну да: потому что сами вы... сами слишкомъ одиноки.

— Вотъ этого я и ждалъ!—возбужденно вскрикнулъ старикъ.—Иначе вы не могли возразить. Еще бы! Развѣ не ясно, что я одинокъ? Это всѣмъ ясно, всѣмъ понятно. Я не обманываюсь и не обманываю никого. И оттого, что это ясно—мнѣ легко. И мнѣ страшно вспомнить о прошломъ, когда я еще обманывался, когда я вѣрилъ, что у меня есть близкіе, которые меня любятъ и которыхъ я люблю; когда я предъявлялъ этимъ людямъ требованія любви; когда я самъ лгалъ и обманывалъ во имя той же любви. И я скажу вамъ: самое страшное, самое жесткое въ жизни—это одиночество, котораго мы не хотимъ признавать, противъ котораго бесильно протестуетъ душа. Оно все таки есть, оно, какъ скрытая болѣзнь, медленно, мучительно совершаетъ свое страшное дѣло. А мы, какъ дѣти, закрываемъ на него глаза, прячемся за наши обманы и иллюзіи, все хотимъ жить тѣмъ, чего въ жизни нѣтъ.

— Что вы говорите!—возмущенно вскрикнула дѣвушка.— Это любви то нѣтъ? Любви?

И чтобы опровергнуть это нелѣпное положеніе, противъ котораго протестовало все ея существо, ей не надо было искать ни словъ, ни доводовъ. Ей казалось достаточнымъ вызвать въ своей памяти одинокъ образъ, прислушаться къ собственному чувству.

— Какъ же говорить, что нѣтъ любви?

Старикъ ласково и печально усмѣхнулся.

— Видите, до чего вамъ дорога ваша иллюзія, до чего вы крѣпко держитесь за нее!—мягко сказалъ онъ.—Если бы вы сейчасъ, теперь же повѣрили мнѣ, для васъ весь міръ казался бы пустымъ, вся жизнь потеряла бы цѣну. Вамъ пришлось бы учиться жить сызнова. Но вы не повѣрите мнѣ... А пройдутъ годы, быть можетъ, много лѣтъ и, если тогда вы сами дойдете до сознанія того, что такъ горячо отрицаете теперь,—учиться жить сызнова будетъ поздно. И вы, какъ тысячи другихъ, пройдете тяжелый, бесполезный опытъ и вынесете изъ него одно печальное заключеніе, что сдѣлана еще одна ошибка, пропала безплодно еще одна жизнь. О, какъ бы мнѣ убѣдить васъ, чтобы вы не боялись правды, чтобы вы вѣрили разуму, чтобы вы отрѣшились отъ соблазна романтически-сентиментальныхъ теорій. Вся боль человѣка въ его отношеніяхъ къ другимъ людямъ, въ томъ, въ какой степени онъ чувствуетъ свою разнь съ ними: въ непониманіи, въ лжи, въ разочарованіи. Слѣдовательно—въ одиночествѣ. Чѣмъ глубже, чѣмъ отзывчивѣе чувство—тѣмъ сильнѣе одиночество. Надо признать его. Надо считаться съ нимъ, выступая въ жизнь. И тогда оно станетъ силой, оружіемъ человѣка, а не врагомъ его.

Онъ пристально поглядѣлъ на дѣвушку, которая слушала его съ равнодушнымъ любопытствомъ, и сразу замолчалъ и откинулъ голову на подушку.

— Вы устали?—спросила Шура.

Но онъ неожиданно выпрямился и сбросилъ пладъ, который покрывалъ его руки.

— И вы не вѣрите мнѣ, не вѣрите?—съ тоской и горечью воскликнулъ онъ.—Вы не чувствуете правды въ моихъ словахъ? Какого же вамъ еще доказательства? Человѣкъ не можетъ убѣдить человѣка, когда каждое его слово результатъ долгихъ, мучительныхъ лѣтъ опыта. Плодъ созрѣлъ—вы это видите. Дерево погибло на негодной почвѣ—вы это видите. Сколько вы видите! Сколько вы знаете! Какъ многому вы научились! Вы не научились только видѣть, понимать другъ друга. Какого вамъ еще доказательства, до чего одинокъ человѣкъ, если онъ одинъ въ своей природѣ—тайна, которая хочетъ и не можетъ открыться, которую хотать и не могутъ познать. И вотъ мы съ вами сидимъ рядомъ, а между нами бездна, и, когда я говорю, до васъ долетаетъ звукъ моихъ словъ, а бездна поглощаетъ всю ихъ одухотворенность: все, что заставило меня сказать ихъ, все, что заставило бы васъ понять ихъ. Остался звукъ.

Онъ опустилъ свою сѣдую голову и задумался.

— Николай Петровичъ! — мягко заговорила Шура, — я,

право, совсѣмъ не понимаю... Вы говорите — бездна. Не понимаю! Вы вѣрите, что я искренна? Такъ вотъ: отчего же отъ вашихъ словъ мнѣ больно? Отчего мнѣ васъ сейчасъ такъ жаль, точно вы мнѣ близкій и родной? Отчего же это, если между нами бездна, если до меня долетѣлъ только звукъ вашихъ словъ? Значитъ, вы не правы, если я искренна? А это такъ, это такъ! И все, что вы говорили... Почему вы не хотите допустить, что все это оттого, что вы больны, несчастны, что вы много, много страдали, что ваша личная жизнь была неудачна. И въ такомъ случаѣ ваша тяжелая, страшная правда — правда только для васъ, и я не могу и не должна принять ее. Я не могу и не должна, но это не мѣшаетъ мнѣ понять васъ, почувствовать вашу боль. Гдѣ же между нами бездна?

Она думала, что этимъ мягкимъ тономъ, этими ласковыми словами она тронетъ и успокоитъ старика. Ея маленькая рѣчь понравилась ей и она едва удержалась отъ самодвольной улыбки, но Грубинъ не шевельнулся, и дѣвушка показалось, что лицо его не только не прояснилось, а стало еще болѣе суровымъ и грустнымъ.

— Вы жалѣете меня! — съ горькой усмѣшкой повторилъ онъ. — Жалѣете, пока первое неприятное ощущеніе не расколodитъ вашей жалости. И вы хотите, чтобы я цѣнилъ это маленькое, мимолетное чувство? Ахъ, какъ мнѣ знакомы ваши слова! Сколько въ нихъ благонамѣренной, быть можетъ, безсознательной лжи! Ихъ часто говорятъ наши, такъ называемые, «сердечные» люди, преимущественно женщины. «Вы мнѣ близкій и родной». О, какая ложь! Есть близость инстинкта — это узлы крови, близость, не зависящая отъ насъ, источникъ которой въ нашей физической природѣ. Есть близость ума. Сердечной близости нѣтъ. Духовной — нѣтъ. Вы жалѣете меня! До жалости, настоящей, цѣнной, можно дойти только разумомъ. Объ этомъ никто не думаетъ. Стараются быть или притвориться сердечными. Какая ошибка! И вотъ я скажу вамъ: я разумно дошелъ до жалости къ вамъ, а для того, чтобы жалѣть меня — вамъ... вамъ слишкомъ далеко.

Шура улыбнулась натянутой улыбкой, пожала плечами и медленно поднялась съ своего мѣста.

— Я утомила и... раздражила васъ, — сдержаннымъ голосомъ заговорила она. — Пора вамъ дать покой. Винить себя въ нашемъ странномъ разговорѣ, который разстроилъ васъ, я не могу: вы сами желали его. Теперь я уйду. Покойной ночи.

Грубинъ поднялъ на нее глаза и взгляды ихъ встрѣтились. И опять, еще разъ, дѣвушка стало стыдно, но уже не за легкомысленный поступокъ, не за необдуманную безтакт-

ность. Ей стало стыдно за все ея маленькое, мелочное, самолюбиво-обидчивое существо, которое, казалось, насквозь видѣлъ пронизательный взоръ, устремленный на нее съ выраженіемъ такого мучительнаго и безсильнаго страданія, что она не выдержала его и отвернулась.

— Больше я не увижу васъ,—грустно сказалъ старикъ. — Помните: не ищите въ жизни того, чего еще нѣтъ, того, что еще не открылъ намъ разумъ. Помните: мы еще не умѣемъ любить! Ищите любви разумомъ, потому что высшій разумъ и есть любовь. Простите мнѣ за мои правоученія. Простите нѣ... все.

На другой день Шура уѣхала. Едва скрылся изъ вида большой старый домъ, какъ легкое, радостное настроеніе опять овладѣло ей.

— Вотъ такъ приключеніе!—смѣшливо думала она. И она старалась припомнить все, что говорилъ ей старикъ, она старалась не забыть ни одного его слова. Но ей нужны были эти слова не для того, чтобы понять и обдумать ихъ, а для того, чтобы повторять ихъ, какъ забавную шутку, въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ. Звуки словъ, а не слова.

Прошло много лѣтъ, и Шура опять пріѣхала въ Орлиное. Но теперь она была уже не Шура, а Александра Дмитриевна Балыгина, жена извѣстнаго Балыгина, еще молодого, талантливаго доктора, слава и практика котораго росли съ каждымъ днемъ. У нея уже было трое дѣтей. Она сильно пополнила, поблѣднѣла и уже давно утратила способность отдаваться безпричинно радостному, «птичьему» настроенію, отъ котораго такъ легко отскакивали всѣ тяжелыя впечатлѣнія жизни.

Николая Петровича Грубина давно не было въ живыхъ. Александра Дмитриевна пріѣзжала въ Орлиное уже не какъ гостя, а какъ хозяйка и, когда она пріѣзжала, для нея отапливали и готовили кабинетъ покойнаго и она садилась въ его большое кресло, а молчаливая Анфиса приносила ей обѣдъ, чай и стлала ея постель на диванѣ старика. Случалось, что она проводила въ Орлиномъ дня два, три—и эти дни были ея отдыхомъ, она цѣнила ихъ. Она пріѣзжала, чтобы контролировать управляющаго, сдѣлать хозяйственныя распоряженія, но влекло ее къ Орлиному, помимо всякаго дѣла, и разъ отъ разу ей все больше и больше нравилась мертвая тишина комнатъ, неподвижность старой мебели, какъ бы давно приросшей къ своимъ мѣстамъ, та особая атмосфера нежилого помѣщенія, которая раньше, много лѣтъ назадъ, казалась ей давящей и жуткой. Она полюбила «склепъ».

Завѣщая племянницѣ свое Орлиное, Грубинъ еще разъ до-

казалъ, что онъ жилъ и умеръ чудачкомъ: кромѣ завѣщанія, онъ оставилъ письмо, адресованное Александрѣ Дмитріевнѣ, въ которомъ онъ просилъ «не вносить въ его домъ молодого беззаботнаго счастья».

«Пріѣзжайте, когда вамъ будетъ тяжело жить. Пріѣзжайте, если вы будете несчастны» писалъ старикъ. Шура не придала серьезнаго значенія этой странной просьбѣ, но она понравилась ей своей оригинальностью и долго служила ей такой же темой для праздныхъ разговоровъ, какъ когда то послужилъ рассказъ о ея знакомствѣ и разговорѣ съ страннымъ старикомъ. Ея мужъ, Сергій Ивановичъ, отнесся къ этой просьбѣ еще проще. Онъ нашелъ ее не оригинальной, а просто глупой, и даже сердился, когда слышалъ, что жена серьезно обсуждаетъ, вправѣ или не вправѣ она не исполнить ее?

— Есть о чемъ говорить!—рѣзко вмѣшивался онъ.—Мало ли сумасшедшихъ? Они будутъ говорить и писать глупости, а мы будемъ рассуждать о нихъ?

— Нѣтъ Сережа, ты не правъ,—иногда робко заступалась Шура,—Грубинъ былъ не сумасшедшій, а скорѣе философъ.

— Ну, я не знаю... Называй, какъ хочешь, а результатъ одинъ. Философія или бредъ сумасшедшаго—для меня одинаково интересно.

И все таки желаніе Николая Петровича было исполнено: семья Балыгиныхъ не внесла своего молодого беззаботнаго счастья въ старый мрачный домъ.

Объ жизни въ деревнѣ, даже лѣтомъ, для Сергія Ивановича не могло быть и рѣчи. Онъ былъ слишкомъ занятъ, слишкомъ озабоченъ своей начинающей карьерой. Изрѣдка онъ ѣздилъ за границу и въ первые года замужества Шура ѣздила съ нимъ. Она оставляла дѣтей на попеченіе бабушки, скучала объ нихъ, но ни за что не хотѣла разстаться съ Сергѣемъ Ивановичемъ на продолжительное время.

— По правдѣ тебѣ сказать, ты стѣсняешь меня, — послѣ первыхъ двухъ поѣздокъ признался ей мужъ. Но она не повѣрила. Она не могла вѣрить, что она менѣе нужна своему Сергѣю, чѣмъ онъ нуженъ былъ ей.

— Сергій—странный,—говорила она иногда матери.—Онъ часто шутитъ такъ жестоко, что мнѣ становится больно. Если бы я не была увѣрена, что знаю его лучше, чѣмъ онъ самъ себя знаетъ, мнѣ было бы очень тяжело. Какъ часто онъ сталъ напускать на себя какой то рѣзкій, грубый тонъ... Тонъ какой то прѣтвливой, пошлой самоувѣренности. А развѣ онъ самоувѣренъ? Нѣтъ! И не самоувѣренъ, и не самодоволенъ...

— Ахъ, Боже мой, Шура!—съ упрекомъ говорила ей мать, — если къ тебѣ твой Сергѣй грубъ и рѣзокъ, то ужъ я не знаю... Я не знаю, чего тебѣ надо. Да и гдѣ же это? Да въ чемъ?

Софья Петровна упорно не хотѣла признавать въ своемъ зятѣ ни одного недостатка.

— Ну, мама, бываетъ, — уклончиво отвѣчала дочь. — Вѣдь, я не жалуюсь, я знаю, что это только манера, но и манера эта мнѣ непріятна.

— Охъ, Шура! Не будь такъ требовательна: Бога прогнѣвишь.

Софья Петровна жила отдѣльно отъ дочери, но видалась съ ней очень часто. Не проходило дня, чтобы она не побывала у Балыгиныхъ и чтобы Шура не забѣжала къ ней. Сергѣя Ивановича она видѣла значительно рѣже и какъ будто намѣренно избѣгала встрѣчаться съ нимъ. Когда Сергѣй былъ женихомъ, Софья Петровна относилась къ нему съ материнской нѣжностью, ласкала и баловала его наравнѣ съ дочерью и въ ея обращеніи съ нимъ было много простоты, искренности и задушевности. Но съ перваго же года замужества Шуры ея отношенія къ зятю стали постепенно измѣняться. Сергѣй сталъ холоднѣй и небрежнѣй, а Софья Петровна точно оробѣла, ступивалась и, когда говорила съ зятемъ или о немъ, въ ея тонѣ было больше почтительности и уваженія, чѣмъ любви.

— Ахъ, какъ его всѣ хвалятъ! Какъ онъ уменъ! Какъ онъ далеко пойдетъ!

Шура замѣтила эту переиначку и какъ то заговорила о ней съ мужемъ.

— Мама точно боится тебя, — замѣтила она, смѣясь.

— Тѣмъ лучше. Меньше будетъ надоѣдать, — разсѣянно отвѣтилъ Сергѣй.

— Надоѣдать? — удивленно, широко раскрывая глаза, переспросила Шура. — Тебѣ мама когда нибудь надоѣдала?

Молодой докторъ спохватился.

— Я употребилъ слишкомъ сильное выраженіе, — сознался онъ, — но, признаться сказать, твоя мать слишкомъ... какъ это сказать? Ну, слишкомъ злоупотребляетъ нѣжностями. Я помню, когда я былъ женихомъ, она часто гладила меня по щекамъ. Или цѣловала такъ, мимоходомъ, когда не было ни малѣйшей причины цѣловаться. Это можетъ доставить удовольствіе? Если бы это дѣлала ты — дѣло другое. Или если бы Софья Петровна была бы еще молода и красива.

Шура возмущалась. Но возмущалась она не тѣмъ, что говорилъ ея мужъ и что, по ея мнѣнію, было грубо и некрасиво, а только его манерой «клеветать на себя».

Конечно же, онъ клеветалъ! Въ этомъ не могло быть сомнѣнiя. Къ счастью, она знала своего Сергѣя лучше, чѣмъ онъ зналъ самого себя.

А онъ клеветалъ все больше и больше и, какъ Шура ни умоляла его, онъ, казалось, уже не могъ отрѣшиться отъ этой новой, неприятной манеры. Жена ясно видѣла, что ея талантливый, умный, добрый мужъ часто производилъ очень неприятное, почти отталкивающее впечатлѣнiе, что его грубость и рѣзкость оскорбляли людей.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?— съ отчаянiемъ спрашивала она.— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

Но онъ уже не стѣснялся быть рѣзкимъ и съ ней.

— По правдѣ тебѣ сказать, ты начинаешь мнѣ надоѣдать!— съ недобрымъ блескомъ въ глазахъ предупреждалъ онъ.

Между супругами уже не разъ происходили эти маленькiя, глухiя размолвки, когда Александрѣ Дмитрiевнѣ пришлось вновь побывать въ Орлиномѣ.

Съ тѣхъ поръ она каждый прiѣздъ испытывала тамъ одно и то же чувство, въ которомъ она какъ будто боялась признаться самой себѣ.

Стоило ей войти въ пустыя, безмолвныя комнаты дома, стоило ей остаться наединѣ съ собой, какъ она уже начинала волноваться, спѣшить, намѣренно занимать свою мысль хозяйственными вопросами. Она смутно сазнавала, что ей надо защитить себя отъ какой то опасности, помѣшать себѣ думать о чемъ то, что было страшно и что все таки манило и влекло ее. Мѣшать себѣ думать! Но она только воображала, что умѣла подавить свою мысль, не дать ей развиться. Эта мысль все росла, все крѣпла, а она только не хотѣла этого замѣтить и обманывала себя.

— Ты ошиблась!— шептала ей внутреннiй голосъ, который былъ слышенъ ей только здѣсь и который поэтому казался ей духомъ, призракомъ этого безмолвнаго, мертвеннаго дома.

— Ты ошиблась! Ты тоже несчастна. Ты тоже одинока.

Въ Петербургѣ, въ семьѣ, гдѣ у нея было много дѣла, много заботы, она забывала объ этомъ голосѣ, она не прислушивалась къ нему. Она еще такъ сильно любила своего мужа, что, когда онъ былъ съ ней, одинъ его ласковый взглядъ, одно его прiвѣтливое слово отгоняли всѣ ея печальныя мысли, и ей доставляло радость упрекать себя за свою требовательность и уличать себя въ несправедливости и эгоизмѣ.

— Точно я не знаю его! Точно я его не знаю!..—мысленно восклицала она, искренне прощая ему въ эти минуты всѣ

молкіе, но больные уколы, которые онъ наносилъ ей послѣдовательно и непрерывно, то выражая такія мысли и чувства, которыя оскорбляли и возмущали ее, то выказывая въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ столько душевной сухости и черстваго формализма, что Шурѣ оставалось только утѣшать себя своей наивной увѣренностью: «онъ клевететь на себя!»

И было похоже на то, что въ Орлиномъ, среди тишины и глубокаго покоя дома и природы, Александра Дмитриевна чувствовала себя за той чертой, гдѣ билась людская и ея собственная жизнь. Отсюда ей все казалось яснѣе и проще и,— странное дѣло!—то, что пугало ее «тамъ», противъ чего она боролась съ отчаяніемъ и страданіемъ, она принимала здѣсь со смиреніемъ и спокойствіемъ почти какъ совершившійся фактъ.

— Если бы Сергѣй былъ такимъ, какимъ онъ старается казаться, я бы не любила его. Я была бы очень несчастна!— думала она тамъ, въ городѣ, и сейчасъ же убѣждала себя, что онъ на самомъ дѣлѣ «не такой», что онъ «клевететь на себя», что она, все таки, любима и счастлива.

— Ты ошиблась!—шепталъ ей невидимый призракъ Орлинаго.— Ты одинока, какъ всѣ. Ты хотѣла жить тѣмъ, чего въ жизни еще нѣтъ, и твоя жизнь—еще одинъ лишній бесполезный опытъ.

И она съ смиреніемъ и покорностью слушала этотъ голосъ. И глубокая, безграничная печаль, которая наполняла ея душу, все таки, казалась ей отдыхомъ послѣ тревожной отчаянной борьбы, послѣ непрерывныхъ усилій удержать свое счастье, или хотя бы обмануть себя на тотъ счетъ, что оно еще есть, что оно не измѣнилось, не ушло. Какъ утомительны были эти усилія! И сколько въ нихъ было обиды, надрыва. .

Сергѣй Ивановичъ никогда не замѣчалъ ихъ. На его взглядъ, въ семьѣ все шло благополучно. Всѣ были здоровы, ни въ чемъ не нуждались и жили такъ, какъ дай Богъ всѣмъ. Дѣти росли крѣпкими и веселыми. У жены были часто разстроены нервы. Но это не безпокоило, а только сердило его. Происходило это, очевидно, оттого, что она не хотѣла слѣдовать его совѣтамъ. Онъ рекомендовалъ ей принимать бромъ, резвлекаться, бывать почаще въ гостяхъ и въ театрѣ. А она пожимала плечами, вызывала его на объясненія, которыя всегда кончались размовками. Странныя эти женщины! Шура, на примѣръ, была недовольна тѣмъ, что онъ, извѣстный Балыгинъ, отдаетъ все свое время занятіямъ и практикѣ и совсѣмъ не бываетъ съ семьей.

— Зачѣмъ ты женился?—спрашивала она.—Зачѣмъ? Чтобы имѣть семью и никогда не видѣть ее, не знать?

— Да, вѣдь, не могъ же я жить съ тобой безъ брака? — спокойно отвѣчалъ онъ.—Я очень доволенъ. Мнѣ очень нравится моя жена, когда она ласкова, весела и авантажна. Мнѣ больше ничего не надо.

— Но, вѣдь, мы чужіе!—съ отчаяніемъ заявляла Шура. — Мы съ тобой связаны на всю жизнь, а мнѣ иногда кажется, что я не знаю тебя, а ты не знаешь меня. Мы не сблизились, а разошлись послѣ свадьбы, и мнѣ это мучительно, мучительно!

— Вотъ странная претензія!—насмѣшливо замѣчалъ Балыгинъ.—Не бросить ли мнѣ практику, чтобы заняться съ тобой обмѣномъ мыслей?

— Тебѣ это совсѣмъ не важно?

— Нѣтъ, мнѣ это совсѣмъ не важно! И не интересно... Онъ взялъ ее за руку и притянулъ къ себѣ.

— Странная у тебя фантазія, что люди женятся для разговоровъ, — продолжалъ онъ, смѣясь.—А вотъ если бы я не былъ женатъ, я бы не могъ теперь цѣловать тебя... вотъ такъ... вотъ такъ... Для этого надо жениться... надо... Вотъ для чего!.. Вотъ зачѣмъ!..—Онъ осыпалъ ее ласками, и въ первый разъ эти ласки не трогали и не радовали Александру Дмитріевну.

— Вотъ зачѣмъ. Вотъ зачѣмъ...—еще долго звучало въ ея ухахъ.

И въ это же время ей показалось, что призракъ Орлинскаго перебрался за ней въ Петербургъ, что онъ уже вошелъ въ ея семью и дохнулъ на нее своимъ мертвеннымъ, леденящимъ дыханіемъ.

Съ тѣхъ поръ она стала постоянно слѣдить за собой, провѣрять свои отношенія къ окружающимъ, къ самымъ близкимъ и дорогимъ ей людямъ.

Она сидѣла у матери, говорила съ ней—и вдругъ ей начинало казаться, что и между ними зияетъ бездна, черезъ которую долетаютъ только звуки словъ.

— Мама!—говорила Шура,—ты знаешь... У меня тоска. У меня страшная тоска!

Софья Петровна пугалась и поднимала на нее тревожный, испытующій взглядъ.

— Тоска? Да съ чего же? Вѣдь, всѣ здоровы? Все благополучно?

— Не то, мама... Все благополучно! А такъ... Жизнь какая то бессмысленная, безцвѣтная...

— Шура!—въ ужасѣ воскликнула Софья Петровна. — Это ты говоришь? Ты? Мать трехъ дѣтей?

Александра Дмитріевна насмѣшливо улыбалась.

— Да, я, мать трехъ дѣтей. Ты—моя мать и прожила без-

смысленную, безцвѣтную жизнь, теперь мой чередъ, потомъ будетъ чередъ моей дочери. Какой смыслъ? Изъ поколѣнія въ поколѣніе мы живемъ другъ для друга, терпимъ жизнь ради нашихъ дѣтей, чтобы они, позже, терпѣли ее ради своихъ... Мама! зачѣмъ ты не сказала мнѣ, что для счастья жить нельзя, потому что его нѣтъ? Почему ты не приготовила меня къ чему-нибудь... ну къ чему-нибудь, за что бы я могла ухватиться теперь, чтобы не быть противной самой себѣ, чтобы быть человѣкомъ, чтобы... чтобы, все таки, жить. Безъ счастья, но жить!

Софья Петровна блѣднѣла отъ испуга, а лицо ея приняло строгое выраженіе.

— Ты не имѣешь права этого говорить, Шура!—замѣчала она.—У тебя мужъ... рѣдкій человѣкъ! Ты избалована и требовательна. Ты гнѣвишь Бога.

— Рѣдкій человѣкъ! А отчего же ты сама отстранилась отъ этого рѣдкаго человѣка? Отчего ты избѣгаешь его? Отчего же не живешь вмѣстѣ? И ты... ты, больная, старенькая,—одна! У тебя опять болятъ глаза? Вѣдь, я вижу... Или ты плакала?

— Шурочка,—почему то сильно смущаясь и часто, часто моргая воспаленными вѣками, торопливо оправдывалась Софья Петровна,—Шурочка, ты вотъ всегда про то, что я отдѣльно... А видишь, дружокъ, мнѣ такъ-то гораздо удобнѣе, спокойнѣе. У меня всякія привычки и причуды. Не хочешь ты мнѣ этого простить!

— Такъ, вѣдь, это неправда! Какія у тебя привычки и причуды? съ которыхъ поръ? Точно я всю жизнь не жила съ тобой... Точно я не знаю. Не хочешь ты мнѣ сказать! Обманываешь ты меня. Знаешь, мама: мы съ тобой обѣ ошиблись.

Но едва у Александры Дмитриевны срывалась эта рѣшительная фраза, какъ она сама пугалась того, что сказала. Пугалась и за себя, и за мать, на которую ея слова производили такое потрясающее впечатлѣніе, что на нее жалко было смотрѣть.

— Да нѣтъ, нѣтъ, не вѣрь мнѣ!—вскрикивала тогда Шура,—не вѣрь! Я не знаю... У меня иногда потребность сказать что нибудь жестокое, несправедливое. Я знаю, что это жестоко и несправедливо, и вотъ непремѣнно скажу. Именно оттого и скажу. И потомъ мнѣ стыдно и больно. Мама! Да неужели ты повѣрила? Да, вѣдь, развѣ мы съ тобой не знаемъ Сережу. Ну, мало ли что бываетъ... Да, вѣдь, мы съ тобой знаемъ его! Такъ чего же ты испугалась? Меня все мучить, что ты къ нему измѣнилась, и мнѣ хотѣлось тебя испытать, заставить тебя сказать... признаться... Тебѣ могло что нибудь показаться...

— Охъ, Шура! Не пугай меня такъ въ другой разъ,—просила Софья Петровна. — Богъ съ тобой! Богъ съ тобой! Что мнѣ могло показаться? Чѣмъ я измѣнилась? Выдумаешь... И вдругъ: «объ ошиблись», «безъ счастья, но жить!» Да какъ же такъ? Да если бы это слышалъ Сережа! Нашъ Сережа... Не подходи, не подходи ко мнѣ, я сердита на тебя...

Софью Петровну было очень легко взволновать, довести до отчаянія, но ее не трудно было и успокоить,—такъ довѣрчиво относилась она ко всему, что ей говорили. И вотъ именно эта наивная, легкая довѣрчивость теперь особенно поражала Шуру. Когда Софья Петровна было огорчена, острая жалость къ ней побуждала Шуру поскорѣй успокоить ее, но Софья Петровна слишкомъ скоро успокоивалась и это спокойствіе возбуждало въ душѣ дочери смутное чувство горечи и недоумѣнія.

— Не подходи, не подходи... Я сердита! — повторяла старушка, дѣлая видъ, что отталкиваетъ Шуру, а сама притягивала ее къ себѣ и гладила ея голову еще дрожащей отъ волненія рукой.

— Ахъ, ты, мама моя, мама! — ласково и грустно говорила Александра Дмитриевна. — Всему ты вѣришь... Ничего, ничего не стоитъ тебя обмануть... огорчить и утѣшить.

— А тебѣ грѣхъ! — съ радостной улыбкой упрекала Софья Петровна. — Ну, признавайся теперь: повздорили вы, что-ли?

— Съ кѣмъ? Съ Сережей? Такъ... пустяки...

— Вотъ то-то! И я ужъ знаю, что ты виновата. Ты, ты. Мужъ у тебя — рѣдкій человекъ: умный, добрый. А каково это, что онъ такой ещъ молодой и уже такой извѣстный. Удивительно!

Софья Петровна начала хвалить зятя, рассказывать толки и слухи о немъ, а Шура сидѣла молча, слушала и настойчиво, пристально смотрѣла на мать.

«Вотъ мы сидимъ съ тобой рядомъ, — мысленно обращалась она къ ней, — мы... мы, такія близкія, родныя... А между нами... бездна! Мы обѣ лжемъ, и хотимъ вѣрить, и насильно вѣримъ тому, что намъ пріятно. Для насъ правда — жестока и несправедлива. Чувствуешь ли ты, что я обманываю тебя? Что на душѣ у меня тревожно, обидно, тяжело? Чувствуешь это ты, самый близкій другъ мой? Я этого не знаю. Между нами бездна. И мы... даже мы другъ для друга тайна. Непроницаемая тайна обреченной на одиночество души. Она хочетъ и не можетъ открыться, ее хотятъ и не могутъ понять».

И она сидѣла и слушала. И знала, что у нея такое же спокойное, улыбающееся, почти счастливое лицо, какъ то, которое она видѣла передъ собой: лицо ея матери.

Въ часы пріемовъ Сергѣя Ивановича на дому, Александра Дмитріевна обыкновенно сидѣла въ дѣтской, или въ своемъ будуарѣ. Первое время ей доставляло удовольствіе заглядывать въ пріемную и подсчитывать приблизительное число посѣщеній. Она радовалась и гордилась, что это число постепенно возрастало, а когда послѣ ухода послѣдняго пациента Сергѣй Ивановичъ, немного усталый и нервный, появлялся въ дверяхъ столовой, гдѣ его уже ждалъ самоваръ, Шура встрѣчала его съ восхищенной нѣжностью, въ свой чередъ, обращалась съ нимъ, какъ съ больнымъ: старалась угадать, будетъ ли ему пріятно, если она начнетъ говорить о чемънибудь, или умѣстнѣе молчать; боялась стукнуть чайной ложечкой, чтобы не раздражить его нервы.

Она знала, что въ другое время, при другомъ случаѣ онъ, въ свой чередъ, отнесется къ ней не менѣе внимательно и любовно и что если сейчасъ она—его слуга, а онъ—ея повелитель,—они не замедлятъ помѣняться ролями. Въ ихъ общемъ распоряженіи времени было достаточно. Но это было только въ первые года. Теперь этого времени совсѣмъ не стало. Балыгинъ работалъ все больше и больше, и Александра Дмитріевна видѣла его только утомленнымъ и нервнымъ. Когда она видѣла его, онъ требовалъ заботливости и вниманія; свою собственную заботливость и вниманіе ему уже некогда было проявлять. Шура осталась его слугой, а онъ ея повелителемъ, и мѣняться ролями имъ не приходилось. Не приходилось имъ уже поговорить другъ съ другомъ и они ограничивались краткими сообщеніями, вопросами и отвѣтами, которыми можно было обмѣняться и за столомъ, во время перемѣны блюдъ, или въ дверяхъ, когда Сергѣй Ивановичъ приходилъ или уходилъ.

— Всѣ здоровы?

— Всѣ.

— А Лилинъ желудокъ? Не посмотрѣть ли ее?

— Не беспокойся. Теперь все въ исправности.

— Ты вечеромъ дома?

— Когда дѣти лягутъ, пойду посидѣть къ мамѣ. У нея болятъ глаза. Ей скучно.

Сергѣй Ивановичъ морщился.

— Я бы предпочелъ, чтобы ты чаще ходила въ театръ. Развлекалась бы, что ли... Ты перестала заботиться о своей наружности. Ты опускаешься.

— Есть о чемъ заботиться!

— Ну, напрасно ты такъ думаешь...

Александрѣ Дмитріевнѣ становилось обидно.

— Отчего ты раньше не говорил мнѣ, что тебѣ дорога во мнѣ только одна наружность?

— Я и теперь этого не говорю,—замѣчалъ Балыгинъ и нетерпѣливо пожималъ плечами.—Тебѣ, кажется, хочется придираться къ моимъ словамъ.

— Да, ты не говоришь... Но если выражаешь какуюнибудь заботу обо мнѣ, то только относительно наружности и здоровья.

И сейчас же она начинала досадовать на себя за высказанную мысль: было ясно, что мужъ не хотѣлъ ее понять и что она только лишній разъ раздражала его. Шура поспѣшно мѣняла тонъ и старалась казаться веселой и довольной.

— Всякій другой на твоёмъ мѣстѣ былъ бы доволенъ, что у него такая степенная, не кокетливая жена,—будто шутя, говорила она.

Онъ уже спѣшилъ куданибудь и, морщась, соображалъ или припоминалъ что то.

— Ахъ, Сережа, если бы у тебя было больше свободного времени,—невольно вздыхала Шура.—Если бы ты могъ быть больше дома! Больше съ своей семьей!

— Къ сожалѣнью, это невозможно,—разсѣянно говорилъ онъ.

— А по моему—невозможно такъ, какъ теперь.

— Да впрочемъ, я знаю, что угодить тебѣ я не въ силахъ.

И только когда входная дверь захлопывалась за нимъ, когда Шура уже не видѣла передъ собой его раздраженного и раздражающаго выраженія лица, ей хотѣлось догнать его и сказать:

— Сережа, милый! Сережа... Развѣ это былъ сонъ, что мы любили другъ друга? развѣ это прошло? Я не знаю. Давай, скажемъ это другъ-другу откровенно, если можемъ. Давай пожалѣемъ другъ-друга...

И тутъ же, въ кабинетѣ, въ которомъ, уходя, Балыгинъ завернулъ электричество, Шура плакала и думала ласковыя, трогательныя слова, которыя ей уже некому было сказать. Матери она уже давно не жаловалась ни на что: ни на мужа, ни на тоску, ни на жизнь. Она уже давно поняла, что даже близкіе люди умѣютъ сочувствовать только явному, неоспоримому горю, горю, которое говоритъ безъ словъ, само за себя. Слова—это звуки. Слова, даже тѣ, которыя выхвачены прямо изъ сердца, все таки не сумѣютъ передать то, что заставило сказать ихъ и что заставило понять ихъ. Звуки... И никогда еще не чувствовала Александра Дмитриевна въ такой мѣрѣ ужаса и беспомощности души, души-тайны, которая хочетъ и не можетъ открыться.

Явнаго, неоспоримаго горя у нея не было. «Все было благополучно», какъ говорили и мать, и мужъ. На что могла бы пожаловаться она, чтобы тутъ же, искренне, не упрекать себя въ жестокости и несправедливости, чтобы ничего не преувеличить и, хотя бы невольно, не сгустить краски такъ, чтобы ея настоящее и несомнѣнное душевное состояніе стало ясно и понятно? Нѣтъ, она уже дѣлала эти опыты и ясной, и понятной передачи своихъ чувствъ! Чѣмъ больше она старалась быть искренной, тѣмъ отчетливѣе становилась для нея самой, что или ровно ничего не выходило, или выходило такъ, что она лгала. Лгала для ясности, для того, чтобы ее поняли, а понимали только ложь, потому что правда, самая страшная и мучительная для нея, была не ясна и не понятна.

А ее можно было выразить всего въ нѣсколькихъ словахъ:

— Я поняла, что я одинока.

Какія простые, обыкновенныя слова! Стоило ли ихъ говорить?

Александра Дмитриевна шла вечеромъ къ матери, но говорила, не объ одиночествѣ, а о томъ, что было понятнѣе: о прислугѣ, провизіи, покупкахъ, нарядахъ, о полотнѣ для дѣтскихъ простыней и о томъ, сколько заложить складокъ на грудничковыхъ рубашекъ для маленькаго Сергуна.

Говорить было легко, просто и интересно и время шло незамѣтно и только иногда, среди разговора, Александра Дмитриевна вдругъ о чемъ то задумывалась... Взглядъ ея, устремленный на мать, становился настойчивымъ, пристальнымъ. И тогда мать отвѣчала ей робкой, виноватой, молящей улыбкой.

— Ты что, Шура?—неувѣреннымъ голосомъ освѣдомлялась она.

— Ничего, мама. А что? Тебѣ что показалось?

— Нѣтъ, я такъ...—облегченно вздыхала старушка.—Не люблю, когда ты уставишься...

Объ смѣялись. И у обѣихъ были веселыя, спокойныя лица и тревожныя, печальныя глаза.

Шура думала:

«Знаю ли я, что она сказала бы мнѣ, если бы могла?»

И сейчасъ же отвѣчала себѣ мысленно:

«Не знаю! А ближе меня у нея нѣтъ никого на свѣтѣ. Когда мои дѣти вырастутъ, будетъ то-же».

Ее стало тянуть въ Орлиное. Она уже искавила предлоги, чтобы ѣздить туда и оставаться какъ можно дольше.

Тамъ были просторъ, покой и тишина. Тамъ была ясность и простота мысли, не связанной ни жалостью къ себѣ и другимъ, ни сложностью отношеній, ни необходимостью изложить

ее въ ясной и понятной формѣ. Александра Дмитріевна теперь знала, что понять свое одиночество,—это значить полюбить быть одинокимъ.

Она какъ то сказала объ этомъ матери, вспоминая о Николаѣ Петровичѣ и доказывая съ горячностью и упрямствомъ, что онъ могъ быть счастливъ по своему.

— Пойми одиночество и ты полюбишь быть одинокимъ. Да, да!—убѣжденно доказывала она.

— Ахъ, Шура!—сердилась мать.—Да какое же это все таки счастье: любить быть одинокимъ! Да, вѣдь, это ужасъ! Это та-же смерть. Этакъ можно Богъ знаетъ чѣмъ утѣшаться.

— Неправда!—возмущалась она.—Смерть беретъ человѣка цѣликомъ, всего безъ остатка. Одиночество оставляетъ ему разумъ. Уничтожается только фиктивная, сентиментальная сторона жизни, уничтожается мечта. Нѣтъ, это еще не смерть. Надо приспособиться къ сознанію одиночества, надо считаться съ нимъ—и тогда оно будетъ нашей силой.

Она хотѣла вѣрнуть въ эту силу, какъ вѣрила теперь всему, что говорилъ ей когда то старый чудакъ. Но она не чувствовала ее. Быть можетъ, она должна была притти позже? Когда уляжется душевная боль отъ всего, что она пережила и о чемъ никто не зналъ? Когда она научится жить сызнова, не рассчитывая на то, чего еще въ жизни нѣтъ: на любовь, на счастье. Это будетъ нормальная, разумная жизнь, въ которой уже не будетъ ошибки.

Думать объ этой новой жизни подробно, обстоятельно Александрѣ Дмитріевнѣ какъ то все не удавалось. Она знала навѣрно, что она должна быть если не для нея, то для ея дѣтей, но представить себѣ ее она еще не могла. Она только вѣрила: будетъ!

И вотъ одинъ разъ Сергій Ивановичъ пришелъ къ обѣду необычайно ласковый и веселый.

— Шура!—сказалъ онъ, обхвативъ жену за талію и отводя ее въ уголокъ гостиной, по которой она проходила.—Шура, поздравь меня! Я еще не могу сказать вполне достовѣрно, но, кажется... Однимъ словомъ, мнѣ общають каеодру. Шура! это глупо, но я счастливъ. И тебѣ я это могу сказать. Тебѣ, моему другу, моей дорогой женушкѣ.

Онъ взялъ ее обѣими руками за голову и крѣпко поцѣловалъ въ губы.

— Теперь все будетъ хорошо. Да? Теперь я уже не буду раздражаться и нервничать. Если бы ты знала, какъ часто я чувствовалъ себя виноватымъ передъ тобой! Шура, я счастливъ!

Александра Дмитріевна не могла сказать ни одного слова.

— Кааедру?— только повторила она, чувствуя, что этимъ словомъ она доставить наибольшее удовольствіе мужу.— Но почему же, Сережа, я... я раньше не знала, что...

— Ты никакъ не ожидала, господа профессорша? Ты поражена?

Онъ опять началъ говорить о своемъ успѣхѣ, о своихъ надеждахъ. И они все еще стояли въ углу гостиной и онъ держалъ ее за плечи, а между словъ, торопливо, точно украдкой цѣловалъ ее то въ лобъ, то въ глаза, то въ губы.

Это былъ прежній Сергѣй, его прежнія манеры, улыбка, голосъ, выраженіе лица. Это было то счастье, котораго уже такъ давно не было. И Шура глядѣла на него и не вѣрила своимъ глазамъ.

— Ахъ, Сережа... Сережа...—повторяла она.

— А теперь идемъ обѣдать,—предложилъ онъ.

— погоди... Скажи еще... А это правда, что ты чувствовалъ и чувствовалъ себя виноватымъ передо мной?

— Ну, еще бы! Часто... И сколько разъ хотѣлъ даже сказать... Но, вѣдь, ты теперь простила? да?

— Подожди... Сережа, это очень важно для меня: не клевети на себя никогда больше! Ты взялъ этотъ непріятный, грубый тонъ... И со мной, и съ мамой... Бога ради, не надо, Сережа! Я иногда забываю, какой ты на самомъ дѣлѣ, и тогда... тогда я была несчастна.

— Шура! глупая дѣвочка!

Она прислонилась лицомъ къ его домашней тужуркѣ, металлическая пуговица слегка опарала ей щеку, но душа ея была такъ переполнена волненіемъ, радостью и непонятной печалью, что ей не хотѣлось двинуться и она готова была бы стоять такъ долго, долго.

— Я уже признался тебѣ, что я самъ... Я былъ утомленъ и раздражителенъ. Ну пойдемъ обѣдать. Я страшно голоденъ.

Давно не было такого веселаго, оживленнаго обѣда,

Сергѣй Ивановичъ смѣялся, шутилъ, шалилъ заодно съ дѣтьми, а тѣ, сразу угадавъ дѣтскимъ безошибочнымъ чутьемъ, что на этотъ разъ имъ все сойдетъ съ рукъ благополучно, дали себѣ полную волю, хотя все таки незамѣтно, насторожѣ наблюдали за отцомъ.

Александра Дмитриевна тоже смѣялась, но, несмотря на радость, въ душѣ ея чувствовалась какая то подавленность, усталость. Непрошенные слезы то и дѣло наворачивались на глаза и ей казалось, что радость разбудила въ ней притупленную внутреннюю боль, разбредила рану, до которой она боялась притрогиваться. Отчего мужъ скрывалъ отъ нея свои на-

лежды? Послѣ обѣда Сергѣй Ивановичъ легъ отдохнуть, но не отпустилъ отъ себя жену.

Онъ спалъ, а Шура сидѣла и смотрѣла на него. И когда во снѣ, у него стало раздражительное, неприятное лицо отъ опустившихся угловъ рта, у Александры Дмитріевны вдругъ захолохнуло сердце: а если онъ опять обманулъ ее? Если его раскаяніе, его доброе сердечное настроеніе были только минутнымъ порывомъ подъ впечатлѣніемъ успѣха? Опять пережить все сначала?.. Опять?.. Еще разъ потерять его?

— Нѣтъ, нѣтъ!—утѣшала она себя.—Этого не можетъ быть, потому что я теперь знаю то, чего не знала раньше: онъ меня жалѣлъ. Онъ считалъ себя виноватымъ. И вотъ этого я не знала и мучилась. Я въ него мало вѣрила. Надо вѣрить! Главное, надо вѣрить. И тогда не будетъ этого кошмара одиночества. Вѣра—это наше спасеніе, и безъ нея можно дойти до того, до чего я дошла. Страшно вспомнить!

Вечеромъ она шумно и радостно вбѣжала къ матери.

— Мама! Какое счастье!..

Софья Петровна нездоровилось и она лежала.

— Онъ хотѣлъ самъ къ тебѣ зайти, но, понимаешь, у него сегодня еще какое то засѣданіе, или что то въ этомъ родѣ,—возбужденно говорила Александра Дмитріевна послѣ того, какъ она передала матери всѣ событія этого дня.

— Ну, понятно! Развѣ я не знаю... И я знаю, что онъ зашелъ бы самъ. Непремѣнно бы зашелъ!—убѣжденно поддакивала старушка.—Вотъ какое счастье намъ Богъ послалъ! Утѣшена я, Шура, такъ утѣшена, что теперь и умереть не страшно.

— Умереть?—удивленно повторила дочь. — Отчего ты это сказала? отчего?—тревожно спросила она.

— Ну вотъ, ужъ и не скажи, какъ скажется. Ты чего испугалась? Я смерти не боюсь, а умирать еще, все таки, не собираюсь.

Но все оживленіе Александры Дмитріевны точно рукой сняло. Его портило лицо матери, осунувшееся, землистое.

— Но ты больна! Отчего ты не прислала за Сергѣемъ? Отчего ты молчишь?

— Ну вотъ, Сергѣй... У него дѣла поважнѣе. У меня другой докторъ былъ. Пустяки это,—шутливымъ, беззаботнымъ тономъ говорила старушка.

— Другой? Ты послала за другимъ! А мы ничего не знаемъ!

— Да чего знать то, чего знать то? Говорю,—пустяки. Намъ, старухамъ, воли дать, мы бы все время лѣчились. Старость, а

намъ кажется—болѣзнь. Умирать время, а мы норовимъ, чтобъ намъ такой рецептъ прописали, чтобы и смерть обмануть.

— Мама, не шути такъ,—строго сказала Шура.—Что я не вижу, что-ли? Ты серьезно больна и знаешь это, а меня... и меня опять хочешь обмануть. За что? Точно я тебѣ чужая.

— Ты?—вскрикнула старуха,—ты-то чужая?

Она приподнялась и протянула дочери обѣ руки.

— Да какъ это языкъ у тебя повернулся сказать это слово? Видишь, Шура: если бы я думала такъ хотя одну минуту... одну минуту... Эта минута убила бы меня. И я давно собиралась тебѣ сказать и все какъ-то къ слову не приходилось: помнишь, ты разъ пришла ко мнѣ такая разстроенная и жаловалась, что у тебя тоска? Такъ вотъ именно тогда ты сказала, что я прожила безцвѣтную, бессмысленную жизнь и терпѣла ее ради тебя, а теперь твой чередъ... чередъ терпѣть жизнь... И что я научила тебя жить для счастья, а счастья нѣтъ и ухватиться тебѣ больше не за что. Помнишь? А я не отвѣтила тебѣ тогда и все время меня это мучило. Слушай, Шура: свою жизнь я бессмысленной и безцѣльной не считаю. Ни за что! Я люблю тебя. Я хотѣла, чтобы и ты умѣла любить. Когда любишь, тогда нечего искать, за что бы ухватиться въ жизни: сама жизнь укажетъ. Это счастье. И нечего искать, какъ бы стать человѣкомъ, какъ бы не опротивѣть самой себѣ. Живи не для себя, а для другихъ. Люби! И ея не бойся: любовь все сдѣлаетъ за тебя, лучше тебя, какъ тебѣ не додуматься и не дойти никакимъ разумомъ... Не знаю, можешь ли ты теперь повѣрить мнѣ. А, все таки запомни. И никогда, никогда не думай, что я считала свою жизнь бессмысленной и пустой. Я люблю тебя!

Шура съ недоумѣніемъ и испугомъ глядѣла на мать и молча цѣловала ея руки.

Софья Петровна, видимо, утомилась и закрыла глаза.

— Спишь?—тихо спросила Шура.—Спишь?

Отвѣта не послѣдовало. Вдругъ руки старухи вздрогнули и вся она испуганно встрепенулась.

— Ахъ, ты здѣсь!—съ виноватой улыбкой прошептала она.— а мнѣ... вообрази... представилось будто ты... будто у тебя крылья, большія такія и черныя... и будто ты улетаешь, а я тебя... ловлю.

Шура схватилась за голову и въ глазахъ ея отразился такой ужасъ, точно въ это время передъ ней на мигъ распахнулась завѣса, которая отдѣляетъ каждую прожитую минуту отъ будущей и за этой завѣсой она увидала что то страшное, почти невозможное... Она знала, что никакой завѣсы нѣтъ, что

ничего она не видѣла. Но почему то съ этого мгновенія она поняла, она была увѣрена, что ея мать скоро умретъ.

Еще два обѣда подъ-рядъ Сергѣй Ивановичъ былъ веселъ и ласковъ, два раза подъ-рядъ не отпускалъ отъ себя жену, когда ложился отдыхать, но засыпалъ сейчасъ-же, а когда просыпался, то увѣрялъ, что чувствовалъ даже во снѣ присутствіе Шуры и что это было особенно пріятно. Потомъ онъ спѣшилъ уѣхать...

Черезъ два дня настроеніе его нѣсколько потускнѣло: дѣти уже не смѣли шалить за столомъ. Прошло еще немного времени, и Балыгинъ опять сталъ раздражительнымъ и нервнымъ, жаловался на усталость и на то, что его жена перестала заниматься собой.

Софья Петровна угасала.

Александра Дмитріевна по нѣсколько разъ въ день ходила къ ней, проводила у нея вечера. Старушка лежала, но не жаловалась ни на что. Она даже была весела, шутила, попрежнему интересовалась разными мелочами жизни, а когда Шура настаивала, чтобы она лѣчилась, она искренне возмущалась и взяла съ дочери честное слово, что та не заставитъ Сергѣя Ивановича побезпокоиться изъ за нея.

— Когда нужно будетъ—скажу,—обѣщала она.—Да зачѣмъ нужно? Мнѣ лучше. нѣ гораздо лучше.

И Шура успокоилась. Слава Богу, она ошиблась! Мать не умретъ. Ее томила другая забота: что случилось опять съ ея Сергѣемъ? Почему онъ такъ скоро забылъ свое обѣщаніе, свое раскаяніе? Недавняя, мимолетная радость разбередила ея старую рану, до которой она боялась дотронуться. И рана не зажила, а радости ужъ не было. Но почему то не было и прежняго кошмара, а только покорность, смиреніе и печаль.

Она сидѣла у матери и онѣ разговаривали.

— Знаешь, Шура. Не выписать ли намъ изъ Саратова сарпинки? Я знаю, что и здѣсь есть, да, по моему, будто и то, да не то. Пора шить дѣтямъ на лѣто.

— Не стоитъ выписывать, мама. Я не знаю, почему ты такъ любишь сарпинку? И рисунки то всѣ старые, не оригинальные.

Потомъ говорила о томъ, что Сергуну скоро надо держать экзамень, что пора переменить обивку въ гостиной. И вдругъ, среди разговора, обѣ замолчали и только глядѣли другъ на друга.

— Ты что, мама?—робко спрашивала Шура.

— Я... ничего. Ничего!

Старушка весело улыбалась и только гдѣ то въ глубинѣ

взгляда таилась что-то новое, чуждое, непонятное. Шура замѣчала этотъ новый взглядъ и не хотѣла замѣчать.

— Сережа, ты бы навѣстилъ маму,—говорила она почти каждый день, когда видѣла мужа.

— Да, непременно, непременно!—быстро соглашался онъ и сейчасъ же хмурился и досадливо крякалъ.

— Эхъ, некогда мнѣ! Хорошо вамъ ничего не дѣлать. А мнѣ изъ любезности надо дѣловое время терять. Какая ужъ тамъ любезность!

— Мама больна!—говорила Шура и въ ея голосѣ слышались слезы.

— Ахъ, это дѣло другое. Значить, ты приглашаешь меня, какъ врача?

— Нѣтъ, она не хочетъ. Она боится беспокоить тебя.

— Ну, значить, не особенно больна. А на любезности и родственныя нѣжности у меня времени нѣтъ,—рѣзко говорилъ Балыгинъ.

Александра Дмитріевна уже не возмущалась рѣзкостью и грубымъ тономъ мужа. Еще такъ недавно онъ доказалъ ей, что онъ все тотъ же прежній, любящій Сергѣй, что та перемѣна, которая такъ мучила ее въ немъ, только внѣшняя. Она знала теперь, что, несмотря ни на что, онъ жалѣлъ ее, чувствовалъ себя передъ ней виноватымъ. Ей такъ нужна была вѣра въ эту жалость и виновность!

— И маму онъ любить,—утѣшала себя Шура.—Навѣрно, любить и такъ жалѣть, но не умѣть и не хотеть показать своего чувства. И мама понимаетъ его. Она всегда понимала его лучше меня. Она не такая требовательная... И вотъ поэтому она сердилась и возмущалась, когда я осуждала мужа.

Всѣ эти мысли были такъ отрадны, что Александра Дмитріевна бессознательно, но крѣпко ухватилась за нихъ. Какъ противорѣчили онѣ тому, что она когда то слышала въ Орлиномъ, что незамѣтно отравило ея душу, довело до отчаянія, до ужаса. И въ то же время она такъ-же бессознательно чувствовала, что держится она за иллюзію, безъ которой весь міръ казался бы ей пустымъ и вся жизнь потеряла бы всякую цѣну.

— Я сама во многомъ виновата,—иногда думала она.—Я неразвита, неинтересна. Сергѣю скучно со мной. Я сосредоточила всѣ свои интересы въ одномъ маленькомъ чувствѣ, а у него жизнь шире, полнѣе.

— Нѣтъ! не въ этомъ дѣло!—сейчасъ же возражала она самой себѣ.—Будь я даже очень умна и образована, мы, быть можетъ, были бы болѣе... товарищами. Онъ посвящалъ бы меня въ свои умственные интересы, въ свои занятія. Но развѣ это

то, чего я ищу? Близости, настоящей близости у насъ все-таки бы не было. А мы думали, что мы любимъ другъ друга на всю жизнь, что мы—одно. Пусть мои страданія неумны и нелѣпы. Я искренне страдаю! А онъ не видитъ, не понимаетъ. И никто ничего не можетъ видѣть и понимать. Такъ развѣ же это не обманъ любви? А мама говоритъ, что можно и надо жить этимъ обманомъ, что бояться его нечего. Она не признаетъ одиночества и не чувствуетъ его. Я дошла до того, что не признаю любви и не нахожу ее нигдѣ, ни въ комъ. Кто же изъ насъ правъ?

Одинъ вечеръ Александра Дмитриевна необычно поздно засидѣлась у матери. Печему то ей не хотѣлось уходить. Большая дремала, а дочь работала. Онѣ почти не разговаривали. Случалось, Шура поднимала глаза отъ питья и встрѣчала пристальный «новый» взглядъ матери, такой строгій и вдумчивый, котораго она никогда раньше и не помнила у нея.

— Ты что, мама?—спрашивала она.

— Ничего.

— Я думала, что ты спишь.

— Шура!—вдругъ сказала Софья Петровна,—скажи Сережѣ, чтобы онъ завтра пріѣхалъ ко мнѣ. Завтра.

И этого спокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительнаго тона дочь тоже никогда не слышала отъ нея.

— Тебѣ хуже, мама?—тревожно освѣдомилась она.

— Нѣтъ. Но я хочу видѣть Сергѣя.

Александра Дмитриевна немного смутилась.

Поѣдетъ ли Сергѣй? На любезности и родственныя нѣжности у него времени нѣтъ.

Позвать его, какъ врача? Онъ, конечно, не откажется. Но и явится сюда, какъ врачъ, а не какъ сынъ.

И мать это пойметъ.

— Онъ сдѣлаетъ такъ, какъ ты хочешь,—стараясь скрыть свое смущеніе, сказала Шура.

— Я знаю!—увѣренно замѣтила Софья Петровна.

Шура возвращалась домой въ тревожномъ, тяжеломъ настроеніи. Она объясняла его необходимостью переговорить съ Сергѣемъ Ивановичемъ и настоять на томъ, чтобы онъ нашелъ время заѣхать къ Софьѣ Петровнѣ и сдѣлалъ бы это такъ, чтобы въ этомъ визитѣ не чувствовалось ни фальши, ни принужденія.

— Но отчего я беспокоюсь?—упрекала себя Шура.—Сережа самъ пойметъ. Конечно, пойметъ. И поѣдетъ. Мама стара, больна... Положимъ, опасности нѣтъ. Но онъ у нея такъ давно не былъ. Все это такъ естественно. Только зачѣмъ мама такъ

опредѣленно сказала: завтра. Вотъ именно завтра то, пожалуй, ему и нельзя. А она какъ то особенно настойчиво повторила: завтра! А я точно поручилась за него. Надо было тутъ же объяснить, что, можетъ быть, завтра ему нельзя.

Когда она вошла въ свою квартиру, ея тревожное состояніе еще больше усилилось и стало похоже на страхъ.

Она теперь часто испытывала это чувство въ присутствіи мужа.

— Надо сказать сегодня же. Непремѣнно сегодня же,—думала она.

Сергій Ивановичъ былъ дома и уже легъ спать.

— Прости, Сережа!—робко сказала Александра Дмитріевна, входя въ ихъ общую спальную.—Я случайно засидѣлась у мамы. Она все больна.

Сергій Ивановичъ лежалъ въ постели и читалъ.

— Я даже не замѣтила, что такъ поздно,—виноватымъ голосомъ прибавила Шура.

Онъ читалъ и молчалъ. Она стала поспѣшно раздѣваться.

— Сережа!—позвала она.—Сережа, пожалуйста, выслушай меня. Это ужасно некстати, что... что я какъ разъ рассердила тебя... Мнѣ очень надо, чтобы ты понялъ. Ты, Сережа, меня прости. Будь добръ, отнесись къ моей просьбѣ съ добротой и вниманіемъ.

Онъ прикрылъ книгу и повернулъ къ ней удивленное, злое лицо.

— Какъ, еще разговоры?—возмущеннымъ тономъ сказалъ онъ.—Я ждалъ тебя и не могъ спать, а теперь я еще долженъ выслушивать тебя? Да еще съ добротой и вниманіемъ.

Онъ жестко засмѣялся.

— Скажу тебѣ откровенно, что ты плохо выбрала время. И, наконецъ, я прямо не намѣренъ... Я тебя прошу дать мнѣ возможность отдохнуть. У тебя времени много, а я имъ дорожу.

— Я знаю, я знаю... быстро—сказала Шура.—Ахъ, это, право, такъ ужасно, что я именно сегодня рассердила тебя. И ты правъ, ты сердисься. Но моя просьба коротенькая...

Она, полураздѣтая, присѣла къ нему на кровать и ласково прильнула къ нему.

— Сережа, дорогой мой! Надо, чтобы ты завтра съѣздилъ къ мамѣ, ты давно общаешься. Надо, чтобы завтра. Скажи, что ты это сдѣлаешь.

Онъ слегка оттолкнулъ ее и выраженіе его лица стало еще раздражительнѣе.

— Нѣтъ, я скажу, что я этого не сдѣлаю! Завтра... Почему завтра? Очень удобно распоряжаться чужимъ временемъ, когда

ровно ничего не дѣлаешь. Завтра я не могу. И если это все, что ты имѣла мнѣ сказать, то прошу тебя въ свой чередъ отнесись ко мнѣ съ добротой и «вниманіемъ» и дай мнѣ возможность спать. Я очень усталъ.

Она встала, но не отошла, и напряженно, съ тоскливой мольбой глядѣла на него.

— Сережа! повѣрь мнѣ, что это надо. Повѣрь! Если ты повѣришь, ты найдешь возможность. Знаешь: ты не обѣдай сегодня... Вспомни только, вспомни завтра мою... горячую просьбу. Она больна и это не я, это она просить и вѣрить, что ты захочешь исполнить ея просьбу. Сережа! она больна... очень!

— Такъ чего же ты путаешь! — гнѣвно крикнулъ Сергѣй Ивановичъ.— Ты такъ бы и говорила, что ей нуженъ мой советъ. Но, вѣдь, ее кто-то лѣчить? Кто? Если она зоветъ меня, какъ консультанта, я не намѣренъ провѣрять моего коллегу тайкомъ. Это не въ моей этикѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не какъ доктора, или консультанта... Она зоветъ тебя потому, что она больна, но зоветъ, какъ сына. Понимаешь? Какъ сына, котораго она любитъ. И потому что и она, и я увѣрены, что и ты ее любишь.

— И поэтому непременно завтра? Почему же завтра? А я изъ за этой приторной сентиментальности долженъ терять время. И это, видите, такъ необходимо, такъ необходимо!..

Онъ быстро отбросилъ книгу и повернулся спиной къ женѣ. Александра Дмитриевна поняла, что говорить больше уже невозможно, что каждое ея слово только сильнѣе раздражило бы мужа.

Она легла и потушила свѣчку.

— Я не сумѣла сказать! — мучилась она. — Не сумѣла. Онъ не понималъ, какъ мнѣ надо, чтобы онъ исполнилъ мою просьбу. Вотъ мы близко другъ отъ друга, я могу протянуть руку и достать его... Мы любимъ другъ друга... какъ странно, что я не сумѣла сказать, а онъ не сумѣлъ понять. Какъ странно!.. И онъ не знаетъ, что я чувствую, и я не знаю, что онъ чувствуетъ. Я хотѣла открыться и не могла и, быть можетъ, онъ хотѣлъ... Мы близки, а между нами бездна, и слова, какъ пустые, раздражающіе звуки...

Она вдругъ вдрогнула, поднялась на постели и охватила голову руками.

— Только не это! только не это! — мучительно, глухо протестовала она. — Это опять то... прежнее... Опять сознание одиночества. Кошмаръ!

— Я сегодня какая-то тревожная, нервная,—старалась она успокоить себя,— и даже, пожалуй, Сергѣй правъ... Почему завтра? Вѣдь, онъ не отказывается. А завтра ему нельзя. И я это даже предвидѣла... Почему я думаю, что онъ не понялъ? Я, вѣдь, тоже не понимаю, почему «завтра». И, вѣроятно, это не важно, а только кажется мнѣ важнымъ, потому что у меня такъ тревожно на душѣ. Вотъ и выходить, что вполнѣ естественно, что Сережа разсердился. Надо все понять: всѣ причины, всѣ побужденія, все, что скрыто. И сейчасъ получается совсѣмъ другое освѣщеніе. Вотъ, со стороны, можетъ казаться, что Сергѣй грубъ, безсердеченъ, эгоистъ, и я это сейчасъ думала. А какъ все разобрала и поняла, то это совсѣмъ не такъ, какъ могло казаться. Онъ правъ. И вотъ мама всегда такъ думала и понимала и всегда вѣрила въ Сергѣя. Если онъ завтра не поѣдетъ, она опять пойметъ и все-таки будетъ вѣрить. Она не боится любить.

Шура опять легла, но тревога ея не унималась и спать она не могла.

— Я хочу быть справедливой, а допускаю себя быть нервной,—думала она.—У меня—нервы, у Сергѣя—нервы и вотъ мы оба постоянно несправедливы и портимъ себѣ жизнь и забываемъ, что мы любимъ другъ друга.

Уже начало разсвѣтать, когда Александра Дмитриевна заснула. Но ей казалось, что она еще не успѣла закрыть глазъ, какъ кто-то осторожно тронулъ ее за плечо.

Она вздрогнула и вскочила.

Сергѣй спалъ. Передъ ней стояла горничная въ большомъ платкѣ, накинутаго на разстегнутое платье. Александра Дмитриевна поглядѣла ей въ лицо широко раскрытыми отъ ужаса глазами и схватилась за грудь.

— Скорѣй! — нетерпѣливо сказала она, сознавая, что случилось несчастье, что надо знать, что случилось, но что на это грубое сознаніе у нея не хватаетъ силъ.—Скорѣй...

— Отъ Софьи Петровны... Барыня, матушка...—трясущимися губами сказала горничная и заплакала.—Полъ часа тому назадъ...

— Сережа! — не своимъ голосомъ крикнула Александра Дмитриевна.—Сережа! Мама умерла!

Горничная немного отошла, но опять остановилась и продолжала всхлипывать. Сергѣй Ивановичъ поднялъ голову.

— Мама умерла!—продолжала Шура.—Слышишь Умерла! Тебѣ не надо къ ней ѣхать сегодня. Ты не хотѣлъ. Теперь не надо, не надо! Она больше не отниметъ у тебя времени на сентиментальности. Слышишь? слышишь?

Горничная поставила свѣчу на столъ и ушла.

Шура сидѣла на кровати, хваталась за грудь и за горло и кричала всѣ жестокия и несправедливыя слова, которыя приходили ей на умъ, а Сергѣй Ивановичъ молча, поспѣшно одѣвался.

Потомъ онъ вышелъ и вернулся съ рюмкой воды, въ которую онъ подлилъ какихъ-то капель.

— Выпей!—ласково просилъ онъ жену.

Она сопротивлялась и отталкивала и мужа, и рюмку.

— Дорогая моя!— просилъ онъ,—родная, хорошая... Выпей!

Она выпила, но продолжала говорить.

— Ты не хотѣлъ... И не надо теперь. Не надо больше любви и родственныхъ нѣжностей. О, ты ее не баловалъ! Нѣтъ! Ты не беспокоился изъ за нея! Развѣ тебѣ есть дѣло до другихъ? Ты только утомленъ... Всегда утомленъ. Развѣ ты когонибудь любишь? Это сентиментальность! Ты любишь себя и свою карьеру. Какъ она тебя ждала, какъ она вѣрила, что ты къ ней придешь! Куда тамъ! Тебѣ было некогда. Отчего ты не сердиться, что изъ за нея, мертвой, тебя разбудили, потревожили твой покой? Господи, Господи! А она, все таки, вѣрила въ тебя; никогда, ни однимъ словомъ не пожаловалась, не осудила. И все понимала, даже то, почему ей, старенькой, больной, надо жить одинокой... Да, да... Она молчала, а я тебѣ скажу: грубый ты, безсердечный, нервный эгоистъ!..

Она говорила, выкрикивала, билась въ его рукахъ, а онъ заботливо и нѣжно сдерживалъ ее, собиралъ ея разбросанное платье.

— Ну, довольно, довольно,— молилъ онъ.—Ну, Шура... Шурочка! Давай, я обую твои ножки. Надо это пережить, моя дорогая. Ну говори, что хочешь. Если тебѣ отъ этого легче... Ну, какъ хочешь!

Она все говорила...

Вдругъ она взглянула на него, взглянула случайно, съ враждой и ненавистью, и увидѣла, что по его склоненному къ ней лицу быстро, одна за другой, скатываются слезы. Онъ помогать ей одѣваться и плакать.

Въ первый разъ видѣла она, какъ онъ плакалъ.

Она сразу смолкла, схватила его за плечи и, точно не вѣря своимъ глазамъ, притянула его къ себѣ.

— Ты... ты... плачешь? ты?

— Шура!—попросилъ онъ тихимъ, робкимъ голосомъ.— Повѣрь мнѣ въ одномъ... повѣрь: я «хотѣлъ» къ ней сегодня ѣхать. Я рѣшилъ это вчера. Мнѣ это было очень неудобно и

я сердился. Но я рѣшилъ, я хотѣлъ. Мнѣ всегда было некогда, Шура. Но она была права: я ее... любилъ. Нѣтъ, ты не повѣришь... Ну, какъ хочешь! Все равно!—онъ освободился изъ ея руки и отвернулся.

Долго никто изъ нихъ не говорилъ ни слова. Александра Дмитриевна послѣшно одѣвалась, Сергѣй Ивановичъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу.

— Я готова!—тихо сказала Шура.—Поѣдемъ.

— Да, да... конечно, поѣдемъ,—сейчасъ-же отозвался Сергѣй Ивановичъ.

Она вышла изъ комнаты и онъ пошелъ вслѣдъ за ней.

— Ахъ, я забыла платокъ!—вспомнила она и круто повернулась.

— Что ты забыла—переспросилъ онъ, удерживая ее за руку.

— Платокъ...

Но онъ не выпустилъ ея руки.

— Шура!—прошепталъ онъ, — пожалуйста... пожалуйста. Повѣрь, что я хотѣлъ... Для меня это важно. Я никогда ничего не умѣлъ и не успѣвалъ. Но повѣрь... Ты вѣришь?

Ея лицо судорожно передернулось, она слабо взмахнула руками и быстро прошла обратно въ спальную.

И всю дорогу, до квартиры умершей, они молчали.

Онъ хмурился и сердито дергалъ плечомъ. Она слегка дрожала и, не глядя на мужа, но чувствуя его близость, старалась отвѣтить самой себѣ на его вопросъ:

— Ты вѣришь?

Л. Авилова.

„Навсегда“.

Изъ страданій и слезъ ты мнѣ цѣпи сковаль—
Не могу я уйти никогда...
И, прощаясь со мной, ты не даромъ сказалъ:
„Навсегда ты моя—навсегда...“

* * *

Семь таинственныхъ звѣздъ въ голубой вышинѣ
Намъ съ тобою свѣтили тогда...
И теперь, безъ тебя, улыбаяся мнѣ,
Повторяютъ онѣ: „Навсегда“.

* * *

Пусть мелькнетъ въ волосахъ серебро сѣдинъ—
Надъ душою не властны года...
Семь таинственныхъ звѣздъ голубой вышины
Повторяютъ со мной: „Навсегда!..“

Г. Галина.

УРОКИ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ ГЮСТАВА ЖЮФРУА.

(Продолженіе)

II.

Мать.

Бодрая женщина напрягла всѣ свои силы. Она вспомнила свой разговоръ съ Жаномъ и поняла, что ей остается рассчитывать только на самое себя.

На мужа ея, повидимому, сильно повліялъ годъ войны, тяжелые мѣсяцы осады, въ которые онъ потерялъ привычку къ труду, и потеря обоихъ сыновей, на которыхъ онъ наивно и увѣренно возлагалъ всѣ свои надежды на будущее. Это былъ теперь уже старикъ, истощенный монотоннымъ трудомъ.

Подобно тысячамъ и тысячамъ людей своей среды, онъ началъ трудиться уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Трудомъ своимъ онъ создалъ себѣ семью, женился, вырастилъ дѣтей, кормилъ, одѣвалъ, содержалъ и воспиталъ, какъ могъ, всю эту ораву. Это былъ слабый характеромъ, податливый, легкомысленный человекъ, который не сумѣлъ себѣ выработать никакого взгляда на жизнь, ни о чемъ никогда серьезно не задумывался. Но и не имѣя никакого опредѣленнаго взгляда на жизнь, кромѣ того, котораго придерживались всѣ окружающіе, онъ все же жилъ. Онъ былъ простымъ солдатомъ громадной движущейся арміи людей и прошелъ поле жизни скромно, въ неизвестности, безъ видимой славы. Онъ выполнилъ даже больше, чѣмъ свою повседневную задачу. Когда въ страну проникли идеи свободы, онъ уловилъ ихъ полетъ, пронесившійся надъ людскою массою. Въ 1848 году, когда онъ былъ еще юношей, сердце его трепетало, и вмѣстѣ съ другими онъ говорилъ великія слова и пѣлъ гимны надежды. Побѣдитель въ февраль-

10*

скіе дни и побѣжденный въ іюньскіе, — таковъ былъ его послужной списокъ темнаго пролетарія. Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, а онъ хранилъ свою юношескую вѣру, передалъ ее своимъ сыновьямъ, и въ дни осады и коммуны онъ ринулся еще въ битву, онъ, уже старикъ, рядомъ съ обоими юношами. Теперь наступалъ конецъ. Это видно было по его заросшему бородой и похудѣвшему лицу, на которомъ тихо свѣтились его наивные и дѣтскіе голубые глаза; это слышалось и въ его рѣчи, часто неувѣренной, угрюмой и дѣтской.

Что могъ онъ ждать еще отъ жизни? Онъ не ставилъ себѣ этого вопроса. Долго строилъ онъ планы на будущее. Какъ всѣ парижане, которые приходятъ въ его возрастъ и начинаютъ чувствовать приближеніе старости, онъ мечталъ о томъ, чтобы когда-нибудь перебраться въ окрестности города, поселиться въ хижинѣ, которую бы онъ построилъ вмѣстѣ съ сыновьями, и дожить тамъ послѣдніе дни, среди куръ и кроликовъ. Эта мечта разсѣялась, и истомленный рабочій не зналъ, за что теперь зацѣпиться. Правда, у него были дочери, но это было уже не то. Онъ съ радостью баловалъ ихъ, водилъ на прогулки, возился съ ними, то пичкая ихъ сладостями, то засыпая ихъ упреками.

— Замолчи ужъ ты, ворчунъ! — кричала ему жена, теряя терпѣніе слушать его.

Онъ огрызался, но, въ концѣ концовъ, умолкалъ. Теперь, когда Жюстена не стало, жена была авторитетомъ, которому онъ подчинялся. Она заставила его снова приняться за малярное ремесло, и онъ разыскалъ своихъ старыхъ хозяевъ, которые сохранили о немъ добрую память и тронуты были постыжными его бѣдствіями.

Онъ былъ раньше, да и теперь остался, хорошимъ рабочимъ. Въ длинной бѣлой блузѣ и круглой бѣлой съ синими полосками шапкѣ на головѣ, съ кистью въ рукахъ, онъ лучше любого маляра умѣлъ разводить краски въ своемъ ведрѣ изъ подъ клейстера и разрисовывать причудливыя вывѣски. Онъ любилъ свое ремесло, и когда онъ становился на колѣни, чтобы обвести каймою вижнюю часть стѣны, или взбирался на лѣстницу, онъ не могъ удерживаться, несмотря на снѣдавшее его горе, и пѣлъ во весь голосъ республиканскія пѣсни, которыя онъ сохранилъ въ памяти еще съ 1848 года, куплеты Пьера Дюпона и Беранже. Товарищи отвѣчали ему новыми пѣсенками, заученными въ кафе шантанахъ и на улицахъ. Къ несчастью, пѣніе и рисованіе вызываютъ жажду, и старикъ Помье частенько покидалъ работу, чтобы выпить въ кабакѣ ста-

кань вина, покуривая трубку. «Ремесло наше этого требует», — оправдывался онъ всегда.

И все же это было хорошее время, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько оно могло быть хорошимъ и для него, и для всей семьи. Онъ приносилъ свой заработокъ и старался быть бодрымъ и веселымъ, чтобы развеселить своихъ. Онъ и раньше любилъ весело шутить, но теперь его шутки превращались иногда въ простое пустословіе, лишённое всякаго смысла. Но все-же онъ былъ добрый и славный человекъ, въ полномъ смыслѣ слова старое дитя, и жена именно такъ обращалась съ нимъ, стараясь, чтобы онъ чувствовалъ себя уютно въ чистой квартирѣ, чтобы столъ былъ хорошо сервированъ, чтобы жаркое было по его вкусу, рубаха хорошо выглажена къ воскресенью, чтобы чулки, галстухъ и носовой платокъ были всегда чѣлы и ботинки хорошо вычищены. Словомъ, все было, какъ слѣдуетъ. Правда, денегъ стало меньше въ домѣ, но скоро и Сесиль за работу станетъ, да и мать, если понадобится, не будетъ сложа руки сидѣть. Можно будетъ и квартиру подыскать подешевле. Словомъ, надо будетъ устроиться по средствамъ...

Вотъ Селина только беспокоила мать. Не то, чтобы въ ней что-нибудь худое замѣчалось. Но она была какъ бы въ отсутствіи, постоянно разсѣянная, занятая самой собой или пустяками—пролетающей мухой, лентой для прически или для пояса. Кокетство пробудилось въ этой дѣвчкѣ, какъ только она въ первый разъ увидѣла себя въ зеркалѣ, какъ только ручками начала хватать окружающія вещи. Она была такъ-же легкомысленна, какъ отецъ, и постоянно готова была гулять, бѣгать, прыгать, танцовать и ворковать, или же чѣлыми часами дулась послѣ малѣйшаго замѣчанія матери, и въ это время лобъ ея перерѣзывался линіей упорства, она шевелила губами, точно разговаривая съ самой собою, пожимала плечами и дѣлала всякіе другіе жесты. Она имѣла тогда такой видъ, точно бы думала: «А я все-таки сдѣлаю, что захочу... Да просто потому, что мнѣ такъ хочется... А если ко мнѣ будутъ приставать—тогда посмотримъ...»

— Что ты говоришь, Селина?

— Я, мама, ничего не говорю.

И она, быть можетъ, дѣйствительно ничего не говорила, да и не думала она, вѣроятно, ни о чемъ интересномъ.

За Сесиль, какъ мала она ни была, мать была болѣе спокойна. Въ ней она узнавала свое собственное отношеніе къ жизни, какъ бы свою собственную копію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она замѣчала въ ней что-то въ родѣ способности къ борьбѣ

и спокойной серьезности, которая отличали Жюстена и даже Жана до его безумного увлечения. Бѣдные сыновья были унесены судьбой, чѣмъ-то, что было сильнѣе ихъ и что походило на бурю, опрокидывающую баржу. Не ихъ вина была въ этомъ. Не будь этой прусской осады и коммуны, они бы честно и достойно боролись за существованіе. Вотъ и Сесиль, по видимому, будетъ такою же, если судить по ея умному лбу, вдумчивымъ глазамъ, ея обычному спокойствію, что не мѣшало поразительной живости ея ума, легкости пониманія и за поминанія. Но какъ неопредѣленны были еще всѣ эти надежды и ожиданія! Какое это было пока хрупкое созданище! Мать ужасалась, глядя на это маленькое, тоненькое, нѣжное, какъ пташечка въ гнѣздѣ, существо... «Успѣть бы, по крайней мѣрѣ, воспитать ее и на ноги поставить!» — думала она. — «Если бы старшая могла мнѣ въ помощь бытъ!»

И въ самой затруدنительности положенія черпала она силу и бодрость. Съ самой зари она была уже на ногахъ, давала завтракать мужу, выпроваживала его на работу, потомъ провожала Селину въ школу, приучала Сесиль къ уборкѣ дома, конечно не заставляя ее еще работать, — дѣвочка была еще слишкомъ мала для этого, — но давая ей иллюзію работы, заставляя ее воображать, что она помогаетъ «мамочкѣ», и, между дѣломъ, обучала ее строчить, вязать, а потомъ постепенно и читать. Все остальное время уходило у матери на хозяйство и шитье, на починку и шитье платья и бѣлья, на вязанье чулокъ и карнетокъ, на покупки въ лавчонкахъ и на базарѣ, на ожиданіе Селины у дверей школы, — потому что дѣвочка запаздывала, шатаясь по улицамъ, — иногда на небольшія прогулки съ Селиной или съ обѣими дочерьми, по четвергамъ, чтобы онѣ подышали свѣжимъ воздухомъ.

Мать управляла, такимъ образомъ, домою и семьей, заботясь обо всемъ. Этотъ типъ женщинъ можно не рѣдко наблюдать. Въ предмѣстьяхъ, въ будни встрѣчаются, главнымъ образомъ, женщины. Есть не мало торговцевъ за прилавками, рабочихъ, прикрѣпленныхъ сидачимъ ремесломъ. Но каждый день, съ самаго ранняго утра, происходитъ огромный исходъ населенія, уносящій мужчинъ, женщинъ, дѣтей, и то-и-дѣло встрѣчаются длинные отряды вытянувшихся въ линію мужчинъ, идущихъ, точно полки солдатъ, размѣреннымъ шагомъ, — рабочихъ, приказчиковъ, разнаго люда, отправляющихся на многочисленныя ремесла и необходимые промыслы, къ которымъ большіе города стягиваютъ усилія трудолюбивыхъ и трудъ несчастныхъ.

Улицы и дома осядутся, такимъ образомъ, въ распоряженіи женщинъ. И въ утренніе и послѣобѣденные часы можно

ихъ видѣть идущими туда и назадъ вдоль лавокъ, поджидающими у дверей дѣтскихъ школъ, прогуливающими ребятъ.

Тѣ, что остаются, такимъ образомъ, въ предмѣстьи, прошли уже тотъ опасный поворотъ въ жизни, гдѣ нищета подкарауливала ихъ молодость, неопытность, злобу, зависть—всѣ страстные чувства, которыя могутъ зарождаться въ молодыхъ дѣвичьихъ сердцахъ, бьющихся жизнью и жаждой счастья.

Многія изъ нихъ покинули предмѣстье, чтобы больше не возвращаться. Онѣ ушли въ другіе кварталы города и стали рабынями удовольствія. Онѣ повѣрили словамъ, жадно набросились на платья и драгоценности. Онѣ не успѣли или не могли покориться судьбѣ, долго ждать неувѣреннаго счастья, довольствоваться единственной радостью внутреннего удовлетворенія.

Но тѣ, что остались и услышали предостерегающій голосъ, удержавшій ихъ отъ жизни приключеній, отъ суетной внѣшности и иллюзорнаго господства,—тѣ дѣйствительно удивительныя созданія, поразительные образцы преданности и самопожертвованія. Тѣ — героини, которыя сами не сознаютъ этого, никогда этого сознавать не будутъ — и проживуть свою жизнь, не зная себѣ настоящей цѣны.

Какъ и другія, онѣ были въ шестнадцать лѣтъ милыми дѣвочками и тоже были кокетливы и увлекались нарядами. Онѣ тоже выше поднимали головы, когда влетали въ волосы красную или голубую ленту, съ довольствомъ поглядывали на свои пальцы, на которыхъ блестяло серебряное колечко или драгоценный камень, въ четыре су, съ внутренней дрожью слушали романсы или музыку въ праздничные вечера. И вдругъ, эти дѣвушки, столь похожія на другихъ, перестаютъ походить на нихъ. Конецъ праздникамъ, конецъ романсамъ. Нѣтъ уже заботы о туалетѣ, нѣтъ ухода за нарядами,—всегда одинъ и тотъ же костюмъ. Непреклонная строгость поведенія, постоянное твердое желаніе ничѣмъ не выдаваться въ толпѣ. Внезапно эти молодыя дѣвушки исчезаютъ въ самой глубинѣ жизни, полной заботъ и повседневнаго труда. Онѣ въ своемъ домѣ, у себя, жены и матери, счастливо ли не счастливо вышедши замужъ, въ хорошемъ или дурномъ сожителствѣ, — и отнынѣ на нихъ лежитъ отвѣтственность, и онѣ эту отвѣтственность принимаютъ. Исчезло всякое стремленіе къ обаянію и побѣдамъ, къ тому, чтобы производить впечатлѣніе и пользоваться радостями, составляющими все содержаніе столькихъ существованій.

Мать Селины и Сесиль, повидимому, отказывается, такимъ образомъ, отъ всякой личной жизни, и на самомъ дѣлѣ она скорѣе переживаетъ себя въ другихъ, чѣмъ живетъ сама по

себѣ. Она хотѣла и хочетъ, чтобъ мужъ ея чувствовалъ себя довольнымъ, а чего не желаетъ она для своихъ дочекъ! Чего не желала для своихъ сыновей! А сыновья!.. По крайней мѣрѣ, знали они, догадывались они, чѣмъ она была для нихъ, съ какимъ героизмомъ каждой минуты, съ какимъ отреченіемъ отъ своей доли счастья, какими проявленіями несокрушимой преданности, какими сверхчеловѣческими усиліями воли пыталась она обезпечить ихъ первые шаги на жизненномъ пути?..

Такия скрытыя существованія увѣковѣчиваютъ доброту и силу народа, обезпечиваютъ ростъ энергіи и мысли будущаго. Какая безграничная красота, сколько скрытой поэзіи въ жизни, прожитой этой несчастной, забывающей самое себя женщиной.

Въ ея квартиркѣ каждый предметъ повѣствуетъ о длинномъ рядѣ дней борьбы, поражений и побѣдъ. Когда она, словно тѣнь, проходитъ въ уличной суматохѣ, эта женщина неопредѣленнаго возраста, состарившаяся раньше времени, поражаетъ необыкновеннымъ богатствомъ внутренней жизни, скрывающейся въ выразительныхъ чертахъ лица, сваянныхъ годами, въ блескѣ, искращемся въ глубинѣ ея ясныхъ глазъ. Какъ бы печальна, какъ бы утомлена она ни была, она безсознательно несетъ въ себѣ увѣренность, — она исполнила свою задачу, живя для другихъ, проявляя непобѣдимую силу души. Энергія и красота ея внутренней жизни дѣлаютъ изъ этой женщины, слѣдующей однимъ только инстинктамъ своимъ, высшій типъ челоуѣка.

Каждый изъ ея столь простыхъ актовъ становится важнымъ, получаетъ нѣжное, высокое значеніе, словно бы эта простая женщина совершала какой-то обрядъ, поклонялась тайно культу жизни. Каждое утро, раньше, чѣмъ кто-нибудь поднялся въ домѣ, она отправляется къ булочнику. Лавка булочника—это наиболѣе важная лавка въ улицѣ,—она представляетъ собою жизнь всѣхъ жителей улицы, въ гораздо большей степени, чѣмъ лавка колониальныхъ товаровъ или мясная. Одинъ лишь кабакъ можетъ съ нею побѣдоносно конкурировать въ извѣстные дни; но если мужъ, истощенный изнурительнымъ трудомъ, можетъ за болтовней задерживаться дольше, чѣмъ бы слѣдовало, за цинковымъ прилавкомъ, — жена никогда не забываетъ необходимаго булочника. Онъ составляетъ предметъ ея постоянныхъ заботъ—этотъ хлѣбъ въ четыре фунта, посыпанный мукой, позолоченный огнемъ, мягкій, хрустящій подъ зубами, благоухающій, лучше всякаго пирожнаго, такой красивый, когда она его держитъ въ рукахъ, возвращаясь домой, когда она кладетъ его на столъ,—такой красивый, что такъ и хочется воткнуть розу въ самую середину!

Иногда она вспоминала то время, когда Жюстенъ и Жанъ сопровождали ее въ булочную, держась ручонками за ея юбку и уплетая кусокъ, приложенный для вѣса, вкусный, какъ бриошь, — она чувствовала необходимость и поэзію хлѣба. Выросшая въ деревнѣ, она припоминала засѣянные поля, жатву, молотьбу, вспоминала, какъ посылали хлѣбъ на мельницу, какъ его привозили обратно въ видѣ муки, какъ потомъ квасили и мѣсили тѣсто, пекли хлѣбы, и всеобщую суматоху, которая при этомъ происходила въ домѣ, и вкусный запахъ, который поднимался и спускался по лѣстницѣ и по всему дому, проникалъ въ отдѣльныя комнаты и ударялся цѣлой волной въ лицо сквозь внезапно открытыя двери и окна.

Печальная жизнь тянется изо дня въ день, но нужно думать и о дѣвочкахъ. Да и у стариковъ должны же быть не только горе и тяжелыя думы. Нужны перерывы въ усталости, нужны оазисы спокойнаго отдыха. Нужно дѣлать все возможное, чтобы развлекать дѣтей; нельзя и ихъ уже нагружать обузой заботъ, — будетъ у нихъ время и горе узнать и страдать!

Праздновали, поэтому, и дни ихъ рожденія, и другіе праздники, сочельникъ, новый годъ, и дарили имъ конфеты и простенькіе наряды въ соотвѣтствіи съ ихъ пробуждавшимся кокетствомъ. Въ декабрьскіе и январьскіе вечера, когда даже на самыхъ бѣдныхъ улицахъ выставляютъ образцы праздничныхъ подарковъ, ихъ водали мимо освѣщенныхъ витринъ, въ которыхъ красовались елки съ маленькими свѣчками, животныя, птицы и куклы.

Отецъ съ матерью стараются обрадовать ихъ подарками, вызвать въ нихъ веселье и счастье, какъ раньше такъ хорошо умѣли это дѣлать Жюстенъ съ Жаномъ. Старикъ Помье ходитъ въ эти дни по улицѣ, улыбаясь своимъ думамъ, хотя въ карманѣ и дома очень мало денегъ, чтобы раскошелиться на подарки. Подобно многимъ другимъ отцамъ, онъ старательно подыскиваетъ дешевенькія вещицы въ тринадцать су. Подобно другимъ, онъ имѣлъ въ себѣ достаточный запасъ бодрости, и чтобы убѣдиться въ его энергіи, достаточно посмотрѣть, какъ онъ изо всѣхъ силъ старается дать своей семьѣ въ эти дни праздника иллюзію счастья. Хотя вчерашнее горе еще такъ живо, а беспокойство за завтрашній день прорѣзываетъ ему лобъ такой глубокой бороздой, — онъ умѣетъ принять почти дѣтскій видъ и слѣлать свои глаза веселыми и смѣющимися, умѣетъ быть непринужденнымъ и радостнымъ, какъ подобаетъ главѣ семьи, приносящему праздничные подарки женѣ и дѣтямъ. Онъ открываетъ двери и весело смѣется; нагруженный

жалкими пакетами, онъ сіяетъ въ темной комнатѣ, точно волшебникъ, изобрѣтающій увеселенія и распредѣляющій сласти.

Всѣ хлопоты и заботы—на завтра. Но есть первое января, есть и восьмое, день триместра, когда нужно платить за квартиру. Домовладѣлецъ, вслѣдъ за дворникомъ, требуетъ праздничнаго подарка—и большого. Ну, и пусть его! Сегодня старикъ Помѣе хочетъ все забыть и старается, чтобы всѣ въ домѣ забыли. Традиціонный обычай требуетъ, чтобы ужинъ былъ лучше обыкновеннаго, чтобы говорящія куклы, сласти и механическія игрушки были принесены дѣвочкамъ, настаивающимъ, чтобы обычай былъ исполненъ. И отецъ, утомленный, изнуренный, лицемѣритъ и показываетъ, что онъ вѣрный поклонникъ празднованія Новаго Года. Жена благодаритъ его, улыбаясь ему поверхъ нагнувшихся дѣтскихъ головокъ. А можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ вѣритъ, что это праздникъ, и вмѣстѣ съ бьопими въ ладоши отъ восторга дѣтими восторгается этимъ кускомъ дерева на рессорахъ, этой набитой ватой фарфоровою куклой, этой замысловатой игрушкой, этой коробкой конфетъ, этимъ шелковымъ галстукомъ или другой блестящей и раскрашенной вещицей, которую онъ только что купилъ въ лавкѣ. Отецъ забавляется вмѣстѣ съ дѣвочками и заводитъ пружины въ механическихъ игрушкахъ; онъ такъ-же радуется, какъ и онѣ, и такъ же восторгается куклами, внезапно выскакивающими изъ коробки съ сюрпризами.

Онъ умѣетъ также брать съ собою обѣихъ дѣвочекъ, держа каждую за ручку, и водить ихъ полюбоваться красивыми выставками въ богатыхъ магазинахъ. Въ великолѣпной обстановкѣ богатыхъ маріонетокъ, куклы, для которыхъ шьютъ настоящія портнихи, одѣты въ шелковыя платья, бархатныя накидки, мѣха, кружева, драгоценныя вещи, дорогіе камни. Онѣ дѣлаютъ другъ другу визиты, бьютъ руками по клавишамъ піанино, пьютъ чай, читаютъ новыя романы. Онѣ составляютъ, въ обитыхъ плюшемъ миниатюрныхъ апартаментныхъ, благоухающую и элегантную дѣтскую аристократію, и кажется, что онѣ глядятъ на стоящихъ у витринъ бѣдныхъ дѣтишекъ, какъ хорошо одѣтыя дѣвочки смотрятъ въ скверахъ на оборванныхъ ребятъ, подошедшихъ полюбоваться на ихъ изящные костюмы и красивые игры.

Но дѣти, которыя не получаютъ этихъ чудесъ кукольнаго производства, не меньше восторгаются при видѣ болѣ скромныхъ игрушекъ и болѣ жалкихъ вещицъ. Чтобы заинтересовать дѣтей какой угодно общественной категоріи, механизмъ игрушки вовсе не долженъ быть крайне сложнымъ, и матеріалъ, изъ котораго она сдѣлана—очень дорогимъ. Какой-ни-

будь раскрашенный кусокъ дерева или картона, барское одѣяніе изъ дешевой разноцвѣтной матеріи, обворожительная сборка изъ золоченой бумаги,—этого вполне достаточно, чтобы усладить взоръ, жадно ищущій внѣшняго блеска, чтобы наполнить радостью молодую душу, опьяняющуюся иллюзіями. И не менѣе густыя толпы собираются у расположенныхъ подъ открытымъ небомъ базаровъ, у лотковъ, ютящихся подъ воротами, и вещицы въ одно су, сверкающія точно золото, и брилліанты вызываютъ всеобщій восторгъ.

Подобныя толпы стояли въ послѣдній день декабря 1871 г. на *Chaussée de Ménilmontant*. Были зимнія сумерки. Дѣти, выходя изъ школъ въ лихорадочномъ возбужденіи кануна праздниковъ, останавливались на каждомъ шагу людной и шумной улицы. Они стояли въ молчаливомъ экстазѣ, потому долго дѣлились своимъ восторгомъ при видѣ пылающихъ свѣчекъ, синихъ и красныхъ оловянныхъ солдатиковъ, цѣлыхъ стадъ животныхъ, грубо вырѣзанныхъ изъ дерева, бѣлыхъ деревянныхъ домиковъ—этихъ идеальныхъ изображеній воздушныхъ замковъ, зеленыхъ лѣсовъ, покрытыхъ выщелою зеленью, куколъ съ голубыми, небснаго цвѣта глазами, фигуръ для кукольныхъ театровъ,—цѣлаго міра мечты и фантазіи, символизирующаго природу, славу, красоту и счастье.

Но если на лицахъ дѣтей искрится счастье, то его совсѣмъ не видно на лицахъ уличныхъ торговцевъ. Вотъ мужъ и жена стоятъ рядомъ на краю тротуара, имѣя передъ собою корзину, наполненную деревянными и картонными игрушками. Всѣ надежды цѣлыхъ недѣль труда и безсонныхъ ночей выставлены на этомъ тротуарѣ на приманку людямъ, не болѣе богатымъ, чѣмъ они сами, такъ же, какъ они, не увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ; они крѣпко держатъ въ рукахъ сейчасъ полученную заработную плату и долго колеблются, уходя, потому снова возвращаясь, прежде чѣмъ купить какую-нибудь игрушку дѣтямъ, такъ страстно ждущимъ ея. Бѣдные продавцы дѣтскаго счастья! Съ мрачными лицами и насупившимися бровями заводятъ они пружины своихъ вещицъ въ два су, которыя они съ такимъ трудомъ всей семьей изготовили въ своихъ жалкихъ конурахъ, и подсчитываютъ свою будущую ничтожную выручку. Они такъ-же мрачны, такъ-же покрыты пылью и плѣсенью, какъ и торговки тонкими, какъ кружева, пирожными, и торговки «удовольствіемъ», выкрикивающія свой товаръ на улицахъ, столь же старыя, какъ само время, столь же изрѣзанныя морщинами и бороздами, какъ старушки въ сказкахъ. И дѣти, которыя не умѣютъ отличать ни дѣйствительной формы, ни дѣйствительнаго матеріала игрушекъ, еще меньше замѣчаютъ

внимательныя и безпокойныя лица тѣхъ, что владѣютъ этими богатствами.

Это миниатюрное царство куколъ, солдатиковъ, крестьянъ, полишинелей, клоуновъ, дикихъ звѣрей и домашнихъ животныхъ, этотъ мѣръ изъ картона и дерева, эти парки, образцовыя стойла для коровъ, эти высокіе корабли съ парусами или паровыми машинами, эти театры, локомотивы, комфортабельные салоны, блестящія кухни, эти прекрасныя дамы, угощающія своихъ гостей чаемъ и пирожными — все это Сесиль любила. Закутанная въ шали, съ калошами на ногахъ, она стояла въ снѣгу, держась за руку Селины, отца или матери и не уставала смотрѣть на это зрѣлище съ разинутымъ отъ восторга ртомъ, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ, показывая своимъ покраснѣвшимъ отъ холода пальчикомъ вещи и называя ихъ своимъ щебечущимъ голоскомъ. Мать не умѣла ей отказывать, и онѣ изъ лавки всегда уходили съ какой-нибудь дешевенькой игрушкой, грубо вырѣзанной ножомъ и раскрашенной, какъ эпинальскія картинки, грубою краской, пачкающей пальцы и губы. Она получила, такимъ образомъ, много куколъ — цѣлую семью, и каждая изъ нихъ имѣла свое имя и свое назначеніе. Она постепенно получила, точно бы она съ большимъ трудомъ составляла себѣ хозяйство, мебель для своихъ милыхъ дѣтокъ, для ребятишекъ, которые постепенно являлись на свѣтъ, и для большихъ барышень, уже невѣсть, для которыхъ ищутъ мужей. Она раньше приобрѣла оловянный и фаянсовый сервизъ для игры «въ обѣдъ», а потомъ уже только могла обзавестись печкой для кухни. Посреди этой обстановки стояла ужасная, цвѣта жидкаго вина, лошадка съ дикимъ видомъ, растопыренными ноздрями и торчавшей вверхъ гривой. Это маленькое чудовище она такъ-же любила, какъ и свои куклы Лили и Лолоть, какъ Полишинеля и Гиньоль. Лошадка называлась Бишонъ. И когда Сесиль обнимала ее своими ручонками, это на ея языкѣ называлось почему-то «вздить на омнибусѣ».

Такъ она начинала дѣлать свои первые шаги въ жизни. Сильныя волненія доставляли ей болѣзнь ея куколъ. Она вздыхала отъ хлопотъ и семейныхъ обязанностей, тутъ же переходя къ играмъ и беззаботному дѣтскому веселью.

Она узнала постепенно и шумъ, и движеніе народныхъ увеселеній. Разгромленный кварталъ мало-по-малу сталъ возрождаться: надо-же забывать прошлое и залѣчивать раны траура. Отецъ съ матерью невольно радовались, глядя на дѣтское веселье дочерей, расцвѣтавшихъ отъ народныхъ представленій уличныхъ гимнастовъ и качелей съ деревянными лошадками.

Именно деревянные лошадки доставляли особенное удоволь-

ствіе Селинѣ и Сесиль. Это такъ хорошо и такъ хочется кататься на нихъ. Музыка наигрываетъ какой-нибудь веселый танецъ, а онѣ вертятся такъ быстро, что духъ захватываетъ... О, это были совсѣмъ заправскія деревянные лошади, ловко вырѣзанныя, дикаго краснаго цвѣта, съ короткими гривами, крѣпкими шеями и крупами, какъ на Паренонской процессіи. Напрасно стали замѣнять этихъ примитивныхъ животныхъ цѣлыми смѣшными звѣрицами, которые куда хуже прежнихъ простыхъ скакуновъ: львами, напоминающими скорѣе желтыхъ собакъ, верблюдами, слонами, страусами, казуарами, къ которымъ прилажены сѣдла и стремена, драконами, гидрами и звѣрами изъ Апокалипсиса, такими же страшными, какъ какая-нибудь улитка. Между этими животными помѣщаются кресла и гондолы, коляски и парусныя лодки, ридо съ золотыми кистями и занавѣси съ серебряными нитями. Посрединѣ ставятъ механическій оркестръ, рядомъ съ бѣлой лошады съ завязанными глазами, которая приводитъ въ движеніе весь механизмъ. Ужъ лучше прежнія деревянные лошадки и шумный и грустный напѣвъ шарманки. Какъ пріятно бывало смотрѣть на дѣвочекъ, когда онѣ, подъ звуки грубой и грустной музыки, усаживались амазонками на классическихъ лошадакъ, спустивъ свои взвизывающіяся отъ движенія платья, и кружились съ разными гримасами и мечтательными глазками, уносясь въ мечтанія и какъ бы преслѣдуя что-то невидимое. Эта бѣшеная скачка все по одному и тому же пути, не ведущему ни къ какой цѣли — смѣлый и вѣрный символъ. Бѣшенный вихрь начала, повѣствующій о порывахъ и надеждахъ молодости, исчерпываетъ самого себя и потомъ, ослабѣвая, говоритъ уже о разбитыхъ иллюзіяхъ и непоправимыхъ ошибкахъ...

Дѣти, голопирующія на деревянныхъ лошадакъ, къ счастью, не знаютъ этого. Селина какъ бы опынена быстрымъ движеніемъ. Сесиль закрываетъ глазки, крѣпко держась за шею подъ бдительнымъ надзоромъ матери и отца. И обѣ, довольныя проведеннымъ на праздникѣ вечеромъ, возвращаются домой, болтая о видѣнномъ, и сейчасъ же засыпаютъ, утомленные и счастливыя.

Затѣмъ наступила весна, пасха, освѣщенная золотыми лучами солнца, украшенная ростками свѣжей зелени, пасха — синонимъ радости, веселаго перезвона, возрожденія свѣта. Послѣ мрака святой недѣли, выставленія гробницы въ обитыхъ траурной матеріей церквахъ, гдѣ глубокій мракъ едва прорѣзывается слабымъ пламенемъ восковыхъ свѣчей, наступаетъ свѣтлое воскресенье, которое кажется больше воскресеньемъ, чѣмъ всѣ другія воскресенья, и когда раскрываются всѣ двери и окна,

и въ нихъ врывается яркій свѣтъ, загорающійся на всѣхъ разноцвѣтныхъ стеклахъ, а органы торжественно и радостно славятъ Христа, который отодвигаетъ надгробный камень и ослѣпляетъ своихъ сонливыхъ стражниковъ сіяніемъ вновь вернувшагося къ жизни существа. Это праздникъ жизни; это обновленныя надежды. Вѣрующіе направляются въ церковь въ новыхъ одеждахъ, женщины надѣваютъ весеннія платья, убираютъ цвѣтами свои шляпы. И послѣ долгаго господства постной рыбы, почетное мѣсто снова возвращается вкусно за-жаренному мясу, дымящемуся въ кровяномъ соусѣ. Всѣ отдаются чувству обновленія, снова проникаются радостью жизни, — конецъ посту, исповѣдямъ, молчанію, похоронной музыкѣ.

Пасха освобождаетъ и отъ оковъ города. Начинаются прогулки въ ближайшія деревни. Снова, какъ и каждый годъ, начинаютъ узнавать расписаніе дачныхъ поѣздовъ, говорить о завтракахъ за городомъ, яичницахъ, жареныхъ кроликахъ, разныхъ мѣстныхъ винахъ. Старыя воспоминанія о загородныхъ прогулкахъ начинаютъ оживать въ головахъ тысячи людей, сыновей приказчиковъ, лавочниковъ, рабочихъ, которые нѣкогда тоже отпраплялись въ разныя мѣста вокругъ города, чтобы побольше видѣть зелени, простора и неба. Веселый нравъ предковъ оживаетъ въ парижанинѣ, какъ только появляется клубника въ лѣсахъ и бѣлые колокольчики ландышей, когда расцвѣтаетъ апрѣльская сирень, небо окрашивается въ легкій синеватый цвѣтъ, а солнце мягко свѣтитъ. И послѣ зимнихъ дней сердце снова начинаетъ биться надеждой. Всюду чувствуется усталость отъ продолжительнаго труда безъ отдыха, потребность отдохнуть и пошлаться безъ дѣла, желаніе отпраздновать возвращеніе теплоты. Женщины мечтаютъ о любви, танцахъ и прогулкахъ. Дѣвочки поютъ и танцуютъ, сомкнувшись въ кругъ и держась за руки.

Онѣ поютъ «Дочери-невѣсты»:

У меня столько дочерей-невѣстъ,
 Что онѣ занимаютъ весь амбаръ:
 Увы!—что мнѣ предпринять,
 Чтобы выдать столько замужъ!
 — Дочь, дочь моя, съ тобой, вѣдь, я говорю.
 — Милая мамочка, что вамъ угодно?
 — Говорятъ, что ты любишь настоящей любовью?
 — Милая мамочка, я слѣдую вашему примѣру.
 — Такъ какъ тебѣ хочется любить,
 То прими участіе въ танцѣ.
 Сдѣлай кругъ, сдѣлай два
 И поцѣлуй, кого больше всѣхъ любишь!

На второй день пасхи, въ понедѣльникъ, старикъ Помье

ведеть жену, Селину и Сесиль на отличающуюся всегда большимъ оживленіемъ ярмарку медовыхъ пряниковъ, въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, на площадь Націи, на большую Венсенскую дорогу. Они обѣщались, что вся семья тамъ пообѣдаетъ и останется провести вечеръ на праздникѣ. Селина радостно бьетъ въ ладоши, Сесиль весело смѣется, тоже очень довольная. Мать запираетъ дверь, и всѣ уходятъ.

Еще совсѣмъ свѣтло, когда они приходятъ на ярмарку. Толпа только начинаетъ прибывать. Пока встрѣчаются лишь мѣстные жители, прогуливающаяся публика, рантье, которымъ нечего дѣлать. Всѣ осматриваютъ еще закрытые бараки, наскоро сколоченныя кулисы, театры съ раскрытыми сценами. Семья Помье тоже присматривается, наблюдаетъ героевъ парадныхъ представленій и первоклассныхъ этуалей цирковъ. Огромныя крытыя зеленыя повозки, раздѣленныя на два отдѣленія, гдѣ ярмарочные артисты ѣдятъ и спятъ, рождаются и умираютъ, стоятъ неподвижно за полотняными бараками и деревянными эстрадами. Топція лошади лѣниво лежатъ на голой землѣ. Мужчины прибываютъ декораціи или наскоро сколачиваютъ постройки, съ крикомъ отгоняя прибѣгающихъ дѣтей. Женщины въ короткихъ юбкахъ и яркихъ корсажахъ съ жалкими украшеніями, съ мужскими пальто на плечахъ, готовятъ ужинъ.

Вечеромъ, когда Помье снова выходятъ на площадь, поужинавъ въ небольшомъ дешевомъ ресторанѣ, она уже усѣяна густой толпой, которая движется плотными массами по смежнымъ улицамъ, переполняетъ полотняные бараки, гдѣ показываются различныя зрѣлища, танцуетъ на импровизированныхъ балахъ, толпится вокругъ гадальщицъ, взбирается на деревянныхъ лошадокъ, кружится въ лодкахъ, качается на качеляхъ и поднимается на механическихъ аэростатахъ. Старое предмѣстье ожило подъ веселый шумъ толпы. Воздухъ насыщенъ запахомъ меда и жженнаго сахара отъ множества медовыхъ пряниковъ. Въ импровизированныхъ лавчонкахъ заманчиво лежатъ ряды миндальныхъ пирожныхъ и разноцвѣтныхъ леденцовъ. Блестящіе металлическіе шары, въ которыхъ отражается въ миниатюрѣ оживленная толпа, и обрѣзки красной и золоченой бумаги украшаютъ базарныя выставки варварскимъ блескомъ. Грубыя маріонетки, избивающія другъ друга въ дѣтскихъ кукольныхъ театрахъ, вызываютъ своими костюмами епископовъ, монаховъ, магистратовъ и военныхъ злыя насмѣшки фронтдвѣрующей толпы.

— Живые кролики! — съ восторгомъ кричитъ Селина.

Испуганныя животныя, неподвижно скорчившись на сто-

лахъ, мечтають о тимьянѣ и богородской травѣ, у самаго лотерейнаго круга, на которомъ сейчасъ будетъ разыгрываться ихъ судьба.

Передъ каждымъ бараккомъ гремятъ и гудятъ трубы и барабаны. Дрессированныя собаки и лошадки танцуютъ и скачутъ. Клоуны выкрикивають свои безчисленныя плоскія шутки. Прожекторы внезапно освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ толпу, которая смотритъ, слушаетъ и весело смѣется. И когда клоунъ кончаетъ свое заманчивое описаніе предстоящаго представленія, толпа поднимается по ступенькамъ и набивается въ палатки, раздѣленныя на два отдѣленія: первыя мѣста освѣщаются дешевыми керосиновыми лампами, остальные, позади, теряются въ густомъ мракѣ. Въ сгустившейся толпѣ тамъ и сямъ, среди мрака, выднѣются розовыя и блѣдныя лица, темныя и свѣтлыя волосы, бѣлыя чепцы, сіяніе брошекъ и серегъ. Извнѣ доносится пѣніе куплетовъ, зазывающіе крики, рѣзкіе звуки дешевыхъ флейтъ и трубъ и дробь барабановъ. Драмы, водевили и пѣлыя оперы исполняются въ четверть часа. Публика сама принимаетъ участіе въ игрѣ и вмѣшивается на манеръ античныхъ хоровъ.

Старикъ Помье ведетъ свою семью посмотреть «Женевеву Брабантскую» и «Блоху-воровку». Дѣвочки переживаютъ всѣ ужасы происходящей на сценѣ трагедіи, дрожатъ при появленіи измѣнника Голо и шумно аплодируютъ, когда, въ концѣ концовъ, признается невинность служанки.

Лѣтомъ, по воскресеньямъ, семья Помье отправляется, захвативъ съ собою корзину съ пищей, къ городскимъ укрѣпленіямъ, выходитъ изъ Парижа черезъ ворота Баньолэ или Роменвилля и усаживается на валу, имѣя передъ собой пейзажи пустошей, обнаженныхъ холмовъ, кучи сора и отбросовъ, череповъ устриць и коробокъ отъ сардинокъ. Потомъ они идутъ въ какой-нибудь загородный кіоскъ, гдѣ можно съѣсть кусокъ жареной рыбы или выпить стаканъ простого вина, либо въ какую-нибудь деревенскую хижину съ клѣтками для птицъ и кроликовъ и небольшимъ садикомъ съ блестящимъ металлическимъ шаромъ, въ которомъ отражаются распускающіеся подсолнечники; неподалеку заводская труба не перестаетъ выбрасывать густой черный дымъ и зловонную копоть; то-и-дѣло встрѣчаются шайки негодяевъ, высматривающихъ, гдѣ бы можно было ограбить и убить какую-нибудь старуху.

Однажды старикъ предложилъ сдѣлать большую прогулку. «Мы отправимся въ Венсенскій лѣсъ», — заявилъ онъ. Это было особенно заманчиво, — предстояло провести тамъ весь день, взявъ собою большой запасъ ѣды на завтракъ и на обѣдъ.

Все время съ самаго утра и до вечера они проведутъ въ лѣсу, расположившись на травѣ, гдѣ-нибудь въ тѣни. Днемъ для поѣздки выбрали понедѣльникъ, когда умалыра не было работы: въ воскресенья и понедѣльники Венсенскій лѣсъ съ давнихъ поръ служить наиболѣе любимымъ мѣстомъ отдыха для тѣхъ, кто всю недѣлю работаетъ въ мастерской, въ конторѣ или за прилавкомъ.

Вмѣстѣ со многими другими желѣзнодорожный поѣздъ высаживаетъ семью Помье неподалеку отъ кабаковъ и ресторановъ, расположенныхъ насупротивъ лѣсной башни. И они медленнымъ шагомъ двигаются въ путь; Селина и Сесиль рѣзвятся и хохочутъ, отецъ несетъ корзину, нагруженную провизией. Не стоитъ забираться далеко. Вотъ небольшая полянка, какъ разъ недалеко отъ форта; тамъ немного зелени, нѣсколько саженъ свободной зелени, гдѣ растутъ цвѣтки подъ группой тощихъ деревьевъ, не мало пострадавшихъ отъ того, что на нихъ такъ часто взбираются, обламывая одну вѣтку за другой, — можно прекрасно усѣсться въ кругъ. На полянкѣ сохранились слѣды отъ другого завтрака. Вотъ пустая бутылка отъ вина, а тамъ валяются обгрызанныя кости и замасленная бумага. Тамъ и сямъ сидятъ цѣлыя «общества», влюбленныя пары, семейства, которыя пьютъ вино прямо изъ бутылокъ, бросаютъ другъ въ друга хлѣбными шариками, напѣваютъ романсы. Красныя панталоны, бѣлыя перчатки и перья артиллеристовъ появляются и исчезаютъ за деревьями. Со всѣхъ сторонъ доносится чириканье воробьевъ.

— Селина, вернешься ты, наконецъ?.. Ахъ, ты, негодница, вотъ я поднимусь къ тебѣ!

Селина поетъ, дѣлаетъ видъ, что возвращается, но топчется на мѣстѣ, а потомъ снова удаляется.

— Подожди, притащу я тебя за косы!

— Будь съ нею помягче, — проситъ мать.

— Селина! — ласково зоветъ Сесиль.

Селина идетъ назадъ лишь тогда, когда видитъ, что отецъ вскочилъ, чтобы побѣжать за нею.

Она шла по краямъ дорогъ, возлѣ валовъ, гдѣ собрались странныя и опасныя личности. Тупые и жирные парни съ густо напомаженными волосами играли въ кости на дорогѣ или лежали спинами вверхъ, попыхивая папиросами.

— Эй, дѣвка! — кричитъ одинъ.

— Смазливая ты... Очень ты мнѣ нравишься, — заигрываетъ другой.

— Вотъ красивая дѣвчонка! — восторгается третій.

Селина улыбается, кокетливо потягиваясь, срываетъ на хо-

ду вѣтки съ деревьевъ и кладеть ихъ въ ротъ, въ свой красивый ротъ, какъ бы созданный для поцѣлуевъ, съ сверкающими бѣлизной зубами. Она чувствуетъ, что ею восхищаются, и волнуется, выпрямляется, кокетничая съ рыцарями веселыхъ бульваровъ и городскихъ фортификацій, которые одѣты въ слишкомъ короткіе пиджаки, узкія, плотно охватывающія тѣло, панталоны, цвѣтныя рубахи, съ кольцами на пальцахъ, съ часами и цѣпочкой на жилетѣ, шелковымъ платкомъ на шеѣ и высокимъ картузомъ на головѣ,—какъ бы затѣмъ, чтобы нагло афишировать свои распуство и лѣнь...

Отецъ приводитъ дочь, подталкивая ее подзатыльниками. Позади ихъ слышны циничныя замѣчанія на специальномъ жаргонѣ. Парни любятъ таліей дѣвочки и бросаютъ вслѣдъ отцу взоры ненависти. И пока семейная стычка продолжается и затихаетъ, подъ деревьями обмѣниваются гнусными жестикующими, а потомъ всѣ парни скучиваются вмѣстѣ, повидимому, о чемъ-то совѣщаясь.

— Вотъ видишь,—разсказывалъ отецъ нѣсколько дней спустя,—въ Венсенскомъ лѣсу было совершено звѣрское преступленіе. Четырнадцать негодяевъ въ родѣ тѣхъ, которые приставали къ тебѣ въ воскресеніе, набросились на женщину, торговку овощами, и изнасиловали ее. Потомъ они ей связали руки, разбили ей животь камнями, подожгли ей юбку и рубаху и разбѣжались. Ее отвезли въ Сентъ-Антуанскій госпиталь, гдѣ она умираетъ... Вотъ видишь, Селина... Девять злодѣевъ уже арестованы...

— Больше мы туда не пойдемъ,—сказала мать.

А Селина, недовѣрчиво выслушавъ разсказъ отца, какъ будто ей нарочно разсказываютъ выдумку, сейчасъ-же зашѣла:

Мы больше не пойдемъ въ лѣсъ:
Лавровыя деревья срублены;
Вотъ эта красавица
Пойдетъ ихъ подобрать...

Она совсѣмъ не понимаетъ того, что ей сейчасъ разсказали, что именно произошло въ лѣсу. Ея неразвитое воображеніе, никогда не уносящееся дальше того, что происходитъ на ея глазахъ въ данную минуту, не рисуетъ ей въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ этихъ бродягъ и сутенеровъ, которые шлепнутся подъ вечеръ въ лѣсу и, встрѣтивъ женщину, втаскиваютъ ее подъ деревья, связываютъ, насилуютъ, калѣчатъ, поджигаютъ и потомъ покидаютъ ее, опозоренную, истекающую кровью, горящую. Она не представляетъ себѣ, что это можетъ произойти съ нею...

Сесиль, наоборот, какъ она ни мала, догадывается, волнуясь, что за красивой декорацией города и лѣса происходитъ нѣчто ужасное. Она не понимаетъ того, что разсказалъ отецъ. Она не знаетъ, что такое изнасилованная женщина. Но она понимаетъ, что это страшное происшествіе, что никто не прибѣжалъ на помощь торговкѣ овощами, и что злодѣи причинили ей много-много мукъ...

И съ тѣхъ поръ, хотя приходилось гораздо дальше ѣхать, мать предпочитала Андилю, гдѣ старая тетка ихъ всегда такъ радушно принимала. Тамъ было уютно и хорошо.

— Настоящая деревня,—восторгался старикъ Помье.—Одинъ только недостатокъ,—тамъ, вмѣсто вина, даютъ какой-то вино-градный настой!..

Онъ, все-таки, такъ же охотно, какъ мать и обѣ дѣвочки, предпринималъ эти прогулки по большой дорогѣ, залитой горячими лучами послѣобѣденнаго лѣтняго солнца, по дорожкѣ, бѣгущей вдоль овсянаго поля до самой опушки лѣса. Здѣсь вскармливаютъ фазановъ въ загороженномъ мѣстѣ въ лѣсу,—и на каждомъ шагу пролетаютъ красивыя красноватыя и темно-красныя птицы, цѣлыя стаи которыхъ виднѣются за деревьями. Тамъ раздается трескъ обламывающихся вѣтокъ, и вдругъ показываются, посреди узкой дорожки, чутко прислушивающіяся козули, неподвижно стоящія на своихъ тонкихъ ножкахъ. Еще дальше есть чудное мѣстечко, гдѣ въ изобиліи растутъ клубника,—широкая полянка, вдоль одной изъ стѣнъ парка, вся покрытая зеленою и усыянная цвѣтами; съ самой верхушки откоса есть уже клубника, и ягоды легко отыскиваются и по ихъ сладкому запаху, и по ярко-красному или блѣдно-розовому цвѣту, освѣщающему зеленую листву. Мѣстами ихъ такъ много, что кажется, точно на полянѣ пронесся кровавый дождь. Стоитъ только нагнуться, чтобы набрать вдоволь. Еще дальше—поляна съ ландышами. Туда идутъ собирать большіе букеты этого красиваго цвѣтка, ровно растущаго между двумя длинными, гладкими листьями.

Затѣмъ снова вернулась осень со своей измѣнчивой погодой, вѣтрами, позолоченными листьями,—а за нею и зима. И съ Андилю пришлось проститься ужъ навсегда: добрая тетка умерла почти внезапно, оставивъ семьѣ Помье тысячу франковъ, составлявшихъ всѣ ея сбереженія за долгую жизнь.

Въ это время Селина была отдана въ ученье къ портнихѣ. Сесиль была помѣщена въ школу. Это было для нея важнымъ событіемъ. Мать часто говорила ей, что тамъ, если она будетъ прилежна и послушна, она можетъ до нѣкоторой степени обезпечить себѣ будущее. Тамъ можно научиться понимать, какъ

вести дѣла, быть кассиршей, вести торговое дѣло и, вообще, быть дѣвушкой, которой не приходится краснѣть предъ людьми за свое невѣжество. Въ представленіи дѣвочки слава и блестящее положеніе достаются тѣмъ, кто въ школѣ былъ послушнымъ и прилежнымъ.

И Сесиль, какъ только она переступаетъ порогъ школы, принимаетъ сосредоточенный и серьезный видъ. Ни смѣха, ни лишнихъ разговоровъ. Она садится на свое мѣсто и становится какъ бы совсѣмъ другой дѣвочкой. И почти съ первыхъ же дней она занимаетъ мѣсто среди наиболѣе способныхъ и стремящихся къ успѣху. Она исполняетъ назначенную себѣ роль — и съ поразительной серьезностью. Ничѣмъ ее нельзя было бы отвлечь отъ приготовленія заданныхъ уроковъ. Она очень скоро научилась читать и писать. Теперь она заучиваетъ наизусть какія-то странныя исторіи, которыхъ она совсѣмъ не понимаетъ. Она напрягаетъ всѣ усилія, чтобы сложить, вычесть или раздѣлить тысячу мѣшковъ муки, проданныхъ торговцу или данныхъ фермеру въ обмѣнъ за соотвѣтствующее количество масла и пр. Всѣ эти задачи кажутся поразительно трудными, и весь характеръ дѣвочки мѣняется отъ постоянныхъ думъ о первыхъ мѣстахъ и хорошихъ отмѣткахъ. Когда какая-нибудь товарка прибѣгаетъ къ ея помощи и проситъ ее что-нибудь объяснить и показать, — Сесиль становится нѣмой и неумолимой. Это уже не добрая, чувствительная дѣвочка, которую волнуетъ малѣйшее чужое горе, — это уже существо, втянутое въ борьбу и желающее побѣдить.

И она старается заучить и удержать въ памяти исторію всѣхъ войнъ и всю хронологію, считая это необходимымъ для обезпеченія своего будущаго. Ариметика для нея какой-то безысходный кошмаръ. Милліоны и милліарды, выстраиваясь въ ряды подъ ея перомъ, преслѣдуютъ ее, и среди всѣхъ этихъ нулей она мучительно ищетъ «точного результата», требуемаго учительницей школы.

Однажды вечеромъ она вернулась домой, обливаясь слезами. Она не получила первой отмѣтки за рассказъ, на которую она рассчитывала. Темой сочиненія было: «День въ деревнѣ». Сесиль просто описала свою послѣднюю прогулку на городскія укрѣпленія. Въ школѣ много смѣялись по этому поводу, и первая отмѣтка была поставлена другой. Но она сомнѣвалась въ лучшемъ достоинствѣ награжденнаго сочиненія и не переставала жаловаться:

— Награду назначили Мадленъ просто за то, что она видѣла ослика, запряженнаго въ повозку, видѣла, какъ крестьяне танцевали около замка, и какъ графиня раздавала дѣтямъ бріюши... Это несправедливо...

Въ этотъ день Сесиль была немного разочарована школой. Впрочемъ, у нея и времени не было, чтобы составить себѣ о ней окончательное мнѣніе, потому что ей не долго оставалось еще тамъ пробыть. И все, что останется у нея отъ школы, состояло въ нѣсколькихъ главныхъ книгахъ, нѣсколькихъ наградахъ и въ приобрѣтенномъ вкусѣ къ чтенію, который въ послѣдствіи, если у нея будетъ время, можетъ служить ей главнымъ средствомъ получить развитіе и знаніе. И въ этомъ особенно проявлялась разница между нею и ея сестрой. Селина, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не понимаетъ. Она будетъ умѣть шить, отдѣлать корсажъ,—вотъ и все. Дѣйствительной ученицей, учащейся у жизни, является Сесиль, едва приближающаяся къ девяти годамъ. Она умѣетъ и видѣть, и разбираться въ видѣнномъ. Она умѣетъ близко подходить къ тому, что ее окружаетъ.

По вечерамъ вся семья собиралась, какъ и въ прежнія времена, за столомъ, недалеко отъ топившейся печки. И всѣ вспоминали молодыхъ людей.

— Конечно, Жюстенъ и Жанъ женились бы, жили бы отдѣльно,—говорила мать,—но если бы у нихъ были хорошія жены, мы бы все-таки часто бывали вмѣстѣ и сходились бы то у нихъ, то у насъ, и дѣтки у нихъ были бы славныя...

И она умолкала и задумывалась о томъ, что это особенно хорошо было бы для отца, который тогда не засиживался бы въ кабакъ, какъ случалось иногда, и не тратилъ бы тамъ доброй части своего заработка, и что это было бы также хорошо у для дѣвочекъ, которыя совсѣмъ приучились бы тогда къ семейной жизни, забавлялись бы съ ихъ племянниками и племянницами, видѣли бы на близкихъ повседневныхъ примѣрахъ жизнь женъ и матерей...

— Что дѣлать,—продолжала она, переходя отъ мечты къ дѣйствительности,—что прошло, то прошло, и мертвому не воскреснуть вновь... Удалось бы только дѣтокъ пристроить и самимъ какъ-нибудь прожить...

Она озиралась кругомъ себя и видѣла, что почти всѣ, кого она знала, испытали тѣ-же несчастья, что и она. Сколько матерей потеряли сыновей, сколько женъ лишились мужей во время войны, потомъ во время коммуны! Молодой человекъ, который прожилъ съ ними восемь дней въ подвалѣ, былъ потомъ разстрѣлянъ за то, что не явился въ свой полкъ. Вотъ у этой женщины, которая жила тутъ напротивъ, убили мужа и обоихъ сыновей въ часовнѣ на Перъ-Лашезъ,—какъ и Жана, быть можетъ... И сколько, сколько другихъ! По всей улицѣ

не было ни одного дома, гдѣ бы не носили траура по убитымъ. Были женщины, которыя не совсѣмъ потеряли мужей, но они были все равно, что мертвые, потому что ихъ послали куда-то въ Каледонію, такъ далеко, что туда три мѣсяца нужно ѣхать на пароходѣ. Были и такіе, которымъ удалось спастись бѣгствомъ въ Лондонъ, Брюссель или Женеву. Вотъ это счастье! Если бы Жюстенъ и Жанъ были за-границею, они бы, навѣрное, постарались выписать къ себѣ всѣхъ—и отца съ матерью, и обѣихъ дѣвочекъ. Всѣ бы работали и общимъ трудомъ свили бы себѣ новое гнѣздо, въ которомъ жили бы счастливо. Отечество для нея тамъ, гдѣ ея дѣти. Да кто знаетъ,—можетъ быть, и удалось бы какъ-нибудь вернуться во Францію,—о, только не въ Парижъ, нѣтъ,—это слишкомъ ужасный городъ, городъ нищеты и преступленія, городъ - людоѣдъ, городъ-убійца, который пользуется всѣми средствами, и трудомъ, и революціей, для достиженія своихъ цѣлей...

Она не могла забыть своихъ покойниковъ и, хотя она всегда скрывала свое горе и старалась не растривать живыхъ, она не могла удерживаться отъ того, чтобы отъ времени до времени не приобщать ихъ къ своей тяжелой печали и не оживить въ нихъ воспоминаніе.

Въ день всѣхъ усопшихъ, въ этотъ годъ и въ слѣдующіе, она вмѣстѣ со всѣмъ городомъ шли на Перъ-Лашезъ, это обширное зрѣлище горя, съ простой инспенировкой одежды и декораціи. Траурныя платья, крепъ, приколотый къ шляпамъ бусами, длинныя вуали, украшенія изъ чернаго янтаря,—все свидѣтельствуетъ о томъ, что предъ вами служители какихъ-то особыхъ таинствъ, что тутъ единовѣрцы, которыхъ собрала общая вѣра. На главной большой дорогѣ, усыпанной пескомъ и усаженной газонами, стоятъ изящныя часовни, великолѣпныя памятники, просторныя постройки, пріютившія цѣлыя семейства подъ высѣченными камнями, за желѣзными рѣшетками и оригинальными оградами. Надписи золотыми буквами сверкаютъ на фронтонахъ, выставляя суетность богатства надъ останками тѣхъ, кому онѣ служатъ вывѣсками. Это Chaussée d' Antin, улица Мира, Елисейскія поля кладбища, торжество финансистовъ и знатныхъ коммерсантовъ вплоть до самой могилы. Поодаль, въ тѣнистыхъ и пустынныхъ аллеяхъ, другіе памятники обнаруживаютъ спесь дважды умершей аристократіи: это Сенъ-Жерменское предмѣстье некрополя.

Статуи и колонны, воздвигнутыя памяти политическихъ дѣятелей, писателей, художниковъ или крестовъ, поднимаются надъ обыкновенными гробницами такъ-же, какъ тѣ, память которыхъ онѣ славятъ, доминировали когда-то надъ живыми. Лишь подъ землей они всѣ равны...

Люди всѣхъ общественныхъ положеній, предрасудковъ, гордыни купили или арендовали на время землю, воздвигли памятники, высѣкли надписи, стараясь придать имъ наиболѣе оригинальную, наиболѣе несоотвѣтствующую, наиболѣе ужасную форму. Повсюду кресты—изъ гранита, мрамора, подъ мраморъ, камня, дерева. Рядомъ съ душоу раздирающимъ горемъ, которое должно было бы укрыться отъ равнодушныхъ глазъ толпы, развернулись безстыдныя рекламы на разнообразныхъ крестахъ. На всѣхъ этихъ постройкахъ видны слѣды торга наслѣдниковъ со строителями-предпринимателями, умѣющими соотвѣтственно котировать всякое горе. Греческая стела, египетскій обелискъ, римскій полустолбъ, готическая часовня съ разноцвѣтными стеклами, средневѣковая гробница или эпохи ренессанса съ распростертой статуей, кокетливая ниша XVIII вѣка, камни съ арабесками и астрагалами стиля рококо іезуитовъ перемѣшаны въ беспорядкѣ вдоль аллей. Въ фамилльныхъ склепахъ поставлены алтари съ вазами, восковыми свѣчами, религиозными изображеніями и цвѣтами изъ золоченой бумаги. На шести футахъ земли, лежащей надъ трупами, собираютъ различные символы, сваливаютъ въ одну кучу разнообразныя декоративныя эффекты, сажаютъ небольшія деревца, вырисовываютъ кресты изъ букса, подписываютъ слова троицной травой, выращиваютъ цвѣты, обозначающіе отчаяніе, рядомъ съ другими, олицетворяющими безсмертіе...

Кладбище имѣетъ и свои предмѣстья, свои хранилища костей. Общія могилы также усѣяны крестами баллусстрадами, съ которыхъ краска давно смыта дождемъ. Онѣ покрыты сорными травами, мхомъ, терновымъ кустомъ. Смерть, въ пустынной тишинѣ, царствующей тамъ иногда, могла-бы казаться такою, какая она въ дѣйствительности, — послѣдній отдыхъ, грустное заключеніе жизни труда и усилій, не имѣющее никакой надобности въ надземныхъ миражахъ и лживыхъ утѣшеніяхъ. И такія мѣста кладбища могли бы быть печальнымъ полемъ, отъ котораго вѣяло бы страшной и таинственной поэзіей безконечнаго. Но этимъ мертвецамъ и подъ землей тѣсно, и изъ свѣже засыпанныхъ могилъ вырываются крики и стоны. Представленіе о полѣ брани, о возставшемъ народѣ, о социальномъ адѣ, продолжающемся даже подъ землею, о безконечной, безысходной борьбѣ получается отъ общихъ могилъ, отъ анонимной толпы мертвецовъ...

Еще нѣсколько шаговъ—и это представленіе еще болѣе опредѣляется, становится еще болѣе трагичнымъ,—предъ стѣной, у которой разстрѣливали коммунаровъ. Никакихъ другихъ манифестацій, кромѣ тишины. Ни одного вѣнка на стѣнѣ, ни

одного знамени. Эмблемы не допускаются, слова и крики воспрещены. Но свиданіе живыхъ съ мертвыми становится отъ этого только болѣе трогательнымъ. Толпа приходитъ, останавливается, смотритъ и ясно видитъ все. Стѣна изрыта отверстиями, углубленіями и черными пороховыми пятнами. Пули, которыя изрыли стѣны, пробили бившіяся сердца, продырявили живыя головы. Стоны, которые и теперь какъ бы слышать толпа, оглашали это мѣсто. И изъ глубокой тишины и теперь вырывается стонъ...

Семья Помье въ первыхъ рядахъ. Здѣсь-ли разстрѣлянъ былъ Жанъ? Отецъ пристально всматривается, мать закрываетъ глаза и крѣпко сжимаетъ въ своихъ рукахъ ручки дѣвочекъ.

Лѣто кончилось, и снова надо было отказаться отъ загородныхъ прогулокъ и ограничиваться небольшими прогулками въ своемъ кварталѣ, по *Chaussée de Ménilmontant*, а иногда, когда показывались блѣдныя лучи осенняго солнца, и до послѣднихъ домовъ предмѣстья, которое представляло собою красивую и своеобразную мѣстность съ узенькими улочками, какъ, напримеръ, Китайская улица, очень красивая весною, по которой и осенью можно было еще иногда гулять. Неподдалеку журчалъ ручеекъ, и казалось, что за этимъ переулкомъ начиналась настоящая деревня. По обѣимъ сторонамъ переулка тянулись низкіе заборы и палисадники, покрытые вьющимися вѣтками дикаго винограда. И изъ этой зелени выглядывали низкіе одноэтажные домики, скорѣе походившіе на хижины.

Старому Помье очень хотѣлось тамъ поселиться, но мать, хотя и соглашалась, что тамъ хорошо, находила, что это представляетъ большія неудобства, такъ какъ далеко будетъ на работу итти и за покупками; и вообще, говорила она, «это далеко отъ всего», и она будетъ сильно беспокоиться, когда старикъ и дѣти будутъ запаздывать домой; наконецъ, тамъ, можетъ быть, и очень пріятно весною, но зато зимою врядъ-ли будетъ хорошо, когда въ хижинѣ выступитъ сырость, а на деревьяхъ не станетъ листьевъ. И дѣйствительно, какъ только ударили первые холода, всѣ согласились, что она была права. Наскоро законопатили окна, и безъ надобности никто не выходилъ изъ дому, предпочитая сидѣть въ комнатѣ, около печки.

Улица стала необитаемой, и зрѣлица, попадавшіяся на глаза, бодрости не вселяли. Когда холодный вѣтеръ задуетъ и щиплетъ тѣло, ницета перестаетъ заботиться о внѣшности и начинаетъ показываться на улицѣ въ костюмахъ, которые подчасъ такъ-же многозначительны, какъ знамена. Нужно рано утромъ выходить изъ дому, возвращаться уже вечеромъ, въ теченіе дня бѣгать по дѣламъ. И всякія поползновенія къ эле-

гантности, еще допустимыя при благосклонной погодѣ, становятся совсѣмъ невозможными въ это время. Рабочій не можетъ теперь выходить въ чистой блузѣ, работница не можетъ носить легкое платье и украсить голову лентой. Не могутъ даже, и тѣ, что имѣютъ постоянную работу. Но эти, можетъ быть въ состояніи приобрести теплую верхнюю одежду, которая прикрываетъ свѣтлыя панталоны, легкій пинджакъ или прозрачное платье. А другіе, тѣ, что безпрестанно ищутъ работы, что бѣгаютъ по различнымъ мѣстамъ, гдѣ можно найти какой-нибудь заработокъ, что бьются въ горькой нуждѣ извѣдня въ день!...

Безконечной вереницей тянутся они поближе къ домамъ по улицамъ предмѣстья. Скорчивъ все тѣло, растерянные и придавленные, они тщетно стараются согрѣться въ своихъ разнообразныхъ лохмотьяхъ. Все, что попадаетъ подъ руку, надѣвается, чтобы окутать и пригрѣть изможденное тѣло. Платки, пальто, шали, куски сукна и шерсти—все пускается въ ходъ, и изъ всего этого составляется невообразимое одѣяніе. Руки съ надтреснутой отъ холода кожей прячутся въ муфты изъ лохмотьевъ. Работницы, всегда такія живыя, постоянно ропщущія на судьбу, борясь за кусокъ хлѣба, и, все-же, украшающія свой корсажъ пучкомъ фіалокъ, теперь склоняются подъ бичующими ударами холода, гибнутъ подъ повелительными порывами вѣтра и забываютъ о своемъ вчерашнемъ кокетствѣ. Онѣ окутываютъ голову тряпками, отказываются отъ всякихъ заботъ о туалетѣ и доходятъ даже до того, что, въ случаѣ надобности, напяливаютъ на себя мужское пальто съ прямой спиной и не въ мѣру длинными рукавами.

А сколько страдалицъ покидаютъ свою нетопленную конуру и идутъ въ ночное убѣжище, красный фонарь котораго горитъ ночью въ тускломъ блескѣ снѣга, какъ красная звѣзда на полярномъ пейзажѣ!

Въ одно утро, въ семь часовъ, наборщикъ, шедшій въ свою типографію, упалъ, пораженный холодомъ, на углу улицы Аманде и Chaussée de Ménilmontant. Восьмидесятилѣтняя старуха, жившая въ переулкѣ Ронсъ, была найдена замерзшей въ своей кровати. Оттепель была, поэтому, встрѣчена со вздохомъ облегченія, несмотря на нечистоту и грязь, которая стекаетъ по стѣнамъ съ крышъ, течетъ по тротуарамъ и улицамъ; и еще больше пріятно было, когда ночной проливной дождь смылъ грязь съ улицъ и унесъ все въ сточныя трубы и рѣку.

Зато потеплѣло на улицѣ, и Селина съ Сесиль снова могли высовываться въ окна. Зрѣлище улицы доставляетъ удовольствіе бѣднякамъ. Даже если тамъ не происходитъ ничего

особеннаго, есть все-таки на что посмотрѣть: и лавочку, которая стоитъ насупротивъ, прохожаго и прохожую, и просто мостовую. Въ будни нѣтъ времени смотрѣть на это. Но по воскресеньямъ часы тянутся медленно, и обѣ сестры, какъ только комнаты убраны и конченъ полуденный завтракъ, простаиваютъ весь день, прислонившись лицами къ окну или опершись о перекладину. Украсивъ свои плотно облегающіе тѣло корсажи бантиками изъ лентъ и пучками цвѣтовъ, онѣ проводятъ такъ остальную часть дня, безъ дѣла, безъ цѣли, неопредѣленно тоскуя о чемъ-то неизвѣстномъ. И тѣмъ не менѣе онѣ внимательно присматриваются, на что-то надѣются, и каждая становится сестрой Анной своего собственнаго существованія и смотреть безпрестанно въ даль, на рассыпающее свои лучи солнце, на зеленѣющую траву, и все никто и ничто не является...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переводъ съ французскаго Е. С.

Какъ живутъ японцы.

Путешественникъ, отправляющійся въ страну Восходящаго Солнца, заранѣе долженъ примириться съ мыслью, что вернется оттуда поэтомъ и воспоетъ — въ стихахъ или въ прозѣ — это сказочно-прекрасное царство цвѣтовъ и обаятельныхъ японокъ.

Японія утопаетъ въ зелени лѣсовъ, садовъ и полей. Лѣсистые холмы смѣняются выхоленными рисовыми полями, журчащія ручейки сверкаютъ на солнцѣ и омывають подножья живописныхъ скалъ, увѣнчанныхъ вѣчно-зелеными соснами и криптомеріями. Деревья покрыты такой обильной листвою, что сквозь нее не видно ни вѣтвей, ни стволовъ. И лишь причудливые храмы и высокія ярко-красныя пагоды выглядываютъ изъ этой восхитительной рамки. И вся эта роскошная растительность залита яркимъ свѣтомъ солнца, сіяющаго на безоблачномъ небѣ.

Но естественными дарами своей прекрасной родины японецъ не довольствуется, и нѣтъ такого бѣднаго японца, который бы не развелъ около своего дома хоть самаго маленькаго садика, величиною нерѣдко не больше стола. И чего только нѣтъ въ этомъ крошечномъ садикѣ! На первомъ планѣ красуется излюбленное японцами вишневое дерево, все усыпанное розоватыми цвѣтами; рядомъ журчитъ миниатюрный водопадъ, который впадаетъ въ прудъ, омывающій крохотный островокъ. Всюду игрушечные мостики, а на заднемъ планѣ — лѣсъ карликовыхъ деревьевъ, дающій иллюзію большаго отдаленія. И все это японцы стараются умѣстить на самомъ ограниченномъ пространствѣ земли, лишь уменьшая размѣры всѣхъ этихъ ручейковъ, островковъ, холмиковъ, — всего того, что придаетъ такую прелесть японскому пейзажу.

На первый взглядъ, такая искусственность можетъ показаться отсутствіемъ настоящаго художественнаго чутья, истиннаго пониманія красоты природы. Но дѣло въ томъ, что японецъ хочетъ всюду, и даже у себя, въ своемъ крошечномъ домикѣ, сидя за работой, любоваться прекрасными пейзажами, и съ удивительнымъ искусствомъ переносить ихъ въ свое жилище. Особеннаго

совершенства японцы достигли въ измѣненіи формы и величины деревьевъ. Какъ бы ни былъ малъ садикъ, для него все таки найдутся достаточно маленькія деревца.

Но главное вниманіе японцы отдаютъ культурѣ цвѣтовъ. Изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи просто изумительна. Наряду съ вишневымъ цвѣтомъ, любимый цвѣтокъ японцевъ—хризантема, красующаяся и въ государственномъ гербѣ Японіи.

Быть можетъ, прекрасной природѣ и мягкому климату своей страны обязаны японцы своимъ неизмѣнно хорошимъ настроеніемъ духа. Улыбающіяся физиономіи, веселые разговоры и смѣхъ, всюду смѣхъ,—вотъ что прежде всего поражаетъ путешественника, выходящаго на берегъ въ какомъ нибудь портовомъ городѣ страны Восходящаго Солнца. На улицахъ города— снова смѣхъ и смѣхъ. Смѣются дѣти, дѣвушки, мужчины, не видно грустныхъ лицъ, плачущихъ дѣтей совсѣмъ нѣтъ.

Невольно начинаетъ улыбаться и европеецъ, съ любопытствомъ озирающій японскую улицу.

По обѣимъ сторонамъ ея—одно-этажные деревянные домики. Впрочемъ, на-половину, они сдѣланы изъ бумаги. Стѣны домиковъ представляютъ собою раздвижныя деревянные рамы съ натянутою на нихъ бумагою, или же стѣна деревянная, а окна, вмѣсто стеколъ, опять таки заклеены бумагою. Всѣ стѣны, внутри и снаружи дома, раздвижныя, такъ что домъ, собственно говоря, состоитъ изъ одной комнаты, которую, по желанію, можно превратить изъ нѣсколько небольшихъ каморокъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга только бумажными ширмами-стѣнами. Ни дверей, ни замковъ не существуетъ. Стоитъ лишь слегка отодвинуть стѣну, и вы въ комнатѣ вашего сосѣда. Можно даже и не отодвигать стѣны, а просто проткнуть пальцемъ бумагу и оказаться свидѣтелемъ всего, что происходитъ въ сосѣдней комнатѣ. Въ гостиницахъ небольшихъ японскихъ городовъ путешественникъ нерѣдко слышитъ легкій трескъ въ стѣнѣ своей комнаты и затѣмъ замѣчаетъ устремленный на него любопытный взоръ.

Уединенія въ японскомъ домѣ искать нечего, — все наружу, все на виду. Съ утра раздвигаются внѣшнія стѣны дома, и обитатели весь свой день проводятъ въ непосредственномъ общеніи съ улицей. Терпѣливо переносятъ они въ своихъ карточныхъ домикахъ всякія перемѣны погоды, и лишь деревянные ящики, вымазанные огнеупорной глиной и наполненные тлѣющими угольями, служатъ имъ защитой отъ зимняго холода. Печи немислимы въ этихъ вспыхивающихъ отъ малѣйшей искры, точно спичечная коробка, деревянныхъ домикахъ.

И не проходитъ дня, чтобы въ большихъ японскихъ городахъ, гдѣ дома прилѣплены одинъ къ другому, какъ ячейки пчелиныхъ сотъ, пожары не уничтожали бы цѣлыхъ кварталовъ. Во всѣхъ частяхъ города возвышаются огромныя лѣстницы, съ колоколомъ наверху, и съ верхушки ихъ бдительные сторожа зорко слѣдятъ, не покажется ли гдѣ либо подозрительный

дымокъ. Въ тотъ же мигъ начинается колокольный звонъ, встревоженные обитатели выбѣгаютъ на улицу и второпяхъ собираютъ свои пожитки. Последняя задача, впрочемъ, легко выполнима. Домашній скарбъ японца весьма незамысловатъ: постели, платье, кое какая кухонная утварь, циновки, — вотъ и все. Женщины собираютъ вещи, мужчины выдвигаютъ бумажныя стѣны своихъ домовъ, все это укладывается въ ручную тележку, — и японецъ спасъ свое имущество. На мѣстѣ остается лишь крыша дома и сваи, на которыхъ она стоитъ. На другой день къ вечеру на мѣстѣ погорѣвшаго уже вырастаетъ новый домикъ. Вслѣдствіе такой легкости и простоты постройки домовъ, пожаръ не слишкомъ пугаетъ обитателей, и они подчасъ даже любятъ ихъ, называя огненные языки пламени „цвѣтами Іедо“.

Тѣсно сплоченные домики выгораютъ иногда тысячами и на погорѣвшемъ мѣстѣ лишь кое гдѣ высится страннаго вида каменное зданіе, съ рѣзкими желѣзными рѣшетками въ окнахъ и желѣзными ставнями, весьма похожее на тюрьму. Такое огнеупорное зданіе, „кура“, имѣется въ каждой улицѣ и служитъ хранилищемъ для болѣе цѣннаго имущества обитателей. Сюда сносятся ширмы, вазы, картины. Японецъ рѣдко вѣшаетъ въ своемъ домѣ болѣе одной картины, ставитъ болѣе одной вазы. Надоѣсть одна картина, ее сносятъ въ куру и берутъ на время другую. Японскіе пожарные даже не пытаются тушить загорѣвшійся домъ; они лишь немедленно принимаются за ломку всѣхъ смежныхъ, чтобы локализовать огонь.

Не меньшимъ бичомъ, чѣмъ пожары, являются для японскихъ городовъ землетрясенія. Ежегодно въ Японіи происходитъ не менѣе 1260 землетрясеній. Колебанія почвы особенно чувствительны зимою, между январемъ и мартомъ. Деревянные постройки колеблются, въ стѣнахъ образуются трещины, вода выливается изъ сосудовъ, и встревоженные обитатели спѣшатъ выбѣжать подъ открытое небо, чтобы не очутиться подъ обломками своихъ домовъ. Въ столицѣ Японіи—Токіо очень сильное землетрясеніе произошло въ 1894 г. Тысячи домовъ были разрушены, убитыхъ и раненыхъ оказалось свыше трехсотъ человекъ. Въ 1891 г. необычайно сильному землетрясенію подверглась вся Центральная Японія. Исчезли цѣлые холмы, въ землѣ образовались огромныя трещины, поглотившія цѣлыя поселенія. Было разрушено 128.000 домовъ, погибло 10.000 человекъ, раненыхъ было 20.000. Но самое страшное землетрясеніе произошло 11 ноября 1855 года въ Восточной Японіи. По японскимъ источникамъ, въ Іедо погибло тогда 100.000 человекъ.

Вслѣдствіе колебаній почвы, приходитъ въ движеніе и жидкая стихія, и море нерѣдко посылаетъ на берегъ огромныя волны, смывающія цѣлыя поселенія и поглощающія тысячи жизней. Не мало бѣдъ причиняетъ также страшный тайфунъ, губящій ежегодно на морѣ не одно судно, и срывающій на сушѣ не одну крышу съ японскихъ домиковъ.

Но всё эти бѣдствія жизнерадостный японецъ сноситъ легко и, быстро успокаиваясь, снова начинаетъ улыбаться солнцу, цвѣтамъ и прелестнымъ неванъ (дѣвушка).

Японецъ чрезвычайно общителенъ. Онъ съ ранняго утра въ обществѣ... всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ по улицѣ. Начинается утро, и со всѣхъ сторонъ открывается живая панорама. Раздвигаются деревянные стѣны домовъ, и, вотъ, лавки, мастерскія, жилия помѣщенія—все это образуетъ одно цѣлое съ улицей. Полъ дома лишь на полъ-аршина приподнятъ надъ уровнемъ улицы и покрытъ необыкновенно чистыми циновками.

Вотъ отодвинулась одна стѣна, и взорамъ прохожихъ открылся магазинъ часовыхъ дѣлъ мастера, рядомъ уже выставляетъ свои товары магазинъ съѣстныхъ припасовъ, далѣе красуются всевозможныя матеріи, еще далѣе ласкаютъ взоръ прекрасныя японскіе груши, сливы, дыни, персики и т. д., и т. д. Тутъ жетѣснится чайный домикъ. Все это пестритъ своими разнообразными товарами и привлекаетъ покупателей и любопытныхъ. Наиболѣе ходкіе товары разложены у самой улицы, остальные хранятся въ деревянныхъ стѣнныхъ шкафахъ. Внутри магазина, на циновкѣ сидитъ на корточкахъ, вѣриге на собственныхъ икрахъ, хозяинъ и сосетъ свою неизмѣнную трубочку. Покупатель, также на корточкахъ, усаживается на улицѣ противъ магазина и разсматриваетъ разложенные товары. Понадобится ему войти въ самую лавку,—онъ снимаетъ на улицѣ свои деревянные сандалии и тогда только рѣшается ступить на чистую циновку.

На улицѣ царитъ оживленіе. Снуютъ кули со своими рикшами. Рикша—это двухколесная открытая колясочка безъ козелъ, предназначенная для одного человѣка. Спереди къ рикшѣ прикрѣплено дышло съ раздвоеннымъ концомъ, за который хватается обѣими руками кули (возница). Кули обыкновенно летитъ галопомъ, лишь покрякивая, чтобы предупредить прохожихъ о своемъ приближеніи.

Троттуаровъ на японскихъ улицахъ почти нѣтъ; лишь на главныхъ улицахъ большихъ городовъ, и то не по краямъ, а по срединѣ улицы, устраиваются узкіе троттуары для прохожихъ. Да въ этомъ и нѣтъ большой нужды, такъ какъ передвиженіе въ городѣ почти исключительно совершается на людяхъ—въ рикшахъ и въ носилкахъ. Послѣднія имѣютъ видъ кресла, подвѣшеннаго къ бамбуковому шесту, который несутъ на плечахъ два кули.

На улицу съ утра высыпаютъ дѣти,—всѣ съ бритыми головками. Лишь надъ лбомъ темнѣютъ два, три пучка волосъ. Они бѣгаютъ и сидятъ тутъ же, на улицѣ, нисколько не думая уступать дорогу проходящимъ и проѣзжающимъ. Вслѣдствіе такого оживленія на японской улицѣ, ѣзда въ экипажахъ, запряженныхъ лошадьми, представляетъ большое затрудненіе, и всякій экипажъ сопровождаютъ скороходы, которые на перекресткахъ и у мостовъ

бѣгутъ впередъ и предупреждаютъ пѣшеходовъ о приближающейся опасности.

Вся Японія покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ, функционирующихъ весьма исправно, если не считать постоянныхъ опозданій на 1—2 часа. Посреди каждаго вагона стоитъ низенькій столикъ; на каждой станціи вносится свѣжая вода со льдомъ и ставится на этотъ столикъ. Въ дорогѣ всѣ пьютъ чай. На всѣхъ станціяхъ продаются чайники съ горячимъ чаемъ и чашками. Стоитъ это гроши. Пассажиры, даже и 1-го класса, входя въ вагонъ, немедленно устраиваются, какъ у себя дома, и постепенно начинаютъ разоблачаться, обмахивая открытыя груди вѣерами, съ которыми никогда не расстаются ни мужчины, ни женщины. Ноги постепенно подбираются на скамейку, и японцы-путешественники усаживаются въ своей любимой позѣ—на собственныхъ икрахъ. Ведутъ себя болѣе, чѣмъ непринужденно, тутъ же, на глазахъ у всей публики, предаваясь самымъ интимнымъ разслѣдованіямъ своего оголеннаго тѣла и позволяя себѣ въ вагонѣ такія вещи, которые даже и описать неудобно. Но что изумительнѣе всего, такъ это полное равнодушіе всей публики къ неприличному, на европейскій взглядъ, поведенію какого-нибудь болѣе чѣмъ безцеремоннаго японца.

Дѣло въ томъ, что національный костюмъ японцевъ и вся обстановка ихъ жизни воспитали въ нихъ совершенно своеобразное представленіе о стыдливости, рѣшительно расходящееся съ европейскимъ. Костюмъ кули, который носитъ и весь рабочий классъ, это — куртка и узкіе панталоны. Сюда нужно добавить еще широкополую шляпу, въ формѣ гриба, и соломенные или деревянные сандалии на ногахъ. Женщины на работѣ одѣваются такъ же и лишь шляпу замѣняютъ легкимъ платкомъ, чтобы не испортить своей замысловатой прически. Деревенскіе обитатели въ дождливую погоду носятъ плащи, сдѣланные изъ травы. Праздничная одежда рабочаго класса и обычная остальнаго населенія представляетъ собою длинный узкій халатъ—*кимоно*, открытый спереди и въ талии перетянутый поясомъ. У мужчинъ поясъ изъ простой матеріи и узкій. У женщинъ онъ составляетъ главное украшеніе и дѣлается изъ очень дорогой шелковой или парчевой ткани. Этотъ поясъ (*оби*) очень широкъ и обматывается вокругъ стана японки нѣсколько разъ. Сзади онъ завязывается широкой петлей безъ концовъ. *Оби* очень тяжелъ, и его перевязываютъ сверху другимъ, узкимъ и тонкимъ поясомъ, чтобы онъ не спускался внизъ. Праздничныя *кимоно* японки — это верхи изящества и красоты. Матеріи выбираются самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ, вышивки на нихъ мѣняются соответственно времени расцвѣта того или другаго цвѣтка. Весною носятъ *кимоно* съ вышитыми на нихъ цвѣтами вишни, осенью — съ цвѣтами хризантемъ и т. д. Бѣлья японцы не носятъ. Мужчины подъ *кимоно* обвязываютъ бедра длиннымъ шарфомъ, женщины носятъ фартукъ. Нижнее платье у мужчинъ — короткая рубашка, которую, впро-

чемъ, носятъ далеко не всё, у женщинъ—длинный халатикъ такого же покроя, какъ и кимоно, но изъ тонкой матеріи. Зимомъ кимоно подбиты ватой. На ходу узкія кимоно раскрываются спереди, и японцы и японки показываютъ, ничуть не конфузясь, голыя ножки. Во время дождя они подбираютъ свое платье до самыхъ бедеръ и преспокойно шествуютъ въ такомъ видѣ по улицамъ. Мужчины иногда носятъ подъ кимоно широкія шаровары. Нѣкоторые усвоили части европейскаго туалета и щеголяютъ съ голыми ногами, но въ европейскомъ цилиндрѣ на головѣ и съ европейскимъ зонтикомъ въ рукахъ.

Должностныя лица, полиція, войско одѣты по-европейски. Но при всякомъ удобномъ случаѣ, — въ вагонѣ, на пароходѣ, у себя дома, — сбрасываютъ съ себя европейскій доскъ и снова влѣзаютъ въ свои удобныя халаты. Да въ брюкахъ и неудобно сидѣть на корточкахъ на полу. А японецъ, вѣдь, не привыкъ иначе. У него и мебели никакой нѣтъ въ домѣ. Всѣ полы устланы циновками. Входя въ домъ, японецъ у входа снимаетъ свои соломенные или деревянные сандалии, привязанныя къ ногамъ кожаными ремнями, и остается въ однихъ носкахъ. Носки носятъ мужчины и женщины. Для большого пальца въ носкѣ сдѣлано отдѣленіе, чтобы можно было пропустить ремень сандалии. Къ этимъ деревяшкамъ приделаны внизу двѣ подставки въ вершокъ вышины; при ходьбѣ онѣ стучать, и стукъ множества этихъ ходулечекъ на непривычное ухо производитъ чрезвычайно своеобразное впечатлѣніе.

Входя въ домъ, японецъ, присѣвъ на корточки, отвѣшиваетъ земной поклонъ; при этомъ онъ втягиваетъ въ себя сквозь стиснутыя зубы воздухъ; выходитъ нѣчто въ родѣ звука „ф-ф-ф-ф“. Особенно неловко чувствуетъ себя европеецъ, входя въ чайный домикъ или въ гостиницу; немедленно выбѣгаютъ прислуживающія вездѣ молоденькія японки, — мусмэ, — и утыкаются носомъ въ землю. Затѣмъ гостю предлагаютъ сѣсть на полъ, и изящныя мусмэ своими маленькими ручками снимаютъ съ него сапоги. Окончивъ эту операцію, онѣ ведутъ его во внутренніе покои и усаживаютъ на полу, на циновкѣ, въ лучшемъ случаѣ — на подушкѣ. Его окружаетъ цѣлый рой мусмэ: улыбаясь и болтая, приносятъ онѣ ящикъ съ горящими угольями для зажиганія папирозъ, пепельницу и крошечный лакированный столикъ, на который ставится миниатюрная чашка съ чаемъ. Мусмэ всячески услуживаютъ гостю, подчуютъ его и ухаживаютъ за нимъ.

Очень интересны прически японокъ. Это цѣлыя сооруженія, требующія большого искусства и большой заботливости. У японокъ блестящіе, черные длинные волосы, которые онѣ причесываютъ раза два въ недѣлю. Въ прическу натыкаются шпильки со всевозможными украшеніями на концахъ, — коралловыми шариками, изображеніями цвѣтовъ, насѣкомыхъ. Чтобы не испортить ночью своей прически, японка спитъ не на подушкѣ, а на деревянной подставкѣ, лишь сверху покрытой стеганной на ватѣ

матеріей. Въ этой подставкѣ сдѣлана выемка для шеи, такъ что для головы собственно нѣтъ никакой опоры. Мужчины стригутъ волосы. Старики еще продолжаютъ стягивать волосы въ косу, сбривая ихъ на темени.

Японцы очень чистоплотны. Они постоянно купаются, при чемъ омовеніе происходитъ публично. Съ утра, когда начинаютъ раздвигаться стѣны домовъ, можно повсюду видѣть купающихся въ деревянныхъ чанахъ японцевъ и японокъ. Не менѣе откровенны и общественныя бани. Ихъ множество въ каждомъ городѣ. Всѣ—общія для мужчинъ и женщинъ. Въ лучшемъ случаѣ, бассейнъ передѣленъ канатомъ на двѣ части. Стѣны въ баняхъ рѣшетчатая, такъ что съ улицы можно видѣть картину, напоминающую страну аркадскихъ пастуховъ. Приходъ европейца тоже мало смущаетъ плещущихся въ бассейнѣ и обсушивающихся на воздухѣ японокъ. Онѣ не спѣшатъ ни одѣться, ни спрятаться въ воду и лишь съ любопытствомъ разглядываютъ пришельца. Воду японцы любятъ только горячую, чуть что не кипяткомъ, и парятся до полубоморочнаго состоянія. Зимомъ купаются по нѣсколько разъ въ день, чтобы не замерзнуть въ холодныхъ японскихъ домикахъ. Въ Японіи повсюду имѣются естественныя горячіе источники, и природа какъ будто сама позаботилась о томъ, чтобы согрѣть японца въ холодную зимнюю пору. Бани часто соединены съ чайными домиками, куда, вдоволь напарившись, и отправляются освѣжаться.

Но, заботясь о чистотѣ своего тѣла, японцы не интересуются чистотой своей одежды. Бѣлья у нихъ нѣтъ совсѣмъ, а платье моется очень рѣдко. Ночью спятъ въ ватныхъ халатахъ, которые никогда не стираются.

Вся жизнь японца проходитъ на полу. На немъ сидятъ, ѣдятъ, спятъ. Ночью на полъ кладутся матрацы, приносятся подставки для головы,—и постель готова. Кушанье также ставится прямо на полъ. Въ лучшемъ случаѣ, предъ каждымъ устанавливается лакированный столикъ, но это считается уже большою роскошью. Ѣдятъ рисъ, рыбу, зелень. На европейскій вкусъ кухня японцевъ не слишкомъ привлекательна: сардинки съ сахаромъ, картофель съ сахаромъ, рыба въ сыромъ видѣ. Пьютъ рисовую водку-саки и чай. Въмѣсто ножей, вилокъ, ложекъ употребляютъ двѣ деревянные или костяныя палочки, которые держатъ въ одной рукѣ. Зато все подается на изящнѣйшихъ лакированныхъ таблеткахъ и въ художественно-разрисованныхъ чашечкахъ.

Все это можно видѣть, и не входя въ домъ. Достаточно только пройти по японской улицѣ. Благодаря открытымъ со стороны улицы домамъ, можно ознакомиться съ домашней жизнью японца, во всѣхъ ея подробностяхъ.

Съ утра во всѣхъ домахъ видны улыбающіяся лица женщинъ. Японки, да и японцы, постоянно улыбаются. У нихъ считается крайне невѣжливымъ показывать другимъ людямъ хмурое лицо, и потому улыбка не сходитъ съ лица японца и, въ особенности, японки.

Последнюю съ дѣтства приучаютъ вѣжливо улыбаться. Не только посторонніе люди, но прежде всего ея мужъ никогда не долженъ видѣть выраженія недовольства на ея лицѣ. Эта черта въ японской женщинѣ выработалась, благодаря ея подчиненному положенію. Японка не знаетъ любви. Она выходитъ замужъ не по выбору своего сердца. Родители находятъ ей мужа, и она безпрекословно переселяется къ нему въ домъ, становится его рабою. Она обязана повиноваться ему и его семьѣ. Разводъ очень легокъ. Непослушаніе, болтливость, сварливость, ревность—все это достаточныя основанія для того, чтобы мужъ отправилъ жену обратно къ родителямъ. Первые нѣсколько мѣсяцевъ брака считаются пробными, это какъ бы экзаменъ для жены. Не понравилась мужу—и онъ разводится съ ней. Въ домѣ отца она опять-таки занимаетъ совершенно подчиненное положеніе, не имѣя никакихъ правъ на отцовское имущество, которое цѣлкомъ переходитъ къ старшему сыну. При этомъ японская женщина страстно любитъ дѣтей, и потому предпочитаетъ всячески угождать мужу, лишь бы не уходить отъ него. Въ случаѣ развода, дѣти остаются у отца. Въ виду такой угодливости женщинъ, японецъ поступаетъ проще: онъ оставляетъ жену при себѣ, но беретъ къ себѣ въ домъ другихъ нравящихся ему женщинъ. А японка все молчитъ и улыбается.

И вотъ эта улыбка и дѣлаетъ такой привлекательной японскую незнакомку. Что у нея на душѣ—неизвѣстно, а по внѣшнему виду она весела и довольна, забавляетъ и развлекаетъ мужчинъ. Къ тому же, въ своемъ изящномъ, нѣжномъ кимоно она прелестна: миниатюрная, тоненькая, всегда набѣлненная и румяненная, японка кажется чудесной куколкой и восхищаетъ европейца. Воспитаніе японки также сводится къ тому, чтобы сдѣлать ее неотразимой для мужа: ее учатъ немного читать, но больше всего танцевать, пѣть, играть на самизенѣ (родъ гитары), мило улыбаться, съ установленными церемоніями подавать чай и т. д., и т. д., не говоря уже объ искусствѣ украшать себя. Всѣ японки бѣлятся и румянятся. Въ широкихъ рукавахъ ихъ кимоно сдѣланы карманы, въ которыхъ японка всегда носитъ съ собой бѣлила, румяна, пудру, зеркальце. Въ глубокихъ складкахъ оби она хранитъ бумажки для вытиранія носа, табакъ, крошечную трубочку, которую вѣчно посасываютъ и японцы, и японки.

Выходя замужъ, японка сбриваетъ себѣ брови и чернитъ зубы, чтобы отнынѣ никому болѣе не нравиться, кромѣ своего мужа. Впрочемъ, этотъ обычай уже въ значительной степени вышелъ изъ употребленія.

Между тѣмъ, до брака дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Японка должна нравиться во что бы то ни стало какъ можно большому числу мужчинъ. Продать свою дочь на время какому нибудь одному мужчинѣ или же отдать ее на опредѣленный срокъ въ какое нибудь заведеніе—считается вполне нормальнымъ. Отдаютъ дочь со спеціальной цѣлью, чтобы она собрала себѣ при-

даное. Дочь часто служитъ залогомъ за взятую въ займы сумму, которую отецъ нерѣдко забываетъ отдать. Все это настолько вошло въ плоть и кровь японцевъ, что недавно изданный законъ, запрещающій отдавать женщину какъ залогъ, лишь съ большимъ трудомъ проводится въ жизнь. Способныхъ и красивыхъ дѣвочекъ съ дѣтства отдаютъ въ обученіе антрепренеру, который воспитываетъ изъ нихъ гейшъ, такъ восхищающихъ европейцевъ. Наука все та же—пѣть, играть, танцовать. Гейша за плату увеселяетъ общество, собирающееся въ чайномъ домикѣ за чаемъ или саки. Она танцуетъ, т. е. дѣлаетъ всевозможныя движенія всѣмъ своимъ туловищемъ, но только не ногами. Узкія кимоно стѣсняють движенія ногъ. Поютъ онѣ, на европейскій слухъ, очень плохо. Но зато смѣются и болтають пресело. Многія изъ нихъ очень умны и талантливы. И ихъ „прошлое“ вовсе не служитъ препятствіемъ для выхода замужъ. Гейши нерѣдко увлекаютъ своей граціей и умомъ высокопоставленныхъ лицъ, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались женами министровъ. Вообще японецъ не ставитъ женщинѣ въ вину ея поведенія до брака, и приданое, собранное не очень чистымъ путемъ, отвращенія не вызываетъ. Въ 14—15 лѣтъ дѣвушка уже взрослая и начинаетъ жизнь— сначала прелестной игрушки, потомъ—рабы своего мужа. Но, несмотря на всю подчиненность японской женщины, она меньше страдаетъ отъ грубости мужа, чѣмъ европейская женщина. Изумительная вѣжливость—вотъ что поражаетъ въ японцѣ. Таковъ онъ и въ своей домашней жизни. Ни жена, ни дѣти не знаютъ рѣзкаго окрика, грубаго слова. О кулачной расправѣ не имѣють представленія. Мужья даже предупредительны: на гулянье, въ театръ, всюду берутъ съ собою женъ. Конечно, это не мѣшаетъ имъ, при малѣйшемъ недовольствѣ, развестись съ женой или взять наложницу. Въ этомъ отношеніи японецъ рабочаго класса живется лучше: у мужа нѣтъ средствъ, чтобы обзавестись двумя-тремя женами, и онъ чаще остается при своей первой женѣ.

Японки дѣятельны и трудолюбивы. Въ пять-шесть лѣтъ дѣвочка—уже нянька своихъ братишекъ и сестреночекъ. Съ утра мать привязываетъ дѣвочкѣ на спину ребенка, и она цѣлый день не разстается съ этимъ приросшимъ къ ней горбомъ. Съ нимъ она бѣгаетъ, играетъ съ другими дѣтьми. Но маленькіе наездники нисколько не страдаютъ отъ такой неудобной позы. Они необыкновенно ловко обхватываютъ ножками бока своей няньки и не соскальзываютъ съ ея спины. Нянька бѣгаетъ, у ребенка отвисаютъ ручки, головка, а онъ преспокойно спитъ въ этой болѣе, чѣмъ неудобной позѣ.

Обученіе въ Японіи обязательное. Нѣтъ ни одного кули, который не умѣлъ бы читать. Въ ожиданіи работы, всѣ стоятъ на улицѣ съ газетой въ рукахъ. Всѣ интересуются политикой. Между 6-ю и 14-ю годами всѣ дѣти посѣщаютъ школу въ продолженіе трехъ лѣтъ. Обучаются китайско-японской грамотѣ, евро-

пейскимъ языкамъ, географіи, ариѳметикѣ, всеобщей исторіи. Но труднѣе всего дается японскимъ школьникамъ наука сидѣнья на школьныхъ скамейкахъ, съ разогнутыми колѣнными. И не успѣваетъ учитель или учительница отвернуться, какъ за ихъ спиной уже задираются всѣ ножки, и малыши усаживаются съ поджатыми ногами на скамьяхъ, какъ на насѣстахъ. Религіознаго обученія не существуетъ. Преподаютъ лишь нѣкоторыя правила морали и рассказываются соотвѣтственныя исторіи. Напримеръ, о томъ, какъ одинъ мальчикъ хотѣлъ зимою выудить рыбу для своей мачехи; но такъ какъ рѣка была покрыта льдомъ, то онъ легъ сверху, чтобы, вслѣдствіе теплоты его тѣла, растаялъ ледъ. А другой мальчикъ спалъ ночью безъ одежды, чтобы отвлечь на себя комаровъ, кусавшихъ его родителей.

Уваженіе къ родителямъ внушается, какъ одна изъ высшихъ добродѣтелей. Японцы работаютъ лишь лѣтъ до 50, а затѣмъ уже о нихъ заботится старшій сынъ, къ которому переходитъ все имущество. Дѣтей не наказываютъ и никогда не бьютъ. Непослушнаго ребенка пугаютъ лишь краснымъ чортомъ Они, который придетъ и унесетъ его. Поэтому дѣти страшно боятся рыжихъ нѣмцевъ и, завидя издали страшнаго Они, мигомъ разбѣгаются по домамъ.

Для подготовки учителей, существуетъ цѣлый рядъ нормальныхъ школъ. Кромѣ низшихъ школъ, въ Японіи существуетъ цѣлая сѣть средне-учебныхъ заведеній, техническихъ школъ, морскихъ училищъ, музыкальныхъ школъ. Наконецъ, въ Токио и въ Киото есть университеты, въ которыхъ, на ряду съ японцами, преподаютъ профессора-европейцы. Въ 1901 г., по частному почину, былъ открытъ въ Токио даже университетъ специально для женщинъ. Число школъ и средне-учебныхъ заведеній для женщинъ все растетъ, и воспитаніе для многихъ изъ нихъ уже не ограничивается одними только искусствами.

Быстрота, съ какой японцы усваиваютъ европейскую культуру, поистинѣ изумительна и свидѣтельствуетъ о недожинныхъ способностяхъ этого народа.

Въ 1881 г. микадо, побуждаемый всеобщимъ недовольствомъ и броженіемъ умовъ въ странѣ, обѣщавъ дать Японіи конституцію, назначивъ срокомъ для объявленія ея 1890 г. Съ этой цѣлью отправился въ Европу маркизъ Ито, которому была поручена выработка конституціи. Конституція была составлена раньше обѣщаннаго срока и объявлена народу 11 февраля 1889 г. Первые выборы въ палату депутатовъ произошли въ юлѣ 1890 г., а 29 ноября состоялось, подъ предсѣдательствомъ микадо, торжественное открытіе засѣданій сейма. Японская конституція представляетъ собою компиляцію изъ европейскихъ, приспособленную къ японскимъ традиціямъ и правамъ.

Съ этого времени Японія вступила на путь реформъ и стала быстро усваивать европейскую культуру. Почта, телеграфъ, железнодорожное сообщеніе, электричество, школа — все устроено

по европейскому образцу. Японцы приглашаютъ къ себѣ европейскихъ мастеровъ, поручаютъ имъ вводить въ Японію европейскія усовершенствованія, и сами у нихъ учатся. Войско и флотъ также преобразованы по европейскому образцу.

Въ 1868 г., когда въ Японію впервые зашла рѣчь о необходимости преобразованій, микадо, между прочимъ, сказалъ: „Новыя идеи будутъ заимствоваться со всего свѣта, и слава Имперіи отъ этого только увеличится“. Это въ высшей степени характерная фраза для японцевъ. Они отовсюду заимствуютъ все полезное для себя, слегка перерабатываютъ на свой ладъ, и остаются все тѣми же японцами, со всѣми своимъ особенностями. Японцы—страстные патріоты, глубоко вѣрующіе въ будущее величіе Японіи. Необыкновенно предупредительные и вѣжливые, они въ то же время всегда остаются себѣ на умѣ. Приглашая къ себѣ европейцевъ, въ качествѣ профессоровъ, мастеровъ и т. п., они все же любятъ только свою Японію и лишь извлекаютъ изъ европейцевъ все, что можетъ оказаться полезнымъ для ихъ страны.

Въ высшей степени характерна для этой черты японцевъ ихъ національная игра — джюджутсу. Это борьба одинъ на одинъ, которая состоитъ въ томъ, что борющіеся не нападаютъ другъ на друга, а лишь стараются воспользоваться каждымъ движеніемъ другого и направить силу противника въ своихъ интересахъ. И болѣе того, они заставляютъ противника вредить самому себѣ, а сами почти не тратятъ силъ. Кажется, таковы японцы и въ войнѣ. Джюджутсу учатся всѣ студенты. При университетѣ даже существуетъ для этого специальное помѣщеніе.

Японцу ничего не стоитъ притвориться вѣрующимъ католикомъ для того, чтобы научиться у миссіонера французскому языку. Научится—и снова становится жизнерадостнымъ язычникомъ. И все это продѣлывается съ премилой улыбкой на устахъ, съ самыми низкими поклонами, такъ что и не заподозришь ехидства.

Благодаря богатству естественныхъ продуктовъ, удобству сухопутныхъ и водныхъ путей сообщенія и близости обширныхъ рынковъ, Японія и въ области промышленности сдѣлала невѣроятно быстрые успѣхи.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Японія не знала экспорта товаровъ; теперь же стоимость вывозимыхъ продуктовъ достигаетъ 50 милліоновъ іенъ (іена — около 1 рубля). Главную массу вывоза, около 80%, составляютъ японскіе фабрикаты, въ значительной степени являющіеся подражаніемъ европейскимъ образцамъ. Японскими товарами снабжаются азіатскія страны и Австралія. Японскіе фабрики и заводы устроены по образцу европейскихъ. Вводятся машины новѣйшихъ конструкцій. Электричество и паръ всюду употребляются, какъ двигательныя силы. Промышленное образованіе чрезвычайно распространено. Существуетъ цѣлая сѣть техническихъ школъ. При этомъ японцы, окончивая университетъ, охотно принимаютъ за промышленную

дѣятельность, не гоняясь за профессіями, болѣе отвѣчающими ихъ научному образованію.

Вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, въ Японію уже проникли всѣ бѣдствія капиталистическаго способа производства. Здѣсь уже есть огромная армія фабричныхъ рабочихъ, работаютъ уже женщины и дѣти, условія труда такъ же тяжелы, какъ въ Европѣ. И надо думать, что благословенная страна Восходящаго Солнца, съ ея вѣчно улыбающимся населеніемъ, со временемъ потускнѣетъ, и улыбку на лицѣ кули и незанъ замѣнить выраженіе усталости, недовольства, апатіи, столь свойственное европейскому рабочему.

Но страхнемъ съ себя этотъ мрачный призракъ, уже подстерегающій жизнерадостнаго кули, и вернемся къ японцу, такъ сказать, *au naturel*.

Даже религія японцевъ доставляетъ имъ однѣ только радости. Государственная религія въ Японіи — шинтоизмъ. Народъ не отдаетъ особаго предпочтенія ни шинтоизму, ни буддизму и охотно посѣщаетъ и шинтоистскіе, и буддистскіе храмы. Ни священныхъ книгъ, ни религіозныхъ догматовъ японцы не знаютъ. Определеннаго времени для молитвы также нѣтъ. Бонзы (жрецы) не совершаютъ никакого богослуженія. Рожденіе и бракъ не требуютъ ихъ участія, и только мертвыхъ сопровождаютъ они къ могилѣ. Повсюду въ Японіи можно видѣть статуи Будды съ необыкновенно тупымъ и флегматичнымъ выраженіемъ лица. Передъ нимъ склоняются на минуту молящіеся.

Интересно и въ высшей степеніи характерно для японцевъ преданіе о происхожденіи Будды. Существовалъ когда-то злой-презлой драконъ. Онъ жилъ въ пещерѣ и выходилъ изъ нея для того, чтобы пожирать людей. Много онъ ихъ уничтожилъ, и все населеніе было въ ужасѣ. Тогда царица Бентенъ рѣшила отправиться къ нему и спасти свой народъ. Она не взяла съ собой никакого оружія. Когда Бентенъ вошла въ пещеру, драконъ хотѣлъ броситься на нее, но она разсмѣялась (уже тогда японки смѣялись!) и сказала ему: — Какъ, неужели и меня ты хочешь съѣсть?—Драконъ устыдился и не съѣлъ ея, а.... женился на ней. Она отучила его отъ дурной страсти пожирать людей, и родила ему сына Будду. Имя царицы Бентенъ съ тѣхъ поръ не умираетъ въ народѣ.

Въ храмъ японецъ забѣгаетъ мимоходомъ. Подойдетъ, позвонитъ въ висящій у входа колоколь, ударитъ въ ладоши, чтобы извѣстить о своемъ приходѣ божество, и произноситъ про себя нѣсколько словъ молитвы. Или же воткнетъ въ землю передъ храмомъ палку и прикрѣпитъ къ ней бумажку, гдѣ уже записаны его просьбы.

Вообще, японцы совсѣмъ не фанатики и очень легко мѣняютъ религію, особенно если это сулитъ имъ какія либо выгоды. Какъ уже было выше сказано, японцу ничего не стоитъ притвориться

христианиномъ для того только, чтобы научиться у миссіонера иностранному языку.

Японскіе храмы строятся преимущественно въ живописныхъ мѣстностяхъ. Вблизи храмовъ всегда ютятся чайныя домики и открываютъ свои лавочки продавцы лакомствъ, бумажныхъ фонариковъ, дѣтскихъ игрушекъ. Въ праздничные дни къ храмамъ стекаются тысячи японцевъ со всѣми своими чадами и домочадцами. Они устраиваютъ здѣсь пикники и, вблизи своего совсѣмъ не грознаго божества, любятъ прекрасной природой, пьютъ саки и чай, ѣдятъ рисовыя праники, словомъ, наслаждаются жизнью. Дѣти вальзаютъ на огромную статую Будды, разгуливаютъ въ его пустой головѣ, ничуть не смущая этимъ колѣнопреклоненную внизу незань.

Понятно, что христианскіе миссіонеры имѣютъ лишь весьма незначительный успѣхъ въ Японіи. Въ какой другой странѣ можно найти религію, которая бы ровно ничего не требовала отъ своихъ послѣдователей и не сулила бы имъ никакихъ каръ ни въ земной, ни въ загробной жизни?

И суевѣрія японцевъ не имѣютъ мрачнаго характера. Дѣтей пугаютъ краснымъ чертомъ Они, который ихъ можетъ унести. Въ случаѣ эпидеміи, пишутъ на дверяхъ, что дѣтей дома нѣтъ, и тогда уже злой духъ, навѣрное, не принесетъ имъ болѣзни. Вѣрятъ въ чудесную силу хвоста у кошки, и потому предпочитаютъ безхвостыхъ кошекъ. Наконецъ, лисицу считаютъ колдуньей: она даже обернулась однажды паровомъ и бѣжала впереди поѣзда.

Похоронная процессія сопровождается бонзами, одѣтыми въ бѣлыя одежды. Вообще, бѣлый цвѣтъ считается траурнымъ, и всѣ присутствующіе на похоронахъ одѣты во все бѣлое. Гробъ имѣетъ кубическую форму, такъ какъ покойниковъ сажаютъ въ любимой позѣ японцевъ—на корточкахъ. По обѣимъ сторонамъ гроба несутъ букеты бумажныхъ цвѣтовъ, въ человѣческой ростъ величиною. Присутствующіе не плачутъ и порою даже улыбаются. Подъ этимъ голубымъ небомъ, среди этой прекрасной природы печаль не глубоко виѣдряется въ сердца, и миниатюрная незань, собравшись заплакать, улыбается вмѣсто того яркому солнцу.

Японцы вѣрятъ, что души умершихъ ежегодно, въ августѣ мѣсяцѣ, возвращаются въ свои жилища. Поэтому въ честь ихъ устраивается празднество „Даймонджи“, нѣчто въ родѣ нашихъ поминокъ, только очень веселыхъ. Улицы, дома, въ особенности тѣ, гдѣ въ теченіе послѣдняго года кто нибудь умеръ, разукрашиваются цвѣтами и бумажными фонарями. Послѣдніе навѣшаны повсюду: вдоль улицъ, по карнизамъ домовъ, на деревьяхъ, прицѣплены къ рикшамъ, мелькаютъ въ рукахъ пѣшеходовъ. Вечеромъ все блеститъ разноцвѣтными огоньками и оживляетъ и безъ того удивительно живописную картину. Улицы запружены толпами пестро-разодѣтаго народа, съ разноцвѣтными вѣрами и зонтиками въ рукахъ. Въ открытыхъ домахъ всюду виднѣются домашніе алтари,

воздвигнутые въ честь мертвыхъ, съ курящимися передъ ними благовоніями и чашечками съ рисомъ и саки, приготовленными для возвращающихся домой душъ мертвецовъ.

Особенно живописенъ, по описанію путешественниковъ, праздникъ мертвыхъ въ Кіото. Вечеромъ цѣлыя семьи устраиваютъ пикники въ руслѣ высыхающей лѣтомъ рѣки. Здѣсь же располагаются балаганы съ акробатами, фокусниками, танцовщицами, сказочниками. Отовсюду слышится игра на самизенѣ, на бубнахъ, пѣніе и смѣхъ, смѣхъ... Сюда приводятъ даже самыхъ маленькихъ ребятишекъ, которые, не переставая, жуютъ сласти и заглядываются на фокусниковъ. Вся картина залита мигающимъ свѣтомъ безчисленныхъ фонариковъ и производитъ впечатлѣніе какой то фантастической, волшебной-прекрасной сказки. Вечеромъ по-воздѣ на всѣхъ окрестныхъ горахъ загораются безчисленные огни, образуя разнообразныя фигуры, буквы и знаки, изображенныя огромными огненными линиями. Изъ всѣхъ грудей вырываются восторженные возгласы, и кажется несомнѣннымъ, что японцы и весь слѣдующій годъ будутъ таскать на горы дрова, складывая ихъ по указанію бонзъ, чтобы на слѣдующемъ праздникѣ мертвыхъ снова любоваться дивной фееріей.

Такъ живописны и всѣ прочія празднества японцевъ. Больше всего у нихъ праздниковъ, посвященныхъ цвѣтамъ. Даже мѣсяцы называются въ Японіи именами расцвѣтающихъ въ этомъ мѣсяцѣ цвѣтовъ; женщины тоже носятъ имена цвѣтовъ. Нѣтъ такого послѣдняго бѣдняка, который время отъ времени не покупалъ бы себѣ за нѣсколько грошей цвѣтка, нѣтъ такого бѣднаго домика, гдѣ бы въ бамбуковомъ вазонѣ не былъ посаженъ цвѣтокъ. Всюду стѣны внутри дома украшаются полосами бумаги, съ нарисованными на нихъ цвѣтами, соотвѣтственно распускающимся въ это время живымъ цвѣтамъ.

Первый въ году праздникъ цвѣтовъ — это праздникъ вишневаго цвѣта, который распускается раньше всѣхъ. И какъ красивы тогда сады японцевъ, залитые розоватой дымкой вишневаго цвѣта! Ко времени расцвѣта вишни, всѣ газеты ежедневно печатаютъ своеобразныя бюллетени о состояніи бутоновъ, отовсюду приходятъ телеграммы о расцвѣтѣ вишни, многіе ѣздятъ въ другіе города со спеціальной цѣлью полюбоваться раньше распустившейся тамъ вишней. Всѣ кимоно расшиты вишневымъ цвѣтомъ, у голыхъ кули за ухомъ—вишневая вѣтка. Парки и сады запружены въ этотъ день народомъ, счастливые обладатели вишневыхъ садовъ ссылаются къ себѣ на этотъ день всѣхъ знакомыхъ. И сколько радости на всѣхъ лицахъ!

Вообще до всякаго рода развлеченій и зрѣлищъ японцы большіе охотники, и театры у нихъ процвѣтаютъ.

Любопытное зрѣлище представляетъ собою театральная улица. Она такъ запружена народомъ, что на ней запрещается ѣзда даже на рикшахъ. Передъ театромъ высятся огромныя бамбуковыя шесты, съ привѣшанными къ нимъ афишами. На улицѣ пе-

редь театромъ разставлены безчисленные ряды сандалій, такъ какъ и въ театрѣ японецъ входитъ босикомъ. Рядомъ съ театромъ располагается множество чайныхъ домиковъ и балагановъ, въ которыхъ показываются всевозможные чудеса. Театръ обыкновенно переполненъ, и билеты нужно доставать заранее.

Национальный японскій театр не имѣетъ ничего общаго съ европейскимъ. Драматической литературы въ Японіи не существуетъ. За основаніе пьесы берется какая нибудь сказка, газетное сообщеніе или, наконецъ, историческое событіе. Въ послѣднемъ случаѣ придерживаются въ точности историческаго сообщенія. При другихъ пьесахъ актеры сами создаютъ себѣ роли, постепенно измѣняя и совершенствуя ихъ. Декораціи болѣе, чѣмъ незамысловаты. Нужно изобразить высокую стѣну съ воротами,—ставятся ворота, а зрители уже въ воображеніи дорисовываютъ стѣну и считаютъ, что актеръ по сю сторону стѣны не видитъ актера по ту сторону. Вмѣсто чайнаго домика, втыкаютъ въ землю два фонаря, съ надписью—„чайный домикъ“. Хороши лишь костюмы, нерѣдко старинные, переходящіе по наслѣдству отъ отца къ сыну въ семействахъ актеровъ. Суфлеръ сидитъ тутъ же, за отдѣльнымъ столикомъ, и рассказываетъ содержаніе пьесы. Вокругъ актеровъ, на самой сценѣ, суетятся ихъ слуги, которые поправляютъ погрѣшности въ ихъ туалетахъ.

Самый театр—это простой деревянный балаганъ. Сцена, въ видѣ подковы, охватываетъ партеръ, весь раздѣленный на ложи. Проходы—только по бокамъ, такъ что нужно перелѣзать черезъ чужія ложи, чтобы добраться до своей. Ложи—совершенно пусты и отдѣляются одна отъ другой перегородками. Спектакль продолжается цѣлый день, съ утра до вечера. Поэтому японцы приходятъ въ театръ всѣмъ домою, съ грудными дѣтьми, съ собственными припасами, жаровнями съ углемъ, циновками. Семья располагается въ ложѣ, какъ у себя дома: ѣдятъ, пьютъ чай, матери кормятъ младенцевъ грудью, дѣвушки поправляютъ свои туалеты. Сидятъ всѣ на полу, на корточкахъ. Надоѣсть смотрѣть, располагаются здѣсь же, въ ложѣ, спать. Въ антрактахъ приходятъ служители изъ сосѣднихъ чайныхъ домиковъ, безъ церемоніи перелѣзаютъ черезъ ложи, предлагаютъ чай, сласти, цѣлые обѣды. И никто не сердится за отдаленные порою пальцы. Во время игры на сценѣ, въ зрительномъ залѣ не умолкаютъ разговоры. Но, когда приближается развязка пьесы или особенно интересный моментъ, на сценѣ хлопаютъ въ ладоши,—и всѣ взоры обращаются туда.

Играть вмѣстѣ съ мужчинами считается для женщины неприличнымъ. Но въ послѣднее время, по настоянію императрицы, онѣ уже начинаютъ кое гдѣ появляться на сценѣ, а Сацца-Якко успѣла даже прославиться.

Вообще, кромѣ національнаго, въ Токио уже есть новый театръ, Мейджи-за, въ которомъ пробуютъ ставить произведенія европейскихъ драматурговъ. Этотъ театръ недавно поставилъ

„Отелло“ Шекспира, лишь очень немногія произведенія котораго были извѣстны до сихъ поръ въ переводѣ на японскій языкъ.

Первое представленіе „Отелло“ собрало полный театръ, при чемъ исключительно японцевъ. Пьеса, представленная труппой Каваками, имѣла необычайный успѣхъ.

Авторъ японскаго „Отелло“, Эмми Суиннъ, передѣлалъ пьесу нѣсколько на японскій ладъ. Дѣйствіе происходитъ на островѣ Формозѣ. Мавръ превратился въ генераль-губернатора Формозы и называется Муро; дожъ—здѣсь первый министръ Японіи и носитъ имя маркиза Уйениши; Дездемона—это Томона; Яго—лейтенантъ Ийа Гоцо; Кассіо—майоръ Кату Тоцё; Бланка—гейша Біаки и т. д.

Роли Дездемоны и Отелло были исполнены самыми талантливыми артистами труппы—Саддой-Якко и Каваками. Первой, прежде чѣмъ приобрести свою вполне заслуженную извѣстность, пришлось выдержать сильную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ. Японцы признаютъ артистами только лицъ, съ дѣтства посвятившихъ себя драматическому искусству. И потому появленіе на сценѣ Садды-Якко, женщины, да еще бывшей гейши, было принято за святотатство. Успѣхъ ея въ Европѣ, говорили японцы, доказываетъ лишь умственную незрѣлость Запада. И, несмотря на все это, труппа Каваками, съ Саддой-Якко во главѣ, овладѣла симпатіями всей Японіи.

Садда-Якко создала японскую Дездемону, типъ почти идеальной душевной красоты. И критика, считавшая необычайной дерзостью появленіе на сценѣ гейши, должна была признать въ ней гениальную артистку.

Въ японской литературѣ также замѣчается въ настоящее время увлеченіе европейскими писателями. Апостолами новаго теченія являются Шопенгауэръ, Ницше и Горькій. Сочиненія этихъ писателей обсуждаются въ собраніяхъ, ихъ изучаютъ, критическій разборъ ихъ произведеній составляетъ любимое чтеніе культурныхъ слоевъ населенія.

Переводы и популярныя изложенія „Заратустры“ находятъ самое широкое распространеніе. Д-ръ Токаяма, въ своей книгѣ, „Прекрасная жизнь“, доказываетъ, что художественное чутье по глубинѣ не уступаетъ у Ницше научному и религиозному. Д-ръ Куваки Гонайоку интересуется, главнымъ образомъ, ницшеанскій этикой, и его маленькая книжка расходится въ тысячахъ экземпляровъ.

Не меньшей популярностью пользуется Горькій. Существуетъ множество толкованій на его сочиненія. М. Тазегава Тенкей краснорѣчиво опровергаетъ ложное толкованіе, будто бы Горькій проповѣдуетъ бродячую жизнь, всецѣло преданную однимъ только животнымъ инстинктамъ. Онъ говоритъ, что, изображая эту жизнь съ такимъ поразительнымъ реализмомъ, Горькій имѣлъ въ виду осужденіе буржуазнаго общества съ его условностями

и ложью, особенно рельефно выступающими на фонѣ тѣхъ бѣдствій и страданій, причиною которыхъ оно является.

На ряду съ Горькимъ и Ницше, въ большомъ ходу Байронъ. Въ немъ видятъ предшественника Заратустры. Развѣ онъ не сказалъ: *Whatever is, is right* (все существующее справедливо), и развѣ не таковъ же смыслъ ученія Ницше: *Nichts ist wahr; alles ist erlaubt* (ничто не истина; все дозволено). Кимура Токатаро убѣжденъ, что байронизмъ, перенесенный на японскую почву, есть прекрасное противоядіе противъ лицемѣрія, лести, духовнаго безсилія,—свойства, которыя, по его мнѣнію, составляютъ національные пороки японцевъ.

Постановка Шекспира на сценѣ, въ особенности въ такомъ японизированномъ видѣ, также не мало содѣйствуетъ этому движению въ японской литературѣ. Театръ знакомитъ съ европейской литературой часть публики, которая мало читаетъ или не читаетъ вовсе. И критика единогласно одобрила автора японскаго Отелло М. Эмми Суиннъ, перерадившаго героя Шекспира въ японскіе костюмы, передѣлавшаго на японскій ладъ ихъ имена и отчасти даже чувства и сдѣлавшаго ихъ такимъ образомъ вполне понятными для широкой аудиторіи на почвѣ Японіи.

Но, съ другой стороны, уже образуется новое теченіе, протестующее противъ этого европеизированія японской литературы и стремящееся поддержать въ ней японскій духъ. Между тѣмъ, національная японская литература никогда не отличалась особенно выдающимися достоинствами. Это, по большей части, случайнѣйшія повѣствованія о какихъ нибудь необычайныхъ приключеніяхъ, при этомъ занимающія множество томовъ. Одинъ романъ состоитъ изъ 106 томовъ. Лучшія, наиболѣе изящныя произведенія принадлежатъ, какъ это ни удивительно, женщинамъ. Вообще, среди японокъ много поэтессъ.

Очень любятъ японцы древнія преданія, которыя они постоянно излагаютъ въ провѣ и въ стихахъ, перекладываютъ на музыку, изображаютъ на сценѣ.

Любимое преданіе—о 47 вассалахъ, отомстившихъ за смерть своего господина. Онъ былъ оскорбленъ однимъ вельможей и въ стѣнахъ дворца обнажилъ свой кинжалъ противъ оскорбителя,—преступленіе, караемое смертной казнью. Онъ былъ присужденъ къ харакири, т. е. долженъ былъ самъ себя распороть животъ,—обычай, существовавшій, между прочимъ, въ Японіи еще во второй половинѣ XIX в. 47 вѣрныхъ вассаловъ рѣшили отомстить оскорбителю, но, чтобы не возбуждать подозрѣній, стали вести разгульный образъ жизни. Наконецъ, когда представился благоприятный случай, они заманили къ себѣ оскорбителя и предложили ему лишить себя жизни путемъ харакири. Трусливый вельможа на это не рѣшился и былъ обезглавленъ. Тогда всѣ 47 вассаловъ отправились на могилу своего повелителя и усѣлись

кругомъ, ожидая себѣ смертнаго приговора. Послѣдній былъ пронесенъ, и всѣ 47 вѣрныхъ вассаловъ распоролѣ себѣ животы на могилѣ своего господина.

Не мало у японцевъ также хорошихъ пословицъ, прекрасно характеризующихъ ихъ взгляды на жизнь и на людей. Напр.: О себѣ самомъ прорицатель ничего не знаетъ. Сорванный цвѣтокъ уже не прирастетъ къ стеблю. Семь разъ упади, восемь разъ встань. Отсутствующій съ каждымъ днемъ удаляется все дальше. Врачъ излѣчиваетъ больного, если онъ не умираетъ. Счастье въ невѣдѣніи. Что имѣешь, того не желаешь, чего желаешь, того не имѣешь. Счетъ то правиленъ, да денегъ не хватаетъ. Когда дѣти соберутся, наконецъ, исполнить свой долгъ по отношенію къ родителямъ, то родители уже умерли.

Періодическая пресса очень быстро развивается въ Японіи. Первая газета появилась въ 1868 году. Въ настоящее время въ Японіи издается 1,500 различныхъ періодическихъ изданій, изъ нихъ до 400 ежедневныхъ газетъ. Правда, лишь немногія изъ нихъ представляютъ собою серьезные органы, сообщающіе и обсуждающіе послѣднія политическія новости. Большая же часть—это мелкія бульварныя газетки, сообщающія самыя нелѣпныя и непристойныя сплетни. Существуетъ также безконечное количество всякихъ журналовъ, ведущихъ болѣе или менѣе эфемерное существованіе и издаваемыхъ всевозможными обществами. Японцы ужасно любятъ устраивать всякія общества, объединенныя нерѣдко вовсе не общностью интересовъ, а только самыми незначительными внѣшними признаками. Таковы общества: „Людей съ усами“, „Рябыхъ“ и т. п. И каждое общество считаетъ своимъ неизмѣннымъ долгомъ имѣть свой органъ.

Въ Японіи издается также нѣсколько газетъ на англійскомъ языкѣ.

Спеціальной цензуры въ Японіи не существуетъ. За направленіемъ газетъ слѣдитъ полиція. Рѣзкая критика правительства карается закрытіемъ газеты и заключеніемъ редактора въ тюрьму. Впрочемъ, отношеніе къ прессѣ не болѣе строгое, чѣмъ въ конституціонныхъ государствахъ Европы.

Значительно большаго совершенства, чѣмъ въ своей національной литературѣ, японцы достигли въ живописи и скульптурѣ. Ихъ бронзовыя бездѣлушки восхитительны, а такихъ нѣжныхъ красокъ, какія въ ходу у японскихъ художниковъ, европейцы никакъ не могутъ добиться. Японская живопись, какъ извѣстно, имѣла большое вліяніе на современную живопись во Франціи и Англіи.

Музыка, какъ уже было сказано, процвѣтаетъ, хотя на слухъ европейца она гораздо болѣе напоминаетъ кошачьи концерты, чѣмъ настоящую музыку.

Такова Японія и ея обитатели. Въ какія-нибудь 25—30 лѣтъ японцы сумѣли перенести въ свою страну всѣ полезныя при-

обрѣтенія европейской цивилизаціи и легко освоились съ ними. Кто знаетъ, быть можетъ, со временемъ они переработаютъ эти, пока чисто-внѣшнія, заимствованія примѣнительно къ своему національному характеру и требованіямъ азіатскихъ вкусовъ и, такимъ образомъ, создадутъ совершенно новую культуру, въ основѣ которой будетъ лежать смяніе двухъ цивилизацій—европейской и азіатской.

О. Волькенштейнъ.

Джордано Бруно.

(Публичная лекція).

Давно известная вещь, что величайшія открытія не совершаются вдругъ, сразу. По большей части, великое разрѣшеніе вопроса, освѣщающее человѣческое знаніе, бываетъ только послѣднимъ словомъ длиннаго ряда слѣдующихъ одно за другимъ открытій, долгаго пути борьбы мысли и энергіи. И счастливы тѣ гени (ибо все же гениальное движеніе мысли нужно, чтобы объять все сдѣланное, соединить, подняться еще выше и сдѣлать выводъ), которые призваны сказать это послѣднее слово. Умы людей болѣе или менѣе подготовлены: они скорѣе могутъ понять это слово, принять этотъ выводъ и преклониться передъ мыслителемъ. И чѣмъ болѣе назрѣлъ, хотя и безсознательно, выводъ, имъ сдѣланный, тѣмъ скорѣе заслуга этого гениа бываетъ признана. Но есть другіе гиганты человѣческой мысли, участь которыхъ несчастна: это титаны, кладущіе первые камни и умственнымъ взоромъ видящіе ту постройку, которая будетъ существовать въ будущемъ. Они не увлекаютъ окружающихъ, которые ихъ не понимаютъ. Чѣмъ больше камни, воздвигнутые ими, чѣмъ выше они всходятъ и чѣмъ дальше видятъ, тѣмъ болѣе они чужды всѣмъ. Они падаютъ жертвами людей, „не вѣдающихъ, что творять“, и часто долго, очень долго покоятся непризнанные и послѣдующими поколѣніями.

Три столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ такой титанъ мысли—Джордано Бруно былъ сожженъ на кострѣ. Тогда для всѣхъ окружающихъ это былъ казненный монахъ, еретикъ, вздорный человѣкъ. „Душа его улетѣла въ тѣ міры, которые онъ выдумалъ“—находить возможнымъ посмѣяться надъ нимъ и его смертю одинъ изъ бывшихъ въ тотъ веселый день на площади цвѣтовъ (Campo di Fiori) въ Римѣ зрителей. И долгое время послѣ—его имя произносили одни съ пренебреженіемъ, другіе съ негодованіемъ. А потомъ и совсѣмъ перестали говорить о

немъ; забыли Джордано Бруно. Но мало по малу на его идеи начали обращать вниманіе; фигура Бруно стала расти; оканчивающійся XIX вѣкъ и зарождающійся XX-й съ удивленіемъ начинаютъ признавать колоса мысли и духа въ мечтателѣ, сожженномъ въ послѣднемъ году XVI столѣтія.

Его сочиненія изучаются; въ актахъ инквизиціоннаго суда отыскиваютъ данныя о его процессѣ; широта его могучихъ построеній вмѣстѣ съ твердостью его и рѣшимостью идти на смерть за истину заставляютъ преклоняться все большее и большее количество людей.

Съ какою торжественностью стеклись въ Римъ со всего міра въ 1889 году для открытія Бруно памятника!

Но какъ все-таки трудно страхнуть съ себя три столѣтія! Многие интеллигентные люди еще совершенно не знаютъ его. Сплошь и рядомъ вполне образованный человѣкъ, который челъ бы за личное оскорбленіе себѣ сомнѣніе въ томъ, знаетъ ли онъ Сократа, не слышалъ и самаго имени Бруно.

А между тѣмъ имя Джордано Бруно въ будущемъ, я убѣжденъ въ этомъ, будетъ произноситься всегда рядомъ съ пятью, шестью именами главныхъ столповъ человѣческой гениальности, въ числѣ коихъ находится и имя Сократа, съ которымъ онъ имѣетъ общее, между прочимъ, и мученическую смерть.

Джордано Бруно былъ сыномъ страны, которая въ то время второй разъ стала во главѣ культуры, второй разъ диктовала законы Европѣ. Но прежде это былъ эгоистичный, могучій, довольный собой одинъ городъ Римъ, который овладѣвалъ народами чрезъ посредство копій и мечей. Теперь это была цѣлая страна Италія, несчастная, раздираемая войнами, внутренними раздорами, страдающая внутри и снаружи, и въ это же время заставившая преклониться всѣ народы передъ тѣмъ яркимъ свѣтомъ, который вдругъ заблесталъ надъ нею. Она первая пробудилась отъ долгой зимней спячки; настала весна человѣческой мысли. Многовѣковый ледъ поднялся, растрескался, и льдины понеслись, кружась, наталкиваясь одна на другую, всплывая и погружаясь.

Весна не можетъ быть безъ бурь и шкваловъ. Борьба зимы и весны унесла много жертвъ. Кровь человѣческая лилась среди лихорадочной жизни, побѣды ума и мысли, среди торжественнаго шествія впередъ. Народы пробуждались въ волненіи. Каждый день дарилъ вновь открытые памятники мысли и искусства древняго міра, каждый день дарилъ новыя открытія, новыя чудеса творчества богатырей Возрожденія. Стремленіе къ жизни духомъ, стремленіе къ знаніямъ и искусству разлилось широкой рѣкой. Любовь къ искусству проникла во всѣ слои общества. Цырюльникъ Доменико перекладываетъ въ стихи анекдоты, которые онъ слышалъ у себя въ мастерской. Сапожникъ Джелли читаетъ лекціи о Данте. Послѣ его смерти надъ гробомъ говорить образцовую рѣчь

портной Карпи. Все, отъ мала до велика, стремится внести свой вкладъ въ культуру, итти впередъ.

Въ 1547 году, когда люди, проводившіе до могилы Рафаэля и творца Возрожденія Леонардо да-Винчи, еще не успѣли собраться, когда Микель-Анджело трудился надъ постройкой собора св. Петра и оплакивалъ смерть Витторіи Колонны, а въ Сорренто игралъ со своими сверстниками четырехлѣтній Торквато Тассо, когда міръ только что прочелъ сочиненіе Коперника „О движеніи небесныхъ тѣлъ“, не зналъ еще, какъ надо къ нему отнестись и ожидалъ въ скоромъ времени Бекона Веруламскаго,—въ Кампаньѣ, въ мѣстечкѣ Нолѣ родился Джордано Бруно.

Нола—городъ, основанный еще до владычества Рима древними Греками—находится въ живописной мѣстности вблизи Везувія и моря. Бруно страстно любилъ мѣсто своей родины и часто во время своей скитальческой жизни называлъ себя Ноланцемъ.

Онъ рассказывалъ потомъ, что, смотря на окружающіе его чарующіе виды, онъ въ дѣтствѣ никакъ не могъ себѣ представить, что есть еще что-то за тѣмъ горизонтомъ, который онъ видѣлъ. Однако, изъ этого даже отрицательнаго „не могъ представить“ видно, что уже въ дѣтствѣ онъ все же не просто смотрѣлъ кругомъ и наслаждался, а, видимо, думалъ о томъ, что тамъ дальше, за горизонтомъ. Впослѣдствіи ему пришлось не только многое самому увидѣть изъ того, что было за горизонтомъ Нолы, но взоръ его проникъ гораздо дальше, и онъ увидѣлъ безчисленные міры и безконечность вселенной.

На 17 году Бруно дѣлаетъ ошибку и поступаетъ въ Доминиканскій орденъ. Это совершенно не подходило къ его характеру. Горячій, веселый, жизнерадостный, съ большой, мощной фантазіей, поэтъ-ораторъ, красавецъ собой, смѣлый борецъ противъ авторитета, онъ не могъ и не долженъ былъ удовлетворяться монастырской дѣятельностью. И это скоро сказалось. Въ его кельѣ появились книги, которыхъ могло бы и не быть у католическаго монаха; между прочимъ, тутъ онъ познакомился и съ книгой Коперника, легшей въ основаніе его взглядовъ. Кажется, къ этому времени надо отнести созданіе имъ его комедіи *Il Candelaio*, напечатанной потомъ въ Парижѣ. Расширивъ еще свой кругозоръ знаніями, Бруно не могъ удержаться и началъ высказывать свои мысли, клонящіяся къ опроверженію нѣкоторыхъ установленныхъ правилъ, и возсталъ даже противъ самого Аристотеля.

Аристотель былъ еще тогда властителемъ умовъ. Его ученіе, впрочемъ, даже и не настоящее, а средневѣковая фальсификація Аристотеля, и система Птолемея были прямо каноническими. И чѣмъ сильнѣе чувствовалось дуновение свѣжей струи Возрожденія, тѣмъ сплоченнѣе старались ему противодействовать оплоты старыхъ предрасудковъ: таковыми являлись тогда католическое духовенство и университеты. Послѣднее совершенно понятно. Когда человѣкъ не могъ думать о знаніяхъ,

ибо самая жизнь его была не обеспечена, когда кругомъ царило полное мракобѣсіе, варварство и невѣжество, тогда только въ университетахъ пріютились спасенныя крохи просвѣщенія. Лелѣя и сберегая ихъ, какъ маленькихъ дѣтей, университеты привыкли защищать ихъ цѣною хотя бы своей жизни отъ всякаго посягательства. Они передавали ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и понимали свою миссію въ томъ, чтобы оберегать ихъ. Но жизнь не ждетъ, жизнь летитъ. Уже не невѣжество и не варварство, а новыя идеи, новыя знанія стали стучаться снаружи въ двери университетовъ, а сидящіе тамъ традиціонно знали, что они должны защищать свои сокровища, и не отрывали дверей. Вотъ отчего вообще бываетъ, что новая мысль, мысль смѣлая, все переворачивающая, часто возникаетъ не тамъ, гдѣ, какъ казалось бы, она должна возникнуть, а вѣдь этого: новыя направленія въ живописи рождаются не въ академіяхъ, новыя теченія въ музыкѣ—не въ консерваторіяхъ.

Но я возвращаюсь къ Аристотелю.

Среди профессоровъ Аристотель царствовалъ. Любимъ приводилъ рассказъ, не знаю откуда имъ взятый, будто одинъ студентъ увидѣлъ на солнцѣ пятна и сообщилъ объ этомъ своему учителю: „о, нѣтъ, сынъ мой, отвѣчалъ тотъ, этого быть не можетъ: я отлично изучилъ сочиненія Аристотеля, и въ нихъ нигдѣ не упоминается о пятнахъ на солнцѣ“.

Парижскій парламентъ по требованію Сорбонны объявилъ въ двадцатыхъ годахъ уже 17-го столѣтія, что итти противъ Аристотеля есть ересь.

Послѣ высказанныхъ сомнѣній Бруно бѣжалъ изъ монастыря въ Римъ, но и тамъ начала противъ него процессъ инквизиція. Онъ скрылся и переехалъ въ Геную. Вблизи этого города впервые читалъ онъ публично лекціи,—это были лекціи по астрономіи. Посѣтивъ Венецію, Падую и другіе города Сѣверной Италіи, Бруно въ 1576 году скидываетъ монашеское одѣяніе, надѣваетъ шляпу, плащъ, шпагу и покидаетъ Италію.

Въ Женевѣ его гостепріимно принимаютъ кальвинисты. Но онъ не могъ молчать, когда съ чѣмъ либо не соглашался. Изданная имъ брошюрка съ возраженіями противъ одного изъ учителей кальвинизма становится причиной того, что онъ попадаетъ въ тюрьму. Выпущенный на волю, онъ не желаетъ болѣе имѣть дѣла съ этими „деформаторами католицизма“, какъ онъ ихъ прозвалъ, и переезжаетъ въ Тулузу.

Тамъ былъ извѣстный университетъ, въ которомъ насчитывалось болѣе 10,000 студентовъ. Бруно сдалъ экзаменъ на доктора и открылъ курсъ лекцій. Горячее, увлекательное его краснорѣчіе, образная рѣчь съ порывами поэтическаго вдохновенія сразу обратили на себя вниманіе. Аудиторіи ломились отъ слушателей. Лекціи его съ жаромъ обсуждались и вызвали споры. Онъ прямо поставилъ себя противъ идолопоклонства передъ Аристотелемъ и противъ Птолемея и, не стѣсняясь, смѣялся

надъ оковами ихъ авторитета. Отношенія съ профессорами, лекціи которыхъ уже давно привыкли течь по рутинной дорожкѣ схоластики, все болѣе и болѣе отъ этого обострялись, и, наконецъ, Бруно былъ принужденъ оставить Тулузу.

Всего 8 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Парижъ безпримѣрной ночью 24 августа 1572 года показалъ міру свою жестокою нетерпимостью по отношенію къ мнѣніямъ, имъ не раздѣляемымъ; еще на глазахъ у всѣхъ были 2,000 труповъ гугенотовъ, пострадавшихъ за свои убѣжденія, когда появляется въ этомъ городѣ нашъ смѣлый отрицатель авторитетовъ. И здѣсь среди милліона онъ не затерялся. Напротивъ, онъ сразу выдвинулся. Его популярность стала необыкновенна. Она не упала даже тогда, когда онъ отказался отъ предложенія короля Генриха III быть штатнымъ профессоромъ Сорбонны, отказался потому, что съ этимъ была связана обязанность посѣщать католическую мессу. Къ нему привлекало его живое слово, вдохновенное, смѣлое, иногда насмѣшливое и злое. Къ нему привлекала и его красивая, по свидѣтельству всѣхъ, наружность. Блѣдное, худое лицо, обрамленное каштановыми кудрями, со строгимъ съ горбинкою носомъ и глубоко сидящими черными глазами, можетъ быть, еще больше имѣло значенія, чѣмъ его талантъ и умъ, въ томъ, что предъ нимъ преклонялись и женщины.

Обожаемый одними и ненавидимый другими, думающими, что только они держатъ въ рукахъ все человѣческое знаніе, Джордано Бруно въ 1583 году, получивъ рекомендательное письмо отъ самого короля къ посланнику въ Лондонъ, перебирается въ этотъ городъ.

Пребываніе въ Лондонѣ, кажется, можно назвать самымъ счастливымъ временемъ въ его жизни. Онъ былъ окруженъ извѣстнѣйшими, просвѣщеннѣйшими личностями того времени. Во-первыхъ, французскій посланникъ, у котораго онъ жилъ, затѣмъ лордъ Гревиль, Гарвей ¹⁾, Филиппъ Сидней, выдающійся по уму и образованію челоувѣкъ, смѣлый защитникъ народа, не стѣснявшійся высказывать королевѣ Елизаветѣ неприятыя для нея свои мнѣнія. Послѣдній сталъ близкимъ другомъ Ноланскаго философа.

Одно время Бруно читалъ лекціи въ Оксфордѣ. Объ этихъ лекціяхъ не могъ не слышать Беконъ, который не задолго передъ тѣмъ началъ проникаться ненавистью къ средневѣковому Аристотелю въ Кембриджѣ и которому теперь было около 24 лѣтъ.

Однажды Оксфордскій университетъ устроилъ турниръ. Онъ выставилъ лучшихъ профессоровъ за Аристотеля и Птолемея и вызвалъ желающихъ сразиться. Разумѣется, Бруно принялъ вызовъ. Если не ошибаюсь, не сохранилось постороннихъ свидѣ-

¹⁾ Не знаменитый Вильямъ Гарвей, открывшій кровообращеніе и положившій начало современной физиологіи, которому тогда было только пять лѣтъ.

тельство объ исходѣ этого турнира. Самъ же Бруно сообщаетъ въ своемъ *Senza delle Senegri*, что онъ 15 разъ заставилъ замолчать своего противника.

Скоро Оксфордскій университетъ, который Бруно называлъ „*la vedova di buone lettere*“ — вдовой трезваго знанія, а также „Созвѣдїемъ педантовъ“, прекратилъ чтеніе его лекцій. Вообще оппозиція противъ слишкомъ смѣлой проповѣди Бруно въ ученой Англии росла, и онъ, въ виду возвращенія французскаго посланника, ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ въ Парижъ.

Въ Парижѣ этотъ разъ онъ не довольствуется чтеніемъ лекцій. Онъ устраиваетъ въ Троицынъ день большой диспутъ.

Это было торжественное провозглашеніе идей Бруно о безконечности вселенной, вращеніи земли, о невозможности преклоняться передъ авторитетомъ Аристотеля и о бессмысленности системы Птоломея. Ученіе Бруно было вполне точно, ясно и открыто объявлено. Профессора Сорбонны, присутствовавшіе на диспутѣ, не вѣрили своимъ ушамъ и удивлялись дерзости проповѣдывать такіа еретическія мысли открыто. Необходимымъ слѣдствіемъ этого диспута было бѣгство Джордано Бруно изъ Парижа въ Германію.

Нельзя сказать, чтобы лютеране тогда обладали полною терпимостью, но въ то время вообще трудно было найти гдѣ нибудь уваженіе къ свободѣ мнѣнія; въ Германіи все же скорѣе, чѣмъ въ большинствѣ другихъ странъ. Это было одной изъ причинъ того подъема полета человѣческой мысли, которымъ Германія удивила потомъ міръ. Прежде всего Бруно направился въ Марбургъ, но его отношенія тамъ съ университетомъ кончились только тѣмъ, что онъ нанесъ ректору оскорбленіе, упрекая его въ мракобѣсіи, и перебрался въ Виттенбергъ. Въ Виттенбергѣ онъ два года занимаетъ мѣсто приватъ-доцента, читаетъ лекціи, издаетъ тезисы противъ Аристотеля, пока не умираетъ курфюрстъ лютеранинъ. Новый курфюрстъ — калвинистъ, и Бруно изгоняется изъ университета. Онъ появляется въ католической Прагѣ и хорошо принимается императоромъ Рудольфомъ II. Но въ университетѣ тамъ имѣютъ преобладаніе Доминиканцы, такъ что Бруно не былъ туда и допущенъ. Возмущаясь, негодуя, критикуя и проповѣдая, переселяется онъ въ Гельмштедтъ. Здѣсь университетъ только что основанъ; онъ не имѣетъ традицій, которыя заставляютъ его итти въ наукѣ по той или другой тропинкѣ. Профессора не составили въ теченіе вѣковъ одно опредѣленное „созвѣдіе“, говоря словами Бруно, въ которомъ каждый занималъ бы опредѣленное мѣсто съ опредѣленными вѣрованіями. Они сошлись съ разныхъ мѣстъ и не успѣли еще выстроить стѣну, мѣшающую доступу воздуха въ храмъ науки. Свобода убѣжденія и преподаванія въ короткое время дала пышный расцвѣтъ мысли. Бруно здѣсь былъ такимъ же законнымъ членомъ университета, какъ и каждый его товарищъ. Но потомъ обстоятельства измѣнились, съ новымъ герцогомъ Брауншвейгъ-

скимъ появились новыя вѣянія, приносившія непріятности Бруно. Онъ былъ даже отлученъ отъ церкви, правда, отъ лютеранской, между тѣмъ какъ къ лютеранской церкви онъ никогда не принадлежалъ. Какъ ни какъ, онъ оставляетъ Гельмштедтъ и перѣзжаетъ во Франкфуртъ на Майнѣ; здѣсь ему не разрѣшено даже жить въ городѣ. Поселившись за городомъ въ Кармелитскомъ монастырѣ, онъ занимается корректурой своихъ сочиненій, печатаемыхъ издателями во Франкфуртѣ, и принимаетъ многочисленныхъ посѣтителей, книгопродавцевъ, издателей, студентовъ, пожелавшихъ видѣть уже извѣстнаго всей Европѣ Джордано Бруно. Изъ Франкфурта же онъ съѣздили и посѣтилъ Швейцарію, Цюрихъ.

Въ этихъ скитаніяхъ изъ университета въ университетъ, изъ города въ городъ, въ этихъ блужданіяхъ по Европѣ Джордано Бруно не покидаютъ воспоминанія объ оставленной имъ родинѣ. Желая высказать удовольствіе или радость, онъ иногда восклицаетъ, что ему показалось даже, будто онъ находится подъ яснымъ небомъ Італіи. Желая сказать пріятное своему другу, онъ говоритъ: ты обратилъ мнѣ это мѣсто въ Нолу. Эта любовь его понятна во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, окружавшая его теперь природа не согласовалась съ его характеромъ, живымъ, горячимъ, жизнерадостнымъ. Его, сына пламеннаго Везувія и ароматныхъ апельсинныхъ рощъ, просто должно было угнетать туманное небо Лондона или прохладное лѣто Виттенберга. Съ другой стороны, онъ видѣлъ и понималъ, что именно изъ его отечества идутъ широкія и свѣтлыя волны Возрожденія. Італія, чего мы уже касались, стояла тогда во главѣ цивилизаціи. Бруно стремился туда всѣми силами души и воспользовался первымъ случаемъ, ему представившимся, чтобы удовлетворить это стремленіе. Венеціанскій патрицій Мочениго черезъ книгопродавцевъ, ѣздившихъ изъ этого города во Франкфуртъ, пригласилъ Бруно давать ему уроки философіи. Предложеніе не было особенно привлекательно, но его звали въ Венецію, въ Італію, и Бруно поѣхалъ. Недалекій, вздорный и скучающій Мочениго совершенно разочаровался въ своемъ учителѣ и его ученіи, ибо онъ думалъ первоначально, что Бруно будетъ его обучать какимъ-нибудь тайнымъ знаніямъ алхиміи и кабалистики. Недовольство его на своего профессора все росло. Наконецъ, Бруно рѣшилъ, что ему ничего не остается болѣе здѣсь дѣлать и, несмотря на появившіяся уже связи съ образованными людьми тогдашней Венеціи, онъ рѣшилъ вернуться во Франкфуртъ и даже уложилъ свои книги и бумаги и отправилъ ихъ туда. Онъ назначилъ день своего отъѣзда, но въ ночь передъ отъѣздомъ Мочениго съ нѣсколькими гондольерами схватили Бруно и заключили его въ одну изъ комнатъ квартиры Мочениго. Въ этотъ же день ученикъ написалъ доносъ венеціанской инквизиціи на своего учителя и 23 мая 1592 года Бруно заключили въ эту знаменитую, лучшую изъ тюремъ Італіи, изъ оконъ которой виденъ розоватый San

Giorgio Maggiore на свѣтло-голубой лагунѣ. Черезъ восемь лѣтъ онъ взшелъ изъ темницы на костеръ, зажженный инквизиціей въ Римѣ на Campo di Fiori. Такова жизнь Бруно.

Мы все время говорили о его смѣлой проповѣди, о несогласіи его съ авторитетами, о возмущеніи многихъ его новыми взглядами. Между тѣмъ, мы еще совершенно не сказали о томъ, что это было за ученіе? Для проповѣданія чего онъ жилъ? Ради чего онъ умеръ? Можетъ быть, нужно было сдѣлать это раньше, но мнѣ прежде хотѣлось кончить съ фактами его внѣшней жизни. Теперь же перейдемъ къ его ученію.

Человѣчество до Коперника представляло себѣ міръ такимъ образомъ. Въ центрѣ всего находится земля. Вокругъ нея въ извѣстномъ разстояніи вращаются прозрачныя поверхности, прозрачныя шары, вставленные одинъ въ другой. На одной такой сферѣ прикрѣплена луна, на другой солнце, на нѣкоторыхъ разныя планеты, и, наконецъ, все замыкаетъ со всѣхъ сторонъ непрозрачная сфера съ неподвижными звѣздами. Такова была система Птолемея. Коперникъ совершенно перевернулъ все это мировоззрѣніе. Не земля центръ всего, а солнце. Земля вмѣстѣ съ другими планетами движется вокругъ солнца. Ученіе это было найдено противнымъ религіи. Изъ него слѣдовало, что не человѣкъ главнѣйшее созданіе созданнаго міра, и не для него этотъ міръ созданъ, и противъ этого ученія было воздвигнуто страшное гоненіе. Но Коперникъ самъ все-таки считалъ міръ одной нашей солнечной системой. За послѣдней планетой, думалъ онъ, находится сфера неподвижныхъ звѣздъ, все ограничивающая и заканчивающая. Бруно, родившійся черезъ пять лѣтъ послѣ выхода книги Коперника, положилъ его открытіе въ основаніе своихъ размышленій и пошелъ далѣе. Называя себя дальнѣйшимъ продолжателемъ Пинеагора, Эпикура и Лукреція, а изъ новыхъ—Николая Кузанскаго, онъ развилъ слѣдующее построеніе.

Вселенная безконечна. Неподвижныя звѣзды—также солнца, вокругъ которыхъ кружатся свои земли. Нѣкоторыя солнца со своими системами также вертятся вокругъ своихъ солнцъ. Эти синоды свѣтилъ вращаются вокругъ своихъ солнцъ; и такъ до безконечности. Свѣтила движутся такъ, какъ еслибы они притягивали другъ друга... Міры безчисленны; вселенная безконечна. Безконечна, но едина. Вселенная—это одинъ организмъ. Матерія однородна. Она раскрывается лишь въ цѣломъ рядѣ формъ, въ цѣлой градаціи организмъ, которые переходятъ изъ низшихъ съ большою постепенностью въ высшіе. Вселенная—это рядъ организмъ, входящихъ одинъ въ организацію другого. Одни, включая въ себѣ другихъ, различаются лишь въ степени совершенства и дальнѣйшемъ развитіи. Слѣдовательно, что заключается въ однихъ, то заключается и въ другихъ, хотя бы и въ менѣе развитомъ видѣ. Слѣдовательно, совнаніе и мышленіе заключается всюду, сознаніе и мышленіе едины съ матеріей. Въ низшихъ формахъ они сообразно съ этимъ едва развиты. Человѣкъ, являясь

уже значительно совершенной формой, обладает и сознаниемъ, и мышлениемъ въ достаточно развитой степени. Но человекъ также входитъ въ составъ другой болѣе сложной организаци — земного шара, сознание котораго должно быть выше.

Земной шаръ есть часть солнечной системы. Солнечная система—часть системы солнечныхъ системъ. Наконецъ, все объединяется вселенной. Вселенная—организмъ безграничный и заключающій въ себѣ все. Посему сознание ея, сущность космоса, безпредѣльно и обнимаетъ въ одномъ актѣ мышленія и воли всю безконечность. Это и есть Богъ.

Это учение Бруно изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ „La Cena delle Ceneri“, „Del Infinito Universo e Mondi“ и „Della Causa, Principio ed Uno“, изданныхъ имъ въ Лондонѣ.

Затѣмъ во Франкфуртѣ онъ дополнилъ это еще учениемъ о монадахъ.

Монадой Бруно, беря это слово отъ Николая Кузанскаго и пиагорейцевъ, называетъ отдѣльную, живущую и самостоятельную жизнь, часть болѣе сложнаго организма. Такъ, земля есть одна изъ монадъ солнечной системы, человекъ—монада земли.

Но если идти все по лѣстницѣ внизъ отъ болѣе высшихъ къ низшимъ организмамъ, то мы дойдемъ, наконецъ, до такой частицы, меньше и ниже которой уже нѣтъ. Это будетъ атомъ. Но такъ какъ изъ этихъ атомовъ состоитъ и вся вселенная, то это не есть какой-нибудь атомъ мертвый, безжизненный. Нѣтъ, въ немъ заложены элементы мышленія, элементы сознанія...

Это зачатокъ матеріи, обладающій уже зачаткомъ мысли; точка физическая и вмѣстѣ съ тѣмъ психическая. Этотъ живой атомъ есть начальная монада. На другомъ концѣ, если такъ можно выразиться, вселенная есть также монада, монада монадъ. Въ первой, какъ начальной монадѣ, изъ которой составляется все, и второй, какъ заключающей въ себѣ это все, нѣтъ никакихъ земныхъ точекъ зрѣнія, онѣ неизмѣнны, неразрушимы, въ нихъ полное отсутствіе всякихъ противоположностей, противорѣчій.

Коснувшись здѣсь земныхъ точекъ зрѣнія, я, такимъ образомъ, перехожу къ его ученію о воспріятіи, т. е. къ тому, какъ мы познаемъ міръ. Онъ говоритъ: первоначально всѣ видѣли, какъ солнце восходитъ и заходитъ, и поэтому просто и ясно понимали, что солнце крутится вокругъ земли, что земля—это центръ міра, что небо наверху; но оказалось, что все это не такъ. Великое открытіе Коперника показало, что человекъ находится на маленькомъ тѣлѣ, вращающемся вокругъ солнца. Далѣе оказалось, что и солнце не въ центрѣ міра, а со всей своей системой представляетъ одинъ изъ безчисленныхъ міровъ безконечной вселенной. При такомъ полномъ крушеніи представленій людей философъ, разумѣется, вправѣ и долженъ усомниться во всемъ рѣшительно. Не есть ли всѣ остальные наши представленія—чисто земныя, человѣческія, несоотвѣтствующія природѣ, какъ нѣтъ, вѣдь, въ природѣ верха и низа, права и лѣва, средины и краевъ?

Да, всё наши идеи и представленія относительно и условны, такъ какъ зависятъ отъ нашего положенія на землѣ. Поэтому, если мы будемъ изучать окружающія насъ явленія, то мы будемъ видѣть нѣчто не то, что въ дѣйствительности есть,—это будетъ только тѣнь существующаго. Отсюда и книга, въ которой Бруно говоритъ объ этомъ, называется: „Тѣни идей“—„De umbris idearum“. Но и по тѣнямъ можно составить извѣстное представленіе о предметѣ, а потому Бруно призываетъ къ изученію окружающаго, къ наблюденію, къ опыту. Онъ говоритъ о томъ, къ какимъ открытіямъ иногда приходятъ алхимики, занимаясь, хотя и совсѣмъ съ иной цѣлью, изысканіями и опытами.

„Зачѣмъ мы будемъ“, восклицаетъ Бруно, „опираться на фантазіи тамъ, гдѣ самъ опытъ можетъ руководить нами“.

И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ:

„Къ какимъ безчисленнымъ открытіямъ мы сдѣлаемся способны, если будемъ только пробовать, экспериментировать, сравнивать, дѣлать, складывать, наблюдать и абстрагировать“.

Но затѣмъ, съ другой стороны, есть и другой родъ познанія... Природа не такова, какъ она намъ кажется съ земной точки зрѣнія. Мы видимъ только тѣнь ея, но мы сами входимъ въ составъ этой природы, мы часть ея, одинъ изъ лѣстницы организмовъ; поэтому изнутри, изъ себя мы можемъ предугадывать природу и предугадывать, стало быть, самую сущность ея, каковымъ предугадываніемъ Бруно и построилъ свою безграничную вселенную. Изъ обозрѣнія этой вселенной-организма—Бога понятно само собой, какова должна быть этика Бруно. Въ такой вселенной не можетъ быть зла, какъ извѣстнаго существующаго элемента.

Зло есть также одна изъ нашихъ земныхъ точекъ зрѣнія. Зло относительно, зло собственно нѣтъ, а есть только большее или меньшее совершенство. Всѣ свойства человѣка законны и естественны. Меньшее совершенство заключается въ томъ, что одни свойства могутъ совершенно заглушить другія. Чтобы избѣжать крайности, надо, чтобы не было ошибочныхъ мнѣній, надо, чтобы было знаніе. Здѣсь, такимъ образомъ, слышенъ Сократъ. Таковъ космосъ, какъ его предугадалъ Джордано Бруно.

Я уже говорилъ о томъ, что одиннадцать лѣтъ тому назадъ въ Римѣ открытъ Бруно памятникъ. Онъ изображенъ на немъ во весь ростъ въ монашеской одеждѣ съ книгой въ рукахъ. Лобъ и брови его нахмурены, а глубоко сидящіе глаза, полные думы, кажется, пронизываютъ вселенную. На памятникѣ написано, что онъ поставленъ „отъ столѣтія, которое Бруно провидѣлъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зажженъ костеръ“. Дѣйствительно, до чего съ разныхъ концовъ нашъ вѣкъ подходитъ къ выводамъ Бруно, просто поразительно. Прежде всего можно даже не говорить о внѣшнемъ устройствѣ вселенной. О безграничности уже не можетъ подняться и спора; но Бруно говорилъ и о сплюсненіи земли у полюсовъ, и о вращеніи солнца также вокругъ своей оси, о вращеніи свѣтилъ вокругъ другихъ солнць, которыя намъ кажутся

неподвижными звѣздами, о вращеніи кометъ. Бруно прозрѣваетъ даже законъ Ньютона, какъ это видно было, если я ясно выразился, изъ предыдущаго изложенія.

Далѣе, въ настоящее время время уже совсѣмъ не представляется дикою и странною, какъ это было во времена Бруно, идея о томъ, что одни организмы, живя своею жизнью, входятъ въ составъ другого, болѣе высокаго организма. Напротивъ, таковъ именно и есть міръ, какъ намъ говорятъ натуралисты. Возьмемъ, на примѣръ, человѣка. Человѣкъ двигаетъ произвольно своими членами, человѣкъ управляетъ своимъ организмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ организмъ составляютъ простѣйшіе организмы—клеточки. Эти клеточки рождаются, растутъ, умираютъ, а слѣдовательно, живутъ и какою-то своею отдѣльною жизнью, а всѣ вмѣстѣ составляютъ единую нашу организацію. Затѣмъ въ организмѣ человѣка—большое количество микроорганизмовъ. Правда, на это возражаютъ, что эти организмы-паразиты и не входятъ въ составъ нашего тѣла, хотя въ самое послѣднее время стали появляться мнѣнія, что и эти бактерии нужны для правильной жизни человѣка. Дѣлали опыты, растили цыплятъ одного вывода,—однихъ такъ, чтобы въ нихъ могли попадать бактерии, другихъ такъ, чтобы къ нимъ микроорганизмы проникнуть не могли. Первые оказались здоровыми, крѣпкими и по изслѣдованію въ нихъ найдены извѣстный процентъ микробовъ; въ другихъ, дѣйствительно, бактерий не найдено, но они были тщедушны, слабы и хилы ¹⁾. Впрочемъ, оставимъ это, какъ подлежащее еще большому и большому спору. Вѣдь, мы имѣемъ поразительное явленіе, какъ разъ отвѣчающее нашему вопросу. Я говорю о фагоцитозѣ Мечникова. Бѣлые шарики нашей крови оказываются какими-то начальными животными организмами, которые поѣдаютъ вредные элементы, попавшіе въ кровь. Мы сами, стало быть, наша кровь есть не что иное, какъ соединенный комплексъ другихъ организмовъ. Мы двигаемъ ими со всѣмъ нашимъ организмомъ, мы объединяемъ ихъ единымъ сознаниемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они живутъ и своею жизнью, можетъ быть, даже самопроизвольно двигаются въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, единый организмъ есть, въ сущности, организація другихъ низшихъ формъ. Таковы, разумѣется, и животныя и растенія. Интересны также, здѣсь къ слову, и открытыя естественными науками сложныя животныя, въ которыхъ отдѣльныя индивидуумы, соединяясь въ одну колонію, живутъ нѣкоторою единою жизнью.

Но интереснѣе всего тѣ выводы относительно сознания и мышленія, къ которымъ многіе начинаютъ приходить. Приходятъ къ нимъ не мечтатели, не философы, не тѣ, которыхъ въ обыденной жизни съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ называютъ метафизиками, а приходятъ даже со стороны матеріализма, такъ сказать, сквозь науку. Сознаніе, воля не есть, конечно, какая-то

¹⁾ О другихъ такихъ опытахъ см. сообщенія въ новой лекціи Мечникова о флорѣ человѣческаго тѣла.

особая субстанція, духъ. Это есть функція матеріи. Такъ говорятъ матеріалисты; но далѣе, продолжаютъ болѣе тонкіе матеріалисты, все же, вѣдь, нельзя сказать, что это есть какое нибудь физическое дѣйствіе; напримѣръ, если мы скажемъ, что мысль есть извѣстное движеніе, то это, вѣдь, будетъ значить только, что когда это движеніе происходитъ, то тогда проявляется съ внутренней стороны, ощущаетъ это движеніе человекъ, какъ сознание. Слѣдовательно, физическое дѣйствіе имѣется на-лицо и только ему сопутствуетъ сознание. Возьмемъ классическій примѣръ. Идущаго человека кто-то окликнулъ; онъ обращивается и подходитъ къ звавшему его. Что происходитъ здѣсь? Во-первыхъ, съ физической стороны былъ произведенъ звукъ, звуковыя волны ударились въ барабанную перепонку, по слуховымъ нервамъ пошелъ извѣстный токъ въ мозгъ, гдѣ произошли извѣстныя измѣненія, въ силу которыхъ опять-таки извѣстный токъ пошелъ въ мускулы, мускулы остановили движеніе и заставили голову повернуться; глазные нервы восприняли свѣтотыя волны, опять движеніе въ мозгъ, опять измѣненія тамъ, токъ въ мускулы, и тѣло двигается по тому направленію, откуда вышелъ звукъ. Но вмѣстѣ съ этимъ физическимъ процессомъ, и неразрывно связанъ съ нимъ, идетъ и другой процессъ: человекъ услышалъ, что его позвали, рѣшилъ посмотреть, кто это, посмотрѣлъ, увидя, узналъ, что это его знакомый, и пожелалъ подойти къ нему. Такимъ образомъ, нигдѣ эта психическая сторона не замѣняетъ собою физическую, а только сопутствуетъ ей, является внутренней стороной ея. То есть сознание остается все-таки сознаниемъ, а не есть тотъ именно физическій процессъ, который оно сопутствуетъ. Откуда же оно берется? Оно не можетъ произойти вдругъ.

Сознание, мышленіе развивается вмѣстѣ съ матеріей и должно быть, такъ сказать, заложено въ нее, т. е. быть элементомъ, внутренней стороной матеріи; слѣдовательно, должно быть вездѣ въ той или другой степени: слѣдовательно, должно быть въ самой простой частицѣ матеріи, такъ какъ изъ такихъ частицъ состоитъ и вся вселенная. Значитъ, атомъ долженъ имѣть въ себѣ зачатки мысли, зачатки сознанія (вѣроятно, скорѣе въ видѣ простого чувства: можетъ быть, въ видѣ элементовъ чувства удовольствія, удовлетворенія и неудовольствія, неудовлетворенія). Такимъ образомъ, выводъ Бруно сдѣланъ. Далѣе можно это иллюстрировать. Вѣдь, если мы посмотримъ на окружающее, то какъ мы заключаемъ о всякомъ сознаніи, о всякой мысли? Мы судимъ объ этомъ по аналогіи, по внѣшнимъ движеніямъ. Мы видимъ движенія другихъ людей, подобныя нашимъ, и заключаемъ, что и у нихъ, какъ у насъ, соответствуетъ этимъ движеніямъ мышленіе. Мы видимъ аналогичныя движенія животныхъ, и мы считаемъ, что и этимъ движеніямъ внутри сопутствуетъ чувство, сознаніе. Но далѣе, гдѣ граница между міромъ животныхъ и растений? Извѣстно, что границы строгой нѣтъ. Есть виды, при-

надлежащія и къ тому, и къ другому царству. Гдѣ же мы скажемъ, что вотъ тутъ начинается сознание (конечно, мы говоримъ здѣсь уже о простомъ прототипѣ сознания, можетъ быть, только о настроеніи). Да, наконецъ, на какомъ основаніи мы будемъ отрицать внутреннюю сторону отъ многихъ движеній растеній, напримѣръ, отъ схватыванія насѣкомыхъ? А какъ растеніе поворачиваетъ свою листву къ солнцу! Какъ тянется къ свѣту, что особенно видно на растеніяхъ, растушихъ въ комнатахъ! Но еще далѣе, съ теченіемъ времени, подъ микроскопомъ науки, все ближе и ближе становится міръ органической къ неорганическому. Одинъ есть продолженіе другого и состоитъ изъ тѣхъ же атомовъ, скажемъ, частицъ, чтобы не употреблять термина. А сколько интересныхъ движеній! Кристаллизація нѣкоторыхъ веществъ, химическія явленія, да даже паденіе внизъ. Да, но, скажутъ, вѣдь это все происходитъ по естественнымъ законамъ, въ силу необходимости. Но, позвольте, если тигръ прыгаетъ, вѣдь, этотъ прыжокъ также былъ въ общей связи физическихъ причинъ и слѣдствій, также былъ необходимъ, однако, ему соотвѣтствуетъ и внутреннее чувство, сознание, настроеніе. Наконецъ, мы люди, дѣйствующіе вполне сознательно, живемъ, боремся, страдаемъ, думаемъ, дѣствуемъ. А если посмотрѣть снаружи, оказывается, что все происходитъ по необходимому закону. Отдѣльный человѣкъ путемъ сложныхъ психическихъ комбинацій дошелъ до того, что хватаетъ топоръ и совершаетъ преступленіе, а оказывается, что онъ, совершивъ это дѣйствіе, сдѣлалъ то, что процентъ преступленій и даже процентъ выбора именно этого орудія преступленія, топора, оказался именно тотъ, какой долженъ былъ быть въ данномъ мѣстѣ, въ данное время. На какомъ же научномъ основаніи отрицать тогда всякую внутреннюю сторону и въ другихъ явленіяхъ, которыя происходятъ по законамъ, въ силу необходимости, хотя бы въ явленіи тяготѣнія?

Земной шаръ созданъ изъ того же матеріала. Животныя и растенія входятъ въ него, какъ клѣточки въ наше тѣло.

„Развѣ всѣ части земного шара, жидкое содержимое и твердая кора, океанъ и воздушная атмосфера не сомкнуты въ одно великое цѣлое, которое во всѣхъ своихъ частяхъ движется разнообразно и все же гармонично? Приливъ и отливъ, день и ночь, лѣто и зима, развѣ это не жизненные ритмы, подобные тѣмъ, которые переживаетъ единичная жизнь, или, скорѣе, развѣ животныя и растенія съ ихъ малыми ритмическими явленіями жизни не принимаютъ участія въ великой жизни земли. Въ ихъ снѣ и бодрствованіи, цвѣтеніи и увяданіи, въ возникновеніи и прохожденіи не отражается развѣ жизнь земли?“¹⁾ Какъ я сказалъ уже, это есть воззрѣніе не только философское, метафизическое, — воззрѣніе на сознание, какъ элементъ всей матеріи вообще, исповѣдуется многими натуралистами.

Профессоръ Тимирязевъ, яркій представитель естественно-

¹⁾ Фехнеръ въ изложеніи Паульсена.

историческаго мышленія, говорить (цитирую по памяти) о томъ, что сознаніе и чувство разлито по всей вселенной, тлѣетъ маленькой искоркой въ міръ неорганическаго и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ въ человѣкѣ.

Великій Бруно, какъ онъ далеко видѣлъ!

Сколько мыслителей, и какіе разнообразныя мыслители, прославились, щедро черпая изъ его ученія и развивая его положенія. Шеллингъ не скрываетъ, какъ онъ много обязанъ Бруно. Во многомъ Бруно помогъ Шопенгауэру. Знаменитое Декартовское сомнѣніе провозглашено Бруно за нѣсколько десятковъ лѣтъ впередъ. Подъ его словами объ опытѣ могъ бы подписаться Беконъ. Въ самой значительной мѣрѣ Джордано Бруно говоритъ то же, что Спиноза, а ученіе о монадахъ онъ далъ Лейбницу. Въ ученіи о двоякомъ познаніи онъ предвосхищаетъ Канта и новѣйшихъ мыслителей. Мы видѣли также раньше, что онъ предугадываетъ Ньютона и даже Дарвина. Очень любопытно, что Бруно говоритъ даже въ частностяхъ многое такое, о чемъ поднимается вопросъ теперь. Такъ, напримѣръ, онъ настаивалъ на сродствѣ по существу, по процессу, между творчествомъ философскимъ и творчествомъ художественнымъ. „Живописецъ долженъ быть непремѣнно, говоритъ онъ, поэтомъ и философомъ; поэтъ—философомъ и живописцемъ; философъ—живописцемъ и поэтомъ“.

Самъ онъ очень любилъ поэзію и обладалъ недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ. Его философскія идеи часто выливались въ художественныхъ образахъ. У него есть, какъ и у Лукреція, поэма о вселенной, излагающая, какъ говорятъ, въ блестящихъ стихахъ его широкія мысли. Свои разсужденія онъ вообще часто переплетаетъ съ сонетами, канцонами. У него есть сонеты къ любви, къ Богу. Онъ, между прочимъ, удивляется Петраркѣ. Онъ понимаетъ, что можно любить женщину. Но уже такъ посвятить ей всѣ свои мысли не должно. Онъ, Бруно, превозносится и пишетъ хвалебныя пѣсни лучшей женщинѣ—истинѣ, мудрости. Я уже говорилъ, что онъ еще въ монастырѣ написалъ комедію „Свѣтильникъ“, изданную имъ затѣмъ въ Парижѣ. Комедія эта, написанная на неаполитанскіе нравы и осмѣивающая трехъ старцевъ: скрягу, педанта и влюбчиваго, была переведена на французскій языкъ. Изъ нея передѣлалъ Сирано де Бержеракъ своего *Pédant Joué*. А изъ *Pédant Joué*, въ свою очередь, заимствовалъ нѣсколько сценъ Мольеръ, въ чемъ самъ и признается. Вообще, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, Мольеръ обязанъ многими сценами Бруно.

Вліяніе его на художественную мысль этимъ далеко не исчерпывается. Его идеями увлекались Лессингъ и Гете. А по свидѣтельству Фальксона и Бенно-Чиввица, которые цитируются Ибервегомъ Гейнце, Шекспиръ вложилъ въ уста Гамлета отдѣльныя мысли Бруно объ относительности зла и о неуничтожимости въ природѣ, познакомившись съ нимъ въ Лондонѣ.

Теперь, послѣ разсмотрѣнія широкихъ воззрѣній Бруно, послѣ констатированій его прозрѣнія будущаго, я невольно возвращаюсь къ тому, съ чего я началъ: несчастны гени, слишкомъ далеко впередъ видящіе. У современниковъ Бруно кружилась голова отъ безграничности его вселенной; они страшились этой новой, опасной ереси, и вотъ его приняла къ себѣ тюрьма Венеціи. Передъ инквизиціоннымъ судилищемъ Бруно долженъ былъ показывать и о своихъ отношеніяхъ къ Елизаветѣ (еретической, съ точки зрѣнія католицизма, государыни), и о своемъ Парижскомъ диспутѣ, и о пребываніи въ Германіи, а главное, конечно, излагать свое ученіе. Онъ заявилъ, что онъ училъ обо всемъ не съ религіозной точки зрѣнія, а только какъ ученый, какъ философъ, что онъ не хотѣлъ противорѣчить религіи, что, если гдѣ это случайно и вышло, то онъ готовъ даже пересмотрѣть это и исправить. Свидѣтели, Франкфуртскіе книгоиздатели и патриціи Венеціи, были на его сторонѣ, и Венеціанская инквизиція была готова его освободить. Но извѣстіе объ арестѣ Бруно дошло до Рима. Папа потребовалъ у Венеціи выдачи Бруно, такъ какъ объ этомъ великомъ преступникѣ еще не закончены старыя процессы инквизиціи въ Неаполѣ и Римѣ. Венеціанская республика не соглашалась, считая, что требованіе это есть нарушеніе ея суверенныхъ правъ. Папа настаивалъ, утверждая, что Бруно подлежитъ его суду, какъ Доминиканскій монахъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Венеція выдала Бруно Риму.

Въ Римѣ Бруно опять объявилъ, что онъ не религіозный реформаторъ и ничего не говорилъ противъ религіи. Но его просили тогда о его философскихъ воззрѣніяхъ, — какъ же отъ сихъ — онъ отказывается? Нѣтъ, Бруно не можетъ отказаться отъ того, что считаетъ истиной. Тогда начался семилѣтній инквизиціонный процессъ. Такая продолжительность суда должна быть объяснена тѣмъ, что католическое духовенство боялось казнить Бруно и смутно сознавало, можетъ быть, что казнь ничего не доказываетъ и не поможетъ пресѣченію его идей; оно желало заставить его отречься отъ его ученій, чтобы онъ призналъ и объявилъ ихъ неправильными, желало привлечь его гений на службу своихъ взглядовъ. Но чѣмъ болѣе протекало времени, чѣмъ дольше Бруно сидѣлъ въ тюрьмѣ, тѣмъ болѣе сознавалъ онъ свою миссію, тѣмъ стойче и непреклоннѣе становился онъ. Его уговаривали, ему назначали сроки и отсрочки для отреченія. Но сроки наступали и проходили, а Джордано Бруно все настаивалъ на правильности своихъ ученій. Наконецъ, въ концѣ января 1600 года состоялось рѣшительное засѣданіе суда, и приговоръ былъ постановленъ. Его выдали свѣтской власти „съ просьбой наказать какъ можно легче и безъ пролитія крови“. Эта формула инквизиціи означала, что онъ долженъ быть сожженъ. Когда Джордано Бруно выслушалъ этотъ приговоръ, онъ сказалъ судьямъ: „Вы, пожалуй, больше страшитесь, изрекая этотъ приговоръ, чѣмъ я, принимая его“. Но и теперь опять испол-

неніе приговора было отложено. Бруно сказали, что одно его слово отреченія—и приговоръ будетъ уничтоженъ, а онъ немедленно освобожденъ. Но онъ былъ непреклоненъ.

17 Февраля 1600 года въ веселый яркій весенній день на Савро ді Фіогі въ Римѣ и прилегающихъ къ ней улицахъ собралась многочисленная толпа народа. Здѣсь были представители всѣхъ католическихъ странъ и народовъ, такъ какъ они сошлись въ Римъ со всѣхъ сторонъ на празднество юбилея папы Климента VIII. Бруно былъ приведенъ на площадь въ торжественной процессіи, въ которой несли и распятіе, но только отвернутое отъ него, ибо еретика уже болѣе не было спасенія. Здѣсь передъ костромъ ему опять предложили отречься отъ своихъ ученій; онъ отрицательно покачалъ головой. Спокойно, несмотря на окружающую его толпу, твердо взомель онъ на костеръ и поднялъ свое лицо вверхъ.

Самые фанатическіе извѣстные мученики, кончившіе свою жизнь на кострахъ, Гуссъ, напримѣръ, не могли удержать стонъ отъ жестокой боли. Бруно не издалъ не единого звука. Его красивые, еще болѣе углубившіеся, глаза были устремлены въ небо, въ то синее ясное небо Италіи, къ которому онъ такъ стремился и о которомъ такъ мечталъ, когда странствовалъ по чужимъ краямъ. Пламя закрыло его.

Но какъ все шире и шире раскрываются передъ нами его идеи, его построенія! Съ теченіемъ времени въ нихъ какъ бы вливается все новое и новое содержаніе. Мы видимъ теперь въ нихъ то, чего не видѣли и тѣ изъ современниковъ Бруно, которые понимали его. Есть одна прекрасная книга, которую замѣтила критика, когда она вышла, но которую очень и очень многіе не читали. Это „Вѣчные Спутники“ Мережковского. То, что я хочу привести оттуда, сказано про художественные образы поэзіи, но это вполне приложимо и къ философскимъ созданіямъ Бруно. Кстати это является какъ бы однимъ изъ свидѣтельствъ въ пользу мнѣнія Бруно объ аналогіи художественнаго и философскаго творчества.

„Безсмертные образы міровой поэзіи“, говоритъ Мережковскій... „безсмертныя философскія концепціи міровой мысли“, скажу я теперь, „служать для человѣчества какъ бы просвѣтами, громадными окнами въ безконечное звѣздное небо: каждое поколѣніе подходить къ нимъ и, вглядываясь въ таинственный сумракъ, открываетъ новые міры, новыя отдаленнѣйшія созвѣздія, незамѣченныя прежде... Эти звѣзды и раньше таились въ глубинѣ философскаго построенія, но только теперь онѣ сдѣлались доступными глазамъ людей и засіяли вѣчнымъ свѣтомъ. Какъ бы ни были усовершенствованы способы изслѣдованія, — всей глубины звѣзднаго неба исчерпать невозможно, будущее поколѣніе снова подойдетъ къ просвѣту и откроетъ въ геніальномъ произведеніи новыя міры, новыя созвѣздія“... Но не только идеи Бруно, растутъ передъ нами и онъ самъ, и его могучая

фигура. Преступникъ, еретикъ, глупецъ—вотъ какъ его видѣли прежде. Такимъ же ли его мы видимъ теперь? Я позволю себѣ привести еще нѣсколько строкъ изъ „Вѣчныхъ Спутниковъ“.

„Есть идеи, образы,—великіе для той эпохи, когда они родились, но мало по малу теряющіе свою жизнѣнность, подверженные дряхлости и умиранію; они засыпаются наслоеніями послѣдующихъ цивилизацій и исчезаютъ въ нихъ, какъ развалины древнихъ городовъ въ нѣдрахъ земли. Есть другіе образы, которыхъ жизнь связана съ жизнью всего человѣчества: они поднимаются и растутъ вмѣстѣ съ нимъ—это не мертвыя развалины, а вѣчно живыя деревья, которыя растутъ вмѣстѣ съ уровнемъ земли... Исчерпать содержаніе ихъ невозможно... Въ такомъ гениальномъ образѣ таится зародышъ единственно возможнаго на землѣ безсмертія—безсмертія великой идеи“.

Это вполнѣ приложимо къ образу самого Джордано Бруно. Великая идея не только вложена въ сущность его ученій. Нѣтъ, есть еще одна великая идея, которая проведена имъ въ жизни и въ смерти. Эту великую идею должны признать въ немъ и тѣ, кто ни единого слова не приметъ изъ его ученій. Джордано Бруно это не только гигантъ мысли, это—колоссъ мощности духа. Припомните смерть на кострахъ за убѣжденія другихъ людей, хотя бы Гусса, о которомъ мы уже вспоминали. Вѣдь, они ждали награды на небесахъ, они выработали себѣ извѣстныя религіозныя воззрѣнія, нашли, какъ они считали, религіозную истину. Какъ же имъ можно поступать? Отступить отъ религіозной истины это значитъ найти вѣчную гибель; умереть за нее, значитъ получить спасеніе. Они храбро умирали, зная, что обрѣтаютъ жизнь вѣчную.

Совсѣмъ не то у Джордано Бруно. Вспомните, вѣдь, онъ прямо говорилъ, что онъ не желаетъ ничего проповѣдывать о религіи, что онъ отступаетъ отъ всего, если что-либо говорилъ въ этой области. А отъ всѣхъ вообще научныхъ и философскихъ взглядовъ? Нѣтъ, отъ нихъ онъ отречься не можетъ, потому что они истинны. Значитъ, какой награды могъ онъ ждать за это на небѣ? Онъ и не ожидалъ ее. Онъ умеръ, потому что онъ не могъ отречься отъ истины. Когда онъ проповѣдывалъ то, что считалъ правдой, онъ зналъ всю опасность этого. Онъ любилъ жизнь, онъ былъ веселый, живой, жизнерадостный человѣкъ, но онъ сознательно шелъ по пути исполненія своей миссіи, вполнѣ понимая, куда этотъ путь его приведетъ. Это видно, между прочимъ, изъ одного его еще юношескаго совета (привожу его въ переводѣ Грота), въ которомъ онъ говоритъ:

И если бы меня съ Икаромъ вы сравнили,
Тѣмъ больше напрягу размахъ я крылъ своихъ...
И вотъ, предвижу я, мнѣ силы измѣнили...
Но съ смертію моею сравнится ль жизнь другихъ?
Пусть сердце иногда вопросъ мнѣ задавало:

„Куда, безумный, ты полетъ направилъ свой?
 „Раскаянъе всегда безумцевъ отрезвляло“...
 И все-жъ я съ высоты отвѣтъ давалъ такой:
 „Я смерти не боюсь, паденъе презираю —
 „Впередъ, за облака, призванъе выполняю“ ¹⁾.

Бруно достаточно было сказа ть одно слово, и онъ избавилъ бы себя отъ мучительной смерти. И что же значило бы это слово. Въдь, онъ имъ не измѣнилъ бы ни Богу, ни людямъ. Земля продолжала вращаться, и скоро это было признано всѣми людьми, хотя Галилей и отрекся отъ этого торжественно передъ судьями. Но Бруно не могъ солгать, не могъ отрицать то, что считалъ истиной. И онъ пожертвовалъ за идею жизнью. *La morte d'un secolo fa vivo in tutti gli altri* — смерть въ одномъ столѣтїи дѣлаетъ живымъ во всѣхъ остальныхъ, говорилъ Бруно.

Да, конечно, всегда будетъ жить Джордано Бруно. Какъ можетъ забыть его человѣчество, когда, смотря на его могучую фигуру, оно видитъ, что есть идеалы на землѣ, что есть люди, а значить, и будутъ люди, которымъ вопросъ истины и жи есть вопросъ жизни и смерти, которые органически не могутъ сказа ть неправду, которые за правду, за свои убѣжденїя пойдутъ на костеръ.

Б. Куликовъ.

---

1) Poiché spiegate ho l'ali al bel desio
 Quanto più sotto pié l'aria mi scorgo,
 Più veloci le penne al vento io porgo,
 E spregio il mondo e verso il ciel m'invio.
 Ne del figliuol di Dedalo il fin rio
 Fa che giu pieghi, anzi vie piu risorgo;
 Chio cadró morto a terra ben m'accorgo:
 Ma quel vita pareggia il morir mio?
 La voce del mio cor per l'aria sento:
 „Ove mi porti, temerario? China,
 Ghé raro é senza duol tanta ardimento“.
 „Non temer, re spond'io, l'alta ruina!
 „Fendi secur le nubi e mnor contenta
 „Se il ciel si illusre morte ne destina“.

Душевная жизнь истеричныхъ и типы женской истеріи у русскихъ писателей¹⁾.

Съ того времени, какъ естествознаніе, отказавшись отъ предвзятыхъ апріорныхъ рѣшеній, обратилось къ наблюденію и опыту исчезли таинственность и сверхъестественныя силы въ объясненіи явленій неодушевленной природы. Наша наука, какъ одна изъ вѣтвей науки о жизни, вмѣстѣ съ прикладными задачами облегченія страданій преслѣдуетъ и теоретическія цѣли—познанія духовной жизни человѣка въ состояніи здоровья и болѣзни.

Задачей нашей настоящей бесѣды мы поставили себѣ цѣль—нѣсколько разяснить тѣ загадочныя и непонятныя явленія, которыя вносятся въ человѣческую жизнь истеріей, по своему распространенію и тяжести клинической картины недаромъ называемой „великимъ неврозомъ“.

Мы думаемъ, не нужно особенно доказывать, что часто явленіямъ, несомнѣнно, болѣзненнымъ придается значеніе сверхъестественное и чудесное. Суевѣрные и темные люди и теперь еще считаютъ кликушъ-истеричекъ за одержимыхъ нечистою силой. Еще недавно въ нашей специальной прессѣ сообщенъ случай смерти 18-лѣтней дѣвушки, страдавшей тяжелыми истерическими припадками, которую мать и старшая сестра засѣкли на смерть съ цѣлью изгнанія изъ нея бѣса. Между тѣмъ эту дѣвушку вмѣсто мучительной смертной казни было бы достаточно для излѣченія продержать мѣсяць, другой въ лѣчебницѣ. Но не только въ такой темной средѣ, а и среди людей болѣе культурныхъ встрѣчаются лица, которыя въ своей борьбѣ съ вырожденіемъ недалеко ушли отъ этихъ двухъ несчастныхъ безсознательныхъ мучи-

¹⁾ Публичная лекція, прочитанная въ Историческомъ музеѣ въ пользу Хамовническаго Попечительства о бѣдныхъ 30 Ноября 1901 г.

тельницъ больной дѣвушки и также воздѣйствиємъ розги на тѣло расчитываютъ исправлять расстройство духа.

Какъ вы видите, есть достаточно поводовъ для общедоступнаго ознакомленія съ истеріей. Тѣмъ не менѣе я рѣшился на выборъ этой темы не безъ нѣкотораго колебанія.

Нервнымъ людямъ вообще, а истеричнымъ въ особенности свойственно отыскивать у себя тѣ признаки болѣзни, съ которыми они случайно познакомились, и мнительностью ухудшать свое состояніе. Дѣйствительно, нѣкоторые клиницисты указываютъ, что чтеніе современныхъ романовъ съ больными героями и общедоступныхъ медицинскихъ сочиненій съ популярнымъ изложеніемъ болѣзней не остается безъ вліянія на современную нервность. Конечно, доля истины есть въ этомъ утвержденіи, но я надѣюсь въ своей лекціи обойти эту опасность. Психическое зараженіе зависитъ не отъ знакомства съ болѣзью, а отъ страха болѣзни. Научное освѣщеніе вопроса, обращающееся къ уму, а не къ чувству, не можетъ оказать потрясающаго вліянія на нервную систему и не можетъ вызвать психическаго зараженія. Людямъ свойственно вообще тѣмъ больше бояться опасности, чѣмъ меньше они ее понимаютъ, и незнаніе—всегда плохая защита. Далѣе, считаю нужнымъ оговориться, что въ дальнѣйшемъ изложеніи я имѣю въ виду тяжелыя формы психической истеріи на почвѣ вырожденія, а не тѣ легкія тѣлесныя истерическія расстройства, которыя время отъ времени могутъ появляться у любой здоровой женщины.

Какъ и при раздражительной слабости нервной системы, при истеріи нужно различать случайныя приобрѣтенныя истерическія заболѣванія отъ истерическаго вырожденія у лицъ, обремененныхъ тяжелой наследственностью. Напр., здоровая женщина, перенесшая трудную операцію, или молоденькая дѣвушка, переутомившаяся во время экзамена, можетъ на время сдѣлаться нервной и даже истеричной; короткій отдыхъ, усиленное питаніе и укрѣпляющее лѣченіе возвратятъ и той, и другой полное тѣлесное и душевное здоровье: наоборотъ, если онѣ запугиваются и расстраиваются, ихъ нервность будетъ увеличиваться. Но здѣсь все-таки не появляется стойкихъ измѣненій всего душевнаго склада, не развивается затяжныхъ психическихъ расстройствъ, свойственныхъ дегенеративнымъ формамъ. Обходя всѣ тѣлесныя истерическія расстройства, я остановлюсь исключительно на душевныхъ признакахъ, къ числу которыхъ относится стойкое истерическое измѣненіе характера.

Мнѣ приходилось уже въ лекціи о душевной слабости¹⁾ упомянуть, что общимъ свойствомъ всякаго вырожденнаго характера является измѣничивость настроенія и повышенная возбудимость къ внѣшнимъ раздраженіямъ (аффективность).

Физиологически эта особенность вырожденнаго типа объяс-

¹⁾ „Русская Мысль“. 1901.

няется нестойкимъ равновѣсіемъ мозговыхъ центровъ, при чемъ раздраженіе извѣстной группы центровъ въ извѣстномъ направленіи быстро измѣняетъ всю общемозговую дѣятельность.

Тотчасъ названныя свойства дегенеративнаго характера въ высокой степени развиты при истеріи, при чемъ именно при данномъ неврозѣ мы не видимъ одного преобладающаго тона настроенія и возбудимости. Въ то время какъ психоастеникамъ обыкновенно свойственно тоскливое настроеніе, при истеріи мы видимъ быстрые переходы отъ восторга и радости къ глубокой тоскѣ. Это безусловно вѣрно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ женскому истерическому типу, гдѣ настроеніе почти всецѣло опредѣляется случайными внѣшними моментами. Но, кромѣ этого, есть двѣ характерныя особенности, исключительно опредѣляющія истерическій типъ,—это *истерическое самолюбіе и внушаемость*.

Истерическое самолюбіе выражается желаніемъ во что бы то ни стало привлекать всеобщее вниманіе, быть непременно замѣтной и выдающейся личностью—все равно, положительными или отрицательными качествами—будетъ ли это показная сила характера или, наоборотъ, слабость духа и тѣла, высокія нравственныя достоинства или изъ ряда вонъ выходящая порочность, особая красота или особенно тяжелыя физическія страданія. Для истерички, по существу, безразлично, чѣмъ она привлекаетъ къ себѣ вниманіе, нужно только отличиться отъ другихъ, нужно вызвать удивленіе. Направленіе, которое принимаетъ истерическое самолюбіе, опредѣляется случайными моментами. У молодыхъ женщинъ на этой почвѣ часто развивается преувеличенное кокетство. Въ стремленіи привлечь къ себѣ вниманіе онѣ иногда переходятъ границы, которыя ставятся воспитаніемъ и средою. Если истеричная женщина, живущая свѣтскою жизнью, стремится во что бы то ни стало блистать внѣшними качествами, то въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ вырожденная истеричка, разъ начавши лѣчиться, употребляетъ крайнія усилія, чтобы поддержать во врачѣ особый интересъ къ своей болѣзни. Сказать такой больной, что ея болѣзнь совершенно обыкновенная, значить ее глубоко обидѣть... Для достиженія своей цѣли такія больныя иногда не останавливаются передъ притворствомъ,—отсюда масса всевозможныхъ чудесъ и обмановъ, которые практикуются истеричками. Только рѣдко такое притворство ведетъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ, какъ, напр., въ истерическомъ отказѣ отъ пищи; въ большинствѣ случаевъ всѣ эти продѣлки слишкомъ наивны и обманъ очевиденъ. Перечисленныя свойства характера встрѣчаются при тяжелыхъ дегенеративныхъ формахъ истеріи; въ болѣе легкихъ случаяхъ эти особенности проявляются въ болѣе мягкой формѣ. Нѣтъ нравственныхъ уклоненій,—наклонности ко лжи и обману, нѣтъ такой распушенности,—но существуетъ чрезвычайно повышенная чувствительность. При соответственномъ воспитаніи даже истерическое самолюбіе принимаетъ другую окраску—оно

направляется къ болѣе высокимъ цѣлямъ, къ нравственному подвигу, къ духовному направляющему вліянію.

Къ сожалѣнію, слабыя силы не всегда даютъ возможность осуществленія высокой цѣли.

Именно изъ этой категоріи истеричекъ особенно легко набираются страстныя послѣдовательницы новыхъ ученій, религіозныхъ и социальныхъ, призывающихъ къ состраданію и любви и глубоко вліяющихъ на чувства. Въ большинствѣ случаевъ эти увлеченія вызываются именно чувствомъ и вѣрою, а не доказательствами и логикой.

Этому особенно способствуетъ другое постоянное свойство истерического характера—внушаемость.

Послѣдняя представляетъ фізіологическое свойство, всегда болѣе или менѣе развитое и у здоровыхъ. Она имѣетъ очень большое значеніе въ воспитаніи и общественной жизни. Но при истерическомъ неврозѣ она достигаетъ, такъ сказать, гигантскаго роста. Всѣ впечатлѣнія, сильно затрогивающія сферу чувства, оставляютъ глубокій слѣдъ въ душевной жизни истеричныхъ и измѣняютъ всю душевную дѣятельность. При этомъ внушенію доступны преимущественно тѣ образы и идеи, которые такъ или иначе соприкасаются съ сферой чувства. Истеричекъ можно внушить какой нибудь зрительный или слуховой образъ, можно внушить представленіе о несуществующей болѣзни, наконецъ можно сдѣлать ее послѣдовательницей какой нибудь секты, но невозможно внушить какую нибудь отвлеченную идею; послѣдняя требуется для нея такого же пути усвоенія, какъ и для здороваго человѣка.

Внушаемость вмѣстѣ съ истерическимъ самолюбіемъ глубоко измѣняютъ чувства истеричекъ и прежде всего это сказывается на чувствѣ любви. Отсюда множество непонятныхъ улеченій то условно-красивой внѣшностью, то красивыми фразами, то чувствомъ состраданія и сожалѣнія, то условно выдающимся положеніемъ избранника.

Если всѣ эти моменты такъ или иначе вліяютъ и на любовь нормальной женщины, то у истеричныхъ ихъ вліяніе болѣе одностороннее и больше захватываетъ ихъ чувства.

Разъ увлекшись, истерическая женщина крайне возвеличиваетъ самую заурядную личность, приписываетъ ей всевозможныя несуществующія достоинства и такъ-же быстро развѣнчиваетъ своихъ героевъ. Иногда истеричныхъ женщинъ увлекаетъ даже извѣстная нравственная низость: благодаря истерическому самолюбію и жаднѣ какого то неопредѣленнаго высокаго подвига, является желаніе спасти павшаго, которое быстро разрастается до самопожертвованія и любовнаго увлеченія. Даже при сравнительно удачномъ выборѣ, истерички часто несчастливы въ супружествѣ. Онѣ склонны предъявлять особенно большія требованія къ супругу и охотно стремятся обезличить и вполне подчинить мужа.

Съ другой стороны, предъявляя къ мужчинѣ высокія нравственныя требованія, онѣ сами часто не могутъ удержаться даже въ предѣлахъ обычной сдержанности. Къ сожалѣнію, очень часто у такихъ женщинъ развивается болѣзнь материнства и тогда колеблется главный оплотъ семейнаго счастья. Такія женщины или остаются неудовлетворенными или завязываютъ новыя связи, при чемъ и здѣсь не находятъ удовлетворенія. Сами больныя склонны приписывать свою неудовлетворенность высотѣ своей нравственной природы, на самомъ дѣлѣ это зависитъ отъ болѣзни. Нарисованный нами типъ представляетъ высокую степень истерическаго характера. Въ большинствѣ случаевъ истерички могутъ быть, конечно, и женами, и матерями, но извѣстная неудовлетворенность супружеской жизнью, желаніе чего то другого, неопредѣленнаго и прекраснаго замѣтно почти у каждой истерической женщины. Здѣсь необходимо оговориться, что отъ условій брачной жизни, какъ физическихъ, такъ и психическихъ, отъ личныхъ свойствъ мужа, отъ окружающей обстановки зависитъ очень многое въ уклоненіяхъ чувствъ истеричной жены—и того, что можетъ быть при однихъ условіяхъ, можно избѣжать при другихъ. Случаи тяжелаго нравственнаго извращенія, къ счастью, встрѣчаются рѣдко, а легкія истерическія черты можно устранить при правильномъ пониманіи даннаго женскаго характера.

Послѣ краткаго очерка стойкихъ истерическихъ измѣненій, я перейду къ описанію тѣхъ психическихъ расстройствъ, которыя могутъ наступать въ тяжелыхъ случаяхъ истеріи. Истерія, какъ и падучая болѣзнь, относится къ тѣмъ неврозамъ, которымъ свойственны перемежающіеся разряды раздраженія нервной системы, выражающіеся судорожными припадками или переходящими психическими расстройствами. Въ этихъ послѣднихъ приходится различать нѣсколько типовъ. Прежде всего нужно остановиться на болѣе или менѣе длительныхъ измѣненіяхъ настроенія—переходящихъ состояніяхъ тоски и повышеннаго самочувствія съ двигательнымъ возбужденіемъ, болтливостью, иногда восторженностью. Такія расстройства нельзя считать истерическими психозами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно такія состоянія развиваются по внѣшнимъ поводамъ или представляютъ собою возбужденіе, наступившее послѣ судорожнаго припадка. Это—повышеніе психическихъ рефлексовъ, общее истеріи и душевной слабости. Мы предложили бы назвать эти формы *астенической реакціей*. Истерическія расстройства сознанія протекаютъ по нѣсколькимъ типамъ—иногда онѣ представляютъ простую спутанность съ значительнымъ наплывомъ обмановъ чувствъ и приближаются къ галлюцинаторной формѣ. Особенностью истерической спутанности обыкновенно выступаетъ любовная окраска. Особой формой, свойственной исключительно истеріи, служатъ омраченія сознанія съ раздвоеніемъ сознанія личности. Это такъ называемыя вторыя состоянія французскихъ клиницистовъ. Ра-

ботами Рише, Шарко, Питра, Рибо, Жане установлены слѣдующія типы истерическихъ разстройствъ сознанія: 1) Замѣна одной личности другой, когда больная во время припадка принимаетъ себя за другое лицо, при чемъ припадочное состояніе не оставляетъ никакихъ слѣдовъ въ памяти больной. 2) Чередуваніе сознаній личности, когда во время припадка сохраняется воспоминаніе припадочнаго періода, а въ свѣтломъ промежуткѣ оно утрачивается. Напр., хозяйка писчебумажнаго магазина во время припадка считаетъ себя за свою подругу-акушерку. Все ея поведеніе соотвѣтствуетъ этому новому сознанію. Во время повторнаго припадка она помнитъ все, что пережила, какъ акушерка, и совершенно забываетъ внѣ-припадочное состояніе. 3) Извращеніе личности, когда въ припадочномъ состояніи сознается данная личность не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ. Напр., взрослая замужняя женщина въ припадочномъ состояніи считаетъ себя ребенкомъ и переживаетъ все то, что переживала въ дѣтствѣ.

Такія раздвоенія свойственны исключительно истеріи.

Съ разстройствомъ сознанія тѣсно соприкасаются истерическія разстройства памяти (амнэзія). Они появляются чаще всего въ припадочной формѣ. Въ простѣйшемъ случаѣ истерическая амнэзія наблюдается при спутанности сознанія, наступающей послѣ судорожнаго припадка. Вторая группа случаевъ связана съ истерическимъ раздвоеніемъ сознанія личности. У такой больной существуетъ двѣ психическихкія жизни, соотвѣтственно этому—сознаніе двухъ личностей и два ряда воспоминаній. Въ припадочномъ состояніи бодрствуетъ второе сознаніе и вторая память пережитаго въ ближайшемъ припадкѣ и угасаетъ нормальное сознаніе—воспоминанія и жизненный опытъ дѣйствительности. Эти вторыя состоянія сознанія свойственны только истеріи и гипнозу. Тѣ измѣненія сознанія, которыя мы наблюдаемъ при другихъ психозахъ, существенно отличаются отъ истерическаго—тамъ они служатъ дальнѣйшимъ видовизмѣненіемъ сознанія данной личности подъ вліяніемъ галлюцинаціи и бреда, здѣсь, наоборотъ, обманы чувствъ и бреда создаются изъ измѣненнаго сознанія личности въ припадочной формѣ.

Кромѣ такихъ чисто припадочныхъ амнэзій, бываютъ затяжныя длительныя разстройства памяти,—это именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ къ истеріи примѣшиваются состоянія значительнаго истощенія, напр., послѣ тяжелыхъ болѣзней, послѣ родовъ, послѣ перенесеннаго нравственнаго потрясенія. Тамъ сглаживаются рѣзкія грани между припадочнымъ состояніемъ и свѣтлымъ промежуткомъ, вниманіе и критика слабѣютъ, воспоминанія прошлаго вплетаются въ дѣйствительную жизнь—и въ такихъ случаяхъ трудно отличить истерію отъ болѣе тяжелаго психическаго заболѣванія. Рядомъ съ этимъ могутъ существовать частичныя омраченія. Отъ полной спутанности и утраты сознанія, состояніе омраченія отличается тѣмъ, что во внѣшнихъ проявленіяхъ

душевное состояніе при омраченіи носить характеръ цѣлесообразности, хотя всѣ поступки такого больного не вполнѣ привѣряются сознаниемъ. Къ этой группѣ относятся довольно многочисленныя случаи „истерическаго автоматизма“, гдѣ совершается цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ, но не сознательныхъ поступковъ. Сюда входитъ цѣлый рядъ ненужныхъ поѣздокъ, всевозможныя формы нецѣлесообразныхъ путешествій, сюда относится, наконецъ, то хожденіе по ночамъ, которое по какому то предразсудку связывается со свѣтомъ луны и называется лунатизмомъ. Между прочимъ, въ лунатизмѣ нѣтъ ничего мистическаго и ужаснаго. Лунный свѣтъ, дѣйствуя, какъ внѣшнее раздраженіе, тревожитъ сонъ у нервныхъ дѣтей и подростковъ, вызываетъ какія то неясныя побужденія, которыя и выражаются извѣстнымъ „хожденіемъ по ночамъ“.

Очень странно, что такой солидный ученый, какъ Крѣпелинъ, относитъ лунатизмъ къ падучей болѣзни: уже одна возможность вернуть больного къ сознанию внѣшнимъ раздраженіемъ—окриккомъ, мокрой простыней и т. д.—совершенно ясно доказываетъ истерическую природу припадка.

Такія омраченія сознания (трансы) свойственны не одной истеріи, они встрѣчаются и при душевной слабости, и при падучей болѣзни. Но эти формы омраченія отличаются отъ истерическихъ: психо-астеническое омраченіе, какъ мы говорили въ нашей лекціи о душевной слабости, представляетъ собой только крайнее развитіе расцѣпленности и утомленія, при падучей болѣзни омраченія отличаются глубокимъ угасаніемъ сознания и эпиплетическимъ буйствомъ, при истеріи мы имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ сознания личности.

Какъ при другихъ дегенеративныхъ формахъ, при истеріи наблюдаются преходящія бредовыя вспышки болѣе или менѣе длительнаго теченія. Иногда на первый планъ выступаютъ обманы чувствъ и извѣстная спутанность и весь психозъ протекаетъ по типу галлюцинаторнаго бреда, т. е. бреда, соединеннаго съ обманами чувствъ—галлюцинаціями; иногда психозъ выражается первичными бредовыми идеями эпизодическаго характера,—эпизодическій истерическій бредъ.

Основнымъ признакомъ истерическаго бреда является половой бредъ и бредъ одержимости, который часто сливается въ бредъ пловаго одержанія. Такія больныя много говорятъ о любви, простую обращенную къ нимъ фразу считаютъ за признаніе, случайный жестъ за объятіе, готовятся къ свадьбѣ, при спутанности сознания раздѣваются, принимаютъ сладострастныя позы. Очень часто къ половому бреду примѣшивается бредъ преслѣдованія и религіозный бредъ, который быстро принимаетъ демономаническій характеръ—бредъ одержимости. Такая больная начинаетъ высказывать, что она находится во власти дьявола, который обладаетъ ея духомъ и тѣломъ. Бредъ полового оскверненія, духовной отверженности и дьявольскаго обладанія почти типиченъ для исте-

ри. На этой почвѣ развивается современное намъ кликушество. Эти бредовыя идеи оставили тяжелый кровавый слѣдъ въ исторіи въ формѣ средневѣковыхъ дьявольскихъ процессовъ. Въ наше время встрѣчаются только отдѣльные случаи такого бреда обыкновенно у молодыхъ женщинъ на почвѣ расстройства полового чувства, рѣже у дѣвушекъ и новобрачныхъ на почвѣ оскорбленія дѣвической стыдливости.

Область клиническаго изученія истеріи значительно расширилась съ тѣхъ поръ, какъ врачи стали научно исследовать и примѣнять къ жизни ту темную область знанія, которая обнимаетъ гипнотическія явленія. Я не буду распространяться здѣсь о гипнозѣ и гипнотическихъ состояніяхъ, какъ самостоятельныхъ проявленіяхъ душевной жизни. До сихъ поръ еще не установленъ принципиальный взглядъ на эти явленія.—Парижская школа съ Шарко во главѣ считаетъ всѣ гипнотическія состоянія за болѣзненное расстройство, близкое къ истерическому неврозу, другая—нансійская школа относитъ гипнозъ къ явленіямъ нормальной жизни и сближаетъ его съ физиологическимъ сномъ. По нашему мнѣнію,—если и нельзя считать гипнозъ всегда за истерическій припадокъ, то, съ другой стороны, гипнотическое состояніе не соответствуетъ и нормальному сну. Несомнѣнно, что у истеричныхъ въ гипнотическомъ состояніи развиваются именно истерическія явленія—раздвоеніе сознания личности, внушенные обманы чувства, неудержимыя влеченія и т. д., у здоровыхъ гипнозъ вызываетъ сонъ съ болѣе ограниченной внушаемостью, который все таки нельзя признать нормальнымъ—это среднее состояніе между физиологическимъ сномъ и неврозомъ, болѣе близкое къ послѣднему.

По отношенію къ истеріи гипнозъ сыгралъ очень важную роль въ томъ смыслѣ, что, давая возможность путемъ опыта вызывать и видоизмѣнять преходящія истерическія расстройства, онъ открылъ путь къ экспериментальному изученію истеріи и къ лѣчебному вмѣшательству въ истерическій припадокъ. Однако, нужно имѣть въ виду, что многія сообщенія, построенныя на гипнотическихъ опытахъ надъ истеричками, не относятся къ дѣйствительной картинѣ болѣзни, а представляютъ собою описание искусственныхъ явленій, вызванныхъ внушеніемъ. Такъ какъ значительная часть истерическихъ расстройствъ, кромѣ, конечно, затяжныхъ психозовъ, можетъ быть вызвана путемъ гипнотическаго внушенія или самовнушенія, то приложеніе гипноза къ клиникѣ заставило принять такъ называемую психогенную или идеогенную теорію истеріи. По этой теоріи большинство истерическихъ формъ, какъ телѣсныхъ, такъ и душевныхъ, связано съ возникновеніемъ тѣхъ или другихъ представленій. Такъ, напр. истерическій параличъ зависитъ отъ того, что больная увѣрена въ невозможности для нея двигать рукой, истерическая утрата чувствительности—отъ той идеи, что она не можетъ ощущать уколовъ, и т. д. Эта теорія, конечно, подлежитъ значительному

ограниченію. Что отдѣльныя истерическія явленія могутъ зависѣть отъ тѣхъ или другихъ представленій, это дѣйствительно вѣрно. Но, съ одной стороны, должно предсуществовать извѣстное состояніе нервной системы, при которомъ эти представленія могутъ вызывать дѣйствительныя разстройства, съ другой—существуютъ истерическіе параличи, независящіе отъ представленій, напр., истерическій параличъ зрачка, сокращеніе котораго не зависитъ отъ воли.

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что психогенная теорія объясняетъ припадочныя разстройства, но не исчерпываетъ всей сущности болѣзни.

То же самое мы должны сказать о сближеніи истеріи и гипноза,—путемъ гипноза можно видоизмѣнить истерическіе симптомы, но однимъ гипнозомъ нельзя вызвать всей картины болѣзни у лицъ, не предрасположенныхъ къ заболѣванію. Къ этому вопросу я надѣюсь еще вернуться въ нашемъ заключеніи, а теперь перейду къ главной части лекціи—къ анализу намѣченныхъ нами истерическихъ типовъ въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей.

II.

Мнѣ уже приходилось разбирать болѣзненные типы въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и указывать на большое психіатрическое значеніе этого романа Достоевскаго. По размѣрамъ краткой рѣчи въ годичномъ собраніи я могъ остановиться только на главныхъ мужскихъ лицахъ романа, лишь бѣгло упомянуть о второстепенныхъ женскихъ типахъ. Теперь мы именно на нихъ остановимъ свое вниманіе. Я начну съ самаго тяжелаго случая истеріи, который представляетъ дѣвочка-подростокъ, Лиза Хохлакова. Прежде всего это дочь больныхъ родителей. У матери Лизы не только неуравновѣшенный характеръ, но и въ достаточной степени выраженное слабоуміе. На каждомъ шагѣ она совершаетъ очень эксцентричныя, безтактныя, выражаясь проще, глупыя поступки, которые ей извиняются только въ виду ея положенія, обезпеченнаго и независимаго. Она рѣшительно не понимаетъ ни одного изъ дѣйствующихъ лицъ, съ которыми приходитъ въ какія нибудь отношенія. Достаточно напомнить ея глупый романъ съ семинаристомъ Разитинымъ, и еще болѣе глупое смѣшное письмо по поводу начавшагося глѣнія тѣла покойнаго старца Зосимы, высокочтимаго ею и считаемаго за святого—„я не ожидала отъ такого почтеннаго лица такого поступка“.

Ея 14 лѣтняя дочка Лиза дѣлаетъ изъ матери постоянный предметъ всякихъ истерическихъ выходовъ, начиная съ легкихъ шалостей-насмѣшекъ, кончая злобными проявленіями истерического самодурства. У Лизы и физическій, и душевный типъ истеріи выраженъ настолько рѣзко, что почти не нуждается въ анализѣ и доказательствахъ.

Начнемъ съ того, что Лиза въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ страдаетъ параличомъ нижнихъ конечностей, который долго и безплодно лѣчится добродушнымъ старичкомъ докторомъ Герценштюбе и внезапно проходитъ послѣ нѣсколькихъ визитовъ къ старцу Зосимѣ. Такъ протекають и исчезаютъ только истерическіе параличи. Аномаліи ея характера и поведенія замѣтны по отношенію ко всѣмъ лицамъ, среди которыхъ она живетъ, прежде всего по отношенію къ ея матери, которая подъ вѣчнымъ страхомъ истерикъ дочки и вдобавокъ при своемъ слабоуміи, дѣлается послушной рабой всѣхъ вздорныхъ желаній и требованій Лизы. Въ Лизѣ рано просыпается любовное чувство, которое сначала носитъ полудѣтскій характеръ. Однако, въ ея чувствахъ уже нѣтъ ничего дѣтскаго, можно сказать, ничего дѣвическаго, когда она того же добродѣтельнаго Алешу посылаетъ съ запиской къ Ивану Карамазову, въ которой предлагаетъ прямо отдаться послѣднему. Эта новая любовь вызывается той славой гения и демоническаго характера, которой пользуется Иванъ Карамазовъ въ немудреномъ обществѣ г. Скотопригоньевска. Истерическое самолюбіе въ этой дѣвчкѣ развито въ высокой степени. Кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ выходокъ съ цѣлью привлечь къ себѣ вниманіе, гигантское развитіе этой стороны характера видно въ ея словахъ, что она желала бы быть тяжелой грѣшницей, чтобы ее при всѣхъ осудилъ же Господь, а „я бы вдругъ всѣмъ имъ и засмѣялась въ глаза“... „Иногда я думаю надѣлать ужасно много зла... Всѣ меня обступаютъ и будутъ показывать на меня пальцами...“ „Это очень пріятно“. Эта черта совершенно истерическая—во что бы то ни стало сдѣлаться замѣтной. Если не подъ силу быть великой, можно быть низкой и порочной, только бы всѣ смотрѣли и удивлялись. Интересно отмѣтить, что Лиза, на словахъ презирающая судъ Божій и человѣческій, на дѣлѣ трепещетъ отъ мысли, что Иванъ Карамазовъ отнесется къ ней съ пренебреженіемъ. Совершенно въ рамки истерическаго психоневроза укладывается измѣчивость ея настроенія: если сравнить ея два разговора съ Алешей—первый, гдѣ она собирается быть любящей женой, второй, гдѣ она мечтаетъ получить славу своимъ нравственнымъ паденіемъ—можно подумать, что это говорятъ два разныхъ лица. Очевидно, что ухудшеніе ея истеріи зависѣло отъ безпокойнаго и тяжелаго состоянія, которое пореживали въ то время окружающіе ее люди—судъ надъ Дмитріемъ, убійство отца Карамазова, романъ Кати и Ивана. Ея недалая мать, вмѣсто того, чтобы удалить истерическую дѣвочку, напротивъ, посвящаетъ ее во всѣ подробности драмы, дѣлится своими впечатлѣніями и, безъ сомнѣнія, усиливаетъ истерическія растройства. Тяжелая дегенерація и нравственное извращеніе Лизы видны, между прочимъ, въ возбужденіи у нея жестокаго сладострастія, т. е. въ развитіи наклонности наслаждаться муками другого. Въ періодѣ возбужденія полового чувства, когда она предлагаетъ физически отдаться

Ивану Карамазову, она рассказывает и ему, и его брату, что она желала бы распять четырехлѣтняго мальчика, любоваться его муками и въ то же время ѣсть ананасный компотъ, который она особенно любитъ. Ненормальность Лизы Хохлаковой замѣтна для всякаго и едва ли здѣсь могутъ быть споры о характерѣ невроза. Слабѣе выраженъ истерическій типъ у двухъ другихъ героинь романа—Грушеньки и Катерины Ивановны. Что касается Грушеньки, то по обстоятельствамъ романа, являясь предметомъ горячей страсти Дмитрія и любовныхъ вожделѣній отца Карамазова, будучи сама всецѣло поглощена различными любовными счетами со своимъ прежнимъ обожателемъ, она гораздо больше можетъ выказать истерическія черты именно со стороны измѣненія чувства—со стороны эмоциональной сферы.

Въ этомъ отношеніи дегенеративныя черты ея характера очевидны... Прежде всего нужно отмѣтить ея чрезвычайно развитое, довольно грубое кокетство, при чемъ она получаетъ особое наслажденіе, распалая до крайности страсть своихъ обожателей и не давая ей удовлетворенія.

Ея quasi-любовь къ своему бывшему соблазнителю тоже довольно неопредѣленнаго свойства и очень неустойчива; выражаясь ея словами, она то ждетъ золотой вѣсточки, чтобы побѣждать какъ собаченка, то рассчитываетъ предстать передъ своимъ соблазнителемъ во всемъ блескѣ своей расцвѣтшей красоты, чтобы сказать ему: „по усамъ текло, а въ ротъ не попало“. Еще болѣе выраженное жестокое сладострастіе проявляетъ она по отношенію къ Алешѣ: по ея неяснымъ намекамъ можно думать, что она хотѣла ему отдаться съ цѣлью, какъ она выражается, его „съѣсть“, т. е. нравственно унижить. Чувство, которое заставляетъ женщину отдаться только, чтобы насладиться униженіемъ предмета своихъ ласкъ, конечно, указываетъ на душевное вырожденіе. Показная чувствительность сквозитъ въ ея признаніяхъ Алешѣ, исполненныхъ жалкихъ словъ Безусловная аффективность отмѣчаетъ чувство къ Дмитрію, въ котораго она влюбляется совершенно внезапно во время ночного кутежа, разочаровавшись въ своемъ прежнемъ героѣ.

Мы перейдемъ къ невѣстѣ Дмитрія—Катеринѣ Ивановнѣ.

Въ первый разъ мы познакомимся съ ней по рассказу Дмитрія о ея самоотверженномъ поступкѣ. Въ дальнѣйшемъ развитіи романа она также проявляетъ очень высокія и благородныя черты характера: она готова выйти замужъ за Дмитрія съ цѣлью спасти его отъ гибели, она съ радостью приходитъ на помощь нуждающимся (капитану Снегиреву), она, наконецъ, совершаетъ очень смѣлый поступокъ для дѣвушки ея воспитанія и ея среды, заявляя публично на судѣ о своемъ посѣщеніи Дмитрія, не боясь клеветы и насмѣшекъ, которыхъ легко можно было ждать въ мало культурномъ и нѣсколько пошломъ обществѣ. Авторъ относится къ ней очень любовно, вездѣ выставляя ея высокія стремленія и благородство, но опять съ художественной чут-

костью онъ даетъ описанія такихъ сценъ, которыя указываютъ, что и на этомъ изящномъ дѣвическомъ образѣ есть также пятна, оставленныя болѣзью. Эта болѣзнь—истерія и истерическое вырожденіе. Два раза подъ вліяніемъ сильнаго волненія съ Екатериной Ивановной случаются типичныя истерическія припадки: одинъ разъ послѣ ссоры съ Грушенькой, другой разъ на судѣ, когда Иванъ Карамазовъ въ бреду приписываетъ себѣ убійство отца. Уже одна легкость развитія и быстрое исчезновеніе истерическихъ припадковъ сами по себѣ говорятъ за предрасположенную почву; но мы легко можемъ доказать существованіе истеріи у Екатерины Ивановны, если разберемъ ея характеръ, который представляетъ ясныя признаки истерическаго вырожденія. Для примѣра я приведу наиболѣе типичную сцену съ Грушенькой. Послѣднюю Катерина Ивановна приглашаетъ къ себѣ, рассчитывая убѣдить ее отказаться отъ Димитрія. Гордая и выдержанная барышня-институтка осыпаетъ свою соперницу горячими поцѣлуями и ласками, въ которыхъ даже такой наивный наблюдатель, какъ Алеша, отмѣчаетъ „слишкомъ много восторга“. Описывая прошлое Грушеньки, Катерина Ивановна все оправдываетъ и видитъ въ розовомъ свѣтѣ. Она не замѣчаетъ нѣсколькихъ колкихъ намековъ Грушеньки, думая, что „она, можетъ быть, слишкомъ наивна“. И только тогда, когда Грушенька отказывается сквитаться съ ней поцѣлуями, и нагло говоритъ: „А такъ и оставайтесь съ тѣмъ на память, что вы то у меня ручку поцѣловали, а я у васъ нѣтъ“, благовоспитанная барышня, понявъ униженіе, выходитъ изъ себя, кричитъ „мерзавка! вонъ!“ и даже пытается ударить свою обидчицу. Все дѣло оканчивается слезами и припадкомъ. Вся эта сцена возможна только у истерички. Катерина Ивановна, конечно, умнѣе и развитѣе Грушеньки, хотя и менѣе опытна въ житейскомъ отношеніи. Если она допускаетъ такой грубый обманъ и наглую насмѣшку, то причиной этого служитъ извѣстное самовнушеніе. Она внушила себѣ мнѣніе о Грушенькѣ, какъ о случайно увлеченной благородной дѣвушкѣ и, увлекаясь ея милovidностью, доходитъ до тѣхъ излишествъ, которыя мы только что описали. Восторгъ смѣняется гнѣвнымъ аффектомъ, послѣдній смѣняется слезами. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, съ одной стороны, самовнушеніе, съ другой—быструю смѣну разнородныхъ аффектовъ, т. е. несомнѣнные признаки истерическаго характера.

Между прочимъ, склонность къ самовнушенію подмѣчена и самимъ авторомъ, который устами Димитрія говоритъ, что Катерина Ивановна влюбилась не въ Грушеньку, а въ свою же мечту, въ свой бредъ. Точно также и въ послѣдней сценѣ съ Димитріемъ Катерина Ивановна говоритъ, что она только на одинъ моментъ „увѣрила себя“ въ его виновности, а на самомъ дѣлѣ никогда не вѣрила въ его преступленіе. Эта склонность къ самовнушенію проходитъ черезъ весь характеръ Екатерины Ивановны. Такой же самовнушенной является ея любовь къ

Дмитрію. Она ясно понимает слаболоіе и невысокій нравственный и умственный уровень своего жениха, она его на самомъ дѣлѣ не любитъ. Если она стремится выйти за него замужъ, то только въ надеждѣ обновить и возродить его нравственно. Она поражена его великодушнымъ поступкомъ, и подъ влияніемъ этого внушаетъ себѣ любовь къ Дмитрію. Любовь принимаетъ у нея аффективный характеръ. Сначала ее увлекаетъ Дмитрій своимъ кажущимся великодушіемъ, потомъ увлекаетъ его братъ Иванъ своимъ умственнымъ превосходствомъ. Рѣшившись на судъ рассказать завязку своего романа съ Дмитріемъ, сдѣлавъ все возможное, чтобы спасти его, она тотчасъ даетъ рѣшительное показаніе въ пользу обвиненія, испуганная бредовымъ признаніемъ Ивана. И тамъ, и здѣсь она руководится не разсудкомъ, не критикой, а внезапно возникшимъ сильнымъ чувствомъ.

Психологія ея любви набросана Достоевскимъ только общими, но мастерскими чертами, и уже изъ этого видно, что ея любовь—не любовь нормальной дѣвушки. Къ ея любви также нѣсколько примѣшивается жестокость. Припомнимъ слова Дмитрія, что она и замужъ идетъ для того, чтобы всю жизнь унижать своего мужа и подавлять его своимъ нравственнымъ превосходствомъ. Несомнѣнно, если не жестоки, то совершенно изломанны ея отношенія къ любящему ее и любимому ею Ивану, котораго она обвиняетъ въ стремленіи разъединить ее съ Дмитріемъ, чтобы соединиться съ нею самому. Эта капризность, резонерство въ любви свойственны истеричкамъ, у которыхъ къ непосредственному чувству примѣшиваются постороннія влеченія, частью зависящія отъ истерическаго самолюбія, частью отъ психическихъ аномалій полового инстинкта, частью отъ общей душевной неуравновѣшенности.

Другой романъ Достоевскаго—„Идіотъ“, который мы намѣтили для нашего анализа, имѣетъ не меньшее психіатрическое значеніе, чѣмъ „Братья Карамазовы“, такъ какъ и тамъ, и здѣсь главныя дѣйствующія лица представляютъ, несомнѣнно, болѣзненные типы. Согласно основной задачѣ нашей темы, мы остановимся исключительно на женскихъ лицахъ, изъ которыхъ мы разберемъ типы Настасьи Филипповны Барашковой и Аглаи Епанчиной.

Оба эти лица тѣсно связаны самымъ дѣйствіемъ романа, такъ какъ обѣ онѣ любятъ одного и того-же мужчину—князя Мышкина.

Психическій типъ Настасьи Филипповны уже нѣсколько разъ служилъ предметомъ анализа со стороны криминалистовъ и психіатровъ¹⁾, и всѣ сходятся въ пониманіи ея характера, принимаемая у нея истерія, которая, между прочимъ, выставляется и самимъ авторомъ, заставляющимъ ее продѣлывать рядъ истерическихъ припадковъ. Мы остановимся преимущественно на ея чувствѣ, которое ясно носитъ истерическій характеръ.

¹⁾ Проф. Чижъ. Дрилъ. Д-ръ Воротынский.

Ея отношеніе къ своему прежнему сожителю, заслуженному чиновнику Тоцкому, еще можетъ быть объяснено чувствомъ мести, хотя этотъ рядъ угрозъ и преслѣдованій и не лишенъ истерической окраски.

Но прямо болѣзненными являются ея отношенія къ другимъ мужчинамъ, къ Рогожину, къ Ганѣ, къ Мышкину. Когда Тоцкій, желая приличнымъ образомъ отдѣлаться отъ соблазненной имъ дѣвушки, предлагаетъ ей золотой мостъ въ видѣ брака съ безличнымъ и покладистымъ Ганей, она его принимаетъ, однако, исключительно для того, чтобы сдѣлать цѣлый рядъ новыхъ истерическихъ выходовъ. Она ѣдетъ знакомиться съ семьей жениха и раньше приглашаетъ туда же явиться Рогожина съ его пьяной компаніей, съ которымъ нарочно, изъ желанія вызвать скандалъ, она начинаетъ открытый торгъ въ домѣ жениха; ея вызывающее и дерзкое поведеніе быстро мѣняется подѣ влияніемъ сочувственныхъ словъ князя, но все таки она назначаетъ вечеромъ пріѣхать къ ней и Ганѣ, и Рогожину. Здѣсь она устраиваетъ рядъ новыхъ эксцентричностей съ бросаніемъ большой суммы денегъ въ каминъ, съ предложеніемъ Ганѣ вытащить пачку, съ истерическими криками, что эти деньги принадлежатъ ей, что она взяла ихъ съ Рогожина за право провести съ ней ночь, что она даритъ ихъ Ганѣ.

Эти злобныя выходки представляютъ то же самое истерическое самолюбіе, которое замѣтно въ словахъ Лизы Хохлаковой, собирающейся совершить что нибудь особенно низкое и злое и засмѣяться всѣмъ въ глаза. То, о чемъ мечтаетъ истерическая дѣвочка, то дѣлаетъ взрослая женщина-истеричка, „повнавшая добро и зло“. Мнѣ могутъ возразить, что фиктивный бракъ и полувынужденная связь безъ любви съ старымъ сожителемъ могли раздражать и волновать и здоровую женщину. Это, конечно, вѣрно. Можетъ быть, она съ негодованіемъ отвергла бы предложеніе Гани, можетъ быть, указала бы дверь Тоцкому, но она не стала бы собирать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, для того, чтобы осмѣять, унижить ихъ и насладиться своимъ превосходствомъ, хотя бы и совершенно отрицательными качествами.

Еще болѣе истерическіе признаки замѣтны въ ея стношеніи къ Рогожину и къ князю. Она любитъ князя, но мучается тѣмъ, что она его свяжетъ и, во что бы то ни стало желая устроить его бракъ съ Аглаей, готова выйти за Рогожина. Послѣдняго она прямо мучаетъ и подавляетъ постоянно измѣнчивостью своихъ рѣшеній, при чемъ, повидимому, находитъ особое удовольствіе въ мученіяхъ своего жениха. Это тоже истерическое самолюбіе съ примѣсью извѣстной жестокости въ любви, жестокаго сладострастія.

Въ этомъ смыслѣ могутъ быть истолкованы ея злобныя выходки съ Рогожинымъ, которымъ даже этотъ неразвитой, но глубоко чувствующій человекъ даетъ вѣрное толкованіе.

„Какъ на послѣднюю шваль на меня смотреть, съ Келлеромъ

вотъ, съ этимъ офицеромъ, что боксомъ дрался, такъ навѣрно знаю для одного смѣха надо мной сочинила“.

Князь Мышкинъ совершенно вѣрно объясняетъ Рогожину, что все это видимое презрѣнiе и униженiе не зависитъ отъ ненависти, а отъ какого то другого чувства, можетъ быть, и отъ любви: „про себя каждый разъ будетъ думать, смотря на тебя: вотъ теперь я его измучаю до смерти, да зато потомъ любовьюю моею наверстаю“.

Той же истерической неуравновѣшенностью, неясными порывами и исканiями объясняются ея постоянные побѣги отъ князя къ Рогожину и отъ Рогожина къ князю. Еще ближе и интимнѣе Рогожина понимаетъ Настасью Филипповну Аглая, сама отличающаяся истерическимъ характеромъ. Желая уколоть свою соперницу, Аглая такъ объясняетъ тѣ старанiя, которыя прилагала Настасья Филипповна, чтобы устроить свадьбу князя: „Вамъ просто вообразилось, что вы высокой подвигъ дѣлаете всѣми этими кривлянiями... Ну могли ли вы его любить, если такъ любите свое тщеславiе!“

Менѣе опредѣленнымъ и типичнымъ представляется истерическiй характеръ Аглаи. Частью это зависитъ отъ меньшей степени развитiя болѣзни, частью отъ тѣхъ условiй, въ которыхъ живутъ та и другая. Въ первомъ случаѣ—измученная и оскорбленная женщина съ развращеннымъ и поруганнымъ чувствомъ, не жалѣющая ни себя, ни другихъ; во второмъ—молодая, избалованная дѣвушка, незнакомая съ жизненными грозами и строго подчиненная извѣстному условному кодексу привычками среды и воспитанiя.

Однако, болѣе вдумчивый анализъ и въ этомъ увлекательномъ дѣвическомъ типѣ открываетъ истерическiе признаки.

Прежде всего ея крайняя неуравновѣшенность, раздражительность по отношенiю къ окружающимъ и рѣзкiе переходы въ настроенiи. Въ теченiе романа нѣсколько разъ мѣняются ея чувства по отношенiю къ князю, къ Ганѣ, къ Евгению Павловичу и т. д. Эта аффективность—преобладающее влiяние минуты и влеченiя въ общемъ типѣ душевной жизни—унаслѣдована ею отъ матери, которая, по вѣрному замѣчанiю князя, сама является „большимъ ребенкомъ“.

Совершенно истеричной представляется ея любовь къ князю, котораго она дѣйствительно любитъ и который постоянно служитъ ей предметомъ злыхъ и дерзкихъ насмѣшекъ. Наконецъ, совершенно типично для истерички поведенiе Аглаи при свиданiи съ своей соперницей.

Послѣ того, какъ душевно-больной князь Мышкинъ остается съ Настасьей Филипповной и какъ бы оставляетъ Аглаю, она не хочетъ итти домой, бѣжитъ къ своимъ знакомымъ и тамъ среди истерическихъ рыданiй выслушиваетъ признанiе въ любви Гани Иволгина. Несмотря на свое нервное потрясенiе, она и здѣсь не можетъ отказать себѣ въ удовольствiи потѣшить свое тще-

славіе и спрашиваетъ у Гани, согласился ли бы онъ сжечь себя руку для доказательства своей любви, при чемъ смущеніе и растерянность неудачнаго искателя заставляютъ ее забыть свое горе и разразиться сумасшедшимъ хохотомъ.

Отецъ и мать Аглаи точно также отмѣчаютъ у ней постоянную наклонность къ насмѣшкамъ и вышучиванію всѣхъ окружающихъ, большое самолюбіе и тщеславіе. Наконецъ, значительную примѣсь истерическаго элемента представляетъ ея новое чувство къ своему мужу—польскому эмигранту, увлекшему восторженную дѣвушку своей тоской по родинѣ, красивыми фразами и освободительными стремленіями, въ результатѣ которыхъ красавица-новобрачная попадаетъ въ іезуитскую исповѣдальню.

Для того, чтобы нѣсколько дополнить характеристику женскихъ типовъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ „идіотѣ“—князѣ Мышкинѣ.

Авторъ романа приписываетъ ему падучую болѣзнь, но мы должны замѣтить, что его характеръ, все его поведеніе, степень интеллекта не соотвѣтствуютъ падучей болѣзни. Это во всякомъ случаѣ вырожденный субъектъ, очень неуравновѣшенный, съ ограниченными умственными способностями. Его припадки обыкновенно наступаютъ послѣ душевныхъ волненій. Это почти типичный признакъ истерическаго припадка; падучные припадки, хотя и могутъ вызываться психическими причинами, а чаще наступаютъ періодически, безъ внѣшнихъ поводовъ, которые при эпилепси отступаютъ на второй планъ. Одинъ изъ припадковъ въ гостяхъ у Епанчиныхъ является прямо самовнушеніемъ. Его полусознательныя странствованія безъ агрессивныхъ дѣйствій, но и безъ опредѣленной цѣли съ сохраненіемъ памяти также ближе стоятъ къ истерическому трансу.

Мы думаемъ, что этотъ дегенерантъ именно вслѣдствіе болѣзненнаго измѣненія своего душевнаго склада, въ силу своей неуравновѣшенности, и является такимъ привлекательнымъ для обихъ истеричныхъ женщинъ, которымъ онъ родственъ по духу. Между прочимъ, можно отмѣтить, какъ общее правило, что дегенеративныя женщины особенно увлекаются дегенеративными мужчинами—ихъ тянетъ другъ къ другу духовная близость вырожденныхъ характеровъ. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ совершенно правильнымъ и близкимъ къ жизни построеніе романа Достоевскаго, гдѣ цѣлыми серіями появляются вырожденные женскіе и мужскіе характеры.

По задачамъ и размѣрамъ своей лекціи я не могу, конечно, разобратъ всѣхъ истерическихъ типовъ даже и у одного Достоевскаго. Я хотѣлъ бы только остановиться на сравненіи двухъ небольшихъ рассказовъ, которые оба изображаютъ, несомнѣнно, болѣзненные проявленія духовной жизни—„Хозяйка“ Достоевскаго и „Пѣснь торжествующей любви“ Тургенева.

Въ послѣднемъ молодая любящая, но бездѣтная жена измѣняетъ своему мужу въ припадкѣ лунатизма. Какъ можно заклю-

чить изъ разсказа, эта измѣна является внушенной, вызванной пѣлымъ рядомъ таинственныхъ дѣйствій ихъ гостя, влюбленнаго въ Валерію, Муція.

Между прочимъ, хотя измѣна Валеріи допускаетъ только такое толкованіе, мы не видимъ здѣсь, почему она такъ легко поддается внушенію, почему у здоровой до того времени женщины сразу развиваются тяжелыя истерическія разстройства въ формѣ снохожденія; мало того, таинственная музыка и загадочныя дѣйствія Муція не напоминаютъ гипнотическихъ воздѣйствій, гдѣ предполагается прямое ясно выраженное внушеніе со стороны гипнотизера, а ближе стоятъ къ таинственнымъ заклинаніямъ восточныхъ маговъ.

Очевидно, художникъ заботился здѣсь не столько о реальной истинѣ, сколько имѣлъ въ виду дать красивую картину безсознательнаго любовнаго влеченія. Такой взглядъ на этотъ разсказъ оправдывается эпиграфомъ изъ Шиллера въ заголовкѣ произведенія Тургенева: „Wage dich zu Irren und zu Träumen“—„Дай просторъ мечтѣ и воображенію“.

Совершенно другое впечатлѣніе производитъ разсказъ Достоевскаго.

Между прочимъ, можно навѣрно сказать, что громадному большинству читателей безъ психіатрическаго и психологическаго образованія разсказъ „Хозяйка“ кажется совершенно невѣроятнымъ. На самомъ дѣлѣ онъ очень близокъ къ истинѣ. Героиня этого романа—Катерина—страдаетъ истерическимъ помѣшательствомъ затяжнаго (хроническаго) теченія. Истерическій типъ ясно выступаетъ въ ея большой впечатлительности, въ ея бредѣ одержанія, въ ея внушаемости. Она сама говоритъ, что погубила свою душу, отдавшись Мурину, который имѣетъ на нее какое то непонятное вліяніе. Бредъ носитъ частью половой, частью религіозный характеръ. Хотя этого нельзя доказать точно данными разсказа, но весьма вѣроятно, что ея признанія Ордынову объ убійствѣ отца и матери, о бѣгствѣ съ Муринымъ, имѣя, можетъ быть, въ основѣ дѣйствительности, значительно изукрашены и видоизмѣнены бредовыми воспоминаніями. Въ пользу такого взгляда говоритъ бессвязность разсказа, отдѣльныя яркія картины, сильно поражающія воображеніе, но безъ временной и логической послѣдовательности событій. Муринъ, личность какой то темной профессіи, существующій предсказаніями будущаго и заклинаніями, имѣетъ на Катерину особое загадочное вліяніе. Смыслъ этого вліянія вполне раскрывается передъ читателемъ въ сценѣ, когда Катерина, увлекшись Ордыновымъ, хочетъ оставить Мурина. Какъ бы соглашаясь съ ней разстаться, Муринъ надъ чаркой вина начинаетъ читать какой то наборъ словъ, пристально смотря въ глаза Катеринѣ: она приковывается его взглядомъ и падаетъ въ его объятія. Художникъ довольно точно даетъ возможность прослѣдить, какъ, изучившій боль-

ную душу Катерины, Муринъ овладѣваетъ ея сознаниемъ и заставляеть подчиниться своей волѣ.

Несмотря на кажущуюся внѣшнюю невѣроятность и искусственность темы, этотъ разсказъ вполне жизнененъ и реаленъ; съ этимъ, мы думаемъ, согласится всякій, кому приходилось знакомиться съ большими проявленіями души человѣка въ формѣ душевныхъ уклоненій и преступности. Чтобы кончить съ литературною частью нашей лекціи, мы скажемъ нѣсколько словъ о другомъ писателѣ—Лѣсковѣ, который, конечно, не можетъ ни по размѣрамъ дарованія, ни по общественному значенію сравниться съ Достоевскимъ, но также отличается глубиной анализа большой человѣческой души. Интересуясь религиозными вопросами и народной вѣрой, Лѣскову естественно было встрѣтиться съ тѣми сторонами духовной жизни, которыя обобщаются подъ однимъ названіемъ „порчи“ и всецѣло входятъ въ область истеріи и гипноза. Этимъ явленіямъ посвящена его небольшая статья, появившаяся въ началѣ 80 годовъ, „Русскіе Демоніаки“. Она начинается описаніемъ нѣсколькихъ случаевъ „вожденій“ молодыхъ женщинъ, которыхъ „каждый годъ бралъ бѣсъ и водилъ во исходище“. Начавши водить молодую жену священника, бѣсъ въ скоромъ времени занялся сосѣдней молодой барышней и затѣмъ женой кучера въ томъ же имѣніи. По всѣмъ признакамъ, эти неудержимыя вожденія съ состояніемъ тоски и страха, съ омраченіемъ сознанія, съ психической заражаемостью относятся къ истерическимъ трансамъ.

Далѣе, Лѣсковъ приводитъ еще болѣе типичный примѣръ массовой порчи, пущенной по нѣсколькимъ сосѣднимъ деревнямъ не колдуномъ, не профессиональнымъ портильщикомъ, а помѣщикомъ генераломъ, имѣвшимъ только нѣсколько извращенныя любовныя наклонности. Въ свои наѣзды въ деревню этотъ помѣщикъ собиралъ на посидѣлки крестьянскихъ дѣвушекъ, и послѣ вечеринки, оставляя какую-нибудь одну, просилъ ее о небольшой услугѣ — нѣсколько разъ ударить его розгами. Очевидно, этотъ помѣщикъ страдалъ той формой измѣненія полового чувства, которая извѣстна подъ именемъ страдательнаго жестокаго сладострастія (Мазохизма). Большею частью дѣвушки, принимавшія участіе въ этихъ развлеченіяхъ, ничего не говорили дома, и эти удовольствія генерала оставались тайной до тѣхъ поръ, пока одна дѣвушка-подростокъ послѣ такого вечера въ ужасѣ прибѣжала домой и съ рыданіемъ сообщила матери „страсти страшныя,—генералъ мнѣ велѣлъ его розгами бить“.

Развлеченія генерала скоро кончились за отмѣною крѣпостного права. Зато въ этой деревнѣ нѣсколько женщинъ заболѣло странной болѣзью.

Прежде всего начала выливать перепуганная дѣвушка, о которой мы говорили. Выйдя замужъ, она сдѣлалась задумчивой и грустной, стала страдать припадками, которые выражались судорожными криками—„ой, тайна, тошнехонько, срамъ срамотѣлый!“

Вскорѣ послѣ этого заболѣванія стали выкликать и другія дѣвушки и молодыя женщины, все боясь той или другой срамоты. Заболѣваніе сдѣлалось, такъ сказать, мѣстной эпидеміей. Кричать и пугаться начали и такія дѣвушки, которыя по возрасту не могли принимать участія въ развлеченіяхъ генерала. Такъ заболѣла одна дѣвушка, которая на окрикъ матери за разбитый горшокъ: „или и ты генерала сѣкла“—начала выкликать „ой, сѣку, высѣку“, стала кричать пѣтухомъ и на звѣриныя голоса и пр.

Въ этомъ разказѣ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ эпидемической истеріей. Первая искра болѣзни была брошена помѣщичьими развлеченіями, оскорблявшими половое чувство. Все дальнѣйшее развитіе болѣзни было поддержано психическимъ зараженіемъ. Истерія здѣсь чисто психогеннаго свойства. Чувство отвращенія и стыда, пережитое первой дѣвушкой, сопровождаясь ощущеніемъ тоски и страха, подало поводъ къ первымъ истерическимъ крикамъ; у другихъ женщинъ оно явилось уже наведеннымъ, вторичнымъ. При извѣстномъ предрасположеніи къ нервозу, у нихъ легко возникали соотвѣтственные представленія съ такими же аффективными послѣдствіями.

Мы не можемъ обойти молчаніемъ еще одного типа Лѣскова, гдѣ изображается носитель психической заразы, специалистъ по части чудодѣйственныхъ наговоровъ и спиритизма — отецъ Боголѣпъ. Этотъ почтенный субъектъ смолода и всю жизнь имѣлъ тѣ или другія непріятности съ бѣсомъ. Когда онъ былъ послушникомъ въ мужскомъ монастырѣ, бѣсъ вооружалъ противъ него братію, а когда онъ отчитывалъ больныхъ монахинь, то съ нимъ случалось еще нѣчто худшее... Но зато онъ дѣйствительно получилъ какое-то близкое общеніе съ нечистою силою. По одному его слову „ворочай, лукавый“—раздаются какіе-то шорохи и тихіе звуки, онъ совершенно свободно испѣляетъ одержимыхъ женщинъ, при чемъ изгоняетъ по нѣскольку бѣсовъ сразу. Всѣ эти чудеса онъ производитъ при помощи требника Петра Могилы.

Наконецъ, порча производится о. Боголѣпомъ въ присутствіи самого Лѣскова. Заклинатель приходитъ къ автору въ гости и здѣсь обзываетъ обиднымъ словомъ горничную. Онъ вслухъ и при всѣхъ заявляетъ, что всѣ женщины одержимы бѣсомъ. Наединѣ онъ говоритъ ей какія-то „ужасныя слова“, которыя представляютъ „такой срамъ, что уста крещенаго человѣка сказать не могутъ“. Въ доказательство одержимости этой дѣвушки, о. Боголѣпъ машетъ на нее какимъ то платкомъ, отъ чего она въ испугѣ убѣгаетъ. Кончилось тѣмъ, что этой дѣвушкѣ, такъ-же, какъ и другой служанкѣ, по ночамъ начало казаться, что около нихъ „дрянные пресмыкается, на всѣхъ звѣрей похожъ“, и онѣ готовы были просить того же отца Боголѣпа освободить ихъ отъ одержанія... Психологія этого заболѣванія очевидна — репутація отца Боголѣпа, какъ заклинателя, извѣстное раздраженіе, вызванное обиднымъ словомъ, стыдъ и оскорбленіе отъ какихъ

то срамныхъ словъ, испугъ при его символическомъ взмахѣ платкомъ—достаточны, чтобы вызвать истерическіе симптомы путемъ внушенія.

Еще интереснѣе то нервное состояніе, которое появляется у самого автора подѣ влияніемъ чтенія требника.

Дѣло въ томъ, что съ требникомъ Петра Могилы у автора очень прочно сочетаются два представленія—съ одной стороны, о сверхъестественномъ значеніи этой книги, помощью которой можно вызывать и изгонять бѣсовъ, съ другой—о самомъ отцѣ Боголѣпѣ, который, пользуясь этой книгой, творить свои сомнительныя чудеса.

Когда авторъ одинъ въ полночь начинаетъ читать эту книгу, онъ доходитъ до несомнѣнныхъ слуховыхъ галлюцинацій, предметомъ которыхъ является заклинатель отецъ Боголѣпъ и всякія бѣсовскія силы. Онъ ясно слышитъ голосъ Боголѣпа, слышитъ шорохъ и шопотъ, будто кто то передвигаетъ мебель, слышитъ голоса „я пришелъ“ и „брось книгу“, наконецъ, слышитъ какой то страшный гулъ и трескъ въ сосѣдней комнатѣ, который утромъ объясняется лопнувшей струной у роаяля.

Пришедшій утромъ отецъ Боголѣпъ съ цѣлью перекупить у него книгу объясняетъ автору, что онъ, между прочимъ, и „бѣсу покучился“, чтобы тотъ попугалъ обладателя книги. Самъ авторъ, хотя и далекъ отъ мысли считать всѣ эти происшествія бѣсовскимъ наважденіемъ, однако, не вполне склоненъ допустить здѣсь однѣ естественныя причины.

На самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ случаѣ ясно выступаетъ психогенный характеръ самовнушенія. Очень можетъ быть, что трескъ лопнушаго въ ночной тишинѣ контрбаса не былъ бы принятъ за шумъ тысячи бѣсовскихъ голосовъ, если бы нервы читателя не были потрясены страшными словами заклинанія: — „Огненныхъ чиновъ содѣтелю, его же боится и трепещетъ вся тварь, даждь силу заклинателю о страшномъ имени твоёмъ совершаемому страху быти сему*. „Устрашися, вострепещи, убойся, разлучися, бѣжи, падый съ небесь... преходаяя и вреждаая и измѣняяя умъ человѣчскій“.

Галлюцинаціи, предметомъ которыхъ былъ отецъ Боголѣпъ, совершенно объясняются прочными мозговыми сочетаніями между заклинаніями и заклинателемъ.

Въ данномъ случаѣ авторъ испыталъ остро развившійся истерическій припадокъ съ самовнушенными галлюцинаціями. Несомнѣнно, такія острые галлюцинаторныя состоянія легко развиваются у людей, занимающихся спиритизмомъ, при условіи вѣры въ возможность спиритическихъ явленій.

Такое же объясненіе получаютъ вѣщіе сны, телепатическія влиянія на разстояніи и другія сверхъестественныя случайности.

Въ большинствѣ случаевъ болѣе точный психологическій анализъ показываетъ, что уже въ самой личности, получившей то или другое вѣщее предзнаменованіе, были даны условія при которыхъ могло случиться то или другое чудесное событіе.

III.

Мы перейдемъ теперь къ заключительной части нашей лекціи, въ которой мы остановимся на нѣкоторыхъ общихъ замѣчаніяхъ о причинахъ истеріи и о нѣкоторыхъ лѣчебныхъ и предохранительныхъ мѣрахъ въ борьбѣ съ этихъ неврозомъ.

Какъ мы говорили, нужно различать двѣ формы невроза—приобрѣтенную и наследственную дегенеративную. Последняя форма, несравненно болѣе тяжкая, связанная съ измѣненіемъ всего душевнаго типа, находится въ зависимости отъ наследственнаго обремененія. Чѣмъ тяжелѣе наследственность, тѣмъ хуже предсказаніе невроза. Въ особенности тяжелыми нужно считать тѣ случаи, гдѣ измѣненіе душевной жизни не ограничивается одной сферой чувства, но затрагиваетъ и умственную, гдѣ истерическій неврозъ соединяется съ болѣе или менѣе выраженнымъ слабоуміемъ. Такіе случаи, гдѣ на-лицо значительное ослабленіе умственныхъ силъ на почвѣ наследственнаго обремененія, мало поддаются лѣченію и обыкновенно такъ или иначе кончаютъ больницей для душевно-больныхъ.

Предсказаніе и лѣчение благоприятнѣе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ глубокихъ измѣненій умственной дѣятельности и затронута одна чувствующая сфера.

Мы только что говорили, что тяжесть невроза опредѣляется степенью дегенераціи. Отсюда прямое показаніе въ борьбѣ съ неврозомъ—развить болѣе стойкія и болѣе благородныя черты характера и ослабить его дегенеративныя свойства. Очень вѣроятно, что эта мысль многимъ покажется непонятной и невѣрной. Дѣйствительно, большинство образованнаго общества, а иногда и специалисты врачи смотрятъ на вырожденіе, какъ на нѣчто законченное и цѣлое, не поддающееся никакимъ измѣненіямъ, ни въ ту, ни въ другую сторону. На самомъ дѣлѣ это невѣрно. Въ понятіи вырожденія нѣтъ ничего абсолютнаго. Сама по себѣ дегенерація есть пониженіе физическаго и душевнаго типа, при чемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ оно должно быть предопредѣлено наследственностью, дальнѣйшее развитіе типа создается уже личною жизнью, которая можетъ усиливать или ослаблять дегенеративныя черты. Это пониженіе духовнаго типа въ зависимости отъ жизненныхъ условій мы предложили бы назвать *приобрѣтенной функциональной дегенераціей*.

Самый рѣзкій примѣръ такого, такъ сказать, нажитаго вырожденія представляетъ случай Каспара Гаузера, гдѣ человѣкъ съ нормальнымъ мозгомъ, съ дѣтства заключенный въ одну комнату, сдѣлался полнымъ идиотомъ. Совершенно обычные случаи функциональнаго вырожденія подъ вліяніемъ падучихъ припадковъ, гдѣ въ силу ненормальныхъ судорожныхъ разрядовъ наступаетъ истощеніе мозга и слабоуміе.

Мы приводимъ эти примѣры съ цѣлью въ рѣзкихъ чертахъ показать, что неправильныя условія дѣятельности мозга могутъ

вести въ концѣ концовъ къ стойкому его измѣненію, связанному съ пониженіемъ душевнаго типа. Болѣе тонкія и болѣе сложныя, но въ основѣ своей сходныя отношенія мы имѣемъ и при чисто функциональныхъ неврозахъ, въ томъ числѣ и при истерии. Если въ силу условій жизни и воспитанія истерическія черты характера усиливаются, съ ними вмѣстѣ усиливается и самый неврозъ, наступаетъ пониженіе душевнаго типа и заключительная душевная дегенерация. Не преувеличивая, можно сказать, что изъ истерической дѣвушки при однихъ условіяхъ можно воспитать подвизницу, при другихъ куртизанку. Частью мы видимъ это и въ разобранныхъ нами примѣрахъ дѣвушекъ-идеалистокъ, какъ Аглая Епанчина и Екатерина Ивановна, и крайне распущенныхъ, хотя и несчастныхъ женщинъ, какъ Грушенька и Настасья Филипповна.

Задачей правильнаго женскаго воспитанія является создать женщину возможно уравновѣшенную, лучше всего приспособленную къ жизненнымъ условіямъ, что бы ни дала ей жизнь—назначеніе ли матери и воспитательницы будущихъ поколѣній или одинокой участницы въ той или другой общественной работѣ. И для той, и для другой чѣли существенно необходимо достигнуть равновѣсія между умственной и чувствующей сферой, мало того, нужно достигнуть преобладанія интеллекта надъ психическими рефлексами.

Если это необходимо при воспитаніи здоровыхъ дѣвушекъ, то такое подчиненіе рефлексовъ разсудку еще болѣе важно у дѣвушекъ, представляющихъ задатки истеріи. Разбирая истерическій характеръ, мы указывали двѣ его основныя черты—истерическое самолюбіе и внушаемость. Правильное воспитаніе именно должно подавить эти истерическія свойства, путемъ развитія критики и интеллекта, направляя чувство истерической дѣвушки на истинную дорогу. Обыкновенно истерическое самолюбіе начинается очень рано въ сравнительно невинной формѣ тщеславія. Последнее очень мало оцѣнивается родителями и воспитателями и часто не только не устраняется, а скорѣе развивается искусственно. Дѣтей заставляютъ при гостяхъ читать стихи и восторгаются ихъ далеко не художественнымъ исполненіемъ, дѣвочки подросткомъ одѣваютъ въ открытыя платья, завиваютъ имъ волосы, приучаютъ къ кокетству и, что самое главное, поддерживаютъ мысль объ ихъ исключительной красотѣ и дарованіяхъ. Наконецъ, система воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ съ обязательными условными отмітками также не остается безъ вліянія на впечатлительныхъ дѣтей, развивая, съ одной стороны, страхъ, съ другой—тщеславіе и меньше всего способствуя развитію любознательности. Особенно вреднымъ для истерическихъ дѣтей является готовность родителей ко всевозможнымъ уступкамъ и къ исполненію всевозможныхъ капризовъ, къ которымъ такіа дѣти особенно склонны. И безъ того не умѣя владѣть своей волей и не встрѣчая противодѣйствія въ окружающихъ, они легко

становятся крайне распушенными и аффективными. Когда жизнь имъ даетъ почувствовать, что ихъ воля не абсолютна и что не всѣ желанія исполнимы, повышенные психическіе рефлексы легко скажутся истерическимъ неврозомъ.

Если распушенность и непривычка къ самообладанію легко влекутъ за собой истерію, то къ той же болѣзни такъ-же вѣрно приводятъ страхъ и запугиваніе. Въ этомъ смыслѣ безусловно опасны и вредны всѣ мѣры, глубоко потрясающія нервную систему и соединенныя съ оскорбленіемъ. Именно въ оскорбленіи и насиліи, а не въ боли лежитъ глубокой вредъ тѣлесныхъ наказаній. При этомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакой разницы между наказаніемъ въ порывѣ раздраженія и наказаніемъ обдуманымъ, методичнымъ; мы думаемъ, что чувство страха при послѣднемъ можетъ быть даже сильнѣе. Но не только физическія насилія, а и всѣ угнетающія психическія воздѣйствія могутъ служить источникомъ истеріи при условіяхъ легкой внушаемости. Сюда относятся разнообразныя запугиванія—сообщенія разныхъ предрасудковъ, рассказы о сверхъ-естественныхъ явленіяхъ, страхъ неосвѣщенныхъ комнатъ и т. д.

Я не буду распространяться долѣе о вліяніи воспитанія на истерію у дѣтей, такъ какъ объ этомъ намъ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ, и перейду теперь къ главному источнику истеріи у взрослыхъ женщинъ.

Еще старыми клиницистами отмѣчена значительная роль половой жизни въ происхожденіи истеріи, хотя они смотрѣли на этотъ вопросъ слишкомъ узко, имѣя въ виду одну физическую сторону полового чувства.

На самомъ дѣлѣ въ происхожденіи невроза не меньшую роль играетъ именно психическая сторона половой жизни. Эта послѣдняя одинаково сказывается какъ въ жизни еще не испытавшей любви дѣвушки, такъ и въ жизни замужнихъ женщинъ.

Истеричное вліяніе половой жизни особенно сильно сказывается въ періодъ половой зрѣлости отъ 16 до 20 лѣтъ.

Расцвѣтающая дѣвушка въ этомъ возрастѣ полна какихъ то неопредѣленныхъ стремленій, чувство тѣлеснаго расцвѣта сообщаетъ особый жизнерадостный тонъ всему ея настроенію, которое соединяется съ повышенными ожиданіями счастья и особенно розовыми идеальными надеждами.

Если въ этомъ періодѣ почему нибудь оскорбляется половое чувство, то часто у предрасположенныхъ дѣвушекъ на этой почвѣ развиваются состоянія тоски и угнетенія, влекущія за собой развитіе невроза. Часто такія истерическія вспышки возникаютъ при первомъ ознакомленіи съ физической стороной половой жизни, если дѣвушка въ грубой и оскорбляющей стыдливости формѣ въ первый разъ узнаетъ о физической сторонѣ любви. Для этого достаточно иногда подслушаннаго циничнаго разговора, подсмотрѣнной цинической сцены; еще легче вспышки возникаютъ истерическія состоянія, если дѣвушка случайно сама дѣ-

ляется предметомъ грубаго оскорбляющаго стыдливость ухаживания.

Тѣмъ же путемъ развиваются истерическія вспышки у новобрачныхъ; въ особенности, если первое знакомство съ любовью соединяется со страхомъ и извѣстнымъ нравственнымъ насилиемъ.

Чувство неудовлетворенности, иногда даже отвращенія, въ связи съ глубокимъ потрясеніемъ нервной системы способствуютъ истерическимъ вспышкамъ при названныхъ условіяхъ. Это особенно имѣетъ мѣсто въ случаяхъ брака молодыхъ дѣвушекъ до 20 лѣтъ, притомъ въ особенности, если супружество заключено не по склонности, а по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ.

Если у молодыхъ новобрачныхъ легко развиваются острия истерическія вспышки подѣ влияніемъ оскорбленнаго полового чувства, то уже у женщинъ послѣ болѣе длительнаго супружества иногда наступаетъ хроническая супружеская неудовлетворенность подѣ влияніемъ разочарованія въ своемъ избранникѣ. Нѣтъ болѣе духовнаго единенія, а физическая связь остается.

Уже сами по себѣ эти условія разстраиваютъ и угнетаютъ супруговъ. Но часто сюда примѣшиваются еще осложняющіе моменты — боязнь материнства со стороны женщины, грубыя нарушенія нравственности и цинизмъ со стороны мужчины. Если женщина по всему своему воспитанію и духовному складу только приготовлена быть женой и больше ничѣмъ, она не можетъ найти никакого выхода изъ ненормально сложившихся условій.

На этой почвѣ у предрасположенныхъ женщинъ развиваются разнообразныя истерическія расстройства какъ физическаго, такъ и психическаго характера.

Наконецъ, у предрасположенныхъ женщинъ даже при удачномъ супружествѣ брачная жизнь иногда вызываетъ истерію, если принимаются тѣ или другія мѣры къ ограниченію дѣторожденія и устраненію материнства.

Мы не рассматриваемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ неудовлетворительный бракъ зависитъ отъ болѣзни мужа — неудовлетворенность чувства при данныхъ условіяхъ понятна сама собою.

Въ неправильномъ воспитаніи и неудовлетворенности чувства лежатъ два главныхъ личныхъ условія пріобрѣтенной истеріи.

Намъ уже приходилось въ прошлой лекціи ¹⁾ говорить объ общественныхъ условіяхъ, способствующихъ массовому развитію истеріи, и здѣсь мы ограничимся только нѣсколькими словами — массовыя истерическія заболѣванія развиваются тѣмъ легче, чѣмъ ниже умственный уровень данной страны, чѣмъ труднѣе борьба за существованіе, чѣмъ больше подавлена и угнетена женщина.

Высокій экономическій ростъ страны, въ общемъ, уменьшаетъ истерическія заболѣванія, хотя, косвенно, нѣкоторые случаи истеріи прямо связаны съ развитіемъ технической дѣятельности и капитализма.

¹⁾ „Душевная слабость и ея значеніе въ общественной жизни и художественномъ творчествѣ“. Русская Мысль. 1901.

Сюда, во первых, относятся истерическія заболѣванія фабричныхъ работницъ при условіяхъ тяжелаго однообразнаго труда, сознанія отвѣтственности и извѣстнаго психическаго угнетенія. Далѣе, сюда же относятся всѣ случаи травматической¹⁾ истеріи—истерическія заболѣванія, полученныя при машинномъ производствѣ отъ различныхъ легкихъ пораненій, случаи травматической истеріи при желѣзно-дорожныхъ крушеніяхъ и т. д.

Мы далеко не исчерпали всѣхъ причинъ женской истеріи и остановились только на главныхъ моментахъ въ тѣхъ границахъ, которыя допускаются публичной лекціей. Мы дадимъ теперь нѣкоторое знакомство съ лѣченіемъ невроза.

Что касается общаго лѣченія, то оно имѣетъ цѣлью общее укрѣпленіе организма и въ частности нервной системы—кромѣ соответствующихъ лѣкарственныхъ препаратовъ, здѣсь особую роль играетъ приложеніе различныхъ физическихъ пріемовъ—лѣченіе водой, электричествомъ, иногда массажемъ и т. д. Эти показанія имѣютъ интересъ чисто медицинскій.

Болѣе общій интересъ и болѣе важное значеніе имѣетъ психическая терапия, безусловно необходимая почти во всѣхъ случаяхъ.

Способъ примѣненія и выборъ психическихъ средствъ мѣняется въ зависимости отъ формы истеріи, отъ душевныхъ особенностей больной и отъ окружающей ее обстановки.

Главной задачей всегда является успокоеніе больной, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ психогеннымъ моментомъ служитъ страхъ или тревога за послѣдствія своихъ поступковъ, или угнетеніе въ зависимости отъ пережитаго стыда или какой нибудь нестыязной идеи преимущественно полового характера. Въ такихъ случаяхъ, клинически-выражающихся тоской и отращеніемъ къ жизни, иногда бредовыми вспышками, успокоивающее лѣченіе въ значительной степени сводится къ терапіи разрѣшенія.

Одну изъ первыхъ задачъ такого лѣченія представляетъ добиться откровеннаго разсказа самой больной о волнующихъ ее мысляхъ и тревогахъ и, по возможности, выяснить психогенную причину болѣзни, очень часто связанную съ тѣми или другими нарушеніями въ области чувствъ.

Вторая задача сводится къ успокоенію, къ выясненію незначительности и неосновательности тревогъ и сомнѣній, такъ сказать, къ разрѣшенію психогенной причины. Такое лѣченіе удалется, конечно, тѣмъ легче, чѣмъ выше нравственный авторитетъ врача въ глазахъ больной. Этой же терапіей разрѣшенія объясняются случаи излѣченія истеріи и не врачами, а только людьми.

¹⁾ Травматической (раневой) истеріей называются тѣ формы ея, гдѣ причиной развитія истеріи служитъ испугъ, связанный съ тѣмъ или другимъ легкимъ пораненіемъ, которое само по себѣ, независимо отъ психологическаго воздѣйствія, не могло бы вызвать нервнаго страданія.

ми, пользующимися нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ больныхъ.

Въ составъ психической терапіи всецѣло входитъ терапія внушенія, которая раздѣляется на внушеніе въ бодрственномъ состояніи и на внушеніе въ гипнотическомъ снѣ. И та, и другая направляются не противъ болѣзни, а противъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ припадковъ. Въ этомъ смыслѣ показано приложеніе гипноза, который, однако, долженъ прилагаться по вполне опредѣленнымъ показаніямъ. Неразборчивое гипнотизированіе при истеріи скорѣе приноситъ вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ, устраняя одни признаки, оно можетъ вызвать другіе, и въ случаяхъ чисто физическихъ незначительныхъ разстройствъ могутъ наступить психическія. Наконецъ, къ гипнозу можетъ развиваться привычка, какъ къ наркотическимъ средствамъ. Въ общемъ, нужно имѣть въ виду, что показанія къ гипнозу довольно ограничены, приложеніе его должно быть направлено противъ отдѣльныхъ припадковъ психическаго характера, не поддающихся другому лѣченію; наконецъ, оно возможно только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ риска вызвать ухудшенія истерическихъ симптомовъ. Всякія внушенія, кромѣ чисто лѣчебныхъ, вполне неумѣстны и не должны примѣняться. При лѣченіи гипнозомъ, какъ средствомъ, направленнымъ противъ отдѣльныхъ признаковъ, сохраняетъ всю свою силу общее лѣченіе болѣзни.

Въ тяжелыхъ случаяхъ истеріи условіемъ психическаго лѣченія является устраненіе большой изъ привычной для нея обстановки, если условія жизни поддерживаютъ нервное разстройство, напр., если семейная жизнь тягостна и раздражаетъ такую больную, или если чрезмѣрныя заботы и тревога семьи по поводу ея болѣзни поддерживаютъ въ ней мысль о тяжести ея страданія.

Къ психической терапіи относится терапія необращенія вниманія—„nicht Beachtungsmethode“, при которой врачъ умышленно не замѣчаетъ истерическихъ разстройствъ и не примѣняетъ никакого лѣчебнаго вмѣшательства.

Хотя этотъ способъ лѣченія имѣетъ много защитниковъ, но мы увѣрены, что его нельзя примѣнять методически. При истеріи иногда встрѣчаются разстройства настолько стойкія и тягостныя для больной, что они вынуждаютъ къ вмѣшательству каждаго врача, даже и склоннаго не обращать вниманія. Далѣе, до известной степени этотъ методъ незаконный—такъ какъ для больной безразлично, вызываются-ли ея боли и тоска представленіемъ или дѣйствительною причиною. Врачъ, къ которому обращаются за помощью, долженъ во всякомъ случаѣ оказать эту помощь.

Единственно правильнымъ приложеніемъ этого метода мы бы считали тогда, если истеричка преднамѣренно преувеличиваетъ свои разстройства по побужденіемъ истерическаго самолюбія. Тогда въ случаяхъ явнаго притворства дѣйствительно—чѣмъ меньше вниманія, тѣмъ лучше.

Такимъ образомъ, основнымъ принципомъ психической терапіи является успокоеніе больной и укрѣпленіе ея воли, при чемъ для достиженія этой цѣли слѣдуетъ пользоваться всѣми извѣстными намъ средствами психическаго и физическаго лѣченія.

Перейдемъ къ послѣднему изъ намѣченныхъ нами вопросовъ—къ вопросу объ общественныхъ мѣрахъ въ борьбѣ съ истеріей.

Намъ приходилось уже высказываться въ другомъ мѣстѣ, что чѣмъ выше культура данной страны и эпохи, тѣмъ меньше данныхъ для развитія массовыхъ формъ истерическихъ заболѣваній, тѣсно связанныхъ съ равнообразными предрасудками, суевѣрїями и психическимъ зараженіемъ. Тѣмъ не менѣе отдѣльные случаи истеріи встрѣчаются при всякомъ, даже и самомъ высокомъ уровнѣ національнаго развитія, и теперь мы поставимъ вопросъ нѣсколько уже, именно, поскольку извѣстныя жизненныя условія вліяютъ на развитіе невроза.

При нашемъ анализѣ условій, способствующихъ развитію истеріи у современной женщины, мы придавали особое значеніе двумъ причинамъ, моментамъ—воспитанію, развивающему чувствующую сферу въ ущербъ задерживающей мозговой дѣятельности, и аномалїямъ чувства, которыя при условїяхъ предрасположенія легко могутъ вызвать истерическія заболѣванія. Мы должны замѣтить, что неудовлетворенность въ сферѣ чувства именно потому такъ легко вызываетъ истерическія формы у современной женщины, что вообще она получаетъ одностороннюю жизненную подготовку, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной своей части.

Современное воспитаніе, развивая чисто женскія качества въ ущербъ обще-человѣческимъ, значительно суживаетъ умственный горизонтъ женщины и этимъ способствуетъ пониженію женскаго типа, а неизмѣннымъ спутникамъ духовнаго вырожденія является склонность къ функціональнымъ неврозамъ.

Правда, весьма нежелательно, мы можемъ сказать, даже губельно отразится на будущихъ поколѣніяхъ именно утрата женскихъ качествъ—возмужаніе женщины. Но мы думаемъ, что между обѣими крайностями можно найти извѣстную середину, гдѣ женщина, не утрачивая основныхъ свойствъ свѣтаго типа—женственной мягкости и отзывчивости—въ то-же время получить возможность расширить свой умственный круговоръ, развитъ свою критику и интеллектуальную дѣятельность. Для этого только одно средство—правильно поставленное воспитаніе подрастающихъ женскихъ поколѣній и самое широкое и доступное образованіе взрослой женщины.

Относительно перваго изъ этихъ положеній—значенія нравственнаго и физическаго воспитанія въ семьѣ и средней школѣ для борьбы съ неврозомъ—едва ли ктонибудь будетъ спорить.

Другое дѣло относительно высшаго образованія женщинъ, которое встрѣчаетъ противниковъ не только среди завѣдомыхъ обскурантовъ, но и среди дѣйствительно просвѣщенныхъ и искренне убѣжденныхъ людей.

Во первыхъ, указываютъ, что затраты труда, необходимыя для приобрѣтенія высшаго образованія, слишкомъ велики и непосильны для дѣвушекъ; сами по себѣ онѣ будутъ порождать и увеличивать женскую нервность. Мы позволимъ себѣ привести противъ этого два возраженія: усилія для достиженія образованія такъ велики потому, что самое образованія для женщинъ слишкомъ затруднено и недоступно. Для доказательства этого достаточно сравнить положеніе кончившаго курсъ гимназиста, часто даже весьма среднихъ способностей, съ сомнительнымъ интересомъ къ наукѣ, передъ которымъ съ полной готовностью открываются двери любого факультета, и положеніе дѣвушки, для которой открыты два-три образовательныхъ учрежденія во всей странѣ. Многія изъ ищущихъ образованія дѣвушекъ вовсе не нуждаются въ профессиональномъ образованіи, которое по существу дѣла должно быть обставлено строгими экзаменами и внимательной провѣркой практическихъ свѣдѣній. При большей свободѣ преподаванія, вѣроятно, значительная часть нашихъ учащихся женщинъ ограничилась бы энциклопедическимъ высшимъ образованіемъ, изучая болѣе привлекательные и интересующіе отдѣлы знанія.

Во вторыхъ, понятно само собою, что какъ изъ мужской, такъ и изъ женской молодежи годны для высшаго образованія только достаточно одаренныя лица и обладающія сноснымъ здоровьемъ. Явно болѣзненные и слабыя натуры, конечно, нуждаются въ леченіи, а не въ образованіи.

Второе возраженіе противъ высшаго женскаго образованія—это меньшая склонность образованныхъ дѣвушекъ къ семейной жизни и послѣдовательное уменьшеніе числа браковъ среди интеллигентной молодежи. Послѣднее возраженіе ни на чемъ не основано. Желаніе личнаго счастья и инстинктивное стремленіе къ продолженію вида настолько сильно, что на него существенно не можетъ вліять вопросъ, училась ли или нѣтъ дѣвушка тѣмъ или другимъ наукамъ.

Количество браковъ всецѣло подчиняется экономическимъ и социальнымъ условіямъ, и всѣ другіе второстепенные факторы на немъ не отзываются. Напротивъ, нужно имѣть въ виду, что образованныя матери и воспитательницы дадутъ, конечно, болѣе здоровое и правильное воспитаніе подрастающему поколѣнію.

Наконецъ, послѣднее возраженіе, поднимаемое нѣмецкими учеными—это возможное измѣненіе женскаго типа въ сторону возмужанія. Мы бѣгло уже о немъ упомянули и теперь рассмотримъ его ближе.

Самымъ грознымъ, конечно, можетъ быть физическое измѣненіе типа въ видѣ нарушенія специальныхъ отправленій женскаго орга-

низма, паденія женской красоты и измѣненія способности къ воспроизведенію. На этихъ сторонахъ женской жизни вредно отзывается всякій трудъ, превышающій силы женщины, въ томъ числѣ, пожалуй, и усиленныя умственныя занятія. Но мы рѣшительно не видимъ причины, почему бояться за утрату женскихъ качествъ у учащихся дѣвушекъ, работающихъ 5—6 часовъ въ сутки и не бояться той же утраты у продавщицъ и фабричныхъ работницъ, работающихъ 10—12 часовъ. Мы опять здѣсь встрѣчаемся не съ педагогическимъ, а съ экономическимъ вопросомъ—не трудно учиться, а трудно бороться за свое существованіе. Возможно широкое общественное содѣйствіе и облегченіе жизни учащихъ женщинъ устраняетъ эту опасность. Разсмотримъ другую сторону вопроса: не грозитъ ли женское образование психическимъ измѣненіемъ типа въ формѣ утраты женственности, развитія суровости и настойчивости, преимущественно отличающей мужской характеръ.

По этому вопросу я позволю себѣ сослаться на обще-извѣстные факты послѣднихъ десятилѣтій.

Всѣ, вѣроятно, знаютъ дѣятельность русской интеллигентной женщины на поляхъ сраженія и въ годы народныхъ бѣдствій среди голода и повальныхъ болѣзней и всѣ могутъ подтвердить, что рядомъ съ мужественной твердостью и смѣлостью она проявляла высоко развитое женственное милосердіе и беззавѣтное самопожертвованіе.

Въ стремленіи къ развитію національнаго русскаго типа, намъ нѣтъ надобности бояться вырождающаго вліянія женскаго просвѣщенія, напротивъ, развивать и поддерживать тѣ идеальныя черты русской женщины, которыя увѣковѣчены исторіей нашей страны.

Вл. Мурашовъ.

35-ти-лѣтіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности¹⁾.

Въ мартѣ текущаго года исполнилось 35-ти-лѣтіе Харьковскаго Общества грамотности.

Послѣ Московскаго Комитета, учрежденнаго еще въ 1845 году, и С.-Петербургскаго, основаннаго въ 1861 г., Харьковское Общество—старѣйшее въ Россіи: уставъ его утвержденъ 24 марта 1869 года.

Своимъ возникновеніемъ Харьковское Общество всецѣло обязано общественной инициативѣ, такъ широко проявившейся въ началѣ знаменитыхъ 60-хъ годовъ, когда Россія, сбросивъ цѣпи рабства, быстро спѣшила наверстать время, утерянное въ мрачную предшествующую эпоху, и „возвратить долгъ народу“ за весь гнетущій періодъ крѣпостничества.

Съ этою цѣлью цѣвѣтъ русской интеллигенціи, порвавъ связи съ крѣпостническими элементами, стала организовываться въ кружки, въ которыхъ обсуждались наилучшіе способы просвѣщенія народныхъ массъ.

Въ г. Харьковѣ въ 60-хъ годахъ существовалъ цѣлый рядъ интеллигентныхъ группъ. Образованію ихъ сильно способствовали, съ одной стороны, Харьковскій университетъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ профессоровъ и студентовъ, съ другой—только что возникшее тогда земство. Изъ профессоровъ отмѣтимъ такихъ выдающихся научныхъ и общественныхъ дѣятелей, какъ Д. И. Каченовскій, А. А. Потебня, А. Н. Стояновъ, Н. Н. Бекетовъ. Кстати сдѣлаемъ здѣсь и краткую характеристику ихъ.

¹⁾ Помимо отчетовъ Харьковскаго Общества грамотности, авторъ, при составленіи настоящаго обзора, пользовался и воспоминаніями старѣйшихъ членовъ его, при чемъ особенно цѣнныя данныя почерпнуты изъ воспоминаній Н. П. Баллина. И все же эта статья далеко не можетъ претендовать на всестороннюю и полную характеристику продолжительной дѣятельности Харьковскаго Общества грамотности.

Эта характеристика, намъ думается, дастъ возможность, хотя отчасти, выяснить „направленіе“ если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ группъ харьковской интеллигенціи.

Покойный Д. И. Каченовскій принадлежалъ къ числу извѣстныхъ русскихъ профессоровъ. Ему было всего 19¹/₂ лѣтъ, когда онъ окончилъ Харьковский университетъ, а 22 лѣтъ, защитивъ диссертацию, онъ уже занялъ, въ 1849 году, кафедру международного права въ Харьковскомъ университетѣ; 28-ми лѣтъ, въ 1855 г., Д. И. защищалъ докторскую диссертацию въ Москвѣ, гдѣ близко сошелся съ кружкомъ западниковъ, идеямъ которыхъ остался вѣренъ до конца жизни. Весьма естественно поэтому, что освободительное движеніе 60-хъ годовъ встрѣтило въ лицѣ Д. И. горячаго поклонника. Университетская молодежь цѣнила своего талантливаго профессора, и его лекціи привлекали массу слушателей, стремившихся затѣмъ въ жизни осуществить западно-европейскіе идеалы, основа которымъ видится на широкомъ просвѣщеніи.

А. Н. Стояновъ, и нынѣ еще здравствующій, былъ всего на три года моложе Каченовскаго. 29 лѣтъ онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ, а 32 лѣтъ представилъ диссертацию на степень магистра энциклопедіи и международного права, и съ 1862 года по 1875 г. занималъ кафедру исторіи законодательства въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ читалъ также римское и международное право и энциклопедію права. Какъ поклонникъ западныхъ просвѣтительныхъ идей и широкаго гуманизма, Стояновъ, какъ и Каченовскій, пользовался громадною популярностью среди молодежи.

Самый молодой изъ трехъ выше названныхъ профессоровъ былъ А. А. Потебня. Талантливый лекторъ съ большимъ запасомъ знаній, Потебня также пользовался большою популярностью среди студентовъ.

Что касается Н. Н. Бекетова, то рѣчь о немъ будетъ ниже.

Изъ земскихъ дѣятелей укажемъ на перваго предсѣдателя Харьковской губернской управы Бекорюкова, на перваго же предсѣдателя Харьковской уѣздной земской управы Е. С. Гордѣенко, впоследствии извѣстнаго профессора и общественнаго дѣятеля, а также на Ф. А. Павловскаго.

Вокрѣ названныхъ профессоровъ и земскихъ дѣятелей группировалась лучшая молодежь, горѣвшая искреннимъ стремленіемъ примѣнить свои силы на благо народа.

Какъ и повсемѣстно въ Россіи, въ Харьковѣ первымъ результатомъ прогрессивныхъ стремленій явились тогда воскресныя школы. Ихъ было не менѣе пяти и функционировали онѣ съ рѣдкимъ успѣхомъ. Достаточно сказать, что число учащихся въ этихъ школахъ превышало 1.200 человекъ, а учащихся записалось до 300, при чемъ до 200 изъ нихъ были активными дѣятелями. Если принять во вниманіе, что въ то время въ Харьковѣ жителей было на - половину менѣе, чѣмъ теперь, а студентовъ

не насчитывалось и 500, то придемъ къ заключенію, что поистинѣ громаденъ былъ процентъ интеллигенціи, отдавшей свое время и трудъ воскреснымъ школамъ, привлекиши въ нихъ многочисленныхъ учащихся. Но—увы!—скоро на пути этой, совершенно мирной культурной работы стали создаваться преграды, которыя очень быстро превратились въ непреодолимые препятствія. 7-го іюня 1862 года, по приказу военнаго министра, были закрыты повсемѣстно въ Россіи всѣ общественныя школы и другія училища, учрежденныя при войскахъ, „для лицъ, не принадлежащихъ къ военному вѣдомству“, а 13-го іюля того-же года состоялось Высочайшее повелѣніе: 1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ о воскресныхъ школахъ; 2) впредь до преобразования означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, *закрыть всѣ нынѣ существующія школы и читальни.*—Вслѣдствіе этого повелѣнія прекратили существованіе и всѣ харьковскія воскресныя школы, за исключеніемъ школы г-жи Алчевской, не подвергшейся общей участи и благополучно существующей до настоящаго времени. Такимъ образомъ, внезапно, какъ бы по мановенію жезла, въ лицѣ многочисленныхъ учителей и учительницъ были выброшены за бортъ энергичныя, свѣтлыя, молодыя силы, которыя, конечно, стали искать другихъ способовъ осуществленія своихъ просвѣтительныхъ идеаловъ. Между прочимъ, они избрали изъ среды своей нѣчто въ родѣ комиссіи и поручили ей выработать уставъ общественной организаціи, которая дала бы возможность продолжать бывшимъ дѣятелямъ свою работу. Такой уставъ и былъ выработанъ, но его надо было еще утвердить, на что, какъ извѣстно, существовала и понынѣ существуетъ очень длинная, томительная процедура, да, кромѣ того, явилась мысль внести въ уставъ нѣкоторыя поправки. А между тѣмъ интеллигенція чувствовала потребность въ дѣятельности. Тогда первые учредители Харьковского Общества грамотности, собравшись въ химической аудиторіи университета, рѣшили образовать „нелегальную“ до нѣкоторой степени организацію, которая бы работала до утвержденія устава общества. Въ нее вошли, между прочимъ, вышеназванные нами профессора: покойный Дмитрій Ивановичъ Каченовскій и Николай Николаевичъ Бекетовъ, нынѣ ординарный академикъ. Послѣдній сыгралъ особенно важную роль и въ этой „нелегальной“ организаціи и затѣмъ, какъ увидимъ,—и въ организаціи Харьковского Общества грамотности.

Въ это время Николай Николаевичъ былъ адъюнктомъ по кафедрѣ химіи въ Харьковскомъ университетѣ и, занимаясь наукою, въ которой занялъ столь блестящее положеніе, находилъ время для серьезной общественной дѣятельности.

„Нелегальная“ организація образовалась именно при „Бекетовской“ школѣ для приготовленія сельскихъ учителей, гдѣ и стала работать харьковская интеллигенція ¹⁾. Но всѣмъ жаждав-

1) Школа эта частнымъ образомъ существовала года 3 или 4. За-

шимъ труда на поприщѣ народнаго образованія въ этой школѣ невозможно было примѣнять своихъ силъ: чувствовалась потребность болѣе широкой организаціи. По этому поводу начались совѣщанія интеллигенціи, происходившія у вышепоименованнаго перваго предсѣдателя Харьковской уѣздной земской управы, Егора Степановича Гордѣнко. Результатомъ этихъ совѣщаній было окончательное редактированіе и отправка въ подлежащія сферы для санкціи устава общества, который, какъ мы уже сказали, 24 марта 1869 года былъ утвержденъ и остался неизмѣннымъ въ теченіе всѣхъ 35-ти лѣтъ. Характерными чертами его являются: краткость, необыкновенная простота, послѣдовательное проведеніе принципа общественной самостоятельности, строго выдержанное выборное начало. Такія качества устава и явились главною основою развитія Харьковскаго Общества грамотности, занявшаго въ концѣ концовъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ подобнаго рода обществъ.

Многіе „спасители отечества“ и разныхъ оттѣнковъ „патріоты“ стремились сократить дѣятельность общества, но уставъ охранялъ его отъ всѣхъ напастей.

Перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію исторіи Харьковскаго Общества грамотности, начавъ съ отчета за первый годъ его существованія. Это весьма любопытный документъ. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе своею миниатюрностью: весь „отчетъ“ занимаетъ только 24 страницы въ $\frac{1}{16}$ долю листа ¹⁾. Но въ немъ уже ясно опредѣляется тотъ путь, съ котораго Общество почти не сворачивало въ теченіе 35 лѣтъ, именно—распространеніе истиннаго просвѣщенія въ широкихъ кругахъ городского и сельскаго населенія.

По утвержденіи устава общества, говорится въ первомъ отчетѣ, предсѣдателемъ Харьковской уѣздной земской управы, Е. С. Гордѣнко, были созваны члены учредители, избравшіе временную комиссію для принятія взносовъ и для подготовленія матеріаловъ къ первому общему собранію. Членами этой комиссіи былъ составленъ рядъ записокъ, прочитанныхъ на первыхъ общихъ собраніяхъ, состоявшихся въ концѣ мая 1869 года. Одна изъ записокъ,—В. Н. Спасскаго,—сообщила весьма любопытныя, первая статистическія данныя о состояніи начальнаго народнаго образованія въ Харьковской губерніи въ 1868 году. Изъ нихъ видно, что 36 лѣтъ тому назадъ въ названной губерніи было всего 378 народныхъ школъ съ 13.500 учащихся, при чемъ мальчиковъ было 12.300, или 91,1%, а дѣвочекъ всего 1.200, или 8,9%. Докладчикъ, считая, что дѣти школьнаго возраста составляютъ $\frac{1}{8}$ часть населенія, приходилъ къ выводу, что 175.500 дѣтей не получаютъ никакого, даже элементарнаго обра-

тѣмъ она сдѣлалась официальною, а впоследствии изъ нея образовалась Вѣлгородская учительская семинарія.

¹⁾ Послѣдній, изданный Обществомъ, отчетъ за 1901 годъ занимаетъ 760 страницъ въ $\frac{1}{8}$ долю листа.

зованія. Учащихъ въ школахъ было 525 и изъ нихъ лишь 38, или 7,2% учительницъ.

Большой интересъ въ запискѣ г. Спасскаго представляетъ характеристика дореформенныхъ учителей и школъ. „Между учителями,—говорится въ ней,—весьма немногіе подготовлены къ своимъ занятіямъ и нерѣдко сами едва грамотны; о новыхъ способахъ обученія грамоты по звуковому методу большинство не имѣетъ понятія, а учать по старому, что значительно подрываетъ успѣхъ обученія, а слѣдовательно, и довѣріе къ школьному дѣлу мѣстнаго населенія; дѣти не выучиваются читать въ цѣлый годъ, а иногда и въ два, тогда какъ, по новому способу, этого весьма легко достигнуть въ два мѣсяца и даже въ болѣе короткий срокъ. Что касается до матеріальнаго состоянія школъ Харьковской губерніи, то оно крайне плачевно. Помѣщеніе школъ почти вездѣ тѣсное и неудобное—двѣ или одна комната на 40 и 50 дѣтей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія для школы, которая находится при волостномъ правленіи. Едва ли стоитъ упоминать объ учебныхъ пособіяхъ: не только библиотекъ, географическихъ картъ, рисунковъ и принадлежностей для черченія не существуетъ, но часто нѣтъ даже и писчей бумаги. Изъ всего этого слѣдуетъ, что народное образованіе въ Харьковской губерніи страдаетъ и ничтожнымъ числомъ школъ и учащихся, и, еще болѣе, плохимъ качествомъ этихъ немногихъ школъ, т. е. отъ плохихъ учителей, недостатка учебныхъ пособій и вообще бѣдности матеріальныхъ средствъ“.

Въ запискѣ другого члена, Ю. И. Морозова, указывалось на необходимость только что возникшему Обществу „обратить особенное вниманіе на распространеніе грамотности среди женщинъ какъ потому, что число грамотныхъ изъ нихъ ниже числа грамотныхъ мужчинъ, такъ, главное, и потому, что грамотныя женщины, сдѣлавшись матерями семействъ, служили бы лучшимъ проводникомъ просвѣщенія въ массѣ народа“.

На печальное состояніе школъ указывалось и въ запискѣ г. Бѣлинскаго.

Н. Н. Бекетовъ представилъ записку—„О программѣ и кругѣ дѣятельности Общества на первое время“. Онъ указывалъ, что, въ виду незначительныхъ средствъ Общества, задача его должна преимущественно состоять въ улучшеніи педагогической стороны школы доставленіемъ имъ лучшихъ учебныхъ пособій и лучшихъ учителей, почему предлагалъ открыть складъ для продажи книгъ, составить проектъ учительской семинаріи и изучать школы, ограничившись на первое время городомъ Харьковомъ и его уѣздомъ. Первое общее собраніе избрало правленіе, — предсѣдателемъ котораго былъ Н. Н. Бекетовъ ¹⁾,—и поручило ему—„составить предположеніе объ улучшеніи дѣла грамотности и выра-

---

¹⁾ Членами перваго правленія были гг. Спасскій, Лукьяновъ, профессоръ Вріо, Амшенковъ и Вятте.

ботать проект библиотеки народных книг и проект учительской семинарии“.

Правленіе выполнило данныя ему порученія и собрало экстренное собраніе. Последнее намѣтило планъ дальнѣйшей дѣятельности Общества настолько полный, что, безъ преувеличенія можно сказать, осуществленіе и развитіе его въ широкомъ смыслѣ слова и заняло весь 35-ти-лѣтній періодъ существованія Общества.

Въ общихъ чертахъ на этомъ собраніи высказаны были пожеланія: 1) открыть первую ежедневную школу на Москалевкѣ, 2) утвердить проектъ народной библиотеки, 3) открыть мужскую и женскую воскресныя школы, 4) организовать въ Изюмскомъ уѣздѣ (согласно предложенія членовъ Общества изъ этого уѣзда) мѣстный комитетъ и, кромѣ того, предпринять всѣ необходимыя мѣры къ организаціи такихъ же комитетовъ и въ другихъ уѣздахъ, 5) выработать проектъ сближенія Общества со школами, 6) членомъ Общества Э. К. Краянскимъ былъ представленъ проектъ организаціи театральныя представленія для народа, чтобы, между прочимъ, „доставить народу не дорого стоящее нравственно-образовательное препровожденіе времени въ праздники“, 7) г-жа Иванова предложила „составить особую компанію для отысканія и испытанія учителей, которыхъ правленіе и будетъ рекомендовать земству и училищнымъ совѣтамъ“, 8) г. Витте представилъ проектъ „педагогическаго сѣзда учителей народныхъ школъ для ознакомленія съ лучшими методами обученія грамотѣ“, 9) наконецъ, Н. Н. Бекетовъ на этомъ собраніи развилъ свою мысль объ учительскихъ семинаріяхъ, о школьномъ дѣлѣ и о дальнѣйшей дѣятельности общества.

Онъ предложилъ устроить временныя педагогическія семинаріи въ разныхъ мѣстахъ губерніи и посылать опытныхъ учителей для организаціи и открытія начальныхъ ежедневныхъ и воскресныхъ школъ, а также для собиранія точныхъ свѣдѣній на мѣстѣ о состояніи дѣла начального народнаго образованія. Что касается дѣятельности Общества, то онъ предложилъ ту организацію, которая сохранилась до настоящаго времени и способствовала развитію Общества.

Именно, Н. Н. Бекетовъ рекомендовалъ выдѣлить рядъ постоянныхъ комитетовъ для разработки и исполненія отдѣльныхъ мѣръ, ведущихъ къ осуществленію цѣлей общества грамотности ¹⁾.

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ г. Баллина приводятся, между прочимъ, нижеслѣдующія слова профессора Потебни, повидимому, относящіяся ко времени организаціи Харьковскаго Общества на началахъ, предложенныхъ профессоромъ Н. Н. Бекетовымъ. „Жизнь,—говоритъ Потебня,—есть развитіе сепаратизма. Весной на деревѣ образуются почки, онѣ превращаются въ листья; всѣ эти листья—сепаратисты: осенью они опадаютъ; но дерево только и живетъ этими сепаратистами—оно дышетъ ими. Гдѣ виновники этого сепаратизма? Обусловливаютъ его—вліяніе свѣта, солнца, вольнаго воздуха, росы, дождя. Общество грамотности это дерево, вѣтви и листья его—это его члены и образовательныя ассоціаціи ихъ—филиальныя отдѣленія общества“.

Во второмъ очередномъ собраніи 1869 года, по проекту Н. Н. Бекетова, были намѣчены: 1) Комитетъ для распространенія и увеличенія средствъ общества, сношенія съ уѣздами, привлеченія новыхъ членовъ, устройства въ пользу общества спектаклей, литературныхъ вечеровъ, публичныхъ чтеній и пр. ¹⁾ 2) Комитетъ школьно-статистическій для изученія состоянія грамотности, путемъ собиранія необходимыхъ свѣдѣній отъ училищныхъ совѣтовъ, управъ, учителей и мѣстныхъ изслѣдованій. 3) Комитетъ книжный—для составленія списковъ учебныхъ и другихъ полезныхъ книгъ для народа, рецензій этихъ книгъ, сношеній по книжному дѣлу съ разными учреждениями и лицами, снабженія школъ книгами и учебными пособиями, на основаніи статистическихъ данныхъ о состояніи дѣла народнаго образованія и т. д. 4) Комитетъ учительскій—для отысканія учителей, составленія списка свободныхъ и подготовленныхъ учителей, организаціи учительскихъ семинарій, устройства начальныхъ школъ, испытанія лицъ, желающихъ сдѣлаться учителями, и 5) Комитетъ воскресныхъ школъ.

Какъ ниже увидимъ, въ настоящее время Общество имѣетъ много больше комитетовъ, но основа ихъ дѣятельности осталась та же.

Закончивъ обзоръ дѣятельности Общества въ первый годъ существованія сообщеніемъ, что въ концѣ 1869 года было избрано второе правленіе, предсѣдателемъ котораго остался тотъ же Н. Н. Бекетовъ, а изъ новыхъ лицъ вошли, между прочимъ, профессоръ А. Н. Стояновъ, С. А. Раевскій ²⁾, Н. П. Баллинъ,

¹⁾ Здѣсь скажемъ къ слову, что въ первый годъ существованія общества, въ 1869 году, въ пользу его далъ концертъ А. Г. Рубинштейнъ, избранный затѣмъ почетнымъ членомъ общества. Концертъ Рубинштейна далъ чистаго дохода болѣе 1000 руб. Пріѣздъ А. Г. Рубинштейна былъ первымъ торжествомъ Харьковскаго Общества грамотности. Великаго музыканта принимали въ Харьковѣ съ большою пышностью. Члены общества встрѣтили Рубинштейна на вокзалѣ, затѣмъ, по окончаніи концерта, состоялся ужинъ, на которомъ былъ произнесенъ рядъ рѣчей; особенно яркостью и задухновенностью отличалась рѣчь В. С. Гордѣенко. Сравнивъ Рубинштейна съ Орфеемъ, забредшимъ въ лѣсъ, ораторъ говорилъ, что, когда раздались чудные звуки, мы, лѣсные звѣри—харьковцы, поняли, что такое истинная музыка, и сдѣлались человѣчнѣе и, благодаря этой музыкѣ, лѣсъ превратится въ культурный городъ. Профессоръ Делярю шелъ еще дальше въ своихъ мечтаніяхъ. Онъ развилъ мысль, что настанетъ время, когда будущіе Рубинштейны будутъ посѣщать не только Харьковъ, но и болѣе глухія мѣста, и просвѣщать страну. Будущій основатель Русско-еврейской школы, И. Рубинштейнъ, обращаясь къ А. Г. Рубинштейну, говорилъ:—„вы камень, но не простой камень, а Rubin—stein, и общество грамотности, построенное на этомъ камнѣ, будетъ прочно, какъ проченъ рубинъ, и высоко-цѣнно, какъ цѣненъ онъ“. Послѣ ужина члены общества проводили А. Г. Рубинштейна на вокзалъ, а возвратившись, долго еще бесѣдовали и предавались мечтамъ о будущихъ судьбахъ Харьковскаго Общества грамотности.

²⁾ Нынѣ окружной инспекторъ и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ 1893 году С. А. избранъ почетнымъ членомъ Общества.

о которомъ мы уже говорили, профессоръ М. Ф. Ковальскій, Э. К. Крайскій и др. Въ кандидаты зачислены были профессора: А. С. Лебедевъ и Деларю.

Такимъ образомъ, въ первый годъ открытія Общество проявило въ высшей степени интенсивную дѣятельность.

И дажѣ, въ теченіе почти всѣхъ 70-хъ годовъ энергія его не ослаблялась. Въ 1870 году начали функционировать: мужская воскресная школа, книжный складъ, бібліотеки при двухъ харьковскихъ больницахъ, а также велись переговоры объ открытіи двухъ бібліотекъ въ губерніи. Кромѣ того, въ названномъ году, по инициативѣ Общества и при содѣйствіи земцевъ Е. С. Гордѣенко и Ф. А. Павловскаго устроенъ былъ первый въ Харьковской губерніи съѣздъ учителей.

Съѣздъ этотъ имѣлъ большое общественное значеніе. „Въ то время,—говоритъ С. А. Раевскій,—на всю Харьковскую губернію существовалъ только одинъ инспекторъ народныхъ училищъ, не имѣвшій никакой физической возможности не только руководить занятіями учителей, но даже и бѣгло осмотрѣть всѣ школы губерніи“.

Такимъ образомъ, въ сущности говоря, и народныя школы, и народные учителя были terra incognita для русскаго общества вообще, для харьковскаго въ частности. Слѣдовательно, первою и важною заслугою Харьковскаго Общества грамотности было то, что оно, такъ сказать, вытащило на свѣтъ Божій народную школу и ея учителя и изучило ихъ. Какъ выше мы видѣли, это изученіе привело къ крайне печальнымъ заключеніямъ. Здѣсь мы прибавимъ, что на съѣздѣ еще болѣе выяснилось ужасное положеніе народнаго учителя того времени. Только въ четырехъ школахъ вознагражденіе ихъ достигало 200 руб., въ остальныхъ колебалось отъ 30 до 100 руб. въ годъ! Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что одинъ изъ учителей, получавшій 8 р. 33 к. въ мѣсяцъ, сложивъ школьную мебель подъ навѣсъ крестьянина, просто бѣжалъ изъ школы. И если для Общества съѣздъ оказался полезнымъ въ смыслѣ изученія состоянія начальнаго народнаго образованія въ губерніи, то учителя, въ свою очередь, также много обязаны съѣзду. Помимо ознакомленія другъ съ другомъ и обмѣна мыслями, они узнали новые приемы преподаванія, получили знанія, до того имъ неизвѣстныя.

Въ 1871 году среди членовъ правленія, помимо прежнихъ, которые поименованы въ 1869 и 1870 годахъ, мы встрѣчаемъ и новыхъ, а именно: М. Д. Раевскую ¹⁾, М. М. Богаевскую, Я. И. Ковальскаго, М. К. Залѣскаго.

¹⁾ Вотъ что читаемъ мы объ этой интересной женщинѣ въ словарѣ Брокгауза и Ефрона (т. XXVI): „Раевская, Марья Дмитриевна, художница, родилась въ 1840 г., получивъ солидное образованіе въ домѣ своихъ родителей, землевладѣльцевъ Харьковской губ., продолжала свое спеціальное образованіе въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ профессора Эргардта. Подъ вліяніемъ идей 60-хъ годовъ, пришла къ рѣшимости посвятить жизнь свою дѣлу художественнаго развитія массы. Въ 1868 г.

Въ этомъ году были открыты въ губерніи бібліотеки при двухъ земскихъ школахъ.

Въ 1872 году на деньги, собранныя, главнымъ образомъ, еврейскимъ обществомъ, возникла вторая ежедневная, смѣшанная школа, называвшаяся русско-еврейскою. Ниже мы подробнѣе скажемъ объ этой школѣ, а теперь отмѣтимъ лишь тотъ знаменательный фактъ, что Харьковское Общество сразу стало на общечеловѣческую точку зрѣнія, не имѣющую ничего общаго съ узкимъ націонализмомъ, чловѣконенавистничествомъ и религіозною нетерпимостью. Этой точкой зрѣнія, которой только и можетъ придерживаться истинно-проsvѣтительное учреждение, Общество руководствовалось въ теченіе всѣхъ 35 лѣтъ.

Въ 1877 году на спеціальныя пожертвованія членовъ Общества была открыта женская ремесленная школа.

Въ періодъ 80-хъ годовъ сократилась до minimum'a и дѣятельность Харьковскаго Общества. За время съ 1879 по 1889 годъ не сохранилось даже отчетовъ. Въ теченіе названнаго десятилѣтія Обществомъ была организована лишь коммисія народныхъ чтеній (въ 1882 г.), мысль о которой возникла еще въ первые годы существованія Общества.

И нѣкоторый отпечатокъ 80 хъ годовъ до сихъ поръ лежитъ на этой коммисіи.

Лишь съ 90-хъ годовъ, когда пробудилась общественная самодѣятельность всего русскаго Общества, проснулось и Харьковское Общество грамотности, обновившись новыми членами изъ среды энергичной и трудоспособной всесловной интеллигенціи, замѣтно увеличившейся въ 90-хъ годахъ, и съ этого момента дѣятельность Харьковскаго Общества начинаетъ прогрессировать уже безъ всякихъ отступленій.

Въ 1891 году въ Харьковѣ открыта была первая бесплатная бібліотека-читальня и возникъ комитетъ по изданію книгъ для народа.

Въ 1894 году стали дѣйствовать комитетъ сельскихъ бібліотекъ и читаленъ и вторая бесплатная бібліотека-читальня.

Въ томъ же году было открыто филиальное отдѣленіе первой

она, первая изъ русскихъ женщинъ, сдала экзаменъ при Императорской Академіи Художествъ на званіе свободнаго художника и въ началѣ 1869 г. открыла въ Харьковѣ первую въ Россіи „частную школу рисованія и живописи“ (съ общедоступной платой, для немущихъ бесплатно). Въ теченіе 28 лѣтъ вела она свое дѣло, съ свойственной ей энергіей, пока постигшая ее слѣпота не вынудила передать школу въ вѣдѣніе города; но и до сихъ поръ М. Д. Раевская принимаетъ въ дѣлахъ школы самое горячее участіе“.

Мы ограничиваемся этой выпиской и скажемъ отъ себя, что М. Д., не взирая на слѣпоту, до сихъ поръ не пропускаетъ ни одного засѣданія какъ общихъ собраній, такъ и комитетовъ, въ которыхъ она состоитъ членомъ. При этомъ М. Д. съ необыкновеннымъ, напряженнымъ интересомъ слѣдитъ за ходомъ дѣла Общества, всегда высказывая свои, полныя дѣловитости взгляды.

Въ 1895 г. она избрана почетнымъ членомъ Общества.

библиотеки-читальни, которое въ 1895 году превратилось въ самостоятельную третью библиотеку, а выдѣлившійся кружокъ лицъ изъ комитета второй читальни организовалъ въ 1896 г. четвертую читальню.

Въ 1896 году въ Харьковскомъ уѣздѣ была открыта ежедневная начальная смѣшанная школа, для завѣдыванія которой организованъ особый комитетъ.

Въ 1897 году возникъ санитарный комитетъ.

Въ 1898 году въ помещеніи 2-й школы открыта декоративно-маларная школа, переименованная затѣмъ въ декоративно-рисовальную. Въ 1900 году была устроена въ Харьковскомъ уѣздѣ начальная школа имени писателя В. М. Гаршина и возникъ справочно-педагогическій комитетъ, при которомъ въ 1902 году былъ учрежденъ музей наглядныхъ пособій.

Наконецъ, въ 1903 году былъ открытъ Народный домъ, куда переведена четвертая библиотека-читальня, и возникли: школьно-педагогическій комитетъ и комитетъ лѣтнихъ колоній, выдѣлившійся изъ санитарнаго комитета.

Такимъ образомъ, въ г. Харьковѣ за 35 лѣтъ существованія Общества грамотности возникло 17 его учреждений.

Помимо г. Харькова, отдѣленія Общества организовались и въ губерніи. Мы уже видѣли, что еще въ 1869 году общее собраніе уполномочило правленіе организовать мѣстный комитетъ въ г. Изюмѣ, но какая участь постигла его — объ этомъ не имѣется ровно никакихъ свѣдѣній. Повидимому, онъ не осуществился, такъ какъ въ дальнѣйшихъ (послѣ 1869 г.) отчетахъ Общества объ Изюмскомъ комитетѣ данныя совершенно отсутствуютъ.

Въ 1880 году возникъ комитетъ въ городѣ Сумахъ, въ 1882 г., — въ Славянскѣ, въ 1892 году — въ Богодуховѣ, въ 1893 году — въ Волчанскѣ, въ 1894 году — въ Старобѣльскѣ, а въ 1903 году г. Лебединъ заявилъ о желаніи организовать у себя комитетъ Общества.

Уѣздные комитеты въ настоящее время имѣютъ 2 мужскія и 3 женскія воскресныя школы, 2 женскихъ начальныхъ школы, 5 бесплатныхъ библиотекъ-читаленъ, 2 книжныхъ склада и музей.

Если причислить уѣздныя учрежденія къ вышепоименованнымъ въ г. Харьковѣ, то всего выходитъ 35 учреждений, не считая 35 библиотекъ, открытыхъ въ губерніи Харьковскимъ Обществомъ грамотности.

Мы уже говорили, что съ перваго года существованія Общества оно, — по проекту Н. Н. Бекетова, — разбилось на рядъ вполне самостоятельныхъ комитетовъ, изъ которыхъ каждый разрабатывалъ и осуществлялъ какую либо отдѣльную мѣру, ведущую къ осуществленію цѣлей всего Общества.

Благодаря такой организаціи, каждый членъ могъ явиться инициаторомъ какого либо проекта, не противорѣчащаго основнымъ задачамъ Общества, и, для исполненія его, группировать лицъ,

сочувствующихъ этому проекту. Весьма естественно, что группы единомышленниковъ съ большимъ успѣхомъ могли исполнить добровольно возложенный на себя трудъ, чѣмъ люди, связанные дѣломъ, ихъ мало интересующимъ.

Съ другой стороны, такого рода организація дѣлала громаднѣе % членовъ Общества активными работникамъ, что, конечно, сильно способствовало успѣхамъ Общества ¹⁾. Органомъ, объединяющимъ комитеты, служитъ общее собраніе членовъ и ревизіонная коммиссія. Что касается правленія, то оно, являясь исполнительнымъ органомъ Общества, не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла комитетовъ и играетъ роль лишь связующаго звена между автономными отдѣленіями и общимъ собраніемъ.

Правленіе Харьковскаго Общества грамотности состоитъ изъ членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ, и изъ представителей всѣхъ городскихъ комитетовъ.

Какъ мы уже говорили, первымъ предсѣдателемъ правленія былъ Н. Н. Бекетовъ. Судя по отчетамъ, онъ состоялъ въ этомъ званіи съ 1869 по 1877 годъ включительно.

Въ 1878 году Николай Николаевичъ, избранный почетнымъ членомъ Общества и постояннымъ членомъ правленія, взялъ на себя организацію публичныхъ чтеній въ пользу Общества, а предсѣдателемъ вмѣсто него былъ избранъ нынѣ покойный, земскій дѣятель, первый предсѣдатель Харьковской губернской земской управы Захарій Ивановичъ Бекарюковъ. И это былъ, кажется, единственный предсѣдатель правленія не изъ профессоровъ ²⁾: вслѣдъ за Бекарюковымъ предсѣдателями были послѣдовательно профессоръ Харьковскаго университета: А. П. Шимковъ ³⁾, П. Т. Степановъ ⁴⁾ и нынѣшній предсѣдатель В. Я. Данилевскій ⁵⁾.

¹⁾ Комитеты возникали и возникаютъ по инициативѣ или группы лицъ, или даже отдѣльных членовъ. Сначала проектъ новаго комитета обсуждается въ правленіи, которое передаетъ его на обсужденіе общаго собранія, при чемъ послѣднее утверждаетъ инструкцію и предсѣдатель комитетовъ. А затѣмъ комитеты дѣйствуютъ уже совершенно самостоятельно. Члены комитетовъ числятся членами Общества, при чемъ активные работники комитетовъ не вносятъ членскихъ взносовъ (6 руб. въ годъ).

²⁾ По воспоминаніямъ Н. П. Баллина, и въ періодъ предсѣдательства вана Бекарюкова одно время товарищемъ его состоялъ покойный профессоръ О. С. Соцяно, замѣнявшій Бекарюкова. Соцяно не долго работалъ въ Обществѣ, и имя его упоминается лишь въ отчетѣ за 1878 г. и то лишь въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ.

³⁾ Въ 1868 г. А. П. Шимковъ получилъ степень доктора физики и съ 1871 по 1901 г. былъ ординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета. Выйдя въ 1901 г. въ отставку, Шимковъ сдѣлался уполномоченнымъ министерства земледѣлія въ Харьковской губ., которымъ состоитъ и по настоящее время. Въ 1882 г. онъ избранъ почетнымъ членомъ Общества.

⁴⁾ Въ 1865 г. П. Т. Степановъ, получивъ степень магистра зоологіи, былъ опредѣленъ доцентомъ Харьковскаго университета по кафедрѣ зоологіи, а съ 1868 г., послѣ защиты докторской диссертации, зачисленъ профессоромъ по той же кафедрѣ. Въ настоящее время П. Т. состоитъ

Въ непосредственномъ вѣдѣніи правленія находятся лишь ежедневныя школы, открытіемъ которыхъ, какъ мы видѣли, и началась дѣятельность Харьковскаго Общества грамотности.

Учреждая школы, первые дѣятели вовсе не имѣли въ виду построить такое ихъ количество, которое дало бы возможность удовлетворить спросъ на начальное образованіе со стороны жителей г. Харькова.

Не говоря уже о томъ, что на такого рода предпріятіе не хватило бы средствъ, Харьковское Общество и въ принципѣ придерживалось совсѣмъ иной точки зрѣнія. Именно, оно стремилось и старалось создать идеальный типъ городской и сельской школы, который могъ бы служить образчикомъ какъ для горожанъ, такъ и для земскихъ дѣятелей. Достиженіе такой цѣли, казалось бы, вполне возможнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, среди членовъ Общества всегда были и есть очень много ученыхъ и высокообразованныхъ лицъ, а съ другой—усовершенствованію школы не препятствуетъ и уставъ Общества. Такъ 2 § устава предоставляетъ Обществу „устроить школы“ и „принимать всѣ дозволенныя закономъ мѣры, могущія содѣйствовать достиженію цѣли Общества“, а въ 24 § говорится, что правленіе „завѣдуетъ черезъ избираемыхъ имъ членовъ Общества школами, учрежденными Обществомъ, приглашаетъ изъ лицъ, имѣющихъ на то законное право, преподавателей и преподавательницъ въ школы Общества и увольняетъ тѣхъ изъ нихъ, которые оказались почему либо неблагонадежными“, „дѣлаетъ представленія общему собранію о необходимыхъ, по его мнѣнію, мѣрахъ для развитія грамотности“. Наконецъ, 26 § гласитъ: „ближайшее завѣдываніе школами, учрежденными на собственные средства, поручается, по усмотрѣнію правленія, членамъ Общества, имѣющимъ на то право, которымъ поставляется въ обязанность исполнять всѣ законныя распоряженія правленія“.

Такимъ образомъ, уставъ, утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ, даетъ Обществу право быть полнымъ хозяиномъ своихъ школъ. И первые дѣятели широко пользовались этими законными правами. Такъ, въ 1871 году, правленіе само пригласило двоихъ учителей для первой Москалевской школы, „желая улучшить преподаваніе въ школѣ“, отправило одного изъ нихъ въ Александровскій уѣздъ Екатеринославской губерніи для того, чтобы ознакомиться со школами, находящимися подъ наблюдениемъ барона Н. А. Корфа¹⁾.

директоромъ 2-й гимназіи въ Харьковѣ. Въ 1898 г. онъ избранъ почетнымъ членомъ Общества.

²⁾ В. Я. Данилевскій зоологъ. Въ 1877 г. получилъ степень доктора медицины. Въ 1883 г. началъ читать физиологію на естественномъ факультетѣ Харьковскаго университета, а съ 1886 г. и по настоящее время состоитъ ординарнымъ профессоромъ физиологіи на медицинскомъ факультетѣ въ томъ же университетѣ. Въ 1895 г. онъ избранъ почетнымъ членомъ Общества.

¹⁾ Здѣсь кстати замѣтить, что въ первый же годъ существованія

Въ отчетѣ Общества за 1877 годъ мы видимъ, что „осмотръ школъ Общества сдѣланъ былъ лично ревизіонною комиссіею съ цѣлью убѣдиться въ качествѣ помѣщеній, въ наличности учебныхъ пособій и, по возможности, въ успѣхахъ преподаванія“. Въ томъ же отчетѣ мы читаемъ, что „въ 1-й и 2-й школахъ дѣти занимаются отъ 9-ти до 2-хъ часовъ дня и всѣ желающіе члены Общества и постороннія лица могутъ посѣщать ее въ эти часы“.

Въ отчетѣ Общества за 1878 годъ говорится, между прочимъ, что „собраніемъ постановлено: члены Общества и постороннія лица имѣютъ право присутствовать на урокахъ въ школахъ Общества, если преподающіе дадутъ на это свое согласіе. Лица, получившія отказъ отъ преподающихъ, могутъ обращаться за разрѣшеніемъ къ правленію“.

Отсюда ясно, что Общество, въ лицѣ правленія, было, согласно уставу, полнымъ хозяиномъ своихъ школъ.

Казалось бы, что со временемъ такого рода правъ должны были бы окрѣпнуть, расширяться, но случилось нѣчто иное: вопреки уставу, Общество все больше и больше было отдалено отъ своихъ школъ. И,—что печально,—со стороны Общества долгое время не замѣчалось никакаго стремленія итти по стопамъ первыхъ дѣятелей и лишь за послѣднее время въ правленіи стали раздаваться голоса о необходимости возвратити утерянныя права. Образованная съ этою цѣлью при правленіи юридическая комиссія оказала въ этомъ отношеніи неоцѣнныя услуги Обществу, и, по окончаніи ея работъ, правленіе, нужно думать, не будетъ уже пассивно относиться къ нарушенію прерогативъ Общества¹⁾.

Перейдемъ теперь къ школамъ Общества. Въ вѣдѣніи правленія имѣются три школы: двѣ въ гор. Харьковѣ и одна, Гаршинская, близъ гор. Харькова, въ поселкѣ Ново-Павловѣ.

Одна изъ нихъ, такъ называемая „первая“ школа, открыта была въ годъ возникновенія самого Общества, т. е. въ 1869 году и, слѣдовательно, существуетъ 35 лѣтъ²⁾. „Вторая“ школа возникла, какъ мы уже говорили, по инициативѣ еврейскаго общества, въ 1872 году, и называлась тогда „элементарная русско-еврейская школа“. Впослѣдствіи она была названа „второю“ школою Общества.

Въ 1899 году эта „вторая“ школа была переведена въ пре-

Харьков. Общества, т. е. въ 1869 г., баронъ Корфъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Общества.

¹⁾ Въ средѣ членовъ Общества имѣются выдающіеся специалисты по разнымъ отраслямъ, а въ томъ числѣ и юристы. Въ составѣ правленія, напримѣръ, въ настоящее время можно указать на такихъ законовѣдовъ, какъ два товарища предсѣдателя: профессоръ П. М. Чубинскій и членъ окружнаго суда Н. Н. Миклашевскій, а также присяжный повѣренный Н. Б. Генелесъ, Н. А. Гредескулъ и др. Среди членовъ Общества имѣются такіе юристы, какъ Станиславскій, Егоровскій, Падеревскій и т. д.

²⁾ Въ 1873 году эта школа переведена въ собственное помѣщеніе.

красное собственное здание ¹⁾. Третья школа, находящаяся въ вѣдѣніи правленія, имени писателя В. М. Гаршина. Она открыта въ 1900 г. въ поселкѣ Ново-Павловкѣ, близъ Харькова и имѣетъ собственное помѣщеніе. Помимо перечисленныхъ школъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи правленія, имѣются еще ежедневныя школы, организованныя комитетами ²⁾.

Старѣйшая изъ нихъ—женская ремесленная школа, открытая въ 1877 году по инициативѣ члена Общества Ф. П. Максимовичъ. Въ 1889 году эта школа, благодаря энергіи комитета, уже обзавелась собственнымъ помѣщеніемъ ³⁾. Другой комитетъ завѣдуетъ декоративно-рисовальной школой, открытой въ 1898 г.

Въ первый годъ въ составъ комитета по завѣдыванію этой школой вошли: художникъ—М. Д. Иванова-Раевская, о которой мы выше говорили, профессора: П. Т. Степановъ, Д. С. Зерновъ (бывшій директоръ технологическаго института) и инженеры: А. П. Комаровъ (преподаватель Харьковскаго технологическаго института) и С. И. Гавриловъ. Предсѣдателемъ избранъ былъ Е. Л. Зубашевъ, профессоръ технологическаго института, а когда онъ получилъ мѣсто директора технологическаго института въ Томскѣ, вмѣсто него избранъ былъ А. М. Комаровъ, состоящій въ этомъ званіи до послѣдняго времени.

Наконецъ, въ 1896 г. особый комитетъ Общества открылъ школу въ Харьковскомъ уѣздѣ (въ хуторѣ Безрукова).

Помимо ежедневныхъ школъ, какъ мы знаемъ, Общество со времени своего существованія имѣло воскресныя школы. Онѣ то открывались, то закрывались ⁴⁾.

¹⁾ По Ветеринарной улицѣ (№ 26). Сообщаемъ адресъ, такъ какъ въ этомъ домѣ сосредоточивается дѣятельность всего Общества грамотности: по вечерамъ въ немъ засѣдаетъ и правленіе Общества, и почти всѣ комитеты. Въ этомъ же домѣ помѣщается декоративно-рисовальная школа, комиссія народныхъ чтеній, издательскій комитетъ и бюро справочно-педагогическаго комитета съ музеемъ при немъ. Въ 1903 г. Общество постановило расширить зданіе второй школы, чтобы, между прочимъ, въ немъ дать помѣщеніе Комитету сельскихъ библиотекъ.

²⁾ Правленіе завѣдываетъ теперь своими школами при посредствѣ попечителей. Попечителемъ первой школы состоитъ профессоръ Е. К. Рѣдинъ, попечителемъ второй школы былъ въ послѣднее время профессоръ В. Ф. Левитскій, а теперь избранъ старшій земскій дѣятель, о которомъ мы уже говорили, Павловскій,—попечителемъ Гаршинской школы сначала былъ извѣстный общественный дѣятель Н. Ф. Твердохлѣбовъ, а на его мѣсто теперь избранъ профессоръ Фатѣевъ.

³⁾ Изъ дѣятелей послѣдняго времени въ этой школѣ слѣдуетъ отмѣтить: попечителя школы, доктора П. И. Кравцова, доктора С. А. Генелеса и распорядительницу И. К. Уткину.

⁴⁾ Женская воскресная школа, возникшая въ 1869 году, закрылась въ 1884 году; мужской воскресной школѣ, открытой въ 1870 году, духовное вѣдомство въ 1877 г. отказало въ помѣщеніи при Духовномъ училищѣ и она тоже прекратила свое существованіе. Помѣщеніе, конечно, вѣроятно, нашлось бы, но въ это время студентамъ было воспрещено заниматься въ воскресныхъ школахъ. Первая мужская воскресная школа была особенно хорошо обставлена. Въ ней, между прочимъ, преподавали профессора: Н. Н. Бекетовъ, М. Ф. Ковальскій. Кромѣ того, въ числѣ учителей были С. А. Раевскій, Я. И. Ковальскій и др.

Но во вторую половину существованія Общества воскресныя школы его приобрѣли достаточную устойчивость: съ 1889 г. и до настоящаго времени непрерывно функционируетъ мужская, а съ 1893 года — женская школа. Занятія первой происходятъ въ зданіи второй ежедневной школы Общества, а второй — въ женской ремесленной школѣ. Школы эти автономны, но вѣдаются они не комитетами, а учителями и учительницами, которые выбираютъ изъ своей среды распорядителей.

Теперь, на основаніи послѣдняго отчета Общества, сообщимъ о состояніи поименованныхъ школъ въ настоящее время.

Въ трехъ городскихъ школахъ Общества грамотности, первой и второй ¹⁾ смѣшанныхъ и женской ремесленной, всего учениковъ 412, изъ нихъ 144, или 34,9% мальчиковъ и 268, или 65,1% дѣвочекъ. Такое преобладаніе послѣднихъ объясняется существованіемъ специально-женской ремесленной школы; если же взять только первую и вторую школы, то въ нихъ училось 144, или 55,6% мальчиковъ и 115, или 44,4% дѣвочекъ. По словіямъ, учащихся больше всего мѣщанъ (43,9%), далѣе идутъ крестьяне (36,1%).

Въ виду бѣдности большинства учащихся въ школахъ Общества, санитарный комитетъ изъ среды своихъ членовъ выбираетъ врачей, которые оказываютъ дѣтямъ, бесплатно, медицинскую помощь. Правленіе ассигнуетъ небольшія суммы на продажу учебныхъ принадлежностей по возможно дешевой цѣнѣ и на бесплатную ихъ раздачу (первая школа); въ третьей школѣ бѣднѣйшія дѣвочки получали, кромѣ того, обувь и одежду.

Въ школахъ Общества ведутся уроки цѣнія и рукодѣлія. При каждой школѣ есть ученическая бібліотека.

Во время лѣтнихъ каникулъ часть учащихся въ школахъ Общества проводитъ лѣто въ дѣтскихъ колоніяхъ, устраиваемыхъ санитарнымъ комитетомъ.

Въ теченіе года учащимся доставляютъ разнаго рода развлеченія. Такъ, они посѣщаютъ выставки, лекціи выразительнаго чтенія, утренніе воскресные спектакли въ драматическомъ театрѣ; первая и вторая школы совмѣстно устраиваютъ прогулки.

Въ четвертой городской ежедневной школѣ Общества — декоративно-рисовальной, — учащихся 24. Школа эта ежегодно устраиваетъ выставки ученическихъ работъ и обратила уже на себя вниманіе Академіи Художествъ ²⁾.

¹⁾ Изъ учительницъ этихъ школъ нельзя не отмѣтить: В. О. Кречеръ, преподающую болѣе 10 лѣтъ въ первой школѣ, и В. Ф. Орлову и Е. М. Величкину, бывшихъ учительницъ во второй школѣ. Эти три учительницы получили высшее образованіе.

²⁾ Въ 1900 году попечительный совѣтъ этой школы обратился въ Министерство Финансовъ съ ходатайствомъ о выдачѣ пособія въ размѣрѣ 20.000 руб. на постройку спеціального зданія, и ежегодной субсидіи въ размѣрѣ 3.000 руб. на содержаніе школы, но до сихъ поръ опредѣленнаго отвѣта на это ходатайство не послѣдовало. Въ 1901 г. тотъ же совѣтъ посыпалъ на конкурсъ въ Императорскую Академію

Мужская и женская воскресныя школы привлекают довольно значительное число желающих учиться: въ первой изъ этихъ школъ, по послѣднему отчету, было 565 учащихся, а во второй—237.

По степени подготовки, контингентъ учащихся воскресныхъ школъ самый разнообразный; по сословіямъ, громадное большинство ихъ составляютъ крестьяне (67,4% въ мужской и 63,7% въ женской школъ), а затѣмъ мѣщане (27,0% въ мужской и 33,7% въ женской).

Въ сельской школъ имени Гаршина болѣе 150, а въ Безруковской—болѣе 100 учащихся. При Безруковской школъ устроена мастерская по изготовленію мебели и корзинъ изъ лозы.

Въ тѣсной связи со школами Общества грамотности находятся три комитета: школьно-педагогическій, санитарный и лѣтнихъ колоній и музеевъ при справочно-педагогическомъ комитетѣ.

Харьковское Общество, какъ мы уже говорили, всегда было озабочено возможно лучшею постановкою дѣла въ своихъ школахъ. Съ этою цѣлью еще въ 1897 году были открыты педагогическія собранія учительницъ школъ Общества, но они просуществовали, сравнительно, не долго. Между тѣмъ отсутствіе организаціи, которая бы занималась разработкою вопросовъ школьнаго образованія и воспитанія, давала себя чувствовать; съ цѣлью восполненія такого пробѣла, въ 1903 г., по инициативѣ профессора В. Я. Данилевскаго, образовался школьно-педагогическій комитетъ, въ который, какъ непремѣнные члены, входятъ всѣ учащіе въ школахъ Общества. Первымъ предсѣдателемъ его былъ профессоръ Халанскій, а теперь избранъ профессоръ Чубинскій. Какъ учрежденіе молодое, названный комитетъ не могъ за короткое время проявить широкой дѣятельности, но все же и теперь можно отмѣтить уже его довольно солидную работу. Такъ, по просьбѣ губернскаго земства, комитетъ выработалъ программу высшаго типа начальной школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ ¹⁾, онъ же обсуждалъ вопросъ о школьныхъ кассахъ, сдѣлавъ относительно ихъ суровый приговоръ, разработывалъ детальный проектъ о прогулкахъ учащихся и т. д.

Санитарный комитетъ былъ открытъ въ 1897 году. Задачею этого комитета является наблюденіе за санитарно-гигиеническимъ состояніемъ всѣхъ народно-просвѣтительныхъ учреждений Общества, а также, по возможности, за состояніемъ здоровья учащихся.

Комитетъ, между прочимъ, проектировалъ устроить при школахъ аптечки, ввести въ старшихъ классахъ преподаваніе гигиены въ связи съ элементарными свѣдѣніями по анатоміи и

Художествъ рисунки и чертежи учениковъ, которые удостоены были преміи.

¹⁾ Онъ также высказался вообще за желательность 4-хъ-лѣтняго курса въ начальныхъ школахъ и рекомендовалъ Обществу реформировать въ этомъ направленіи свои школы, что, впрочемъ, и будетъ сдѣлано, если дозволить средства.

физиологій, что уже и осуществлено въ женской ремесленной школѣ; онъ же производилъ изслѣдованія учащихся при помощи специальныхъ врачей; обсуждалъ планъ пристройки къ женской ремесленной школѣ и т. д. ¹⁾

Главная работа Комитета были лѣтнія дѣтскія колоніи для учащихся въ школахъ Х. О. гр., но въ концѣ 1903 г. состоявшая при комитетѣ комиссія лѣтнихъ колоній выдѣлилась въ особый комитетъ по устройству лѣтнихъ колоній, дѣятельность которой начнется лишь съ лѣта 1904 года.

Остальные автономныя отдѣленія Общества заботятся исключительно о развитіи внѣшкольнаго образованія.

Старѣйшее изъ нихъ—комиссія народныхъ чтеній. Какъ мы уже говорили, мысль объ устройствѣ народныхъ чтеній возникла еще въ первые годы существованія Общества, но осуществилась она лишь въ 1882 году.

Инициаторомъ устройства народныхъ чтеній явился С. А. Раевскій, внесшій свой проектъ въ 1882 году на разсмотрѣніе общаго собранія. Последнее согласилось и тогда же избрало комиссію изъ трехъ лицъ: С. А. Раевского, Н. Н. Бекетова и И. О. Фесенко. Предсѣдателемъ избранъ былъ С. А. Раевскій, который и до сихъ поръ, т. е. въ теченіе 22 лѣтъ, состоитъ въ этомъ званіи ²⁾. Въ настоящее время комиссія эта имѣетъ въ Харьковѣ 7 аудиторій. По послѣднему отчету, въ нихъ состоялось 146 чтеній, на которыхъ было 20,440 посѣтителей.

Помимо устройства чтеній въ 7 городскихъ аудиторіяхъ, комиссія даетъ свои картины для устройства народныхъ чтеній какъ въ Харьковѣ, такъ и въ Харьковской губерніи. Въ Харьковѣ, по послѣднему отчету, картинами пользовались 19 учреждений, а по губерніи онѣ рассылались въ 50 мѣстъ.

Принадлежащій комиссіи складъ картинъ для волшебнаго фонаря ежегодно пополняется. Благодаря ежегодной субсидіи (1800 р.) харьковскаго губернскаго земства, комиссіею издано очень хорошее руководство для устройства народныхъ чтеній.

Въ хронологическомъ порядкѣ за комиссіею народныхъ чтеній слѣдуетъ комитетъ сельскихъ бібліотекъ и читаленъ.

Мы уже видѣли, что еще въ 1871 году Общество озабочено было мыслью объ организаціи бібліотекъ въ селеніяхъ и открыло такія бібліотеки въ Харьковскомъ уѣздѣ при двухъ земскихъ школахъ.

Но эти первыя попытки были неудачны, и Общество до 1894 года не проявляло въ этомъ направленіи никакой дѣятельности. Лишь въ названномъ году профессоромъ В. Я. Данилевскимъ въ общемъ собраніи было сдѣлано предложеніе объ организаціи особаго комитета по устройству сельскихъ бібліотекъ

¹⁾ Изъ дѣятелей этого Комитета слѣдуетъ отмѣтить докторовъ: Кривцова, Терь-Микальянца, Алексенко, Алексѣева, Недригайлова.

²⁾ Изъ числа дѣятелей въ этой комиссіи нельзя не упомянуть о В. В. Рославлевой.

и читаленъ, и съ этого же года комитетъ началъ функционировать. Первымъ предсѣдателемъ его былъ инициаторъ В. Я. Данилевскій, а среди первыхъ членовъ, между прочимъ, встрѣчаемъ: С. Ф. Русову, А. А. Русова ¹⁾, профессора Сумцова и др. Послѣ В. Я. Данилевскаго предсѣдателемъ былъ известный общественный дѣятель В. М. Козловъ ²⁾, а сейчасъ состоитъ преподаватель технологическаго института А. П. Ситниковъ ³⁾.

Въ теченіе всего времени существованія комитетъ этотъ работалъ съ выдающимся успѣхомъ.

Уже въ первый годъ дѣятельности онъ открылъ 15 библиотекъ-читаленъ. Затѣмъ библиотеки открывались въ такихъ количествахъ: въ 1896 г.—31 библиотека, въ 1897 г.—39, въ 1898—36, въ 1899 г.—53, въ 1900 г.—86, въ 1901 г. и по мартъ 1902 г.—38. Такимъ образомъ, въ 1903 году комитетъ имѣлъ въ Харьковской губерніи уже 350 библиотекъ. По даннымъ о 222 библиотекахъ за этотъ годъ видно, что въ нихъ было 154,654 тома книгъ и 40,128 подписчиковъ, при чемъ за 9 мѣсяцевъ выдано было 235,124 тома книгъ.

Въ теченіе 1900—1902 г. комитетъ произвелъ весьма обстоятельное мѣстное изслѣдованіе своихъ библиотекъ, вышедшее отдѣльною книгою: „Библиотеки-читальни Харьковской губерніи по даннымъ изслѣдованія 1900—1902 г.“.

При комитетѣ существуетъ особая книжная комиссія, которая разсматриваетъ книги, разрѣшенныя для библиотеки министерскимъ каталогомъ. Благодаря этому, лишь лучшія ихъ этихъ книгъ попадаютъ въ издаваемые комитетомъ каталоги, по которымъ возможно составить библиотеки на различныя цѣны.

Въ 1903 году комитетомъ былъ изданъ каталогъ для книготорговли, изъ лучшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевыхъ книгъ (не дороже 30 коп.).

При комитетѣ существуетъ книжный складъ, оборотъ котораго въ 1903 году достигъ суммы въ 40.000 руб.

Скажемъ, наконецъ, что комитетъ издалъ руководство для устройства сельскихъ библиотекъ-читаленъ. Отъ этого комитета переходимъ къ комитетамъ библиотекъ-читаленъ въ г. Харьковѣ.

Первая бесплатная библиотека-читальня въ Харьковѣ была учреждена Обществомъ грамотности въ 1891 году. Предложеніе объ этомъ сдѣлано было въ общемъ собраніи членомъ Общества Л. Е. Ефимовичъ.

¹⁾ Впослѣдствіи С. Ф. и А. А. Русовы должны были оставить Харьковъ по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ.

²⁾ Бывшій товарищъ предсѣдателя Орловскаго окружнаго суда, затѣмъ предсѣдатель Орловской губернской управы, а въ Харьковѣ—управляющій отдѣломъ Государственныхъ Имуществъ Харьковской и Полтавской губерніи.

³⁾ Изъ другихъ дѣятелей этого комитета слѣдуетъ отмѣтить: инженера Н. П. Винокурова, профессора В. И. Таліева, В. И. Райнъ, инженера А. В. Десятова, а изъ членовъ-женщинъ: Е. М. Трутовскую, Е. М. Десятову, А. С. Винокурову, Е. Ю. и Л. Ю. Райнъ.

Въ составъ образовавшагося въ томъ же году комитета первой читальни вошли, помимо г-жи Ефимовичъ, профессора: В. Я. Данилевскій и Н. А. Гредескуль, при чемъ первый изъ нихъ былъ избранъ предсѣдателемъ комитета ¹⁾.

Въ 1894 году образовался кружокъ лицъ, который, выдѣливъ изъ себя комитетъ, открылъ въ Харьковѣ вторую библиотечную читальню. Первымъ предсѣдателемъ этого комитета былъ избранъ профессоръ П. Т. Степановъ ²⁾.

Въ 1895 году комитетъ первой читальни открылъ филиальное отдѣленіе, которое въ 1899 г. названо было третьей библиотечкой, при чемъ для завѣдыванія его образовался особый комитетъ ³⁾.

Въ 1896 году въ Харьковѣ была открыта четвертая библиотечка-читальня. Въ 1903 году комитетъ ея перенесъ свою дѣятельность въ Народный домъ ⁴⁾, а образовавшаяся группа лицъ пожелала поддержать библиотечку, въ районѣ, оставленномъ комитетомъ четвертой библиотечки. Такимъ образомъ, въ 1903 году образовалась новая, по счегу пятая, библиотечка въ Народномъ домѣ, но, въ виду краткости ея существованія, нижеслѣдующія данныя относятся лишь къ четыремъ библиотечкамъ читальнямъ.

По послѣднему отчету, всего подписчиковъ въ библиотечкахъ было 7,589, изъ которыхъ 5,233 муж. (68,9%), 2,356 женщ. (31,0%). Слѣдовательно, женщины составляли около $\frac{1}{3}$.

Главными подписчиками были взрослые и подростки, и преимущественно крестьяне (47,4%) и мѣщане (41,0%).

Всѣхъ посѣщеній было сдѣлано 101.093. Для улучшенія веденія библиотечнаго дѣла во всѣхъ библиотечкахъ существуютъ особые комитеты для ознакомленія съ книгами, приобретаемыми для библиотекъ, и составленія каталоговъ. Въ послѣднее время библиотечки признали необходимымъ объединиться для этой важной работы ⁵⁾.

Съ цѣлью болѣе успѣшнаго устройства вечеровъ (для сбора средствъ) въ первой читальнѣ существовала особая „финансовая комиссія“.

Комитеты второй и четвертой библиотекъ ведутъ записи расpredлженія абонентовъ по мѣстожительству, а комитеты первой

¹⁾ Въ настоящее время предсѣдателемъ комитета состоитъ И. П. Харинскій.

²⁾ Затѣмъ предсѣдателемъ было членъ окружного суда Н. Н. Миклашевскій, а сейчасъ состоитъ инженеръ путей сообщенія Н. Ф. Королевъ.

³⁾ Предсѣдателемъ ея нынѣ состоитъ Г. С. Левенсонъ.

⁴⁾ Предсѣдателемъ комитета этой читальни состоитъ вышеупомянутый инженеръ путей сообщенія Н. Ф. Королевъ, товарищемъ—учитель гимназій А. М. Обуховъ.

⁵⁾ Въ каждой библиотекѣ, помимо членовъ комитетовъ, завѣдывающихъ ими, имѣются еще сотрудники изъ молодыхъ людей обоого пола, ревностно отдающіе время и трудъ на пользу этихъ библиотекъ. Эти сотрудники, принесшіе громадную пользу библиотечному дѣлу, впоследствии дѣлаются членами комитетовъ, а слѣдовательно, и Общества.

и третьей—приводятъ въ отчетѣ данныя о читаемости того или иного автора.

Не ограничиваясь одной выдачей книгъ, комитеты библиотекъ устраиваютъ для подписчиковъ или чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, или литературные вечера и т. п.

Въ виду исполнившагося въ 1901 году десятилѣтія дѣятельности первой библиотекы, ея комитетомъ изданъ былъ юбилейный отчетъ „къ десятилѣтію первой бесплатной народной читальни“, въ которомъ изложена краткая исторія возникновенія народныхъ читаленъ въ Россіи и помѣщенъ сводъ данныхъ за 10 лѣтъ дѣятельности первой читальни-библиотекы.

Желая ознакомиться съ развитіемъ читателей, ихъ взглядомъ на книги, комитетъ первой читальни составилъ и роздалъ подписчикамъ особые „опросные листы“, а въ послѣдствіи наиболѣе характерные отвѣты были помѣщены въ вышеупомянутомъ юбилейномъ отчетѣ. Такого рода опросы подписчиковъ дѣлаются теперь ежегодно.

Съ цѣлью ознакомленія со вкусами читателей, комитетъ третьей читальни завелъ у себя книгу, куда подписчики могутъ записывать тѣ сочиненія, которыя желательны въ библиотекѣ.

Одновременно съ организаціею комитета первой библиотекы-читальни въ г. Харьковѣ былъ организованъ и комитетъ по изданію книгъ для народа.

Предложеніе заняться книгоиздательствомъ было внесено въ общее собраніе 1891 года членомъ общества С. Ф. Русовой. Въ докладѣ своемъ она проводила мысль, что обществу слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы снабдить хорошею книгою нарождающагося читателя въ народной массѣ. Общее собраніе весьма сочувственно отнеслось къ идеѣ С. Ф. Русовой, и въ томъ же году образовался комитетъ по изданію книгъ для народа. Помимо инициатора, въ составъ его, между прочимъ, вошли профессора: В. Я. Данилевскій, В. П. Вузескулъ, А. С. Лебедевъ, Н. К. Сумцевъ, А. Ф. Брандтъ, кромѣ того вошли: А. Н. Жебуневъ, писательница А. Я. Ефименко, и м. д.

Первымъ предсѣдателемъ комитета былъ избранъ В. Я. Данилевскій, но въ томъ же году онъ отказался отъ этого званія и на его мѣсто былъ избранъ профессоръ Д. И. Багалъй, который состоитъ предсѣдателемъ и до настоящаго времени, т. е. въ теченіе всѣхъ 12 лѣтъ ¹⁾. Комитетъ принялъ программу, предложенную С. Ф. Русовой, и руководствуется ею до послѣдняго времени ²⁾.

¹⁾ Товарищами предсѣдателя за это время были профессора А. Н. Красновъ, В. Н. Джонсъ, А. Я. Ефименко, старшій фабричный инспекторъ инженеръ-технологъ А. Ф. Быковъ, жена котораго, писательница А. Ф. Быкова, была одно время секретаремъ комитета. Инициаторъ комитета С. Ф. Русова въ 1901 избрана почетнымъ членомъ Общества.

²⁾ Въ программу, выработанную г-жею Русовой и принятую комитетомъ, входили книги: 1) духовно-нравственныя, 2) беллетристическія,

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что 12 лѣтъ тому назадъ издательство народныхъ книгъ далеко еще не получило надлежащаго развитія. Если затѣмъ принять во вниманіе, что у Харьковскаго комитета вовсе не было средствъ, то понятнымъ сдѣлаются нѣкоторые, отмѣченные литературою, недочеты въ его издательской работѣ. Чтобы начать свою дѣятельность, этотъ комитетъ долженъ былъ войти въ сношенія съ богатою фирмою земледѣльческихъ орудій Липгорта, которая согласилась печатать свои объявленія на обложкахъ брошюръ и брать половину этихъ брошюръ для даровой раздачи крестьянамъ, земскимъ и другимъ учрежденіямъ. Весьма естественно, что при такого рода финансовыхъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи объ оплатѣ гонорара, тѣмъ болѣе, что комитетъ старался выпускать самыя дешевыя изданія. Отсюда ясно, что до изысканія средствъ комитету приходилось пользоваться исключительно бесплатнымъ матеріаломъ и это, понятно, служило значительнымъ тормазомъ къ улучшенію качества изданій. Однако, при этихъ условіяхъ комитетъ занялъ весьма видное положеніе и скоро приобрѣлъ популярность не только въ Харьковской губерніи, но и далеко за ея предѣлами. Лишь въ 1897 году земство стало субсидировать комитетъ въ размѣрѣ 1.800 руб. въ годъ, изъ которыхъ 800 руб. предназначается на изданіе книгъ и 1.000 руб.—на образованіе фонда для выдачи гонорара. Эта земская помощь даетъ возможность комитету стать на уровнѣ съ лучшими современными фирмами, если только улучшатся цензурныя условія, очень неблагоприятныя для издательскаго комитета.

За 11½ лѣтъ существованія издательскій комитетъ выпустилъ въ свѣтъ 87 названій и переиздалъ 44 названія, выдержавшіе отъ 2 до 4 изданій.

Количество издаваемыхъ экземпляровъ по годамъ распределяется такъ: въ 1891 г.—30.000 экземпляровъ, въ 1892 г.—до 80.000, въ 1893 г.—60.000, въ 1894 г.—110.000, въ 1895 г.—150.000, въ 1896 г.—100.000, въ 1897 г.—80.960, въ 1898 г.—22.000, въ 1899 г.—273.000, въ 1900 г.—113.558, въ 1901 г.—326.185 и въ 1902 г.—529.400, а всего 1.876.062 экземпляра. Изъ этого числа было продано 1.065.460 экз. и разослано бесплатно 95.654 экз.

Требованія за это время были изъ 57 губерній и областей Россіи, при чемъ изъ нихъ наибольшій спросъ предъявлялся губерніями: Харьковскою—200.059 экземпляровъ, Московскою—114.841, С.-Петербургскою—108.415, Донскою областью—106.185, Вятскою—85.988, Полтавскою—45.212, Кіевскою—35.775, Владимірскою—31.445, Курскою—29.901, Нижегородскою—26.554, Екатеринбургскою—25.312, Уфимскою—20.766, Тамбовскою—20.384 экземпляровъ. Остальныя губерніи купили менѣе 20.000¹⁾.

3) историческія, 4) географическія, 5) естественно-историческія и 6) прикладныхъ и справочныхъ свѣдѣній.

¹⁾ Въ Херсонской губерніи было продано 19.992 экземпляра, такъ

Естественно, что при операціи съ такими внушительными количествами экземпляровъ изданій Обществу невозможно было обойтись безъ книжнаго склада. И таковой былъ организованъ уже въ самомъ началѣ дѣятельности комитета, при чемъ нѣкоторые изъ членовъ его бесплатно несли тяжелый и кропотливый трудъ по складу.

И это все были женщины: А. Е. Гордѣнко, Ю. Г. Савельева, Е. А. Радцигъ, въ настоящее время А. А. Кнюпферъ.

Въ 1901 году, когда исполнилось десятилѣтіе со времени возникновенія издательскаго комитета, послѣдній, подведя итоги своей работы за этотъ періодъ, постановилъ отмѣтить свой десятилѣтній юбилей двумя ходатайствами передъ мин. нар. проsv.: 1) Чтобы для книгъ, издаваемыхъ Х. О. гр., при допущеніи ихъ къ обращенію въ школьныхъ и народныхъ библіотекахъ и для народныхъ чтеній, установленъ былъ порядокъ, принятый по отношенію къ книгамъ, обращающимся въ публичныхъ библіотекахъ, т. е. чтобы къ этимъ книгамъ примѣнялась система не разрѣшенія, а воспрещенія, и чтобы всѣ изданія комитета ео ipso допущены были въ библ.-читальни Харьковскаго Общества грамотности. 2) Ходатайствовать передъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати о разрѣшеніи печатать на малорусскомъ языкѣ не только книги беллетристическаго содержанія, но и научнаго: по сельскому хозяйству, медицинѣ и проч. Оба эти предложенія общимъ собраніемъ встрѣчены были сочувственно. Кромѣ того, въ комитетѣ обсуждался вопросъ объ изданіи особыхъ „юбилейныхъ“ брошюръ, при чемъ подходящими темами указаны: 1) XIX в. въ его открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, 2) крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ, 3) реформы Александра II—городская, земская и военная, 4) Малороссія.

Намъ остается сказать еще о двухъ молодыхъ учрежденіяхъ Харьковскаго Общества Грамотности: справочно-педагогическомъ комитетѣ съ музеемъ при немъ и Народномъ Домѣ, увѣнчавшемъ, такъ сказать, тридцатипятилѣтнее зданіе Общества.

Справочно-педагогическій комитетъ возникъ въ 1900 году¹⁾. Онъ поставилъ своею цѣлью осуществить нижеслѣдующія задачи:

1) Сбирать и группировать свѣдѣнія о дѣятельности по народному образованію земствъ, городовъ и просвѣтительныхъ обществъ.

2) Слѣдить за текущею законодательною дѣятельностью правительствъ по начальному и внѣшкольному образованію.

3) Заниматься составленіемъ коллекцій: а) учебниковъ и учеб-

что ее, пожалуй, слѣдуетъ причислить къ вышепоименованнымъ губерніямъ.

¹⁾ Предсѣдателемъ его состоитъ И. П. Бѣлоконскій, товарищемъ предсѣдателя былъ, нынѣ покойный, помощникъ присяжнаго повѣреннаго В. С. Дубенскій, секретарь В. Н. Бѣлоконская, завѣдующая библіотекою М. И. Кузнецова.

ныхъ пособій, б) плановъ образцовыхъ школьныхъ зданій, Народныхъ Домовъ и т. п.

4) Слѣдить за литературою о дѣятельности просвѣдительныхъ обществъ за границею.

5) Отвѣчать на запросы не только со стороны земствъ и просвѣдительныхъ обществъ, но и частныхъ лицъ; всѣмъ, желающимъ открыть читальню, бібліотеку, школу или организовать просвѣдительное общество, учительскіе курсы или съѣзды, предпринять трудъ, касающійся народнаго образованія или какого-либо педагогическаго вопроса—указывать источники, узаконенія и всякаго рода матеріалы¹⁾.

Правильно функционировать этотъ комитетъ началъ въ 1901 году и за 2^{1/2} года бюро при комитетѣ получило 277 запросовъ, при чемъ, помимо Харьковской, запросы были еще и изъ слѣдующихъ губерній и областей: Бессарабской, Владимірской, Волынской, Воронежской, Донской, Екатеринославской, Елисаветпольской, Казанской, Калужской, Кіевской, Костромской, Кубанской, Курской, Лифляндской, Люблинской, Мияской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Подольской, Полтавской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тифлисской, Тульской, Уфимской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской.

Кромѣ того, запрашивали и изъ Сибири: Томская губ., Амурская область, Иркутская губернія. Наконецъ, были запросы изъ Закаспійской области и Ферганской. Запросы, главнымъ образомъ, шли изъ глуши провинціи, отъ учителей и учительницъ народныхъ школъ, врачей, земскихъ управъ и просвѣдительныхъ учреждений; но пользовались свѣдѣніями бюро и крупные культурные центры, какъ: Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ на Дону, Рига, Тифлисъ, Саратовъ, Тверь, Симбирскъ, Новороссійскъ, Курскъ. И почти на всѣ эти запросы бюро дало отвѣты, благодаря прекрасной справочной бібліотекѣ, въ которой въ настоящее время имѣется болѣе 4.000 книгъ. Съ момента возникновенія справочно-педагогическій комитетъ субсидируется Харьковскимъ губернскимъ земствомъ, въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ, и нѣкоторыми уѣздными земствами Харьковской губ. (отъ 25 до 50 руб. въ годъ).

Въ 1902 году при справочно-педагогическомъ комитетѣ образовался музей наглядныхъ пособій.

Мысль объ устроеніи такого музея возникла еще въ 1892 г. Именно вопросъ объ этомъ возбудилъ проф. В. Я. Данилевскій. Затѣмъ въ 1899 году было внесено два доклада о музеѣ: членами Г. М. Котельниковымъ и профессоромъ П. Т. Степановымъ. Осуществленію этой идеи помѣшало отсутствіе средствъ.

Въ 1902 году справочно-педагогическій комитетъ рѣшилъ

¹⁾ Адресъ для справокъ: Харьковъ, Ветеринарная ул. домъ № 26. Справочно-Педагогическое Бюро. Для отвѣта должна быть приложена марка.

дѣйствовать, какъ говорится, на ура: онъ занялся устройствомъ музея, не имѣя на это ни средствъ, ни удобнаго помѣщенія. И несмотря на это обстоятельство, музей, пріютившійся во 2-й школь, въ вестибуль которой, скажемъ къ слову, помѣщается и бюро справочно-педагогическаго комитета, сталъ функционировать довольно успѣшно ¹⁾. По крайней мѣрѣ, у него въ настоящее время имѣется 1.395 экземпляровъ наглядныхъ пособій, а именно: по зоологій 499 экземпляровъ, по ботаникѣ 272, по географіи 195, по первоначальному обученію 156, по минералогіи и геологій 95, по исторіи 87 и, наконецъ, по химіи и физикѣ 32 экземпляра. Кромѣ того, имѣется еще немного экземпляровъ по сельскому хозяйству и отдѣлъ художественный. Подвижной музей выдаетъ частнымъ лицамъ, учебнымъ заведеніямъ и другимъ учрежденіямъ во временное пользованіе коллекціи, приборы, свѣтотыны картины и прочія учебныя пособія.

Школы Харьковскаго Общества, городскія и земскія школы ²⁾ Харьковскаго уѣзда могутъ пользоваться пособіями музея на основаніяхъ годового абонемента бесплатно.

Недавно музей издалъ каталогъ своихъ учебныхъ пособій.

Переходя къ сообщенію свѣдѣній о Народномъ Домѣ, вспомнимъ, что мысль о подобнаго рода учрежденіи возникла еще 35 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1869 году, но вполне осуществиться ей суждено было только въ послѣднее время.

Въ 1897 году, въ день празднованія десяти-лѣтія Комиссіи народныхъ чтеній, предсѣдатель послѣдней, С. А. Раевскій, между прочимъ, высказалъ пожеланіе, чтобы „среди харьковскихъ благотворителей явились и такіе, которые подумали бы о пользѣ чтеній, разумныхъ развлеченій и удовольствій для народа и помогли бы своими средствами удовлетворить этой новой потребности народной жизни“.

Мысль эта встрѣтила сочувствіе и сначала думали ее осуществить при посредствѣ наемнаго помѣщенія, приспособивъ послѣднее къ функционированію въ немъ аудиторіи со сценой, библиотеки, читальни, чайной и концертнаго зала. Но такое помѣщеніе найти было трудно, и тогда обратились къ городу съ ходатайствомъ объ отведеніи мѣста для постройки Народнаго Дома. Осенью 1897 года Дума удовлетворила ходатайство Общества, пожертвовавъ безвозмездно участокъ въ 1.200 кв. саж. на одной изъ окраинъ города, именно на Конной площади, при условіи, что, въ случаѣ прекращенія дѣятельности Общества грамотности, Народный Домъ долженъ перейти въ вѣдѣніе города.

Тогда особая комиссія, уже ранѣ избранная общимъ собраніемъ, энергично приступила къ работѣ, начавъ съ ознакомленія

¹⁾ Завѣдующею бюро состоитъ М. Г. Миклашевская. Изъ сотрудниковъ музея нельзя не указать на учителя гимназіи Кничера.

²⁾ Между прочимъ, художественный отдѣлъ получилъ весьма цѣнныя снимки съ картинъ музея Императора Александра III частью бесплатно, частью по заготовительной стоимости.

съ планами различныхъ аудиторій и театровъ. Послѣ этого она при Императорской Академіи наукъ объявила конкурсъ за составленіе лучшаго плана, опредѣливъ стоимость зданія въ 100.000 руб. Затѣмъ, начиная съ 1898 г., коммиссія стала дѣятельно пріобрѣтать средства какъ путемъ сбора послѣднихъ, такъ и путемъ ходатайствъ въ министерствѣ финансовъ относительно субсидіи.

Въ 1899 году на общемъ собраніи былъ заслушанъ докладъ профессора В. Я. Данилевскаго „о Народныхъ Домахъ“, изданный затѣмъ отдѣльною брошюрою, и избрана была редакціонная коммиссія для составленія „пособника по устройству народныхъ домовъ“; въ томъ же году особая коммиссія, получивъ премированные и непремированные С.-Петербургскимъ обществомъ архитекторовъ проекты Народнаго Дома, остановилась на проектѣ А. А. Венсана и предложила общему собранію приступить къ постройкѣ Народнаго Дома весною 1900 г., сообщая, что для этого, включая казенное пособіе въ 30.000 руб., имѣется 61.000 руб. Собраніе согласилось съ этимъ предложеніемъ и избрало строительную коммиссію, въ которую вошли энергичные инициаторы постройки Народнаго Дома, какъ: С. А. Раевскій, Е. В. Пономарева, В. М. Козловъ; кромѣ того, избраны инженеры: А. Н. Быковъ, В. Л. Балашовъ, П. М. Константиновъ, В. Н. Павловъ, В. Г. Михайловскій, И. А. и М. А. Стакорскіе, И. И. Загоскинъ, А. Н. Бекетовъ, В. В. Величко, Ф. И. Шустеръ, профессоръ, тогдашній предсѣдатель правленія, П. Т. Степановъ, членъ правленія О. М. Габель и присяжный повѣренный Н. Б. Генелесъ.

Въ мартѣ 1900 года уже состоялась закладка Народнаго Дома, а вслѣдъ затѣмъ началась усиленная работа названной строительной коммиссіи, участіе въ которой инженеровъ и облегчило, и сильно удешевляло постройку.

Впослѣдствіи недостающія средства добыты были такимъ образомъ: зданіе Народнаго Дома было заложено въ городскомъ банкѣ въ суммѣ 30.000 руб.; особый кружокъ изъ среды строительной коммиссіи, путемъ устройства лекцій, спектаклей и баловъ, собралъ около 6.000 руб.; городская дума, въ память 40-лѣтія освобожденія крестьянъ, постановила отпускать ежегодно на содержаніе Народнаго Дома 2.000 рублей.

Харьковскій губернскій и городской комитеты попечительства о народной трезвости дали 4.200 руб., Харьковское губернское земство ассигновало 5.000 руб. и, наконецъ, отъ министерства финансовъ поступило одновременно около 82.000 руб. Въ общемъ, слѣдовательно, постройка Дома и его оборудованіе обошлось около 200.000 руб. Но такъ какъ названная сумма поступала одновременно, то открытіе Дома, благодаря недостатку средствъ на оборудованіе его, заповдало, приблизительно, года на два, такъ какъ онъ, собственно говоря, былъ готовъ еще въ 1901 году, а открытіе состоялось въ 1903 году.

Зданіе заключаетъ въ себѣ превосходную театральную сцену,

зрительный залъ на 1.000 человекъ, чайную на 200 человекъ библиотечку-читальню на 150 человекъ ¹⁾).

Когда Народный Домъ былъ законченъ, строительная комиссія прекратила свои обязанности, а вмѣсто нея былъ избранъ „Комитетъ по управленію Народнымъ Домомъ“, куда, между прочимъ, вошли главные первые дѣятели по устройству Дома: С. А. Раевскій, въ качествѣ предсѣдателя Комитета, Е. В. Пономарева (товарищъ предсѣдателя) и В. М. Козловъ. Кромѣ того, вошли и новыя лица.

Насколько успѣшно функционируетъ Народный Домъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ.

Съ февраля 1903 года по февраль 1904 года въ Домѣ было устроено: 69 спектаклей ¹⁾, 7 концертовъ ²⁾, 4 литературно-музыкальных вечера, 5 публичныхъ лекцій, 5 бесплатныхъ народныхъ чтеній, елка для дѣтей и взрослыхъ и народный балъ, при чемъ на этихъ развлеченіяхъ перебывало 63.622 посѣтителя. Успѣшно также функционировали при Народномъ Домѣ: чайная, столовая, библиотека и продажа книгъ.

Намъ остается еще сказать о числѣ членовъ Харьковскаго Общества грамотности. По послѣднему отчету, членовъ числилось 715, а именно: 20 почетныхъ ³⁾, 136 пожизненныхъ ⁴⁾ и 505 дѣйствительныхъ. Что касается средствъ Общества, то, по

¹⁾ Въ этомъ помѣщеніи функционируетъ и столовая, въ которой обѣдаетъ до 150 человекъ, и здѣсь же книжная торговля издательскаго комитета Харьков. Общ. грам.

²⁾ Такое громадное количество спектаклей, при отсутствіи у комитета средствъ, возможно было поставить, благодаря лишь необыкновенному сочувствію, которымъ пользуется Народный Домъ среди населенія въ Харьковѣ. Спектакли безвозмездно устраиваются любительскими труппами, при чемъ особенно выдается русская труппа инженера Руккерта и малороссійская—инженера Хотькевича (Галайды). Въ послѣдней, между прочимъ, участвуютъ, главнымъ образомъ, рабочіе, которые, скажемъ къ слову, организовали два оркестра и исполняютъ обязанности билетеровъ во время спектаклей. Кромѣ названныхъ двухъ постоянныхъ труппъ, въ Народномъ Домѣ играютъ учащіеся въ мѣстныхъ театральныхъ училищахъ. Сцена Народнаго Дома имѣла бы громадное воспитательное значеніе, если бы не убійственный репертуаръ пьесъ, разрѣшенныхъ для Народныхъ Домовъ. Послѣднихъ такъ мало, что волея-полея приходится иной разъ ставить произведенія, неимѣющія ничего общаго съ художественностью, въ родѣ, напримѣръ, Юрія Милославскаго и другихъ псевдопатріотическихкихъ пьесъ съ историческою подкладкою.

³⁾ Въ нихъ, главнымъ образомъ, принимаютъ участіе мѣстныя хоры и музыкальныя общества. Изъ немѣстныхъ силъ не можемъ не отмѣтить концертъ, данный Шалапиннымъ. Этотъ концертъ очень напомнилъ намъ концертъ А. Рубинштейна, данный, какъ мы видѣли, въ первый годъ открытія Общества грамотности. Такимъ образомъ, въ началѣ жизни Общества его привѣтствовалъ знаменитый пианистъ, а въ концѣ тридцатипятилѣтія—не менѣе знаменитый пѣвецъ.

⁴⁾ Почетнымъ членомъ Общества состоитъ, между прочимъ, и Левъ Николаевичъ Толстой.

⁵⁾ Изъ числа пожизненныхъ членовъ не можемъ не отмѣтить учителя гимназіи М. Д. Линды, который уже около 27 лѣтъ состоитъ безсѣмѣннымъ членомъ правленія и членомъ многихъ комитетовъ.

даннымъ за 1903 годъ, они представляются въ такомъ видѣ.

Неприкосновенные капиталы Общества выражаются суммою 212.435 руб. 85 к., оборотные — 5.080 руб., стоимость недвижимаго имущества — 283.579 руб. 98 к., спеціальныя капиталы — 24.966 р. 29 к., слѣдовательно, капиталы и цѣнность недвижимаго имущества Общества выражается суммою въ 526.062 р. 12 к. Но сюда не вошла стоимость движимаго имущества Общества, въ видѣ громаднаго количества книгъ въ его городскихъ и сельскихъ библіотекахъ, шкафовъ справочно-педагогическаго комитета и т. д.

Харьковское городское управленіе въ 1903 году субсидировало разныя учрежденія Общества въ суммѣ 7.600 руб., а губернскае земство въ суммѣ 15.000 руб.

Расходный бюджетъ всѣхъ учрежденій Обществъ въ 1903 году выразился въ суммѣ 93.257 р. 11 к.

Вотъ что создали частная инициатива и общественная самодѣятельность!

И. П. Бѣлоконскій.

Къ исторіи сектантства.

Назарены въ Венгріи и Сербіи.

I.

Происхожденіе и время возникновенія секты назаренъ въ литературѣ не опредѣляется съ достаточной точностью. Мнѣнія о томъ и о другомъ весьма различны, подчасъ гадательны. Большинство изслѣдователей, однако, приурочиваетъ моментъ зарожденія этой секты къ двадцатымъ годамъ XIX столѣтія.

Мотивы возникновенія секты тоже приводятъ различныя. Такъ г. Л. Пантелѣвъ, въ своемъ небольшомъ очеркѣ „Назаренъ въ Венгріи“, напечатанномъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, пишетъ:

„Возникновеніе секты „назареевъ“ можно отнести къ началу нашего столѣтія, ко времени окончанія великихъ французскихъ войнъ. Нельзя проявленіе религиозной секты,—продолжаетъ онъ,—имѣвшей въ основѣ своего ученія любовь къ ближнему, безусловный миръ и равенство всѣхъ, соединившихся въ общей любви къ Богу и къ ближнему, принимать за результатъ корыстныхъ или честолюбивыхъ стремленій единичнаго лица; но слѣдуетъ смотрѣть на это явленіе, какъ на послѣдствіе того движенія, которое тогда охватило духовную жизнь всей Европы. Ужасы и жертвы страшной войны, длившейся два десятилѣтія, возбудили въ народѣ глубокое отвращеніе къ войнѣ и заронили въ немъ невыразимую жажду прочнаго мира.

„Обыкновенная толпа и удовлетворилась простымъ фактомъ прекращенія ненавистной войны; но люди съ болѣе возвышенной душой и благородными стремленіями иначе поставили вопросъ, и всѣ свои душевныя силы направили на то, чтобъ навсегда избавить человечество отъ страшнаго бича.

„Однимъ изъ проявленій этого движенія и были „назаренъ“—заканчиваетъ г. Пантелѣвъ (76—77 стр.).

Душанъ Маковицкій предполагаетъ, что венгерскіе назарены произошли отъ англійскаго баптизма, и видитъ преемственную связь между назаренами и анабаптистами 16-го вѣка, при чемъ

указываетъ, что въ Венгріи анабаптистское ученіе было распространено еще въ 16 и 17 столѣтіяхъ ¹⁾. По его мнѣнію, первые учителя назареновъ во многомъ отклонились отъ англійскаго баптизма, напр., въ томъ, что участіе въ войнѣ они не считали ни въ какомъ случаѣ дозволительнымъ, тогда какъ англійскіе баптисты во многихъ случаяхъ вполне допускали это участіе ²⁾.

Влад. Димитріевичъ, авторъ книги „Назаренство. Негова исторія и сущина“, пишетъ, что, по его мнѣнію, происхожденіе назаренъ очень гадательно.

„Одни утверждаютъ,—продолжаетъ онъ,—что корень назаренства въ Америкѣ; другіе производятъ его отъ юго-славянскихъ богомолвъ; нѣкоторые находятъ, что назарены одного происхожденія съ русскими штундистами...“ (Стр. 6).

Въ чешской газетѣ „Národní Listy“ Іосифъ Голечекъ напечаталъ фельетонъ, въ которомъ разбираетъ очень интересную книгу сербскаго писателя Йаши Томича „Назарени“. Въ этомъ фельетонѣ Іосифъ Голечекъ пишетъ, что, по его мнѣнію, „секта назаренъ весьма похожа на „моравскихъ братьевъ“ и менонитовъ. Назарены одинаковаго происхожденія со „штундой“,—прибавляетъ онъ.

Это разномысліе въ сужденіи о происхожденіи назареновъ насъ нисколько не удивляетъ. И въ этомъ случаѣ произошло и происходитъ совершенно то же самое, что было и бываетъ съ другими разнообразными сектами. Жизнь народовъ и до сихъ поръ очень часто является для историка и наблюдателя общественныхъ процессовъ той таинственной областью, куда проникнуть непосвященному весьма затруднительно, нерѣдко совершенно невозможно. Въ народной средѣ совершается броженіе, значительныя ея массы волнуются тѣми или другими для нихъ вполне назрѣвшими, неотъемлемыми и насущными потребностями духа. Во многихъ селахъ, хуторахъ и слободахъ составляются тайныя собранія, на которыхъ съ жаромъ обсуждаются родившіеся на свѣтъ и уже страстно захватившіе души общественные, религіозныя и прочіе вопросы. Въ цѣломъ краѣ ведется усиленная пропаганда, вербуются послѣдователи, процессъ жизни быстро разлагаетъ старыя понятія, вытѣсняетъ стародѣдовскіе обычаи, привычки, властно замѣняя отжившую идеологію группъ населенія новыми формами мысли и чувства, болѣе соотвѣтствующими измѣнившимся устоямъ экономической и политической жизни. И только тогда, когда этотъ процессъ разгорится и озаритъ заревомъ пожара болѣе или менѣе значительные районы, только тогда это общественное явленіе изъ нѣдръ народа всплываетъ на поверхность жизни, имъ начинаютъ интересоваться ученые, историки и наблюдатели, изучаютъ его, классифицируютъ и под-

¹⁾ Nazarenové v Uhrách. Dušan Makovický. V Praze, 1896. Стр. 3.

²⁾ Рукопись Душана Маковицкаго „Назарены въ Венгріи“, стр. 2.

водятъ подъ тѣ или иные номенклатуры, нерѣдко приписывая этому народному движенію то, чего въ немъ совершенно нѣтъ, и не замѣчая въ немъ тѣ элементы, которые составляютъ его сущность. Пропастъ, отдѣляющая еще въ настоящее время народныя массы отъ образованныхъ классовъ, такъ велика и глубока, что свѣдѣнія объ ихъ жизни доходятъ къ намъ нерѣдко съ такимъ же промедленіемъ, какъ свѣтъ отъ звѣздъ, безконечно далеко удаленныхъ отъ нашей планеты. По той же причинѣ даже названія сектъ почти всегда одни—у самихъ сектантовъ, другія—въ литературѣ, въ изслѣдованіяхъ. Сами себя сектанты всегда называютъ тѣмъ именемъ, которое соответствуетъ внутреннему, сокровенному смыслу ихъ ученій; въ литературѣ же обыкновенно употребляется кличка, прозвище, подчасъ обидная, или названіе, придуманное сторонними наблюдателями жизни и дѣятельности этого народнаго союза.

„Общество друзей“ въ Англіи принято называть „квакерами“, отъ насмѣшливаго слова „quakers“ — трясущійся, дрожащій—слова, даннаго въ былое время врагами и антагонистами этихъ сектантовъ для осмѣянія ихъ за особые приемы въ движеніяхъ и голосѣ при совершеніи ими молитвы.

Точно также случилось и съ назаренами. Сами себя они называютъ: „во грѣхахъ покаившіеся, ведущіе благочестивую жизнь христіане, которые по произнесеніи вѣроисповѣданія приняли святое крещеніе“.

Кромѣ того, назарены называютъ себя „послѣдователями Христовыми“, „наслѣдниками Христа“. Также, они охотно себя называютъ „вѣрными“, „вѣрующими“, „крещеными“, „старовѣрцами“, а православные ихъ называютъ „нововѣрцами“. Про свою вѣру они иногда говорятъ, что ихъ вѣра „мужицкая“. Словенскій народъ зоветъ ихъ „святыми“; сербскій—„бугерами“, „нововѣрцами“.

Названіе же „назарены“—имъ было присвоено приверженцами другихъ исповѣданій. Такія же недоразумѣнія, а нерѣдко и сплошныя невѣрныя утвержденія, встрѣчаются при изслѣдованіи о происхожденіи той или иной секты. Въ большинствѣ случаевъ сектанты не имѣютъ писаной литературы ¹⁾. Вся ихъ мудрость, ученіе и взгляды на жизнь обыкновенно сохраняются устно изъ поколѣнія въ поколѣніе и только послѣ записи этихъ псалмовъ, стиховъ, сказаній, поученій, легендъ и рассказовъ удастся болѣе или менѣе точно установить генетическую связь между сектантскими ученіями разныхъ эпохъ, разныхъ наименованій, разныхъ мѣстностей. Только послѣ подробныхъ и тщательныхъ записей всей этой устной литературы, мы въ состояніи будемъ хоть отчасти

¹⁾ Нѣкоторыя русскія секты имѣютъ записи, но всегда тщательно сохраняютъ ихъ отъ посторонняго глаза, давая ихъ на прочтеніе нерѣдко еще менѣе охотно, чѣмъ знакомя съ своимъ вѣроученіемъ въ устной передачѣ.

действительно научно разобраться въ той невообразимой путаницѣ и мѣшанинѣ, которая царствуетъ, въ сектантскомъ вопросѣ.

Ниже мы постараемся разобрать по доступнымъ намъ матеріаламъ ученіе секты „назареновъ“, здѣсь же отмѣтимъ только то, что относительно *происхожденія* этой секты ничего положительнаго пока сказать нельзя. Мы, конечно, не можемъ апеллировать къ „благороднымъ стремленіямъ“ и „возвышенности души“ тѣхъ или иныхъ людей,—какъ это дѣлаетъ г. Пантелѣевъ,—и въ ихъ желаніяхъ и ожиданіяхъ искать указаній на моментъ и мотивы возникновенія той или иной секты, въ данномъ случаѣ „назареновъ“. Приписывать этотъ моментъ возникновенія къ эпохѣ конца наполеоновскихъ войнъ и объяснять образованіе секты реакціей группъ народа на годы крови и желѣза мы также не имѣемъ ровно никакихъ основаній. Мы думаемъ, что ученіе секты венгерскихъ „назареновъ“ есть новое отраженіе давно существовавшаго въ Венгріи народнаго вольномыслія, критическаго отношенія къ господствующимъ церквамъ и дѣятельности свѣтской власти.

Въ современномъ намъ ученіи назаренъ есть довольно много элементовъ стараго восточнаго сектантства гностическаго происхожденія. Мы можемъ только предположить, что въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, въ эти годы всеобщаго возбужденія, сектантское движеніе въ Венгріи усилилось, *обострилось*. Сектанты стали больше знакомиться другъ съ другомъ, плотнѣе соединяться, искать *организации* своихъ силъ.

Обыкновенно называютъ Генриха Фрѣлиха,—швейцарскаго настора,—основателемъ секты венгерскихъ назаренъ.

Съ этимъ утвержденіемъ мы не можемъ согласиться и прежде всего отмѣтимъ, что у насъ очень часто *законодателя* группы, союза—смѣшиваютъ съ ихъ *основателемъ*. Когда народное движеніе достигаетъ извѣстнаго предѣла, когда силы людей, охваченныхъ имъ, начинаютъ требовать активнаго выхода и практическаго приложенія, тогда является насущная потребность *формулировать*, болѣе или менѣе точно *опредѣлить* тѣ возрѣнія, взгляды, желанія и способы воздѣйствія, которые до сихъ поръ были извѣстны многимъ, но проводились въ жизнь ошущью, безъ заранѣе намѣченнаго плана.

Во имя удовлетворенія такой назрѣвшей потребности общество само собой выдѣляетъ челоуѣка, воплощающаго желаніе всѣхъ, оформляющаго все то, что до сихъ поръ было не совсѣмъ ясно, туманно, расплывчато. Если среди данной группы не находятся подходящіе элементы, то ихъ ищутъ и обыкновенно находятъ на сторонѣ, ухватываясь за ту пропаганду, за то формулированное уже вѣроисповѣданіе или свѣтское ученіе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ назрѣвшимъ потребностямъ этой, пришедшей въ движеніе группы населенія.

Именно такую же роль, правда, съ гораздо меньшей компетенціей и значеніемъ, случайно и, вѣроятно, неожиданно для себя

самого сыгралъ швейцарскій пасторъ Генрихъ Фрѣлихъ въ дѣлѣ образованія и организаціи общинъ секты, обыкновенно называемой „назаренами“, живущими въ Венгріи и Сербіи.

II.

Ревностнымъ первымъ апостоломъ секты „назаренъ“ въ Венгріи обыкновенно въ официальной исторіи называютъ Людвигъ Хенгзей. Биографическія свѣдѣнія о немъ, а также и объ его знакомствѣ съ Генрихомъ Фрѣлихомъ, довольно подробно сообщаетъ Armin Schwarz въ газетѣ „Pester Lloyd“, гдѣ онъ въ 1897 г. помѣстилъ интересный фельетонъ подъ заглавіемъ „Evangelismänner in Ungarn“.

„Людвигъ Хенгзей,—пишетъ Armin Schwarz,—родился въ 1820 г. въ деревнѣ Сентъ-Петруръ (Szent-Péterur). Онъ былъ вторымъ сыномъ деревенскаго кузнеца. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ кроткій и чувствительный мальчикъ проявлялъ созерцательную и поэтическую натуру. Отцу Хенгзея, деревенскому кузнецу стараго покроя, былъ отнюдь не по душѣ характеръ сына. Однажды ночью старика разбудилъ какой-то шумъ. Засвѣтивъ огонь, онъ увидѣлъ, что Людвигъ стоитъ на колѣняхъ въ своей постели и, горько всхлиывая, горячо молится.

— О чемъ ты плачешь?—сурово спросилъ отецъ.

— О томъ, что евреи распяли Спасителя,—отвѣтилъ, заливаясь слезами, мальчикъ.

— Какое же тебѣ до этого дѣло?—крикнулъ старикъ.

— Ахъ, если бы Господь нашъ Иисусъ Христосъ еще жилъ, я попросилъ бы его исцѣлить мою бѣдную, больную маму, какъ онъ исцѣлялъ многихъ больныхъ,—отвѣтилъ съвозъ слезы мальчикъ.

Старый Хенгзей ничего не нашелъ возразить на это, но онъ тотчасъ же рѣшилъ отдать Людвигъ въ слесаря, такъ какъ въ кузнецы онъ уже, по его мнѣнію, не годился. Почему,—прибавляетъ A. Schwarz,—старнику показалось ремесло слесаря менѣе тяжелымъ, чѣмъ его собственное, трудно понять; но фактъ тотъ, что онъ отдалъ своего сына въ ученіе къ одному слесарю въ Кестгелѣ (Keszthely), и Людвигъ вышелъ изъ этого ученія искуснымъ и хорошимъ работникомъ.

Осенью 1839 года Людвигъ Хенгзей отправился путешествовать и пришелъ въ Пештъ, гдѣ онъ нашелъ себѣ работу въ слесарной мастерской Іоганна Пецника (Pecznic). Въ этой мастерской работали, кромѣ него, два другихъ подмастерья; ихъ звали: Іоганнъ Денкель и Іоганнъ Кропачекъ. Несмотря на свои иностранныя фамилии, они были природными венгерцами.

Знакомство съ этими двумя товарищами,—пишетъ A. Schwarz,—имѣло рѣшающее значеніе для всей жизни Людвигъ Хенгзея. Во

время своихъ путешествій Денкель и Кропачекъ побывали въ Швейцаріи и познакомились тамъ съ Самуиломъ Генрихомъ Фрѣлихомъ, первымъ проповѣдникомъ новаго ученія. Сущность его ученія состояла въ чистотѣ жизни, въ любви къ ближнему, въ вѣрѣ въ Бога, въ отреченіи отъ всѣхъ земныхъ благъ, въ стремленіи ко спасенію своей души; священнымъ писаніемъ признавалъ онъ только Библию и преимущественно Новый завѣтъ.

По своемъ возвращеніи въ Венгрію Денкель и Кропачекъ сполна присоединились къ новому ученію, но у нихъ было очень мало способностей къ дѣятельности проповѣдниковъ. Ихъ учитель Фрѣлихъ былъ чловѣкъ высокаго образованія, серьезно изучившій богословскія науки. Этого не хватало товарищамъ. Только одинъ Денкель умѣлъ читать и писать по-нѣмецки и по венгерски и былъ хорошо знакомъ съ священнымъ писаніемъ. Но, въ общемъ, онъ вынесъ не вполне ясныя идеи о новомъ ученіи. Однако, онъ не долго колебался присоединить къ нему своего новаго товарища, Людвигъ Хенгзея, наивная и благочестивая душа котораго представляла благодарную почву для пропаганды. 20-го ноября 1839 года вечеромъ они раскрыли другъ передъ другомъ свои души и Денкель и Кропачекъ съ братскимъ поцѣлуемъ приняли Хенгзея въ число вѣрующихъ. Ночью 8-го мая 1840 года они отправляли въ слесарной мастерской свое первое богослуженіе. При немъ присутствовали: Денкель, Хенгзей, Кропачекъ и еще одинъ ремесленный подмастерье, Іосифъ Белла, не принятый еще тогда въ число вѣрующихъ“.

Уже въ этомъ разсказѣ А. Schwarz'a мы обнаруживаемъ всю ту схематичность, которая обыкновенно бываетъ замѣтна въ тѣхъ историческихъ произведеніяхъ, гдѣ въ внѣшнемъ оцѣпленіи различныхъ обстоятельствъ видятъ основу дѣятельности группы населенія, не вникая при этомъ въ глубины ея общественной жизни. По Armin'у Schwarz'у выходитъ все очень просто. Людвигъ Хенгзей имѣлъ „наивную, вѣрующую душу“, онъ почему то поѣхалъ въ Пештъ, и обязательно прямо въ ту мастерскую, гдѣ жили два рабочихъ, побывавшіе во время своихъ странствованій даже въ Швейцаріи, хотя они и были „природные венгерцы“, коренные жители страны. Денкель и Кропачекъ почему то обязательно знакомятся въ Швейцаріи съ Фрѣлихомъ, возвращаются оцпять за тысячи верстъ на родину и ведутъ пропаганду яко бы „новаго ученія“. Armin'у Schwarz'у, повидимому, совершенно достаточно было знать, что Фрѣлихъ „хорошо изучилъ богословскія науки“, которыя, какъ онъ самъ и пишетъ, совершенно были ненужны и непонятны венгерскимъ рабочимъ Денкелю и Кропачеку. Но такъ какъ Фрѣлихъ былъ пасторъ, училъ о „любви къ Богу“ и совершенно не училъ о томъ многомъ, что составляетъ сущность, смыслъ, и общественное значеніе „назареновъ“,—и такъ какъ онъ писалъ по-латыни и говорилъ многое ненужное и непонятное своимъ венгерскимъ знакомцамъ, то именно по всему этому—онъ и является основателемъ яко бы „новой“

секты! Мы не можемъ признать за всѣми этими доводами достаточнаго вѣса и основанія и думаемъ, что вліяніе Фрѣлиха сказалось только въ томъ, что онъ *формулировалъ нѣкоторыя* основы вѣры „назареновъ“ и этимъ самымъ черезъ Денкеля и Кропачека далъ *отправной пунктъ* Людвигу Хенгзею для его послѣдующей организаторской и литературной дѣятельности.

Изъ дальнѣйшей біографіи Л. Хенгзея, изложенной въ томъ же фельетонѣ Armin'a Schwarza'a, мы узнаемъ, что послѣ официального присоединенія къ назаренамъ онъ вскорѣ покидаетъ Пештъ и отправляется къ себѣ на родину, гдѣ въ Залаевскомъ Комитатѣ поднимаетъ широкую пропаганду своихъ воззрѣній. Въ это же время Хенгзей изложилъ на бумагѣ всѣ принципы своей проповѣди. Переписанныя его товарищами, эти тетрадки служили хорошимъ подспорьемъ въ дѣлѣ пропаганды и онѣ, такимъ образомъ, являются первыми писанными документами изъ назаренской литературы. Къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, эти тетрадки до сихъ поръ нигдѣ не были полностью опубликованы. Вторымъ назаренскимъ писателемъ былъ нѣкто Іосифъ Ковакъ. Онъ—дворянинъ, мѣстный помѣщикъ и вообще болѣе или менѣе интеллигентный человекъ. І. Ковакъ, между прочимъ, вступилъ въ переписку съ Г. Фрѣлихомъ, съ которымъ онъ переписывался по-латыни, ибо не зналъ нѣмецкаго языка. Именно отъ него то и идетъ то извѣстіе, что „назарены“ въ Венгріи являются не чѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ ученія швейцарскаго пастора Г. Фрѣлиха. Хотя записи І. Ковака и являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для исторіи секты „назареновъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо всегда имѣть въ виду, что І. Ковакъ, происходя не изъ народа, никогда не могъ быть интимно-близокъ съ назаренами и, можетъ быть, невольно, гораздо больше интересовался учеными богословскими выкладками и соображеніями пастора Г. Фрѣлиха, чѣмъ народными сектантскими ученіями. Эти ученія сильно бродили тогда среди крестьянскихъ массъ и сослужили, несомнѣнно, большую службу для формировки той секты, которую теперь принято называть „назаренами“.

Оставшіеся въ Пештѣ товарищи Л. Хенгзея продолжали свое дѣло въ этомъ большомъ городѣ, вербуя себѣ послѣдователей изъ рабочаго класса и изъ бѣдной мѣщанской и ремесленной среды.

Въ то время въ городѣ Пештѣ жила вдова слесаря Анна Нипль, имѣвшая свою мастерскую на Большой Полевой улицѣ, въ домѣ № 1097. Она тоже,—какъ сообщаетъ А. Schwarz,—присоединилась къ мѣстной общинѣ секты назареновъ и предоставила свой домъ для собраній своихъ единовѣрцевъ. Число приверженцевъ „новой вѣры“ быстро увеличивалось и они, разсѣясь по всей странѣ, разносили сѣмена своего ученія во всѣ стороны, все болѣе и болѣе присоединяя къ себѣ тѣ элементы венгерскаго крестьянскаго населенія, которые жаждали общественныхъ пере-

мѣнь и мечтали о „новой жизни“, болѣе гуманной, свободной, менѣе эксплуататорской, зависимой и тяжелой.

Въ концѣ сороковыхъ, а особенно въ началѣ пятидесятыхъ годовъ назареновъ можно было встрѣтить вездѣ, по всему пространству Венгрии и Семиградья.

Пропаганда Людвигъ Хенгзея имѣла особенно шумный успѣхъ. Его убѣжденность, облеченная въ форму страстной рѣчи народнаго оратора, привлекала къ себѣ толпы слушателей, покоряла ихъ и, увлекая неудержимо, заставляла бросить свою старую католическую вѣру и массами переходить къ „назаренамъ“. „Свѣтскія власти,—пишетъ въ своемъ фельетонѣ Armin Schwarz,—его не трогали, но со стороны католическаго духовенства онъ не пользовался такой же терпимостью. Мѣстный священникъ фонъ-Пагокъ пронюхалъ про его проповѣдь, призвалъ къ себѣ Людвигъ Хенгзея для объясненій и отпустилъ его съ серьезными предупрежденіями и страшными угрозами. Въ это же время, по требованію того же священника, у Хенгзея были конфискованы его книги и рукописи“. Съ этихъ поръ начинаются со стороны духовенства правильныя преслѣдованія Людвигъ Хенгзея. Въ скоромъ времени онъ долженъ былъ убѣдиться, что ему совершенно нѣтъ возможности продолжать свою пропагандистскую дѣятельность въ Венгрии, и молодой сектантъ рѣшаетъ покинуть свою родину. Въ сотовариществѣ съ своимъ другомъ Иосифомъ Белой, онъ отправляется въ сентябрѣ 1841 года въ Швейцарію, стремясь повидаться съ Фрѣлихомъ, о которомъ онъ такъ много слышалъ въ кругу назареновъ. Хенгзей въ этомъ же году встрѣтился съ Фрѣлихомъ въ Цюрихѣ и они оба „были очень рады“,—какъ пишетъ A. Schwarz,—„установить, что, въ основныхъ пунктахъ, ученіе ихъ обоихъ было согласно между собой“. Это утвержденіе еще разъ показываетъ намъ, что честь, приписываемая Фрѣлиху, какъ основателю секты назареновъ,—приписывается ему неизвѣстно почему. Что нибудь одно: если Фрѣлихъ былъ основателемъ секты „назареновъ“, то ему нечего было радоваться, что его правовѣрный ученикъ не разномыслилъ съ нимъ. Если же онъ выразилъ радость, что между Хенгзеемъ и имъ нѣтъ значительнаго расхожденія, по крайней мѣрѣ, въ области „основныхъ пунктовъ“, то само собой очевидно, что ученія Фрѣлиха и Хенгзея — не одно и то же ученіе, а только близко другъ къ другу подходящія.

Людвигу Хенгзею болѣе уже не удалось увидеть свое отечество, онъ вскорѣ сильно заболѣлъ и его подорванный организмъ не выдержалъ борьбы и въ 1844 году этотъ апостоль „назареновъ“ умеръ на чужбинѣ, имѣя 24 года отъ рода. „Кости его,—прибавляетъ Armin Schwarz,—затерялись гдѣ-то, въ одномъ изъ уголковъ цюрихскаго кладбища“...

III.

Со смертью Людвиг Хенгзея пропаганда ученія „назареновъ“ не ослабла. Особенно быстрое распространение назареновъ было обнаружено послѣ 1848 года,—года европейскихъ революцій, сильно встряхнувшихъ народныя массы. „Абсолютическое правительство 1850—54 г.г. сильно преслѣдовало назареновъ,—пишетъ Dušan Makovický,—и многие изъ нихъ были заключены въ тюрьмы“¹⁾. Одно изъ мѣстъ, откуда назаренство распространялось въ разныя стороны Венгрии, была казенная тюрьма въ Илавѣ, гдѣ было заключено много назареновъ. Тамъ назаренство распространялось между арестантами и они, выходя на свободу, разносили его дальше. „Такимъ же путемъ,—прибавляетъ Д. Маковицкій,—оно и теперь разносится изъ военныхъ тюремъ между войсками“²⁾. Определить точно число приверженцевъ секты,—какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ,—очень затруднительно. Народная перепись въ Венгрии въ 1890 году опредѣлила число назареновъ въ 7.000 человекъ. Цифра эта всѣмъ признается, какъ очевидно невѣрная. Armin Schwarz насчитываетъ всѣхъ этихъ сектантовъ до десяти тысячъ. Другіе писатели говорятъ, что и эта цифра не вѣрна, что ихъ гораздо больше. Это послѣднее утверждение имѣетъ подъ собой почву. Въ концѣ девятыхъ годовъ прошлаго столѣтія увеличеніе числа назареновъ было особенно замѣтно. Произошло это потому, что прежде назарены обязаны были приписываться къ какому-либо вѣроисповѣданію, считавшемуся признаннымъ законодательной властью Венгрии. Въ девятыхъ же годахъ XIX столѣтія назаренамъ разрѣшили не приписываться ни къ какому вѣроисповѣданію, а лишь только въ теченіе 5 лѣтъ платить опредѣленную церковную подать; по прошествіи пяти лѣтъ назарены считаются вполне свободными отъ всякой церковной повинности.

Подать эту назарены платятъ очень исправно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма неохотно, такъ какъ видятъ въ ней явный компромиссъ, сдѣлку съ совѣстью, и называютъ эту повинность „бѣдой“³⁾, отъ которой нѣтъ силъ избавиться.

Это нововведеніе въ гражданскомъ бытѣ „назареновъ“ имѣло значительныя послѣдствія на всю секту, прежде всего сказавшюся на численности ея. Въ мѣстной прессѣ это явленіе отмѣчается постоянно. Такъ газета „Budapesti Hirlap“, въ статьѣ „Назарены въ южной Венгрии“, помѣщенной въ номерѣ отъ 7-го февраля 1897 г., пишетъ: „Среди рабочаго люда большихъ венгерскихъ равнинъ все болѣе и болѣе распространяется ученіе назаренской секты. Про Орошгазъ уже давно извѣстно, что тамъ у назаренъ имѣется своя хорошо организованная община, члены

¹⁾ См. Dusan Makowicky, „Nazarénové v Uhrách“ стр. 4.

²⁾ Рукопись Д. Маковицкаго „Назарены въ Венгрии“, стр. 3.

³⁾ См. фельетонъ въ „Národní Listy“, I. Голечка.

которой по большей части словаки. Сегодня получено нами письмо из Мезэ-Берёнъ,—продолжаетъ газета,—увы, полное жалобъ, что и тамъ поднимаетъ голову эта секта. Вначалѣ только двѣ словацкія женщины преклонились предъ новой религіей, теперь же уже девять мужчинъ и семь женщинъ насчитываетъ тамъ эта секта“.

„Государство не признаетъ ихъ,—продолжаетъ газета,—но ихъ тайная организація все-таки очень совершенна и дѣйствуетъ она весьма искусно. Благодаря именно этой прочности организаціи выходитъ, что одни и тѣ же идеи и планы одновременно появляются и осуществляются въ Липтовскомъ Комитатѣ, въ Бачкѣ, въ Надьякѣ, въ Орошгазѣ, въ Салонтѣ и другихъ мѣстахъ. Сами назарены приписываютъ такое явленіе внушенію при посредствѣ „святого духа“, но мы то отлично знаемъ, что подъ этимъ „святымъ духомъ“ кроется прочная, централизованная, дисциплинированная организація, члены которой до фанатизма одушевлены одной и той же идеей:—распространенія своего ученія. Съ тѣхъ поръ какъ наши законы разрѣшили выходъ изъ церкви безъ обязательства присоединиться къ какому либо другому вѣроисповѣданію, назарены стали широко пользоваться этимъ правомъ. Во всѣхъ уголкахъ страны, какъ будто сговорившись, они толпами являются въ приходы, заявляя о себѣ, что они вышли изъ церкви. Такъ на дняхъ,—сообщаетъ газета,—въ Мезэ-Берёнѣ 9 мужчинъ и 7 женщинъ явились къ протестантскому пастору и заявили, что они бросаютъ церковь и переходятъ въ ряды „свободомыслящихъ“. Карлъ Есепскій, пасторъ, членъ городского управленія, думаетъ по этому поводу сдѣлать предложеніе въ думѣ, чтобы для людей, отвергающихъ религію, было определено особое мѣсто для погребенія и чтобы всякое общеніе съ ними вѣрующихъ было прекращено. Но не только въ Мезэ-Берёнѣ, но и въ другихъ городахъ Южной Венгріи число назареновъ все болѣе и болѣе умножается. Въ Арадѣ и прилежащихъ къ нему деревняхъ румыны бросаютъ грекокаатолическую церковь и переходятъ къ назаренамъ. Епископъ Метіанъ по этому поводу вызывалъ къ себѣ подчиненныхъ ему священниковъ и приказалъ имъ точно развѣдать причины многочисленныхъ выходовъ изъ церкви. Въ Дюлѣ и Орошгазѣ на дняхъ 220 человекъ сразу заявили въ приходѣ, что они совершенно покидаютъ церковь. Іоаннъ Рацъ,—учитель изъ Дюла,—обратился къ властямъ, обращая ихъ вниманіе на распространеніе секты назареновъ, особенно указывая на ихъ ночныя тайныя собранія, гдѣ они оживленно бесѣдуютъ не только объ религіи, но съ захватывающимъ интересомъ разбираютъ соціальныя и политическія вопросы. Эти собранія могутъ быть очень пригодны,—прибавляетъ газета,—для пропаганды „соціализма“.

Мы еще имѣемъ примѣры массового распространенія секты назареновъ среди рабочаго и крестьянскаго населенія.

Докторъ Душанъ Петровичъ Маковицкій, собиравшій случай-

ныя свѣдѣнія о распространѣніи назареновъ, въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ, любезно имъ предоставленныхъ въ наше распоряженіе, пишетъ:

„Въ Годь-Мезе-Вашаргелѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1896 года, въ теченіе одной недѣли перешли къ назаренамъ 141 человекъ.“

„Въ Гайдун-Бесерменѣ насчитывается теперь (1896 г.) 2000 назареновъ. Они построили себѣ домъ для собраній, который имъ обошелся въ 20.000 гульденовъ“.

„Вицегубернаторъ Арадской жупаніи,—сообщаетъ далѣе Д. П. Маковичкій,—подалъ докладную записку министру исповѣданій, въ которой проситъ, чтобы правительство издало запрещеніе массоваго выхода изъ церкви и, на этомъ основаніи, въ назаренство“.

„Изъ 450 плательщиковъ церковныхъ податей въ Кишь-Перечѣ теперь (1897 г.) осталось только 120 человекъ. Остальные отказались платить подать, Большинство вышедшихъ изъ церкви присоединилось къ назаренамъ“.

Кромѣ этихъ свидѣтельствъ массоваго распространенія секты назаренъ, приведемъ еще свѣдѣнія газеты „Organdová krestan“. Эта газета въ номерѣ отъ 25 октября 1897 года помѣстила краткую замѣтку подъ заглавіемъ: „Распространеніе назареновъ“. „Недавно мы писали,—такъ начинается свою замѣтку газета,—что назаренизмъ ужасно распространяется на сегединскихъ хуторахъ. Теперь намъ сообщаютъ, что назарены быстро распространяются также и среди сербовъ грековосточнаго исповѣданія. Въ селѣ Баваништѣ, неподалеку отъ города Бершеца, недавно сразу 117 взрослыхъ людей присоединились къ назаренской общинѣ. Въ Сремѣ, Банатѣ и Бачкѣ нѣтъ села, въ которомъ „новая вѣра“ не имѣла бы своихъ послѣдователей. „Сіонскія Арфа“—(сборникъ назаренскихъ гимновъ)—была издана въ 30,000 экземпляровъ на сербскомъ языкѣ. Назаренская вѣра,—прибавляетъ газета,—распространяется также и въ Сербіи. Въ Бѣлградѣ уже существуетъ назаренская община, имѣющая много членовъ“.

Интересныя свѣдѣнія по вопросу о распространѣніи назареновъ сообщаетъ также газета „Národní Noviny“. Такъ, въ номерѣ отъ 24 іюня 1897 г. они пишутъ: „Исправнику Старой Бечи 55 семействъ заявили о своемъ выходѣ изъ церкви и сейчасъ же присоединились къ назаренамъ“.

Въ одномъ изъ номеровъ этой же газеты въ 1897 г. мы находимъ горькую жалобу реформатскаго священника Александра Нада, пославшаго даже начальству официальную просьбу о помощи, такъ какъ онъ оказывается вполне безсильнымъ въ борьбѣ съ все болѣе и болѣе распространяющимся назаренствомъ и баптизмомъ. „Особенно къ первой изъ этихъ двухъ сектъ,—сообщаетъ онъ,—народъ переходитъ сотнями, съ радостью бросая церковь“.

Уже упоминавшійся нами писатель Влад. Димитріевичъ сообщаетъ въ своей работѣ, что „во всей Венгріи, по его свѣдѣніямъ,

назареновъ около 10.000 человекъ; больше всего,—говорить авторъ,—сербовъ. Однихъ сербовъ,—прибавляетъ онъ,—около 4.400 человекъ. Остальные распределяются между мадярами и румынами. Назаренство между венгерскими сербами,—по его мнѣнію,—особенно сильно распространилось въ 60-хъ годахъ. Первыми пропагандистами среди нихъ были два хорвата—Ребричь и Еличъ“.

Назаренство среди венгерскихъ сербовъ появилось сначала,—пишетъ В. Димитріевичъ,—въ деревняхъ южной Венгріи: Сурдукъ, Вановце, Голубинце, Сурчинъ и Болъвая.

По мнѣнію Яши Томича, одними изъ самыхъ сильныхъ пропагандистовъ назаренства среди сербовъ были Боривой и Лазарь.

Боривой въ дѣтствѣ былъ болѣзненно вспыльчивъ. Матѣйшая причина привела его въ бѣшенство. Благодаря вспыльчивому характеру онъ не могъ даже посѣщать школу, хотя отъ природы былъ необыкновенно даровитъ. Его сдѣлали пастухомъ и заставили вскорѣ жениться. Послѣ двухлѣтней спокойной семейной жизни случилось такъ, что Боривой нашелъ въ зимнюю мятежь полузамершаго бродягу, уже свалившагося въ снѣгъ. Боривой привезъ его къ себѣ въ домъ, привелъ въ чувство и отецъ Мелентій,—какъ называлъ себя бродяга,—научилъ за это Боривоя молитвѣ о страшномъ судѣ. Страхъ передъ страшнымъ судомъ заставилъ впечатлительнаго Боривоя серьезно каяться въ своихъ грѣхахъ. Онъ рѣшилъ три года поститься и отправиться на поклоненіе въ Іерусалимъ. Онъ строго постился, воздерживался отъ ѣды, удалился отъ молодой жены и не поддерживалъ съ ней брачную жизнь. Жена его не раздѣляла мыслей своего мужа, не хотѣла также поститься и воздерживаться, какъ сдѣлалъ это ея мужъ, и когда Боривой убѣдился, что она вступила съ кѣмъ то въ любовную связь, страшно возревновалъ, вспылилъ и, внѣ себя отъ гнѣва, застрѣлил измѣнившую ему жену. И вмѣсто Іерусалима онъ долженъ былъ отправиться въ ближайшую тюрьму. Въ тюрьмѣ Боривой вскорѣ познакомился съ назаренами и присоединился къ ихъ вѣрѣ. Со всей страстностью своей натуры предался Боривой новой сектѣ. Онъ,—преступникъ въ глазахъ всѣхъ,—быстро сдѣлался любимымъ „братомъ“ назаренъ, которые, зная о его поступкѣ, не оттолкнули его, а, наоборотъ, всѣми силами своими старались облегчить ему мученія совѣсти и помочь искупительной жертвой найти силы и возможность жить дальше болѣе свѣтло и радостно.

Какъ извѣстно, назарены всѣ грамотны, такъ какъ они должны, по уставу своей организаціи, умѣть читать священное писаніе. Боривой былъ неграмотенъ. И вотъ здѣсь то, въ тюрьмѣ началось первое образованіе Боривоя и первымъ его учителемъ былъ Лазарь, молодой крестьянинъ сосѣдней деревни, заключенный въ тюрьму на полгода за то, что въ кабакѣ онъ бутылкой ранилъ въ голову одного своего односельчанина за его издѣвательства и насмѣшки надъ нимъ, хотѣвшимъ, было, оставить секту назареновъ по семейнымъ, крайне тяжелымъ обстоя-

тельствамъ. Это происшествіе было на пользу Лазарю; его поколебавшійся характеръ, чуть, было, не увлекшій его на стезю компромисса, вновь окрѣпъ, и Лазарь въ тюрьмѣ съ новой страстью принимается за дѣло пропаганды. Назарены глубоко почитаютъ Лазаря за его умъ и знаніе „писанія“, а окружающій народъ прозвалъ его „назаренскимъ епископомъ“.

Лазарь кончилъ свое наказаніе, а Боривой, приговоренный на 3 года тюремнаго заключенія, оставшись одинъ, весь отдался дѣлу пропаганды ученія назареновъ среди арестантовъ. Характеръ Боривоя сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался назареномъ. Страсти его улеглись и на его примѣрѣ мы видимъ реализацію принциповъ назаренской нравственности: „страсти туши. Мирскихъ благъ ради не пой, не плачь, не радуйся и не грусти, а будь всегда спокоенъ, твердъ и мужественъ. Совершай добро и бѣги отъ зла“,—такъ рекомендуетъ поступать назаренское ученіе ¹⁾.

Чтобы покончить съ вопросомъ о распространенности назареновъ въ Венгрии, мы приведемъ здѣсь наиболѣе подробное и, какъ намъ кажется, наиболѣе точно составленное сообщеніе о численности и мѣстахъ распространенія назареновъ. Оно принадлежитъ Душану Маковицкому, который на стр. 14 и слѣд. уже цитированной нами книжечки пишетъ: „особенность распространенія назареновъ та, что какъ только гдѣ нибудь они достигнутъ большаго числа, они перестаютъ распространяться. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ назаренство существуетъ 10—20 лѣтъ, оно утрачиваетъ вліяніе. Говорятъ, что это происходитъ потому, что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ больше и толкователей писанія, и тѣмъ больше несогласій. Въ католическомъ городкѣ Старой Бечи въ началѣ 70-хъ годовъ 200 семей присоединилось къ назаренамъ, въ концѣ же 80-хъ годовъ тамъ было всего 2—3 человѣка изъ этой секты.

„Больше всего назареновъ, кажется, на лѣвѣмъ берегу Тисы, за Марушей и между ней и Керешами. Затѣмъ въ Бачкѣ, Сремѣ. Въ бывшей Военной Гранидѣ почти нѣтъ лютеранскаго или реформатскаго прихода, гдѣ бы назарены не имѣли своего собранія.

„Населеніе тѣхъ краевъ по народностямъ очень смѣшанное: мадьяры, нѣмцы, румыны, сербы живутъ на этомъ пространствѣ приблизительно въ равномъ количествѣ (около 750 тысячъ каждый), около 100 тысячъ словаковъ; кромѣ того: болгары, цыгане, греки, русины и евреи.

„Назареновъ, вѣроятно, болше всего между мадярами, сербами и словаками, меньше между румынами и еще меньше между нѣмцами.

„Количество всѣхъ назареновъ неизвѣстно имъ самимъ, правительство-же умалчиваетъ о нихъ въ статистическихъ свѣдѣніяхъ.

¹⁾ Свѣдѣнія о Боривой и Лазарѣ мы почерпнули изъ фельетона Юсифа Голечека, напечатанномъ въ газетѣ „Národní Listy“.

О количествѣ ихъ можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ: мадарскія назаренскія книги пѣсенъ появились до 1880 года въ четырехъ изданіяхъ, сербскія до 1886 года—въ двухъ, словенскія до 1894 года въ двухъ—(второе изданіе въ 4.000 экземплярахъ). Въ 1892 году одна пештская газета сообщила, что между рекрутами того года было 210 назареновъ, отказавшихся взять ружье въ руки, это были почти одни сербы изъ Бачки. Въ ноябрѣ 1895 году на Угорскомъ сеймѣ говорилъ Коложвари-Кишъ о нѣсколькихъ стахъ тысячъ назареновъ (вѣроятно, причисляя къ нимъ и баптистовъ, которыхъ смѣшиваютъ часто съ назаренами). Это сообщеніе кажется мнѣ преувеличеннымъ. Я думаю,—прибавляетъ Д. Маковицкій,—что число ихъ заключается между 30 и 80 тысячами, но менѣе 30 тысячъ едва ли.

„Насколько мнѣ извѣстно,—продолжаетъ Д. Маковицкій,—назаренство болѣе всего распространено въ слѣдующихъ уѣздахъ: Бачкѣ, Варанянскомъ, Бекемскомъ, Бигарскомъ, Боршодскомъ ¹⁾, Чанадскомъ, Чонградскомъ, Яенадокунсолнодскомъ, Ородскомъ, Пенетянскомъ, Силадскомъ, Темешскомъ, Тронтальскомъ. Мѣстами въ Семиградіи и за Дунаемъ. Въ сѣверной Венгріи, насколько мнѣ извѣстно, назарены есть только въ Липтовскомъ уѣздѣ (деревня Порубка—6 женщинъ и 3 мужчины), въ Новоградскомъ (дер. Угорско) и, можетъ быть, въ Спишскомъ уѣздѣ. Въ Хорвато-Силавонской землѣ назареновъ больше въ Сремскомъ уѣздѣ. Въ Босніи назарены тоже имѣютъ свои общины. Въ Сербіи въ 1891 г. было 80 назареновъ-рекрутовъ, отказавшихся служить съ оружіемъ въ рукахъ. Въ Америкѣ (въ Соединенныхъ Штатахъ) было, по статистическимъ свѣдѣніямъ 1886 года, 45.000 назареновъ. Туда и въ Канаду переселяются они изъ Венгріи. Въ Венгріи назаренство въ концѣ 80-хъ годовъ XIX ст. очень распространилось между сербами (православными), теперь очень распространяется между румынами (православными). Между мадярами, говорятъ, перестаетъ распространяться, но,—прибавляетъ Маковицкій,—этому противорѣчатъ многія свѣдѣнія.

„Слабѣе всего и въ немногихъ мѣстахъ назаренство распространено между католиками, больше же всего, кажется, между кальвинистами (мадярами). Въ словенской лютеранско-католической общинѣ Падиной есть 300—400 назареновъ, но никто изъ нихъ ранѣе не былъ католикомъ“.

Таковы частныя, официальные и газетныя свѣдѣнія о распространеніи этой секты.

Антонъ Уйялки, изслѣдовавшій назареновъ, даетъ намъ очень интересную картину *соціальной подкладки* успѣха дѣятельности назаренскихъ пропагандистовъ.

¹⁾ Въ Боршодскомъ уѣздѣ назаренство распространилъ въ деревнѣ Капосташь-Сирмашъ крестьянинъ А. Сабо, котораго за его усердіе заперли въ домъ для умалишенныхъ, но, убѣдившись, что онъ здоровъ, выпустили.

Прим. Д. Маковицкаго.

„Высокостоящее солнце,—пашеть онъ,—леть свои горячіе лучи на безконечную равнину. На краю луга стоитъ косарь, опершись на свою косу. Онъ только что кончилъ свою полосу и хочетъ немного отдохнуть. Онъ снялъ широкополую шляпу и рукавомъ изъ толстаго домашняго холста проводитъ по лицу, чтобъ отереть потъ; потомъ оглядываетъ взоромъ обширную равнину. Передъ нимъ тянутся ряды однообразныхъ полосъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, кормовыми травами и корнеплодными растеніями. Изъ всего этого ему лично ничего не принадлежитъ; онъ только бѣдный поденщикъ, который долженъ скосить эту луговину; да притомъ и поденная плата очень не велика. Прежде житье все-таки было лучше; на Тиссъ и другихъ рѣкахъ строили громадныя плотины, и много лѣтъ тысячи людей находили себѣ тамъ хорошей заработокъ. Теперь все кончено и бѣдный рабочій долженъ искать себѣ заработка только въ полевыхъ работахъ. Но хотя у него ничего нѣтъ, кромѣ косы и пары сильныхъ рукъ, все-же онъ молитъ небо ниспослать благословеніе на посѣвы, потому что, если ничего не вырастетъ, у бѣдняка не будетъ работы и наступитъ тяжелая нужда. На краю горизонта видѣется нѣсколько колоколенъ, тамъ—городъ. Загрубѣлое лицо косаря омрачается, о городѣ онъ и слышать не хочетъ, ничего хорошаго оттуда не ждетъ. Когда на одинокомъ хуторѣ появляется городскоіи чиновникъ, нужно ожидать чего нибудь недобраго.

— Если вы до такого-то срока не уплатите податей, то...

— Послѣ завтра вашъ сынъ долженъ явиться... въ пріемную комиссію...

— У такого-то украденъ поросенокъ, на васъ падаетъ подозрѣніе,—извольте явиться въ судъ...

Или:

— Въ воскресенье будетъ избираться новый депутатъ, приходите въ городъ съ флагами, музыкой, и всѣми способами выражайте свою радость; человѣкъ, за котораго будутъ подаваться голоса, очень умный господинъ, онъ умѣетъ говорить хорошія рѣчи...

Всѣ соблазны находятся въ городѣ, а за его чертой ничего, кромѣ труда и бѣдности. Когда почувствуется въ домѣ недостатокъ хлѣба, бѣднякъ можетъ послать свою дочь въ городъ въ няньки; тамъ она современемъ сдѣлается горничной, но можетъ дойти и до званія кормилицы...

Вотъ мысли, которыя бродятъ въ головѣ бѣдняка-косаря¹⁾,—прибавляетъ Антонъ Уйялки.

И вотъ къ такимъ-то „косарямъ“, очень часто стоящимъ на границѣ полной пролетаризаціи, и обращаютъ свою рѣчь пропагандисты назаренской секты. Они объединяютъ ихъ, организуютъ въ общества и союзы, развиваютъ среди нихъ чувство солидар-

¹⁾ Цитировано въ статьѣ Л. Пантелѣева „Назаренъ въ Венгріи“ („Русское Богатство“).

ности и взаимопомощи, разъясняютъ имъ согласно своему разумнѣю смыслъ и цѣль жизни.

Очень интересенъ и многознаменателенъ фактъ, сообщенный въ 1898 г. въ одномъ изъ январскихъ нумеровъ газеты „Budapesti Hirlap“. Въ статьѣ подъ названіемъ „Соціалисты и назарены“ сообщалось: „Изъ Бекешъ-Чабы намъ пишутъ: извѣстно, что назарны обыкновенно сходятся ночью на свои религиозныя собранія. На югѣ Венгріи, какъ извѣстно, существуетъ законъ, регламентирующий право собраній, почему власти особенно зорко слѣдятъ за назаренами, такъ какъ ихъ собранія являются противозаконными. Кромѣ того, властямъ хорошо извѣстно, что назарены на своихъ тайныхъ собраніяхъ не занимаются только религиозными и догматическими вопросами, но, главнымъ образомъ, бесѣдуютъ и знакомятся съ разными *соціалистическими и коммунистическими* ученіями ¹⁾).

„Исправникъ Страка,—продолжаетъ газета,—издалъ приказъ, чтобы назарены болѣе не смѣли собираться по ночамъ на собранія. Но назарены все-таки продолжаютъ свои ночныя собранія, громогласно заявляя, что они не позволяютъ никому дѣлать имъ предписанія въ дѣлахъ ихъ совѣсти. Здѣсь они не хотятъ повиноваться никакимъ законамъ, никакимъ властямъ и ихъ можно скорѣе уничтожить, чѣмъ подчинить. Только грубое насиліе можетъ помѣшать имъ въ ихъ желаніи собираться. И дѣйствительно мы очень часто видимъ, что вооруженные жандармы врываются въ назаренскіе дома, арестовываютъ сектантовъ и отправляютъ ихъ подъ конвоемъ въ тюрьмы. Но назаренство все-таки,—прибавляетъ газета,—очень сильно распространяется и интересно то, что главные *очаги этой секты находятся среди крестьянъ-соціалистовъ*“ ²⁾).

„Въ Арадѣ,—пишетъ далѣе газета,—какъ сообщаетъ специальная телеграмма, состоялось епископальное засѣданіе, на которомъ обсуждался вопросъ, какія нужно принять мѣры, чтобы воспрепятствовать распространенію соціализма и назаренства среди румынъ“.

Есть также и другіе подтвержденія того несомнѣннаго факта, что соціалистическія ученія находятъ весьма благодарную и подготовленную почву среди тѣхъ крестьянъ, которые раньше были затронуты сектантской пропагандой.

Утвержденіе корреспондента „Budapesti Hirlap“, что главные очаги секты назареновъ находятся среди крестьянъ-соціалистовъ, конечно, нужно понимать въ обратномъ смыслѣ, т. е. что среди тѣхъ деревень, гдѣ ранѣе распространялось сектантское ученіе, соціалистическая пропаганда, ясно формулировавшая требованія и желанія пролетаризирующагося крестьянства, нашла много послѣдователей, хорошо укоренилась, превративъ крестьянъ-сектан-

1) Курсивъ газеты.

2) Курсивъ газеты.

товъ въ крестьянъ-соціалистовъ. Именно на такой ходъ и положеніе вещей указываютъ многіе другіе наблюдатели развитія жизни назаренскихъ общинъ.

IV.

Въ чемъ же заключается собственно ученіе сектантовъ-назареновъ? Попытаемся дать на этотъ вопросъ болѣе или менѣе ясный отвѣтъ ¹⁾.

Основу своей вѣры назарены почерпаютъ, главнымъ образомъ, въ Новомъ Завѣтѣ. Нагорную проповѣдь принимаютъ дословно. Они говорятъ православнымъ: „мы знаемъ Евангеліе наизусть и толкуемъ его подъ влияніемъ святаго духа“ ²⁾.

Ветхій Завѣтъ они тоже признаютъ, но онъ у нихъ имѣетъ болѣе историческое значеніе, чѣмъ догматически-законодательное. Больше другихъ частей изъ Стараго Завѣта они любятъ псалмы Давида, пророковъ Ісаія и Іеремію.

Въ 50-хъ годахъ липтовскіе назарены признавали одинъ Новый Завѣтъ, а Ветхимъ даже не интересовались. Кромѣ библіи, назарены употребляютъ на своихъ моленіяхъ книгу пѣсней, называющуюся „Сіонская Арфа“. Эта книга содержитъ въ себѣ псалмы Давида, англо-баптистскіе, фрѣлиховы, протестантскіе (Трановскаго) и другіе.

Назарены учатъ, что христіанская религія духовная, и потому они признаютъ только духовное, внутреннее почитаніе и служеніе Богу „духомъ и истиной“. На этомъ основаніи они отвергаютъ храмы, обряды, тѣлесный постъ, „тѣлесный крестъ“ т. е. крестное знаменіе. Признаютъ только одинъ „крестъ“, помогающій, по ихъ мнѣнію, совершенствоваться человѣку—это терпѣніе и страданіе. Терпятъ преслѣдованія за вѣру—самое вѣрное доказательство несенія креста. Несеніе же „креста“, который они называютъ „Христовымъ“,—признаютъ главнымъ закономъ жизни, который реализуется въ постоянномъ отреченіи отъ себя во имя пропаганды и „защиты вѣры“, но это

¹⁾ При составленіи этой и слѣдующей главы мы пользовались источниками: 1. „Nazarénové v Uhrách“ Dušan'a Makovick'аго; 2. Evangelimänner in Ungarn, Armin'a Schwarz'a (газета „Pester Lloyd“, 1897 г.); 3. „Назарены въ Венгріи“, Л. Пантелѣева „Русское Богатство“; 4. „Среди Назаренъ“, воспоминанія А. Шкарвана; 5. „Назарены въ Венгріи“ рукопись и замѣтки Д. Маковицкаго; 6. „О назаренизмѣ“ свящ. Демича; 7. „Назаренство, Негова историја и сущина“, Влад. Димитріевича; 8. Seberiny „Die Sécete der Nasarener in Ungarn“; 9. „A nazarénusok nálám“ Mor Iókai въ газетѣ „Magyar Hirlap“ 1897 г.; 10 и 11. Корреспонденціи и сообщенія въ газетахъ „Budapesti Hirlap“; „Magyar Hirlap“; „Egytértés“; „Národní Listy“; „Besztercebánya és vidéke“; „Opravdovy křestan“ „Národní Noviny“ „Pensée Libre“; 12. А. Шкарван „Mor reus“. Считаемо необходимымъ поблагодарить здѣсь доктора А. Шкарвана, который любезно согласился перевести на русскій языкъ сообщенія изъ венгерскихъ и чешскихъ газетъ.

Прим. В. О.

²⁾ Назарены принимаютъ *весь текстъ* евангелія, но *обыняютъ* непонятныя имъ мѣста.

Прим. В. О.

отречение не должно быть пассивнымъ созерцаемъ окружающаго міра, но, наоборотъ, оно должно всегда сопровождаться напряженной „дѣятельной любовью“, проявляющейся всегда, вездѣ ко всему живущему въ мірѣ.

Отрица гѣлесный постъ, назарены признаютъ весьма необходимымъ и дѣйствительнымъ „постъ духовный“, т. е. воздержаніе отъ раздраженія, волненій, отвѣтовъ на обиды, пустословія, смѣха, шутокъ и пр. и пр. Подобное „нравственное воздержаніе, по ихъ мнѣнію, создаетъ серьезное настроеніе въ человѣкѣ, когда онъ можетъ провѣрить себя и совершить новую работу духа“, т. е. углубиться въ созерцаніе природы, евангельскихъ ученій, въ созерцаніе всѣхъ явленій жизни, которыя идутъ мимо него и мимо которыхъ проходятъ онъ самъ.

Спасеніе, по ихъ мнѣнію, достигается вѣрою въ ученіе Христа и соответствующими постъпками. Ученіе Христа можетъ понять только тотъ, кого освѣтитъ духъ святой, духъ правды; это и есть „милость Божія“. Но спасеніе не достигается, если человѣкъ не работаетъ самъ надъ собой; для спасенія человѣкъ „долженъ упражнять себя въ правдѣ и познаніи Бога“.

Совершенно отрица необходимость для молитвы „храмовъ Божіихъ“, назарены въ подтвержденіе своей правоты всегда приводятъ то мѣсто Евангелія, гдѣ говорится: „и когда молишься, не будь какъ лицемеры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, чтобы показаться предъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою, и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, который тайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явное“¹⁾.

Къ храмамъ всякихъ вѣроисповѣданій назарены относятся пренебрежительно „Богъ не живетъ въ церквахъ, построенныхъ рукой человѣческой“,—говорятъ назарены. Церковь же Христова находится не въ храмахъ, а въ людяхъ. Она состоитъ изъ однихъ „вѣрующихъ“, „перерожденныхъ“, т. е. назареновъ. Глава же церкви—Христосъ. Изъ людей никто не благъ, всѣ въ той или иной мѣрѣ грѣшны. Благъ же только одинъ Богъ; на этомъ основаніи назарены совершенно не признаютъ святыхъ. Единымъ посредникомъ между небомъ и землей они считаютъ Христа, опираясь при этомъ на первое посланіе къ Тимофею, во второй главѣ котораго говорится: „единъ Богъ, единъ посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Иисусъ“²⁾.

На этомъ же основаніи назарены отвергаютъ все духовенство и іерархію. Священниковъ назарены, конечно, не имѣютъ и въ богословской учености не видятъ никакой надобности. „Ученость князей (священниковъ) намъ замѣняетъ „Божья милость“,—говорятъ обыкновенно назарены. „Апостолы тоже не были учеными

1) См. Евангеліе Маттея, гл. 6, ст. 5 и 6.

2) См. Первое посланіе къ Тимофею, гл. 2, ст. 5.

людьми, однако, удостоились подвинуть дѣло Божье“,—объясняютъ свое нежеланіе учиться назарены.

Къ правительственнымъ школамъ относятся совершенно отрицательно и обучаютъ грамотѣ другъ друга сами. Школы называютъ „дьявольскими паренисками“—мѣсто, гдѣ рождаются дьяволы...

Отрицая іерархію и священнослужителей, назарены тѣмъ самымъ устанавливаютъ принципъ свободной пропаганды „слова Божія“, т. е. своего ученія со всѣми тѣми толкованіями и выводами, которые они дѣлаютъ изъ Евангелія. И дѣйствительно всѣ назарены „сами себѣ священники“, т. е. просвѣщаютъ всѣхъ въ своей вѣрѣ. Толковать и разъяснять священное писаніе можетъ и долженъ *только* мужчина, на томъ простомъ основаніи, что самъ Іисусъ Христосъ избралъ себѣ въ апостолы исключительно мужчинъ, и ни одной женщины. Женщины же имѣютъ право „разсказывать“ свое исповѣданіе вѣры. Назарены отрицаютъ также мощи, всякія реликвіи и пр. Относительно мощей они говорятъ, что въ Евангеліи нигдѣ не сказано, что живые должны молиться за мертвыхъ, а тѣмъ болѣе поклоняться имъ.

Отношеніе къ Христу у назареновъ не у всѣхъ одинаково: одни считаютъ его за Бога, воплотившагося въ человѣческій образъ, другіе же отрицаютъ такое воплощеніе. Такъ, на одномъ изъ собраній,—какъ свидѣтельствуеетъ Seberiny,—назарены, бесѣдовавшіе съ приходшимъ къ нимъ священникомъ, сказали ему: „мы такіе же святые, безпорочные, какъ Христосъ или Павелъ“. Изъ этихъ словъ видно, что нѣкоторые назарены признаютъ Христа не за Бога, а за человѣка. Вообще же въ массѣ назарены вѣрятъ въ Троицу и въ Бога-Христа.

Принципъ „непротивленія злу“ понимаютъ въ буквальномъ смыслѣ. Основываютъ это свое пониманіе на Евангеліи и цитируютъ стихъ 39, 5 главы отъ Маттея: „А я говорю вамъ: не противься злomu“, при чемъ считаютъ, что *злу* нельзя противиться *зломъ*, а добромъ, любовью, убѣжденіемъ не только можно, но должно противиться всякому „истинному христіанину“, т. е. назарену. Это свое утвержденіе также почерпаютъ въ Евангеліи, въ которомъ на мадарскомъ языкѣ 39 стихъ 5 главы Маттея переведенъ такъ: „álljatok ellent rosznak a rosszal,“ что значитъ: „не противьтесь злу зломъ“. Подъ „зломъ“ назарены понимаютъ всякое насиліе человѣка надъ человѣкомъ. Удерживаясь отъ зла, назарены прежде всего воздерживаются отъ насилія.

Зная этотъ принципъ назареновъ, многіе изъ любителей сильныхъ ощущеній и издѣвательства надъ другими совершаютъ ужасныя насилія надъ назаренами, испытывая ихъ терпѣніе. Такъ Вл. Димитріевичъ разсказываетъ объ одномъ ему извѣстномъ случаѣ, когда подговорили какого-то забулдыгу бить атлета-назарена. Забудыга долго билъ назарена, но тотъ не защищался, хотя однимъ ударомъ могъ бы положить его на мѣстѣ.

Праздниковъ, кромѣ воскресенья, назарены не соблюдаютъ.

По воскресеньямъ не работаютъ, хотя и это правило для нихъ не обязательно. Они считаютъ, что „всѣ дни равны“. Во многихъ мѣстахъ, однако, назарены также не работаютъ ни въ католическіе, ни въ протестантскіе праздники. Поступаютъ такъ для того, чтобы не возбуждать къ себѣ вражды окружающаго населенія.

Назаренское ученіе совершенно запрещаетъ клясться и присягать. Этотъ принципъ назарены проводятъ въ жизнь съ немумолимой послѣдовательностью; ни въ судѣ, ни въ частной жизни, ни во время опредѣленія на военную службу назаренъ, ни подъ какими угрозами, не станутъ присягать.

Изъ „тайнствъ“ назарены признаютъ только два: крещеніе и причащеніе.

Крещеніе водное они признаютъ, какъ знакъ, признакъ вступленія въ ихъ „братство“. Въ „братство“ они принимаютъ только взрослыхъ, по полной волѣ и охотѣ. Дѣти назареновъ еще не считаются назаренами. Когда они вырастутъ, „войдутъ въ полный разумъ“, они могутъ присоединиться къ „братству“; до тѣхъ же поръ, пока они сами этого не захотятъ, ихъ не считаютъ назаренами. Крещеніе водное совершается въ различный возрастъ; по большей части надъ вполне взрослыми, но бывали и бывають случаи, когда крестятъ между 7—14 годами; крещеніе въ такомъ юномъ возрастѣ надо считать отступленіемъ отъ правилъ назаренскихъ братствъ, а никакъ не постояннымъ, съ точки зрѣнія назареновъ, законнымъ явленіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водное крещеніе, обыкновенно совершаемое въ рѣкѣ, абсолютно отрицается назаренами, какъ ни къ чему не нужный обрядъ.

„Вѣра наша крѣпка не обрядами и словами, а дѣлами и поступками“,—говорятъ эти наиболѣе крайніе сектанты. „Крещеніе“ они понимаютъ въ духовномъ смыслѣ. „Чтобы быть истиннымъ христіаниномъ“,—говорятъ они,—„нужно все свое прошлое забыть и отбросить тогда, когда становишься на новый путь жизни, когда совершенно свободно становишься членомъ общества вѣрующихъ, когда ты чувствуешь и твердо знаешь, что ты во Христѣ переродился. Въ этомъ перерожденіи духа, въ этомъ ощущеніи истины и заключается наше крещеніе“.

Относительно тайнства причащенія, прежде всего, приходится сказать то же, что и о тайнствѣ крещенія. У назаренъ на этотъ счетъ строго опредѣлившагося взгляда нѣтъ. Въ разныхъ общинахъ они придерживаются разнаго. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наиболѣе крайніе назарены совершенно отрицають тайнство причащенія.

Другіе назарены признають причащеніе только какъ символъ, напоминаніе о крестныхъ страданіяхъ Христа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайнство причащенія только теперь проникаетъ къ назаренамъ подъ вліяніемъ баптистовъ. Но до сихъ поръ всѣ назарены, признавшіе это тайнство, всегда соглашались между собой въ одномъ, „что причащеніе намъ нужно,“—говорятъ они,—

не на то, чтобы Богъ черезъ него грѣхи прощалъ намъ, а для того, чтобы оно напоминало намъ о Христовой смерти“.

Вообще, надо замѣтить, что свѣдѣнія о значеніи этихъ обоихъ таинствъ для назареновъ очень скудны, такъ какъ они очень неохотно говорятъ о нихъ, такъ же, какъ и объ обрядѣ брака, о которомъ мы расскажемъ нѣсколько ниже. Въ общемъ же, можно сказать, что эти оба таинства, повидимому, не играютъ существенной роли въ жизни назаренскихъ общинъ.

„Возрожденію снова“ назарены придаютъ огромное значеніе, а потому прежде, чѣмъ вступить въ ихъ „братство“, „просвѣщенный“ долженъ пройти иногда весьма долгій искусь,

Тотъ, кто становится назареномъ,—пишетъ Д. Маковицкій,— всегда проходитъ черезъ „назаренскую горячку“, т. е. черезъ особенное состояніе восторга, при которомъ только духовные интересы занимаютъ человѣка, обычную же работу онъ дѣлаетъ только такъ, по необходимости. Вотъ въ этомъ то состояніи новообращающійся долженъ совершить двоякій путь покаянія: внутренній и внѣшній.

Внутреннее покаяніе заключается въ томъ, что готовящійся стать назареномъ долженъ „уединиться въ міръ“, „остаться самъ съ собой“, не взирая на всѣ внѣшнія обязанности, которыя онъ долженъ исполнять по тѣмъ или инымъ причинамъ. Вдумываясь въ свою жизнь, въ свое прошлое, неофитъ разбирается въ самомъ себѣ, критикуетъ самъ свою жизнь и налагаетъ самъ на себя тѣ или иные „бремена“, которыя могутъ помочь ему избавиться отъ своихъ недостатковъ, очиститься отъ пороковъ, чтобы стать, наконецъ, на „истинный путь праведной жизни“.

Покаяніе внѣшнее заключается въ томъ, что новообращающійся долженъ самолично покаяться передъ всѣми тѣми, кому онъ сотворилъ зло въ своей жизни „дѣломъ, словомъ или помысленіемъ“.

Исполненіе этого акта очищенія совѣсти обязательно для каждаго назарена, и исторія этой секты отмѣчаетъ цѣлый рядъ трогательныхъ и мужественныхъ поступковъ, совершенныхъ этими „нововѣрами“.

Для иллюстраціи приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ такого „покаянія“:

Одна изъ венгерскихъ газетъ помѣстила на своихъ столбцахъ небольшую замѣтку подъ заглавіемъ „Назаренская совѣсть“. Въ этой замѣткѣ сообщалось: „На дняхъ въ Годъ-Мезѣ-Вашарчелѣ неожиданно обнаружили ужасныя подробности убійства, виновниками котораго были три подростка 17 лѣтъ тому назадъ. Одинъ изъ нихъ уже умеръ, двое выросли и развились въ мужчинъ полныхъ силъ и энергіи. Раскрылось это дѣло при слѣдующихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ: Въ прошлое воскресенье въ домъ Іосифа Кнапеца, Годъ-Мезѣ-Вашарчельскаго жителя, явился нѣкто Матвій Бартокъ, 33 лѣтъ отъ роду и сказалъ хозяйкѣ дома слѣдующее:

— Семнадцать лѣтъ тому назадъ я служилъ у васъ и тогда, сообщая съ вашими двумя сыновьями, съ Іосифомъ и Иваномъ, убилъ вашего младшаго сына, семилѣтняго Имру. Моя вѣра теперь не позволяетъ мнѣ болѣе молчать объ этомъ,—я назаренъ,— и я говорю вамъ эту ужасную вѣсть и прошу: простите меня!..

Устрашенная женщина сейчасъ-же побѣжала за полиціей, и Матвѣй Бартокъ былъ немедленно схваченъ, хотя онъ и не думалъ сопротивляться, и вмѣстѣ съ своимъ соучастникомъ, братоубійцей, былъ отведенъ въ тюрьму.

На первомъ допросѣ назаренъ разсказалъ слѣдующее:

— Въ 1879 году я служилъ у Кнапеца. У нихъ въ то время былъ младшій сынъ, больной, калѣка Имро, которому сами хозяева часто желали смерти и говорили, что если Господь взялъ бы его, они зарѣзали бы барана для поминокъ. Старшіе братья тоже очень не любили своего братишку-калѣку, постоянно сердились на него, такъ какъ должны были смотрѣть за нимъ. И вотъ однажды мы сговорились втроемъ придушить Имро.

Такъ и сдѣлали. Когда хозяева уѣхали въ городъ, два старшихъ брата стали душить Имро, но не сладили съ нимъ и позвали меня.

— Ну и послѣ?—спросилъ слѣдователь.

— Послѣ я пришелъ къ нимъ на ихъ зовъ, повалилъ мальчика на полъ, обмоталъ ему платкомъ горло и сталъ душить. Онъ сталъ задыхаться, хрипѣть и жалостливо смотрѣлъ на меня своими испуганными глазенками. Мнѣ стало какъ-то тяжело и жалко его. Я пересталъ душить, поднялся и сказалъ мальчикамъ:

— Вотъ видите, какъ нужно съ нимъ управляться, сейчасъ ему тутъ и будетъ конецъ.—Я ушелъ.

Мальчики сейчасъ же принялись за дѣло и придушили Имра. На третій день послѣ этого его похоронили, — такъ закончилъ свой ужасный разсказъ покаявшійся новообращенный назаренъ“.

Докторъ А. Шкарванъ разсказываетъ въ своихъ рукописныхъ воспоминаніяхъ слѣдующій случай, весьма характерный для назарена.

„Заходитъ однажды бѣдный мужикъ къ нѣкоему Антонію Палфи, управляющему Сегединскими хуторами.

Палфи сидѣлъ на крыльцѣ своего дома.

— Слава Іисусу,—говоритъ мужикъ, приподымая шляпу.

— Во вѣки слава,—отвѣтилъ Палфи.

— Ну,—говоритъ мужикъ,—узнаете-ли вы меня?

— Какъ-же, — отвѣчаетъ Палфи, — ты служилъ здѣсь лѣтъ пять тому назадъ...

— Вотъ, вотъ, — говоритъ пришедшій, радуясь, что его узнали.— Именно такъ... Я тотъ самый, который служилъ здѣсь лѣтъ пять тому назадъ... Съ тѣхъ поръ, правда, я не бывалъ здѣсь...

— Ну что-жъ, это не бѣда... Такъ что-жъ тебѣ нужно?

Мужикъ помялся на одномъ мѣстѣ и потомъ, какъ бы на-

бравши смѣлости, глядя прямо въ глаза своему прежнему хозяину, сказалъ:

— А вотъ дѣло такое было... Въ то время, сударь, я краль у васъ пшеницу... А теперь, какъ перешли мы въ новую вѣру, такъ вотъ пришелъ я къ вамъ: надо, думаю, оплатить вамъ убытки...

— Пшеницу краль?— недоумѣвая, переспросилъ взволнованный управляющій.

— Да, краль, вѣрно говорю вамъ, — тихо, смотря прямо въ глаза Антонию Палфи, сказалъ сектантъ.

Управляющій сталъ подробно спрашивать мужика, когда, какимъ образомъ краль онъ пшеницу.

— Дѣло было такъ, — рассказывалъ назаренъ, — шла молотба, а я на краю луга, подъ хуторомъ, вырылъ ночью яму, а днемъ носилъ въ нее пшеницу, носилъ сколько могъ.

Антонъ Палфи — старый уже человекъ и съ тѣхъ поръ, какъ окончилъ гимназю, все время живетъ на хуторѣ. Онъ хорошо знаетъ всѣхъ своихъ работниковъ, окрестныхъ крестьянъ, хорошо знаетъ ихъ нравы и очень удивленъ, какъ это днемъ, когда шла молотба, можно было совсѣмъ изъ подъ его носа украсть пшеницу. Онъ просто не вѣритъ этому.

— Да какъ же ты краль ее? Какъ ты могъ перетаскивать ее изъ гумна въ яму?.. Вѣдь, я-жъ неотлучно все время тамъ стоялъ...

— Въ голенищахъ, сударь мой, въ голенищахъ... Очень даже просто, — объяснилъ сектантъ и поспѣшно прибавилъ: — И такъ, что съ меня слѣдуетъ за краденную пшеницу?

— Я, братъ, не знаю, сколько ты ее тамъ накраль, — отвѣтилъ Палфи.

— Думаю, гульденовъ на пять, — сказалъ назаренъ, подумавши. — Такъ вотъ извольте получить... — И онъ, засунувъ руку во внутренній карманъ жилетки, вынулъ кошелекъ, досталъ изъ него аккуратно сложенную бумажку въ пять гульденовъ и положилъ ее на край стола.

Считая дѣло оконченнымъ, онъ попрощался съ изумленнымъ Антономъ Палфи и пошелъ со двора.

Открывая маленькую калитку, онъ оглянулся и сказалъ:

— Еще словечко позвольте спросить?

— Что скажешь?

— Да вотъ все насчетъ того... довольно-ли съ меня пяти гульденовъ за пшеницу-то вашу?

— Не знаю, братъ... — отвѣтилъ Палфи. — Совсѣмъ не знаю... Ты бралъ, ты и знаешь...

Назаренъ опять подошелъ къ столу, снова вынулъ кошелекъ и къ пяти гульденамъ приложилъ еще одинъ серебряный и, вполне спокойный, пожелавъ всякаго благополучія Антонию Палфи, вышелъ изъ его хутора.

Только послѣ такого всесторонняго искуса, продолжающагося

иногда долгіе годы, и доказательствъ „дѣлами“ преданности принципамъ новаго ученія, неофитъ принимается въ „братство“ на равныхъ правахъ со всѣми другими.

Всякаго „просвѣщеннаго“, т. е. присоединившагося къ „братству“, назарены называютъ между собой „братомъ“ и „сестрой“. „Братомъ“ и „сестрой“ называются тѣ, кто прошелъ все „покаяніе“, кто „умеръ для грѣха“, и только такой можетъ быть окрещенъ,—тамъ гдѣ крещеніе признается,—и вообще принять въ „собраніе Иисуса Христа“.

Другихъ, еще не принятыхъ окончательно, назарены называютъ „менѣе совершенными“, „пріятелями“, „пріятельницами“.

При обращеніи строго наблюдается, чтобы не было никакихъ уговоровъ и упрашиваній. Назаренъ свободенъ публично, вслухъ исповѣдовать свое ученіе и тѣмъ пропагандировать, но воздѣйствіе, путемъ настойчивости, считается невозволительнымъ, какъ одна изъ формъ нравственнаго насилія. „Пусть каждый читаетъ святое писаніе и сообразуетъ съ нимъ свои поступки и всѣ стануть „истинно вѣрующими“, говорятъ назарены и, конечно, какъ всѣ сектанты, подъ истинно вѣрующими подразумеваютъ самихъ себя.

Съ новыми членами назарены обходятся очень мягко и ласково и стараются сдѣлать ему все, чтобы въ новой обстановкѣ онъ нашелъ истинное удовлетвореніе.

Нерѣдко бываетъ, что изъ семьи переходитъ кто либо одинъ въ назарены: мужъ или жена. Замѣчено, что гдѣ въ назарены перешелъ только одинъ мужъ безъ жены, то этотъ переходъ не крѣпокъ. По большей части мужъ снова возвращается къ своей старой религіи. Но, наоборотъ, гдѣ жена сдѣлается назаренкой, безъ согласія и сочувствія мужа, тамъ по большей части и всѣ взрослые члены семьи переходятъ постепенно въ назаренство.

Часто бываетъ, что мужъ страшно преслѣдуетъ жену за ея „новую вѣру“, бьетъ палкой, мучаетъ, но никакія издѣвательства обыкновенно ни къ чему не приводятъ. Женщины-назаренки остаются твердыми и непоколебимыми. „Тѣло убьешь,—говорятъ они своимъ мучителямъ-мужьямъ,—а душу нѣтъ“.

Всѣ назарены организованы въ общины, „дружества“, „братства“.

Въ каждой общинѣ есть свой старѣйшина и, кромѣ него, нѣсколько проповѣдниковъ, а также 2 или 3 помощника старѣйшины, которые несутъ должность кассира, писца, на ихъ жо рукахъ находится дѣло призрѣнія бѣдныхъ и больныхъ. Каждый старѣйшина непременно посѣщаетъ хоть разъ въ годъ ближайшія общины, а то объѣзжаетъ и всѣ. Но, кромѣ такихъ объѣздовъ старѣйшинъ, общеніе между общинами весьма слабое. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ назарены держатъ „большое собраніе“, на которое съѣзжаются, по возможности, всѣ члены общинъ.

На такія собранія пріѣзжаютъ назарены изъ другихъ странъ, напимѣръ, изъ Голландіи, Америки, Австраліи, и ведутъ обсужденіе поставленныхъ вопросовъ черезъ переводчиковъ.

Въ каждой отдѣльной общинѣ установлена строгая дисциплина, связанная съ добровольнымъ подчиненіемъ распоряженіямъ старѣйшины. Старѣйшины отдѣльныхъ общинъ иногда сѣзжаются вмѣстѣ для обсужденія важныхъ вопросовъ дня, касающихся одинаково всѣхъ назареновъ. Въ старѣйшины обыкновенно попадаютъ наиболѣе уважаемые изъ назареновъ. Ихъ на эту должность уполномочиваетъ сама община. Между собой назарены различныхъ общинъ, чувствуя общую связь, живутъ мирно. Характерно, что духовное родство,—родство по вѣроученію,—они ставятъ гораздо выше родства по крови.

Бываютъ случаи, что кто либо изъ назаренъ собьется съ пути, опустится и начнетъ вести жизнь, пріятную „князю міра сего“ и отнюдь не согласную съ принципами назаренской нравственности. Если община убѣдится, что всѣ напоминанія своему „заблудшему брату“ ни къ чему не приводятъ, остаются совершенно бесполезными, то такого члена исключаютъ изъ общества. Самое исключеніе производится такъ: съ отвергнутымъ не разговариваютъ, при входѣ его въ собраніе перестаютъ пѣть или читать Евангеліе и, пока онъ находится среди нихъ, упорно молчатъ. Дѣлаютъ такъ до тѣхъ поръ, пока вчерашній назаренъ не уйдетъ изъ общины и не возвратится въ міръ, „полный суеты, соблазновъ и зла“.

Въ примѣненіи къ обыденной жизни принципы назаренскаго ученія реализуются въ слѣдующемъ: прежде всего они не дѣлаютъ никакой разницы между людьми по національностямъ, они являются самыми ярыми космополитами, за что много терпятъ отъ націоналистовъ—сербовъ, словаковъ и особенно венгерцевъ.

Государственнымъ законамъ находятъ возможнымъ подчиняться, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не идутъ въ разрѣзъ съ Евангеліемъ. Въ этомъ-то „но“—все дѣло. Согласно ихъ толкованію Евангелія, почти всѣ „законы человѣческіе“ никуда не годятся, назарены ихъ отрицаютъ и не подчиняются имъ.

Назарены не признаютъ судовъ и всячески избѣгаютъ ихъ. Не любятъ даже являться въ нихъ свидѣтелями. Надъ собой они признаютъ только одинъ судъ—„судъ Божій“—какъ говорятъ они,—выражающійся прежде всего „въ голосѣ своей совѣсти“. Отрицавъ всякую „мірскую человѣческую праведность“, которой нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, такъ какъ люди несовершенны, они находятъ, что всякія наказанія мірскія, за какія бы то ни было проступки и провинности,—совершенно ненужны, излишни, бесполезны, ничтожны и жестоки. „Лучше намъ самимъ, по своей волѣ, перенести несправедливость, чѣмъ судиться“,—говорятъ назарены и дѣйствительно они не идутъ въ судъ.

Въ 1895 г. у назареновъ было большое собраніе, на которомъ присутствовали представители почти всѣхъ общинъ, гдѣ обсуждался вопросъ: сдавать или нѣтъ подъ государственный судъ тѣхъ назареновъ, кто совершитъ какое либо преступленіе какъ до

вступленія въ ихъ общину, такъ и во время пребыванія въ ней. Было единогласно рѣшено, что назаренамъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до „суда міра сего“, и потому никогда въ такихъ случаяхъ назаренъ не долженъ обращаться къ суду.

На тѣхъ же основаніяхъ назарены рѣшили не употреблять гербовую бумагу и этимъ рѣшеніемъ они положили конецъ всякимъ тяжбымъ дѣламъ, денежнымъ осудамъ и пр.

Властей назарены не признаютъ и не считаютъ для себя возможнымъ брать какой бы то ни было официальный постъ. „Развѣ мы должны повиноваться законамъ, придуманнымъ людьми?—говорятъ назарены.—Лучше будемъ слушаться Бога, чѣмъ людей. Что противно св. писанію, тому мы не должны повиноваться“.

Гражданскія должности и обязанности исполняютъ весьма неохотно. Къ политическимъ правамъ равнодушны, потому что не видятъ никакого толка отъ обѣщаній депутатовъ. Однако, въ этомъ вопросѣ у нихъ нѣтъ единомыслія. Значительная часть назареновъ стоитъ за то, чтобы добиваться политическихъ гарантій, напримѣръ, полной свободы совѣсти, собраній и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выставляютъ своихъ кандидатовъ на выборахъ, напримѣръ, въ Семиградіи выставили кандидата въ сеймъ.

Подати считаютъ не праведными требованіями государства, но все-таки платятъ ихъ „изъ принужденія“, успокоивая свою встревоженную совѣсть тѣмъ, „что это лихо самъ Богъ напустилъ на насъ“. Платить подати считаютъ „старой дурной привычкой“, которая идетъ съ самага царя Давида, который тоже собиралъ подати и ему платили.

Г. Тури въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ назареновъ пишетъ, что часто случается, что назарены предоставляютъ властямъ силою собирать у нихъ имущество за невзносъ податей, сами же наотрѣзъ отказываются платить хотя бы одну копейку. То же самое происходитъ нерѣдко по отношенію къ церковнымъ податямъ, которыя, какъ мы уже указывали, они называютъ „бѣдой“. Г. Бюро пишетъ (въ 1870 г.), что и изъ за этой подати они ежегодно въ Бачкѣ подвергались и подвергаются жестокой экзекуціи.

Относительно имущества говорятъ такъ: „кому что Богъ далъ, пусть то и имѣетъ, но пусть не привязывается къ нему сердцемъ своимъ“.

Принципъ взаимопомощи очень сильно развитъ между назаренами. Во всякой бѣдѣ и несчастіи, каждый назаренъ знаетъ, что онъ не останется одинъ, что къ нему придутъ на помощь его „братья“ и сдѣлаютъ для него все, чтобы помочь и утѣшить его. Эта общая черта взаимопомощи—у наиболѣе крайнихъ назареновъ переходитъ къ стремленію *жить сообща*, на строго общинныхъ, коммунистическихъ началахъ. Д. Маковциій, Бюро и Тури неоднократно заявляютъ, что имъ хорошо извѣстно, что

назарены тайно проповѣдуютъ и нерѣдко осуществляютъ идею общности имущества. Между прочимъ, въ августѣ 1895 г. въ мадярскихъ газетахъ появилось извѣстiе изъ Бекешскаго уѣзда, что тамъ въ одной изъ деревень назарены поровняли имущество, сложили его все сообща и повели хозяйство, не признавая ни на что частной собственности. Впрочемъ, и здѣсь, какъ и вообще почти во всѣхъ сектантскихъ общинахъ подобнаго рода, наблюдается коммунизмъ потребления, а не коллективизмъ производства.

Назарены также прославились своей безупречной, постоянной и неподкупной честностью. Въ судахъ, куда ихъ вызываютъ въ качествѣ свидѣтелей, съ нихъ не требуютъ присяги—„все равно, вѣдь, и такъ правду скажутъ“,—говорятъ про нихъ судья.

„Нижеслѣдующую сцену, — пишетъ А. Шкарванъ, — я видѣлъ на судѣ присяжныхъ, гдѣ въ качествѣ свидѣтелей были призваны изъ деревни человѣкъ десять крестьянъ. Сначала, по обыкновенiю, вызвали всѣхъ къ присягѣ и девять ихъ нихъ дали присягу. Десятый, очень тихий и скромный старичокъ, шагнулъ впередъ и сказалъ:

— Прошу я почтенный судъ, чтобы мнѣ не присягать, потому я—вѣрующій.

Старика освободили отъ присяги.

Послѣ этого начался допросъ свидѣтелей. Они приходили изъ комнаты свидѣтелей, по одному, и каждый показывалъ то, что зналъ. По окончанiи допроса предсѣдатель спрашивалъ у свидѣтеля:

— Сколько заплатили за проѣздъ?

— Двадцать крейцеровъ.

— Значитъ, сюда и обратно сорокъ крейцеровъ.

— Да, — отвѣтилъ первый свидѣтель.

Слѣдующаго предсѣдатель спросилъ уже такъ:

— Желѣзная дорога сюда и обратно сорокъ крейцеровъ?

— Да, — подтвердилъ свидѣтель.

И такъ всѣ девять отвѣтили на вопросъ предсѣдателя своимъ тихимъ „да“.

Послѣднимъ былъ старикъ назаренъ. Старикъ рассказалъ, что зналъ, и, когда кончилъ, предсѣдатель спросилъ его:

— Желѣзная дорога сорокъ крейцеровъ?

— Нѣтъ, сударь, только двадцать, — отвѣтилъ сектантъ.

— Знаю, знаю, — сказалъ предсѣдатель, — сюда двадцать, обратно двадцать, — значитъ, всего сорокъ.

— Невѣрно, сударь мой, — возразилъ опять старикъ, — сюда десять, обратно десять, — всего выходитъ двадцать...

Мелкiй это фактъ, — прибавляетъ А. Шкарванъ, — и двугривенный—небольшой деньги въ наше время, но все-таки очень много характернаго въ томъ, что изъ десяти именно тотъ сказалъ правду, къю даже присягу не давалъ, что будетъ говорить правду“.

Подобные факты и рассказы во множествѣ разсѣяны по всей литературѣ о назаренахъ и даже враги ихъ не могутъ отказать имъ въ уваженіи за многія высокія качества ихъ характера и принциповъ нравственности.

Каждую недѣлю въ воскресенье и въ четвергъ назарены собираются на общественное моленіе ¹⁾. На моленіи могутъ присутствовать также и посторонніе люди, но ни въ коемъ случаѣ тѣ, кто исключенъ изъ общины. Хотя назарены и говорятъ, что „Богу надо служить въ духѣ—правдой и истиной, а не обрядами“, но, несмотря на это ихъ утверждение, у нихъ выработались свои опредѣленные обряды, и ихъ моленіе носитъ на себѣ ясныя отпечатки ритуала.

На моленіе назарены собираются въ частный домъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они имѣютъ нарочно для этого выстроенную хату—моленную; иногда собираются на открытомъ воздухѣ, гдѣ либо въ полѣ, въ оврагѣ, въ лѣсу. Сходятся тихо, безъ шума, незамѣтно, во многихъ мѣстахъ тайно. Собираются обыкновенно днемъ, но нерѣдко и по ночамъ.

Комната, гдѣ происходитъ моленіе, обыкновенно бываетъ просторная. Окна комнаты обращены во дворъ дома. Внутри комната чисто выбѣлена. Посрединѣ комнаты стоитъ крашеный столъ, на которомъ лежитъ Новый и Старый Завѣтъ. Направо и налево отъ стола—скамейки въ нѣсколько рядовъ. Направо садятся мужчины, налево женщины. Вѣрующіе раздѣляются на два разряда: на „братьевъ“ и „сестеръ“—они сидятъ въ переднихъ рядахъ, и на „друзей“ и „подругъ“, въ число которыхъ входятъ еще не совершившіе все „покаяніе“, или гости—посторонніе люди, пользующіеся довѣріемъ назареновъ. „Друзья“ и „подруги“ сидятъ въ заднихъ рядахъ. Кромѣ этихъ двухъ разрядовъ присутствующихъ на моленіи, изъ „братьевъ“ обыкновенно всегда выдѣляется одинъ или нѣсколько „пророковъ“, именемъ которыхъ называются тѣ, кто обладаетъ высшимъ дарованіемъ — ясностью и глубиной мысли, а также сильной возбудимостью религіознаго экстаза.

На стѣнѣ моленной всегда висятъ часы, какъ символъ времени, всего преходящаго и смертности человѣческой.

Возлѣ молитвенной комнаты нерѣдко находится пристройка съ двумя окнами, выходящими въ комнату для собраній; окна эти открыты, такъ что черезъ нихъ можно все видѣть и слышать. Пристройка эта специально предназначена для матерей, не могущихъ оставить дома своихъ малютокъ. Въ пристройку онѣ уходятъ, если ребенокъ заплачетъ или если нужно покормить, или перемѣнить его.

Въ воскресенье пища назарены не варятъ, такъ какъ стараются побольше быть вмѣстѣ. Нерѣдко матери своихъ дѣтей

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ общинахъ на моленіе собираются три раза въ недѣлю.

Прим. В. О.

оставляют дома безъ всякаго призора, лишь бы имѣть возможность присутствовать на собраніи.

Моленіе начинается съ того, что всѣ садятся на скамьи и сидятъ, опустивши голову, съ сложенными между колѣнами руками и молчатъ. Наступаетъ мертвая тишина. Иногда слышны вздохи. Бьетъ двѣнадцать часовъ. Старѣйшина, послѣ вступительныхъ словъ, проситъ отереть сборникъ „Сіонская арфа“. Сначала чтець прочитываетъ какой либо псаломъ, потомъ начинаютъ то же самое пѣть хоромъ. Поютъ иногда сначала порознь, каждый на своемъ родномъ языкѣ, а иногда всѣ разомъ на разныхъ языкахъ. Потомъ кто либо читаетъ Евангеліе и объясняетъ его, потомъ опять поютъ. Наконецъ, становятся всѣ на колѣни и молятся вслухъ, горько оплакивая свои грѣхи и какая другъ передъ другомъ. Во время моленія бываютъ продолжительныя паузы, „дабы душа познала Бога“—какъ говорятъ назарены.

Для того, чтобы читатель могъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о „моленіи“ назареновъ, приведемъ здѣсь описаніе одного такого моленія, сдѣланное, по нашей просьбѣ, докторомъ А. Шкарваномъ.

„Рано утромъ я пришелъ на вокзалъ, — пишетъ А. Шкарванъ, — гдѣ назаренъ, съ которымъ я условился ѣхать на собраніе, уже поджидалъ меня. Мы выпили по чашкѣ кофе и скоро сѣли въ поѣздъ. Въ вагонѣ мы встрѣтили двухъ „сестеръ“ назареновъ, тоже ѣхавшихъ на то же собраніе, что и мы. Онѣ съ ногъ до головы были одѣты въ черное. Съ моимъ спутникомъ встрѣтились очень привѣтливо, хотя, какъ мнѣ показалось, немного искусственно. Ихъ черезчуръ серьезные лица, изысканная почтительность, манера и содержаніе ихъ разговоровъ, важность осанки,—все напоминало мнѣ въ нихъ монахинь и казалось неестественнымъ и напускнымъ. Онѣ, повидимому, очень заботились о томъ, чтобы выказать себя не простыми, а какими то особенными, вѣчно благочестивыми женщинами. Но это, кажется, общая черта всѣхъ сектантовъ, сильно вредящая прежде всего имъ самимъ.

Послѣ пятичасовой ѣзды мы были на мѣстѣ. На станціи встрѣтилъ насъ назаренъ, у котораго было рѣшено на этотъ разъ собраться. Это былъ небрежно одѣтый, не высокаго роста, нѣмецъ, какъ я послѣ узналъ, человекъ весьма зажиточный, по профессіи машинный мастеръ. Съ нами, словаками, онъ заговорилъ на очень недурномъ словацкомъ языкѣ и повелъ насъ прямо въ свой домъ. Домъ былъ большой, каменный, двухъ этажный, съ длиннымъ рядомъ пристроенныхъ къ нему машинныхъ мастерскихъ. На дворѣ и въ домѣ вездѣ царилъ строгій порядокъ и чистота. Все свидѣтельствовало о практичности и энергіи хозяевъ.

Насъ ввели въ цѣлый рядъ большихъ, свѣтлыхъ комнатъ, очень простыхъ, но весьма солидно мебелированныхъ, впрочемъ, безъ всякихъ украшеній. Назарены всѣ уже прибыли. Народа

было немного—всего одиннадцать человекъ, большей частью все женщины. Кромѣ хозяина, остальные были словаки. Здороваясь, цѣловались другъ съ другомъ. Очевидно, они хорошо были между собой знакомы, и дружескимъ разпросамъ и сообщеніямъ не было конца. Очередь дошла и до меня. Стали расспрашивать про мою жизнь, про мои планы и намѣренія и было очевидно, что они принимаютъ меня за желающаго вступить въ лоно назаренства.

...Между тѣмъ былъ поданъ обѣдъ, сытный и вкусный. Но назарены ѣли очень умѣренно, соблюдая за столомъ молчаніе и торжественность, какъ будто они не просто ѣдятъ, а причащаются. Послѣ обѣда шла вольная бесѣда, главнымъ образомъ, о религіи, помню, не особенно интересная. Вскорѣ началось и моленіе.

Всѣ присутствующіе сложили руки, низко опустили головы и наступило гробовое молчаніе и длилось оно мучительно долго. Это они ждали сошествія святого духа. Наконецъ, духъ святой сошелъ и заговорилъ устами сапожника — моего спутника. Онъ началъ говорить импровизированную молитву, просто и очень прочувственно, такъ что пріятно было слушать. И если бы онъ оборвалъ ее послѣ первыхъ двухъ-трехъ фразъ, впечатлѣніе осталось бы сильное и хорошее. Но онъ продолжалъ и продолжалъ. Послѣ первыхъ же фразъ сейчасъ же черезчуръ увлекся, вошелъ въ экстазъ, сталъ говорить напыщенно и неясно, даже путаясь, повышеннымъ, сентиментальнымъ голосомъ, всхлипывая и проливая слезы. Все это мнѣ было очень непріятно. Вскорѣ мнѣ сдѣлалось просто скучно, хотя, повидимому, это чувствовалъ только я, невѣрующій, а „вѣрующіе“, судя по выраженіямъ ихъ лицъ, плачу и набожнымъ вздохомъ,—совершенно раздѣляли экстазъ оратора, очевидно, принимая его слова, какъ внушеніе самого духа святого. Молитва была страшно и непростительно длинна. Когда она, наконецъ, кончилась, хозяинъ роздалъ всѣмъ, и мнѣ въ томъ числѣ, по экземпляру спеціального назаренскаго молитвенника съ пѣснями, и началось пѣніе. Всѣ пѣли, пѣлъ и я, стараясь вникнуть въ смыслъ текста.

Но бѣда заключалась въ томъ, что пѣснь прочтешь не болѣе какъ въ пять минутъ, а поютъ ее долго, иную чуть-ли не цѣлый часъ. Было скучно, скучно и скучно. Однако, что мнѣ оставалось дѣлать? Встать и уйти? Я чувствовалъ, что этимъ я оскорбилъ-бы и въ высшей степени скандализировалъ-бы этихъ добрыхъ людей, поэтому я твердо рѣшилъ терпѣть и терпѣть до конца. Но это было очень трудно! Пѣсня слѣдовала за пѣсней и даже тексты пѣсней меня уже перестали интересовать. Я вѣдалъ неудержимо и томился ужасно. Отъ непривычнаго, продолжительнаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ въ запертой комнатѣ у меня стала кружиться голова, и я чувствовалъ себя несчастнымъ узникомъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе прямо блаженствовали. Пѣніе было прервано только ужиномъ и короткой вольной бе-

сѣдой послѣ ужина. Потомъ оно опять продолжалось. Какая это была пытка! Я страдалъ за чужую вѣру... Вылъ уже вечеръ. Прошло десять часовъ, и назарены, наконецъ, закрыли свои „сіонскія арфы“. Я обрадовался, думая, что мои страданія кончились. Но, увы!.. Послѣ нѣсколькихъ минутъ передышки сапожники съ умиленіемъ сказали: „вотъ эта пѣсня и есть настоящая пища души, она никогда не надоѣсть и никогда ею не насытишься... Давайте еще же, братья и сестрицы, споемъ вотъ эту чудесную прекрасную пѣсню“.

...И снова открылись „сіонскія арфы“, и снова пошла „духовная трапеца“, которую душа моя никакъ не хотѣла принимать.

Я невольно подумалъ про духоборцевъ, которые, говорятъ, часто пѣлыя ночи проводятъ за пѣніемъ псалмовъ—„небось, и тѣ святые тоже такъ мучаются“ — пронеслось у меня въ головѣ

Къ одиннадцати часамъ, наконецъ, кончилось пѣніе, и въ этотъ разъ въ серьезъ, и намъ стали готовить постели.

...Было еще очень рано, когда мы поднялись на другой день утромъ. Когда мы одѣлись, наѣлись, все-таки было еще очень темно на дворѣ, такъ что въ комнатахъ горѣли лампы. Мы снова сѣли за столъ, по-вчерашнему, съ „сіонскими арфами“ въ рукахъ, чтобы продолжать „славить Господа“.

Вскорѣ засіяло солнце на дворѣ. Бриллиантами заблестѣла замерзшая пелена. Меня такъ и потянуло туда, на холодъ, на свободу... Но я не рѣшался встать и уйти, не рѣшался показать собранію „святыхъ“, что мнѣ среди нихъ скучно и что я предпочитаю грѣшный міръ ихъ „праведному“ и набожному собранію. Такимъ образомъ, я опять просидѣлъ съ назаренами, пока не кончилось моленіе. Въ одиннадцать часовъ, въ той же компаніи, мы уѣхали изъ гостеприимнаго дома“.

Намъ остается теперь сказать еще объ обрядахъ при совершеніи брака и похоронъ.

Всякій „духовный“ братъ можетъ взять себѣ въ жены „духовную“ сестру. По своему выбору рѣдко кто изъ назареновъ беретъ себѣ жену. Это считается не только не нужнымъ, но и положительно вреднымъ. Влюбленіе и взаимное расположеніе считаются даже препятствіемъ къ браку, такъ какъ и то, и другое „распалаетъ“, „разжигаетъ“ человѣка, — какъ говорятъ назарены, — и лишаетъ его душевнаго равновѣсія и спокойствія, изъ которыхъ назаренъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ выходить ¹⁾. Вотъ почему невѣстѣ—жениха, или жениху—невѣсту обыкновенно выбираютъ старшіе въ семьѣ, при чемъ болѣе всего обра-

¹⁾ Въ протоколѣ полкового суда въ Франценфельдѣ отъ 8 апрѣля 1869 г.—сообщаетъ Д. Маковицкій—есть слѣдующее выраженіе допрашиваемаго назарена Ю. Трюмеля: „плотскія желанія съ той или другой стороны—грѣшны, и такой исключится черезъ это изъ собранія“.

Прим. В. О.

щается вниманіе на здоровье и на то, чтобы новая пара могла себя самостоятельно прокормить

Бракъ, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ согласія схода. Совершается онъ безъ всякихъ церемоній, безъ всякихъ торжествъ и пиршествъ.

Собраніе строго изслѣдуетъ, нравственъ-ли женихъ и можетъ ли онъ самъ содержать семью. Потомъ собраніе спрашиваетъ родителей обѣихъ сторонъ и невѣсту, желаетъ-ли она выйти замужъ за „этого брата“. Если невѣста согласна, то женихъ и невѣста вмѣстѣ заявляютъ собранію, что они хотятъ жить сообща, и тутъ же даютъ публично обѣтъ вѣрности. Одинъ изъ старшихъ „братьевъ“ желаетъ имъ отъ лица собранія „наилучшаго блага отъ Господа Бога“, и обрядъ „вѣнчанія“ законченъ. Новобрачные идутъ домой, держась рука за руку. По назаренскому закону мужъ не смѣетъ цѣловать жену.

Когда въ семьѣ родится ребенокъ, назарены тоскуютъ и сильно плачутъ, „такъ какъ,—говорятъ они,—бѣда въ томъ, что совершенно неизвѣстно, зачѣмъ дитя пришло въ міръ и будетъ ли отъ него „добро или зло“.

Дѣвушки, до замужества, одѣваются очень просто; не пляшутъ, не поютъ свѣтскихъ пѣсень, не сходятся съ парнями на гулянки и т. п. На головѣ всегда носятъ черный платокъ. Цвѣтами никогда не украшаются.

Похороны у назаренъ чрезвычайно просты. Умершихъ мѣстами хоронятъ священники тѣхъ церквей, изъ которыхъ они вышли, и назарены этому не препятствуютъ. Но въ большинствѣ случаевъ назарены хоронятъ своихъ умершихъ сами. Покойникъ кладется въ простой, некрашенный гробъ; на кладбище умершаго несутъ безъ молитвъ, безъ пѣнія. Впереди нѣсколько человекѣвъ идутъ съ лопатами. Знаковъ сожалѣнія о смерти „брата“ или „сестры“ выказывать не полагается. Плачъ и причитаніе по покойнику считаются просто неприличными, неуваженіемъ къ умершему. „Надо,—говорятъ назарены,—радоваться смерти, потому что его Богъ отозвалъ къ себѣ на вѣчную жизнь и упокоеніе“. Жены и матери, однако, все-таки не выдерживаютъ и сдержанно плачутъ. На это проявленіе жалости смотрится, какъ на человѣческую слабость, свойственную женщинамъ.

Закопавъ умершаго, назарены расходятся по домамъ и не устраиваютъ никакихъ поминокъ.

Назарены вѣрятъ въ воскресеніе мертвыхъ и говорятъ, что праведникамъ будетъ вѣчная жизнь, грѣшникамъ—вѣчная мука и адъ ¹⁾.

Изъ другихъ обрядовъ упомянемъ молитву передъ ѣдой и послѣ ѣды, утромъ и на ночь.

Другихъ какихъ-либо обрядовъ у назареновъ нѣтъ.

¹⁾ Что понимаютъ назарены подъ словами «вѣчная жизнь» и «вѣчная мука, адъ»—мы не могли выяснитъ съ точностью. Есть данныя, которыя позволяютъ сдѣлать предположеніе, что и то, и другое нѣкоторыми

Все учение назареновъ выработываетъ изъ нихъ людей аскетическаго образа жизни, рѣзко отличающихся отъ окружающихъ. Назаренъ, какъ мы уже говорили, не пьетъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, не куритъ, не нюхаетъ табакъ, не играетъ ни въ карты, ни въ какія другія игры, не поетъ свѣтскихъ пѣсенъ, не играетъ на инструментахъ, не танцуетъ, не участвуетъ ни въ какихъ праздникахъ, зрѣлищахъ и весельѣ.

Въ ѣдѣ очень умѣренъ. „Ядерницы“ — колбаса съ кровью и рисомъ, — совершенно не ѣстъ, „потому что кровь, — какъ говорятъ назарены, побуждаетъ къ грѣхамъ“. Со скотиной обходится ласково, человѣчно, никогда не изнуряетъ ее. Назаренъ никогда не смѣется, иногда только улыбается. Назаренъ всегда учтивъ, вѣжливъ, внимателенъ и спокоенъ. Встрѣчаясь съ „сосотрами“, „братьями“ или „пріятелями“, привѣтливо съ ними здоровается, снимая шапку, и спрашиваетъ о жизни. Со всякимъ духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ, а также съ „господами“ — помѣщиками, купцами и пр. — очень сдержанъ и холоденъ, часто совсѣмъ не здоровается, шапки передъ ними не снимаетъ никогда, а лишь иногда шевелитъ пальцами правой руки на груди, въ знакъ того, что онъ замѣтилъ прохожаго.

На всякіе вопросы назаренъ отвѣчаетъ прямо, безъ обиняковъ, кратко и категорично. Отвѣтивъ на вопросъ, очень не любитъ, чтобы его переспрашивали вторично. Считаетъ такое невниманіе неучтивостью и невѣжливостью; злословія и ругательства — (по свидѣтельству Д. Маковицкаго, національная мадярская дурная привычка) — отъ назарена не услышишь. При покупкѣ товаровъ никогда не торгуется и, продавая самъ не запрашиваетъ. Не дѣлаетъ долговъ и не даетъ въ долгъ, а помогаетъ безвозвратно. Всякое лихоимство, обманъ, воровство, взиманіе процентовъ и т. п. — все строго порицается у назареновъ. Если кто либо изъ назареновъ совершитъ подобное преступленіе и самъ не раскается и не вернетъ, положимъ, украденное, то мѣстное собраніе назареновъ изобличаетъ виновнаго публично и заставляетъ публично-же виниться передъ тѣмъ, кому нанесена обида или ущербъ, при чемъ всѣ убытки назаренъ долженъ покрыть немедленно.

Никакого оружія назарены съ собой не носятъ и при какихъ бы то ни было нападеніяхъ — не защищаются.

Военной службы не признаютъ. „Мы можемъ чистить ружье, ходить за больнымъ, — говорится въ одномъ назаренскомъ отвѣтѣ венгерскому министерству, — но не можемъ убивать“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Ольховской.

понимается какъ возмездіе въ „загробной жизни“; другими же, наоборотъ, — какъ „судъ совѣсти“ надъ человѣкомъ при его обыкновенной жизни. Самъ человѣкъ воленъ сдѣлать изъ своей жизни „рай“ и „адъ“, въ зависимости отъ своихъ поступковъ, образа мыслей и жизни.

Прим. В. О.

Женский вопросъ,

его историческое развитие и экономическое значеніе

Лили Браунъ, перев. съ нѣм. Ц: 2 р.—580 стр. больш. форм.

Содержаніе: I. Развитие женскаго вопроса до 19 вѣка и женскій вопросъ въ древности. Христіанство и женщины. Экономическое положеніе женщинъ. Положеніе женщинъ въ духовной жизни. Женщины въ эпоху Революціи. II. Экономическая сторона женскаго вопроса. Борьба за трудъ среди женщинъ буржуазіи. Главныя факторы буржуазнаго женскаго движенія. Профессіональная дѣятельность женщинъ съ принципиальной точки зрѣнія. Развитие пролетарскаго женскаго труда. Статистика женскаго пролетарскаго труда по послѣднимъ переписямъ. Современное положеніе работницъ. Женское рабочее движеніе. Отношеніе буржуазнаго женскаго движенія къ движенію работницъ. Соціально-политическое законодательство и его задачи

ИСТОРИЯ НОВѢЙШЕЙ ФИЛОСОФІИ.

Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней *проф. Г. Геффдингга*. Перев. съ нѣмецкаго. Ц: 2 р.—491 стр.

Содержаніе: Нѣмецкая просвѣтительная философія и Лессингъ.—Иммануилъ Кантъ и критическая философія.—Философія романтизма.—Кантъ и французская философія.—Дж. Ст. Милль и возрожденіе англійской философіи въ XIX вѣкѣ.—Эволюціонная философія въ Германіи отъ 1850 до 1880 г.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

В. Вундта. Перев. съ нѣмецк. *С Штейнберга* и *С. Львова*. 308 стр. Ц: 1 р. 25 к.

Содержаніе: Задача и система философіи.—Классификація наукъ.—Историческое развитіе философіи.—Греческая философія.—Христіанская философія.—Новая философія.—Основныя направленія философіи.—Гносеологическія направленія.—Эмпиризмъ.—Раціонализмъ.—Критицизмъ.—Метафизическія направленія.—Материализмъ.—Идеализмъ.—Реализмъ.—Этическія направленія.

Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи.

К. Покровскаго, съ 94 рис. ц: 1 р. 20 к.

Содержаніе: Наслѣдіе конца XVIII вѣка.—Развитіе наблюдательныхъ средствъ въ XIX стол.—Главнѣйшіе результаты, полученныя съ помощью визуальныхъ наблюденій.—Астрофотографія.—Астрофотометрия.—Спектральный анализъ.—Спектрографія.—Теоретическая астрономія.

Рабочій трудъ въ западной Европѣ.

Полный пер. со 2-го нѣмецк. изд. (Die Arbeiterfrage). Проф. Г. Геркнера. Ц. 3 руб.

Содержаніе: Критика современнаго хозяйственнаго строя съ точки зрѣнія экономической и соціальной.—Культурныя и политическія опасности современнаго строя.—Профессиональные союзы рабочих.—Дѣятельность рабочихъ союзовъ, преимущественно англійскихъ.—Критика дѣятельности рабочихъ союзовъ.—Страхованіе рабочихъ.—Законодательство объ охранѣ рабочихъ Благотворительныя учрежденія, основываемыя работодателями.—Потребительныя и производительныя товарищества.—Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ.—Квартирный вопросъ.—Алкоголизмъ и рабочій вопросъ.—Соціализмъ и коммунизмъ.—Государственный соціализмъ.—Движеніе въ пользу земельной реформы.—Христіанство и рабочій вопросъ.—Анархизмъ.—Соціальная политика коммунальныхъ учреждений.—Дарвинизмъ и соціальная политика.—Соціальное движеніе во Франціи.—Соціальное движеніе въ Англии.—Соціальное движеніе въ Германіи, Австріи и Швейцаріи.—in 8°, стр. 512+XL.

Университетскія и соціальныя поселенія.

У. Ризона, перев. съ англ. подъ ред. проф. Д. Петрушевскаго
Ц. 80 к.

Содержаніе: Объ университетскихъ поселеніяхъ.—Университетскія поселенія. Дѣятельность поселеній въ обл. нар. образованія.—Поселенія и законы о бѣдныхъ.—Организація народныхъ развлеченій.—Англійскія женскія поселенія.—Клубы рабочихъ дѣвушекъ.—Поселенія и рабочій вопросъ. Американскія поселенія.—Отношеніе поселеній къ мѣстному самоуправленію.—Приложенія. 242 стр.

Критика новѣйшихъ системъ морали.

Альфреда Фуллье.

Содержаніе: Предисловіе. Мораль въ теоріи эволюціи и въ дарвинизмѣ.—Позитивизмъ. Независимая мораль.—Мораль по изученію критицизма.—Каитовская мораль.—Теорія нравственности въ ученіи германскихъ пессимистовъ.—Мораль спиритуализма.—Эстетическая и мистическая мораль.—Теологическая мораль и солидарность.—Заключеніе.

Перев. съ франц. О. Конради и Е. Максимовой. Ц. 1 р. 50 к.

Минувшій вѣкъ

Литературные очерки П. Морозова. 530 стр. Ц. 2 руб.

Содержаніе: Изъ исторіи карикатуры.—Русская литература XIX вѣка.—Изъ исторіи русской литературной критики.—Пушкинъ.—Потгинъ.—Островскій.—Герценъ.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Задачи земской печати.

(Изъ земской и городской жизни).

Появленіе первыхъ земскихъ періодическихъ изданій относится къ половинѣ шестидесятихъ годовъ, когда новорожденныя земскія учрежденія еще концентрировали въ себѣ всѣ нужды и потребности провинціального общества и стремились развить широкую и всестороннюю дѣятельность.

Громадная роль, сыгранная русскимъ печатнымъ словомъ въ трудную эпоху освободительныхъ реформъ, была у всѣхъ въ памяти. Послѣ долгихъ лѣтъ гробового молчанія благотѣльная сила гласности казалась особенно могучей. Земство, еще полное въ то время розовыхъ надеждъ, но уже чувствовавшее непрочность своего положенія, не могло не задуматься объ утилизаціи въ своихъ интересахъ вліянія прессы, тѣмъ болѣе, что отсутствіе провинціальныхъ газетъ въ шестидесятихъ годахъ какъ бы возлагало на земскія учрежденія и заботы о созданіи мѣстныхъ печатныхъ органовъ. Такъ, вѣроятно, на первыхъ земскихъ собраніяхъ, среди оживленныхъ преній о пользѣ гласности, о необходимости тѣсной связи между земствомъ и населеніемъ, зародилась идея земской газеты, какъ лучшаго средства освѣтить всѣ явленія земско-общественной жизни и популяризировать земскія начинанія. При этомъ, очевидно, далеко не всегда имѣлось въ виду ограничиться исключительно дѣловымъ характеромъ журнала. Въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, земствахъ вопросъ ставился гораздо шире и проектируемому органу указывалась задача критической оцѣнки мѣстной общественной и правительственной дѣятельности. Интересную въ этомъ смыслѣ, оговорку встрѣчаемъ мы въ докладѣ Ярославской губернской земской управы.

Доказывая необходимость гласности, управа считаетъ нужнымъ при

бавить, что она не разумѣетъ подъ гласностью „обличительныхъ статей во что-бы то ни стало, но гласность разумную и спокойную, не переходящую за предѣлы закона“... 1) Однако, широкая программа земскаго журнала осталась въ области благихъ пожеланій. Первые земскія періодическія изданія были ограничены очень узкими рамками. „Сборникъ Херсонскаго земства“, появившійся въ 1868 году, и „Земскій сборникъ Черниговской губерніи“, появившійся въ 1869 году, носили характеръ скорѣе адресъ-календарей, чѣмъ журналовъ. Утвержденная администраціей программа черниговскаго „Сборника“ содержала въ себѣ только постановленія и распоряженія правительства по земскому дѣлу, отчеты и извѣстія о дѣятельности земскихъ учрежденій Черниговской губерніи, извлеченные изъ журнальныхъ постановленій и другихъ актовъ губернскаго и уѣзднаго собраній, и свѣдѣнія о справочныхъ цѣнахъ 2). Помѣщеніе статей чисто литературныхъ или полемическихъ было строго воспрещено. Дальнѣйшее развитіе земской печати также происходило въ неблагоприятной атмосферѣ. Отрицательное отношеніе, съ самаго начала усвоенное административной властью, не только задерживало улучшеніе земскихъ періодическихъ изданій, но, въ большинствѣ случаевъ, даже не допускало ихъ возникновенія. Только въ послѣдніе годы замѣчается нѣкоторая перемѣна политики. Многимъ земствамъ удалось исходатайствовать разрѣшеніе на изданіе своихъ журналовъ, другимъ — получать право расширить программу уже существовавшихъ.

Такимъ образомъ, черезъ 36 лѣтъ послѣ своего возникновенія земская печать количественно выросла въ довольно значительную величину. Этотъ ростъ разсматривается обыкновенно нашею либеральною печатью, какъ отрадное явленіе, какъ серьезный признакъ стремленія къ объединенію земствъ и т. п. Каждый новый земскій журналъ привѣтствуется самымъ дружескимъ поклономъ, а затѣмъ — уже не раскрывается. Между тѣмъ, земская литература заслуживаетъ серьезнаго вниманія. При ея количественномъ развитіи, она начинаетъ занимать существенное мѣсто въ земскихъ бюджетахъ и, поэтому, начинаетъ нуждаться въ оправданіи и объясненіи, какъ и всякій крупный расходъ народныхъ денегъ. Внимательная критическая оцѣнка земскихъ изданій представляется намъ тѣмъ болѣе необходимою, что ихъ количественный ростъ лишь въ самой незначительной мѣрѣ соответствуетъ качественному. Какъ это ни странно, однако, даже такой основной вопросъ, какъ дѣйствительно-ли нужна земская пресса, — не можетъ считаться выясненнымъ. Что же касается желатель-

1) Вѣстн. Ярославск. Земства 1903. № 1—2.

2) Земск. Сборникъ Черниг. губ. 1903 г. № 1.

шаго типа и содержания земских изданий, то в этой области господствует самая крайняя неопределенность и спутанность понятий. Должен ли земский орган быть толстым ежемесячником, имѣющимъ цѣлью серьезную разработку земскихъ вопросовъ, или еженедѣльной газетой, посвященной преимущественно популяризаціи въ крестьянствѣ земскихъ мѣропріятій и сельско-хозяйственныхъ знаній? Должен ли земский органъ имѣть строго объективный характеръ или онъ можетъ не чуждаться и публицистики, откликаясь на запросы текущей земской жизни? Наконецъ, чьи взгляды и мнѣнія долженъ отражать земский органъ — земскаго-ли собранія, губернской-ли управы или предсѣдателя губ. управы, являющагося отвѣтственнымъ редакторомъ изданія? Эти послѣдніе вопросы, по справедливому замѣчанію „Саратовск. Земск. Недѣли“, сводятся къ одному общему: о направленіи земскаго органа ¹⁾. Всѣ эти вопросы имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для сознательнаго воздѣйствія на дальнѣйшія судьбы земской печати, и всѣ они должны быть поставлены на очередь. Въ прошломъ году земскіе журналы обмѣнялись мнѣніями по поводу желательнаго характера и направленія періодическихъ земскихъ изданій. Этотъ обмѣнъ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ и цѣннымъ результатамъ, не вызвалъ, повидимому, даже внимательнаго отношенія со стороны редакцій большинства земскихъ изданій, но все же онъ далъ нѣкоторый матеріалъ для дальнѣйшей разработки темныхъ вопросовъ.

II.

Существующія земскія изданія сводятся къ двумъ типамъ: толстаго ежемесячника, посвященнаго разработкѣ вопросовъ земской жизни, и еженедѣльной газеты, преслѣдующей преимущественно народно-просвѣтительныя цѣли. Третій типъ полу-газеты, полу-журнала занимаетъ промежуточное мѣсто и не имѣетъ серьезнаго самостоятельнаго значенія. Между этими двумя типами такъ мало общаго, что мы предпочитаемъ разсматривать ихъ отдѣльно. Начнемъ съ толстыхъ земскихъ журналовъ, такъ какъ они и являются земскими въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. не только издаются на земскія средства, но и посвящены спеціальнымъ земскимъ интересамъ. Журналы этого типа составляютъ большинство въ семьѣ земскихъ періодическихъ изданій. Они гораздо старше своихъ собратьевъ другихъ типовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они наименѣе удовлетворяютъ самымъ скромнымъ запросамъ. Внешнимъ, но очень вѣрнымъ показателемъ ихъ неприспособленно-

¹⁾ Саратов. Земск. Недѣля. 1902. № I. В. Голубевъ. Общеземская хроника.

сти къ требованіямъ жизни является ихъ несомнѣнный и блистательный неуспѣхъ. Этотъ неуспѣхъ признается самими горячими сторонниками земской печати. Въ прошломъ году проф. Ходскій, печатавъ либеральныя размышленія своего сотрудника по поводу изобилія земскихъ журналовъ, выдѣлялъ очень ядовитое примѣчаніе въ томъ смыслѣ, что онъ весьма и весьма сомнѣвается, будто сколько-нибудь широкій кругъ земскихъ дѣятелей чувствуетъ потребность въ земскихъ специальныхъ изданіяхъ. Конечно, говорилъ г. Ходскій, любое земство, ассигновавъ достаточныя средства на изданіе, можетъ печатать его въ большомъ количествѣ экземпляровъ, безплатно рассылать его гласнымъ и пр. Но изъ этого, разумѣется, не вытекаетъ выводомъ о разившейся потребности въ такихъ изданіяхъ. „Саратовск. Земск. Недѣля“ — лучший земскій органъ изъ типа ежемѣсячниковъ—сочла долгомъ объяснить г. Ходскому причины неуспѣха земской печати. Эти объясненія, исходящія отъ одного изъ наиболее авторитетныхъ земскихъ изданій, настолько неосновательны, что на нихъ стоитъ остановиться. Справедливо замѣчая, что успѣхъ или неуспѣхъ земской печати не опредѣляется числомъ ея подписчиковъ, такъ какъ земскія изданія печатаются на суммы земскихъ сборовъ и, слѣдовательно, могутъ считаться достояніемъ каждаго земскаго плательщика, „Сар. Недѣля“ не отрицаетъ, однако, неуспѣха земской прессы. Въ настоящее время земское издательство окупается только въ $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ долѣ; но не было бы большой бѣды, еслибы оно даже совсѣмъ не окупалось; бѣда заключается въ томъ, что земскія изданія не приносятъ должной пользы. Ихъ неуспѣхъ объясняется, по мнѣнію „С. Недѣля“, не слабостью потребности въ земской прессѣ, а слабостью содержанія.

Въ настоящее время чувствуется особенная потребность въ такомъ органѣ, „который умѣлъ бы, а главное, могъ бы затрогивать земскіе вопросы въ живой формѣ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ одной стороны, и съ живымъ, опредѣленно очерченнымъ направленіемъ общественно-земскаго развитія нашего самоуправленія—съ другой“. Въ современныхъ же земскихъ изданіяхъ „нѣтъ или очень мало общественно-земской публицистики, нѣтъ живого, страстнаго отношенія къ наболѣвшимъ вопросамъ земской жизни... Мы видимъ обстоятельность въ статьяхъ, видимъ важность и полезность ихъ, но не видимъ той публицистической точки, которая требуется въ настоящее время“. Это—одна причина неуспѣха земской періодической прессы. Другая причина, по мнѣнію саратовскаго журнала, заключается въ слабомъ участіи непосредственныхъ земскихъ дѣятелей въ земской литературѣ.

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ земцы будто бы обладали большою охотою къ литературной дѣятельности. Теперь же имя земскаго гласнаго только

въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ попадаются на страницахъ общихъ и специальныхъ изданій. Главными производителями земской литературы являются или литераторы по профессіи или же, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, представители того же третьяго элемента, который у насъ повсюду играетъ роль какой-то возбуждательной бациллы. Всѣ же попытки привлечь земцевъ къ участию въ газетахъ и журналахъ оканчивались неудачей. Въ 1901 году предсѣдатель устюженской управы г. Колюбакинъ писалъ въ одной изъ газетъ о необходимости, чтобы между земскими дѣятелями установилось болѣе тѣсное общеніе, и предлагалъ осуществить это общеніе путемъ систематическаго обмена мыслей въ какомъ-либо изъ частныхъ періодическихъ органовъ. Предложеніе г. Колюбакина не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій. Черезъ нѣкоторое время „Саратовская З. Н.“, какъ бы ида навстрѣчу пожеланіямъ г. Колюбакина, обратилась къ многимъ предсѣдателямъ управъ и наиболее извѣстнымъ земскимъ гласнымъ съ просьбою сообщить, какіе вопросы земской жизни считаютъ они необходимымъ разработать на страницахъ „Земской Недѣли“, и предоставляла имъ всегда свободное мѣсто для всякаго рода сообщеній, писемъ, замѣтокъ и статей, въ которыхъ земскіе практики могли бы высказаться и обмѣняться мыслями и наблюденіями. Но, за исключеніемъ двухъ лицъ изъ ста, на это обращеніе никто не отвѣтилъ. Между тѣмъ,—предполагаетъ „Недѣля“,—если бы непосредственные представители населенія — гласные, предсѣдатели и члены управъ, сами принимали участіе въ земскихъ и другихъ изданіяхъ если бы они хотя изрѣдка отзывались на общіе и текущіе вопросы земской жизни, то и вся остальная часть земскихъ людей больше бы интересовалась земской литературой. Теперь же, когда по земскимъ вопросамъ пишутъ или профессиональные литераторы, или земскіе работники-специалисты, когда статьи ихъ имѣютъ сплошь и рядомъ характеръ специальныхъ работъ, — при такихъ условіяхъ средній земскій читатель перевертываетъ страницы статей по земскимъ вопросамъ не то съ боязнью, не то со скукой и рѣдко съ интересомъ...

Итакъ, современные земскіе журналы, въ лучшемъ случаѣ, не возбуждаютъ интереса; по большей же части даже ихъ перелистываніе навѣваетъ не то страхъ, не то скуку. Приговоръ суровый, но вполне справедливый. Однако, едва-ли такое плачевное состояніе земскихъ органовъ можно объяснить тѣми причинами, которыя указываетъ „Саратовская Недѣля“. Отсутствие публицистическихъ статей, несомнѣнно, уменьшаетъ интересы земской печати, но это отсутствіе является однимъ изъ послѣдствій общей невнятности программы земскихъ журналовъ. Притомъ, нельзя вполне согласиться съ тѣмъ, что земскіе журналы чуждаются публицистики, т. е. такихъ статей, которыя имѣли бы цѣлью не только разработку различныхъ

сырыхъ матеріаловъ, но и извѣстное воздѣйствіе на волю читателей. Такия статьи встрѣчаются въ земскихъ изданіяхъ довольно часто. Если же ихъ все же не хватаетъ для удовлетворенія жизненныхъ запросовъ, то въ этомъ большая доля вины падаетъ на программу и на самую постановку земско-журнальнаго дѣла. Что же касается слабости участія земцевъ въ литературной работѣ, какъ причинѣ неуспѣха земской печати, то это очевидное недоразумѣніе.

Хотя земская литература и „не изящная, не художественная литература, а также и не научная“, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ее могли сдѣлать живой и интересной упражненія „непосредственныхъ“ земскихъ „дѣятелей“. Въ ней, конечно, „должно быть мѣсто голосу каждаго земскаго дѣятеля, умѣющаго ясно и толково излагать свои мысли, но, вѣдь, это легко сказать: ясно и толково, а на самомъ дѣлѣ способность яснаго и толковаго литературнаго изложенія встрѣчается среди „черноземныхъ силъ“ далеко не часто, да и не только среди черноземныхъ силъ. Литературная работа требуетъ специальныхъ способностей. Безъ нихъ всѣ статьи даже самыхъ „непосредственныхъ“ дѣятелей будутъ непременно наводить на читателя „не то боязнь, не то скуку“. И мы видимъ бѣду земской литературы не въ томъ, что она ведется специалистами-литераторами или третьимъ элементомъ, а въ томъ, что, при современной ея постановкѣ, земскія изданія не могутъ обеспечить себѣ въ достаточномъ количествѣ дѣйствительно литературныхъ сотрудниковъ-специалистовъ. Вообще, странно придавать какое то особое значеніе непосредственному участію мѣстныхъ людей въ земскихъ журналахъ. Ни одна партія не приметъ такой постановки вопроса. Всегда и всюду, гдѣ какая-либо общественная группа считаетъ необходимымъ освѣщать и популяризировать свою дѣятельность путемъ гласности, она создаетъ специальныхъ литераторовъ, обладающихъ всѣми данными для защиты и пропаганды идей своей партіи. Только такое раздѣленіе труда обеспечиваетъ успѣшность коллективной работы. Эту же судьбу раздѣляла и лучшая часть русскихъ земцевъ. Безъ прямого соглашенія, конечно, она естественнымъ процессомъ развитія создала своихъ, въ нѣкоторомъ родѣ, „партійныхъ“ литераторовъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ они сгруппировались одно время около газеты г. Скалона „Земство“. Главную роль въ ней играли, безъ сомнѣнія, не малочисленная корреспонденція гласныхъ и статистиковъ А, В, С и т. д., а совершенно литературныя статьи Болюманова, Кошелева, г. Скалона, которымъ работа перомъ была, быть можетъ, даже болѣе свойственна, чѣмъ „непосредственная“ мѣстная дѣятельность. Въ настоящее время, кромѣ г. Скалона, благополучно продолжающаго свою работу, типичнымъ земскимъ литераторомъ можно считать и г. Арсеньева, который, при всѣхъ его прегрѣшеніяхъ,

дасть часто превосходное освѣщеніе земской дѣйствительности. Наконецъ, мѣстная московская газета, какъ принято называть „Русск. Вѣд.“, группируетъ около себя лицъ, не только сочувствующихъ земскому дѣлу, но и талантливо разрабатывающихъ его въ литературѣ.

Мы не будемъ перечислять другихъ литераторовъ, являющихся представителями и выразителями земскихъ взглядовъ, литераторовъ, голосъ которыхъ пользуется авторитетомъ въ земской средѣ. Факты позволяютъ думать, что именно тѣ только литературныя начинанія земско-общественнаго характера и имѣютъ успѣхъ, въ которыхъ идейное руководство принадлежитъ специальнымъ литераторамъ, т. е. которыя въ сырой грудѣ повседневныхъ дѣловыхъ вопросовъ и вопросовъ никогда не теряютъ опредѣленной общей цѣли, въ ней видятъ, прежде всего, центръ своихъ стремленій и способны защищать свои взгляды съ убѣдительною талантомъ и знаніемъ. Посмотримъ, насколько удовлетворяютъ этимъ требованіямъ современные земскіе журналы типа „толстыхъ“ ежемѣсячниковъ.

III.

„Дѣятельность нашихъ земствъ, обнимая вопросы охраненія народнаго здравія, развитія образованія, область экономическихъ мѣропріятій и мн. др., расширяется все болѣе и болѣе. Нельзя не признать, что земскимъ собраніямъ приходится съ каждымъ годомъ обсуждать и разрѣшать все болѣе и болѣе обширный рядъ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко сложныхъ, но всегда первостепенной важности вопросовъ. Разобраться въ сущности докладываемыхъ собраніямъ дѣлъ, дать имъ правильное и цѣлесообразное разрѣшеніе—задача не легкая, требующая отъ земскихъ дѣятелей большого опыта и большой подготовки, основательнаго и постояннаго знакомства не только съ повседневнымъ теченіемъ дѣлъ въ своемъ земствѣ, но и практикою другихъ земствъ и прочихъ общественныхъ и правительственныхъ учреждений, дѣятельность которыхъ такъ или иначе соприкасается съ земствами и можетъ оказывать на нихъ очень замѣтное вліяніе. Прити въ этомъ отношеніи на помощь земскимъ дѣтелямъ, дать имъ возможность слѣдить за проведеніемъ въ жизнь ими же разрѣшенныхъ вопросовъ и во всякое время быть въ курсѣ дѣла, знакомить гласныхъ и населеніе болѣе или менѣе регулярно и систематически съ вновь возникающими вопросами въ другихъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ своей и другихъ губерній...“¹⁾ Такъ опредѣляетъ задачи земскаго органа редакція „Вѣстника Екатеринославскаго Земства“, открывая издавіе. Эта мотивировка является обычной при возникновеніи новыхъ земскихъ журналовъ.

¹⁾ „Вѣстникъ Екатер. Земства“, 1903 г., № 1.

Формулируя ее въ болѣе общемъ видѣ, мы можемъ сказать, что земской печати обыкновенно ставятся задачи: отмѣчать дѣйствія правительства, освѣщать общеземскіе вопросы и разрабатывать вопросы текущей земской дѣятельности въ данной губерніи сравнительно съ дѣятельностью другихъ земствъ. Земскіе люди, сознающіе сложность и важность своихъ обязанностей, очевидно, хотятъ имѣть въ своемъ органѣ и справочную книгу, и, если не учителя, то, по крайней мѣрѣ, совѣтника. Въ этомъ смыслѣ и составляются программы изданій. Одна изъ послѣднихъ программъ—екатеринославскаго „Вѣстника“—состоитъ изъ слѣдующихъ 9 отдѣловъ: 1) законы и распоряженія правительства преимущественно въ области общественнаго и сословнаго самоуправленія, 2) дѣятельность земства и городовъ Екатеринославской губ., 3) мѣстная хроника, 4) статьи и корреспонденціи по земскимъ и городскимъ вопросамъ, экономическія, историческія и этнографическія, 5) сельско-хозяйственный отдѣлъ, 6) торгово промышленный отдѣлъ, 7) врачебно-санитарный и ветеринарный отдѣлъ, 8) заявленія, вопросы и отвѣты на нихъ (въ предѣлахъ программы), 9) объявленія. Программа эта не можетъ быть названа узкою. Она даетъ возможность касаться самыхъ разнообразныхъ вопросовъ мѣстной жизни, такъ какъ указаные въ ней отдѣлы очерчены настолько широкими штрихами, что ихъ дѣйствительное содержаніе можетъ опредѣлиться только на практикѣ и въ зависимости отъ умѣнья и знаній руководителей земскаго органа. И, на самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что нѣкоторыя изданія наполняютъ официальные рамки очень живымъ и богатымъ содержаніемъ. Но подавляющее большинство земскихъ журналовъ влечитъ самое жалкое существованіе и помѣщаетъ такое сырье, которое наводитъ страхъ и уныніе даже на привычныхъ читателей. Просматривая современныя земскія изданія, мы вынуждены повторить то заключеніе, къ которому пришла смѣтная коммиссія Черниговскаго губернскаго земства еще въ 1871 году. Она признала, что въ томъ видѣ, въ какомъ выходилъ тогда черниговскій земскій „Сборникъ“, онъ совершенно бесполезенъ¹⁾: органъ, который является почти исключительно складочнымъ мѣстомъ для официального земскаго матеріала, который заполняетъ страницы докладами, отчетами, смѣтами, справочными цѣнами,—такой органъ никѣмъ не читается, потому что онъ никому не нуженъ. Между тѣмъ, наша земская пресса до сихъ поръ наполняется необработанными громоздкими данными, представляющими интересъ только для специалистовъ. Отдѣлъ правительственныхъ распоряженій является, обыкновенно, самымъ полнымъ. Но, конечно, онъ не удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ, и притомъ въ настоящее время, когда распространеніе газетъ весьма значительно, онъ далеко не вызывается необходимостью. Та часть

¹⁾ „Земскій Сборникъ Черниг. губ.“. 1903 г., № 1.

гласныхъ, которая ведетъ земскія дѣла, безъ сомнѣнія, знакомится съ теченіемъ русскаго законодательства не по запаздывающимъ земскимъ изданіямъ, а по общей прессѣ, гдѣ, на ряду съ законодательными актами, почти всегда можно найти и критическую оцѣнку ихъ. Отдѣлы общей и мѣстной хроники земской жизни, которые должны составлять главную основу содержанія земскихъ журналовъ, находятся въ еще болѣе плачевномъ состояніи. Общеземская хроника ведется далеко не вездѣ, но и тамъ, гдѣ она есть, она составляется или изъ голыхъ перепечатокъ изъ частныхъ газетъ, или изъ такихъ же перепечатокъ, но съ нѣкоторыми разсужденіями составителя хроники. Принимая во вниманіе, что общая пресса отмѣчаетъ только сравнительно выдающіяся событія земской жизни, мы должны признать, что для спеціальнаго земскаго органа ограничиваться перепечатками газетныхъ извѣстій далеко не значить освѣщать земскую жизнь. Но не только общеземская хроника страдаетъ неполнотою. Даже мѣстная дѣятельность уѣздныхъ земствъ не всегда находитъ отраженіе въ земскомъ журналѣ. Еще болѣею недостаточностью отличается отдѣлъ, посвященный разработкѣ текущихъ вопросовъ мѣстной и общей земской дѣятельности. Ни одинъ изъ земскихъ журналовъ не высказывается систематически и съ подробнымъ, опирающимся на изученіе мѣстнаго матеріала обоснованіемъ по всѣмъ вопросамъ, возникающимъ въ практикѣ ланнаго земскаго собранія. Такія статьи носятъ всегда случайный характеръ въ зависимости отъ того, поступитъ ли въ редакцію статья или нѣтъ. При отсутствіи матеріала по наиболѣе важнымъ вопросамъ земской работы, невольно выдвигаются на первый планъ спеціальныя отдѣлы. Огромныя бумажныя пространства заполняются или метеорологическими, или медицинскими, или статистическими данными, которыя вездѣ находятся въ распоряженіи земскихъ управъ. Даже сельскій интеллигентъ, умирающій отъ духовнаго голода, никогда не раскроетъ страницъ, наполненныхъ плодами земскаго трудолюбія. Земскій журналъ „серьезнаго“ типа уже на типографскомъ станкѣ обреченъ служить молодымъ мышамъ, которыя, любя просвѣщеніе, изгрызутъ листы никому ненужныхъ книгъ. Причины этой горькой участи заключаются, по нашему мнѣнію, не въ узости программы и не въ строгости вице-губернаторской цензуры. И то, и другое, разумѣется, надобно положить на счеты, но, какъ мы говорили, программа журнала у насъ, въ большинствѣ случаевъ, вырабатывается фактически. Препятствія къ развитію земской прессы носятъ болѣе сложный характеръ. Дѣло въ томъ, что нѣтъ никакой возможности найти для всѣхъ земскихъ органовъ достаточный контингентъ компетентныхъ сотрудниковъ. Серьезная разработка текущихъ земскихъ вопросовъ требуетъ и обширнаго запаса знаній, и извѣстнаго таланта. Дилетантскія работы не могутъ удовлетворить прак-

тических запросовъ. Затѣмъ, отдѣльныя земства не обладаютъ и достаточными матеріальными средствами для желательной постановки изданія. Для того, чтобы общеземская хроника не питалась только отрывочными корреспонденціями частныхъ газетъ, земскіе журналы должны имѣть надежныхъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Въ высшей степени полезно, конечно, чтобы эти лица были профессиональными газетными работниками, такъ какъ „третьей элементъ“, въ настоящее время поставляющій матеріаль для земскихъ органовъ, повсюду обремененъ многочисленными прямыми обязанностями. Въ земскихъ учрежденіяхъ, несмотря на преслѣдованія Родзянко, Харченко и т. п. „хозяевъ“ современнаго земства, до сихъ поръ еще сохранились традиціи работы не за страхъ и деньги, а за совѣсть: извѣстно, какъ завалены дѣломъ земскіе статистики, агрономы, и другіе служащіе. При такихъ условіяхъ, они, естественно, могутъ давать только случайныя статьи и, въ большинствѣ случаевъ, въ сыромъ видѣ, безъ той обработки, которая неизбежна въ каждомъ произведеніи, рассчитанномъ на широкій кругъ читателей. Но созданіе прочнаго и постояннаго контингента земско-литературныхъ работниковъ, такъ сказать, особой литературной организаціи не подъ силу ни одному губернскому земству. И въ результатѣ, земскіе журналы обходятся „своими средствами“ и влечутъ печальное существованіе кустарей въ капиталистическомъ обществѣ. Повтореніе всѣмъ извѣстныхъ правительственныхъ распоряженій, перепечатка знакомыхъ всей читающей массѣ земцевъ извѣстій изъ частныхъ газетъ, разное астрономическое, метеорологическое и медицинское сырье, да случайныя статьи по какому-либо вопросу мѣстной жизни—вотъ обычное содержаніе земскихъ журналовъ. Каждый изъ нихъ повторяетъ остальные, какъ кустари повторяютъ установившуюся годами форму своихъ издѣлій. Одинъ журналъ—немного живѣе, другой—немного суше, но, по существу, между ними нѣтъ разницы. Вся земская пресса, въ общемъ, имѣетъ самое ничтожное общественно-политическое значеніе. Исключеніемъ является только „Саратовская Земская Недѣля“, которая, страдая обычнымъ излишествомъ сырья и неполнотою свѣдѣній, тѣмъ не менѣе имѣетъ явственно выраженный характеръ серьезнаго общественнаго органа. Такимъ образомъ, типъ земскихъ толстыхъ журналовъ оказывается совершенно непригоднымъ къ конкретнымъ условіямъ. Поэтому, мы не можемъ согласиться съ почтенной редакціей „Саратовской Земской Недѣли“, будто неуспѣхъ земской періодической печати объясняется не столько отсутствіемъ потребности въ ней, сколько ея внутренними недостатками. Главное зло заключается именно въ томъ, что въ своемъ современномъ видѣ земскіе органы не удовлетворяютъ никакихъ потребностей. Задаваясь цѣлью быть и общественно-политическими, и спеціальными журналами,

они не являются ни тѣми, ни другими. Изучая ихъ, невозможно опредѣлить, на какого читателя или на какой слой читателей они рассчитаны. Такого слоя въ жизни нѣтъ, и журналъ, обреченный расти безъ почвы, неминуемо терпитъ полный неуспѣхъ. Недоступныя для крестьянства, земскія періодическія изданія, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не дають и земской интеллигенціи. Ненормальность такого положенія, повидимому, начинается въ земскихъ кругахъ. Въ послѣдніе годы земскіе журналы предпочитаютъ форму болѣе подвижныхъ и живыхъ еженедѣльных изданій, принимающихъ во вниманіе интересы и уровень широкихъ слоевъ деревенскаго населенія. Въ этой эволюціи, которая еще не заключилась, мы видимъ единственный залогъ спасенія земской періодической печати. Ея уничтоженіе въ настоящее время не можетъ быть признано желательнымъ. При бѣдности населенія, при недостаточномъ развитіи частной прессы, земская періодическая печать еще долго, вѣроятно, будетъ необходимою не только въ качествѣ спеціальной, посвященной технику земскаго дѣла, литературы, но и въ качествѣ культурно-просвѣтительнаго начинанія. Но для того, чтобы ея работа была продуктивною, она должна подвергнуться крупной и коренной реформѣ. Необходимо, выражаясь экономическимъ языкомъ, концентрація производства. Кустарническія замашки и приходскія самолюбія должны быть сданы въ архивъ. Надо откровенно и прямо признаться, что для отдѣльных земствъ не подь силу изданіе періодическаго органа сколько-нибудь серьезнаго общественно-политическаго значенія. Такая задача можетъ быть осуществлена только общеземскимъ органомъ. Онъ, дѣйствительно, способенъ создать прочную и постоянную земско-литературную организацію, которая, обладая достаточными силами и средствами, будетъ оказывать серьезное вліяніе на ходъ земской жизни.

Эта мысль не является новостью для земской среды: въ первый разъ она, если не ошибаемся, была высказана гласнымъ П. М. Плотниковымъ въ Воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1878 года. „Все чаще и чаще,—говоритъ гласный,—какъ въ обществѣ, такъ и въ нашей печати слышится упрекъ земству въ его апатіи, равнодушіи къ дѣламъ; упрекъ, нельзя не сознаться, отчасти справедливый; но гдѣ же причина этого факта? Какъ на одну изъ самыхъ главныхъ причинъ, я долженъ указать на отсутствіе земскаго періодическаго органа печати, который занялся бы разработкою вопросовъ мѣстнаго хозяйства, мѣстныхъ польвъ и нуждъ, который привелъ бы въ связь работы одного земства съ остальными и далъ бы намъ возможность пользоваться опытомъ нашихъ товарищей. Какъ тѣло безъ души, такъ земство безъ такого органа“. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія является, по мнѣнію г. Плотникова, изданіе общественнаго періодическаго органа, „для чего необходимо войти въ со-

глашение съ остальными земствами и просить разрѣшенія на съѣздъ делегатовъ отъ губернскихъ собраній для разработки программы періодическаго общеземскаго органа, при которомъ могъ бы издаваться, въ видѣ отдѣльнаго прибавленія, сборникъ или ежегодникъ. Съѣзду былъ бы порученъ выборъ редактора и его помощниковъ“¹⁾. Затѣмъ, эта мысль все время жила въ земскихъ кругахъ и проявилась съ особенною силою во второй половинѣ девятидесятихъ годовъ, когда большинство губернскихъ собраній вновь возбудило предъ правительствомъ ходатайство объ изданіи въ Москвѣ общеземскаго періодическаго органа. Потребность въ немъ была настолько очевидна, что министерство внутреннихъ дѣлъ, не удовлетворяя земскихъ ходатайствъ, остановилось, однако, на мысли объ изданіи такого органа при самомъ министерствѣ. Въ центральномъ вѣдомствѣ была даже составлена программа изданія и разослана на заключеніе земскихъ учреждений. Въ скоромъ времени, впрочемъ, этотъ планъ былъ отвергнутъ, и центральный земскій органъ до сихъ поръ составляетъ только предметъ мечтаній. Но, если первоначальный проектъ потерпѣлъ неудачу, то, конечно, нѣтъ причины отказываться отъ идеи, которая положена въ его основу. При извѣстной энергіи, земства могутъ достигнуть экономіи силъ и средствъ, сопровождающей концентрацію производства, путемъ отказа отъ мѣстныхъ приходскихъ изданій и поддержки, хотя бы только подпискою, какого-либо изъ установившихся и заслужившихъ довѣріе земскихъ органовъ. Такимъ образомъ, при наименьшей затратѣ денегъ, были бы достигнуты наибольшіе возможные результаты. Что же касается мѣстныхъ губернскихъ органовъ, то они, несомнѣнно, должны завершить сознательно и быстро ту эволюцію, которая уже совершается стихійно: они должны преобразоваться въ народныя газеты. На этомъ типѣ земскихъ изданій, уже имѣющемъ за собою нѣкоторую исторію, мы остановимся впоследствии. Теперь же коснемся нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ общеземскимъ органомъ, вопросовъ объ его характерѣ и направленіи.

IV.

Желательное направленіе земскаго періодическаго органа, какъ мы уже говорили, до сихъ поръ не выяснено и не установлено. Интереснымъ примѣромъ того, какіе взгляды по этому вопросу существуютъ въ средѣ земскихъ дѣятелей, являются мненія въ Московскомъ губернскомъ собраніи 1902 г. Послѣ двукратной безуспѣшной попытки получить право на изданіе общеземскаго журнала, Московское земское собраніе рѣшило издавать свой мѣстный органъ. Управа въ сотрудничествѣ съ спеціальной комиссіей

¹⁾ В. Ю. Скалонъ. Земскіе вопросы. М. 1882 г. стр. 149.

выработала очень недурной, въ общемъ, планъ изданія, которое должно было распадаться на ежемѣсячные журналъ и газету. Журналъ имѣлъ дѣлю разработку вопросовъ, входящихъ въ сферу мѣстной общественной самостоятельности и самоуправления, газета ставила задачей распространение свѣдѣній о земскихъ начинаніяхъ въ возможно большемъ кругѣ земскихъ плательщиковъ и развитіе сознательнаго отношенія въ народѣ при выборѣ гласныхъ, при участіи въ мѣстныхъ собраніяхъ, комиссіяхъ, совѣтахъ, а также для воспитанія живого интереса ко всѣмъ вопросамъ земской жизни. Среди другихъ отдѣловъ въ газетѣ проектировался и литературно-историческій. На изданіе журнала проектировалось 21 тыс. руб., на изданіе газеты—33 тысячи. При обсужденіи этого плана возникли очень поучительныя принципиальныя пренія. Гласный г. Шереметевъ, ничего не имѣя противъ земской періодической печати, высказался противъ широкой литературной программы проектируемаго органа. Онъ полагалъ, что программа эта должна быть дѣловой, такъ какъ широкими теоретическими вопросами едва-ли слѣдуетъ заниматься земскому собранію. Кромѣ того, онъ считалъ необходимымъ, чтобы страницы земскаго журнала были открыты для всѣхъ теченій и направленій въ земской средѣ. Еще болѣе рѣзко высказался гласный Самаринъ. По его словамъ, проектъ управы и комиссіи ставить задачу предполагаемаго журнала проведеніе опредѣленныхъ возрѣвій. Но чьи же это будутъ возрѣвія? Губернскаго земскаго собранія? На практикѣ это недостижимо. Предсѣдателя управы? Но при громадной массѣ прямыхъ обязанностей, руководство предсѣдателя, являющагося отвѣтственнымъ редакторомъ, будетъ чисто номинальнымъ. Въ результатѣ, дѣйствительное направленіе журнала опредѣлится въ зависимости отъ взглядовъ приглашеннаго для фактическаго веденія дѣла публициста. При такихъ условіяхъ, земство не можетъ взять на себя нравственной отвѣтственности на изданіе и, слѣдовательно, не должно браться за издательство журнала. Собраніе приняло докладъ управы объ изданіи ежемѣсячнаго журнала (но не газеты), но сочло необходимымъ подчеркнуть, что журналъ долженъ имѣть дѣловой характеръ и давать мѣсто различнымъ взглядамъ, существующимъ въ земской средѣ. Кромѣ того, по предложенію кн. Н. Д. Долгорукова, собраніе выразило пожеланіе, чтобы журналъ принималъ статьи отъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ Московской губерніи съ самыми разнообразными взглядами ¹⁾. Другими словами, Московское собраніе признало желательнымъ, чтобы земскій органъ былъ „парламентомъ мнѣній“. Это рѣшеніе „Саратовск. Земск. Недѣля“ считаетъ „по существу совершенно правильнымъ и отвѣчающимъ дѣйствительному характеру земской органи-

1) Саратов. Земск. Недѣля. 1903. № 1.

заци". При такой только постановкѣ вопроса возможна внутренняя свобода земскаго органа, поскольку такая свобода гласности существуетъ и въ земскихъ собраніяхъ. Если же земскій органъ приметъ какое-либо опредѣленное направленіе, то онъ станетъ органомъ или управы или одной группы гласныхъ или же, наконецъ органомъ „третьяго элемента“. Какого-либо партійнаго или вообще строго выдержаннаго опредѣленнаго направленія не должно быть въ земскомъ органѣ. Оно необходимо для частнаго изданія, выражающаго мнѣнія извѣстной общественной группы. Но земство, въ его цѣломъ, выражаетъ общественно-хозяйственную и государственную жизнь разныхъ группъ съ самыми различными направленіями. Слѣдовательно, и земскій органъ долженъ сдѣлаться такой же ареной для обсуждения земскихъ вопросовъ, какъ и земскія собранія. Единственное ограниченіе, которое „Саратовская Недѣля“ соглашается установить для свободныхъ литературныхъ упражненій земскихъ дѣятелей, это — невозможность появленія въ земскомъ органѣ статей, направленныхъ принципиально противъ земства. Развитие земскаго самоуправления ради наилучшаго удовлетворенія нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія—вотъ та программа, которою единственно долженъ руководиться земскій органъ. Эта примирительная точка зрѣнія почтеннаго земскаго журнала страдаетъ весьма существенными недостатками и, прежде всего, совершенно не разрѣшаетъ вопросъ, поднятый гласнымъ Самаринымъ. „Саратовская Недѣля“ пытается возвести въ принципъ то московское рѣшеніе, которое представляется намъ компромиссомъ двухъ партій. Мало того, она набрасываетъ вредный оппортунистическій покровъ на истинный характеръ современнаго земства. „Земство въ цѣломъ“, земство, какъ сумма интересовъ мѣстнаго населенія — фикція. Въ земскихъ собраніяхъ идетъ живая борьба направленій, борьба партій, хотя наши примирители и не любятъ этого слова. Органъ, который откроетъ свои страницы для представителей всѣхъ теченій, рискуетъ превратиться въ складочное мѣсто, такъ какъ ни одинъ убѣжденный человѣкъ не станетъ во главѣ изданія, гдѣ онъ долженъ исполнять только скромныя обязанности не то корректора, не то архиваріуса. При безличной объективности редакціи невозможно образованіе редакціонной группы, которая явилась бы основнымъ ядромъ сторонниковъ даннаго направленія, первичною ячейкою данной партіи, т. е. невозможна тѣсная связь между практиками и теоретиками, необходимая для успѣха литературнаго предпріятія. Для того, чтобы земскій органъ былъ дѣйствительно вліятельнымъ и живымъ, онъ долженъ принять дѣятельное участіе въ партійной борьбѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ будетъ являться выразителемъ только мнѣній даннаго большинства земскаго собранія и что съ измѣненіемъ этого большинства ему придется измѣнить свое направленіе. Но

въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакой бѣды и, наконецъ, это неизбежно. Чѣмъ сознательнѣе становится земская масса, тѣмъ болѣе обостряются грани между отдѣльными теченіями земской среды. Неспредѣленная, безформенная „человѣческая пыль“ превращается въ ясныя индивидуальности. Борьба между ними служитъ залогомъ дальнѣйшаго развитія. И желать покрыть одною расплывчатою программю богатую красками жизнь,—значитъ желать движенія назадъ. Земскій органъ долженъ быть партійнымъ органомъ, онъ долженъ выражать взгляды и мнѣнія той части земскихъ дѣятелей, которые стоятъ въ настоящій моментъ у кормила. Противоположныя взгляды должны находить въ немъ мѣсто исключительно для того, чтобы быть опровергнутыми. Онъ долженъ имѣть ясную и детально разработанную *партійную* программу земской работы, проводить ее во всѣхъ частныхъ вопросахъ, защищать ее, бороться съ ея противниками, долженъ другими словами, быть однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій въ столкновенияхъ различныхъ партій. Только тогда его страницы не будутъ вызывать въ читателяхъ „не то боязнъ, не то скуку“, и его запыленные книжки перестанутъ неразрѣзанными почивать на полкахъ.

Само собою разумѣется, что и въ предѣлахъ одной программы возможны различныя тактическія взгляды, различныя мнѣнія по техническимъ вопросамъ. Таковъ долженъ быть органъ, который, по выраженію гласнаго семидесятихъ годовъ, предназначенъ сыграть роль души въ земскомъ тѣлѣ. Понятно, что онъ долженъ быть одинъ. Всѣ остальные земскія изданія, съ такимъ обиліемъ возникающія въ послѣдніе годы, должны преобразоваться въ народныя газеты, которыя пронизываютъ въ народную массу, какъ щупальцы руководящаго идейнаго центра. Только тогда станетъ возможною практическая попытка превратить въ серьезное дѣло тѣ громкія фразы о популяризаціи путемъ печатнаго слова земскихъ начинаній и развитіи въ массѣ плательщиковъ сознательнаго отношенія къ земскому дѣлу, фразы, которыя теперь лишь украшаютъ объявленія объ изданіи новыхъ земскихъ журналовъ.

V.

Мы не будемъ останавливаться на промежуточныхъ типахъ земскихъ журналовъ; между ними попадаются удачныя и неудачныя, но самостоятельнаго значенія они не имѣютъ.

Обратимся къ другому полюсу земской журналистики — къ земской народной газетѣ. Старый вопросъ о ней пріобрѣтаетъ въ настоящее время особенный и жгучій интересъ. Война на Дальнемъ Востокѣ пробудила въ деревенскомъ населеніи такое вниманіе къ событіямъ вѣшняго міра, какого, вѣроятно, еще никогда не проявлялъ изолированный, заброшенный

русскій поселекъ. Мы не имѣемъ возможности дѣлать здѣсь сводку всѣхъ газетныхъ сообщеній, посвященныхъ описанію современнаго настроенія крестьянства. Ограничимся однимъ письмомъ корреспондента „Русск. Вѣдом.“ по поводу чтенія газетъ въ Пензенской губ. Въ губерніи, удаленной отъ центровъ, безъ фабрикъ и горныхъ промысловъ, съ слабо развитою сѣтью школъ наблюдается, по словамъ корреспондента, необычайное оживленіе. Не говоря уже про губернской городъ, гдѣ народъ покупаетъ даже дорогія экстренныя прибавленія по 5 коп., въ селахъ, гдѣ раньше выписывалось шесть газетъ, теперь выписываютъ 15; въ глухомъ мордовскомъ селѣ 20 человекъ крестьянъ сложились; чтобы выписать „Русское Слово“, въ другомъ селѣ, по близости станціи, народъ придумалъ еще болѣе остроумный способъ снабженія извѣстіями: каждый день къ поѣзду отрягается ходокъ, который входитъ въ вагонъ 2-го класса и запрашиваетъ у „господа“ читанную газету. Одинъ зажиточный, но неграмотный крестьянинъ выписалъ себѣ газету, а на насмѣшки по этому поводу отвѣчалъ, что теперь къ нему всякій придетъ читать. Чородищенскій училищный совѣтъ выписалъ для всѣхъ земскихъ школъ уѣзда „Русское Чтеніе“ въ виду его дешевизны, и въ тѣхъ селахъ, гдѣ оно получается, народъ уже самъ сталъ выписывать его для себя. По отзывамъ всѣхъ старожиловъ, война 1877 г. не сопровождалась такимъ оживленіемъ: отчасти тутъ сказалось вліяніе школы, отчасти смутное сознаніе народа, что эта война тяжелѣе и серьезнѣе той; первыя неудачи подогрѣли это чувство. Выѣстъ съ тѣмъ, незамѣтно никакого шовинизма, которому нашъ народъ былъ всегда чуждъ, и кровопролитныя картинки съ урѣзаніемъ носовъ и проч., выпускаемыя безграмотными спекулянтами Никольской улицы, начинаютъ даже вызывать протестъ. Помимо всего прочаго, эта война оставить слѣды въ просвѣщеніи народа. Только побольше здоровой пищи ему. Наши газеты могли бы помочь... Только для этого нашимъ органамъ надо почаще вспоминать, что они пишутъ не только для высоко-культурнаго столичнаго жителя, что теперь они читаются самымъ подлиннымъ народомъ, и не затруднять ему чрезмѣрно пониманіе простыхъ по существу вещей мудреными словами и оборотами рѣчи. Эти простыя строки очень выпукло рисуютъ беспомощное состояніе деревенскаго читателя, жаждущаго правды. И невольно мысль обращается къ народной газетѣ.

Въ этомъ смыслѣ земства, издающія уже много „органовъ“, цѣнность которыхъ мы выше пытались показать, сдѣлали поразительно мало. Въ настоящее время мы имѣемъ всего три: Вятскую, Нижегородскую и Казанскую „газеты“. Первая—насчитываетъ уже десять лѣтъ, вторая—одинъ и третья—два года существованія. Старѣйшая изъ этихъ газетъ, послужившая прототипомъ остальныхъ, представляетъ весьма поучительный опытъ изданій

подобнаго рода. Она выходитъ въ свѣтъ съ 31 марта 1894 года. Первоначально программа „Вятской Газеты“ носила специальный характеръ и ограничивалась разработкою сельско-хозяйственныхъ и кустарно-промышленныхъ вопросовъ. Черезъ годъ, по новому ходатайству земства, къ прежнимъ отдѣламъ были добавлены: а) правительственныя распоряженія, б) хозяйственная жизнь губерніи и Россіи, в) земское хозяйство, продовольственное дѣло и страховое, г) статьи по медицинѣ и ветеринаріи, д) народное образованіе. Съ 1896 г., по новому ходатайству земства, былъ добавленъ историко-литературный отдѣлъ. Съ этого времени для специальныхъ отдѣловъ (по сельскому хозяйству и кустарной промышленности) при газетѣ издается особое приложение. Съ 1898 г. газета даетъ, какъ особое ежемѣсячное приложеніе, „Пчеловодный отдѣлъ“. Всѣ приложенія высылаются бесплатно. Первый годъ „Вятская Газета“ выходила черезъ 2 недѣли, а съ 1895 г. она появляется каждую недѣлю. Съ того же года подписная цѣна, бывшая сначала 1 р., удвоена. Для возможно большаго распространенія газеты среди крестьянскаго населенія, земство разсылаетъ 6,660 экземпляровъ ея бесплатно черезъ слѣдующія учрежденія и лица: бібліотекарей учрежденныхъ Вятскимъ земствомъ такъ называемыхъ „пятирублевыхъ“ бібліотекъ, волостныя правленія, начальныя свѣтскія и духовныя школы, волостныя бібліотеки, земскія управы, всѣхъ земскихъ гласныхъ, земскихъ начальниковъ, полицейскія управленія, уѣздныя съѣзды и, наконецъ, всѣхъ служащихъ губернскаго земства. Какъ показываютъ опросы бесплатныхъ читателей, произведенные земствомъ въ 1895 и 1898 годахъ, „Вятская Газета“ пользуется полнымъ сочувствіемъ крестьянскаго населенія, не только платоническимъ, но и активнымъ ¹⁾. Въ замѣткѣ, написанной по случаю десятилѣтія газеты, редакція приноситъ искреннюю благодарность тѣмъ изъ своихъ читателей, которые помогаютъ ей и Вятскому земству распространять газету въ деревнѣ, насаждать знанія и просвѣщеніе среди „темныхъ“ людей. Дѣло въ томъ, что деревенскіе жители въ массѣ своей безграмотны или малограмотны; одни изъ нихъ совсѣмъ не умѣютъ читать, другіе только съ трудомъ читаютъ и мало понимаютъ прочитанное; есть и такіе, которые недовѣрчиво относятся къ газетамъ и книгамъ, даже смѣются надъ тѣми, кто читаетъ ихъ. Поэтому недостаточно только посылать газету въ деревню. Надо еще прочитать ее вслухъ, растолковать непонятное, а нѣкоторыхъ и убѣдить въ пользу знаній и чтенія. Въ послѣднее время все чаще и чаще встрѣчаются въ деревнѣ образованные крестьяне, которые не только сами много читаютъ, но и скорбятъ о народной темнотѣ, горять желаніемъ хоть

¹⁾ П. Голубевъ. Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. 1901 г. стр. 114.

сколько-нибудь ее разсѣять. Они не только читатели, но и чтецы, они просвѣщают своихъ сосѣдей, дѣлятся съ ними своими знаниями, приучаютъ ихъ къ чтенію, „придѣлываютъ огонь къ камню“. И такихъ читателей-чтецовъ у „Вятской Газеты“, по словамъ редакціи, много. Не мало у нея и сотрудниковъ изъ народа. Въ 1903 г. за первые 9 мѣсяцевъ въ 39 номерахъ „Вятской Газеты“ напечатано было 143 корреспонденціи, написанныя самими крестьянами. Кромѣ того, въ газетѣ напечатаны 14 рассказовъ и очерковъ, составленныхъ тоже самими крестьянами. Надо замѣтить, что много статей и писемъ, присылаемыхъ крестьянами, остаются непечатанными по разнымъ причинамъ, преимущественно, вѣшняго характера. Такое же активное сочувствіе крестьянства замѣчается и въ практикѣ молодыхъ народныхъ газетъ: нижегородской и казанской. Ихъ программы почти дословно повторяютъ программу „Вятской Газеты“, только литературно-историческій отдѣлъ отсутствуетъ за неполученіемъ на него разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ. Распространяются обѣ газеты приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вятская. Нижегородская — въ количествѣ 3.000, казанская — въ количествѣ 4.500 экземпляровъ. Последняя, существующая уже около трехъ лѣтъ, успѣла вполне сложиться и является очень удачнымъ опытомъ приспособленія газеты къ условіямъ и потребностямъ деревни. Она представляетъ дѣйствительно деревенскій, мѣстный органъ. Сама деревня принимаетъ непосредственное и живое участіе въ составленіи номера своего органа. Крестьяне, учителя, волостные писаря, священники, землевладѣльцы, даже исправникъ и „крестьянская дѣвица“ — таковы сотрудники „Казанской Газеты“. Достоинъ всякаго вниманія, что, несмотря на тѣсныя рамки, въ которыя она заключена цензурными условіями, газета оказалась способной уловить многіе вопросы крупнаго общественнаго значенія, волнующіе мѣстныхъ жителей. Для примѣра, укажемъ на вопросъ объ изданіи книгъ на инородческихъ языкахъ, вопросъ, который для Казанской губерніи, населенной преимущественно инородцами, имѣетъ громадную важность. Статья, напечатанная на эту тему въ одномъ изъ первыхъ номеровъ газеты, вызвала оживленную полемику, въ которой приняли участіе крестьяне и представители сельской интеллигенціи. Такой же обширный обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о пособіяхъ, выдаваемыхъ губернскимъ земствомъ домохозяевамъ, желающимъ выселяться изъ большихъ деревень въ отдѣльные поселки. Цѣлый рядъ бытовыхъ статей о медицинѣ, знахаряхъ и врачахъ, деревенскихъ адвокатахъ, міроѣдахъ, о дракахъ въ праздники, о запрещеніи работать по праздникамъ — написанъ также самими деревенскими обывателями и показываетъ, что деревня дѣятельно сочувствуетъ попыткѣ пролить свѣтъ гласности въ ея беспросвѣтную вѣковую тьму. Редакціи народныхъ газетъ не могутъ пожаловаться, какъ „Сарат.

Земская Недѣля“, на отсутствіе сотрудниковъ изъ среды непосредственныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Деревня активно идетъ навстрѣчу литературному воздѣйствію. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Такимъ образомъ создается на почвѣ литературнаго общенія своеобразная организація, связанная болѣе духовными узами, чѣмъ формальными уставами, но тѣмъ болѣе прочная, тѣмъ болѣе вліятельная. Газета группируетъ около себя все, что стремится къ свѣту въ деревенской тьмѣ, и вырабатываетъ практическихъ работниковъ, которые внесутъ нѣчто новое въ повседневную жизнь поселка. Она формируетъ армію для завоеванія лучшаго будущаго. Поэтому, мы едва-ли впадемъ въ преувеличеніе и ошибку, если закончимъ нашу статью указаніемъ на то, что губернскія земства сдѣлаютъ наиболѣе продуктивный шагъ, если преобразуютъ свои никому ненужные и безжизненные „органы“ въ народныя газеты, польза которыхъ неопровержимо доказывается даже недолгимъ сравнительно опытомъ трехъ существующихъ изданій этого типа.

Ник. Іорданскій.

Хроника русской жизни.

(Губернскія совѣщанія по пересмотру положенія о крестьянахъ. „Гражданинъ“ объ уходѣ Д. Н. Шипова. Инцидентъ съ кн. Щербатовымъ въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Статья „Московскихъ Вѣдомостей“. „Наши псевдонаучные сѣбды“. Искъ въ сенатѣ г. Британа къ д. с. с. Устругову. Нѣсколько судебныхъ процессовъ и административныхъ распоряженій. Происшествія въ Кронштадтѣ и Баку. Журнальныя новости и послѣднія распоряженія по дѣламъ печати).

Не много найдется во всей русской жизни вопросовъ, на которыхъ бы сходились съ такимъ единодушіемъ всѣ прогрессивные элементы Россіи, какъ вопросы о правовомъ положеніи русскаго крестьянина. Всѣ, рѣшительно всѣ мыслящіе русскіе люди, за исключеніемъ горсти реакціонеровъ-крѣпостниковъ околоточнаго направленія, согласны въ томъ, что правовое положеніе русскаго крестьянина въ высшей степени ненормально и подлежитъ коренному измѣненію. Какъ нѣкогда, въ эпоху существованія крѣпостного права, вопросъ о необходимости освобожденія отъ этого „права“ многомилліонной массы русскаго крестьянства объединялъ и славянофиловъ, и западниковъ, и людей иныхъ прогрессивныхъ направленій, не смотря на то, что, по другимъ вопросамъ, направленія эти нерѣдко между собою расходились, такъ нынѣ необходимость признанія крестьянина не какимъ-то недорослемъ, за которымъ нуженъ „глазъ да глазъ“, а полноправною личностью русскаго государства, — является такою аксіомою, спорить противъ которой уже прямо таки невозможно ни съ логической, ни съ моральной точекъ зрѣнія. Вопросъ объ освобожденіи крестьянина отъ тяготящей надъ нимъ специфической внѣшней опеки и признаніе за нимъ тѣхъ же правъ, которыми пользуются другія сословія, — вопросъ этотъ является, повторяемъ, однимъ изъ самыхъ коренныхъ, назрѣвшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ всей русской жизни. Реальная дѣйствительность, однако, не го-

ворить въ пользу разрѣшенія этого вопроса въ прогрессивномъ направле-
 нии. Газеты приносятъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о начавшихся рабо-
 тахъ совѣщаній по пересмотру законоположеній о крестьянахъ... Строго бюро-
 кратическое начало, отсутствіе публичности, отсутствіе гласности, страшно
 узкія рамки, въ которыя поставлены работы—вотъ самыя характерныя черты
 засѣданій господъ, совѣщающихся о пользахъ и нуждахъ мужика. Въ со-
 вѣщаніяхъ этихъ всецѣло царятъ бюрократическіе и дворянскіе элементы.
 Губернское чиновничество, предводители дворянства, земскіе начальники, да
 кое-какіе гласные, по приглашенію администраціи,—вотъ изъ кого состоятъ
 губернскія совѣщанія. Ну, а гдѣ же мужикъ, тотъ самый мужикъ, о нуж-
 дахъ котораго идутъ разговоры въ совѣщаніяхъ?..

* * *

Какъ извѣстно, въ Вологдѣ оставилъ свой постъ предсѣдатель Воло-
 годской губернской земской управы В. А. Кудрявый, а въ Москвѣ оставилъ
 такой же постъ Д. Н. Шиповъ. По случаю оставленія г. Кудрявымъ своей
 должности въ Вологдѣ былъ данъ ему торжественный обѣдъ, описаніе
 котораго помѣщено въ газетѣ „Сѣверный Край“:

„Присутствовало около 70 человѣкъ,“ говоритъ газета. „Торжество но-
 сило весьма задушевный и даже трогательный характеръ. Въ произнесен-
 ныхъ рѣчахъ была охарактеризована земская дѣятельность В. А. Кудря-
 ваго. За время предсѣдательства В. А. было основано нѣсколько
 новыхъ отдѣленій управы съ весьма важными функціями. Такъ, до послѣд-
 няго времени губернское земство принимало очень слабое, чисто пассив-
 ное участіе въ развитіи народнаго образованія, ограничиваясь лишь выда-
 чею небольшихъ субсидій уѣзднымъ земствамъ. При В. А. Кудрявомъ
 картина измѣнилась. Губернское земство начало энергично работать во
 всѣхъ областяхъ школьнаго и внѣшкольнаго народнаго образованія—пу-
 темъ воздѣйствія на уѣзды и прямо своимъ непосредственнымъ участіемъ.
 Основалось школьное бюро, уже теперь, за небольшой періодъ своего суще-
 ствованія, проявившее разностороннюю дѣятельность, выработавъ проектъ
 всеобщаго обученія въ губерніи и т. д. При В. А. начало также функціо-
 нировать санитарное отдѣленіе, благодаря работамъ котораго далеко по-
 двинулось впередъ дѣло обезпеченія народа медицинской помощью. Въ
 послѣднюю сессію было постановлено организовать агрономическое отдѣле-
 ніе. Дѣятельность прежде существовавшихъ отдѣленій—напр., статистиче-
 ского, кустарнаго,—получила широкое развитіе. Товарищеская бесѣда за-
 кончилась искренними пожеланіями всѣхъ присутствующихъ продолженія
 плодотворной дѣятельности В. А.“

О положеніи дѣлъ вообще въ Вологодскомъ земствѣ въ „Русскихъ Вѣдо-
 мостяхъ“ напечатано такое сообщеніе:

„Дѣятельность управы, какъ исполнительнаго органа земства, въ текущемъ году, повидимому, будетъ затруднена какъ новыми выборами, такъ и другого рода обстоятельствами. Оцѣночно-статистическія изслѣдованія Грязовца и Вологды, предполагавшіяся съ мая, откладываются до іюня или іюля, а можетъ быть, и совсѣмъ въ текущемъ году не будутъ начаты. Отдѣленіе по народному образованію почти не дѣйствуетъ, вслѣдствіе отсутствія въ немъ служащихъ. Промысловое бюро тоже находится въ переходномъ состояніи. Книжный складъ—тоже. Повидимому, подборъ служащихъ для управы въ настоящее время составляетъ весьма трудную задачу. Вотъ уже второй годъ, какъ ей приходится подыскивать агронома. Представляемые на утвержденіе лица не утверждаются. Управа представила на утвержденіе избранное ею лицо для завѣдыванія страховымъ дѣломъ, и, несмотря на то, что мѣсяца два тому назадъ это лицо было допущено къ завѣдыванію пенсіоннымъ столомъ, въ должности завѣдывающаго страховымъ дѣломъ оно не было утверждено.“

Очередь, наконецъ, дошла и до предсѣдателя управы...

Князь Мещерскій видитъ, впрочемъ, корень всего зла въ „тайныхъ совѣтникахъ.“ Одинъ „московскій помѣщикъ“ сообщилъ издателю „Гражданина“, что „по шиповскому дѣлу“ въ Петербургѣ волнуются больше, чѣмъ въ Москвѣ. „У насъ въ Москвѣ кто волновался?“—говоритъ помѣщикъ. „Кучка земцевъ и кое-какіе адвокатики, и удивительнаго тутъ ничего не можетъ быть; а здѣсь я вотъ чему удивляюсь: здѣсь волнуются сановники и въ самомъ неприличномъ тонѣ,—меня это просто взорвало: человекъ всѣмъ обязанъ Государю, получаетъ большое жалованье, засѣдаетъ въ высшемъ правительственномъ учрежденіи и ругаетъ правительство тѣмъ же пошлымъ и глупымъ языкомъ, которымъ говорятъ у насъ самага послѣдняго сорта гимназисты. И, вѣдь, не одинъ такъ говорить: я такихъ молодцовъ видѣлъ цѣлую тройку. Одному, не вытерпѣвъ, сказалъ: извините, ваше выс—ство, у насъ, въ Москвѣ, и наши Мараты говорятъ болѣе сдержанно.“

„Это очень вѣрно схваченная приѣзжимъ черта петербургскаго сановнаго міра, замѣчаетъ отъ себя князь Мещерскій. Это гадкая черта, холопская, рассчитанная на доброту и терпимость барина.“

„Въ этомъ отношеніи интересно различіе между духомъ оппозиціи въ Москвѣ—и въ Петербургѣ. Въ Москвѣ она—традиционная: московская фронда и будерія всегда гнѣздились въ Москвѣ, теперь къ нимъ примѣшался леберализмъ интеллигента, но все же, гдѣ только она ни проявляется, эта оппозиція, въ Москвѣ она, опять-таки по силѣ преданій, блюдетъ границы приличія, иногда доступна вліянію отрезвленной мысли, имѣетъ подчасъ порывы и реакцію и въ свободной атмосферѣ проявляетъ извѣстное приличіе и порою даже извѣстный тактъ; кромѣ того, ближе къ русской жизни

эта московская оппозиція доступна влиянію на сердце, ибо имѣеть сердечную жизнь.

„Въ Петербургѣ эта сановная оппозиція прежде всего лишена порядочности, и по характеру—холопская и хамская; оттого она недоступна ни дѣйствию трезвой мысли, ни дѣйствию сердца, что неизбежно, ибо тѣмъ же надо быть, какъ не хамомъ, чтобы, получивши *все* отъ правительства, пользоваться всякимъ случаемъ и своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы сознательно наносить вредъ правительству, подрывая его авторитетъ смутю и злонамѣреннымъ толкованіемъ его дѣствий.. И гимназистъ, вольнодумствующій въ средѣ, гдѣ онъ брошенъ безъ руководителей на произволъ судьбы, не долженъ-ли быть судимъ во сто разъ снисходительнѣе того сановника, который, подъ прикрытіемъ золоченаго мундира и орденскихъ лентъ, изъ-за угла хулитъ правительство?”

И въ этомъ отношеніи наблюденія, въ короткій срокъ подхваченныя москвичомъ, тѣмъ характерны, что въ нихъ таится подтвержденіе того печальнаго факта, что не Москва, а именно Петербургъ, съ его сановными вольнодумцами, съ его болтунами тайными совѣтниками, есть та клоака, изъ которой по провинціи расходятся всѣ злокачественные слухи, сплетни и толки, смущающіе вездѣ честныхъ людей и ободряющіе злонамѣренныхъ. Петербургъ есть академія и центръ деморализации, и если на улицахъ и въ домахъ не дозволяется, приличія и гигиены ради, дѣлать нечистоты, то я не вижу, почему позволять людямъ, только потому, что они сановные, наполнять духовною грязью своихъ устъ петербургскіе кабинеты и гостиныя. Ея бы не потерпѣли ни въ Берлинѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Вѣнѣ, ни даже въ Парижѣ; почему же она должна быть терпима въ Петербургѣ? Хочешь вольнодумствовать—сними мундиръ, откажись отъ жалованья и иди въ свободные интеллигенты на службу его корифеямъ.“

Князю Мещерскому, разумѣется, понадобилось отѣбнить „московскую фронду“ не въ пользу „фронды“ петербургской лишь для даннаго случая. Не сапогъ даже износить, а едва ли нѣсколько паръ бѣлья переменить успѣлъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ яростно изображалъ дѣятельность Московскаго общества сельскаго хозяйства все по тому же „шиповскому дѣлу“ и осыпалъ похвалами вызвавшего неудовольствіе всего общества его президента, князя Щербатова. Да и какъ не хвалить князю Мещерскому князя Щербатова, когда оба они готовы всегда на самые удивительные фокусы. Прочтите слѣдующія строки въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ о происходившемъ недавно засѣданіи Московскаго общества сельскаго хозяйства, на которомъ князь Щербатовъ отказался отъ должности президента:

„Открывая собраніе,“ пишетъ газета, „предсѣдатель сказалъ рѣчь о томъ, что война на Дальнемъ Востокѣ не должна вести къ ослабленію дѣятель-

ности общества, которому съ прежней энергіей слѣдуетъ отдаться своимъ занятіямъ, а затѣмъ предложилъ приступить къ очереднымъ дѣламъ. С. А. Пржевальская, заявляя о распространенныхъ слухахъ, что изъ земледѣльской школы исключены 12 учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были удалены изъ заведенія даже ночью, обратилась къ предсѣдателю съ просьбой дать обществу разъясненія по поводу этого дѣла. Кн. А. Г. Щербатовъ отвѣтилъ, что это дѣло разслѣдуется совѣтомъ о-ва и будетъ разсматриваться въ засѣданіи его 15 апрѣля. Г-жа Пржевальская настаивала, чтобы по возбужденному ею вопросы даны были объясненія теперь же, и вопросъ былъ бы подвергнутъ обсужденію въ настоящемъ засѣданіи. Кн. А. Г. Щербатовъ заявилъ, что въ настоящемъ засѣданіи поднятый вопросъ не можетъ обсуждаться, такъ какъ онъ не внесенъ въ повѣстку засѣданія. А. В. Тесленко, замѣчая, что по уставу общества *заявленія, вносимыя въ собраніе за подписью не менѣе 12 членовъ общества, должны разсматриваться въ томъ же засѣданіи*, подаетъ заявленія отъ 14 лицъ, въ которомъ, на основаніи § 90 устава, предлагается обществу въ засѣданіи его 9-го апрѣля обсудить „не терпящій отлагательства вопросъ объ исключеніи 12 учениковъ земледѣльской школы, состоящей въ завѣдываніи общества“. Предсѣдатель, принимая это заявленія, *отказывается поставить его на обсужденіе общества въ настоящемъ засѣданіи*, такъ какъ программа собранія общества утверждается, по его словамъ, административными властями и не можетъ быть измѣняема. С. М. Блекловъ и В. В. Пржевальскій настаиваютъ на разсмотрѣніи внесеннаго заявленія, доказывая, что *общество должно руководиться утвержденнымъ уставомъ*. Кн. А. Г. Щербатовъ повторяетъ, что онъ не можетъ допустить къ обсужденію заявленіе членовъ общества, пока дѣло не будетъ разсмотрѣно совѣтомъ общества. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій членовъ, предсѣдатель предлагаетъ рѣшить баллотировкою: угодно ли отложить разсмотрѣніе вопроса объ исключеніи учениковъ до слѣдующаго засѣданія. *Баллотировкой рѣшено обсуждать поднятый вопросъ въ настоящемъ засѣданіи*. Кн. А. Г. Щербатовъ снова заявляетъ, что онъ не можетъ допустить къ разсмотрѣнію вопросъ теперь и долженъ закрыть засѣданіе. Раздается голосъ: „Въ такомъ случаѣ, мы выберемъ другого предсѣдателя, чтобы обсудить вопросъ въ настоящемъ засѣданіи“. Но С. М. Блекловъ замѣчаетъ, что лучше прекратить засѣданіе, чѣмъ подвергаться такому произволу. Кн. А. Г. Щербатовъ предлагаетъ перейти къ очереднымъ дѣламъ, а если это собранію не угодно, то онъ закроетъ засѣданіе. А. В. Тесленко предлагаетъ поставить на баллотировку вопросъ о выраженіи порицанія предсѣдателю за его произвольный образъ дѣйствій. Кн. А. Г. Щербатовъ отвѣчаетъ, что *такого вопроса онъ не мо-*

жетъ поставить на баллотировку, а А. В. Тесленко заявляетъ, что такъ какъ въ собраніи не высказывается протеста противъ его предложенія, то, значить, оно принимается единогласно молчаливымъ согласіемъ собранія. Раздаются аплодисменты. Кн. А. Г. Щербатовъ, считая недопустимыми такія отношенія къ предсѣдателю, заявляетъ, что онъ не можетъ больше оставаться во главѣ общества, закрываетъ собраніе и отказывается отъ должности президента общества. По закрытіи засѣданія члены общества обратились къ вице-президенту общества Г. Н. Кругликову съ просьбой остаться въ этой должности, пока сформируется новый совѣтъ общества, за выходомъ въ отставку нѣкоторыхъ его членовъ. Г. Н. Кругликовъ обѣщаль исполнить эту просьбу.“

Президенту говорятъ, что на основаніи устава, т. е. по закону, онъ долженъ поступить такъ то и такъ то. Президентъ отказывается. Члены настаиваютъ на своемъ *правѣ* дѣйствовать на основаніи устава, а не на основаніи произвола президента. Президентъ ставитъ на баллотировку этотъ вопросъ въ надеждѣ, очевидно, найти поддержку своему произвольному образу дѣйствій въ большинствѣ собранія, а когда большинство это оказывается не на его сторонѣ, то онъ снова отказывается допустить къ обсужденію тотъ вопросъ, изъ-за котораго и загорѣлся сыр-боръ. Но тогда спрашивается: зачѣмъ же князь Щербатовъ ставилъ зотъ вопросъ на баллотировку? Достойный ли это образъ дѣйствій? Убѣжденъ, что вопросъ разсматривать нельзя,—хотя для такого убѣжденія и не было на-лицо ни малѣйшихъ законныхъ основаній,—ну и продолжай, по крайней мѣрѣ, до конца твердо держать знамя околоточнаго надзирателя; такъ нѣтъ же, надо *рисковать*,—не поддержать ли произволъ большинство собранія, а когда этого не случилось, то снова занять прежнюю позицію Китъ Китыча, которому законъ не писанъ, котораго обидѣть никто не смѣетъ, ибо онъ самъ всякаго обидѣть можетъ. Въ довершеніе всего, этотъ джентльменъ отказывается поставить на баллотировку вопросъ о выраженіи ему же порицанія, такъ какъ,—позвольте ли видѣть,—онъ считаетъ „недопустимыми“ такія отношенія къ предсѣдателю“. Еще бы! „Допустимы,“ очевидно, лишь „такія отношенія предсѣдателя къ обществу,“ которыя съ неслышаннымъ поправіемъ всякой законности, всѣхъ правъ членовъ общества позволили себѣ князь Щербатовъ! Какъ же тутъ князю Мещерскому его не славословить! Но не слишкомъ ли ужъ, однако, зарываются ихъ сіятельства?...

Нѣтъ, оказывается, „не слишкомъ“. Ихъ сіятельства знаютъ, что дѣлаютъ, какъ знаютъ это и ихъ союзники изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Прочтите въ этой газетѣ слѣдующую статью, называющуюся „наши псевдонаучные сьзды“, и вы увидите нѣкое „равненіе подъ одно“. Вотъ эта статья:

„Гофмейстеръ Высочайшаго Двора, сенаторъ, тайный совѣтникъ Е. Ѳ. Турау,—назначенный для ознакомленія съ дѣлами Общества Русскихъ Врачей въ память Н. И. Пирогова, Третьяго Съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію и Перваго Всероссийскаго Съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному населенію, происходившаго въ Москвѣ въ февралѣ 1901 года,—прибылъ на-дняхъ въ Москву и приступилъ къ ревизіи этихъ съѣздовъ.

„Ревизія дѣятельности съѣздовъ по вопросамъ прикладныхъ научныхъ знаній—явленіе не бывалое. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что собрались врачи, или дѣятели технического образованія, или агрономы и сельскіе хозяева, и посвятили рядъ засѣданій разсмотрѣнію интересующихъ ихъ специальныхъ вопросовъ той или другой отрасли прикладныхъ наукъ. Конечно, рѣшенія и постановленія такихъ съѣздовъ могутъ быть съ научной точки зрѣнія болѣе или менѣе удачны, болѣе или менѣе полезны, но, во всякомъ случаѣ, трудно представить себѣ: что могла бы сдѣлать съ этими постановленіями ревизія ихъ однимъ лицомъ административнаго званія, какъ бы ни было высоко его положеніе на іерархической лѣстницѣ. Совершенно очевидно, что ревизія, подобная той, которая только-что предпринята въ Москвѣ, не можетъ имѣть цѣлью извлеченія изъ трудовъ съѣздовъ цѣнныхъ для Правительства указаній, такъ какъ эта задача могла бы быть болѣе успешно выполнена специальными администраціями. Такъ, полезныя указанія изъ трудовъ Съѣзда Врачей могли бы быть извлечены медицинскою инспекціей; изъ трудовъ Съѣзда дѣятелей по профессиональному образованію—Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а Съѣзда агрономовъ—Министерствомъ Земледѣлія.

„Если же, взамѣнъ такого ознакомленія съ трудами, предпринята ревизія дѣятельности этихъ Съѣздовъ однимъ административнымъ лицомъ, то надо думать, что задача этой ревизіи заключается не въ извлеченіи изъ трудовъ Съѣздовъ могущихъ заключаться въ нихъ цѣнныхъ вкладовъ творчества и опыта, а въ чемъ-то иномъ.

„И дѣйствительно, все, что мы знаемъ о дѣятельности трехъ упомянутыхъ Съѣздовъ, заставляетъ насъ предполагать, что искать въ этихъ трудахъ какихъ-либо специальныхъ свѣдѣній и цѣнныхъ выводовъ и заключеній по соответственнымъ отраслямъ прикладныхъ наукъ было бы работою малопроизводительною. Главная энергія Съѣздовъ была направлена совсѣмъ не на специальные вопросы, подлежавшіе ихъ разсмотрѣнію, а на обсужденіе вопросовъ политическихъ, а также, несомнѣнно, и на общеніе въ политическихъ же цѣляхъ. Другими словами: подъ флагомъ съѣзда специалистовъ устраивались политическія сборища, закономъ недозволенные. Съѣздъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію

въ Петербургѣ быть, напимѣрь, преждевременно закрыть по распоряженію градоначальника, такъ какъ на *немъ* *начались возмутительныя избіенія членовъ, конечно, по мотивамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ предметамъ дѣятельности Съезда.*

Терпѣть долѣе такія злоупотребленія довѣріемъ Правительства совершенно невозможно, и эту необходимость принять какое-нибудь рѣшеніе въ отношеніи съѣздовъ и объясняется, по всей вѣроятности, ревизія сенатора Е. О. Турау.

„Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ необходимости и полезности съѣздовъ врачей, по техническому образованию, агрономическихъ и т. п. Но, конечно, при условіи, если эти съѣзды будутъ заниматься дѣйствительно тѣмъ дѣломъ, для котораго они созданы, а не будутъ представлять собою ширмъ для политическихъ сборищъ. Практика послѣднихъ годовъ настолько скомпрометтировала съѣзды, что настоящіе спеціалисты и дѣйствительные работники или не являются на нихъ вовсе, или являются, по неопытности и незнанію, въ такомъ ничтожномъ меньшинствѣ, что совершенно поглощаются лицами, пытающимися создать у насъ замаскированные *политическіе клубы.*

„Расчетъ здѣсь совершенно ясенъ: до тѣхъ поръ, пока съѣзды въ нынѣшнемъ ихъ видѣ будутъ разрѣшаться, ими будутъ пользоваться для политическихъ цѣлей. Если же съѣзды будутъ запрещены, то явится мотивъ для lamentaціи на ту тему, что у насъ, молъ, „нельзя собраться даже самымъ безобиднымъ спеціалистамъ, чтобы потолковать между собою о чисто-практическихъ и далекихъ отъ политики вопросахъ“.

„Вотъ почему мы думаемъ, что если псевдо-научные съѣзды не должны быть терпимы, то, съ другой стороны, было бы крайне нежелательно запрещеніе съѣздовъ для общенія и обмѣна мыслей дѣйствительныхъ работниковъ и спеціалистовъ между собою.

„Необходимо лишь установленіе новыхъ правилъ для подобныхъ съѣздовъ. Предсѣдательство на нихъ возможно ввѣрять лишь лицамъ, облеченнымъ довѣріемъ Правительства,—конечно, изъ спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ знаній. На отвѣтственности предсѣдателя должно быть недопущеніе къ обсужденію вопросовъ, не относящихся къ данной спеціальности и къ программѣ съезда. Затѣмъ, самый доступъ членовъ на съѣзды долженъ быть обставленъ такимъ образомъ, чтобы въ нихъ могли участвовать лишь настоящіе спеціалисты и серьезные работники, а не дилетанты и политическіе агитаторы, принимающіе на себя какое угодно званіе—лишь бы пробраться въ какую нибудь публичную говорильню.

„Мы уже неоднократно указывали на существованіе въ Москвѣ и во всей Россіи обширной компаніи политическихъ агитаторовъ, которые си-

стематически втираются во всякіе съѣзды съ цѣлью превращенія ихъ въ политическіе клубы. Однихъ и тѣхъ же лицъ на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вы можете видѣть въ званіи специалистовъ и по агрономіи, и по медицинѣ, и по педагогіи, и т. д. Вотъ отъ подобныхъ-то лицъ и нужно оградить съѣзды, во имя серьезнаго научнаго дѣла.

„Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что предпринятая ревизія дастъ Правительству обильный матеріалъ для установленія новыхъ правилъ разрѣшенія и внутренняго распорядка подобныхъ съѣздовъ“.

Существуютъ названія генераловъ *отъ* кавалеріи, *отъ* артиллеріи, *отъ* инфантеріи, почему бы не установить званіе редакторовъ *отъ* полиціи? почему бы не облачить формою то, что уже существуетъ въ реальности?—Это разъ.

А во-вторыхъ, если бы съ „Московскими Вѣдомостями“ можно было разговаривать по-человѣчески, то мы почтительнѣйше попросили бы ихъ указать намъ будто бы имѣвшіе мѣсто на техническомъ съѣздѣ факты „возмутительныхъ *избіеній* членовъ съѣзда“.

Мы утверждаемъ, что такихъ фактовъ *не было*, и что „Московскія Вѣдомости“ клеветуютъ. Но развѣ съ газетою со Страстнаго Бульвара можно говорить человѣческимъ языкомъ? Она твердо усвоила себѣ правило: *calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose*, а до правды ей столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга.

* * *

Въ послѣднее время на разсмотрѣніи Правительствующаго Сената находилось нѣсколько интересныхъ дѣлъ. Мы заимствуемъ отчетъ объ одномъ изъ нихъ (съ нѣкоторыми сокращеніями) изъ журнала „Право“.

Въ Правительствующемъ Сенатѣ разсматривалось 13 мая „дѣло объ изытаніи изъ обращенія брошюры, разрѣшенной цензурою“. Искъ по этому поводу былъ предъявленъ мѣщаниномъ Британомъ временно исправлявшему обязанности бессарабскаго губернатора д. с. с. Устругову, и изложенныя въ исковомъ прошеніи Британа обстоятельство дѣла, какъ передаетъ „Судебное Обзорніе“, а за нимъ и многія другія газеты, состояли въ слѣдующемъ:

„Вскорѣ послѣ анти-еврейскихъ беспорядковъ въ г. Кишиневѣ 6—8 апр. по ихъ поводу были произнесены проповѣди протоіереемъ о. Іоанномъ Сергіевымъ и житомірскимъ епископомъ Антоніемъ. Раздѣляя основныя мысли, высказанныя въ этихъ проповѣдяхъ, признавая крайне желательнымъ наиболѣе широкое ихъ распространеніе и убѣдившись въ громадномъ въ то время спросѣ на нихъ среди читающаго населенія южной Россіи, сильно взволнованнаго недавнимъ тогда кишиневскимъ погромомъ, проситель, Бри-

танъ, профессионально занимающійся литературною и издательскою дѣятельностью, вошелъ въ одесскій цензурный комитетъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему напечатать сказанныя проповѣди въ количествѣ 15 тысячъ экземпляровъ, для выпуска ихъ по 5 копеекъ за каждый. Размѣръ задуманнаго изданія опредѣлялся весьма точнымъ подсчетомъ сдѣланныхъ уже ему, Британу, заказовъ на эту брошюру. Просимое разрѣшеніе было получено отъ одесскаго цензурнаго комитета 17 мая 1903 года; тотчасъ же было отпечатано 4 тысячи экземпляровъ брошюры, совмѣщавшей въ себѣ обѣ проповѣди, а 22 мая, одновременно съ полученіемъ отъ кишиневскаго полицеймейстера разрѣшенія на расклейку въ городѣ объявленій о выходѣ этой брошюры, она была сдана въ книжные магазины; тогда же объявления были расклеены на городскихъ кіоскахъ.

„23 же мая по распоряженію исполнявшаго въ то время обязанности бессарабскаго губернатора, бывшаго бессарабскаго вице-губернатора г. Устругова брошюра была чинами мѣстной полиціи во всѣхъ книжныхъ магазинахъ отобрана, въ типографіи Шліомовича, гдѣ она печаталась, и на квартирѣ издателя; наборъ текста брошюры, заготовленный для печатанія дальнѣйшихъ экземпляровъ, былъ разсыпанъ, а объявления о выходѣ брошюры соскоблены съ кіосковъ городскими съ помощью шашекъ.

„Вышеозначенныя дѣйствія кишиневской полиціи, учиненныя ею, вслѣдствіе незаконнаго, а посему и „неосмотрительнаго“ распоряженія отвѣтчика, бывшаго въ то время начальникомъ кишиневской полиціи, причинило просителю убытокъ въ суммѣ 700 рублей, такъ какъ, помимо непосредственнаго ущерба, въ видѣ напрасно затраченнаго труда и денежныхъ средствъ на печатаніе брошюры, лишили его всей той выгоды, которую онъ могъ получить путемъ своевременнаго выпуска въ продажу 15 тысячъ экземпляровъ брошюры.

„Въ поддержаніе изложеннаго, ссылаясь на свидѣтелей и оцѣнивая искъ въ суммѣ 700 р., истецъ проситъ взыскать эту сумму съ проц. съ г. Устругова.

„Отвѣчикъ Уструговъ въ поданномъ объясненіи, между прочимъ, налагаетъ слѣдующее:

„Д-ръ Мучникъ сталъ просить разрѣшить еврейскому комитету издать отдѣльную брошюру, въ которой бы помѣстить слово о. Іоанна Кронштадтскаго и слово, сказанное 30 апрѣля 1903 года епископомъ Антоніемъ въ Житомирскомъ кафедральномъ соборѣ, съ цѣлью немедленной безплатной раздачи этой брошюры народу, передъ праздниками Вознесенія и Св. Троицы, когда можно скорѣе всего ожидать повторенія анти-еврейскихъ беспорядковъ. На это я не могъ согласиться. Слово о. Іоанна Кронштадтскаго, по содержанию своему, конечно, не представляло ничего опаснаго для раздачи

народу, но оно только что было помещено во всѣхъ одесскихъ газетахъ, а главное—мнѣ было достовѣрно извѣстно, что одно изъ вліятельныхъ лицъ іудефобской партіи нарочно поѣхало для свиданія съ авторомъ слова, чтобы убѣдить его измѣнить свой взглядъ на анти-еврейскіе беспорядки въ Кишиневѣ. Неосторожно было бы бесплатно раздавать темной массѣ такого рода поученіе пастыря церкви, которое онъ могъ вскорѣ измѣнить и ослабить новымъ обращеніемъ, черезъ печать, къ виновникамъ бывшихъ беспорядковъ. Такъ и случилось: вскорѣ появилось второе слово о. Іоанна, въ которомъ сквозило извиненіе за рѣзкость перваго и какъ бы сознаніе будто бы сдѣланной ошибки. Что же касается слова епископа Антонія, сказаннаго въ Житомирѣ 30 апрѣля, то эта рѣчь могла оказать вредное впечатлѣніе на народъ и заставить его думать, что и пастыри церкви не чужды подавляющаго вліянія всеобщаго еврейства. Епископъ Антоній ораторски, но совершенно невѣрно нарисовалъ въ своемъ словѣ небывалую картину анти-еврейскихъ беспорядковъ. Всѣ убійства совершены въ домахъ и вообще не на улицахъ; разрыванія труповъ не было, младенцевъ, въ числѣ убитыхъ,—тоже, а равно насилванія женщинъ судебнымъ слѣдствіемъ не установлено. И вдругъ православный архипастырь съ церковной кафедры повѣствуетъ своей паствѣ: въ Кишиневѣ „безчестили женщинъ, разрывали грудныхъ младенцевъ въ глазахъ матерей и трупы ихъ выбрасывали изъ оконъ на улицу вмѣстѣ съ товарами магазиновъ“. „Грабители обогащались вещами, облитыми кровью несчастныхъ жертвъ“.—„Страшись, христіанинъ, обижать священное, хотя и отвергнутое племя“. „Страшная казнь Божія постигнетъ тѣхъ злодѣевъ, которые проливаютъ кровь, родственную Бого-человѣку, Его Пречистой Матери, Апостоламъ и Пророкамъ“, восхваляетъ архипастырь, усердно восхвалявшій предъ тѣмъ жизнь Богомъ избраннаго народа, его любовь къ дѣтямъ, трудолюбіе и даже самое отреченіе отъ Христа, жакъ какъ черезъ это язычники, ненавидѣвшіе евреевъ, сдѣлались христіанами.

„Раздать такую брошюру массѣ темнаго народа являлось слишкомъ рискованнымъ, и я отклонилъ ходатайство г. Мучника о разрѣшеніи этого изданія еврейскому комитету. Но евреи слишкомъ настойчивы въ исполненіи разъ намѣченной цѣли. Комитетъ избралъ г. Британа, какъ ширму для своего плана, поручивъ ему поѣхать въ Одессу, получить разрѣшеніе цензуры на печатаніе брошюры для продажи, издать затѣмъ брошюру съ надписью „дѣна пять копеекъ“ и передать изданіе комитету, который бесплатно раздастъ его на базарахъ Кишинева предъ праздниками Св. Троицы. Для вида, было пущено объявленіе о продажѣ означеннаго выше изданія въ книжныхъ еврейскихъ магазинахъ. Я, конечно, ничего объ этихъ приготовленіяхъ не зналъ. 22 мая до меня дошли свѣдѣнія, отъ нѣсколькихъ

моихъ знакомыхъ, что прислуга принесла съ базара какую-то книжку, раздаваемую всѣмъ покупателямъ даромъ, но незамѣтно для полиціи. По объясненію получившихъ книгу; она пущена „жидами“, чтобы увѣрить народъ, что евреи—родственники Иисуса Христа, что ихъ надо бояться, такъ какъ они священны и Богомъ избраны, и при этомъ въ книжкѣ написано, что въ день Пасхи народъ будто бы рвалъ на куски младенцевъ и бросалъ ихъ на улицу изъ магазиновъ: „Ну, теперь, на зеленые праздники, жидовъ до-чиста перерѣжутъ, будетъ имъ конецъ“, говорили чиставшіе.

„Желая парализовать вредное вліяніе на простой народъ уже выпущенныхъ въ обращеніе немногихъ экземпляровъ брошюры, я, при содѣйствіи мѣснаго преосвященнаго, немедленно напечатавъ 6,000 экземпляровъ „слова“ изъ проповѣдей бывшаго митрополита московскаго Макарія, сказаннаго по поводу бывшихъ раньше на югѣ Россіи анти-еврейскихъ безпорядковъ, и успѣлъ раздать эти листки предъ днемъ Св. Троицы 24 мая на вечернемъ богослуженіи во всѣхъ городскихъ и окрестныхъ сельскихъ храмахъ. Несмотря на то, что раздача производилась открыто и что агентами распространенія была вся полиція и духовенство, все-таки роздано только около 3,000 экземпляровъ. — Какими же соображеніями можно оправдать расчеты повѣреннаго истца продать 15,000 экземпляровъ брошюры, въ краѣ, гдѣ коренное населеніе не знаетъ русскаго языка, а пришлое рабочее сословіе въ городѣ, могущее читать, не превышало 2,000—3,000 человекъ? Кромѣ того, повѣренный истца, доказывая, что изданіе опредѣлялось въ 15 тысячъ книжекъ, по 5 к. каждая, тѣмъ не менѣе считаетъ убытокъ только въ 700 рублей, т. е. расходъ поѣздки въ Одессу за разрѣшеніемъ (неизбѣжный въ виду снѣжности), на бумагу, печать и брошюровку считаетъ 50 р. ($15,000 \times 5 = 750$ р.), т. е. по $\frac{1}{3}$ к. за экземпляръ, въ которомъ одной бумаги болѣе, чѣмъ на эту сумму. Вотъ какъ слагаются еврейскіе иски, при благосклонномъ усердіи присяжной адвокатуры, противъ русскаго чиновника, который сдѣлалъ все возможное для охраненія имущества и жизни еврейскаго населенія губернскаго города, путемъ каторжнаго труда, ряда бессонныхъ ночей и напряженной энергій, которая не могла не отразиться вредно на здоровьѣ.

„Къ сожалѣнію, отвѣчая противъ гражданскаго иска, предъявленнаго ко мнѣ, я не считаю себя въ правѣ сослаться на секретныя переписки канцеляріи бессарабскаго губернатора, составляющія по закону канцелярскую тайну, которыми я могъ бы доказать, что по обстоятельствамъ того времени съ моей стороны было не только невозможно, но прямо преступно задумываться предъ буквою закона, коль скоро поддержаніе государственнаго порядка и общественной безопасности въ періодъ острой вспышки націо-

нальной вражды къ евреямъ требовали нѣкотораго игнорирования частныхъ матеріальныхъ интересовъ“.

„Оберъ-прокуроръ г. Щербачевъ далъ заключеніе объ оставленіи исковаго требованія безъ уваженія, въ виду того, что въ дѣйствіяхъ г. Устругова не заключается ничего незаконнаго и неосмотрительнаго: какъ представитель мѣстной административной власти, отвѣтчикъ Уструговъ обязанъ былъ принять необходимыя мѣры для успокоенія населенія и въ числѣ этихъ мѣръ имѣлъ право изъять изъ обращенія вредную, по его усмотрѣнію, брошюру.

„Защипавшій интересы Британа прис. пов. М. И. Свѣшниковъ указалъ на то, что оцѣнка, сдѣланная отвѣтчикомъ Уструговымъ содержанію проповѣдей высокочтимыхъ во всей Россіи пастырей о. Іоанна и епископа Антонія, не должна быть принята во вниманіе и служить основаніемъ къ освобожденію его отъ гражданской отвѣтственности за его незаконныя дѣйствія. Эти проповѣди не могли представить никакой опасности для спокойствія населенія, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что та же самая проповѣдь епископа Антонія была еще раньше издана извѣстнымъ генераломъ Богдановичемъ и распространена въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и отъ этого никакихъ вредныхъ послѣдствій не произошло.

„Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ въ искѣ Британу отказать“.

* * *

Отмѣтимъ нѣсколько судебныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ послѣднее время въ различныхъ судебныхъ установленіяхъ.

Въ Люблинскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло о 25 крестьянахъ деревни Зембожицы, обвинявшихся въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Объ этомъ дѣлѣ „Русскія Вѣдомости“ даютъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Крестьяне упомянутой деревни отказались произвести взносы по раскладкѣ на гминныя школы. Не помогли увѣщанія властей, неоднократно пріѣзжавшихъ на мѣсто. Тогда было рѣшено взыскать эти платежи принудительнымъ порядкомъ, и съ этою цѣлью въ Зембожицы выѣхали вице-губернаторъ, начальникъ уѣзда, комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ и 88 стражниковъ. Когда прибывшія власти начали приступать къ секвестру, толпа изъ 400 человекъ слишкомъ бросилась на стражниковъ; въ происшедшей свалкѣ съ обѣихъ сторонъ было искалѣчено нѣсколько человекъ. При этомъ были задержаны 25 крестьянъ, которые и предстали предъ судомъ въ качествѣ обвиняемыхъ. Слѣдствіе выяснило, что крестьяне не понимали причинъ преобразования сельскихъ школъ въ гминныя, хотя такимъ образомъ тяготы по содержанію школъ значительно уменьшались, такъ какъ къ расходамъ на нихъ привлекались не только тѣ селенія, въ

которых находилась школа, но и сосѣднія, а равно и помѣщичьи усадьбы. Судъ, признавъ всѣхъ подсудимыхъ виновными, приговорилъ трехъ крестьянъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы, трехъ несовершеннолѣтнихъ—къ тремъ мѣсяцамъ ареста, а остальныхъ—къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы“.

По сообщенію „Сѣверо-Западнаго Слова“, 8 мая выѣздная сессія Виленской судебной палаты, подъ предсѣдательствомъ Л. И. Карновича, при участіи сословныхъ представителей, рассмотрѣла дѣло о сопротивленіи властямъ въ им. Наркевича-Юдко „Песочное“. По дѣлу привлечены были къ ответственности 16 крестьянъ и 5 крестьянокъ. Какъ выяснено судебнымъ дознаніемъ и совокупностью показаній 33 свидѣтелей, обстоятельства, сопровождавшія сопротивленіе, таковы:

„10 октября 1903 года въ им. „Песочное“ прибылъ приставъ 1-го стана Игуменскаго уѣзда и при содѣйствіи двухъ урядниковъ приступилъ къ публичной продажѣ описаннаго имущества крестьянъ, за недоимку мѣстному помѣщику Наркевичу-Юдко. Въ это время собравшаяся толпа крестьянъ стала замѣтно волноваться и угрожающе наступать. Приставъ и урядникъ успѣли скрыться въ корчмѣ, въ окна которой сейчасъ же полетѣли камни, палки, комки грязи и проч. Полицейскія власти, зная крестьянъ „Песочнаго“ за спокойный, „хорошій“ (слова пристава) народъ, пытались сначала урезонивать волновавшихся; но это ни къ чему не повело, и власти уѣхали въ имѣніе. При участіи вызванныхъ войскъ было арестовано 21 человекъ, какъ принимавшихъ наиболѣе активное участіе.

„На судѣ обвиняемые, признавъ свое присутствіе въ толпѣ, отрицали участіе въ беспорядкѣ.

Защитники Ивашкевичъ и Анекштейнъ, указавъ на то, что подсудимые являются козлами отпущенія цѣлаго селенія, что недоразумѣнія крестьянъ съ помѣщиками тянутся на протяженіи 30 лѣтъ, что народъ этотъ, по заявленію даже потерпѣвшихъ, смиренный, хорошій, но темный, — просили палату о полномъ оправданіи большинства и снисхожденіи къ немногимъ.

„Палата оправдала 8 подсудимыхъ, 2—приговорила къ 2 мѣс. тюремнаго заключенія, 9 къ 6-мѣсячному заключенію и 2—къ аресту при полиціи на 1 мѣс.“

„Русскимъ Вѣдомостямъ“ сообщаютъ изъ станицы Лабинской, Кубанской области: Екатеринодарскій судъ 28-го и 29 апрѣля разбиралъ въ станицѣ Лабинской дѣло по обвиненію Взагеосова и другихъ, всего 22-хъ человекъ, въ беспорядкахъ въ Армавирѣ при отобраніи церковныхъ имуществъ; Взагеосовъ за напрасное возбужденіе тревоги ударами набата приговоренъ къ десяти днямъ ареста, остальные оправданы. Защищали Вахчисарайцевъ и Ширскій изъ Екатеринодара, Балугіанъ и Луининъ изъ Армавира и кандидатъ Скальскій“.

Та же газета, сообщает со словъ „Царицынскаго Вѣстника“, что въ Саратовской судебной палатѣ съ сословными представителями при закрытыхъ дверяхъ разбиралось дѣло Милашевскаго, бывшаго члена Саратовской городской управы.

Очень характерное въ бытовомъ отношеніи дѣло разбиралось, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, въ Перми. Сущность этого, разбиравшагося у мирового судьи, дѣла состояла въ оскорбленіи бібліотекаршей желѣзнодорожной бібліотеки г-жею С. прохожаго и сопротивленіи властямъ. Обстоятельства дѣла таковы:

Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ г-жа С. съ братомъ шли въ церковь и разговаривали между собой о страданіяхъ Иисуса Христа и о жестокости его враговъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними шелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, который, усмотрѣвъ въ разговорѣ С-вой оскорбительныя для его слуха выраженія, приказалъ постовому городскому арестовать ее. Городовой немедленно предложилъ С. и ея брату отправиться съ нимъ въ участокъ, но тѣ, не находя законнаго повода къ ихъ аресту, отказались исполнить его требованіе. Тѣмъ не менѣе въ участокъ они были приведены, гдѣ и былъ составленъ на нихъ протоколъ въ сопротивленіи властямъ. „Прохожій“ не присутствовалъ на судѣ, и личность его такъ и осталась невыясненной. С-вы заявили судѣ, что они рѣшительно не понимаютъ, что оскорбительное неизвѣстный прохожій нашелъ въ ихъ разговорѣ. Городовой объяснилъ, что приказаніе „прохожаго“ исполнилъ по своей неопытности; что же касается до протокола на гг. С-выхъ за сопротивленіе властямъ, то таковой былъ составленъ на нихъ за то, что они долгое время не исполняли его, городского, приказанія идти въ участокъ. Городской судья, убѣдившись въ нелѣпости настоящаго дѣла, вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ“.

* *
*

Нѣсколько административныхъ распоряженій:

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальника“ напечатаны постановленія одесскаго градоначальника, коими за нарушеніе дѣйствующаго въ градоначальствѣ обязательнаго постановленія о воспрещеніи незаконныхъ сходбищъ въ квартирахъ подвергнуты аресту: на два мѣсяца—два лица, на пять недѣль — четыре лица; за нарушеніе того же постановленія, а также за нарушеніе обязательныхъ постановленій объ ограниченіи пользованія оружіемъ, выразившееся въ ношеніи при себѣ безъ установленнаго разрѣшенія револьвера, одно лицо подвергнуто аресту на три мѣсяца. За нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ на ули-

цахъ подвергнуты аресту: на два мѣсяца—одно лицо и на одинъ мѣсяць— пять лицъ. Кроме того, градоначальникъ постановилъ подвергнуть аресту на одинъ мѣсяць двухъ мѣщанъ за то, что они произвели въ с. Большой Юмниной Валкѣ сборище, нарушившее общественный порядокъ и спокойствіе и, кроме того, позволили себѣ стрѣлять изъ револьвера, чѣмъ нарушили дѣйствующее въ градоначальствѣ обязательное постановленіе о воспрещеніи сходбищъ на улицахъ и объ ограниченіи пользованія оружіемъ.

„Русскія Вѣдомости“ сообщаютъ, со словъ газеты „Ogniwo“, что въ Варшавѣ, „по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ 17 лицъ за употребленіе ножей въ спорахъ и вообще за плохое поведеніе подвергнуты высылкѣ: въ Архангельскую губернію—7 лицъ (всѣ католики), въ Вологодскую—5 лицъ (4 католика и 1 іудей) и въ Олонецкую—5 лицъ (4 католика и 1 іудей)“.

Въ газетѣ „Кавказъ“ напечатано постановленіе тифлискаго губернатора, коимъ, за сходбище на станціи „Тифлисъ“ для дѣйствій, противныхъ общественному порядку, и неисполненіе законныхъ требованій полиціи, подвергнуты аресту: на 2 мѣс.—7 лицъ; на 6 недѣль — 7 лицъ; на 3 нед.—3 лица и на 1 недѣлю—2 лица.

По роду занятій подвергнутыя этому взысканію лица распредѣляются слѣдующимъ образомъ: семь типографскихъ рабочихъ и наборщиковъ, двое фабричныхъ рабочихъ, 1 фабричный служащій, 1 кузнецъ, 1 слесарь, 1 переплетчикъ, 1 лѣсоводъ, 1 служащій въ редакціи, 1 модистка, 1 студентъ-технологъ и два лица безъ опредѣленныхъ занятій.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ напечатанъ слѣдующій приказъ по войскамъ вилenskaго военнаго округа за № 101:

„Въ г. Поневѣжѣ 28-го февраля с. г. во время произведенной евреями демонстраціи рядовой 7-й роты 179-го пѣхотнаго Усть-Двинскаго полка Павелъ Ермаченко оказалъ важное содѣйствіе жандармскому утерьерофицеру, бросившись въ толпу, среди которой были и вооруженные, стрѣлявшіе изъ револьверовъ. Онъ задержалъ одного изъ участниковъ демонстраціи. За такое самоотверженное и честное исполненіе названнымъ нижнимъ чиномъ своего долга, отъ лица службы благодарю командира роты капитана Никольскаго, утвердившаго въ подчиненныхъ ему нижнихъ чинахъ ясное пониманіе своихъ обязанностей, а рядовому Ермаченко объявляю свое спасибо и предписываю выдать въ награду 5 руб. изъ экстраординарныхъ суммъ“.

„Волгарь“ передаетъ, что недавно казанскій губернаторъ предложилъ вѣсѣмъ предѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры „къ недопущенію управъ къ какимъ-либо сношеніямъ и

соглашеніямъ съ земскими управами другихъ губерній“. Въ циркулярѣ, между прочимъ, говорится, что „изъ получаемыхъ губернаторомъ свѣдѣній усматривается, что нѣкоторыя земскія собранія и управы при обсужденіи разнаго рода мѣропріятій, относящихся къ сферѣ дѣятельности земскихъ учреждений, не ограничиваются возбужденіемъ и рассмотрѣніемъ вопросовъ въ порядкѣ, установленномъ Полож. о земск. учрежд. 12-го іюня 1890 г., но приглашаютъ къ соучаствію въ совѣщаніяхъ представителей земствъ сосѣднихъ и другихъ губерній и входятъ съ ними въ сношенія и соглашенія“. „Между тѣмъ,—дальше говорится въ циркулярѣ,—подобныя соглашенія представителей земскихъ учреждений разныхъ губерній вовсе не предусмотрѣны закономъ, на основаніи котораго кругъ дѣйствій земскихъ учреждений ограничивается предѣлами губерній или уѣзда, подвѣдомственныхъ каждому изъ этихъ учреждений (ст. 3 я Пол. о земск. учрежд.), а потому и не должны быть допускаемы безъ особаго на то разрѣшенія высшей власти, потому что всѣ подобныя дѣйствія являются нарушеніемъ закона, къ разъясненію точнаго смысла котораго имѣется достаточно указаній какъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и со стороны сената“.

По словамъ газеты „Степной Край“, командующій войсками Сибирскаго военнаго округа издалъ обязательное постановленіе о движеніи судовъ и плотовъ подъ желѣзнодорожными мостами. Установивъ сигнальныя правила для судовъ, обязательное постановленіе говоритъ дальѣ о наблюденіи судоваго экипажа надъ пассажирами:

„На командировъ пароходовъ возлагается лично и черезъ подчиненную имъ команду имѣть самое тщательное и строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы слѣдующіе на пароходахъ и баржахъ пассажиры и лица команды не могли причинить какого-либо вреда мосту при проходѣ подъ нимъ. Если при посадкѣ на пристани или во время слѣдованія въ пути у командира явится подозрѣніе относительно личности пассажира или его багажа, то онъ обязанъ на пристаняхъ, гдѣ имѣются начальники пристанскихъ постовъ вѣдомства путей сообщенія, немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія ихъ или пристанскихъ десятниковъ, которые и удостовѣряются въ основательности подозрѣній, если нужно, при помощи мѣстной полиціи. Если подозрѣніе у командира возникаетъ въ пути послѣ ближайшей къ мосту пристани, то онъ обязанъ остановиться до прохода моста у мостоваго поста вѣдомства путей сообщенія и заявить о своемъ подозрѣніи завѣдующему постомъ. Подходя къ мосту, командиръ заблаговременно дѣлаетъ распоряженіе о недопущеніи пассажировъ къ бортамъ и периламъ открытыхъ палубъ судна, для соблюденія чего разставляетъ по бортамъ потребное число команды. Сплавныя непаровыя суда и плоты

обязаны останавливаться у верхней границы мостового поста вѣдомства путей сообщенія для осмотра ихъ чинами этого поста совместно съ чинами военной охраны. На все время охраны безусловно воспрещается проходъ подъ мостами въ ночное время всѣмъ непаровымъ судамъ и плотамъ, идущимъ не за буксиромъ, а также всѣмъ мелкимъ гребнымъ и рыбацкимъ лодкамъ. Административное взысканіе за неисполненіе этого постановленія—штрафъ до 300 руб. или заключеніе въ тюрьмѣ до трехъ мѣсяцевъ“.

„Приазовскій Край“ передаетъ, что во время приѣма своихъ подчиненныхъ въ Ростовѣ-на-Дону, 5 мая, градоначальникъ графъ Коцебу-Пиларъ фонъ-Пильхау, между прочимъ, сказалъ имъ слѣдующее:

„Помогите мнѣ, господа, установить болѣе нормальный *modus vivendi* среди различныхъ слоевъ населенія, несогласныхъ между собою. Если же, къ несчастью, эти несогласія пока неустраивимы, что, впрочемъ, очень трудно допустить, то посодѣйствуйте мнѣ удерживать таковыя на чисто экономической почвѣ, за предѣлы которой, какъ доказали бывшія событія въ Ростовѣ, начинается уже, съ той или другой стороны, самоуправство, заканчивающееся обыкновенно беспорядками, и иногда съ кровавой расправой.

„Въ данный моментъ вниманіе всей Россіи обращено на Дальній Востокъ, и у нашего высшаго правительства, озабоченнаго протекающими событіями, нѣтъ времени заниматься мѣстными мелочными дрязгами, а потому оно твердо рѣшило всякіе беспорядки, откуда бы они ни выходили, прекращать самими энергичными мѣрами, до строго карательныхъ включительно“.

* * *

По сообщенію „Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ Кронштадтѣ былъ случай, который могъ окончиться большимъ бѣдствіемъ. Загорѣлись щепки, которыхъ тамъ цѣлыя горы, благодаря производящимся плотничьимъ работамъ. Огонь во-время былъ замѣченъ, быстро потушенъ солдатами, и тогда сообразили, что было неосторожно хранить вблизи пироксилина безъ всѣхъ мѣръ предосторожности, которыя предписаны закономъ. Пироксилинъ перенесли въ безопасные склады. Пироксилина было столько, что взрывъ его разрушилъ бы весь Кронштадтъ почти до основанія. Щепки были облиты керосиномъ. Последнее обстоятельство, какъ и весь этотъ случай, редакторъ „Петерб. Вѣд.“ провѣрялъ у лица, официальное положеніе котораго ручается за достовѣрность фактовъ.

Вѣроятно, въ связи съ этимъ случаемъ нынѣ, по словамъ газеты,

„по распоряженію жандармскаго надзора нѣкоторые входы въ предѣлахъ кронштадтскаго порта закрыты. Для всѣхъ вольнонаемныхъ служа-

щих установленъ опросъ полицейскими чинами. Тѣмъ изъ вольнонаемныхъ служащихъ, которымъ не полагается выдача нумеровъ, выданы письменныя удостовѣренія на право входа въ адмиралтейство. Подобнымъ же образомъ установлена необходимость предъявленія особыхъ удостовѣреній или знаковъ лицамъ, имѣющимъ доступъ на Балтійскій заводъ“.

Въ томъ же Кронштадтѣ, въ кронштадтскомъ домѣ трудолюбія было совершено покушеніе на поджогъ дома имени о. Іоанна Кронштадтскаго для пріѣзжающихъ богомольцевъ.

Три двери верхняго этажа были облиты керосиномъ, очевидно, съ цѣлю потомъ поджечь ихъ. Между прочимъ, была облита керосиномъ дверь свѣтелки о. Іоанна, въ которой онъ иногда отдыхаетъ отъ трудовъ. Былъ произведенъ допросъ всѣхъ служащихъ, виновнаго пока не обнаружили.

„Русскія Вѣдомости“ передаютъ, что „дня за два передъ отъѣздомъ на родину о. Іоаннъ Кронштадтскій обратился къ кронштадтскому военному губернатору вице-адмиралу Бирилеву съ просьбой оградить его отъ гнѣвой особы Мисюревой, неоднократно причинявшей ему непріятности и даже зачастую боль. Мисюрева принадлежитъ къ разряду тѣхъ фанатиковъ, которые приписываютъ о. Іоанну сверхчеловѣческія свойства. Повидимому, это—душевно-больная, манія которой—преслѣдовать о. Іоанна. Едва только она пробирается сквозь толпу къ о. Іоанну, какъ старается съ крикомъ броситься на него и причинить какую-либо боль, въ особенности она старается укусить о. Іоанна и принять его кровь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мисюрева укусила о. Іоанна въ палець, такъ что онъ нѣсколько дней не выходилъ изъ дома. Мисюрева была выслана изъ Кронштадта въ Архангельскую губернію, но пробыла тамъ весьма недолго, самовольно вернулась въ Кронштадтъ и снова стала нападать на о. Іоанна. Ее забрали, приговорили къ аресту, а затѣмъ вернули къ мѣсту ссылки. Съ тѣхъ поръ начинается странствованіе Мисюревой изъ Архангельска тайкомъ въ Кронштадтъ и отсюда этапнымъ порядкомъ въ Архангельскъ. Вице-адмиралъ Бирилевъ поручилъ полицеймейстеру оградить личность о. Іоанна отъ фанатички. Мисюрева была отыскана, задержана, и на-дняхъ ее вновь отправили по этапу въ Архангельскую губернію. При разспросѣ о причинахъ преслѣдованія о. Іоанна Мисюрева на этотъ разъ заявила, что она имѣетъ противъ него сильное неудовольствіе за то, что, несмотря на всѣя просьбы, онъ не желаетъ принять ее въ свой монастырь“.

„Новое Обзорѣніе“ сообщаетъ, что „въ Баку было произведено неизвѣстными лицами нападеніе на квартиру вице-губернатора. Находившіеся въ корридорѣ квартиры городовые Сафаровъ и Кошниковъ съ двумя ночными сторожами, услышавъ стукъ въ парадную дверь, открыли и увидѣли

двух туземцевъ, которые, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, произвели въ городовыхъ выстрѣлы, но промахнулись. Городовой Сафаровъ также отвѣтилъ выстрѣломъ. Злоумышленники бросились бѣжать и скрылись. Къ розыску ихъ приняты энергичныя мѣры“.

Въ газетѣ „Владивостокъ“ напечатаны перепечатанныя затѣмъ другими газетами слѣдующія: „правила для военныхъ корреспондентовъ, состоящихъ при русскихъ войскахъ на Дальнемъ Востока“:

I. Лица иностраннаго подданства, желающія состоять военными корреспондентами при русскихъ войскахъ, могутъ быть допущены къ сему не иначе, какъ по рекомендаціи своихъ правительствъ къ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ.

II. Лица російскаго подданства, желающія состоять военными корреспондентами отъ русскихъ журналовъ, газетъ или телеграфныхъ агентствъ, должны имѣть рекомендаціи отъ своихъ редакцій въ формѣ письменнаго ручательства за ихъ благонадежность.

III. Лица, политически неблагонадежныя, а также состоящіе подъ надзоромъ полиціи, не могутъ быть допускаемы въ качествѣ корреспондентовъ.

IV. Независимо отъ сего, съ каждаго военнаго корреспондента съ прибытіемъ его на театръ военныхъ дѣйствій берется подписка въ томъ, что онъ обязуется:

1) Не распространять никакихъ извѣстій о военныхъ приготовленіяхъ численности, расположеніи и передвиженіяхъ войскъ, о намѣреніяхъ и планахъ войсковыхъ начальниковъ, а также вообще тѣ свѣдѣнія, которыя принято считать секретными, какъ, напримѣръ, результаты дѣйствія неприятельскихъ снарядовъ, поврежденіе нашихъ укрѣпленій, подбитіе орудій и т. п.

2) Не допускать въ своихъ корреспонденціяхъ какой-либо критики распоряженій и дѣйствій начальствующихъ лицъ, ограничиваясь лишь правдивымъ изложеніемъ самыхъ фактовъ.

3) Не сообщать такихъ свѣдѣній о противникѣ, которыя, не будучи проверенными и не имѣя за собой реальныхъ основаній, могутъ только возбудить въ публикѣ излишнее безпокойство.

4) Точно исполнять все указанія высшаго военнаго начальства, передаваемые чрезъ офицера, назначеннаго для сношеній съ корреспондентами и завѣдыванія военной цензурой.

V. Нарушеніе изложенныхъ выше правилъ, несоблюденіе законныхъ требованій военнаго начальства, нескромность, безтактность въ маловажныхъ случаяхъ влечетъ за собою предостереженіе, въ болѣе же серьезныхъ—высылку съ театра войны, при томъ условіи, если корреспонденція или

поведеніе самого корреспондента не составляют военно-уголовнаго преступленія.

VI. Правила и ограниченія, изложенныя въ статьяхъ IV и V, корреспонденты обязаны выполнять во всей строгости и по отношенію къ дѣйствіямъ, движеніямъ и работамъ флота, при чемъ всѣмъ, безъ исключенія, корреспондентамъ безусловно воспрещается входъ въ адмиралтейство, доки, мастерскія и прочія морскія учрежденія, а равно и передвиженіе на шлюпкахъ въ гаваняхъ и на рейдахъ военныхъ противъ портовъ Артура и Владивостока.

Корреспонденты обязуются не обращаться къ адмираламъ, командующимъ этими портами, съ просьбами о разрѣшеніи какого-либо изъятія изъ этихъ правилъ.

VII. Съ прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій корреспонденты обязаны немедленно явиться въ главную квартиру и представить имѣющіеся у нихъ документы, съ приложеніемъ засвидѣтельствованной фотографической карточки, послѣ чего каждому изъ нихъ выдается удостовѣреніе по прилагаемой при семъ формѣ № 1 на право состоять при войскахъ въ Маньчжурскомъ районѣ или въ районѣ Приамурскаго военнаго округа, по выбору самого корреспондента.

VIII. Изъ главной квартиры корреспонденты направляются непосредственно въ штабъ Маньчжурской арміи или въ штабъ Приамурскаго военнаго округа; при этомъ, если корреспонденты пожелаютъ находиться при подраздѣленіяхъ арміи, то дальнѣйшее направленіе ихъ зависитъ отъ указанныхъ выше штабовъ, которые выдаютъ имъ на сей предметъ соотвѣтственныя удостовѣренія по формѣ № 2. Кромѣ того, каждому корреспонденту должно быть выдано письменное разрѣшеніе на право держать лошадей, повозки и прислугу, которыя должны также имѣть подлежащія удостовѣренія личности.

Корреспондентъ является отвѣтственнымъ не только за себя, но и за свою прислугу.

IX. По прибытіи къ какому-нибудь отряду, корреспондентъ обязанъ явиться его начальнику, чтобы испросить у него разрѣшеніе остаться при отрядѣ. Въ случаѣ же, если начальникъ сочтетъ присутствіе корреспондента по военнымъ соображеніямъ нежелательнымъ, то послѣдній обязанъ немедленно удалиться.

X. Въ случаѣ желанія корреспондента быть назначеннымъ въ крѣпость, указанными въ ст. VII штабами запрашивается предварительное согласіе коменданта крѣпости.

XI. Корреспондентъ обязанъ всегда имѣть при себѣ и представлять по требованію всякаго военнаго начальства выданныя ему удостовѣренія,

свою засвидѣтельствованную фотографическую карточку, а также разрѣшеніе на право держать лошадей, повозки и прислугу.

XII. Корреспондентамъ вмѣняется въ обязанность имѣть наружный отличительный знакъ въ видѣ повязки на лѣвомъ рукавѣ выше локтя, — для всѣхъ корреспондентовъ—краснаго цвѣта съ черными буквами В. К.

XIII. Для сношеній съ корреспондентами и для завѣдыванія военной цензурой въ полевомъ штабѣ Намѣстника, въ штабѣ Маньчжурской арміи, въ штабѣ Приамурскаго военнаго округа, въ штабѣ военно-окружныхъ управленій въ Харбинѣ, въ управленіи военнаго губернатора на островѣ Сахалинѣ (постъ Александровскій) и въ штабахъ отдѣльныхъ отрядовъ, гдѣ будетъ признано нужнымъ, назначаются особые офицеры.

XIV. Корреспонденты получаютъ указанія отъ военнаго начальства, куда они должны направлять свои корреспонденціи цензурѣ; при этомъ они не должны беспокоить высшихъ начальствующихъ лицъ, а за полученіемъ свѣдѣній и по своимъ дѣламъ должны обращаться къ тѣмъ лицамъ или учреждениямъ, которымъ поручено ближайшее завѣдываніе корреспондентами.

XV. Корреспонденціи допускаются: а) въ формѣ телеграммъ и б) въ формѣ отдѣльныхъ статей, замѣтокъ и очерковъ, назначенныхъ въ помѣщенію въ различныхъ газетахъ и журналахъ. Шифрованные депеши вовсе не допускаются.

Цензура телеграммъ, а также прочихъ извѣстій съ театра войны производится только въ пунктахъ расположенія главной квартиры, штаба Маньчжурской арміи, въ штабѣ Приамурскаго военнаго округа, въ штабѣ военно-окружныхъ управленій въ Харбинѣ, въ управленіи военнаго губернатора на островѣ Сахалинѣ (постъ Александровскій), въ штабѣ 9-й Вост.-Сиб. стрѣлковой дивизіи въ г. Инкоу, а также въ крѣпостяхъ: въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ,—особыми комиссіями, учрежденными согласно приказовъ Намѣстника сего года за №№ 105-мъ и 251-мъ и приказаній за №№ 22-мъ, 34-мъ, и

XVI. Корреспонденты обязаны озаботиться срочнымъ доставленіемъ полевому штабу Намѣстника по два экземпляра тѣхъ газетъ и журналовъ, въ которыхъ помѣщены ихъ корреспонденціи.

Генераль-квартирмейстеръ
генераль-майоръ *Флугъ*.

Нашу хронику мы закончимъ слѣдующими новостями, касающимися русской журналистики и административными распоряженіями по дѣламъ печати:

Петербургскія газеты слышали, что въ Петербургѣ предположено изда-

ніе новой большой ежедневной газеты под редакціей бывшего товарища министра финансовъ В. И. Ковалевскаго. Говорятъ, что газетѣ предполагается дать названіе „*XX вѣкъ*“, и что она явится органомъ, специально посвященнымъ разработкѣ политико-экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ современной жизни.

Профессору Л. В. Ходскому, редактору-издателю журнала „*Народное Хозяйство*“, разрѣшено издавать въ Петербургѣ безъ предварительной цензуры ежедневную общественно-политическую, литературную и экономическую газету подъ названіемъ „*Наша Жизнь*“.

Издателю газеты „Новое Время“ А. С. Суворину разрѣшено издавать въ Москвѣ подъ его редакторствомъ газету „Телефонъ Нового Времени“.

На основаніи статьи 144-й Устава о цензурѣ и печати министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: Въ виду вреднаго направленія газеты „*Восходъ*“, выразившагося въ напечатанныхъ въ этомъ изданіи въ текущемъ году статьяхъ: „Характеристики нашего безправія“ № 9 и „Безъ выхода“ № 14, въ корреспонденціяхъ изъ Кишинева и Одессы № 5 и 11 и въ фельетонахъ подъ заглавіями „Виѣ черты“ № 6 и „Изъ воспоминаній“ № 9, объявить газетѣ третье предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора присяжнаго повѣреннаго Сыркина съ приостановленіемъ изданія газеты „*Восходъ*“ на шесть мѣсяцевъ.

17-го мая 1904 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу номеровъ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 1-го мая сего года.

28 мая 1904 года, Имѣя въ виду статью въ газетѣ „Спб. Вѣдом.“ подъ заглавіемъ „Замѣтки“ (въ № 135 и 137 газеты отъ 20 и 22 Мая с. г.), напрасно тревожація общественное мнѣніе, министръ внутреннихъ дѣлъ, 28 Мая 1904 г., на основаніи ст. 144 Устава о цензурѣ и печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Спб. Вѣд.“ второе предостереженіе въ лицѣ издателя князя Эспера Ухтомскаго и редактора дворянина Александра Столыпина.

7-го іюня 1904 года. 1.) На основаніи статьи 154 Уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: приостановить изданіе газеты „Сѣверный Край“ на восемь мѣсяцевъ.

7-го іюня 1904 года. 2.) Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу номеровъ газеты „Русь“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 27-гоа прѣля сего года.

В. Б.

Родныя картины.

О г-нѣ Фаресовѣ и о его дружбѣ съ покойниками. — О дѣтскомъ трудѣ на сценѣ.—Объ одесскихъ учителяхъ и объ одесской городской управѣ.—
Объ инженерахъ—„манчжурцахъ“ и о скамьѣ подсудимыхъ.—Мелочи.

Давно замѣчено, что у русскихъ писателей есть одна маленькая слабость—всѣ они, послѣ своей смерти, обыкновенно начинаютъ пламенно любить г-на Фаресова: пока писатели здравствуютъ, они какъ будто и не очень жалуютъ этого мужчину,—но зато стоитъ кому-нибудь изъ нихъ умереть, какъ тотчасъ же и окажется, что покойный никого, кромѣ г-на Фаресова, настоящимъ образомъ не любилъ, ни съ кѣмъ, кромѣ г-на Фаресова, дружбы не велъ и „тайны сердца своего“ никому, кромѣ г-на Фаресова, не открывалъ. Словомъ, что ни похороны, то цѣлая поэма загробной любви. Но естественно, что при такомъ поведеніи литературныхъ покойниковъ, и г. Фаресовъ, съ своей стороны, тоже не остается передъ ними въ долгу и уже лѣтъ пятнадцать профессионально занимается составленіемъ любовныхъ мемуаровъ, въ коихъ на всѣ лады воспѣваетъ свою дружбу съ мертвецами.

Конечно, съ точки зрѣнія строго объективной противъ гробоконательской дѣятельности г. Фаресова ничего нельзя было бы имѣть (мало ли какихъ профессій на свѣтѣ не бываетъ!), но дѣло въ томъ, что, получивъ въ свое исключительное распоряженіе могилы писателей и ихъ загробную любовь, г. Фаресовъ весьма нерѣдко злоупотребляетъ и могилами, и любовью. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ уже приходилось отмѣчать, что, напримѣръ, послѣ смерти Шеллера, который, разумѣется, любилъ г-на Фаресова „любовью брата“,—г-нъ Фаресовъ немедленно же отъ имени покойника сталъ поплевывать на его живыхъ товарищей и сотрудниковъ и притомъ съ самымъ невозмутимымъ видомъ: мнѣ, дескать, покойникъ не одинъ разъ

про Марью Петровну дурные отзывы давалъ, да и про Семена Ивановича тоже нельзя сказать, чтобы очень благосклонно отзывался.

Повидимому, г. Фаресовъ и не подозревалъ, что „мемуары“ такого рода ничѣмъ не отличаются отъ самой вульгарной сплетни, а когда ему на это намекали, онъ билъ себя въ грудь и восклицалъ: „вотъ на этой самой груди покойникъ 25 лѣтъ рыдалъ и выплакалъ здѣсь всѣ свои слезы, а вы мнѣ говорите, что это сплетня! Нѣтъ, милостивые государи, это не сплетня, и, если потребуется, я представлю тысячу доказательствъ, что про Марью Петровну покойникъ, дѣйствительно, очень и очень не хорошо говорилъ!“

Послѣдній по времени покойникъ, котораго г. Фаресовъ подарилъ своей дружбой, былъ Лѣсковъ: ему посвящена цѣлая книга мемуаровъ подъ общимъ заглавіемъ „Противъ теченій“,—книга, въ которой г. Фаресовъ пробуетъ реабилитировать своего покойнаго друга и попутно освѣщаетъ его отношеніе къ блаженной памяти „нигилистамъ“. Мы сейчасъ увидимъ, насколько удачно выполнилъ свою задачу г. Фаресовъ, а пока скажемъ, что книга его вызвала благосклонное вниманіе бывшаго сотрудника „Новаго Времени“, а нынѣ присяжнаго критика газеты „Русь“ г. Бояновскаго, который посвятилъ ей обширный фельетонъ, гдѣ въ концѣ концовъ и пришелъ къ выводу, что г. Фаресовъ столь же удачно реабилитировалъ забросаннаго грязью Лѣскова, какъ въ свое время реабилитировалъ забросаннаго грязью Полевого Чернышевскій.

Какъ человѣкъ, который, можно сказать, „ходитъ“ около мертвецовъ, г. Фаресовъ очень хорошо знаетъ, что ввѣренные ему покойники подчасъ нуждаются въ реабилитаци, такъ какъ при жизни у нихъ бывають грѣхи и ошибки, и случается, что память объ этихъ грѣхахъ попадаетъ на страницы исторіи. Поэтому, приступая къ производству своихъ мемуаровъ, г. Фаресовъ прежде всего рѣшаетъ вопросъ: нужно ли обмыть покойника, или и такъ сойдетъ, а затѣмъ уже сообразно съ обстоятельствами и поступаетъ.

Относительно Лѣскова г. Фаресовъ рѣшилъ, что обмыть не помѣшаетъ, и потому центральнымъ узломъ своихъ мемуаровъ избралъ отношеніе Лѣскова къ нигилистамъ, т. е. самую мрачную и даже трагически-мрачную страницу изъ жизни покойнаго писателя. Отношеніе Лѣскова къ нигилистамъ уже десятки разъ обсуждалось въ печати и ни для кого не представляетъ загадки: Лѣсковъ относился къ нимъ точь-въ-точь такъ же, какъ относится къ японцамъ тотъ купецъ, о которомъ недавно писали въ газетахъ: „можетъ быть,—говорилъ купецъ,—японцы и хорошіе люди, но только ежели мнѣ попадется плѣнный японецъ—держись тогда его морда!“ И Лѣсковъ не отрицалъ, что „нигилисты“ не сплошь состояли изъ отъ-

явленныхъ злодѣевъ, но зато, если подѣ перо ему попадался „нигилистъ“,— онъ поступалъ съ нимъ по всей строгости купеческихъ возрѣній,— поступалъ, принося въ жертву даже художественную правду, даже здравый смыслъ, не говоря ужъ о чувствѣ мѣры и писательскомъ тактѣ. Оттого въ изображеніи Лѣскова, при несомнѣнномъ талантѣ этого писателя, фигуры „нигилистовъ“ всегда смахиваютъ на балаганныхъ злодѣевъ и всегда поражаютъ такимъ яркимъ сходствомъ съ „Макаркой-Душегубомъ“. О нихъ, какъ и о Макарьѣ-Душегубѣ, можно сказать, что нѣтъ такой пакости и такого преступленія, передъ которыми бы они остановились.

Даже въ такомъ сравнительно спокойно написанномъ произведеніи, какъ „Соборяне“, нигилистическій персонажъ размалеванъ у Лѣскова столь грубо и до такой степени *бездарно* и пошло, что самъ собой напрашивается вопросъ: какимъ образомъ человекъ съ талантомъ и острымъ художественнымъ чутьемъ могъ создать такую банальную, такую фальшивую и скучную карриатуру? Очевидно, только чувство личнаго раздраженія могло заставить недюжиннаго художника пасть до балаганщины...

При такомъ яркомъ отношеніи Лѣскова къ современной ему передовой интеллигенціи, задача г. Фаресова, пожелавшаго „обмытъ“ своего покойнаго друга, разумѣется, осложняется до чрезвычайности. Но г. Фаресовъ этого не видитъ и, ничтоже сумняшеся, пускаетъ въ дѣйствіе свой покойницкій граммофонъ, т. е. воспроизводитъ *слово въ слово* длинныя рѣчи Лѣскова, изъ коихъ читатель долженъ заключить, что Лѣсковъ былъ бѣлымъ голубемъ въ черной стаѣ воронъ.

Вотъ что поетъ фаресовскій граммофонъ:

„Я,—говорилъ г. Фаресову Лѣсковъ,—далъ въ „Некуда“ симпатичный типъ русскихъ революціонеровъ: Райнера, Лизу Вахиреву и Помаду. Пусть укажутъ мнѣ въ русской литературѣ другое произведеніе, гдѣ бы настоящіе, а не самозванные нигилисты были такъ безпристрастно и симпатично оцѣнены? Вѣдь, во всякой партіи есть симпатичные и благородные люди. Развѣ „Маркушка“ Гончарова, „Вѣсы“ Достоевскаго или „импотенты“ Тургенева въ „Нови“ лучше моихъ страдальцевъ? Въ моихъ друзьяхъ есть на чемъ остановиться, а что они мнѣ были дороги—вотъ вамъ карточка на память...“

„При этомъ Лѣсковъ подарилъ г. Фаресову карточку, на которой онъ снятъ подѣ руку съ Артуромъ Бенни“. (Цитируемъ и здѣсь, и дальше по фельетону г. Воцяновскаго въ „Руси“).

Такимъ образомъ, граммофонъ г. Фаресова свидѣтельствуетъ, что Лѣсковъ, по его собственному мнѣнію, создалъ „симпатичные“ типы русскихъ нигилистовъ, что въ рядахъ нигилистовъ были „симпатичные и благородные“ люди, и, наконецъ, самое главное, что нигилисты изъ „Некуда“

были Лѣскову *дороги*. Но теперь не угодно ли вставить въ граммофонъ новую пластинку и послушать, что онъ запоетъ дальше:

„Я,—говорилъ Лѣсковъ г-ну Фаресову,—писалъ, что нигилисты будутъ и шпионами, и ренегатами, безбожники сдѣлаются монахами, писатели пойдутъ къ кулакамъ-издателямъ, сдѣлаются биржевиками, профессора—чиновниками и т. д. Что-же? Развѣ это не оправдалось? Читайте романъ Ясинскаго „Муза“ въ „Наблюдателѣ“, гдѣ нигилистъ пошелъ въ сердцевъды послѣ бесѣды съ какимъ-то попомъ; романъ Воборыкина „Поумнѣлъ“, гдѣ такой-же бывший радикалъ бредитъ предводительствомъ уѣзднаго дворянства; романъ Станюковича „Омутъ“—не лучше... Читайте массу корреспонденцій о постриженіи въ монахи университетски образованныхъ людей, глядите, какъ писатели шестидесятники не знаютъ, какого имъ тона держаться о Л. Н. Толстомъ, Иванѣ Сергіевѣ протоіереевѣ и т. п.“

Если читатель захочетъ сопоставить первое сужденіе Лѣскова съ этимъ вторымъ, то онъ непременно скажетъ: „а вѣдь граммофонъ-то у г. Фаресова того... испорченъ какъ будто: песку въ него что ли насыпали, но только вретъ онъ, и даже безбожно вретъ“. И въ самомъ дѣлѣ: по граммофону выходитъ, что, съ одной стороны, нигилисты у Лѣскова „симпатичные“, а съ другой—шпионы и ренегаты; съ одной стороны, они ему „дороги“ (даже карточка Артура Бенни въ качествѣ вещественнаго доказательства приложена), а съ другой — у него не находится словъ, чтобы въ мѣру своего чувства ошельмовать ихъ, какъ самыхъ послѣднихъ негодяевъ.

Впрочемъ, возможно, что Лѣсковъ ни въ первомъ своемъ сужденіи, ни во второмъ рѣшительно неповиненъ, и что граммофонъ просто самъ отъ себя заигралъ.

Это тѣмъ легче могло случиться, что Лѣсковъ, какъ и всѣ покойные писатели, рыдалъ на груди г. Фаресова, конечно, безъ свидѣтелей, а это обстоятельство даетъ извѣстный просторъ фантазій и позволяетъ воспроизводить слова покойнаго „друга“ съ точностью до двухъ крокодиловъ... Но не это одно говорить въ пользу апокрифическаго характера мемуаровъ г. Фаресова: вѣдь, Лѣсковъ, при всѣхъ его неожиданностяхъ, былъ прежде всего умнымъ человѣкомъ и, конечно, для подкрѣпленія своихъ мыслей, не сталъ бы ссылаться на столь сомнительные авторитеты, какъ г. Ясинскій и журналъ „Наблюдатель“. Не сталъ бы Лѣсковъ ссылаться и „на массу гаветныхъ корреспонденцій“ о постриженіи въ монахи нигилистовъ, и не сталъ бы по той простой причинѣ, что такихъ корреспонденцій не было и быть не могло.

Но если даже допустить, что граммофонъ г. Фаресова не вретъ и съ буквальной точностью воспроизводитъ цѣлыя рѣчи, произнесенныя назадъ

тому много лѣтъ, то и тогда остается одинъ нерѣшенный вопросъ: на какой же собственно предметъ г. Фаресовъ демонстрируетъ свой граммофонъ передъ публикой, и что онъ этимъ граммономъ хочетъ доказать, — что общественное движеніе, во главѣ котораго стояли Чернышевскій и Добролюбовъ, лопнуло, какъ пузырь на болотѣ? что сторонники и участники этого движенія частью поступили въ сердцаевѣды, шпионы, частью ушли въ монахи, и частью побѣжали въ наймиты къ кулакамъ? что русская передовая интеллигенція вообще не способна ни на что другое, кромѣ какъ на предательство, хамство и ханжество? Думается, впрочемъ, что г. Фаресовъ не это хотѣлъ сказать, и что тутъ его граммофонъ просто-на-просто „ошибку давалъ“, ибо, при всей опредѣленности литературной физиономіи г. Фаресова, онъ все-таки находится въ здоровомъ умѣ, хотя и не совсѣмъ въ твердой памяти.

Но если не это хотѣлъ сказать г. Фаресовъ, то, значить, разсужденіе о монахахъ, шпионахъ, предателяхъ и кулакахъ онъ привелъ съ цѣлью „реабилитировать“ своего умершаго друга (тоже, можно сказать, пріятельская услуга!). Однако, и тутъ думается, что ни шпионы, ни предатели не могутъ вытащить г. Фаресова изъ его двусмысленнаго положенія, — не могутъ потому, что вопросъ о реабилитациіи Лѣскова стоитъ гораздо проще, чѣмъ это кажется г. Фаресову. Мы, по крайней мѣрѣ, на этотъ счетъ думаемъ такъ: если Лѣсковъ писалъ *правду* о современной ему интеллигенціи, то реабилитациія для него ненужна; если же онъ писалъ *не-правду*, то реабилитациія для него невозможна. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ г. Фаресовъ совершенно напрасно топчется на могилѣ своего „друга“ и совершенно безъ всякой надобности утрамбовываетъ эту могилу своими неуклюжими воспоминаніями...

Мы такъ долго останавливаемся на воспоминаніяхъ г. Фаресова не потому, чтобы мы придавали какое-нибудь особенное значеніе старому спору о Лѣсковѣ и его отношеніяхъ къ нигилистамъ, — напротивъ, и Лѣсковъ, и нигилисты, и самый споръ о нихъ уже давно сдѣлались добычей исторіи и нынче, славу Богу, къ этому вопросу всѣ относятся съ полнымъ спокойствіемъ. Но насъ, главнымъ образомъ, занимаетъ фигура самаго г. Фаресова, этого профессиональнаго свидѣтеля и неизмѣннаго душеприказчика всѣхъ покойныхъ писателей: вѣдь, это подумать только, сколько этотъ человѣкъ плодитъ недоразумѣній, сколько онъ вноситъ отсебятины и чистой фантазіи въ біографіи своихъ „друзей“! И, вѣдь, сколько уже лѣтъ онъ этимъ занимается: лѣтъ 15 бродитъ человѣкъ по литературному кладбищу и на каждой могилѣ ставитъ свой граммофонъ!

До нѣкоторой степени занимаетъ насъ и г. Бодяновскій, который съ такимъ сочувствіемъ поддакиваетъ г. Фаресову и даже сравниваетъ его

съ Чернышевскимъ. Но, впрочемъ, г. Боцяновскій, очевидно, еще не опомнился отъ новременскаго угара и чувствуетъ себя въ либеральной газетѣ „Русь“ какъ бы на новомъ мѣстѣ. Оттого, должно быть, онъ и „уподобилъ“ вульгарнаго гробокопателя большому человѣку.

* * *

Въ началѣ минувшаго мая мѣсяца петербургская дума разсматривала очень интересный вопросъ объ участіи дѣтей на сценѣ. Собственно говоря, вопросъ этотъ и раньше поднимался въ столичной думѣ, именно назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда М. М. Стасюлевичъ поднялъ рѣчь о томъ, чтобы воспретить антрепренерамъ выпускать на сцену дѣтей школьнаго возраста. Но тогда вопросъ не былъ рѣшенъ окончательно, такъ какъ дума возбудила ходатайство о распространеніи фабричнаго законодательства о дѣтскомъ трудѣ на театральныя зрѣлища, а министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало дополнительныхъ матеріаловъ, и вопросъ былъ отложенъ. Но вотъ теперь эти матеріалы уже собраны, и специальная коммиссія, которая работала надъ этимъ дѣломъ, представила въ думу обширный докладъ и высказалась за категорическое воспрещеніе всѣмъ „увеселительнымъ заведеніямъ нанимать дѣтей до 15-ти-лѣтняго возраста для участія на сценѣ“. Дума приняла докладъ безъ преній, и, такимъ образомъ, дѣло теперь стоитъ на пути къ разрѣшенію.

Но любопытно, что столичная печать, которая такъ много занималась вопросомъ о сценическомъ трудѣ дѣтей, встрѣтила постановленіе думы не только несочувственно, но прямо враждебно. Такъ, напримѣръ, журналъ „Театръ и Искусство“ просто смѣется надъ думой, которая „безъ преніевъ и разсужденіевъ“ упраздняетъ дѣтскіе хоры въ „Карменъ“, въ фугахъ и кантатахъ, школьниковъ въ „Гайнеле“, ребятъ „съ сосудами слезъ“ въ „Потонушемъ колоколѣ“ и пр.

„Какъ же, однако, будетъ? Вѣдь, Гауптманъ или Вахт—не подрядчикъ, ремонтирующій Каменноостровскій проспектъ. Пожалуй, они и не послушаютъ петербургскую думу. Какъ разрѣшится этотъ конфликтъ „безъ преніевъ и разсужденіевъ“ принятаго постановленія и вопросовъ искусства?“

„Придется, примѣняясь къ петербургской думѣ, признать, что искусство, т. е. красота, есть благо не безусловное, а относительное, что оно облагораживаетъ взрослыхъ, но развращаетъ малолѣтнихъ.“

„Придется распротиться со всякаго рода „вундеркиндами“. Развѣ стѣсненіе участія дѣтей является столь нежелательнымъ? Развѣ неизвѣстно, что многіе артисты и артистки (назовемъ М. Г. Савину, Сару Бернаръ, Э. Дузэ) начинали свою карьеру съ самыхъ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ?“...

Еще рѣзче высказывается по этому вопросу г. Скальковскій въ „Но-

вомъ Времени“. Негодуя, что дума устанавливаетъ для дѣтскаго труда на сценѣ предѣльный возрастъ въ 15 лѣтъ, г. Скальковскій пишетъ:

„Законъ разрѣшаетъ у насъ въ Закавказскомъ краѣ выходить замужъ въ 14 лѣтъ, а теперь какая-нибудь дѣвица въ Тифлисѣ 14^{1/2} лѣтъ, имѣющая бюстъ въ родѣ какъ у сфинксовъ, „изъ древнихъ Фивъ привезенныхъ“, не будетъ имѣть права сказать на сценѣ „мой папа“ или „моя мама“ безъ того, чтобы не пришла полиція и не составила протокола!“

Мы нисколько не удивляемся, что г. Скальковскій желаетъ освѣтить вопросъ, такъ сказать, съ точки зрѣнія египтскаго бюста—на то онъ и г. Скальковскій. Но вотъ что странно: въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ этотъ вѣчно токующій тетеревь пробуетъ уже встать на защиту искусства и употребляетъ неимоверныя усилія, чтобы говорить серьезно.

„Комиссія находила“, говоритъ онъ „что участіе на театрѣ вообще вредно и предосудительно.“

„По словамъ доклада, за кулисами и въ садахъ дѣти „очень часто видятъ и слышатъ далеко не дѣтскія сцены. Такая обстановка быстро губитъ лучшія стороны дѣтской души, особенно склонной къ подражанію“.

„Что дѣлается въ садахъ, всѣ могутъ видѣть. Когда мнѣ случалось бывать за кулисами, я видѣлъ тамъ чаще всего генераловъ и полицейскихъ офицеровъ, разговаривающихъ съ артистками, но никакихъ „ужасовъ“, признаться, не замѣчалъ. Во всякомъ случаѣ, можно ли сравнить то, что тамъ дѣлается и говорится, съ тѣмъ, что означенныя дѣти видятъ и слышатъ дома, когда, по словамъ доклада, „актеры набираются всегда изъ низшихъ слоевъ общества, изъ самыхъ бѣдныхъ семей“. Я убѣжденъ, что и въ думскихъ школахъ, оградить которыя и имѣло въ виду первоначальное предложеніе нѣкоторыхъ гласныхъ, разговоры дѣтей далеко не возвращаются только въ области грамматики и математики. Каждому, кто былъ въ общественныхъ заведеніяхъ, извѣстно, какъ заразительно дѣйствуютъ тамъ на массу извѣстныя личности.“

„По мнѣнію доклада, самая обстановка театра такова, что „можетъ разжигать дурныя страсти: распущенность, желаніе нравиться, кокетство, зависть къ успѣху другихъ, жажду богатой жизни и легкой наживы и связанное съ этимъ пренебреженіе къ серьезному труду“! И далѣе: „Поступаютъ мальчикъ или дѣвочка на сцену и сразу же поражаются блестящей обстановкой. Эта обстановка не можетъ не импонировать заманчивымъ притягательнымъ образомъ на его чувства, и вотъ передъ его умственными взорами рисуются картины этой богатой, блестящей, веселой жизни. Возвращаясь въ свой тѣсный уголокъ, видя бѣдность и подчасъ грязь, ребенокъ не можетъ здраво отнестись къ своему положенію и начинаетъ ненавидѣть эту бѣдность“.

„Докладъ не подозреваетъ, что „богатая обстановка“ сцены, въ сущности грошевый хламъ, ради котораго смѣшно расточать краснорѣчіе“.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ г. Скальковскій, конечно, ссылается на примѣръ Савиной, которая играла на одесской сценѣ съ 10 лѣтъ, на Стрепетову, Дузе, Рашель, Гранье и въ концѣ концовъ даже выступаетъ въ роли защитника рабочихъ, которые, дескать, съ удовольствіемъ отдають своихъ дѣтей въ театръ въ надеждѣ легкаго и прекраснаго заработка.

Мы привели эти сравнительно длинныя выписки изъ журнала „Театръ и Искусство“ и изъ произведенія г. Скальковскаго не потому, чтобы мы раздѣляли ихъ взглядъ на сценическую работу дѣтей, а единственно потому, что оба эти мнѣнія чрезвычайно типичны. Журналъ „Театръ и Искусство“ стоитъ на точкѣ зрѣнія интересовъ сцены и недоумѣваетъ, какимъ же образомъ антрепренеры будутъ ставить пьесы Гауптмана, если постановленіе думы войдетъ въ силу? Но не трудно видѣть, что вопросъ этотъ, который кажется почтенному журналу столь неразрѣшимымъ, теряетъ всю свою пикантность, если къ нему подойти не съ антрепренерскаго подъѣзда, а взглянуть на него съ точки зрѣнія интересовъ дѣтей. Вѣдь, мы потому такъ спокойно смотримъ на дѣтей, подвизающихся на подмосткахъ, что это дѣти *не наши*.

Мы знаемъ, что это дѣти бѣдняковъ, „кухаркины“ дѣти, и намъ, по совѣсти говоря, рѣшительно безразлично ихъ настоящее и ихъ будущее. Притомъ же мы платимъ деньги, и хорошія деньги, и это обстоятельство даетъ складной душѣ современнаго человѣка дешевое, но дѣйствительное успокоеніе. Но попробуйте вы брать для сцены *нашихъ* дѣтей, попробуйте обратиться съ просьбой объ этомъ въ семью средняго достатка, гдѣ дѣти не работаютъ—много-ли вы навербуете малолѣтнихъ актеровъ? Ни одного! И, конечно, не потому, чтобы родители достаточныхъ дѣтей не уважали искусства и не любили пьесъ Гауптмана, а потому, что, по понятіямъ интеллигентнаго человѣка, для дѣтей существуетъ дѣтская, существуютъ лошадки, куклы, велосипеды,—но уборная, но гримъ, парики и кулисы—не для дѣтей.

Такимъ образомъ, антрепренеръ, который пожелалъ бы навербовать для сцены ребятъ, силою вещей долженъ былъ бы искать ихъ въ подвалахъ, на чердакахъ и въ кухнѣ. А если такъ, то какъ же прикажете примирить это бьющее въ носъ противорѣчіе: съ одной стороны, мы говоримъ „святое искусство“, съ другой стороны, мы называемъ театры „храмами“ и пишемъ статьи о культурномъ значеніи сцены, а съ другой—на предложеніе отпустить нашихъ дѣтей въ „храмъ“ для служенія „святому искусству“ мы категорически заявляемъ: „э, вѣтъ! ужъ это пусть лучше кухар-

кинѣ Петька святому искусству служить,—мой же Митя будетъ ходить не въ „храмъ“, а въ гимназію“.

Приблизительно такой же убѣдительностью дышетъ и другой аргументъ, представленный „Театр. и Искусствомъ“,—именно, что Савина, Стрепетова, Элеонора Дузе и другіе артистки и артисты начинали свою театральную карьеру чуть ли не съ соской во рту. Признаться сказать, мы даже не понимаемъ, въ чемъ состоитъ сила этого аргумента: вѣдь, Савина, во-первыхъ, исключеніе, а рѣчь идетъ не объ исключеніяхъ; во-вторыхъ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Савина стала Савиной именно благодаря соскѣ, и, въ третьихъ, на каждую Савину, Стрепетову и Дузе можно представить по тысячѣ дѣтей, которыя точно также начали выступать на сценѣ съ соской во рту, но кончили свою карьеру не въ блескѣ артистической славы, а на содержаніи у господъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, а то и еще хуже.

А положенія г-на Скальковскаго мы оставляемъ „безъ разсмотрѣнія“, такъ какъ, въ общемъ, онъ повторяетъ только антрепренерскія истины, и его попытка встать на защиту рабочаго люда, выгодно отдающаго дѣтей на сцену, представляется намъ лишь курьезнымъ недоразумѣ-

Чтобы покончить съ вопросомъ о дѣтскомъ трудѣ на сценѣ, мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Изъ предыдущаго читатель могъ, пожалуй, умозаключить, что въ этомъ вопросѣ мы раздѣляемъ точку зрѣнія петербургской думы. А между тѣмъ это не совсѣмъ такъ, и, въ дѣйствительности, мы полагаемъ, что если дѣти городской бѣдности работаютъ на фабрикахъ и заводахъ, то нѣтъ никакихъ основаній запрещать имъ работать на театральнхъ подмосткахъ, такъ какъ и тамъ, и здѣсь жребій ихъ одинаковъ, и тамъ, и здѣсь ихъ ждутъ условія ненормальныя, не отвѣчающія ни возрасту ихъ, ни ихъ душевному здоровью. Но, отрывая дѣтей отъ семьи и отъ книги и отдавая ихъ на фабрику или въ кабалу антрепренерамъ,—не будемъ, по крайней мѣрѣ, фарисействовать, не будемъ играть большими словами и болтать вздоръ о „святомъ искусствѣ“ и воспитательномъ значеніи кулисъ:

Но такъ какъ все на свѣтѣ, къ сожалѣнію, относительно, и мы не привыкли къ рѣшительнымъ и кореннымъ мѣропріятіямъ, то можно радоваться и постановленію Сиб. Городской Думы. Это все-таки, какъ говорятъ французы, „кое-что“.

* * *

Имѣеть-ли право служитель, состоящій при аудиторіи, оскорблять словами городскихъ учителей, производить скандалы и бить учительницъ по ногамъ стульями? Такой вопросъ цѣлый мѣсяцъ обсуждался въ одесской городской управѣ и нынѣ, Богу споспѣшествующу, приведенъ къ благополучному концу и разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что оскорбленіе словами и

дѣйствіемъ городскихъ учителей и учительницъ, строго говоря, не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ обществѣ.

Обстоятельства этого неприличнаго дѣла, въ короткихъ словахъ, сводятся къ слѣдующему. Какъ извѣстно, Одесса, минувшей весной, встрѣчала героевъ „Варяга“ и „Корейца“. Встрѣча была торжественная, и городскимъ учителямъ было приказано разучить съ учениками приличествующія случаю пѣснопѣнія, а для репетицій собираться въ помѣщеніи народной аудиторіи. Учителя и стали разучивать. Но тутъ вмѣшался въ дѣло сторожъ Пановъ, который, съ тайнаго благословенія завѣдывающаго аудиторіей г. Руденко, сталъ производить дебоши и предписывать учителямъ поторапливаться съ пѣснопѣніями, подлучше слѣдить за поведеніемъ учениковъ, поскорѣе очищать помѣщеніе и пр. и пр. Лошадиное поведеніе сторожа, само собой разумѣется, возмутило учителей, которые сдѣлали Панову замѣчаніе. Но Пановъ, опираясь на молчаливую поддержку завѣдывающаго аудиторіей г. Руденко, не только не унялся, но перешелъ въ наступленіе, сталъ ругаться, сквернословить и закончилъ разговоръ стульями. Возмущенные до глубины души этими дикими оскорбленіями, учителя, въ количествѣ 30 человекъ, составили протестъ, въ которомъ и изложили, что при такихъ условіяхъ они должны оставить самую мысль о пѣснопѣніяхъ и впредь не будутъ являться для спѣвокъ въ аудиторію, поза не будетъ уволенъ Пановъ. Протестъ этотъ сдѣлался достояніемъ газетъ, и городская управа сочла за благо назначить по этому дѣлу разслѣдованіе, возложивъ эту обязанность на члена управы г. Бѣлоусова. Но г. Бѣлоусовъ, человекъ обширнаго ума и замѣчательной осторожности, понялъ свою задачу въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ представить управѣ сто одинъ томъ трудовъ и изложить дѣло съ точки зрѣнія исторической, начиная со времени постройки самой аудиторіи и до нашихъ дней. Однако, и оскорбленные учителя, и мѣстная печать очень скоро поняли, что г. Бѣлоусовъ призвалъ на помощь исторію съ единственной цѣлью утопить въ ея пучинѣ весь инцидентъ, правильно считывая, что пока закончится сто первый томъ трудовъ, не только забудется оскорбленіе, но и самые учителя отойдутъ, по законамъ естества, въ лучшій изъ міровъ.

Разгадавъ это тайное намѣреніе г-на Бѣлоусова, учителя стали будировать, а газетные фельетонисты высказались о г. Бѣлоусовѣ съ такой откровенностью, что управа сочла за благо оставить историческую точку зрѣнія и предписала произвести разслѣдованіе въ предѣлахъ сквернословія и стульевъ. Однако, г. Бѣлоусовъ, какъ человекъ обширнаго ума и замѣчательной осторожности, и тутъ наткнулся на массу недоумѣнныхъ вопросовъ и для удобства изслѣдованія рѣшилъ, что правильнѣе будетъ расчленивъ инцидентъ на двѣ части и рассмотреть его сначала съ точки зрѣнія скверно-

словія и затѣмъ уже съ точки зрѣнія студьевъ. Такъ что программа у г. Бѣлоусова выработалась приблизительно такая: 1) было ли сквернословіе вообще? 2) выступалъ ли служитель Пановъ исключительно въ роли сквернословящаго, или же онъ выступалъ и въ роли сквернословимаго? и 3) какія въ пользу того и другого предположенія можно привести фактически повѣренныя данныя и кого по сему дѣлу можно бы пригласить въ свидѣтели, принявъ во вниманіе, что въ аудиторіи никого, кромѣ обвиняемаго и потерпѣвшихъ, не было? Столь же основательную и систематическую программу выработалъ г. Бѣлоусовъ и по вопросу о стульяхъ: 1) были ли стулья вообще употреблены въ дѣло и если были, то кто кого билъ стульями: служитель учительницъ, или учительницы служителя? 2) если билъ служитель, то не представляется-ли возможнымъ выяснитъ, какъ, съ какой силой и на какой предметъ онъ билъ, и 3) кого по вопросу о стульяхъ можно было бы пригласить въ свидѣтели, принявъ во вниманіе, что въ аудиторіи никого, кромѣ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не было?

Столь научная систематика г. Бѣлоусова вызвала на него новыя нареканія, и въ обществѣ стали открыто говорить, что городская управа обязана, какъ можно скорѣе, отслужить Господу Богу молебень о дарованіи г. Бѣлоусову способностей и силъ на предметъ успѣшнаго окончанія порученнаго ему разслѣдованія. Въ свою очередь, и печать стала опять насѣдать на г. Бѣлоусова и на этотъ разъ высказалась о немъ съ такой ошеломляющей откровенностью, что несчастный систематикъ вынужденъ былъ снятъ съ программы и совершенно оставить безъ разрѣшенія вопросъ, какъ, съ какой силой и на какой предметъ служитель Пановъ швырялъ стульями въ учительницъ,—и вмѣсто того донести кратко, что Пановъ стульями швырялся и въ сквернословіи допустилъ излишества, правилами о городскихъ аудиторіяхъ непредусмотрѣнныя.

На основаніи разслѣдованія г. Бѣлоусова городская управа постановила: „1) объявить выговоръ завѣдывающему аудиторіей г. Руденкѣ, 2) уволить служителя Панова и 3) *принести жалобу въ городск. училищный советъ на дѣйствія учителей и учительницъ, производившихъ путемъ прессы давленіе на городское самоуправленіе*“.

Признаться сказать, когда мы прочитали въ одесскихъ газетахъ третій пунктъ этой управской резолюціи, то въ первую минуту даже глазамъ своимъ не повѣрили.

Можно еще понять, что городская управа хотѣла „потушить“ постыдное для нея дѣло; можно понять, что съ этою цѣлью она поручила разслѣдованіе инцидента г. Бѣлоусову, человѣку обширнаго ума и выдающейся осторожности; можно, наконецъ, понять, что управа всячески старалась затянуть и похоронить дѣло,—но чтобы жаловаться на учителей

только за то, что они *путемъ прессы производили давленіе на управу*—это все равно, что расписаться въ полной солидарности съ служителемъ Пановымъ. Вѣдь такой жалобой управа, во всемъ своемъ составѣ, громко говоритъ: мы, члены управы, хотѣли сдѣлать гадость, хотѣли замаять вопіющее дѣло и оказать наше покровительство грубости нашего ставленника Руденки и пьяной наглости его сторожа Панова,—но учителя сговорились между собою, и мы съ душевнымъ прискорбіемъ должны были соблюсти приличіе и сдѣлать видъ, что ни грубости, ни наглости мы не поощряемъ.

А поему покорѣнше просимъ принять зависяшія мѣры и разъяснить учителямъ, чтобы впредь они не заставляли насъ путемъ печати высказываться противъ нашего убѣжденія и преслѣдовать наглость... Во-истину, если Господь захочетъ наказать человѣка, то прежде всего отниметъ у него разумъ!..

Но если оставить совсѣмъ въ сторонѣ одесскую управу и взглянуть на инцидентъ со стульями не съ юмористической, а съ серьезной точки зрѣнія, то, признаться сказать, получится такая картина, отъ которой сдѣлается и стыдно, и больно. Вѣдь, это шутка сказать: вся Россія громко воиетъ, что народнымъ учителямъ житья не стало отъ грубости и хамства строгаго начальства; присутственныя мѣста издають на этотъ счетъ особые циркуляры и предписываютъ вѣжливость; губернаторы, въ родѣ генерала Драгомірова, сажаютъ подъ арестъ старшинъ и старостъ за безобразное отношеніе къ учителямъ,—а въ Одессѣ, въ университетскомъ городѣ, учительницъ дуютъ стульями при свѣтѣ дня, и городская управа на нихъ же жалуется за то, что онѣ не сохранили побоевъ въ тайнѣ и разболтали эту тайну сотрудицамъ газетъ!

Нечего сказать, хорошіе ребята и, видно, не даромъ же говорятъ, что одесская городская управа избрала своимъ девизомъ коротенькое изреченіе одного изъ героев Успенскаго: „свинство и необразованность“.

* * *

Такъ называемые инженеры-„манчжурцы“, прославившіеся на всю Россію своими неслыханными скандалами, гомерическими попойками и всяческими дебошами, опять дали о себѣ знать и, съ наступленіемъ военныхъ дѣйствій, аттестовали себя еще, какъ первоклассные хищники казеннаго и просто чужого добра. Правда, насчетъ хищеній и раньше далеко не все обстояло благополучно, но война только разожгла аппетиты и удесятерила то остервенѣніе, съ которымъ желѣзнодорожныя „рвачи“ растаскивали все, что плохо лежитъ. Вотъ что свидѣтельствуетъ на этотъ счетъ хорошо освѣдомленное въ подвигахъ „манчжурцевъ“ „Восточное Обозрѣніе“.

„Какъ только война была объявлена и стали призываться подъ русскія

знамена запасные,—подрядчики на Круго-байкальской дорогѣ сразу возбудили ходатайства: объ оставленіи на работахъ круго-байкальской желѣзной дороги запасныхъ и объ отпускѣ безпроцентной ссуды на экстренный расчетъ уходящихъ въ ряды войскъ рабочихъ. Ходатайства были удовлетворены, и нѣкоторые изъ подрядчиковъ, не рассчитавъ ни одного рабочего, получили солидные безпроцентныя ссуды“.

Обезпечивъ себя насчетъ незаконныхъ ссудъ, подрядчики стали затѣмъ подумывать о закрѣпощеніи рабочей силы и достигли въ этомъ отношеніи блистательныхъ результатовъ. Какъ извѣстно, наемъ рабочихъ на Круго-байкальскую дорогу былъ обставленъ особыми условіями: рабочіе не имѣли права бросить работы до ея окончанія подѣ страхомъ штрафа и тюремнаго заключенія. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовались подрядчики, толковавшіе условія найма, какъ кабальную запись, придуманную будто бы исключительно въ ихъ интересахъ. По свидѣтельству „В. О.“, „рабочіе, напр., жаловались инженеру Трескинскому на то, что подрядчики: инженеръ Бонди и инженеръ Вржезовскій, понизили до минимума заработную плату, а когда рабочіе хотѣли перейти на болѣе выгодныя условія къ подрядчику Перцеву, то имъ не выдали паспортовъ и пригрозили предать суду. Инженеръ Трескинскій пробовалъ, было, воздѣйствовать на подрядчиковъ, прося ихъ увеличить плату до того размѣра, который предлагалъ Перцевъ, но они заявили, что плату увеличить не могутъ, такъ какъ имъ придется нести убытки. Мало этого, инженеръ Бонди отношеніемъ № 4161 отъ 20-го марта доноситъ начальнику работъ, что „нѣкоторые лица изъ технического надзора сѣютъ смуту среди его рабочихъ“, и просятъ по „сему поводу назначить разслѣдованіе...“

Казалось бы, что незаконныя ссуды, спеціальныя уголовныя законы для рабочей силы, карающіе за самовольное оставленіе работъ, и, наконецъ, возможность по своему усмотрѣнію понижать заработную плату до послѣднихъ предѣловъ,—могли бы удовлетворить даже самый волчій аппетитъ, даже самое разнузданное воображеніе.

Но оказывается, что для „манчжурцевъ“ и этого мало: ихъ идеалы шли еще дальше и, не довольствуясь системой двойного грабежа казны и рабочихъ, они стали еще расплачиваться за работы не деньгами, а ордерами, несмотря на то, что такой способъ „удовлетворенія“ рабочихъ строжайше запрещался генералъ-губернаторомъ.

„Въ январѣ одинъ изъ рабочихъ Бонди, продолжаетъ далѣе „В. О.“, нѣкто Левашовъ, потерявъ надежду получить расчетъ въ конторѣ подрядчика, обратился съ жалобой въ управленіе, представивъ туда и свою расчетную книжку. Книжка эта, несмотря на то, что послѣ изданія циркуляра, запрещавшаго ордера, лишь прошло два мѣсяца, была перепол-

нена записями: „По ордеру №, по ордеру №“ и т. д.“. Казалось бы, что виновный подрядчик долженъ быть строго наказанъ,—не тутъ-то было: начальники-инженеры оставили это дѣло втуне. Но всему есть предѣлъ, и на-дняхъ въ это дѣло вмѣшалась жандармская полиція и, учтивъ подрядчика-инженера Бонди въ выдачѣ ордеровъ на право полученія въ лавкѣ Середина водки, оштрафовала инженера Бонди на 500 руб.“.

Такимъ образомъ, инженеръ Бонди даже спавать своихъ рабочихъ не желалъ на наличныя деньги и, вѣрный своей системѣ, дѣйствовалъ исключительно ордерами. Но, какъ видно, судьба сторожила этого чело-вѣка, по крайней мѣрѣ, въ газетѣ „Степной Край“ мы наткнулись на официальное сообщеніе, изъ коего видно, что инженеръ Бонди нынѣ пребываетъ уже въ острогѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и его сподвижникъ по постройкѣ Круго-байкальской дороги.

Вотъ это сообщеніе:

„Постановленіями начальника военной охраны Круго-байкальской желѣзной дороги, утвержденными командующимъ войсками округа, наложены административнымъ порядкомъ слѣдующія взысканія на подрядчиковъ по постройкѣ этой дороги и ихъ довѣренныхъ за крайне антисанитарное состояніе помѣщеній рабочихъ на ихъ участкахъ. Довѣренные подрядчика инженера Бонди: Малевиичъ—штрафу въ 500 руб. и инженеръ Коротковъ аресту на двѣ недѣли; подрядчикъ инженеръ Перцевъ и его довѣренные, инженеры Ливеровскій, Нехорошевъ и Чернецкій, каждый штрафу по триста рублей; подрядчикъ Вржезовскій и его довѣренные Шиманскій и Вржезовскій штрафу каждый на сто рублей.

„Подрядчики-инженеры Бонди и Вржезовскій также за антисанитарное содержаніе своихъ участковъ и, кромѣ того, за неправильные расчеты съ рабочими подвергнуты властію командующаго войсками округа: Вржезовскій тюремному заключенію на полтора мѣсяца, Бонди тюремному заключенію на мѣсяць и штрафу въ тысячу рублей“. (*Степн. Кр.*)

Такимъ образомъ, двое изъ наиболѣе отъявленныхъ „манчжурцевъ“ угодили таки въ острогъ. Но хотя торжество справедливости—вещь хорошая и пріятная для каждого, однако, мы, признаться сказать, далеко не испытываемъ полнаго удовлетворенія: во-первыхъ, почему только двое, когда достойныхъ имѣется цѣлый легіонъ? а во-вторыхъ, почему единственнымъ защитникомъ рабочихъ является острогъ и только острогъ? Вѣдь, нельзя же не видѣть, что эта мѣра охраны труда и его интересовъ далеко не отличается совершенствомъ: чтобы Бонди и Вржезовскіе попали въ тюрьму, нужно слишкомъ много времени, нужно, чтобы преступленія ихъ взывали къ небу, чтобы о нихъ рассказывали легенды, а главное, нужно, чтобы ихъ остервенѣніе достигло того градуса, когда уже и камни

начинають вопіять. Но представьте, что остервенѣніе Бонди, а равно и его прозорливость не носили бы характера явной неосторожности, и грабежъ не отличался бы такой разнузданностью — спрашивается, сколько лѣтъ этотъ Бонди продержался бы въ качествѣ „піонера культуры“, созидающаго желѣзныя дороги на далекой окраинѣ? Мы, по крайней мѣрѣ, убѣждены, что при самой минимальной осторожности, онъ кончилъ бы не острогомъ, а возвратился бы въ Россію съ честью, воздвигъ бы гдѣ-нибудь на Литейномъ просп. пятиэтажный домъ и, можетъ быть, въ этомъ домѣ у него снимали бы квартиры гг. прокуроры окружнаго суда и судебной палаты.

Повторяемъ, тюрьма въ качествѣ холоднаго душа для наиболѣе отъявленныхъ „манчжурцевъ“ — хорошая вещь, но цѣли она не достигаетъ, и нужно, на нашъ взглядъ, избрать другой путь — нужно, чтобы Бонди и Бржезовскіе, пареваливая за Байкаль и удаляясь на тысячи верстъ отъ прокуроровъ, судебныхъ слѣдователей, окружныхъ судовъ и прочихъ необходимыхъ для нихъ институтовъ, не чувствовали себя царьками и не развращались бы отъ сознанія полнѣйшей безнаказанности за свое уголовное поведеніе. Если здѣсь, въ Россіи, они хоть разъ въ году вспоминаютъ о скамьѣ подсудимыхъ и хоть во снѣ видятъ арестантскіе халаты, то тамъ, въ пустынныхъ стенахъ Манчжуріи и на берегахъ дикаго Байкала, они теряютъ всякое представленіе о законѣ и превращаются въ настоящихъ желѣзнодорожныхъ „варнаковъ“. И, конечно, объектомъ своихъ аппетитовъ они прежде всего избираютъ казну и рабочихъ. Но казна, по крайней мѣрѣ, имѣетъ чиновника, который сторожитъ какъ умѣетъ ея добро, — рабочіе же никого не имѣютъ, кто могъ бы оградить ихъ отъ явной и тайной уголовщины со стороны „піонеровъ культуры“. Вотъ почему было бы настоятельно необходимо, чтобы желѣзнодорожное строительство на окраинахъ имперіи было подчинено надзору фабричной инспекціи, которая имѣла бы своихъ представителей на каждой строящейся дорогѣ. Фабричная инспекція здѣсь сыграла бы не только роль стража законности, но до нѣкоторой степени могла бы даже угодить „Новому Времени“ и „поднять престижъ русскаго имени“, ибо китайцы и монголы, работающіе на постройкахъ дорогъ, о Россіи и о русскіихъ людяхъ составляютъ себѣ представленіе именно по гг. Бонди и К^о.

Вотъ что пишетъ, напримѣръ, на этотъ счетъ г. Дремичевъ въ „С.-Пет. Вѣд.“:

„Наши недоразумѣнія съ китайскимъ населеніемъ Манчжуріи начались, главнымъ образомъ, съ момента постройки желѣзной дороги. Дорога эта почти исключительно была построена трудами китайцевъ, приглашенныхъ на работу тысячами. Цѣны мы платили очень хорошія, и китайцы-рабочіе дорожили, естественно, какъ самой работой, такъ и добрыми отношеніями

съ желѣзнодорожной администраціей. Но, по непростительной оплошности, мы позволили производить расчетъ китайцевъ-рабочихъ ихъ подрядчикамъ, тоже китайцамъ, которые, пользуясь нашимъ незнаніемъ китайскаго языка, стали страшно эксплуатировать народныя массы, выплачивая вмѣсто обусловленной платы какіе-то гроши и объясняя возмущенной толпѣ, что въ этомъ виноваты русскіе, которые-де не хотятъ платить больше“.

Думается, что г. Дремичевъ едва ли не напрасно сваливаетъ отвѣтственность за безобразіе исключительно на подрядчиковъ-китайцевъ, объясняя все дѣло незнакомствомъ нашей администраціи съ китайскимъ языкомъ: никогда ни одинъ Бонди не уступилъ бы китайскимъ подрядчикамъ „свою пользу“, и, разумѣется, незнаніе языка не помѣшало бы ему замѣнить деньги ордерами. Впрочемъ, возможно допустить и такъ, что Бонди снималъ съ китайскихъ рабочихъ верхнее одѣяніе, а подрядчики-китайцы снимали уже рубашку. На эту мысль наводитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что на жалобы китайскихъ рабочихъ, которые потребовали отъ администраціи объясненій,—администрація, по свидѣтельству г. Дремичева, прибѣгла къ мѣрамъ „подавленія“ китайскихъ страстей, чѣмъ и упрочила за русскимъ именемъ репутацію алчности и варварства. Наводитъ на ту же мысль и общій тонъ поведенія, который, по словамъ г. Дремичева, усвоила себѣ небольшая кучка нашихъ „манчжурцевъ“ въ далекой странѣ. По крайней мѣрѣ, резюмируя свои положенія, г. Дремичевъ пишетъ:

„Отличительной чертой китайца является, какъ извѣстно, его вѣжливость и никогда не измѣняющая ему корректность. Эти качества какимъ-то совершенно непонятнымъ способомъ были истолкованы въ томъ смыслѣ, что китаецъ—дуракъ, китаецъ — трусъ, китаецъ не умѣетъ за себя постоять, и поэтому его можно обидѣть... Дернуть китайца за косу, столкнуть съ дороги, вытянуть его кнутомъ—ровно ничего не значило.. Но если такое обращеніе прощаль какой-нибудь несчастный манза, то никогда не прощаль и не проститъ китайскій чиновникъ, случайно попавъ подъ кнутъ какого-нибудь возницы...“

Вообще, по мнѣнію г. Дремичева, „нельзя повторять ошибки, которыя мы допустили много лѣтъ тому назадъ, посылая въ инородческія наши населенія разныхъ засѣдателей и приставовъ, которые на каждомъ шагѣ оскорбляли свободолубивыхъ кочевниковъ и, напр., здороваясь съ инородцемъ, протягивали ему... ногу. Такія мѣры, разумѣется, не могутъ способствовать престижу русскаго имени“.

* * *

Одна изъ матерей, сынъ которой находится въ порть-артурскомъ гарнизонѣ обратилась къ фельетонисту г-ну Меньшикову со слѣдующимъ отчаяннымъ письмомъ:

„Умоляю васъ отъ лица всѣхъ матерей и женъ, помогите намъ! Скажите отъ лица всѣхъ насъ, что мы не можемъ оставаться равнодушными зрительницами, какъ бьютъ нашихъ дѣтей и дорогихъ намъ лицъ, что мы требуемъ, чтобы сдѣлано было *все* для ихъ спасенія! Да, требуемъ! Вы должны согласиться, что если отъ насъ требуютъ такихъ нечеловѣческихъ жертвъ, какъ *жизни нашихъ дѣтей*, то ужъ мы то имѣемъ право требовать, чтобы ихъ и продавали дорого, а не бросали на произволь, какъ это дѣлается сейчасъ.

„Всѣ кричатъ о храбрости, самоотверженіи, о безграничной преданности нашихъ сыновъ, и чѣмъ платятъ?

„Пусть они умрутъ всѣ, но послѣ того какъ все будетъ сдѣлано для ихъ спасенія! Мы имѣемъ право требовать этого, мы, ихъ матери и жены, у которыхъ *это* все, что тамъ заперто въ Артурѣ! Неужели вы сможете читать, не обливая сердце кровью, объ этой отрѣзанной горсточкѣ людей! Какъ будто государство и не есть человѣческія жизни и только? Но это Богъ съ ними—съ этими разсужденіями, дѣло не въ нихъ сейчасъ, дѣло въ людяхъ, и людяхъ, которыхъ, быть можетъ, жгутъ сейчасъ и топятъ. Умоляю васъ вступить за нихъ! Вступить за насъ, за наше право защищать нашихъ дѣтей! Поймите: видѣть, знать, что они тамъ умираютъ,—и молчать, бессильно молчать... Я не въ силахъ—пусть изотрутъ меня въ порошокъ, но молчать я не могу, я изнемогаю отъ этого молчанія и отъ этой пытки ясновидѣнія и пониманія, какъ мучительно и гибельно ихъ положеніе тамъ, въ Портъ-Артурѣ, уже 4 мѣсяца. Теперь, когда уже нѣтъ для нихъ спасенія, я считаю себя въ правѣ молиться о ихъ спасеніи, считаю себя въ правѣ будить людей и говорить, что стыдно требовать такъ много, все, даже жизнь, и платить равнодушіемъ! Я умоляю васъ, спасите ихъ вашимъ словомъ. Вы такъ горячо отзывались на всѣ случаи войны. Отзовитесь и на это горе матерей и женъ!!! Если вы вспомните, что мы, женщины, даемъ гражданъ, что мы воспитуемъ ихъ душу и совѣсть, вы поймете, что мы имѣемъ право голоса и что онъ долженъ имѣть значеніе. Умоляю на колѣнахъ, умоляю васъ. Мать“.

На это письмо, написанное кровавыми слезами, г. Меньшиковъ отвѣтилъ пошлѣйшими, бездушными и грубыми упреками въ материнскомъ эгоизмѣ и развелъ длинныя рацеи о трусахъ и необходимости обложить трусозъ специальнымъ государственнымъ налогомъ...

Бѣдная мать! Прочитавъ пошлости г. Меньшикова, она, разумѣется, пойметъ, *къ кому* она обратилась со своимъ святымъ горемъ, и до какой степени неумѣстны и странны были ея ожиданія найти утѣшеніе у... пресмыкающагося журналиста! Но хотя оправданіемъ для матери можетъ служить ея огромное несчастье, а все-таки какъ-то странно, что свою

душевную боль она понесла къ г. Меньшикову; вѣдь, объ этомъ господиѣ столько писали и журналы, и газеты и такъ часто и неумоимо разъясняли публикѣ его подкоподныя свойства, что, казалось бы, читатели могли бы считать себя застрахованными отъ столь ужасныхъ ошибокъ.

* * *

Редакторъ „С.-Пет. Вѣд.“ г. Столыпинъ пишетъ въ своихъ „Замѣткахъ“:

„Сегодня мнѣ доставили послѣднюю тетрадку „Освобожденія“ и „Листка“ его, около десяти столбцовъ которыхъ посвящены мнѣ. Это ужъ выходитъ въ родѣ стрѣльбы изъ осаднаго орудія. Вѣроятно, у редактора мало темъ и матеріаловъ, если онъ посвящаетъ свои досуги на уничтоженіе моей незамѣтной персоны. Во всемъ нужно знать мѣру и, право, не стоитъ тратить тысячи строкъ мелкаго набора для доказательства такихъ простыхъ и очевидныхъ вещей, какъ моя глухость“.

Съ этимъ мнѣніемъ г-на Столыпина нельзя не согласиться.

* * *

Кн. Мещерскій справляетъ первую годовщину своихъ „Дружескихъ Рѣчей“.

„Имѣя до 60 тысячъ читателей, изъ коихъ болѣе 50 тысячъ крестьянъ, въ деревняхъ, я въ теченіе года не получилъ ни одного не только ругательнаго, но даже дурно настроеннаго письма“.

„Въ этомъ отношеніи интересно сопоставленіе деревни, какъ читателя „Дружескихъ Рѣчей“, съ читателями „Гражданина“. Среднимъ числомъ, мнѣ приходится получать по поводу „Гражданина“ *отъ одного до двухъ* ругательныхъ писемъ въ недѣлю. Между тѣмъ, — продолжаетъ князь, — по поводу „Дружескихъ Рѣчей“ за годъ я не получилъ ни одного ругательнаго или непріязненнаго письма“.

Это и въ самомъ дѣлѣ удивительно. Но говорятъ, что для странности есть весьма простое объясненіе, такъ какъ добрая половина читателей „Дружескихъ Рѣчей“, будто бы, совершенно неграмотна и подписалась на изданіе князя изъ одного „конвенанса“.

Впрочемъ, самъ князь объясняетъ отсутствіе ругательныхъ писемъ чрезмѣрно идиллическимъ настроеніемъ подписчиковъ-мужиковъ, которые, какъ онъ говоритъ, ежедневно присылаютъ ему 20 писемъ съ изложеніемъ преданности и уваженія, уваженія и преданности. Въ большей части писемъ заключаются „оды, идилліи и простые рассказы, по которымъ можно судить о настроеніи деревни“.

Оды, разумѣется, писаны въ честь кн. Мещерскаго, какъ основателя „Дружескихъ Рѣчей“ и какъ волшебника-издателя, ухитрившагося въ первый же годъ изданія создать аудиторію въ 60 т. человекъ, да навербованныхъ изъ среды мужиковъ, не умѣющихъ грамотъ!

* * *

Газеты такъ много пишутъ теперь о войнѣ и такъ охотно занимаются составленіемъ приличныхъ случаю прожектовъ, что каждый день можно выудить добрую дюжину курьезовъ. Такъ, напр., кн. Мещерскій, подлѣ грехотъ пушекъ, явился съ предложеніемъ возстановить старый *институтъ городничихъ*, вербуя ихъ изъ отставныхъ военныхъ и отдавая преимущество раненымъ:

„Мысль эта, кромѣ ея жизненной правды, заключаетъ въ себѣ благотворную силу утѣшенія и облегченія посреди тяжестей переживаемыхъ минутъ.

„Она даетъ свѣтлый и ободряющій смыслъ этимъ кровавымъ жертвоприношеніямъ.

„Мысль эта не новая; какъ все хорошее, она въ извѣстномъ и маленькомъ видѣ осуществлялась при Николаѣ I, и я помню, какъ во время моихъ объѣздовъ по Россіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, я съ благоговѣніемъ встрѣчался въ уѣздныхъ городкахъ разныхъ захолустьевъ съ ранеными въ бою офицерами, назначавшимися въ должности городничихъ изъ кандидатовъ, представлявшихся комитетомъ о раненыхъ.

Очень скоро затѣмъ это прекрасное преданіе улетучилось, какъ многія хорошія преданія старины, и на службу гражданскую получилъ монополію интеллигентъ“.

Вотъ этого-то ненавистнаго интеллигента князь и рекомендуетъ упразднить, замѣнивъ его Сквозниками-Дмухановскими.

* * *

Не такъ давно въ „Новомъ Времени“ сообщалось о чудесномъ явленіи образа св. Николая Чудотворца, всплывшаго на поверхность воды изъ затонувшаго броненосца „Петропавловскъ“. Теперь же „Московскія Вѣд.“ заимствуютъ изъ „Миссіонерск. Обозр.“ цѣлый рассказъ о другомъ образѣ, который тоже можно бы назвать „явленнымъ“.

„На Страстной недѣлѣ членъ адмиралтействъ-совѣта, вице-адмиралъ Владиміръ Павловичъ Верховскій получилъ изъ Кіева посылку въ нѣсколько пудовъ, при писмѣ. По вскрытіи посылки въ ней оказался въ высокой степени художественно-исполненный образъ Богоматери въ дивной рѣзной рамѣ.

„Адмирала просятъ оказать содѣйствіе къ скорѣйшей отправкѣ этого образа въ Портъ-Артурскую церковь.

„Вотъ вкратцѣ исторія этого образа.

„Ровно за два мѣсяца до открытія Японцами непріязненныхъ дѣйствій, въ Кіевскую лавру на дальнія пещеры пришелъ поговѣть изъ Бессарабской губерніи старикъ-матросъ изъ отбывавшихъ Севастопольское сидѣнье.

„По его разсказу, онъ видѣлъ во свѣ Богоматерь, стоявшую спиной къ заливу моря. Въ рукахъ Богородицы былъ продолговатый платъ съ сиреневою каемкою, а посреди плата нерукотворенный ликъ Спасителя. Хитонъ Божіей Матери былъ синій, а верхнее одѣяніе коричневое. Съ правой стороны надъ Ея пречистымъ ликомъ архистратигъ Михайлъ, а съ лѣвой архангелъ Гавріилъ. Надъ Нею ангелы держатъ въ облакахъ карту, увѣнчанную другою короной изъ двухъ перекрещивающихся радугъ съ крестомъ наверху. Еще выше безплотныя силы поддерживаютъ облака, на которыхъ Господь Саваоѣ, съ надписью по сіянію: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь“.

Богоматерь успокоила пораженнаго страхомъ матроса и повѣдала ему, что вскорѣ откроется тяжелая война, въ началѣ которой на долю Россіи выпадутъ многія скорби. Владычица Небесная приказала изготовить образъ, точно изображающій видѣніе престарѣлаго матроса, и отправить эту святыню въ Портъ-Артурскую церковь, обѣщая помощь, покровительство и побѣду русскому воинству тотчасъ по прибытіи образа къ указанному мѣсту.

„Образъ былъ изготовленъ на средства 10 тысячъ богомольцевъ, которые пожертвовали на матеріалы по 5 к., при чемъ во время работы живописцевъ произошло, по свидѣтельству „Моск. Вѣд.“, какъ бы нѣкоторое чудо: матросъ-свидѣецъ, никогда не умѣвшій рисовать, весьма искусно поправлялъ своей загрубѣлой рукой наброски художниковъ и подъ его руководствомъ художники съ успѣхомъ закончили свой трудъ“.

* * *

Книжнымъ складомъ Вятскаго губернскаго земства представленъ былъ казанскому отдѣльному цензору для разрѣшенія къ печати „Каталогъ свѣтовыхъ картинъ для народныхъ чтеній“. Каталогъ этотъ препровожденъ былъ цензоромъ вятскому губернатору на его заключеніе.

Нынѣ губернаторъ, какъ сообщаютъ „Рус. Вѣд.“, увѣдомляетъ губернсую управу, что изъ присланнаго каталога имъ усмотрѣно, что показываніе нѣкоторыхъ картинъ не можетъ быть признано не только необходимымъ, но и полезнымъ съ точки зрѣнія воспитательнаго ихъ значенія. Сюда прежде всего относятся картины, изображающія убійства, казни, дуэли, единоборство, месть, злобу, гнѣвъ и вообще такіе моменты историческихъ и бытовыхъ фактовъ, въ которыхъ обнаруживается первобыт-

ная грубая и темная сторона человѣческой природы съ ея звѣрскими инстинктами. Къ тому же разряду нежелательныхъ для показыванія картинъ принадлежатъ и тѣ картины, въ которыхъ воспроизводятся страшные, пугающіе темнаго человѣка образы мнѣическихъ и сказочныхъ существъ, въ реальномъ существованіи которыхъ наши крестьяне убѣждены въ подавляющемъ большинствѣ. Наконецъ, мало поучительнаго могутъ давать простому народу, по мнѣнію губернатора, и многія изъ картинъ комическаго содержанія, напримѣръ, — къ произведеніямъ Гоголя, — такъ какъ наши крестьяне и мѣщане еще не достигли такой степени умственнаго развитія, на которой понятны „не только видимый міру смѣхъ, но и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Изъ картинъ религіознаго содержанія также встрѣчаются такія, которыя зрителямъ не могутъ дать правильнаго представленія о лицахъ и событіяхъ ветхозавѣтныхъ. А потому губернаторъ, сдѣлавъ распоряженіе чрезъ наблюдающаго за книжною торговлею въ Вяткѣ чиновника объ изыятіи указанныхъ въ приложенномъ списокѣ картинъ изъ продажи при книжномъ складѣ и разсылки по уѣздамъ, предлагаетъ губернской управѣ передать указанныя свѣтвыя картины этому чиновнику для опечатанія и сдачи на храненіе завѣдующему книжнымъ складомъ. Къ этому распоряженію губернатора приложенъ слѣдующій списокъ свѣтовыхъ картинъ, которыя не могутъ быть показываемы при народныхъ чтеніяхъ: Ветхій завѣтъ: 1) Сотвореніе Евы. — Библейскіе рассказы: 2) Каинъ убиваетъ Авеля; 3) Іудифъ и Олофернъ; 4) Іудифъ показываетъ голову Олоферна; 5) Посланные Іеуемъ находятъ голову, ноги и кисти рукъ Іезавели; 6) Чужестранцы, переселенные въ Самарію, пожираются львами; 7) Новохудоносоръ умерщвляетъ дѣтей Седекіи передъ его глазами; 8) Іисусъ Навинъ щадитъ жизнь Раавы; 9) Смерть Авессалома; 10) Плачъ Давида о смерти Авессалома; 11) Ависса спасаетъ жизнь Давида; 12) Сраженіе единоборцевъ Іевасая и Давида; 13) Пораженіе Давидомъ аммонтянъ; 14) Ахавъ, побитый камнями; 15) Дочь Іеффая ликуетъ при встрѣчѣ отца; 16) Веньямиты похищаютъ дочерей въ Силомѣ; 17) Сусанна и старцы; 18) Оправданіе Сусанны; 19) Іеуѣ низвергаетъ Іезавель. — Іуда Маккавей: 20) Мученическая смерть старца Елеазара; 21) Астинъ отказывается итти въ Артаксерксу. — Злое время татарщины: 22) Русскіе, сожигаемые въ храмѣ. — Царствованіе Іоанна Грознаго: 23) Іоаннъ отдастъ псарямъ Шуйскаго; 24) Филиппъ отказываетъ Іоанну Грозному въ благословеніи; 25) Филиппа ведутъ въ заточеніе; 26) Смерть Филиппа; 27) Малюта Скуратовъ показываетъ монахамъ мертваго Филиппа; 28) Убіеніе царевича Дмитрія; 29) Послѣднія минуты Годуновыхъ; 30) Бѣгство колодниковъ. — Капитанская дочка: 31) Дуэль Гринева съ Швабринымъ. — Тарасъ Бульба: 32) Казнь Остапа;

33) Смерть Андрея.—Пѣснь про купца Калашникова; 34) Вотъ оба молча расходятся, богатырскій бой начинается; 35) И опричникъ молодой застоналъ слегка и 36) Палачъ весело похаживаетъ.

* * *

Самоубійство ребенка всегда производитъ особенно гнетущее впечатлѣніе. Но если мотивомъ для самоубійства является страхъ передъ экзаменами, то сожалѣніе о прекратившейся маленькой жизни усугубляется еще сердечной болью за нашу школьную систему, которая каждое такое самоубійство должна принимать какъ обвинительный актъ, написанный дѣтской кровью и врученный ей отъ имени общественнаго правосудія.

Объ одномъ такомъ самоубійствѣ рассказываетъ „Кіевл.“

„Въ Кіевѣ, на Печеркѣ, въ одномъ изъ домовъ по Б. Шияновской улицѣ, въ квартирѣ Каганъ, жилъ круглый сирота, одиннадцатилѣтній мальчикъ, Николай Будевичъ. Мальчикъ, послѣ потери родителей, воспитывался у своей тетки въ провинціи, гдѣ окончилъ двухклассное училище. Затѣмъ тетка отвезла его въ Кіевъ съ цѣлью опредѣлить его въ гимназію, но мальчикъ не выдержалъ вступительнаго экзамена и не былъ принятъ, что крайне его огорчило. Тетка оставила мальчика у г-жи Каганъ, гдѣ онъ приготовлялся уже во второй классъ гимназіи. Приближались дни экзамена, и мальчикъ дѣлался все грустнѣе и мрачнѣе. Повидимому, исходъ экзаменовъ его крайне озабочивалъ, и вдругъ 16 апрѣля, въ 4 час. дня, мальчикъ ушелъ изъ дому и больше уже не возвращался. Дано было знать полиціи. Мальчика разыскивали и отыскали только въ пять часовъ вечера 17 апрѣля, т. е. черезъ сутки послѣ исчезновенія. Нашли его въ крѣпостномъ рву, за лаврой, мертвымъ. Трупъ былъ еще теплый. Несчастный мальчикъ былъ совершенно раздѣтъ. Повидимому, онъ чѣмъ либо отравился, такъ какъ неподалеку валялся пузырекъ съ остатками какой-то жидкости. Дома же мальчикъ передъ исчезновеніемъ оставилъ записку, въ которой писалъ: „Дорогіе, я рѣшилъ покончить жизнь самоубійствомъ; если я не выдержалъ въ первый классъ, то, навѣрное, не выдержу во второй“. Записка указываетъ, что мальчикъ, изъ страха не выдержать вторично экзамена, рѣшился покончить съ собой“.

Одинъ изъ сотрудниковъ „Руси“ рассказываетъ чрезвычайно типичный случай, характеризующій нашу среднюю школу. Въ нѣкоторой гимназіи жилъ-былъ хорошій учитель, который любилъ учениковъ, и котораго, въ свою очередь, любили ученики. Но директоръ учителя не любилъ, и подъ какимъ то плохо замаскированнымъ предлогомъ учитель-гуманистъ былъ скоро удаленъ.

„Прошло полгода, и удаленному учителю проѣздомъ пришлось остановиться въ N и заглянуть на минуту въ училище, чтобы получить свои не взятые своевременно деньги. Во время большой перемѣны ученики

обрадованные неожиданнымъ появленіемъ учителя, узнали, что овъ вечеромъ того же дня уѣзжаетъ дальше. Не долго думая, безъ сговору, явились на вокзалъ проводить его. Учитель, вѣроятно, только тутъ понялъ, насколько велика къ нему любовь питомцевъ... Поѣздъ тронулся, послѣдніе поклоны и „прощайте“, и провожавшіе уныло, но немедленно разошлись по домамъ тихо и спокойно, какъ самыя благовоспитанные дѣти и юноши. На вокзалѣ, однако, находился посланный вѣсть-то вѣрный слуга, — испытанный училищный сторожъ, который, зная поименно участниковъ проводовъ, переписавъ ихъ и почтительнѣйше доложилъ по начальству.

— Ивановъ! почему вы безъ всякаго позволенія провожали X.?

— Винавать, провожалъ потому, что X. былъ очень хорошій учитель, и всѣ мы его очень любили.

— Гм... хорошій! Да имѣете ли вы право судить объ учителѣ—хорошъ овъ или вѣтъ? Про то знать не вамъ! А ваше дѣло учиться, а не разсуждать. Будете наказаны.

— Петровъ! Сидоровъ!—и т. д. обращается директоръ въ 7-ми-классникамъ. Слѣдуютъ тѣ же монологи, нотации и взысканія. Шестиклассники и пр. были оставлены безъ вопроса, какъ дѣйствующіе, вѣроятно, по „недоразумѣнію“.

Въ результатѣ 7-ми-классникамъ—по 3 въ поведеніе и лишеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ стипендіи. Отсюда мораль: вредно любить хорошаго учителя и вредно, пожалуй, быть хорошимъ, добрымъ, гуманнымъ учителемъ“.

Любопытно, что современные педагоги уже оставляютъ прежнюю систему наказаній: теперь не увлекаются уже ни карцеромъ, ни единицами изъ поведенія, а норовятъ *лишить стипендіи*, чтобы ударить по карману.

* * *

Въ городѣ Омскѣ прошелъ слухъ, что воспитанницы старшаго класса мѣстной гимназіи предполагаютъ подать просьбу о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій въ томскомъ университетѣ. Газета „Степ. Кр.“ откликнулась на эту завѣтную мечту женской учащейся молодежи и напечатала статейку подъ заглавіемъ: „Въ высшей степени симпатичный слухъ“. Но замѣтка газеты вызвала, по словамъ „Юриста“, любопытное опроверженіе въ видѣ „письма въ редакцію“ со стороны предсѣдателя мѣстнаго педагогическаго совѣта. Авторъ „письма“ считаетъ долгомъ увѣрить уважаемую редакцію, а черезъ нее и читателей издаваемой ею газеты, что сообщенный слухъ ни на чемъ не основанъ и является вымысломъ. „И если бы такое явленіе и имѣло мѣсто въ средѣ ученицъ, то оно—заявляетъ авторъ опроверженія—никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ разряду „въ высшей степени симпатичныхъ явленій“, потому-что коллек-

тивныя петиціи не дозволены закономъ даже полноправнымъ гражданамъ имперіи, для учащихъ же оно (явленіе?) является преждевременнымъ, какъ движеніе, могущее отвлечь ихъ отъ исполненія прямыхъ ихъ обязанностей“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что „предсѣдатель педагогическаго совѣта“ могъ бы составить письмо въ редакцію и не вступая въ столь тяжкую борьбу съ синтаксисомъ. Но дѣло, однако, не въ этомъ, а въ той провинціальной боязни передъ „коллективными петиціями“, казая сквозить въ письмѣ г. предсѣдателя: пора бы знать, что нашъ законъ совѣтъ не воспрещаетъ коллективныхъ прошеній, а воспрещаетъ лишь коллективную подачу ихъ.

* * *

Между харьковскими и бакинскими журналистами произошла довольно рѣзкая полемика, которой суждено окончиться въ залѣ суда.

„Въ концѣ 1902 г. рассказываетъ „Русск. Сл.“, бывший сотрудникъ „Каспія“ г. Пильскій публично увѣрялъ сотоварищей г. Петрищева по редакціи, что послѣдній ему „хорошо извѣстенъ, какъ господинъ, который сотрудничалъ въ харьковскомъ „Южномъ Краѣ“ и за свои писанія подвергся одинаковой съ г. Іозефовичемъ участи“.

На эту устную слетню Пильскаго г. Петрищевъ отвѣтилъ въ газетѣ „Баку“, что онъ въ Харьковѣ никогда не былъ—даже и проездомъ, что въ „Южномъ Краѣ“ онъ никогда ни одной строчки не помѣщалъ, что къ той же редакціи во всю свою жизнь онъ ни одной минуты причастенъ не былъ, и, наконецъ,—что одинаковая съ г. Іозефовичемъ участь ему нигдѣ и никогда не угрожала.

Затѣмъ г. Петрищевъ предложилъ Пильскому передать дѣло о распространеніи послѣднимъ ложныхъ слуховъ, касающихся чести Петрищева, товарищескому суду, заранее обусловивъ (*conditio sine qua non*), что признанный виновнымъ обязанъ „немедленно выѣхать изъ Баку и совершенно и навсегда отказаться отъ литературной профессіи во всѣхъ ея видахъ“.

Пильскій отвѣтилъ печатно отказомъ отъ товарищескаго суда и просилъ „отнестись ко всему происшедшему, какъ къ заблужденію, притомъ... невольному“. Затѣмъ вмѣшались сотрудники „Южн. Края“, требовавшіе отъ г. Петрищева объясненій, почему онъ такъ отрещивается отъ какого бы то ни было участія въ „Южномъ Краѣ“ и считаетъ таковое для себя недостойнымъ и позорнымъ.

Вынужденный требованіемъ, г. Петрищевъ объяснилъ въ газетѣ „Баку“ эти причины, среди которыхъ фигурировало направленіе „Южнаго Края“ и вызванный имъ, существующій въ Харьковѣ обычай,—при всѣхъ подходящихъ случаяхъ „бить стекла Іозефовичу“. Въ силу этихъ причинъ

г. Петрищевъ считаетъ для журналиста-прогрессиста распростране ніе слуха объ участиі въ такой газетѣ, по крайней мѣрѣ, дѣломъ недобросовѣстнымъ, могущимъ сильно отразиться на будущей дѣятельности журналиста.

Обличенія г. Петрищева по поводу оклобятія и послужили г. Іозефовичу причиною для привлеченія къ отвѣтственности редактора-издателя газеты „Баку“ А. Н. Лаврова и А. В. Петрищева по ст. 1535-й—за клевету въ печати.

Ни обвинитель, ни обвиняемые въ судъ не явились—ихъ замѣнили повѣренные: профессоръ Владиміровъ и прис. повѣр. Вишневецкій—Іозефовича, прис. повѣр. Байковъ—А. Н. Лаврова и прис. повѣр., а равно и помощн. прис. повѣр. кн. Андрѣяниковъ—А. В. Петрищева.

Въ виду того, что почти всѣ изъ многочисленныхъ, вызванныхъ по дѣлу обвиняемыми, свидѣтелей проживаютъ въ Харьковѣ,—защита просила о дослѣдованіи дѣла и перенесеніи его въ Харьковъ, въ харьковскій окружный судъ.

Ходатайство было бакинскимъ окружнымъ судомъ удовлетворено“.

Признаться сказать, насъ очень удивляетъ, что сотрудники г. Іозефовича обидѣлись, когда г. Петрищевъ упоминалъ о разбитыхъ стеклахъ, и совсѣмъ не обижались, когда эти стекла бились.

А. Яблоновскій.

На Западѣ.

(Изъ Германіи).

Пасторъ Гере и его политическая карьера.

Пауль Гере, родившійся въ 1864 году въ саксонскомъ городкѣ Вурценѣ, по своему происхожденію принадлежалъ къ ремесленному и рабочему сословію. Въ противоположность своему другу Фридриху Науману, онъ уже съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ себя пролетаріемъ. Науманъ, происшедшій отъ стараго пасторскаго рода, пришелъ къ своимъ общественнымъ взглядамъ, исходя изъ ортодоксальныхъ и піетистскихъ мотивовъ. Изъ любви къ бѣднымъ, угнетеннымъ почувствовалъ онъ свое тяготѣніе къ нимъ; изъ той же любви онъ постепенно преодолѣвалъ свои ортодоксально-піетистскіе атавизмы и свои симпатіи къ отдѣльнымъ лицамъ перенесъ на весь свой народъ въ цѣломъ. Лишь путемъ дальнѣйшаго углубленія чувства состраданія онъ научился смотрѣть на вещи съ иной точки зрѣнія. Онъ далеко не въ послѣднемъ счетѣ сталъ видѣть источникъ тяжелаго положенія народныхъ массъ въ томъ обстоятельствѣ, что эти массы, по господствующему взгляду, какъ бы обречены служить предметомъ христіанскаго состраданія и въ этомъ чувствовать свое полное довольство. Но онъ не могъ не видѣть, что въ народѣ живетъ чувство гордой независимости и что эта пролетарская гордость служитъ признакомъ неизломанныхъ силъ. Поэтому онъ свою нынѣшнюю дѣятельность уже почти совсѣмъ не разсматриваетъ подъ угломъ зрѣнія помощи и состраданія, а какъ разумное содѣйствіе здоровымъ стремленіямъ для оздоровленія всего народа.

Такова, какъ мы уже знаемъ, была эволюція пастора Наумана отъ требованій такъ называемой внутренней христіанской миссіи къ его теперешнимъ національ-соціальнымъ взглядамъ. Не то у пастора Гере: хоть и не лишенный, какъ каждый пѣмецъ, сентиментальныхъ предрасположеній, онъ все же лишь попутно и съ большими оговорками соприкасался съ такой

пасторальной точкой зрѣнія. Вся его жизненная карьера въ основѣ своей и отъ самаго начала пронявнута идеально-настроеннымъ пролетарскимъ эгоизмомъ, властнымъ духомъ противленія и упорнымъ стремленіемъ подняться на высшую ступень.

Еще будучи студентомъ Лейпцигскаго университета, теологическій факультетъ котораго всегда являлся единственно доступной высшей школой для каждаго пытливаго, но не богатаго саксонца,—еще тогда молодой Гере всяческими способами оберегалъ себя отъ слишкомъ настойчивыхъ внушеній университетскихъ ортодоксовъ; систематическимъ „Kollegschwänzen“, т. е. пропусками лекцій и прилежной работой на дому онъ оказывалъ какъ бы пассивную оппозицію факультетской мудрости и обогащалъ свой умъ знаніями, которыя ему были по душѣ. Его научныя симпатіи въ гораздо большей степени склонялись въ сторону того направленія, которое стало извѣстнымъ подъ именемъ „современной теологіи“ и связывалось съ именами такихъ ученыхъ, какъ Ричль, Веллгаузенъ и Гарнакъ. Это направленіе, создавшее для своей популяризаціи специальный литературный органъ „Die Christliche Welt“ и сгруппировавшее около себя массу свѣжихъ молодыхъ силъ, провозгласило свой лозунгъ въ томъ смыслѣ, что необходимо заинтересовать религіозными проблемами широкіе круги свѣтской публики и дать имъ понять, что эти проблемы и всѣ конфликты въ нѣдрахъ церковно-религіозной жизни самымъ непосредственнымъ образомъ касаются ихъ насущнѣйшихъ интересовъ. Въ средѣ же самихъ теологовъ „современнаго“ направленія проблемы ихъ науки разрабатывались съ той непредубѣжденностью, прямою и упорствомъ, которыя только и отмѣчаютъ расцвѣтъ всякой науки. Этихъ людей проникало гордое чувство самознания и непреклонной воли, перешедшее къ нимъ отъ мужественной личности Ричля и скрѣпленное потребностью вступить въ борьбу за міросозерцаніе во всеоружіи современныхъ знаній и сокровищъ богатаго и глубокаго прошлаго.

Такова была та среда, подъ вліяніями которой складывалась, такъ сказать, теологическая фізіономія Пауля Гере. Его общественная фізіономія на ряду съ этимъ складывалась подъ вліяніемъ тѣхъ христіански-соціальныхъ идей, главнымъ вдохновителемъ которыхъ былъ пасторъ Штекеръ, если очистить пропаганду этого выдающагося челоѣка отъ всего мусора его консервативно-реакціонныхъ поползновеній, ортодоксальныхъ теорій, средневѣковыхъ теологизмовъ и устарѣлыхъ научныхъ предпосылокъ. Къ числу вліяній на складъ личности Гере слѣдуетъ еще отнести и тотъ общественный подъемъ, который характеризуетъ нѣмецкую жизнь въ началѣ 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

Молодому Гере скоро наскучили слова, и онъ сталъ искать живого дѣла. Первымъ его опытомъ на этомъ пути была служба въ качествѣ помощника пастора въ одной саксонской деревнѣ, населенной бѣдными ткачами. Здѣсь прожилъ онъ два года. Но положеніе священнослужителя не давало ему всѣхъ гарантій непосредственнаго сближенія съ рабочимъ классомъ, которому еще въ бытность его гимназистомъ принадлежали всѣ его симпатіи. Онъ оставилъ деревню и отправился въ саксонскій городъ Хемницъ, чтобы стать тамъ фабричнымъ рабочимъ.

Нужно имѣть въ виду все повышенное настроеніе того времени, сложившееся подъ указанными теоретическими и практическими вліяніями, чтобы понять нѣсколько романтической характеръ этого эксперимента, предпринятаго съ тѣмъ, чтобы подъ чужой маской проникнуть въ сокровенные тайники чужой души, священнѣйшихъ убѣжденій и настроеній невѣдомаго, но глубоко интереснаго и многообѣщающаго трудового міра.

Впрочемъ, въ первоначальной идеѣ Гере это не было однимъ экспериментомъ; онъ самымъ серьезнымъ образомъ носился съ мыслью стать рабочимъ навсегда. Въ немъ одержало, однако, верхъ сознаніе, что онъ можетъ лучше служить рабочему классу въ привычной для него средѣ, чѣмъ въ короткіе досуги отъ непосильной для него работы. Несомнѣнно также, что въ этомъ случаѣ взяла верхъ и трезвенная разсудительность „культурнаго“ чело-вѣка, рѣшившаго, что бесполезно тянуть до безконечности аскетическую лямку и искать удовлетворенія своимъ авантюрамъ въ возможно болѣе долгихъ жертвоприношеніяхъ. Гере уже черезъ три мѣсяца оставилъ фабрику, оставилъ, когда почувствовалъ усталость и собралъ всѣхъ тѣ впечатлѣнія, которыя искалъ. Плодомъ этой его экскурсіи явилась книга „Три мѣсяца среди фабричныхъ рабочихъ“, посвященная его „товарищамъ по фабрикѣ“¹⁾.

Для того сенсаціоннаго и захватывающаго интереса, который былъ вызванъ искренней и глубоко прочувствованной книгой Гере, характеренъ, между прочимъ, циркулировавшій тогда слухъ, что упомянутый еженедѣльный журналъ „Die Christliche Welt“, въ которомъ первоначально печатались отдѣльныя главы книги, съ большимъ вниманіемъ и интересомъ читался самимъ Вильгельмомъ II, который, какъ извѣстно, переживалъ тогда пору своихъ повышенныхъ соціально-реформенныхъ увлеченій. При этомъ утверждали, что, если бы авторъ книги того пожелалъ, то онъ могъ бы тогда сдѣлать скорую и блестящую карьеру.

Достоверно не извѣстно, сколько правды въ этихъ слухахъ, несомнѣнно только, что они или служили, или вытекали изъ того чрезвычайнаго успѣха, который выпалъ на долю книги пастора Гере. Извѣстно также, что моло-

¹⁾ Съ ея содержаніемъ читатели знакомы по ст. г. Пименовой. (Образованіе № 5).

дой пасторъ не сдѣлалъ тогда блестящей карьеры, а продолжалъ идти своимъ путемъ.

Мы уже знаемъ, подь какими вліяніями основался въ 1891 году такъ называемый „Евангелически-Соціальный Конгрессъ“ и какими цѣлями задавалось это общество. Гере, только что вернувшійся съ своей трехмѣсячной экскурсіи въ страну фабричнаго труда, воспользовался представившимся случаемъ, чтобы занять мѣсто генеральнаго секретаря въ названномъ обществѣ. Слѣдую основнымъ принципамъ, которые утвердились въ немъ за время его непосредственныхъ сношеній съ рабочимъ народомъ, онъ и въ новомъ своемъ положеніи старался всю дѣятельность евангелически-соціального конгресса сосредоточить вокругъ интересовъ рабочаго класса какъ въ промышленности, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Подь его преобладающимъ вліяніемъ наряжена была конгрессомъ анкета о положеніи труда въ сельскомъ хозяйствѣ, ему былъ обязанъ конгрессъ и всѣ заинтересованные круги нѣмецкаго общества очень интересными, чтобы не сказать—сенсаціонными, разоблаченіями насчетъ жилищныхъ условій сельскихъ рабочихъ въ пресловутомъ царствѣ восточно-прусскихъ юнкеровъ... Все существованіе евангелически-соціального конгресса приобрѣтало для Гере смыслъ лишь съ точки зрѣнія интересовъ трудящагося класса; занятіе его нуждами, идеалами и стремленіями онъ считалъ главной задачей конгресса. А самъ молодой пасторъ въ это время все болѣе проникался пролетаріатски-соціальной точкой зрѣнія, которая все болѣе настойчивымъ и рѣшительнымъ образомъ стала доминировать на ряду съ его религиозными евангелически-соціальными побужденіями.

За-одно съ Гере въ конгрессѣ работала Науманъ и все возраставшій кругъ единомышленниковъ, по преимуществу молодыхъ священниковъ. Такъ какъ все это были люди одного и того же возраста, то вскорѣ за ними укрѣпилась кличка „молодыхъ“ среди членовъ евангелически-соціального конгресса. Для этихъ молодыхъ пролетаріевъ соціальная точка зрѣнія служила главной руководящей нитью ихъ христіански-соціальной дѣятельности, настолько руководящей и доминирующей, что порой они задумывались о вступленіи въ ряды рабочей партіи. У нихъ на глазахъ были и кое-какіе прецеденты въ этомъ отношеніи: а именно извѣстный кандидатъ теологіи Теодоръ фонъ-Вехтеръ, съ пламеннымъ энтузіазмомъ отдавшій своей своеобразной пропагандѣ на почвѣ программныхъ требованій партіи. Если „молодые“ въ то время не рѣшились послѣдовать примѣру Вехтера, то у нихъ на это были свои основанія. Гере въ одной своей статьѣ перечисляетъ эти основанія. Его друзья именно въ то время могли рассчитывать, что ту религиозную пропаганду, которую они, подобно Вехтеру, ставили во главу угла, имъ удастся съ успѣхомъ вести среди рабочихъ и

въ рамкъ партій. Во-вторыхъ, они тогда въ гораздо большей степени, чѣмъ впоследствии, были проникнуты національнымъ и монархическимъ чувствомъ. Въ третьихъ, ихъ, какъ теологовъ и этиковъ, пугала та нечисть, съ которою связана всякая политическая дѣятельность и которую они, обманутые вѣдшими формами и показными приемами вождей другихъ партій, приурочивали исключительно къ рабочей партіи. Въ четвертыхъ, будучи почти исключительно учениками нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ, они не въ силахъ были раздѣлять распространенныхъ въ средѣ партій шаблонныхъ взглядовъ марксизма. Сверхъ того, въ ту пору процвѣтали евангелическіе рабочіе союзы, подававшіе надежду, что изъ нихъ вырастетъ здоровое рабочее движеніе, которое, соотвѣтственно желаніямъ молодыхъ евангелистовъ, будетъ соединять въ себѣ религіозныя, національныя и соціалистическія черты. Наконецъ, многихъ друзей Гере и его самого сильно занимала своеобразная теоретическая проблема: развить и формулировать оригинальную систему пролетарскаго соціализма изъ Новаго Завѣта и изъ исторически установленнаго ученія и жизни Христа. Эти послѣдніе два момента—евангелическіе рабочіе союзы и проблема евангелически-пролетарскаго соціализма—такъ заполняли помыслы товарищей Гере, что они совершенно устранили мысль о вступленіи въ ряды соціальной демократіи.

Самъ Гере, движимый этими двумя мотивами, въ 1894 году переселился во Франкфуртъ на-Одерѣ и занялъ тамъ мѣсто пастора. Здѣсь онъ вскорѣ убѣдился въ невозможности рѣшенія поставленныхъ себѣ задачъ. Евангелическіе рабочіе союзы не оправдали его надеждъ; ихъ поступательное развитіе вдругъ пріостановилось, большинство ихъ членовъ застряло въ сѣтяхъ консервативно-патріархальныхъ воззрѣній. Развитіе евангелически-обоснованной теоріи пролетарскаго соціализма оказалось неосуществимымъ. Для евангелически-соціального пастора представлялось два выхода: или онъ остается священникомъ и тогда ограничивается тѣмъ, что стремится всѣмъ доступнымъ ему членамъ общины, независимо отъ ихъ партійнаго характера, внушать общіе этическіе принципы христіанства и вмѣнять имъ эти принципы въ обязательное руководство для политическаго поведенія, или онъ оставляетъ священническую службу, чтобы свои этико-соціальные принципы практически воплощать на соціально-политической почвѣ путемъ непосредственной соціально-политической дѣятельности. При этомъ для Гере не подлежало сомнѣнію, что его этико-соціальные и религіозные принципы безусловно ведутъ къ отстаиванію интересовъ „меньшой братіи“, и что съ этой точки зрѣнія вопросъ о тѣхъ или иныхъ партійныхъ рамкахъ дѣятельности имѣетъ совершенно подчиненное значеніе, т. е. является не болѣе какъ вопросомъ времени, темперамента и тому подобныхъ личныхъ обстоятельствъ.

Эти мысли подробно развиты пасторомъ Гере въ изданной имъ въ

1896 году интересной книгѣ „Die evangelisch-socialle Bewegung, ihre Geschichte und ihre Ziele“. Намѣточная имѣ теоретически проблема партійной дѣятельности евангелически-соціального священнослужителя практически была разрѣшена тогда не въ пользу рабочей партіи. Это случилось потому, что какъ разъ въ это время пасторъ Науманъ впервые выступилъ со своими національ-соціальными планами. Какъ уже извѣстно, и Науманъ съ теченіемъ времени пришелъ къ сознанию невозможности евангелическаго принципа, какъ исходнаго пункта для практически-соціальной дѣятельности, и потому подмѣнили евангелической принципъ національнымъ. Гере, съ своей стороны, какъ въ виду всего пролетарски-соціального прошлаго своихъ друзей, такъ и въ силу собственныхъ убѣжденій, выраженныхъ имъ въ упомянутой книгѣ, представлялъ себѣ нарождающееся національ-соціальное движеніе, какъ грядущую партію промышленной и сельско-хозяйственной меньшей братіи, какъ партію, которая безъ „крайностей“ марксистскаго догматизма, безъ вражды къ религіи и монархіи, будетъ тѣмъ не менѣе строго демократическимъ и неуклоннымъ представительствомъ интересовъ пролетарскихъ слоевъ населенія. Такъ понимали нарождающуюся партію и въ обществѣ, вслѣдствіе чего за ея основателями и приверженцами скоро утвердилась кличка „национальныхъ социалистовъ“. Многіе даже предсказывали, что новая партія не долго продержится какъ самостоятельная фракція, и рано или поздно растворится въ социаль-демократической рабочей партіи. Самъ Гере также держался этого взгляда и въ такой перспективѣ не видѣлъ большой бѣды; онъ тогда же оставилъ свой священнослужительскій постъ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ и присоединился къ національ-соціальному движенію.

По инициативѣ пастора Наумана, осенью 1896 г. собрался въ Эрфуртѣ первый національ-соціальный съѣздъ. Организаторами съѣзда были разосланы приглашенія всѣмъ неконсервативнымъ сторонникамъ христіански-соціальной идеи. На это приглашеніе явились въ Эрфуртъ люди по преимуществу бюргерскаго средняго класса, въ томъ числѣ очень много теологовъ и, вопреки сокровеннымъ желаніямъ Гере и его ближайшихъ друзей, лишь очень немного представителей отъ простаго трудящагося класса. Какъ самый составъ съѣзда, такъ и выработанныя на немъ основныя черчты (Grundlinien) національ-соціальной программы не совсѣмъ оправдывали крылатыя надежды пастора Гере. Но онъ все же полагалъ, что эти общія „черчты“ представятъ достаточно простора для проведенія его сокровенныхъ пролетарски-соціальныхъ идей, что фактическое развитіе національ-соціального движенія съ теченіемъ времени вытѣснитъ изъ новой партіи всѣ умѣренные бюргерскіе элементы, зато въ гораздо большей степени привлечетъ рабочіе круги всякихъ категорій, вплоть до мелкихъ чиновниковъ,

учителей, крестьянъ и ремесленниковъ. Первый годъ дѣятельности національ-соціального ферейна какъ будто и въ самомъ дѣлѣ обѣщаль выполненіе этихъ чаяній. Почти всѣ его члены, работавшіе на агитаціонномъ и публицистическомъ поприщѣ въ пользу новой партіи, обнаруживали несомнѣнную тенденцію въ направленіи намѣченной національной и пролетаріатски-соціальной идеи. Цѣлый рядъ общественно-политическихъ событій также былъ утилизированъ въ этомъ духѣ: такъ, напр., въ разыгравшемся въ то время широкомъ движеніи гамбургскихъ портовыхъ рабочихъ національ-соціалы самымъ рѣшительнымъ образомъ взяли сторону рабочихъ противъ могущественнаго союза судовладѣльцевъ; за этимъ послѣдовалъ широкій общественный протестъ противъ проектируемаго прусскимъ ландтагомъ и правительствомъ ограниченія права союзовъ, при чемъ національ-соціалы стояли въ первыхъ рядахъ протестующихъ; вскорѣ послѣ того былъ созванъ въ Цюрихѣ первый международный конгрессъ по рабочему законодательству, — національ-соціальный ферейнъ и туда отрядилъ нѣсколько своихъ выдающихся членовъ; около того же времени завязалась горячая борьба съ прусскими консерваторами, аграріями и юнкерами, поводомъ для которой послужили упомянутыя уже выше сенсационныя разоблаченія самого Герера о жилищныхъ условіяхъ сельскихъ рабочихъ въ крупныхъ восточно-прусскихъ помѣстьяхъ. Все это, казалось, клонилось къ тому, чтобы создать изъ національ-соціального ферейна дѣйствительно одинъ изъ передовыхъ отрядовъ радикальнаго пролетаріатски-соціального движенія.

Реакція, однако, не замедлила вскорѣ объявиться. Начало было сдѣлано извѣстнымъ перебѣжчикомъ изъ рабочей партіи Максомъ Лоренцомъ, на котораго національ-соціальный ферейнъ возложилъ разныя агитаціонныя порученія. Для психологіи ренегата вполне понятно, что въ своей дѣятельности онъ по преимуществу направлялъ свои стрѣлы противъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ. Съ другой стороны, понятно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Максъ Лоренцъ публично выступалъ, объявлялись его прежніе партійные товарищи и давали ему надлежащую отвѣдь. Это сразу испортило отношенія между сторонами, которыя до сихъ поръ жили въ мирѣ и даже извѣстномъ идейномъ согласіи. Но за Лоренцомъ послѣдовали другіе, болѣе патентованные члены наумановской партіи, открывшіе въ своей душѣ глубокой расколъ со всякими пролетарскими поползновеніями. То былъ, главнымъ образомъ, извѣстный лейпцигскій проф. Зоммъ, уже на второмъ національ-соціальномъ съѣздѣ выступившій противъ пролетаріатскихъ увлеченій своихъ болѣе молодыхъ друзей, въ томъ числѣ и противъ пастора Герера.

„Благодаря характеру публичной дѣятельности этихъ молодыхъ энтузіастовъ, — такъ, между прочимъ, заявилъ переполошившійся профессоръ, — національ-соціальному ферейну придано направленіе, которое все болѣе

приближаетъ его къ крайней демократіи. Этому направленію мы не можемъ содѣйствовать. Волѣе того: мы открыто протестуемъ противъ него, потому что оно вредитъ нашему ферейну и прямо мѣшаетъ достиженію его цѣлей. Мы желаемъ рѣшительнаго поворота вправо по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ: практическое соображеніе гласитъ: кого хотимъ мы завербовать въ нашу пользу? Гдѣ подлинное поприще нашей дѣятельности? Гдѣ та армія, съ помощью которой мы собираемся вступить въ битву?...“

„До сихъ поръ руководящія лица нашего ферейна имѣли намѣреніе завербовать рабочія массы и въ то же время оставаться на національной почвѣ. Поэтому они избѣгали всего, что могло озлобить рабочихъ, т. е. избѣгали обидъ и нападковъ на крайнюю демократію. Расколъ съ этой демократіей былъ затушванъ и вмѣсто того провозглашенъ пароль: юнкера—вотъ наши враги! Этотъ пароль былъ, конечно, симпатиченъ пролетаріямъ, но мы его рѣшительнымъ образомъ отклоняемъ. Я не вступилъ въ національ-соціальный ферейнъ для того, чтобы служить анти-консервативному и демократическому движенію и во что бы то ни стало разгромить консервативную партію. И что пользы въ этомъ? Рабочіе уже достаточно спльно организованы въ собственной партіи,—а между тѣмъ чего они достигли? Они не въ силахъ завоевать государство. Рѣшающее вліяніе на государство имѣютъ не рабочіе, а образованный классъ. Поэтому наша задача—привлечь на свою сторону образованныхъ людей. Они въ извѣстномъ смыслѣ составляютъ государство, они господствуютъ надъ нимъ. Привлечь же ихъ мы можемъ не нападками на консерваторовъ и не демократическими аллюрами, а лишь убѣдивъ ихъ, что только въ нашей идеѣ заключена сила, способная преодолѣть крайнюю демократію. Только поддержка справедливыхъ требованій рабочаго движенія со стороны бургерской партіи въ состояніи сломить силу и вліяніе крайней демократіи на рабочую массу. Заигрываніе же съ нею не ведетъ къ цѣли. Поэтому—маршъ вправо!“

Эта проникнутая прямою и убѣжденностью рѣчь одного изъ самыхъ характерныхъ нѣмецкихъ профессоровъ была сказана въ подкрѣпленіе резолюціи, которую Зоммъ и его сторонники внесли на обсужденіе съѣзда и рекомендовали ему принять, какъ руководящую нить дѣятельности національ-соціального ферейна.

Чтобы парировать эту резолюцію и удержать ферейнъ въ старомъ руслѣ, пасторъ Гере внесъ анти-резолюцію слѣдующаго содержанія:

„Въ средѣ національ-соціального движенія все отчетливѣе обнаруживаются два противоположныхъ направленія. Первое по преимуществу подчеркиваетъ національную, второе—соціальную точку зрѣнія. Поэтому первое чувствуетъ большее средство съ охранительными и особенно консерва-

тивными партиями. Оно видит главную задачу національ-соціального движенія въ привлеченіи примыкающихъ къ этимъ партиямъ такъ называемыхъ образованныхъ лицъ на сторону соціально-реформенныхъ идей. Вслѣдствіе этого борьба съ рабочей партией представляется ей руководящимъ мотивомъ всего движенія. Другое направленіе, напротивъ, видитъ призваніе національ-соціального ферейна, главнымъ образомъ, въ своеобразномъ и рѣшительномъ представительствѣ интересовъ трудящагося класса. Соответственно этому оно иначе относится и къ рабочей партиі. Оно, конечно, сознаетъ всѣ многочисленныя и глубокія различія между національ-соціалами и соціальной демократіей. Но оно также рѣшительнымъ образомъ признаетъ ея громадныя заслуги въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія и подъема трудящагося населенія...“

- На этомъ основаніи Гере рекомендовалъ съѣзду сохранить прежнюю тактику. То, противъ чего боролся профессоръ Зоммъ, онъ считалъ единственно правильной политикой для національ-соціального ферейна. Борьба съ соціальной демократіей отождествлялась для него съ борьбой противъ рабочаго движенія вообще... „Ополчаясь противъ первой,—добавилъ Гере при дальнѣйшихъ дебатахъ—вы ополчаетесь и противъ послѣдняго, вы причиняете несправедливость рабочему классу. Объ устраненіи демократіи не можетъ быть и рѣчи: она слишкомъ глубоко коренится въ историческихъ обстоятельствахъ. Противъ господствующей реакціи она служитъ оплотомъ свободы и прогресса. Мы можемъ лишь добиваться ея преобразованія и облагороженія. Къ счастью, въ ней самой уже совершается извѣстная эволюція. Наша тактика должна заключаться въ отклоненіи ея революціоннаго и въ приближеніи къ ея реформенному направленію. Въ соціальной демократіи уже произошли очень существенныя видоизмѣненія: ея отношеніе къ христіанству измѣнилось къ лучшему, ея интернаціональныя склонности приняли болѣе сдержанный характеръ. И вотъ, въ виду такой эволюціи отъ насъ требуютъ безпощаднаго наступленія, какъ въ пору исключительнаго закона. Я отказываюсь отъ такой политики. Съ принятіемъ резолюціи Зомма національ-соціальный фереинъ обратился бы въ когорту сокрушителей и громилъ демократіи,—я же не хочу быть такимъ громилей!..“

Въ результатѣ очень возбужденныхъ преній получился своего рода компромиссъ. Обѣ резолюціи—профессора Зомма и пастора Гере—были отклонены и вмѣсто нихъ постановлено нѣчто среднее. По своему внутреннему смыслу принятая съѣздомъ резолюція устанавливала къ „національнымъ“ охранительнымъ партиямъ болѣе дружественныя отношенія. Фактически же она большинствомъ членовъ ферейна, въ томъ числѣ и Науманомъ, подтолковывалась въ томъ смыслѣ, что какъ національныя партіи,

такъ и интернаціональная рабочая партія—одинаково серьезные противники, что между ними и національ-соціальнымъ фереинемъ лежитъ глубокая пропасть и что фереину слѣдуетъ съ одинаковой энергіей бороться на два фронта. Во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что съѣздъ 1897 г., вопреки желанію Гере, отвергъ мысль о національ-соціальномъ фереинѣ, какъ пролетарски-соціальной партіи, какъ представительствѣ интересовъ рабочаго класса. Правда, онъ, съ другой стороны, не сталъ и на точку зрѣнія проф. Зомма, который настаивалъ на представительствѣ интересовъ другихъ общественныхъ слоевъ. Онъ какъ бы отрѣшился на этотъ разъ отъ всякихъ специально-классовыхъ тенденцій и не прокламировалъ рѣшительнаго перехода въ буржуазный лагерь.

Пасторъ Гере уже тогда стоялъ передъ вопросомъ о выходѣ изъ рядовъ національ-соціальнаго ферейна. Если онъ, однако, не рѣшился на этотъ шагъ, то потому, что все еще надѣялся парализовать вліяніе новой резолюціи и добиться своего. Къ тому же онъ еще не чувствовалъ себя внутренне настолько эмансипировавшимся отъ многолѣтнихъ связей, чтобы вѣтъ привычныхъ рамокъ начать дѣйствовать на собственный страхъ и рискъ. Наконецъ, примѣшались еще соображенія, вытекавшія изъ личныхъ свойствъ его мягкаго и нѣсколько сентиментальнаго характера,—тѣхъ самыхъ свойствъ, которыя и въ послѣдующую карьеру крайне впечатлительнаго теолога оказывали ему плохія услуги. Въ ту критическую пору какъ разъ предстояла избирательная кампанія 1898 года. Гере не считалъ совмѣстимымъ съ вѣрностью стараго друга быть безучастнымъ свидѣтелемъ всей напряженной борьбы, которая была связана для его старыхъ партійныхъ товарищей съ такой кампаніей. Онъ поэтому рѣшился признать на время новую резолюцію и тактику борьбы на два фронта и по мѣрѣ силъ агитировалъ за національ-соціальныхъ кандидатовъ. Онъ только счелъ невозможнымъ самъ выступить съ національ-соціальной кандидатурой, хотя къ нему поступали въ этомъ смыслѣ предложенія изъ цѣлаго ряда округовъ.

Ходъ избирательной борьбы и первый опытъ участія въ такой борьбѣ національ-соціальнаго ферейна еще разъ раскрылъ передъ пасторомъ Гере всю буржуазную подоплеку наумановской партіи. И это обнаружилось не на теоретическихъ резолюціяхъ и программныхъ пунктахъ, а на практическомъ избирательномъ модусѣ, который былъ принятъ относительно перебаллотировокъ и которому не въ силахъ былъ противодѣйствовать самъ вождь партіи Науманъ, потому что то было преобладающее настроеніе его приверженцевъ. Этотъ модусъ сводился къ систематической поддержкѣ бюргерскихъ и даже довольно реакціонныхъ бюргерскихъ кандидатовъ и совершенно исключалъ поддержку кандидатовъ демократической рабочей партіи. При такихъ условіяхъ будетъ понятно, что тѣ 26.000 голосовъ,

которые собрали на выборах националь-социальные кандидаты, в большинстве своем почерпнуты были из буржуазного лагеря и вместе со старым большинством приверженцев составили компактную массу ферейна. Эта компактная масса окончательно наложила свой отпечаток на националь-социальный ферейнъ, обративъ его въ буржуазную партійную группу.

Пасторъ Гере началъ убѣждаться, что все его надежды разбиты. Онъ еще нѣсколько разъ пытался въ открытой и скрытой борьбѣ повернуть развитіе националь-соціального ферейна въ желательную для него сторону, но онъ все болѣе чувствовалъ свое одиночество, свою изолированность въ партіи. Онъ, наконецъ, замолкъ, далъ пройти еще нѣкоторому времени, послѣ чего открыто объявилъ о своемъ выходѣ изъ состава своихъ националь-социальныхъ друзей.

„Я менѣе всего склоненъ упускать изъ виду,—такъ, между прочимъ, писалъ Гере въ своемъ сердечномъ, трогательно-прощальномъ посланіи,—что, несмотря на отклоненіе националь-соціаловъ отъ извѣстныхъ пролетарски-социальныхъ задатковъ въ сторону буржуазно-националистической группы, они тѣмъ не менѣе послѣдовательно хранили знамя социальныхъ реформъ. Но ихъ социально-реформенные принципы,—у большинства членовъ къ тому-же очень умѣренного свойства,—чрезвычайно отдалены отъ принципа постепенной социализаціи общества и демократизаціи государства. Националь-социальное большинство стоитъ на почвѣ современнаго индивидуалистическаго хозяйства и производства и съ этой точки зрѣнія отстаиваетъ социальныя реформы, которыя въ окончательномъ расчетѣ сводятся къ упроченію и сохраненію нынѣ господствующихъ общественныхъ формъ. Быть можетъ, и эта работа не лишена значенія; быть можетъ, националь-социальному ферейну предстоитъ сдѣлаться ядромъ многообъщающей, националь-бюргерски-социальной реформенной партіи. Я отъ души желаю моимъ бывшимъ партійнымъ товарищамъ счастья въ ихъ дальнѣйшей дѣятельности на бюргерскомъ поприщѣ. Но мое сердце не лежитъ къ этой дѣятельности...“

Не трудно было догадаться, что на этомъ не остановятся тревожныя исканія пастора Гере, дальнѣйшій шагъ въ его жизненной карьерѣ можно было считать вполне опредѣлившимся. И дѣйствительно: уже лѣтомъ 1899 года Гере воспользовался первымъ свиданіемъ съ депутатомъ Бебелемъ, чтобы заявить ему о своемъ намѣреніи вступить въ рабочую партію. Онъ тутъ же прибавилъ, что чувствуетъ потребность продѣлать какъ бы нѣкоторый искусъ и годъ-другой провести въ раздумьѣ и подготовительной работѣ къ новому своему положенію. Но пора искуса длилась не долго: старые знакомые и друзья города Хемница, гдѣ Гере прожилъ три мѣсяца

въ качествѣ фабричнаго рабочаго, настаивали на томъ, чтобы онъ прочелъ публичный рефератъ о своемъ переходѣ въ новую партію. Гере явился на зовъ, прочелъ желанный рефератъ, который затѣмъ партійнымъ издательствомъ былъ выпущенъ отдѣльной агитаціонной брошюрой, разошедшейся въ 500.000 экземплярахъ. Брошюра, очевидно, изъ тѣхъ же агитаціонныхъ соображеній, была названа нѣсколько кричащимъ и сенсаціоннымъ титуломъ: „Какъ пасторъ сталъ членомъ рабочей партіи“. Надо, впрочемъ, предположить, что въ этомъ титулѣ Гере такъ-же мало повиненъ, какъ и въ изданіи и распространеніи самой брошюры. Вполнѣ достовѣрно извѣстно и то, что на этой брошюрѣ Гере не заработалъ ни одного пфеннига. Объ этомъ, какъ и обо многомъ другомъ, онъ упоминалъ на дрезденскомъ партейтагѣ, гдѣ ему перемывали косточки и гдѣ въ пылу расходившихся страстей слышались совершенно голословные—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Гере—попреки, въ родѣ того, что свалится-де съ неба какойнибудь экзальтированный академикъ, а тамъ смотришь—и появилось сенсаціонное извѣщеніе „какъ я сталъ тѣмъ-то и тѣмъ-то!..“

Въ своей хемницкой рѣчи Гере—отнынѣ „пасторъ въ отставкѣ“—прежде всего въ краткихъ словахъ излагаетъ, какимъ образомъ пришлось ему порвать со своими старыми друзьями, съ которыми онъ не могъ продолжать идти по избранному имъ пути... „Я снова очутился одинъ. Если я желалъ остаться вѣрнымъ самому себѣ, своей жизненной задачѣ и своему прошлому, то мнѣ оставалось сдѣлать еще одинъ послѣдній шагъ, которому я внутренне долго противился: присоединиться къ вашимъ рядамъ. И вотъ я открыто рѣшаюсь на этотъ неизбежный, послѣдовательный шагъ, послѣ того какъ около года далъ созрѣть этому рѣшенію. Я представляюсь вамъ теперь какъ одинъ изъ вашихъ младшихъ товарищей по партіи...“

Дальнѣйшее содержаніе рѣчи представляетъ собою систематическое обоснованіе принятаго Гере рѣшенія. Онъ отмѣчаетъ рядъ главныхъ мотивовъ, руководившихъ имъ въ этомъ случаѣ и, конечно, въ силу всего своего прошлаго, прежде всего останавливается на своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Его христіанская вѣра—вотъ первый побудительный мотивъ. „Я тутъ-же заявляю раньше всего, что я и въ качествѣ члена моей новой партіи не намѣренъ забросить мою евангелически-христіанскую вѣру, какъ я ее понимаю, что я и впредь останусь вѣрующимъ христіаниномъ, помня то положеніе партійной программы, въ силу котораго „религія есть дѣло частной совѣсти“. Я знаю: у многихъ моихъ новыхъ товарищей это вызоветъ снисходительную улыбку; моя религіозная позиція покажется имъ страннымъ пережиткомъ моего прошлаго; иные, пожалуй, подумаютъ, что я, подобно кандидату фонъ-Вехтеру, вздумалъ и въ партіи быть проповѣдникомъ и пророкомъ. Нѣтъ, я навсегда покинулъ проповѣдническую службу.

Я въ новой своей партіи вижу лишь политическую партію. Кто въ ней хочетъ работать, тотъ можетъ это дѣлать лишь на такой или иной политической ладъ. Это, конечно, не исключаетъ, что я при случаѣ буду касаться своихъ религіозныхъ воззрѣній,—но касаться ихъ я буду только по слѣдующимъ поводамъ: защищая ихъ, если кто нибудь будетъ на нихъ нападать, или излагая ихъ, если кто либо въ партіи будетъ меня о томъ просить. Въ общемъ же, эти воззрѣнія остаются моей частной собственностью, и никакія усилія не похитятъ ихъ у меня, такъ какъ я глубоко убѣжденъ, что по вопросу о религіи я имѣю болѣе правильные взгляды и иду по болѣе вѣрному пути, чѣмъ большинство моихъ новыхъ товарищей по партіи.“

Аргументація Гере, открываемая разсужденіями о его религіозныхъ воззрѣніяхъ, послѣ цѣлаго ряда обще-научныхъ, практическихъ и тактическихъ мотивовъ замыкается другимъ пристрастнымъ пунктомъ въ мировоззрѣніи бывшаго національ-соціального пастора: это — его національныя симпатіи, его патриотизмъ, которыми, какъ онъ утверждаетъ, проникнута была вся его жизнь. Уже все воспитаніе его было приурочено къ тому, чтобы привить къ нему это экзальтированное, дѣтски-восторженное настроеніе. Въ розовомъ свѣтѣ, въ ореолѣ воинственнаго энтузіазма и славы рисовалось ему все прошлое нѣмецкаго народа, превыше и чище всѣхъ другихъ странъ рисовалась нѣмецкая современность, чуднымъ преисполненнымъ могуществомъ и славы представлялось будущее Германіи. Удивительно-ли, что все это наполняло душу безграничной любовью къ родинѣ и внушало неотразимое желаніе всѣми силами содѣйствовать ея славлѣ и величію.

Но дѣйствительная жизнь постепенно отравляла этотъ юношескій пылъ, критическая мысль и объективное изслѣдованіе расхолаживали созданный школою и средою паѳосъ. Оказалось, что въ современной Германіи есть два сорта патриотизма. Одинъ изъ нихъ находитъ свое краснорѣчивое выраженіе въ кругу такъ называемыхъ пангерманистовъ. Имъ вся Германія представляется чѣмъ-то въ родѣ сплошнаго военнаго лагеря, въ ихъ глазахъ Германія имѣетъ, въ сущности, только одну конечную задачу: во что бы то ни стало расширить свои территоріальныя владѣнія, свои колоніи, свои заморскіе торговые пункты, во что бы то ни стало стать великой державой, міровой державой, величайшей въ мірѣ державой. Истинной политикой они считаютъ только внѣшнюю политику, которая всегда должна считаться съ войнами, которая не медлитъ начать войну каждый разъ, когда къ тому представляется поводъ и нѣкоторая надежда на успѣхъ. Внутренняя политика для нихъ побочное дѣло и имѣетъ значеніе лишь съ точки зрѣнія внѣшней, какъ орудіе къ упроченію внѣшняго могущества.

Такому патриотизму противустоитъ другой, болѣе высокій, единственно

правильный, тотъ подлинный патриотизмъ, который отнынѣ для Гере только и имѣеть безусловную цѣнность. Этотъ патриотизмъ направленъ не въ даль, а главнымъ образомъ, во внутрь, въ сторону народнаго организма. Его центръ тяжести не во внѣшней, а во внутренней политикѣ. Его высшій долгъ въ томъ, чтобы внутри самой родины привести все въ надлежащій порядокъ. Этотъ патриотизмъ сквозь неприврашенныя очки видитъ все-то опустошеніе, которое экономическая жизнь производитъ внутри Германіи, видитъ ростъ хозяйственныхъ контрастовъ, затираніе среднихъ классовъ, перетасовку отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ, погруженіе громадной части населенія въ пролетаріатъ. Онъ видитъ, какъ эти вновь разслоившіяся массы безпокойно рвутся впередъ, на высшую ступень, видитъ ихъ организаціонныя стремленія, ихъ упорство и выдержку въ борьбѣ, ихъ помыслы и старанія для достиженія высокой цѣли: стать, наконецъ, свободнымъ, здоровымъ, сильнымъ, счастливымъ народомъ. И этотъ патриотизмъ изо всѣхъ силъ помогаетъ добиться этой цѣли, зная, что такимъ образомъ будетъ гарантирована и внѣшняя охрана отечества...

Охарактеризовавъ еще въ заключеніе своей рѣчи господствующую во внутренней жизни Германіи реакцію, Гере заканчиваетъ свою исповѣдь словами: „Итакъ, не только моя христіанская вѣра, не только любовь къ родинѣ и не только безостановочно растущая сила передового движенія толкаютъ меня въ ваши ряды, но туда ведетъ меня и моя горячая любовь къ свободѣ. Отнынѣ я неразрывно связанъ съ вами, отнынѣ я иду съ вами въ рядъ, и пусть то будетъ не послѣдній, а передовой рядъ, въ которомъ я буду сообща съ вами жить и бороться...“

Гере сдержалъ слово: онъ не остался въ заднихъ рядахъ партіи, къ которой присоединился, а вскорѣ выдвинулся въ ея офицеры и даже въ ея генеральный штабъ. Этотъ рангъ онъ завоевалъ себѣ упорной агитаціонной работой, дѣятельнымъ усердіемъ и прилежаніемъ, не оставившимъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Гере способенъ отстаивать и болѣе отвѣтственные позиціи. У него, конечно, нѣтъ недостатка ни въ интеллигенціи, ни въ знаніяхъ; преданность дѣлу, добросовѣстность въ выполненіи взятыхъ на себя обязанностей, чистота и прямота характера — все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Долгіе годы дѣятельности на поприщѣ миролюбивыхъ и любовно-примиряющихъ стремленій не вытравили изъ него боевого темперамента и задора; у этого мягкаго и привѣтливаго пастора есть также довольно изрядная доза грубости и рѣзкости, если что подступитъ кождь сердце; коренастый, свѣтловолосый, голубоокій и звучноголосый богословъ умѣеть безпощадно мылить голову, если въ агитаціи или избирательной борьбѣ попадается ему на глаза недобросовѣстный противникъ.

Мы видѣли, однако, что обрядъ политическаго крещенія былъ совер-

шенъ не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ со стороны Гере. Онъ откровенно заявилъ своимъ новымъ друзьямъ, что у него по нѣкоторымъ пунктамъ имѣются свои особые взгляды и мнѣнія. О нѣкоторыхъ пунктахъ расхожденія онъ прямо заявилъ, относительно другихъ умолчалъ, не изъ ехидства, конечно, а лишь потому, что въ то время онъ не могъ еще и сознавать всей важности и значенія многихъ такихъ пунктовъ во внутренней жизни партіи. Вѣдь, только въ послѣднее время борьба съ такъ называемымъ ревизионизмомъ приняла острый и жгучій характеръ, вѣдь, только на дрезденскомъ конгрессѣ провозглашенъ былъ строгій лозунгъ: „смотри въ оба, если постучатся въ двери партіи академикъ“. Случись теперь крещеніе Гере, ему, пожалуй бы, сказали: „нѣтъ, благодаримъ покорно: съ насъ довольно нашихъ политическихъ и научныхъ ревизионистовъ, а потому избавьте насъ отъ религіозныхъ и тому подобныхъ ревизионистовъ...“ Но въ 1899 году еще не было такого строгаго разбора, хотя и тогда требовалось много мужества и честности, чтобы при самомъ вступленіи въ новую среду не скрыть ничего, что было на душѣ...

Еще во время своей первой бесѣды съ Бебелемъ въ 1899 году Гере не скрывалъ отъ него, что, если онъ будетъ признанъ достойнымъ и полноправнымъ товарищемъ партіи, онъ не прочь будетъ принять на себя и депутатскія полномочія. Въ этомъ желаніи удостоиться высшей почести и довѣрія, которыми надѣляется своихъ членовъ каждая партія, нѣтъ, конечно, ничего предосудительнаго со стороны человѣка, сжегшаго за собою всѣ старые корабли и горѣвшаго страстью на новомъ поприщѣ зажечь всей полнотой своихъ силъ и энергіи. Правда, въ партіи принято думать, что всякій „молодой товарищъ“ долженъ заслужить себѣ шпоры продолжительной черной работой и не претендовать сразу на первыя роли. Этотъ принципъ всегда разумѣлся самъ собою, но только на дрезденскомъ партейтагѣ онъ былъ провозглашенъ съ силою безусловнаго „категорическаго императива“. Болѣе того: нѣкоторыми ораторами эта черная рядовая дѣятельность квалифицировалась какъ первостепенная, какъ наиболѣе важная: „въ партіи слишкомъ много работы болѣе жгучей и полезной, чѣмъ фланировать по кулуарамъ парламента!“

Но въ 1899 году и самъ Бебель не считалъ желаніе бывшаго пастора слишкомъ претенціознымъ, и при ближайшей okazji, въ 1903 году, въ одномъ изъ саксонскихъ округовъ была выставлена кандидатура Гере въ рейхстагъ. Въ іюнѣ того же года онъ уже былъ депутатомъ.

Но—увы!—не долго суждено было Гере наслаждаться своимъ депутатскимъ званіемъ; только теперь начались его горькія испытанія. Черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца пришелъ дрезденскій партейтагъ, на которомъ происходила генеральная чистка накопившагося „грязнаго бѣлья“ реви-

зионистовъ. По совѣсти говоря, доля Гере въ этихъ ревизионистскихъ пре-
грѣшеніяхъ была самая минимальная. Онъ никогда открыто не проклами-
ровалъ своей приверженности къ такъ называемому бернштейнианству и
никакого участія не принималъ въ „ревизіи“ основныхъ принциповъ партіи.
Онъ лишь не могъ отказаться отъ выраженія своихъ мыслей въ области
религіозныхъ проблемъ и только въ этомъ отношеніи отъ времени до вре-
мени настаивалъ на просмотрѣ партійной литературы о религіозныхъ вопро-
сахъ сообразно съ прогрессомъ теологической литературы вообще. Но онъ
имѣлъ неосторожность развивать свои мысли на страницахъ того вѣспар-
тійнаго изданія, изъ-за котораго на дрезденскомъ партейтагѣ было испор-
чено столько крови: въ журналѣ пресловутаго Максимилиана Гардена „Die
Zukunft“. Мы знаемъ уже, каково отношеніе къ партіи этого хлестваго,
необыкновенно талантливаго, но и необыкновенно безхарактернаго нѣмец-
каго памфлетиста. За болѣе чѣмъ десятилѣтнее существованіе гарденов-
скаго журнала въ немъ, на ряду съ очень лестными отзывами о партіи
и ея вождяхъ, дѣлались также и самыя оскорбительныя противъ нея вы-
лазки. Это, главнымъ образомъ, и послужило ближайшимъ поводомъ къ тому,
что на очереди дѣлъ дрезденскаго партейтага стоялъ также и вопросъ
о сотрудничествѣ членовъ партіи въ буржуазныхъ изданіяхъ. Припомнимъ
изъ сокрушительной филиппики Бебеля слова, направленные противъ партій-
ныхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ журналѣ Гардена. Указавъ, между
прочимъ, на самую послѣднюю инсинуацію Гардена по поводу таможенной
обструкціи конца 1902 года, Бебель обрушился на виновныхъ членовъ
партіи въ слѣдующихъ словахъ: „Эти господа не обмолвились ни единымъ
словомъ по поводу этой инсинуаціи, они продолжали писать въ этомъ
журналѣ, продолжали получать отъ него гонораръ, въ то время какъ пар-
тія подвергалась тамъ поруганіямъ. Я спрашиваю, какого моральнаго при-
говора заслуживаютъ господа Брауны и Гере, которые знали, съ кѣмъ
имѣютъ дѣло, и, однако, не постыдились работать на него; чувство чести
должно было бы ихъ удержать отъ этого, не только чувство партійной
чести, но и сознаніе своего личнаго достоинства и общественнаго долга.
Они этого не сдѣлали, они мародеры, они заслуживаютъ публичнаго
„пфуй“!“

Бѣдный Гере былъ фраппированъ до крайней степени. Онъ рѣши-
тельно не ждалъ такого реприманда. Вѣдь, онъ такъ мало считалъ себя
причастнымъ къ общей ревизионистской ереси, свои же private грѣхи
представлялись ему совершенно не заслуживающими такого высокаго вни-
манія. Онъ, какъ оказалось впоследствии изъ его объясненій, не имѣлъ
даже никакого представленія о гарденовскихъ нападкахъ на партію и въ
этомъ отношеніи признался въ своемъ преступномъ легкомысліи. Но онъ

во всякомъ случаѣ попрежнему считалъ свою честь незапятнанной корыстнымъ мародерствомъ. И вдругъ такая напасть!

Кто былъ стороннимъ свидѣтелемъ той фанатической безпощадности, съ которою радикальные хирурги въ Дрезденѣ срѣзали ревизионистскіе наросты съ партійнаго организма, тотъ не могъ не ощущать порой очень большого несоотвѣтствія между размѣрами болѣзни и рѣшительностью самой операціи. Передъ лицомъ всего міра разыгрывалась картина, быть можетъ, роковая по своей неизбѣжности, но столь же фатальная по своему непосредственному трагизму. Кто опасался, что дрезденскія раны не скоро заживутъ, что тогдашнія тяжелыя сцены еще долго будутъ тяготѣть надъ партійной жизнью, какъ мучительный кошмаръ, тотъ можетъ убѣдиться въ основательности своихъ опасеній и теперь, спустя почти годъ послѣ злосчастнаго партейтага, который, покуда-то, не оздоровилъ еще партійнаго организма, но даже нѣсколько ослабилъ его устойчивость передъ вліяніями вѣшной среды.

Тяжелыя обвиненія, взведенныя на Гере, и особенно та форма, въ которую они были облечены, потрясли до глубины души молодого, только что избраннаго депутата трехмилліонной партіи. Онъ не только видѣлъ свою честь опозоренной передъ всѣмъ міромъ, но онъ не могъ себя также не чувствовать приобщеннымъ къ той категоріи академикомъ, о которыхъ то прямо, то косвенно говорилось на конгрессѣ, какъ о чуждыхъ партіи, Богъ вѣсть откуда вторгшихся въ нее элементахъ. Этой нѣсколько произвольно конструированной, самимъ Гере нѣсколько раздутой обиды онъ не могъ снести, противъ нея онъ счелъ нужнымъ протестовать, счелъ нужнымъ защитить свою честь и кратко рекапитулировать свою жизненную карьеру. Въ этотъ, какъ онъ выразился, для него „рѣшительный моментъ“ онъ еще разъ припомнилъ, какъ уже съ юныхъ лѣтъ жилъ и боролся за пролетарскіе интересы рабочаго класса, какъ подъ вліяніемъ этого настроенія ушелъ работать на фабрику и помышлялъ на всю жизнь остаться рабочимъ, какъ въ качествѣ генеральнаго секретаря евангелически-соціального конгресса пытался вліять на его дѣятельность и на его членовъ въ духѣ излюбленныхъ своихъ идей, какъ онъ, разочарованный конгрессомъ, ушелъ на службу во Франкфуртъ и тамъ получилъ почетную кличку „рабочаго пастора“, какъ его за это бойкотировало военное начальство, не пускавшее въ его церковь мѣстный гарнизонъ, какъ его тѣснили гражданскія власти и преслѣдовало высшее церковное начальство и какъ онъ всѣмъ этимъ не смущался, потому что чувствовалъ свою правоту. Затѣмъ слѣдовали годы національ-соціальной дѣятельности и, наконецъ, переходъ въ его теперешнюю партію... Гере могъ не безъ нѣкотораго эффекта воскликнуть: „Такъ ли выглядитъ прожитая жизнь Богъ вѣсть откуда пришедшаго человѣка!..“

Рискаю навлечь на себя упрекъ въ самохвалствѣ, я все-таки долженъ сказать, что также принесъ партіи свои жертвы. Я потерялъ свою профессию и заработокъ отъ нея, я потерялъ свое прежнее общественное положеніе, порвалъ связь со многими изъ родныхъ, одну только честь свою я считалъ не потерянной до сегодняшняго дня. И вотъ товарищу Бебелю угодно было смѣшать ее съ грязью... Я былъ бы и въ самомъ дѣлѣ безчестнымъ человѣкомъ, лишеннымъ всякаго достоинства и демократическаго чувства, если бы не отразилъ этого оскорбительнаго для меня удара, если бы я не сказалъ: даже партійному вождю не позволительно такъ обращаться съ честию безупречнаго человѣка, даже ему одному въ этомъ случаѣ слѣдуетъ послать заслуженное „нфуй“!..“

Человѣкъ, болѣе закаленный въ партійно-политическихъ передрягахъ успокоился бы на этомъ „крупномъ объясненіи“ и сказалъ бы себѣ: „ладно, не первая это исторія и не послѣдняя.“ Но сентиментальный Гере разсудилъ иначе: съ печатью мародера на челѣ (вѣдь, подавляющее большинство партейтага такъ или иначе было противъ него), онъ не въ силахъ былъ съ чистою совѣстью нести представительство только что избравшаго его округа и вернулъ ему его депутатскій мандатъ. Гере былъ, конечно, глубоко убѣжденъ, что и въ этомъ случаѣ поступаетъ какъ джентльменъ и даже, быть можетъ, какъ истинный демократъ. Но не тутъ-то было: его близкіе друзья вмѣнили ему этотъ поступокъ въ большую глупость, а его строгіе судьи—въ новое преступленіе противъ демократическаго духа, противъ интересовъ и дисциплины партіи.

Этотъ, если угодно, самоотверженный шагъ имѣлъ, конечно, достаточно основаній въ личномъ настроеніи самого Гере, но въ отношеніи партіи онъ былъ большимъ политическимъ промахомъ и чувствительнымъ ущербомъ. Онъ былъ крайне непріятнымъ сюрпризомъ для округа, который избралъ Гере въ свои депутаты и, на вѣрное, постарался бы прикрыть своимъ довѣріемъ не вѣсть ужъ какъ скомпрометтированнаго товарища, какъ это случилось съ другими депутатами—Брауномъ и Гейне,—въ гораздо болѣе высокой степени обличенныхъ на дрезденскомъ партейтагѣ. Но Гере, разобиженный нападками на свою добропорядочную репутацію и, однако, не помышлявшій изъ за этого окончательно порвать связи съ партіей, забывъ, что депутатскій мандатъ не есть его личная собственность, съ которою можно обращаться по произволу, что, распорядившись такимъ произвольнымъ образомъ, онъ создаетъ для своей партіи рядъ новыхъ моральныхъ огорченій, агитаціонныхъ и организаціонныхъ хлопотъ и матеріальныхъ затратъ по выбору новаго депутата.

Быть можетъ, Гере въ своей наивности разсчитывалъ, что своимъ поступкомъ онъ совершенно очиститъ себя отъ всякихъ обвиненій и растро-

ганная партія снова призоветъ его на прежній депутатскій постъ. Однако, даже его собственный, очень къ нему расположенный округъ не могъ простить ему его слишкомъ „личнаго“ и сентиментальнаго поведения, призвавъ на освободившуюся вакансію другого кандидата, который и прошелъ благополучно на дополнительныхъ выборахъ.

Но симпатіи къ злополучному теологу были все же очень сильны на его саксонской родинѣ, и, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, за смертью одного саксонскаго депутата, опять освободилась депутатская вакансія, то данный округъ не замедлил остановиться на кандидатурѣ Гере. Провести эту кандидатуру, между тѣмъ, оказалось не легко, да и прямо невозможно. Въ центральныхъ инстанціяхъ партіи не хотѣли еще простить Гере его „ревізіонистскихъ“ шатавій и не захотѣли допустить такихъ ревізіонистскихъ послабленій со стороны отдѣльныхъ округовъ. Въ партіи возникъ рѣзкій и ожесточенный конфликтъ по поводу разныхъ спорныхъ вопросовъ демократіи, автономіи округовъ, централизаціи извѣстныхъ функцій и т. п. Гере долженъ былъ отказаться отъ кандидатуры, вмѣсто него былъ назначенъ другой членъ партіи, котораго Гере съ самоотверженнымъ безкорыстіемъ усердно поддерживалъ своей агитаціей въ избирательной борьбѣ. Атмосфера партійной междоусобицы не могла, однако, не увеличить шансы сплоченныхъ противниковъ и, къ великой досадѣ для партіи, завоеванный ею на общихъ выборахъ округъ, былъ на дополнительныхъ выборахъ потерянъ.

Надъ Гере тяготѣлъ еще одинъ послѣдній ударъ. Одинъ изъ непримиримыхъ членовъ партіи, пользуясь тѣмъ правомъ, которое предоставляютъ организаціонные статуты, внесъ предложеніе, чтобы Гере (въ числѣ другихъ членовъ, обвиненныхъ на дрезденскомъ партейтагѣ: Браунъ, Гейне, Бернгардъ) по всей „совокупности преступленій“ былъ судимъ и исключенъ изъ партіи. Въ такихъ случаяхъ центральный комитетъ партіи (Partei-vorstand) обязанъ нарядить третейскій судъ при участіи одинаковаго числа представителей отъ заинтересованныхъ сторонъ и подъ председательствомъ лица, назначаемаго центральнымъ комитетомъ. Недавно состоялся третейскій судъ надъ Гейне, Бернгардомъ и Гере. Первые два были единогласно оправданы судомъ, относительно же Гере самъ непримиримый обвинитель призналъ свои обвиненія неосновательными и взялъ ихъ назадъ.

Эта блестящая реабилитація будетъ отраднымъ моментомъ въ политической карьерѣ бывшаго пастора.

Г. Гроссманъ.

Критика и библиографія.

С. Елеонскій. Разказы. Идавіе товарищества „Знаіе“. С.-Петербургъ.
1904 г. Ц. 1 руб.

Устами благочиннаго о. Аполлода въ разказѣ „Неизреченный свѣтъ“ г. Елеонскій характеризуетъ господствующій типъ духовенства такими чертами: во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ крестьянину священникъ долженъ руководствоваться строгими экономическими принципами, потому что „мужики любятъ торговаться во всемъ; они хорошо знаютъ цѣну всякой вещи, но безъ торгу ничего не купятъ“. Эти принципы должны, напримѣръ, въ области вознагражденія за требы выражаться въ строго проводимой однообразной таксѣ. „Разную плату“, сравнительно съ достаткомъ или бѣдностью, „брать несправедливо“. Въ этомъ отношеніи положеніе священника аналогично... желѣзной дорогѣ: она беретъ съ каждаго пассажира даннаго класса одинаковую плату, независимо отъ богатства или бѣдности прѣзжающаго. Съ другой стороны, нужно принимать во вниманіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, и разницу между богатымъ и бѣднымъ: „придетъ Пасха или Рождество, или престоль, толковый попъ не пойдетъ изъ двора во дворъ подъ-рядъ по порядку, а послѣ обѣдни, пока есть время до вечерни, постарается обойти всѣ богатые дома, а прочіе, „таковскіе“, отложить до слѣдующаго дня“.

— Но какъ-же,—возражаетъ о. Роману молодой священникъ, еще не искусившійся въ жизни,—это будетъ согласоваться съ тою вѣчною истинною, что передъ Богомъ, передъ крестомъ Спасителя, который носитъ священникъ, всѣ равны — бѣдные и богатые, знатные и незнатные? Не забудется ли черезъ такой разборъ... и самая правда Божія на землѣ?

— Забыть ее, положимъ, не забудутъ. Да и самъ ты все-таки о себѣ

помолишься: „прости, молю, Господь, меня, раба твоего многогрѣшнаго“.

— Но, вѣдь, и люди осудятъ.

— Э, братъ,—возражаетъ умудренный опытомъ о. Романъ,—на людской судъ наплюй... Допустимъ, что на тебя пожалуются за эти новые порядки. Но жалоба передается въ консисторію, гдѣ засѣдаютъ и дѣла рѣшаютъ городскіе священники и протоіерей, которые даже изумятся подобной жалобѣ и скажутъ: „а какъ-же иначе? мы всегда такъ дѣлаемъ“. Еще и отличать тебя при случаѣ, скажутъ: „попъ-то, видно, не глупъ“.

Далѣе о. Романъ наставляетъ своего зятя относительно внѣшнихъ манеръ.

„Ты долженъ держать себя всегда солидно, серьезно, даже хмуро, если только можешь; голову носи высоко, нѣсколько даже закинувъ назадъ, станъ держи прямо, а ноги—такъ!“

„И о. Романъ, бросивъ окурокъ, сталъ въ описываемую позу, показывая на примѣръ. — А ты стоишь вотъ какъ!—Тутъ о. Романъ сгорбился, опустилъ руки, какъ плети, нагнувъ голову и изобразилъ на улыбающейся физиономіи застывшій вопросъ“.

Священникъ затѣмъ долженъ искать въ деревнѣ благороднаго общества. Нападая на своего зятя, за его знакомство съ продавцомъ казенной винной лавки, о. Романъ говоритъ:

„Можно потерять всякое уваженіе не только у прихожанъ, но и у станового пристава, земскаго начальника, не говоря уже о слѣдователѣ или предсѣдателѣ земской управы. Ты долженъ стремиться къ высшему, искать благороднаго знакомства“.

Въ своей семейной жизни священникъ долженъ быть крѣпкимъ семьяниномъ. Указывая на опасность вдовства, о. Романъ выводитъ отсюда „правило“... Вы думаете, любить попадью? Нѣтъ.

„Это что—любить!—говорить о. Романъ.—Пустяки! Главное, беречь жену, вотъ правило. Можно любить и не беречь, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ. А поцу надо сначала и главное—беречь попадью, а потомъ любить...“ Только та семья и цѣла, въ которой есть деньги. Отсюда вытекаетъ второе требованіе жизни—деньги копить... Деньгу надо добывать, чтобы кормить себя, жену, дѣтей и потомство обезпечить. Это надо сразу зарубить себѣ на носу—братъ, братъ и братъ, сколько полагается, а не сколько даютъ: даютъ, вѣдь, всегда меньше, чѣмъ берутъ... Итакъ, братъ, сантименты по боку, и доходы твои обезпечены.

Кромѣ здоровья, нужно, чтобы у жены священника... молодой о. Аполлонъ восклицаетъ:

— Сердце было хорошее, любящее.

— Вотъ одолжилъ,—возражаетъ о. Романъ.—Сердце! Сердце! Сразу видно, что человѣкъ съ луны свалился. Ахъ, ты попъ-институтка! Чего тебѣ сердце-то дать? Одно сердечное удовольствіе и больше ничего...

О. Аполлонъ задумался.

„Хозяйка должна быть попадья!—энергично ударялъ о. Романъ... Чтобы она умѣла все купить за пятакъ да съ бархатцемъ, чтобы она изъ дряни конфетку дѣлала!“

О. Романъ признается, что именно въ этихъ видахъ онъ свою дочь Таню взялъ изъ 4-го класса епархіальнаго училища.

„Въ епархіальномъ училищѣ хоть сто лѣтъ учишь,—объясняетъ о. Романъ,—все равно толку не будетъ. Преподають сухо, мертво, безжизненно, глупо, много лишняго, а что надо, того нѣтъ. Сверхъ того, головы набиваютъ чепухой, дѣвчонки научаются сплетничать и проникають въ тѣ тайны, которыя имъ знать не надо... А эти классныя дамы злы, какъ вѣдьмы, или слашавы, какъ солодкій корень, несправедливы, придирчивы, онѣ весь характеръ у ангела даже испортятъ... И я прекратилъ ученіе, не желая пользоваться сомнительными плодами школы. Читать, писать знаетъ, считать умѣетъ—и довольно. Все равно, чему ни учи, все забудетъ, когда станетъ попадьею, такъ нечего и учить ее разнымъ ненужнымъ разностямъ и забивать голову“.

О. Романъ не признаетъ и музыки, потому что „это пародія на музыку—епархіальная музыка!“

„Въ селѣ я признаю,—говоритъ о. Романъ,—только одну музыку—гармонь. И Таня умѣетъ—всѣ танцы хорошо играетъ“.

Свою программу жизни о. Романъ заключаетъ такой сентенціей:

„Сама жизнь тебя этому научить, она, братъ, всѣхъ къ одному знаменателю подводитъ, если бы даже и не хотѣлъ. А кто раньше самъ себя подведетъ къ нему, тому лучше—и легко, и ясно живется. Наша поповская жизнь такая, что все въ ней заранѣе предрѣшено, обусловлено, дамо готовымъ, и думать не приходится, а что выходитъ изъ нормы, то уже не годится“...

Авторъ, вѣроятно, не безъ цѣли заключающій эту программу разсказъ „Неизреченный свѣтъ“ помѣстилъ въ сборникѣ первымъ. Онъ служитъ, такъ сказать, введеніемъ къ прочимъ, объясняющимъ и истолковывающимъ ту жизнь сельскаго духовенства, которую г. Елеонскій описываетъ, и которую, повидимому, онъ хорошо знаетъ.

И жуткое впечатлѣніе охватываетъ читателя, когда онъ окончитъ книгу г. Елеонскаго. Предъ нимъ проходитъ цѣлая галлерея бездушныхъ, расчетливыхъ, мѣщански - ограниченныхъ людей, которые должны быть духовными пастырями своего стада; проходитъ ихъ жизнь, пустая, безсодержа-

тельная, совѣмъ неозаренная тѣмъ свѣтомъ, который должно бы давать слово Божье, напротивъ, пропитанная насквозь пошехонской буржуазностью и кладбищенской безнадежностью.

Г-нъ Елеонскій рисуетъ бытовые картины и типы очень ярко, жизненно, безъ тѣни фальши, шаржа, преувеличеній. И какъ ни грустны эти картины, какъ ни ужасны эти типы,—все же они не исчерпываютъ еще всей правды, какъ не исчерпываютъ всей „жизненной мудрости“ программа, выработанная о. Романомъ. Эта программа должна быть дополнена еще многими сентенціями объ отношеніяхъ къ начальству, къ сектантамъ и т. п.

Г-нъ Елеонскій пишетъ очень правдиво и сильно. Эта правдивость въ связи съ важностью для духовной жизни Россіи трактующихъ имъ темъ компенсируетъ многія погрѣшности автора противъ художественности. Книга читается съ громаднымъ интересомъ и, несомнѣнно, не пройдетъ безслѣдно для той критической работы, которая идетъ теперь въ обществѣ...

Ник. Ашешовъ.

Ив. Новиковъ. „Исканія“. Сборникъ. Ц. 1 р.

Каждый годъ на выставкѣ нашихъ передвижниковъ непременно появляется букетъ сирени.

Нынѣшней весной онъ написанъ ярче, прошлою—блѣднѣй, а если на слѣдующей выставкѣ букета случайно и не будетъ, посѣтитель подумаетъ, что видалъ его и—даже навѣрное—какъ разъ съ правой стороны во второй залѣ. Мы привыкли къ такимъ произведеніямъ. Всѣ они, какъ и большинство картинъ, мало отличаются другъ отъ друга и такъ ordinarily плоски, что нѣтъ никакой надежды, а впрочемъ, и никакой нужды вспомнить, которому изъ авторовъ оно принадлежитъ. Имя художника уплываетъ вмѣстѣ съ его произведеніемъ, и остается лишь что-то отдаленное, какая-то пестрота полутоновъ—не то неопредѣленные узоры, не то вылинявшій ситецъ.

Литература, какъ и живопись, наводнена этими букетами сирени—беллетристической водичкой, приторной, слащавой и банальной, въ родѣ Новиковскихъ „Облаковъ“, „Розъ“, „Апрѣлей“. Напишутъ въ свое удовольствие нѣсколько штукъ „Апрѣлей“, не безъ претензіи на изящный стиль, и считаютъ долгомъ поскорѣй представить ихъ отдѣльной книжкой. И не подумаетъ же гуманный авторъ, что усердному читателю много книгъ хочется прочесть, что осматривать всѣ выставки блѣднаго ситца и прочитывать всѣ букеты беллетристической сирени у читателя и жизни,

вѣдь, не хватить. Если не имѣть въ виду драгоценнаго времени, сами по себѣ гуманныя чувства вреда большого не приносятъ, но, приступая къ проповѣди ихъ, слѣдовало бы, за неимѣніемъ таланта, выработать хотя сносную манеру. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, позволять своимъ героямъ ежеминутно впадать въ истерику и паѳосъ и тѣмъ погружать довѣрчивую душу въ настроеніе какой-то пустоты.

Если критеріемъ творческой силы можетъ отчасти служить разнообразіе употребляемыхъ писателемъ словъ, какъ символа идей, то многословнаго автора „Исканій“, за бѣдностью таковыхъ средствъ, къ талантамъ отнести нельзя. Въ общей сложности—это даже удивительная бѣдность. Впечатленіе получается такое, будто въ распоряженіи г. Новикова всего какая-нибудь сотня словъ. Чуть только авторъ начинаетъ философствовать, или его нервныя герои—волноваться, тотчасъ является у нихъ странная потребность повторять одно и то же многозначительное слово. „Одинъ, одинъ“... „Чужой, чужой“... „бездна“... Особенно эта бездна такъ часто разверзается передъ мысленнымъ взоромъ читателя, что въ концѣ концовъ совершенно перестаетъ быть страшной.

Философія г. Новикова, правду сказать, тенденціозна и скучна, оттого, вѣроятно, что самъ авторъ уже пересталъ искать; зато всѣ его послушныя герои продолжаютъ добросовѣстно метаться въ поискахъ за смысломъ жизни. Каждому изъ нихъ, впрочемъ, искать приходится не долго. Ихъ внутреннія бури, произвольно поднимаемыя авторомъ, являются лишь бурей въ стаканѣ воды, которую, спустя нѣкоторое время, опять такъ, самъ же авторъ торжественно проливаетъ на поля филантропіи. Тѣ, которые хотятъ выше себя прыгнуть, кто пытается заглянуть въ отвлеченныя сферы, гибнутъ по волѣ г. Новикова отъ толчковъ дѣйствительности (Зеленинъ); болѣе послушныя, успѣвшіе счастливо прійти къ выводамъ автора—спокойны и сильны. Поѣздка на голодъ, какъ высшая степень жертвы, утишаетъ мятущуюся душу и упраздняетъ роковой вопросъ „зачѣмъ“?

Въ драмѣ „Въ пути жизни“ Нефедовъ изображаетъ изъ себя мрачнаго Гамлета съ его безпокойнымъ „быть или не быть“? Во второмъ дѣйствіи Нефедовъ рѣшаетъ вопросъ сей отрицательно—„не быть“. О своемъ намѣреніи Нефедовъ даетъ понять окружающимъ и добивается того, что плачущій родитель беретъ съ него слово жить. Въ третьемъ актѣ герой нашъ оказывается въ деревнѣ голодающихъ, гдѣ въ награду за добродѣтель, находитъ, наконецъ, смыслъ жизни и, окончательно примиренный, благополучно умираетъ.

Автору, повидимому, не приходитъ въ голову, что лицеизрѣніе хроническаго голода русскаго крестьянина никакую мятущуюся душу примирить не можетъ. Что можетъ явиться потребность накормить голодныхъ, что это

доминирующее чувство вытѣснить на время анализы и прочіе дальнѣйшіе вопросы—это, конечно, естественно; можно также представить себѣ Гамлета въ роли мірового преобразователя, но Гамлета, съ радостнымъ миротвореніемъ раздающаго фунтики хлѣба—представить невозможно. Кровавыя раны жизни не тормозятъ исканій смысла и путей, не подавляютъ метанія души, не задерживаютъ на серединѣ. Забыться—не значить успокоиться.

Въ рассказѣ „Исканія“ г. Новиковъ удачно характеризуетъ свою литературную производительность словами очевидно любимаго героя.

„Все еще смутно,—записываетъ онъ въ дневникѣ). А потому буду писать, и въ процессѣ писанія, какъ это часто бываетъ, многое прояснится. Пусть будетъ беспорядочно—ничего. Я вѣдь спѣшу. Надо спѣшить... некогда“... „Какъ-то сразу затуманилась голова, и всѣ мысли спутались... Надо умыться и лечь... Что-то какъ сразу стало нехорошо“...

И вовсе ничего не прояснилось, хотя г. Новиковъ написалъ уже цѣлую книжку. Не слѣдуетъ вообще „спѣшить“, когда же становится „смутно“, лучше дѣйствительно умыться и лечь, писанія же свои оставить при себѣ, иначе, пожалуй, и читателю нехорошо станетъ...

За всѣмъ этимъ, по справедливости, нужно поставить маленькое „но“.

Въ сборникѣ г. Новикова, состоящемъ изъ 14 произведеній, есть недурной рассказъ „Къ возрожденію“ и еще лучше „Ландыши“. Въ этомъ послѣднемъ авторъ не философствуетъ и не размазываетъ гуманныхъ чувствъ, а сжато и бѣгло передаетъ драму двухъ любящихъ людей, яркое чувство которыхъ настолько затуманивается отъ столкновенія съ ничтою, что они перестаютъ понимать другъ друга. Ландыши сыграли объединяющую роль—въ первый разъ на расцвѣтѣ ихъ надеждъ и радостной любви,—въ послѣдній, какъ напоминаніе о возможномъ счастьѣ—уже у порога смерти.

Ради этого рассказа можно заставить себя прочесть весь сборникъ г. Новикова въ надеждѣ еще хоть что-нибудь найти. Но терпѣніе не всегда вознаграждается. Кромѣ нѣсколькихъ интересныхъ моментовъ (сонъ Нины на опушкѣ лѣса), двухъ-трехъ акварельныхъ картинокъ природы, двухъ-трехъ удачно выраженныхъ мыслей, размазанныхъ на 342 страницахъ,—кромѣ этихъ блестящихъ, засоренныхъ словами, у г. Новикова не выловить ничего. Такъ и хочется всѣ его произведенія пропустить сквозь рѣшето.

О. Миртовъ.

К. С. Баранцевичъ. Свободные сны и другіе рассказы. 18 рассказовъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 1 руб.

За послѣднее время и въ отдѣльныхъ сборникахъ, и въ книжкахъ

многочисленныхъ журналовъ все чаще попадаетъ популярное имя писателя К. С. Баранцевича. Размѣръ дарованія и литературно - общественнаго значенія автора, конечно, не измѣрить вышепозваннымъ сборникомъ позднѣйшихъ разсказовъ. Но и онъ съ достаточною рельефностью отъбѣняетъ писательскую личность г. Баранцевича. И чисто беллетристическому творчеству доступны своего рода опыты, анализы и синтезы надъ образнымъ матеріаломъ неудержимыя исканія „лучшихъ экземпляровъ,“ типовъ, образцовъ, идеаловъ, естественная, если можно такъ выразиться, тенденціозность искусства. Г-нъ Баранцевичъ—по преимуществу наблюдатель—и притомъ внимательный, зоркій, отзывчивый. Онъ, стоя поближе къ *натурѣ*, снимаетъ съ нея, разсказываетъ и описываетъ, пользуясь ею. И кругъ его наблюденій весьма опредѣленный. Г. Баранцевичъ излагаетъ намъ „эпопею земельныхъ приобрѣтеній“ очень мелкихъ предпринимателей, повѣствуетъ о первыхъ столичныхъ впечатлѣніяхъ бѣдныхъ провинціаловъ, будущихъ курсистокъ, о старушкѣ Авдотѣ Матвѣевнѣ, бывшей актрисѣ, „выросшей и воспитавшейся въ атмосферѣ петербургскаго гетеризма,“ о панѣ Юзефѣ, мелкомъ почтовомъ чиновникѣ, или объ интригахъ „Омнибуснаго заведенія братьевъ Самородковыхъ“ и т. п. И тамъ, гдѣ у автора, быть можетъ, меньше всего „выдумки“ и наиболее собственныхъ наглядныхъ представленій (см., напр., „Панъ Юзефъ,“ „Женихъ“ (исторія пана Ляховскаго)—тамъ и кисть его, словно, бойчѣе, сочнѣе, колоритнѣе. Правдивый и человѣчный реалистъ, г. Баранцевичъ, уклоняясь подчасъ въ нѣкоторый „психологизмъ“ („Свободные сны“), теряетъ свою привлекательную простоту и беззатѣйливую прозрачность и, какъ будто, кого-то перепѣваетъ Авторъ не впадалъ ни въ какую исключительность и нетерпимость; но зато ничему, кажется, горячо не отдавался. Это сказалось и на комической жилкѣ, несомнѣнно, присущей г. Баранцевичу. Авторъ не столько юмористъ—у такихъ зачастую какіе-то типы на сердцѣ и ядъ въ душѣ—сколько сатирикъ, у котораго подчасъ очень свободно и легко вылетаютъ остроты, но смѣхъ нерѣдко весьма мягкій. Примирительныхъ аккордовъ не сторонится г. Баранцевичъ. Такіе аккорды въ самой дѣйствительности бываютъ разные. Примириться, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова—иногда значить отрицать, побѣждать безысходность, т. е. обнаруживать жизнеспособность, душевное здоровье. Авторъ указанныхъ очерковъ, думается, вышелъ изъ рядовъ тѣхъ поколѣній, тѣхъ школъ, которымъ чуждъ болѣзненный пессимизмъ. И когда авторъ рисуетъ, напр., „мрачнаго“ „пріятеля изъ разряда людей замолчавшихъ“ (см. „Обезьяны“), у него не хватаетъ красокъ и перевоплощаемости.

А. Налимовъ.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. „Лучи и тѣни“. Второй сборникъ разсказовъ. Спб. 1904. Стр. 321. Ц. 1 р. **Н. Н. Карповъ.** „Штрихи и блики“. Стр. 188. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к. **Н. Клеменць.** „Грусть и смѣхъ“. М. 1904. Стр. 296. Ц. 1 р. 20 к. **Александръ Рокотковъ.** „Разсказы и пѣсни о жизни“. Томъ I. М. 1904. Стр. 59. Ц. 40 к.

Одинъ сборникъ только разсказовъ, два сборника и стиховъ, и прозы вмѣстѣ и одинъ—только стиховъ! На общее число 864 страницъ найдется ли пять страницъ „праведниковъ“, ради которыхъ, по библейскому сказанію, можно было бы оправдать цѣлый городъ „нечестивыхъ“? Трудно отвѣтить на это утвердительно. „Нечестивыхъ“ страницъ почти и нѣтъ собственно, но есть нѣчто еще худшее—безнадежная банальность. Одинъ (г. Умановъ-Каплуновскій) пишетъ нѣсколько живѣе—болѣе умѣло и литературно, другой—г. Рокотковъ—нѣсколько искреннѣе, но всѣ они въ лучшемъ случаѣ не выходятъ за предѣлы вагоннаго чтенія „rouge passer le temps“. Но если у перваго изъ авторовъ есть нѣкоторое умѣнье писать и нѣтъ только умѣнія останавливаться на стоящихъ темахъ, то у втораго не хватаетъ гораздо большаго: его 59 страничекъ, которыя онъ скромно называетъ „томомъ“, обнаруживаютъ и безграмотность, и большое отсутствіе художественнаго чутья. Почти вся книжка г. Рокоткова въ стихахъ и въ прозѣ описываетъ тяжелое, незаслуженно-униженное положеніе приказчиковъ въ магазинахъ; авторъ искренне страдаетъ вмѣстѣ съ ними, и тѣмъ болѣе тягостное впечатлѣніе производитъ безвкусіе и наивная, неуклюжая форма его писаній. Верхомъ безвкусицы является огромное—на 4-хъ страницахъ—стихотвореніе „Пѣснь одного прыща“ (?),—негодованіе и гнѣвъ поэта на окружающихъ, которые не поняли его, пренебрежительно оттолкнули и унизили. Плохой совѣтчикъ и руководитель—уязвленное самолюбіе и чтобы, будучи „неповатымъ“, сохранить высокую душу, надо ее имѣть..

Г. Карповъ, какъ беллетристъ—безнадежная посредственность, мѣсто же его, какъ существа „общественнаго“, достаточно опредѣляется тѣмъ, что его книжка открывается стихотвореніемъ „Къ зарѣ“, посвященнымъ „Идеалисту“... Посвящая стихи г. Яромкинну, авторъ на стр. 64 совѣтуетъ русскому народу: „бѣги отъ гибельныхъ идей заблудшихъ въ истинахъ людей... Не думай, что лишъ только твой хлѣбъ горекъ въ потѣ трудовомъ,—повсюду горе... Не только близко тѣсныхъ хатъ, но и у каменныхъ палатъ“. На стр. 71 шутовская выходка по поводу Ницше.

Послѣдній авторъ, поэтъ Клеменць, на стр. 181 предлагаетъ „истребить статейки критиковъ“ столичныхъ, рецензирующихъ сборники стиховъ

и даже наложить на них штрафъ въ 3 копейки со строки за то, что они „ставятъ преграды“ провинціальнымъ поэтамъ и хвалятъ то, чего хвалить не слѣдуетъ. Г. Клеменць находитъ, что если его пѣснопѣнья „порою грустны и скучны“, то все же онъ „не заслужилъ презрѣнья“. „Презрѣнья“—конечно нѣтъ, но мы, даже рискуя заплатить „штрафъ за преграды“, не можемъ не признать его достойнымъ другой, еще горшей участи—забвенья...

Л. В.

Зоя Бухарова. Стихотворенія. СПб. Годъ? Изд.? Стр.? Цѣна?.

Мы до сихъ поръ не встрѣчали, кажется, въ печати произведеній г-жи Бухаровой и были искренне обрадованы, найдя въ ея небольшомъ сборникѣ искру настоящей поэзіи, не яркой и не сильной, но изящной, мягкой и вдумчивой. Въ ея стихахъ есть то таинственное, неуловимое „нѣчто,“ что только и дорого въ стихахъ, что только и волнуетъ и облагораживаетъ читателя, что только и дѣлаетъ истиннымъ поэтомъ. „Радіусъ“ поля зрѣнія у г-жи Бухаровой не широкой пока: вся гамма ея переживаній укладывается въ рамки личной любви съ ея радостями и муками, картинъ природы,—особенно въ ея грустныхъ тонахъ; не чужды автору и болѣе широкіе интересы, но въ этой области встрѣчаются пока только рѣдкіе и робкіе намеки. Истинно поэтичны, напримѣръ, слѣдующія стихотворенія—не указываемъ страницъ, такъ какъ книжка почему-то не перенумерована:— „Это плеснуло волною...“ „Въ страстномъ аккордѣ“... „Нѣтъ въ мірѣ“... „Въ звѣздахъ“... „Изъ осеннихъ мотивовъ“.. и нѣкоторые другія. Искренне желаемъ здороваго и нормальнаго роста небольшому, но несомнѣнному дорованію автора.

Л. В.

Г. Гейне. Атта Троль. Переводъ и предисловіе П. А. Каленова. По- смертное изданіе. М. 1903. Цѣна 1 рубль.

П. А. Каленовъ при жизни своей издалъ только переводъ Байронова „Каина“ (М. 1883) и оригинальную поэму „Будда“ (М. 1885). Послѣ его смерти вновь перепечатана эта поэма, съ добавленіемъ къ ней его философскихъ статей (М. 1902), и переводы изъ Шиллера: „Два Пикколомини“, „Смерть Валленштейна“ и „Покрытый идолъ въ Саясѣ“ (М. 1902), съ приложеніемъ статьи: „Ученые Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи“. Затѣмъ въ оставшихся послѣ покойнаго рукописяхъ нашелся также переводъ „Атта Троля“ и двухъ-трехъ стихотвореній Гейне, сдѣланный въ 80-хъ годахъ. Переводъ этотъ, какъ говорится въ небольшой вступительной замѣткѣ, „вѣроятно“, подготавливался къ печати,

почему близкіе къ покойному люди и рѣшились его издать. Мы позволяемъ себѣ, однако, думать, что извѣстный Pietät къ памяти усопшаго долженъ былъ бы, скорѣе, помѣшати исполненію этого опрометчиваго рѣшенія. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и самъ переводчикъ, будь онъ живъ, воздержался бы отъ печатанія этого еще совсѣмъ не отдѣланнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ переводъ Каленова во многихъ мѣстахъ производитъ впечатлѣніе черновика; тяжелые, неуклюжіе, какъ самъ герой этой поэмы, стихи на каждой страницѣ взываютъ объ исправленіи. Совсе не переведеннымъ осталось и замѣчательное предисловіе Гейне къ поэмѣ, вмѣсто котораго напечатано собственное предисловіе переводчика, — небольшой набросокъ, изъ котораго трудно уразумѣть характеръ и значеніе произведенія великаго юмориста и его связь съ политической и общественной жизнью того времени. Безъ перевода оставлена и большая часть примѣчаній, обыкновенно помѣщаемыхъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ поэмы; а между тѣмъ, эти примѣчанія необходимо было бы не только сохранить, но даже значительно развить, такъ какъ русскому читателю разные намеки Гейне на современную нѣмецкую литературу и общественную жизнь гораздо меньше понятны, чѣмъ нѣмцу.

Переводъ почти не подвергся крупнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ: мы замѣтили одинъ только пропускъ 48-ми стиховъ въ гл. VIII, сдѣланный, вѣроятно, по соображеніямъ цензурнымъ, да еще въ гл. V (стр. 23) выпущены 4 стиха, — надо полагать, просто по недосмотру. Собственно же въ стихотворномъ отношеніи, какъ и сказано выше, новый переводъ „Атта Троля“ значительно уступаетъ даже старому писаревскому, не говоря уже о требованіяхъ художественности. Чтобы не говорить голословно, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

. . . . . Вельможи
 Обливаются *амброю*.
 Ты всегда въ моемъ сердечкѣ
 Будешь въ *выигрывать* забрала
 Ты козырные всѣ карты.
 Идя дальше, такъ я думалъ.
 Исполинскіе утесы
Безобразныхъ формъ глядятъ...
 Въ упоеньи я *воздѣлъ*
Очи вверхъ...
 Мнѣ слона напоминають
 Ея ножки...

и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что переводчикъ, обработывая свой трудъ, исправилъ бы многочисленныя шероховатости, въ родѣ приведенныхъ. Ему не суждено

было это исполнить, — и друзья его поступили бы гораздо лучше, если бы продолжали читать этотъ переводъ въ своемъ тѣсномъ кругу, не предавая его тисненію...

П. Морозовъ.

Проф. И. Озеровъ. Изъ жизни труда. Сбор. статей. Вып. I. Статьи по рабочему вопросу. Москва. 1904. 293 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Въ октябр. кн. „Образ.“ за прошлый годъ, рецензируя книгу проф. Ив. Озерова „Итоги экономич. развитія XIX в.“ мы уже отмѣтили, что г. Озеровъ совершенно неожиданно начинаетъ цвѣсти краснорѣчіемъ, краснорѣчіемъ притомъ какимъ-то лубочнымъ, подогрѣтымъ...

Изолагаетъ проф. Озеровъ мѣстами самые сѣрые и сухіе факты социально-экономической жизни и вдругъ на этой каменистой почвѣ фактовъ начинаетъ усердно насаживать дешевенкія герани своего краснорѣчія.

Не угодно ли прочесть, напр., такую тираду проф. Озерова: „Да, мы люди безъ мысли, клѣтки безъ птицы, фонтаны безъ воды, фонографы чужихъ мыслей, ужасно похожи другъ на друга. Оттого вамъ и скучно въ обществѣ себѣ подобныхъ, и мы должны убивать время въ картежной игрѣ, попойкахъ, такъ какъ нѣтъ у насъ собственныхъ садовъ мысли, и не можемъ мы угощаться плодами, сочными плодами нашей мысли“.

И подобнаго рода краснорѣчіемъ расцвѣтаетъ г. Озеровъ, такъ сказать, ни къ селу, ни къ городу и цвѣтетъ цѣлыя страницы, вызывая невыносимо раздражающее ощущеніе.

Проф. Озеровъ очень большой идеалистъ. Онъ то и дѣло попрекаетъ теперешнихъ людей въ „низменности“ ихъ интересовъ, въ погрязновеніи въ матеріальныя заботы. По этому поводу г. Озеровъ усердно принимается цвѣсти краснорѣчіемъ очень часто. Образчикомъ этого краснорѣчія могутъ служить хотя бы слѣдующія слова: „грустно и больно за души людей, которыя въ настоящее время лежатъ въ кучѣ хлама, ихъ кристаллыя души, ихъ сердца гниютъ нерѣдко въ ямѣ“.

Подобнаго рода фразы неожиданно появляются и столь же неожиданно исчезаютъ въ самыхъ серьезныхъ и ученыхъ статьяхъ г. Озерова — и по поводу, казалось бы, самыхъ сухихъ и рядовыхъ фактовъ. Порою же г. Озеровъ принимается за метафизическіе полеты, взобравшись предварительно на безформенную груду въ беспорядкѣ наваленныхъ фактовъ.

Но удивительное дѣло: ни строгій и обличительный идеализмъ г. Озерова, ни его метафизическія паренія не мѣшаютъ ему быть чрезвычайно

умѣреннымъ, аккуратнымъ, малымъ довольствующимся человѣкомъ, когда дѣло коснется земли и нашихъ грѣшныхъ дѣлъ.

Посмотришь, въ самомъ дѣлѣ: орломъ кружить г. Озеровъ, глядя на землю „сквозь волнистые туманы“ метафизическихъ пареній, а какъ только онъ спустится на землю и займется земными дѣлами, такъ тотчасъ точно рукою крылья сниметъ и онъ уже готовъ съ чисто маниловской умиленностью устроиться въ курятникъ, позабывъ о горнихъ высотахъ, откуда онъ такъ неуспѣшно старался возможно краснорѣчивѣе обличать людей.

Возьмемъ хотя бы излюбленную тему г. Озерова—„Америка идетъ на Европу!“ Этотъ походъ Америки на Европу напугалъ нашего автора до какихъ то кошмаровъ и галлюцинацій. Авторъ вездѣ видитъ надвигающуюся американскую опасность. Онъ пишетъ объ этомъ статьи, читаетъ публичныя лекціи.

Въ чемъ же дѣло, чѣмъ грозитъ Америка Европѣ? Оказывается, что весь шумъ проф. Озеровъ поднялъ изъ-за успѣшной конкуренціи американскихъ купцовъ съ европейскими! Но спрашивается, какое дѣло идеалисту, русскому профессору до высоты прибыли европейскихъ купцовъ и не нелѣпо ли подымать съ высокихъ сторожевыхъ башенъ науки тревожный шумъ о грозно надвигающейся американской опасности въ виду того, что американскіе товары оказываются лучше и дешевле европейскихъ?!

Мы уже замѣтили, что въ области социальна-политическихъ вопросовъ проф. Озеровъ очень умѣренъ и аккуратенъ. Но слова „рабочій“ нашъ авторъ произнести не можетъ безъ того, чтобы не уронить одну другую слезу состраданія и не наговорить кучу жалкихъ словъ о „забитыхъ, голодныхъ и холодныхъ представителяхъ труда“.

Для улучшенія положенія представителей труда г. Озеровъ рекомендуетъ устройство всяческихъ маленькихъ дѣлъ, которыя, какъ онъ обѣщаетъ, современемъ подрастутъ и осуществятъ болѣе счастливую эру.

При такой точкѣ зрѣнія трудно, конечно, не проникнуться мудростью слуги Хлестакова и за неимѣніемъ ничего болѣе цѣннаго смиренно соглашаться:—„давай сюда веревочку—и веревочка пригодится“.

Утѣшается же, напр., проф. Озеровъ тѣмъ, что изъ „горчичнаго зерна“ русскихъ кооперативныхъ затѣй современемъ—поглядишь, поглядишь—и вырастутъ англійскіе „волоссы“.

Смѣшно, конечно, было бы признать безспорную пользу всѣхъ тѣхъ малыхъ дѣлъ, которыя рекомендуетъ г. Озеровъ, и это тѣмъ болѣе, что нашъ авторъ безусловно человѣкъ просвѣщенный и внимательно слѣдящій за движеніемъ экономической жизни Запада.

Вся только бѣда, что г. Озеровъ забываетъ, что маленькія дѣла суть маленькія дѣла, и если они поставлены въ неблагопріятныя условія развитія то не они измѣняютъ къ лучшему эти условія, а, наоборотъ, условія со-всѣмъ сведуть ихъ къ микроскопическимъ размѣрамъ. На то они ма-ленькія!

Грустное и досадное чувство оставляетъ книга проф. Озерова. Онъ безусловно жертва безвременья. Когда-то г. Озеровъ писалъ хорошія научныя работы и подавалъ надежды занять видное мѣсто въ негустыхъ рядахъ нашихъ работниковъ науки. Но съ нѣкоторыхъ поръ г. Озерова какая то муха укусила, онъ сталъ буквально заговариваться, плести крас-норѣчивый вздоръ, потерялъ способность понимать истинный смыслъ на-капливаемой имъ груды фактовъ. Матеріалъ, собранный г. Озеровымъ въ статьяхъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, такъ неуклюже названный „Изъ жизни труда“, представляетъ безусловно большой и живой интересъ, но авторъ испортилъ этотъ цѣнный матеріалъ бурьяномъ своего неудержи-мага краснорѣчія и неспособностью освѣтить всю эту груду матеріала изъ одной выдержанной и неколеблющейся точки зрѣнія.

П. Берлинъ.

Н. А. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣ-нія. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). Изданіе редакціи журнала „Міръ Вожій“. Спб. 1903. in 8—vo. Стр. VI+174. Ц. 80 коп.

Вотъ книга, которая будетъ имѣть очень большое значеніе въ нашей научно-популярной литературѣ, если только авторъ въ возможно скоромъ времени доведетъ до конца свой трудъ,—судя по первому выпуску,—весьма удачно задуманный и научно исполненный. Читатели журнала „Образова-ніе“ уже знакомы съ нѣкоторыми отрывками изъ него, печатавшимися въ нашемъ журналѣ за 1900—1902 годы и попавшими въ шестую главу разбираемой книги. Русская исторія Н. А. Рожкова—совершенно новое и своеобразное явленіе въ русской литературѣ; какъ таковое, оно весьма цѣнно, но въ то же время обладаетъ и крупными недостатками, обусло-вленными современнымъ состояніемъ ученой литературы—съ одной, и но-визной самаго дѣла, съ другой стороны. Увлеченіе, излишній схематизмъ въ построеніяхъ, абстрактный характеръ изложенія, нѣкоторое однообразіе тона и суровая сухость умозаключеній поражаютъ читателя „Обзора рус-ской исторіи“ Н. А. Рожкова. Читая этотъ „Обзоръ“, можно подумать, что все обстоитъ вполне благополучно въ арсеналѣ русской учености, и что послѣдній предлагаетъ изслѣдователю матеріалъ на всякій поставлен-

ный имъ социологическій вопросъ. На самомъ дѣлѣ мы этого сказать не можемъ, а очень часто принуждены сперва заняться подготовкой соответственныхъ матеріаловъ и послѣ этого осмѣлиться на построение отвѣта, освѣщающаго ту или другую сторону нашего прошлаго съ социологической точки зрѣнія. И наша читающая публика, и нѣкоторая часть журналистики находятся въ колебаніи, чувствуя правоту настойчиваго натиска социологовъ и какъ бы не желая разстаться съ живописною манерой стараго рассказчика. Примѣръ „Краткаго очерка русской исторіи“ Е. Н. Щепкиной достаточно рѣзко обрисовываетъ намъ это пристрастіе къ прежнему шаблону, если не по существу, то, по крайней мѣрѣ, по соображеніямъ педагогическаго свойства. Давая рядъ построеній по русской исторіи въ социологическомъ духѣ, г. Рожковъ признаетъ себя вынужденнымъ мѣстами предлагать указанія, не относящіяся къ *русскому* историческому процессу, а имѣющія цѣлью разъяснить или установить элементарныя общія социологическія понятія. Конечно, трудно спорить противъ подобныхъ разъясненій, если имѣть въ виду образовательный уровень средняго русскаго читателя, но, по нашему мнѣнію, было бы практичнѣе сосредоточить ихъ въ особомъ введеніи къ тексту. Основная точка зрѣнія г. Рожкова сводится къ тому, что „исторія каждаго отдѣльнаго народа, каждой отдѣльной страны должна освѣщаться съ социологической точки зрѣнія“, и что „конкретный процессъ историческаго развитія отдѣльной части человечества становится понятенъ и получаетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если его рассматриваютъ какъ матеріалъ для построения общихъ законовъ развитія человеческихъ обществъ“. При попыткѣ построить общіе законы развитія надо послѣдовательно изучить пять основныхъ процессовъ: естественный, хозяйственный, социальный, политическій и психологическій, опредѣляющихъ собой и общій порядокъ изложенія предмета. Авторъ излагаетъ русскую исторію по отдѣльнымъ періодамъ, онъ самъ признается въ своей чрезвычайной страсти къ схемамъ, когда говоритъ, что дѣленіе на періоды—„единственное средство ясно и отчетливо представить себѣ процессы развитія общественныхъ явленій, потому что человеческій умъ нуждается въ схематизаціи матеріала, стремится различить болѣе или менѣе точно отдѣльные моменты или стадіи общественнаго развитія“. На какіе же періоды можно раздѣлить условно всю русскую исторію? Въ этомъ отношеніи съ какихъ бы точекъ зрѣнія русскую исторію ни изучать, все-таки придется сохранить традиціонное дѣленіе на пять періодовъ: 1) кievскій—до конца XII вѣка, 2) удѣльный—съ XIII-го до половины XVI в., 3) московскій—съ половины XVI-го до конца XVII вѣка, 4) новый крѣпостной періодъ, охватывающій XVIII-ое и первую половину XIX-го столѣтія и 5) новый пореформенный, начинающійся второю половиною XIX-го столѣтія и

продолжающійся до настоящаго времени. Увѣренность автора въ силѣ социологическихъ построений такова, что знаніе прошлаго и настоящаго нашего отечества и пониманіе основныхъ законовъ его развитія должны, по его мнѣнію, „привести къ предвидѣнію будущаго, хотя бы частичному и малоопредѣленному“. „Въ заключеніе нашего труда, продолжаетъ авторъ, мы попытаемся хотя бы отчасти приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ таинственное будущее“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы можемъ только категорически присоединиться къ сужденію автора. Если социологія есть научное знаніе, то конечная задача такового, конечно, должна сводиться къ познанію общихъ очертаній будущаго человѣческихъ обществъ. Если г. Рожковъ говоритъ о приподнятій завѣсы, скрывающей отъ насъ таинственное будущее, то рѣчь идетъ не о струяхъ метафизическаго бреда или же идеалистической галлюцинаціи, а лишь о точномъ знаніи, добытомъ путемъ строгаго *научнаго* изслѣдованія. Этого отнюдь не слѣдуетъ забывать, читая нѣсколько рискованную по своей внѣшней формѣ фразу г. Рожкова.

Первая часть обзора г. Рожкова посвящена цѣликомъ первому періоду русской исторіи, т. е. кievскому, и заключаетъ въ себѣ, помимо небольшого *введенія* (стр. 1—7), трактующаго о связи исторіи съ социологіей, восемь главъ. Послѣдняя глава — „литературы по исторіи кievской Руси“ (стр. 171—174) — даетъ руководящія указанія для читателя, желающаго войти въ болѣе серьезное изученіе кievской Руси и установить для себя надлежащій порядокъ чтенія. Первые шесть главъ послѣдовательно даютъ изображенія природы и населенія восточно-европейской равнины съ VI-го по XII-ый вѣкъ (стр. 7 — 15), народнаго хозяйства въ кievской Руси (стр. 16—43), устройства общества (стр. 43—65), политическаго строя (стр. 65—97), церкви и духовенства (стр. 98—103) и, наконецъ, духовной жизни древнѣйшаго русскаго общества (стр. 103—164). Каждая глава заканчивается у автора формулировкой общихъ выводовъ, изложенныхъ иногда съ рѣшительностью и законченностью, не вполне оправдываемыми текстомъ. Мы не станемъ на нихъ останавливаться, ибо всякая возможность спора въ рецензіи парализована необходимостью возражать цѣлыми изслѣдованіями, интересными только для специалистовъ. Болѣе общій интересъ можетъ представить необходимая оговорка въ отношеніи шестой главы, которая посвящена вопросамъ *психологической* исторіи и со стр. 142 характеристикѣ *волевой дѣятельности* древнѣйшаго русскаго общества. Изученіе волевой дѣятельности общества стоитъ сравнительно не высоко въ современной наукѣ, и г. Рожковъ отчетливо и рѣзко показалъ въ своемъ трудѣ, до чего не высоко. Однако, попытка г. Рожкова, несмотря на ея внѣшнюю неудачу, заслуживаетъ вниманія. Пользуясь художественной лите-

ратурой, авторъ старается наметить основные типы характеровъ, существующіе въ современномъ культурномъ обществѣ (характеры этической, эстетической, индивидуалистической, эгоистической, аналитической, эмоциональный и чисто-аналитической) и создать формулы таковыхъ. „Изучить происхождение этихъ типовъ, говоритъ г. Рожковъ, вотъ задача историческаго изученія, важная и съ социологической точки зрѣнія“, при чемъ „основная задача этологической классификаціи и описанія того или другаго характера заключается не только въ томъ, чтобы подметить главную характеристическую черту типа, но и въ томъ также, чтобы изъ этой главной черты вывести, объяснить всѣ остальные“. Установивъ указанныя формулы путемъ отвлеченій изъ психологическаго матеріала XIX столѣтія, авторъ съ этимъ багажомъ направляется въ южную Русь XII столѣтія и выхватываетъ изъ тогдашняго общества личность князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, при чемъ сопровождаетъ свой головокружительный скачокъ такимъ оправданіемъ: „Чтобы опредѣлить отличительныя свойства наивѣстнаго общества съ точки зрѣнія психологіи характера, надо выбрать для характеристики прежде всего такую личность, которая, во-первыхъ, была бы типичной для своего времени и, во-вторыхъ, обладала бы выдающимися природными свойствами, достаточно притомъ развитыми всей суммой образовательныхъ и социальныхъ вліяній, въ то время существовавшихъ; взявъ такую личность, мы, характеризуя ее, опредѣлимъ *ея* типъ психологическаго развитія, достигнутый эпохой“. Мономахъ подводится затѣмъ подъ „настоящій этический характеръ, для котораго нравственный идеаль—все въ жизни“... Дальнѣйшія разсужденія приводятъ автора къ выводамъ такого содержанія. Мономахъ „это собственно не характеръ, не типъ, а только едва разрыхленная, слабо подготовленная почва для развитія цѣлаго ряда разныхъ характеровъ, неорганизованный матеріаль, первоначальный хаосъ, механическая, безсвязная смѣсь самыхъ разнообразныхъ свойствъ, находящихся притомъ въ зародышѣ. Но если такова была *высшая* ступень психологическаго развитія, достигнутая въ кievскій періодъ, то что же можно сказать о низшихъ? Не ясно ли, что тамъ характеръ психической неорганизованности долженъ былъ выразиться еще сильнѣе“. „Мнѣ кажется, съ замѣчательной ловкостью прибавляетъ г. Рожковъ, что этотъ выводъ освобождаетъ насъ отъ необходимости характеризовать другихъ историческихъ дѣятелей періода и даетъ намъ возможность отмѣтить психическую (въ частности волевою) неорганизованность древнѣйшаго русскаго общества“. Авторъ смѣлъ здѣсь до необычайности, онъ какъ будто задался цѣлью совершенно сбить съ позиціи читателя и не дать ему опомниться. Читатель ошеломленъ, но не убѣжденъ, читатель готовъ примириться съ конечнымъ выводомъ автора, но онъ въ ужасѣ

озирается на тотъ путь, которымъ пришелъ къ этому выводу г. Рожковъ. Критикъ пока нечего растрчивать свое остроуміе по адресу этого пути, пусть сперва г. Рожковъ вновь попробуетъ пройти по нему при изученіи волевой дѣятельности удѣльнаго общества и общества московскаго,— и тогда мы рискнемъ дать ему рѣшительную битву! Итакъ, коренной выводъ автора, которымъ онъ заключаетъ шестую главу своей исторіи кievской Руси гласитъ слѣдующее: „Неорганизованность, безсвязность—общая черта всѣхъ процессовъ общежитія, совершавшихся въ кievскій періодъ; поэтому не отдѣльныя подробности матеріальной исторіи, а вся она въ цѣломъ вліяла на духовное состояніе общества, дѣлая послѣднее такимъ же аморднымъ, безформеннымъ и безсвязнымъ въ психологическомъ отношеніи, какимъ оно было въ отношеніи хозяйственномъ, социальномъ и политическомъ“. Мы готовы признать эту формулу черзуръ общей и не для всѣхъ одинаково ясной.

Подобно тому, какъ каждая изъ шести главъ „Обзора русской исторіи“ г. Рожкова заканчивается соотвѣтственнымъ общимъ высодомъ, такъ глава седьмая (стр. 165—171)— „общіе историческіе и социологическіе выводы“— является общимъ резюме всей книги, въ которой мы читаемъ, между прочимъ, что „историческое развитіе кievской Руси надо признать типическимъ для первоначальнаго развитія всякаго другого народа, находящагося на низкомъ уровнѣ культуры и живущаго въ условіяхъ почти еще совершенно дѣвственной природы“.

Намъ нечего настаивать въ концѣ концовъ на высокомъ интересѣ работы г. Рожкова для русскаго читателя,—это абсолютно ясно само собой; намъ нечего ее усиленно рекомендовать, ибо, конечно, всякій не преминетъ съ нею познакомиться, но мы не въ правѣ не повторить еще разъ, что въ ней не мало спорнаго, излишне смѣлаго и порой столь общаго, что рѣчь можетъ итти объ отсутствіи мѣстной опредѣленности.

Василій Сторожевъ.

Генрихъ Дюмоляръ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1904. in 8-vo. Стр. XVI+324. Ц. 1 р. 50 к.

Японско-русское столкновение, представляя собой одно изъ любопытнѣйшихъ міровыхъ явленій современности, подготовлялось давно; его первый рѣшительный взрывъ далеко не былъ неожиданностью и произвелъ впечатлѣніе тяжкаго результата опредѣленно-сложившихся обстоятельствъ на далекой окраинѣ азіатскаго континента. Прологъ къ этой трагедіи въ новомъ стилѣ былъ сыгранъ въ свое время, и антрактъ, обыкновенно предшествую-

щій первому акту, не могъ быть продолжительнымъ. Историческій глазъ долженъ былъ зорко смотрѣть на востокъ, внимательно изучая культурную эволюцію страны восходящаго солнца. Вѣдь, въ этой эволюціи такъ много своеобразнаго и на первый взглядъ неожиданнаго, чудеснаго, какъ выразился бы старый историческихъ дѣлъ мастеръ, что нашей литературѣ слѣдовало бы присмотрѣться къ ней повнимательнѣе и за фантастической стѣной чудесъ вскрыть дѣйствіе все тѣхъ же неизмѣнныхъ историческихъ законовъ... Любопытно, что еще въ 1895 году у насъ въ Россіи раздался мѣткій голосъ изъ простонародья, который было бы грѣшно сейчасъ не припомнить. Въ майской книжкѣ „Русской Мысли“ за 1896 г. пишущій настоящія строки напечаталъ статью „Голосъ провинціи въ вопросѣ о народныхъ чтеніяхъ“, въ которой приведены отрывки изъ писемъ слушателей народной аудиторіи... Въ 1894 и 1895 гг. Японія съ чрезвычайнымъ успѣхомъ громила вѣковую отсталость Китая: внѣшніе факты этого успѣха газета донесла до русскаго простонародья, и у многихъ зашевелился пытливый вопросъ, вопросъ, назойливо требовавшій отвѣта. Въ аудиторію воронежской комиссіи народныхъ чтеній на четвертушкѣ простой сѣрой бумаги была прислана просьба, чтобы въ чтеніяхъ по русской исторіи „доводили все до обстоятельнаго конца“ и чтобы прочитали о Японіи. Оказывается, что одинъ изъ слушателей воронежской аудиторіи „наслышался, что китайцы куда какъ больше, чѣмъ японцы, а, тѣмъ не менѣе, японецъ китайца бьетъ“. Этотъ наивно выраженный запросъ по существу отдаетъ чрезвычайной серьезностью: вѣдь, это—вопросъ о формахъ послѣдовательнаго развитія каждой страны, и нельзя не признать, что новый боевой дебютъ Японіи засталъ нашу литературу нѣсколько врасплохъ... подъ руками не оказалось даже подходящей карты, и если бы не карта P. Langhans'a подъ заголовкомъ Neue Kriegskarte von Ostasien (изд. извѣстной фирмы Justus Perthes въ Готѣ), своевременно выписанная въ Россію въ большомъ количествѣ, то нашему читателю газетъ пришлось бы на первое время очень плохо. Правда, въ распоряженіи читающей публики были такія популярныя брошюры, какъ *А. Сербскій*, Современная Японія (Спб. 1902. Ц. 50 к.) и *А. фонъ-Зиболдъ*, Эпоха великихъ реформъ въ Японіи (Спб. 1902. Ц. 35 к.), а затѣмъ болѣе обширныя описанія, какъ *Гр. де Волланъ*. Въ странѣ восходящаго солнца (Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.) и *Э. фонъ Гессе-Вартегъ*, Японія и японцы (Спб. 1902. Ц. 4 р. 50 к.), но все это были не результаты строго научнаго изслѣдованія, не опыты, могущіе дать отвѣты на самые живые вопросы данной минуты. Въ началѣ текущаго года появилась еще весьма дѣловито написанная работа *Н. Д. Богуславскаго*, Японія (Спб. 1904. Ц. 3 р.) съ массой цифроваго матеріала и картой Японіи; къ сожалѣнію, книга г. Богуславскаго мало доступна для чтенія большой

публикѣ, а ея статистическій матеріалъ требуетъ значительнаго освѣженія. Въ виду спѣшности пришлось обратиться къ переводамъ, и книгоиздательство Л. Ф. Пантелѣва быстро подготовило издание на русскомъ языкѣ книги Henry Dumolard'a, *Le Japon politique, économique et social* (Librairie Armand Colin. Paris 1903). Нельзя сказать, чтобы выборъ книги для перевода былъ неудачнымъ, но едва ли слѣдовало выпускать ее для русскаго читателя въ необработанномъ и неотдѣланномъ видѣ. Въ приложеніяхъ къ французскому оригиналу напечатаны и полный текстъ японской конституціи 11 февраля 1889 г., и проектъ рабочаго закона; оба текста въ русскомъ переводѣ отсутствуютъ (ср. стр. 168, 171 и слѣд.). Довольно трудно придумать мотивы, которыми руководствовался издатель, когда выкидывалъ изъ перевода текстъ закона 11 февраля 1889 г. Безъ этого любопытнаго текста для читателя многое остается непонятнымъ или неяснымъ при характеристикѣ юридической природы современнаго государственнаго строя Японіи; эта характеристика у самого автора далека отъ юридической ясности и полноты, а одинокія ссылки на книгу Эстена нѣсколько странны, къ тому же въ русскомъ изданіи слѣдовало бы оговорить, что послѣдняя имѣется въ русскомъ переводѣ. Достаточное количество опечатокъ, шероховатости и неловкости перевода, равнымъ образомъ нетерпимая пестрота русскаго текста, происходящая отъ написанія японскихъ именъ и названій латинскимъ шрифтомъ, очень мало говорятъ въ пользу тщательности новаго изданія Л. Ф. Пантелѣва, хотя надлежитъ все-таки быть ему признательнымъ и за такую публикацію. Содержаніе послѣдней въ общихъ чертахъ отлично передано заглавіемъ; и мы, конечно, не будемъ на немъ останавливаться, ибо кто не прочитаетъ книги Дюмо-лара, весьма сжатой по объему, широкой по постановкѣ темы и обильной свѣжимъ фактическимъ матеріаломъ. Всего важнѣе, по нашему мнѣнію, что переводу не предпослано болѣе или менѣе обстоятельнаго предисловія; необходимость послѣдняго чувствуется и самимъ Л. Ф. Пантелѣвымъ, когда въ коротенькомъ „Отъ издателя“ онъ приводитъ любопытный примѣръ односторонности Дюмо-лара. Но... Дюмо-ларъ не всегда одностороненъ, порою онъ тенденціозенъ, недостаточно объективенъ и узокъ въ своей оцѣнкѣ. Авторъ остановился въ своей книгѣ, главнымъ образомъ, „на политикѣ и общественныхъ дѣлахъ“, сдѣлавъ попытку изслѣдовать вліяніе матеріальной трансформации Японіи на общественную жизнь. Авторъ сердитъ на то увлеченіе Японіей, которое существуетъ въ литературѣ, ему досадно, что „столь многіе говорятъ о необыкновенномъ прогрессѣ Японіи“ и что японцевъ „слишкомъ много хвалили въ Европѣ“; онъ поэтому задался цѣлью вылить ушатъ холодной воды на увлекающихся, но отнюдь не по той причинѣ, что боится такъ называемой *желтой опасности*. Разговоръ

объ этой опасности вызываетъ у Дюмолара не болѣе одной снисходительной улыбки (ср. стр. 133, 134, 156, 164). „Общественныя условія японцевъ и расовыя недостатки, говоритъ онъ, становятся поперекъ дороги ихъ экономическому развитію и, такимъ образомъ, избавляютъ насъ, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, еще на очень долгое время отъ этой желтой опасности, вызывая которую нѣкоторымъ доставляетъ такое большое удовольствіе“. Выводъ этотъ понятенъ въ устахъ Дюмолара, хотя онъ вовсе не является непремѣннымъ результатомъ изслѣдованія, поставившаго своей основной задачей во что бы ни стало наловить и начертать яркими красками недостатки японской націи. „Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, пишетъ авторъ, изслѣдовать природныя достоинства японцевъ, но мнѣ казалось болѣе полезнымъ освѣтить ихъ недостатки, вытекающіе изъ того, что они слѣдуютъ по дурному пути. Не моя, конечно, вина, если я, изучивъ современную Японію, не могу восторгаться ни ея политикой, ни ея политиками. Японцы заимствовали у нашей западной цивилизаціи, главнымъ образомъ, то, что у нея есть худшаго: большіе налоги и тяжелое военное бремя, подобно тому, какъ дикари, которые прежде всего напиваются нашей подмѣшанной водкой“. Эта фраза о заимствованіи—образецъ нелѣпости и культурно-буржуазнаго легкомыслія. Что сказалъ бы въ такомъ случаѣ Дюмоларъ о петровской реформѣ? Тяжелое военное бремя и непосильные налоги прежде всего характеризуютъ работу Петра — такъ, стало быть, Петръ I повелъ Россію „по дурному пути“? Почтенный докторъ правъ хватается немного черезъ край, и, конечно, неумѣстно шутить и обижаетъ строгій историческій взглядъ, когда пытается убѣдить читателя въ томъ, что „необыкновенный прогрессъ, о которомъ столь многіе говорятъ, когда заходитъ рѣчь объ Японіи, представляютъ собою въ концѣ концовъ роковое теченіе (?!!), а подданные микадо являются, быть можетъ, просто его бессознательными игрушками“ (ср. стр. 315, 319, 323). Авторъ, очевидно, не понимаетъ или не хочетъ понимать, что недостатки, его поражающіе, суть естественные спутники той стадіи развитія, которую только что пережила Японія, и съ точки зрѣнія современнаго историка они не представляются ни страшными, ни неожиданными. Дюмоларъ любитъ сдобривать и подтверждать свои опасныя положенія соответственными выдержками изъ японской прессы; достаточно переглядѣть всѣ эти выдержки, чтобы живо почувствовать лагерь, въ которомъ {почтенный докторъ правъ чувствуетъ себя какъ рыба въ водѣ (ср. стр. 322, 319, 317, 297, 155, 42 и др.). Ему не по душѣ ультра-прогрессистское движеніе. Съ 11 февраля 1889 г. Японія не сдѣлала *ничего*, почти ничего. „Конечно, пренаивно написать далѣе Дюмоларъ, мы видимъ теперь блестящее развитіе арміи и флота, но и это явилось результатомъ выполненія плана, выработаннаго гораздо раньше“. Стоитъ внимательно перечитать стр. 46—49 русскаго

перевода книги Дюмолара, чтобы понять, откуда весь сыр-бор загорѣлся и почему понадобилось автору такъ много темныхъ красокъ для обрисовки новаго политическаго обихода Японіи. Вѣдь, по Дюмолару надо бы японскимъ властямъ обнаружить массу энергіи, чтобы „задержать страшное демологическое движеніе, которое назрѣваетъ теперь въ политическомъ мірѣ Японіи“ (стр. 49 и ср. стр. 168 и 214). Буржуазный политическій взглядъ и мелкая игра на мотивахъ узкой морали заставили нашего доктора правъ высказать сужденія, которыя совсѣмъ не вяжутся съ приведенными имъ цифрами и данными изъ новѣйшей исторіи Японіи. Въ прежнихъ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ автору прежде всего дороги патріархальность и отсутствіе всякой законодательной регламентаціи (ср. стр. 167); съ грустью отмѣчаетъ онъ, что въ Японіи „этотъ золотой вѣкъ теперь отошелъ въ область преданій“, съ удовольствіемъ цитируетъ слова одного крупнаго промышленника изъ Кіото (стр. 155), которому не нравится покровительство труду въ ущербъ эксплуататорамъ, приходитъ въ нѣкоторый священный трепеть, что въ Японіи „со всѣхъ сторонъ начинаютъ говорить о правахъ рабочихъ“, и доходитъ уже прямо до цинизма при упоминаніи о дѣятельности Катайамы (см. стр. 184 и 185). Докторъ правъ скорбитъ, что въ преобразованной Японіи чопорная вѣжливость смѣнилась „грубыми ухватками“, а во многихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, „гдѣ когда-то по вечерамъ японскій ремесленникъ или мелкій лавочникъ слушали любовные романы или чудесныя исторіи о легендарной борьбѣ Минамото и Таира, выкуривая безконечное количество трубокъ и заливая крошечными чашечками чая, тамъ теперь современные сказатели стараются прикрасить цвѣтами японской поэзіи холодныя мечты Генри Джорджа или Карла Маркса“. Итакъ, источникъ отрицательной критики Дюмолара, намъ думается, вполне ясенъ, и русскому читателю будетъ вовсе нетрудно отдѣлать въ разбираемой книгѣ драгоценности отъ плевель. Мы должны, однако, рѣзко отмѣтить, что изъ книги Дюмолара надо брать цифры и факты, а отъ изъясненій и оцѣнокъ автора быть подальше и непременно „смѣть свое сужденіе имѣть“ (ср., впрочемъ, стр. 31, 40, 62). Всѣ главы книги Дюмолара читаются съ самымъ живымъ интересомъ, давая въ распоряженіе русскаго читателя своеобразный и весьма поучительный для историческихъ параллелей матеріалъ; надо отдать справедливость автору, что, несмотря на свою односторонность и узкую партійность, онъ выбираетъ для своего изложенія темы наиболѣе серьезныя и живыя: конституція Японіи, политика и партіи, администрація, пресса, государственныя финансы, земледѣліе, колоніи, торговое и промышленное развитіе Японіи, рабочій вопросъ и пауперизмъ, народное образованіе, религія... У него нѣтъ, правда, особой главы, посвященной японскимъ арміи и флоту, но имѣется зато и общее сужденіе автора на этотъ счетъ, и расцѣпка въ цифрахъ расходовъ. По-

звонимъ себѣ выдѣлить особо еще двѣ темы, затронутыхъ Дюмоларомъ въ XI и XII главахъ, главахъ, читающихся по нынѣшнимъ временамъ съ чрезвычайнымъ интересомъ: это—внѣшняя политика Японіи и отношенія между Японіей и Кореей. Въ этихъ главахъ у Дюмоlara чрезвычайно много спорнаго, но его голосъ живого, непосредственнаго наблюдателя заставляетъ прислушаться повнимательнѣе, вскрывая порой новые оттѣнки авторской односторонности. Авторъ совсѣмъ не вѣритъ въ истинное приобщеніе Японіи къ европейской цивилизаціи... но въ то же время признаетъ японскую націю очень „гибкой“ и далеко шагнувшей въ военной области. Тутъ есть, конечно, маленькое противорѣчіе, и въ книгѣ Дюмоlara пѣлая бездна маленькихъ противорѣчій, порою подрывающихъ въ корнѣ его же собственные отрицательные выводы. „Во многихъ отношеніяхъ, пишетъ Дюмоларъ, ассимиляція японскаго народа съ Европой чисто искусственна, такъ какъ не можетъ же въ самомъ дѣлѣ въ тридцать лѣтъ совершиться полное обновленіе націи, даже такой гибкой, какъ японская. Но есть одна сторона дѣла, въ которой Японія, повидимому, уже поравнялась со своими образцами: это—организація и развитіе ея военныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи сомнѣнія быть не можетъ: армія и флотъ японцевъ—первоклассные и перевѣсъ, взятый силами Ниппона во время послѣднихъ китайскихъ обытій еще разъ подтверждаетъ это. Разсматривая современное положеніе арміи и флота Японіи, мы видимъ, что необыкновенная способность японцевъ къ ассимиляціи натворила чудесъ въ этой именно области болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, и что, благодаря этому, Японія можетъ теперь выставить такіа сухопутныя и морскія силы, какихъ никакая держава не въ состояніи пока содержать въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ“ (ср. стр. 47, 265, 266). Но если такъ велики силы Японіи, то почему нашъ авторъ не дѣлаетъ отсюда надлежащаго логическаго вывода и спѣшитъ успокоить читателя, что никакой желтой опасности не существуетъ, что японцы—плохіе колонизаторы, что Корея не можетъ представлять для нихъ торгово-промышленныхъ интересовъ по существу etc., etc. Авторъ намекаетъ (стр. 295, 296), что вооруженная борьба съ Японіей не можетъ быть легкой и что даже союзная эскадра Россіи и Франціи могутъ не справиться съ японскимъ флотомъ. Если это справедливо, то откуда черпаетъ тотъ же Дюмоларъ свою увѣренность, что японцы не сумѣютъ удержаться на высотѣ своего положенія? И не можетъ ли русскій читатель предполагать, что французскій докторъ правъ преувеличилъ военное значеніе азіатской Англіи?!

Нашъ отзывъ затянулся... и надо ограничиться теперь однимъ, двумя словами. Покуда мы пробѣгали еще французскій оригиналъ Дюмоlara, разразилась катастрофа. Предсказаніе Дюмоlara о возможности борьбы превратилось въ фактъ (стр. 295), и теперь поставлено на карту другое предсказаніе того же автора: „не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что

Корея сдѣлается русской, и японцамъ необходимо къ такому исходу выработать для себя определенное отношеніе“. Историкъ простиительно, за недостаткомъ научнаго матеріала, воздержаться отъ оцѣнки этого предсказанія, но какова бы ни была его судьба, нельзя категорически не признать, что мы присутствуемъ при одной изъ любопытѣйшихъ проблемъ историческаго процесса. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ у насъ не понимаютъ ни практическаго значенія, ни научнаго интереса катастрофы, смотрятъ на нее поверхностно и съ вѣшной стороны, а глубина живой научной мысли и жаръ здоровой публицистики не могутъ послѣдить на помощь общественному вѣтавію мысли, которая стонетъ подъ бременемъ незнанія и опеки.

В. Сторожевъ.

Вѣстникъ психологій, криминальной антропологій и гипнотизма.

Подъ общеою редакцею акад. В. М. Бехтерева и проф. В. С. Серебренникова.

Съ настоящаго года ученая журналистика обогатилась новымъ органомъ—выше названнымъ Вѣстникомъ, посвященнымъ всесторонней разработкѣ психологій, какъ положительной науки, съ ея отдѣлами: общей, экспериментальной, педагогической и патологической. Журналъ общаетъ также не оставлять безъ вниманія вопросы, связанные съ развитіемъ ученія о внушеніи и гипнозѣ, и тѣ данныя, которыя относятся къ области общественной психологій и криминальной антропологій, и вообще по содержанию ему предназначено служить „отраженіемъ новѣйшихъ успѣховъ во всѣхъ поименованныхъ областяхъ знанія“. Такимъ образомъ область, подлежащая вѣдѣнію журнала, въ достаточной мѣрѣ обширна, чтобы снабжать журналъ богатымъ разнообразнымъ матеріаломъ.

Едва ли нужно распространяться о томъ, что такой журналъ можно только привѣтствовать, пожелать ему многая лѣта жизни, самаго широкаго распространенія и процвѣтанія внутренняго—серьезнаго, научнаго, разнообразнаго содержанія при блестящемъ изложеніи. До сихъ поръ психологія была страницей въ журналистикѣ, не имѣющей постояннаго пріюта, своего органа, гдѣ бы она могла приклонить голову: въ общихъ журналахъ психологическія статьи были случайнымъ явленіемъ; чаще онѣ встрѣчались въ педагогическихъ журналахъ, составляя иногда цѣлый отдѣлъ въ нихъ.

Но педагогическіе журналы интересовались главнымъ образомъ однимъ отдѣломъ психологій — педагогическимъ, мало удѣляя вниманія и мѣста другимъ отдѣламъ. Въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія мы имѣли и нынѣ еще имѣемъ Московскій журналъ „Вопросы философіи и психологій“, но этотъ органъ занимался и занимается главнымъ образомъ

переживаемъ учения Канта и философствованіемъ въ его духѣ; что же касается новой психологін, то интересуется ею весьма мало. Для журнала новая психологія—Золушка.

Между тѣмъ интересъ, представляемый психологіей въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ, весьма значителенъ, интересъ къ психологическимъ изслѣдованіямъ также большой. На Западѣ есть цѣлый рядъ періодическихъ изданій, посвященныхъ психологін, гипнотизму и криминальной антропологін, въ Россіи же до сего времени нѣтъ подобныхъ специальныхъ органовъ; на Западѣ выходитъ множество отдѣльныхъ сочиненій по педагогической, экспериментальной и физиологической психологін, по гипнотизму и криминальной антропологін, у насъ же такія сочиненія являются единицами. А у насъ, несомнѣнно, есть также весьма живой интересъ къ психологін, и потому появленіе специального Вѣстника психологін вполне благовременно.

Въ настоящее время, когда мы пишемъ эту замѣтку, вышло всего три выпуска Вѣстника. Очевидно, по такому малому числу вышедшихъ книжекъ журнала трудно судить о томъ, что онъ представитъ собою въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Помѣщенные въ книжкахъ статьи имѣютъ по преимуществу общій вступительный характеръ, составляютъ какъ бы введеніе къ журналу, а не самый журналъ, намѣчаютъ тѣ отдѣлы, по которымъ будутъ даваться статьи, указываютъ его стороны. Нѣкоторыя изъ появившихся статей, повидимому, не назначались спеціально для журнала, а составлялись по разнымъ обстоятельствамъ: это рѣчи на торжественныхъ актахъ, вступительныя лекціи, рефераты и т. п. Сотрудники журнала на первый разъ подѣлились тѣмъ, что лежало готовымъ въ письменномъ столѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ статьяхъ, не предполагая заниматься всѣми, чтобы нѣсколько познакомить читателей съ содержаніемъ народившагося журнала и тѣми темами, которыя онъ выдвинулъ.

Главные редакторы журнала дали по статьѣ: акад. Бехтеревъ Біологическое значеніе психики и проф. Серебренниковъ Ученіе Лейбница о безсознательной душевной жизни (акад. Бехтеревъ, кромѣ того, помѣстилъ еще статью: Что такое внушеніе?). Ознакомимся съ первой статьѣй.

Она тянется въ трехъ книжкахъ. Въ первой книжкѣ высказанъ такой взглядъ: психика есть основное проявленіе жизни, въ мірѣ нѣтъ живого существа безъ психики. А что такое психика? Это есть внутренняя переработка внѣшнихъ воздѣйствій, сопутствуемая внутренними или субъективными переживаніями и выражающаяся тѣми или иными активными проявленіями. Приведенное опредѣленіе психики намъ представляется не совсѣмъ яснымъ: внѣшнія воздѣйствія и активныя проявленія — дѣло понятное, ихъ можно наблюдать; а въ чемъ состоитъ внутренняя переработка внѣшнихъ воздѣйствій, въ чемъ заключаются сопутствующія имъ

внутреннія или субъективныя переживанія—остается неизвѣстнымъ. Впрочемъ далѣе авторъ нѣсколько раскрываетъ и поясняетъ свое опредѣленіе. Онъ говоритъ, что у простѣйшихъ, лишенныхъ специальныхъ органовъ чувствъ и движенія, мы не можемъ предполагать въ отношеніи психики ничего другого, кромѣ элементарной раздражительности, сопутствующей состояніемъ болѣе или менѣе общаго самоощущенія,—раздражительности, которая въ еще болѣе слабой степени проявляется и у растений. Такимъ образомъ психика допускается и въ растительномъ царствѣ, а сущность психики поставляется въ раздражительности, свойственной и растенію. Очевидно, это такія два утвержденія, которыя для признанія ихъ истинными требуютъ весьма серьезныхъ и основательныхъ доказательствъ.

Въ своей первой статьѣ авторъ развиваетъ мысль, что вмѣстѣ съ постепеннымъ восхожденіемъ отъ низшихъ къ высшимъ оказывается въ общемъ и большее разнообразіе въ активныхъ проявленіяхъ организма, а слѣдовательно и большее развитіе психики, такъ что животный міръ представляетъ какъ бы своеобразную психическую лѣстницу, постепенно съ большимъ и съ большимъ развитіемъ психики. Есть и перерывъ въ этой лѣстницѣ: по достиженіи безпозвоночными животными замѣчательнаго развитія психики въ представителяхъ муравьевъ, пчелъ и термитовъ, въ первичныхъ типахъ позвоночныхъ животныхъ, въ видѣ *amphioxus lanceolatus* и рыбъ, замѣчается какъ бы пониженіе психическихъ отправленияхъ по сравненію съ высшими суставчатыми.

Болѣе близкое и непосредственное вліяніе психики на физическую сферу въ біологическомъ отношеніи обсуждается во второй и третьей статьяхъ. Приводятся нѣкоторые факты о зависимости отъ психическаго состоянія животнаго измѣненія цвѣта кожныхъ покрововъ у нѣкоторыхъ животныхъ измѣненія цвѣта головныхъ украшеній у индюковъ и куръ, мнимой смерти или одѣшенія и т. п. Фактовъ приведено не много и безъ подробнаго анализа, и того и другого желательно бы больше. Вообще же авторъ полагаєтъ, что, кромѣ чисто физической приспособляемости, подчиняющейся закону естественнаго отбора, имѣются три важные фактора, вліяющіе на жизненныя условія видовъ: пассивно-активное приспособленіе, активное и цѣлесообразное преобразование окружающихъ условій. Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ въ біологическомъ значеніи психики, именно вопросомъ о передачѣ въ потомство приобрѣтенныхъ въ теченіе индивидуальной жизни полезныхъ признаковъ, авторъ почти совсѣмъ отказался заниматься, по его недостаточной разработанности, а остановился на болѣе простыхъ доступныхъ сторонахъ дѣла—значеніи подражательности въ преемственной передачѣ психическихъ приобрѣтеній, выразительныхъ движеній и криковъ и воспитанія.

Тема, взятая авторомъ, весьма интересна и настолько обширна и

серьезна, что оставляет полную возможность вернуться къ ней и разработать съ новыхъ сторонъ и съ новыми данными.

Второй редакторъ далъ статью „Ученіе Лейбница о безсознательной душевной жизни“, статью весьма обстоятельную, составленную по сочиненіямъ Лейбница. Но сущность вопроса о безсознательной душевной жизни этой статьей разъясняется мало: взглядъ Лейбница на безсознательную жизнь опредѣлялся его метафизическимъ ученіемъ о душѣ, что прямо понижаетъ цѣнность его взгляда; съ другой стороны, въ этомъ взглядѣ для читателя есть неясности. Намъ говорить, что Лейбницъ считалъ безсознательныя воспріятія однородными съ воспріятіями сознательными (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ), различіе между ними сводится къ степени, представляя душевную жизнь въ цѣломъ въ видѣ постепеннаго перехода отъ темнаго сознанія къ ясному и раздѣльному и даже въ растительномъ царствѣ допускалъ неясное сознаніе, постепенно переходящее въ самое темное, граничащее съ отсутствіемъ сознанія. И при этомъ въ человеческой душѣ допускаются „безсознательныя“ воспріятія, происходящія изъ какихъ-то „ядеръ души“, въ развитіи душевной жизни признается начальная стадія „безсознательно-стихійная“. Если въ душевной жизни есть безсознательныя явленія, если съ нихъ начинается все, они лежатъ въ основѣ всего духовнаго развитія, то нужно объяснить, какъ же и когда изъ безсознательнаго возникаетъ сознательное, нужно отчетливо показать генезисъ сознанія не съ метафизической, а съ опытной, реальной точки зрѣнія. Этого обыкновенно не дѣлаютъ защитники безсознательной душевной жизни.

Изъ другихъ отдѣловъ психологіи въ вышедшихъ книжкахъ затронуты слѣдующіе: гипнотизмъ. По этому отдѣлу имѣются статьи акад. Бехтерева: Что такое внушеніе? и прив.-доц. Осипова—Лѣченіе внушеніемъ безъ гипноза. Въ послѣдней статьѣ интересны факты о благотворныхъ слѣдствіяхъ для здоровья внушенія на яву. Авторъ передаетъ, между прочимъ, случай эпидемической болѣзни—потери голоса въ одномъ изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній СПб. Воспитанница заболѣла воспаленіемъ голосовыхъ связокъ простуднаго происхожденія и потеряла голосъ. Вызванная отвѣчать урокъ, она не могла этого сдѣлать и только шевелила губами. Вслѣдъ за ней учитель вызвалъ другую воспитанницу, которая также оказалась лишеною голоса; третья воспитанница также не могла отвѣтить урока по отсутствію голоса. Когда вѣсть о такомъ происшествіи разнеслась по учебному заведенію, тогда въ другомъ классѣ чрезъ нѣкоторое время оказались еще двѣ воспитанницы безъ голоса. По изслѣдованіи этого случая и по излѣченіи заболѣвшихъ оказалось слѣдующее: заболѣваніе дѣтей, кромѣ первой воспитанницы, зависѣло отъ психической заразы, попавшей на благоприятную почву, такъ какъ заболѣвшія представляли симптомы истеріи; двѣ изъ заболѣвшихъ воспитанницъ поправились подъ вліяніемъ внушенія въ бодр-

ственномъ состояніи; одна воспитанница поправилась подъ вліяніемъ, такъ называемаго, симпатическаго средства, которое по существу было тѣмъ же внушеніемъ на яву.—Къ вліянію внушенія же въ бодрственномъ состояніи авторъ относитъ дѣйствіе заговоровъ и различныхъ симпатическихъ средствъ. Внушающимъ факторомъ при пользованіи симпатическими средствами является народная молва, приписывающая опредѣленному средству опредѣленное цѣлебное значеніе. Отъ степени внушаемости лица, примѣняющаго къ себѣ такое средство, зависитъ успѣшность его лѣчебнаго дѣйствія. Само собой понятно, что симпатическія средства помогаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вообще, по роду болѣзни, возможно излѣченіе при помощи внушенія.

По уголовной антропологіи также есть двѣ статьи: Д. А. Дриля. Наука уголовной антропологіи, ея предметъ и задачи и д-ра Щеглова:—Умственная работа несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Въ первой статьѣ содержится указаніе на сущность научнаго переворота, произведеннаго проф. Lombroso и его школой въ области уголовного права, и на задачи этой науки — изучать преступныхъ людей въ разнообразіи ихъ особенностей, слагающихся подъ опредѣленными вліяніями общественной среды, изучать въ ихъ генезисѣ и, руководствуясь данными изученія, намѣтить, провѣряя показаніями разнообразнаго опыта, дѣйствительныя средства борьбы съ преступностью. Во второй статьѣ излагаются интересные результаты экспериментальныхъ изслѣдованій автора о работоспособности несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Мѣриломъ этой работоспособности авторъ призналъ способность къ длительному и равномерному напряженію вниманія, умѣнье долгое время удерживать его на работѣ и переводить съ одной части на другую, соответственно поставленной задачѣ. Поэтому авторъ изучалъ состояніе вниманія и его колебанія за все время предложенной имъ къ совершенію умственной работы. Главнѣйшіе результаты изслѣдованія автора таковы: вниманіе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ во все время работы болѣе колеблется, менѣе устойчиво, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ; у первыхъ чувство усталости обнаруживается раньше, чѣмъ у вторыхъ; ростъ чувства усталости, опредѣляемый возрастаніемъ средней варьяціи работоспособности, у малолѣтнихъ преступниковъ значительнѣе, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ.

На основаніи такого изслѣдованія авторъ пришелъ къ заключенію, что умственная работоспособность малолѣтнихъ преступниковъ представляется пониженной по сравненію съ работоспособностью мальчиковъ не-преступниковъ того же возраста и того же общественнаго положенія.

Кромѣ указанныхъ статей читатель въ вышедшихъ трехъ книжкахъ Вѣстника найдетъ обстоятельный очеркъ прив.-доц. Лазурскаго: О значеніи эксперимента въ психологіи, съ указаніемъ, какъ была выполнена про-

грамма экспериментальных исследований, начертанная Вундтомъ, какъ она постепенно измѣнялась и расширялась вслѣдствіе открывшихся въ ней недочетовъ, о возникновеніи психологіи индивидуальных различій и т. п.; статью проф. Блуменау—Нравственная эволюція и вырожденіе, А. П. Нечаева—О силѣ дѣтской памяти, рецензіи и рефераты по разнымъ отдѣламъ психологіи, свѣдѣнія о засѣданіяхъ обществъ, представляющихъ психологическій интересъ и т. п. Изъ напечатаннаго матеріала мы считаемъ нелишнимъ познакомить еще читателей съ интересной статьей д-ра Никитина—О массовыхъ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ.

Случаи массовыхъ галлюцинацій и иллюзіи представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе поразительныхъ примѣровъ, указывающихъ на существованіе душевной заразы. Наиболѣе часто они встрѣчаются въ эпохи народныхъ бѣдствій, вызывающихъ распространеніе паническаго страха въ населеніи, или, наоборотъ, въ періоды подъема народнаго духа, связаннаго съ общимъ увлеченіемъ той или другой идеей. Въ 1885 г. въ Италіи, во время холерной эпидеміи, вызвавшей панику въ населеніи, имѣлъ мѣсто случай коллективной галлюцинаціи, въ которой приняли участіе цѣлыя толпы народа. Жители одной деревеньки близъ Неаполя увидѣли однажды на соседнемъ холмѣ, гдѣ находилась часовня, Мадонну, закутанную въ черную одежду и молящуюся о спасеніи человѣчества. Слухъ объ этомъ видѣніи быстро распространился по окрестности и народъ сталъ стегаться массами. Видѣніе продолжалось, народное возбужденіе росло, и наконецъ итальянское правительство, въ цѣляхъ прекращенія галлюцинаторной эпидеміи, было вынуждено разрушить часовню и окружить холмъ, на которомъ она стояла, полиціей.

Галлюцинаціи, проистекавшія изъ противоположнаго источника—подъема народнаго духа—извѣстны: видѣніе войсками Константина Великаго въ 312 году предъ началомъ сраженія креста на небѣ, русскими на Куликовомъ полѣ сонма ангеловъ-заступниковъ, многочисленныя галлюцинаціи во время крестовыхъ походовъ и т. п. Изъ историческихъ галлюцинацій, пользующихся широкою извѣстностью наиболѣе поразительно видѣніе Карломъ XI, королемъ Шведскимъ, и его свитой въ 1576 году. Это видѣніе настолько потрясло короля, что онъ изложилъ его въ особомъ актѣ, который хранится и по настоящее время въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ. Любопытный случай коллективной галлюцинаціи имѣлъ возможность наблюдать самъ авторъ.

Дѣло было 28 іюля 1903 года въ одной изъ окрестностей Саровскаго монастыря Тамбовской губерніи, недѣлю спустя по окончаніи Саровскихъ торжествъ по канонизаціи старца Серафима. Около полудня авторъ остановился возлѣ группы крестьянъ и крестьянокъ, состоявшей человекъ изъ 20, столпившихся вокругъ перилъ колодца, выходившагося на пути автора.

Одна изъ женщинъ увидѣла въ колодецѣ ликъ отца Серафима, въ клубукѣ ручкой махаетъ и ѣздитъ какъ явственно. Иллюзія быстро сдѣлалась общей, тѣ, которымъ было видно дно колодца, съ затаеннымъ дыханіемъ, съ горящими глазами, устремленными внизъ, неподвижно стояли передъ срубомъ, какъ очарованные. Лишь съ трудомъ удавалось ихъ оттолкнуть отъ колодца стоявшимъ позади, которые, занявъ ихъ мѣсто, въ свою очередь, какъ бы замирали, подавленные величіемъ дивнаго, неслыханнаго видѣнія. Автору также удалось пробраться впередъ. Заглянувъ внизъ, онъ увидѣлъ сквозь кристально-прозрачную толщу воды дно колодца, состоящее изъ бѣлаго известняка съ разбросанными по нему камешками и древесными сучками, образующими самыя причудливыя формы. Но, несмотря на всѣ старанія, авторъ не былъ въ состояніи найти въ очертаніяхъ дна ничего, что имѣло бы хотя отдаленное сходство съ человѣческой фигурой. Между тѣмъ иллюзія продолжалась. Къ колодецу протискивались все новыя и новыя лица. Съ широко раскрытыми глазами, съ губами, дрожащими отъ волненія, они расталкивали толпу и, достигнувъ края колодца, останавливались неподвижно, съ выраженіемъ блаженства на лицѣ. Иллюзія длилась 10—15 минутъ. Въ теченіе этого времени къ колодецу удалось протѣсниться по меньшей мѣрѣ 40 человѣкамъ. Толпа состояла почти исключительно изъ богомольцевъ и богомолковъ въ сермагахъ, лаптяхъ и съ котомками за плечами. Одѣтыхъ въ городское платье было въ толпѣ не болѣе 2—3 лицъ. Женщины преобладали.

Иллюзія прекратилась по слѣдующей причинѣ: къ колодецу протискалась бойкая молодая женщина въ городскомъ платьѣ мѣщанки. Она только что подошла къ толпѣ и, не узнавъ еще о причинѣ сборища, съ помощью ловкихъ движеній быстро очутилась у самаго сруба. Видя, что другіе смотрять на дно, она также начала смотрѣть внизъ. „Ну, чего видать-то?“ — спросилъ ее кто-то сзади. — „Да чего, человѣчьи головы кругомъ видать, бѣлы камни видать, а больше ничего“. Если бы все содержимое колодца, замѣчаетъ авторъ, вдругъ было вылито на присутствующихъ, то это врядъ-ли произвело большій эффектъ, чѣмъ эти немногія слова человѣка, только что появившагося въ толпѣ и не зараженнаго общимъ настроеніемъ. Брошенная искра скептицизма сдѣлала свое дѣло. Иллюзія исчезла, сначала у отдѣльных лицъ, а затѣмъ и у остальныхъ, собравшихся около колодца.

Прислушиваясь къ разговорамъ видѣвшихъ изображеніе въ колодецѣ авторъ подмѣтилъ, что однимъ образъ старца видѣлся во весь ростъ, другимъ по поясъ, третьи видѣли одинъ ликъ. Одни видѣли голову непокрытой, а другіе въ монашескомъ клубукѣ. Словомъ, обнаружилось у отдѣльных очевидцевъ событія столько вариантовъ, сколько ихъ существуетъ въ изображеніяхъ отца Серафима на иконахъ. Были и другія разногласія, на примѣръ о мѣстѣ видѣнія: въ серединѣ колодца, съ краю и т. п.

Пытаясь выяснитъ условія, благопріятствовавшія возникновенію даннаго явленія, авторъ отмѣчаетъ слѣдующія свойства участниковъ иллюзіи: участники были невѣжественны, устали, недостаточно сыты (точнѣе почти голодны), составляли толпу и всѣ испытывали одинаковое настроеніе, благопріятствующее наступленію обмановъ чувствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самая главная причина иллюзіи—послѣдняя, т. е. повышенное релігіозное настроеніе, обнимавшее богомольцевъ сполна, заполнившее всѣ ихъ помыслы. При этой главнѣйшей причинѣ и, разумѣется, при полной возможности заразы другъ отъ друга въ толпѣ, имѣютъ нѣкоторое значеніе и другія, указанныя авторомъ причины.

П. Каптеревъ.

А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. 2-ое значительно дополненное изданіе. СПб. 1904 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Хорошо знакомая всѣмъ практическимъ дѣятелямъ на поприщѣ народнаго образованія справочная книга А. С. Пругавина вышла новымъ не только значительно дополненнымъ, но и совершенно переработаннымъ изданіемъ.

Книга по сравненію съ первымъ изданіемъ увеличилась на 22¹/₂ листа и представляетъ громадный томъ въ 1096 страницъ, при этомъ цѣна книги осталась та же. Независимо отъ внесенія всѣхъ новыхъ узаконеній и распоряженій правительства по народному образованію, вышедшихъ въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ изданіемъ, т. е. съ 1897 года, въ новое изданіе вошло огромное количество разъясненій сената или Мин. Нар. Пр. вышедшихъ ранѣе 1897 г., но почему нибудь не попавшихъ въ первое изданіе.

Кто имѣлъ дѣло съ законами по народному образованію, тотъ хорошо знаетъ, что вся суть ихъ не въ основныхъ законахъ, очень неполныхъ и писанныхъ при существованіи совершенно иныхъ жизненныхъ условій, а въ цѣломъ рядѣ дополненій и разъясненій, сдѣланныхъ въ разное время различными учрежденіями, и еще лучше знаетъ, какъ трудно бываетъ разыскивать эти разъясненія въ мало доступныхъ официальныхъ изданіяхъ. Часто самое важное разъясненіе вполне компетентнаго учрежденія долгое время остается невѣданнымъ въ большей части Россіи или дѣйствуетъ только въ одной губерніи или въ предѣлахъ одного округа, въ циркулярахъ котораго оно случайно было напечатано.

А. С. Пругавину принадлежитъ честь открытія для общаго свѣдѣнія цѣлаго ряда такихъ циркуляровъ и разъясненій, которые, можно сказать, не дѣйствовали до обнаруженія ихъ въ его книгѣ. Въ этомъ отношеніи книга его сыграла огромную роль въ жизни нашей школы и особенно

учрежденій въ школьного образованія. Новое изданіе добавляетъ еще нѣсколько такихъ открытій, всю важность которыхъ могутъ оцѣнить только тѣ, которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ приходится встрѣчаться въ жизни съ прямо противоположными толкованіями закона и не смѣтъ дѣлать того, что давно разрѣшено подлежащей властью. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Вопросъ о томъ, кто долженъ давать отпуска учащимъ въ училищахъ, содержимыхъ на средства земскихъ и городскихъ учрежденій, рѣшается далеко не вездѣ одинаково. Нѣкоторые инспектора, считая, что это право принадлежитъ исключительно имъ, широко пользуются этимъ правомъ и не находятъ при этомъ даже нужнымъ увѣдомлять надлежащія земскія и городскія учрежденія о тѣхъ лицахъ, которыя уволены ими въ отпускъ, а между тѣмъ еще въ 1899 году Сенатъ призналъ желательнымъ, чтобы училищные совѣты извѣщали городскія управы о случаяхъ увольненія учителей и учительницъ въ отпускъ, и Мин. Нар. Просв. сдѣлало распоряженіе объ исполненіи этого указа. Другой примѣръ. Земскіе начальники, входящіе въ составъ училищнаго совѣта на практикѣ принимаютъ участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ наравнѣ съ прочими членами, а между тѣмъ предложеніемъ М. Н. Пр. отъ 9 Авг. 1902 года разъяснено, что по смыслу Высочайшаго Повелѣнія 11 Дек. 1895 года земскіе начальники „входятъ въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся вѣреныхъ имъ участковъ, по принадлежности“.

Не разъ въ печать проникали извѣстія, о тѣхъ затрудненіяхъ которыя иногда встрѣчаютъ учащіе народныхъ школъ, при полученіи отпуска въ каникулярное время. Приводились даже особые циркуляры, воспрещавшіе учащимъ уѣзжать изъ школъ безъ отпусковъ отъ инспектора или училищнаго совѣта, а между тѣмъ оказывается, что въ силу ст. 775 устава службы (т. III Св. Зак. изд. 1896 г.) „чиновники тѣхъ мѣстъ, кои имѣютъ право пользоваться въ извѣстное время года вакансіями въ продолженіе сего времени могутъ отлучаться съ мѣста службы, не испрашивая на сіе разрѣшенія, и только давая о томъ знать кому слѣдуетъ“. Министерство, предложеніемъ 19 авг. 1899 г. за № 21,312 должно было напомнить объ этомъ законѣ и разъяснить, что онъ всецѣло относится къ учащимъ въ начальныхъ училищахъ.

Для знакомыхъ съ первымъ изданіемъ книги А. С. Пругавина, нелишнимъ будетъ указать на тѣ отдѣлы, которые особенно разрослись въ новомъ изданіи или введены впервые.

Болѣе всего сдѣлано дополненій въ такъ называемыхъ „дополнительныхъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ“. Для сравненія приведемъ число номеровъ такихъ постановленій въ первомъ и второмъ изданіи по тѣламъ.

Отдѣлы:	Изданія	
	1-ое:	2-ое:
Начальныя народныя училища	18	29
Участіе земствъ, городовъ, и сельскихъ об—въ въ народн. образованіи	18	54
Условія и порядокъ открытія училищъ	6	25
Почетные блюстители и попечители училищъ	10	19
Учащіе	29	92
Учебная часть и учащіеся	15	33
Хозяйственная часть	5	19
Директора и инспектора народныхъ училищъ	19	36
Частныя учебныя заведенія и домашнее обученіе	10	22
Педагогическіе курсы и съѣзды	2	18

Совершенно новыми являются слѣдующіе отдѣлы:

1) О свидѣтельствахъ на льготу 4-го разряда (Правила, программы и дополнительные распоряженія), 2) постановленія и распоряженія, касающіяся городскихъ и уѣздныхъ училищъ (69 №№), 3) новое положеніе о церковно-приходскихъ школахъ съ дополнительными въ нему распоряженіями (числомъ 31), 4) дополнительные распоряженія объ учительскихъ институтахъ (9), и 5) объ учительскихъ семинаріяхъ (40), 6) программы специальныхъ испытаній на званіе учителя съ дополненіями (15 №№), 7) педагогическія музеи (циркуляръ и проектъ нормальнаго устава), 8) новыя правила о народныхъ чтеніяхъ, 9) попечительства народной трезвости, 10) литературно-музыкальные вечера для народа и 11) учительскія об—ва взаимопомощи.

Не можемъ не указать, однако, на пропускъ правилъ, изданныхъ въ 1898 году, объ училищахъ Мин. Нар. Просв., открываемыхъ управленіями жел. дорогъ для дѣтей служащихъ. Правила эти выработаны по соглашенію Мин. Нар. Просв. съ Мин. Путей Сообщенія и введены въ дѣйствіе въ 1898 году. Они регулируютъ жизнь весьма значительнаго числа очень многолюдныхъ училищъ.

Достоинства всякой справочной книжки, между прочимъ, опредѣляются и тѣмъ, насколько скоро и легко можно находить въ ней требуемую справку. Въ книгѣ А. С. Пругавина для этой цѣли сдѣлано много, но далеко не все, что можно было бы сдѣлать. При очень обширномъ оглавленіи (35 стр.) приходится пожалѣть объ отсутствіи предметнаго указателя, въ которомъ можно было бы найти хотя бы такія рубрики: учащіе (назначенія, увольненія, переводы, отпуска, пособия, награды, пенсія, освобожденіе отъ воинской повинности, выдача видовъ на жительство и т. п.), земство, инспекторы, экзамены и т. п. Можно было бы пожелать еще кое-какихъ из-

мѣненій въ заглавіяхъ постановленій и распоряженій. Сильно затрудняетъ отыскиваніе необходимаго распоряженія то, что очень многіе изъ нихъ начинаются словами: „Разъясненіе вопроса“... Самая редакція заглавій могла бы быть въ значительномъ большинствѣ случаевъ значительно упрощена, тѣмъ болѣе, что она обыкновенно принадлежитъ не законодателю, а или редакціи Жур. Мин. Нар. Просв., или составителю сборника. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Вотъ заглавіе (стр. 54) „Разъясненія Правительствующаго Сената по вопросу о правѣ земскихъ собраній учреждать особыя комиссіи для заведыванія земскими школами и разработки вопросовъ о состояніи народнаго образованія“, мы предложили бы такую редакцію: „право земскихъ собраній учреждать особыя комиссіи для разработки вопросовъ народнаго образованія, но не для заведыванія школами (Разъясн. Сената)“. При такой редакціи видно, въ какомъ смыслѣ сдѣлано разъясненіе.

Ничего не говорящее заглавіе „по жалобѣ одной губернской земской управы на постановленіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія по поводу устройства библіотекъ для учителей народныхъ школъ“ можно бы замѣнить и болѣе короткимъ и болѣе яснымъ „право земствъ устраивать для учащихъ центральныя библіотеки на общихъ цензурныхъ основаніяхъ“ (или „безъ ограниченія капиталами Мин. Нар. Просв.“) (Разъясн. Сената). Можно бы еще рекомендовать послѣ каждаго заглавія ставить въ скобкахъ указаніе — Р. С. (Разъясненіе Сената) или Ц. М. (Циркуляръ Мин. Нар. Пр.). Это облегчало бы тѣхъ, которые знаютъ какого рода распоряженіе имъ нужно найти, но могутъ узнать его по заглавію данному ему въ сборникѣ. Наконецъ, въ самомъ текстѣ лучше было бы печатать жирнымъ шрифтомъ не заглавіе (его можно было бы печатать курсивомъ), а тѣ слова, которыя составляютъ самую сущность распоряженія. Это избавляло бы отъ неизбѣжнаго теперь блужданія по морю лишннихъ словъ и терминовъ того канцелярскаго языка, которымъ написано большинство распоряженій Мин. Нар. Просв., а въ сенатскихъ разъясненіяхъ отъ чтенія всей исторіи вопроса, часто совершенно ненужной для справки.

Переходя отъ законовъ и распоряженій къ справочнымъ свѣдѣніямъ, размѣщеннымъ почти по всѣмъ отдѣламъ книги послѣ законовъ, можно констатировать такое же, если не большее расширеніе этихъ свѣдѣній. Въ виду совершеннаго отсутствія у насъ справочныхъ сборниковъ, обнимающихъ всѣ стороны школьнаго и внѣшкольнаго образованія, книга А. С. Пругавина представляетъ совершенно неоцѣненное сокровище для всякаго практическаго работника по народному образованію. По всей вѣроятности, однако, въ слѣдующемъ изданіи составителю придется выдѣлять эти свѣдѣнія въ отдѣльные томы. Нѣкоторые отдѣлы этихъ свѣдѣній и

теперь представляют настолько полныя монографіи, что было бы очень желательно видѣть ихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Укажемъ хотя бы на отдѣлъ о воскресныхъ школахъ, куда цѣликомъ входитъ и статья В. С. Костроминной „Организація воскресной школы,“ помѣщенная раньше въ вышедшемъ изъ продажи сборникѣ „Частный починъ.“ Изъ другихъ отдѣловъ наибольшую цѣнность представляютъ статистическія свѣдѣнія 1) о народномъ образованіи въ Россіи, 2) объ учебныхъ пособіяхъ, 3) о книжной торговлѣ, 4) о народныхъ дворцахъ, 5) библиографіи по народному образованію въ Россіи и за-границей и 6) списокъ изданныхъ отдѣльно законовъ и справочныхъ книгъ по народному образованію. Разнообразіе этихъ свѣдѣній вполнѣ искупаютъ нѣкоторую, впрочемъ, вполнѣ естественную, неполноту нѣкоторыхъ изъ нихъ. Пополненіе ихъ будетъ возможно при выдѣленіи всѣхъ справочныхъ свѣдѣній въ отдѣльномъ томѣ. Укажемъ только нѣсколько пропусковъ, которые могли бы быть исправлены и при томъ объемѣ, который имѣетъ книга въ настоящее время. Въ книгѣ нѣтъ указаній на другія справочно педагогическія бюро, кромѣ Тверскаго (нынѣ закрытаго) и Харьковскаго, хотя такія же учрежденія существуютъ у Губ. Земствъ Вологодскаго, Курскаго и у нѣкоторыхъ уѣздныхъ. Желательно было бы видѣть и списокъ тѣхъ земствъ, которыя имѣютъ спеціальныя комиссіи по народному образованію или другія учрежденія, вѣдающія школьную статистику и разработку вопросовъ народнаго образованія. Такія учрежденія существуютъ подъ разными названіями у земствъ Петербургскаго, Тверскаго, Московскаго, Тульскаго, Владимірскаго, Орловскаго, Курскаго, Тамбовскаго, Ярославскаго, Вологодскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Въ отдѣлѣ учебныхъ пособій не указана существующая уже болѣе двухъ лѣтъ мастерская учебныхъ пособій Курскаго земства. Списокъ фирмъ и учрежденій, изготовляющихъ картины для волшебныхъ фонарей, очень не полнъ. Въ немъ пропущены такія учрежденія, изготовляющія картины для продажи, какъ Одесская комиссія народныхъ чтеній, Саратовское об-во врачей, комиссія по распространенію гигиеническихъ знаній при об-вѣ русскихъ врачей и такія извѣстныя фирмы, какъ Трындинъ, Махита Перловъ въ Москвѣ и О. Н. Попова и Н. А. Беренштамъ въ Петербургѣ, Пашкова въ Елисаветградѣ, Александрова въ Вологдѣ. Незначительная мастерская Зайкина показана въ Москвѣ, хотя она давно уже переѣхала въ Петербургъ и тамъ перешла въ другія руки.

При перечисленіи книжныхъ складовъ губернскихъ земствъ указаны 11 складовъ изъ существующихъ 21, и названы несуществующіе склады Воронежскій, Калужскій и Смоленскій. Библиографія также не полна. Въ отдѣлѣ „народное образованіе за-границю“ названо всего 61 сочиненіе. Въ отдѣлѣ „народное образованіе въ Россіи“ попали сочиненія по педагогикѣ, никакого отношенія къ Россіи неимѣющія; Беневе, Бэна, Локка, Прейера,

Компэре и даже сочиненія Кольба, Липперта и Летурно по исторіи культуры и этнографіи. Указанъ только одинъ выпускъ извѣстной книги Петрова, „Вопросы народнаго образованія“, вмѣсто 4-хъ и также одинъ вмѣсто 3-хъ библиографическихъ указателей г-жи Слесаренко. Изъ статистическихъ сборниковъ губернскихъ земствъ, представляющихъ полный обзоръ состоянія народнаго образованія въ различныхъ губерніяхъ, указано только 7, и не упомянуты сборники Тульскіе, Рязанскіе, Тамбовскіе, Пермскіе, Псковскіе, Новгородскіе, Ярославскіе, Владимірскіе, Харьковскіе, Тавричскіе и др.

Всѣ эти недостатки, повторяемъ, нисколько не лишаютъ книги А. С. Пругавина огромнаго значенія, на которое мы указывали выше.

Въ заключеніе, пожелавъ книгѣ самаго широкаго распространенія и появленія въ свѣтъ въ новомъ изданіи въ самомъ скоромъ времени, не можемъ не указать на одну ошибку, сдѣланную на заглавномъ листѣ книги. Въ помѣщенной вмѣсто эпиграфа діаграммѣ, показывающей число грамотныхъ на 100 жителей въ Россіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, процентъ грамотныхъ для Россіи взятъ ко *всему* населенію, для другихъ же странъ—за исключеніемъ дошкольнаго возраста. Процентное отношеніе грамотныхъ ко всему населенію не можетъ быть выше 75—60, потому что дѣти не рождаются грамотными, а въ Россіи дѣти дошкольнаго возраста составляютъ 25% населенія. Ошибка эта была сдѣлана въ первомъ изданіи и повторена во второмъ.

Н. В. Чеховъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Изд. *О. Н. Поповой*. М. Пенькова. Въ гору. Исторія одной глухой дѣвочки. „Библіотека нашихъ дѣтей“. В. Мировичъ. Снѣжинки. съ рис. ц. 30 к. Л. Грець. Краткій курсъ электричества. Цѣна 80 коп.

Книгоизд. *П. П. Гершунина*. Э. и О. Ревлю. Срединная Имперія. Пер. съ франц. О. Косаговыской. Ц. 90 коп. Карроль Д. Райтъ. Промышленная исторія Соединенныхъ Штатовъ. Пер. А. Яновскаго. Цѣна 1 рубль. Н. Рубакинъ. Грозный Негусъ. Цѣна 90 коп.

Изд. т-ва „Донская рѣчь“. В. Вересаевъ. Повѣтріе. Цѣна 4 коп. И. П. Бѣлоконскій. Деревня Печальная. Цѣна 3 коп. В. І. Дмитріева. Волки. Цѣна 3 коп. В. Танаевская. Безпокойная. Цѣна 3 коп. И. И. Митропольскій. На плотахъ. Цѣна 3 коп. В. Г. Короленко. Черкесъ. Цѣна 4 коп. В. Вересаевъ. Звѣзда. Цѣна 1— $\frac{1}{2}$ коп. Н. Д. Телешовъ. Противъ обычая. Цѣна 3 коп. А. Яблоновскій. Въ консультаціи. Цѣна 3 коп.—Пѣсни труда. Цѣна 5 коп. Н. Темный. Сироткинъ. Цѣна 3 коп. А. Крандіевская. Только часть. Цѣна 10 коп. И. А. Бунинъ. Надъ городомъ. Цѣна 1 коп. С. Я. Елнатъевъ.

скій. „Отлетаетъ мой соколикъ“. Цѣна 2 коп. К. М. Станюковичъ. Эмигрантъ. Цѣна 3 коп. С. Я. Нэдсона и др. поэтовъ. Избранныя стихотворенія. Цѣна 3 коп. Л. Н. Андреевъ. Ангелочекъ. Цѣна 3 коп. Л. Н. Андреевъ. Жили-были. Цѣна 3 коп. Скиталець. Атаманъ. Цѣна 2 коп. А. Серафимовичъ Въ камышахъ. Цѣна 2 коп. А. Яблоновскій. Завѣтная мечта. Цѣна 3 коп. С. Елпатьяевскій. Присяжнымъ засѣдателемъ. Цѣна 2 коп. В. Вересаевъ. Къ спѣху. Цѣна 1 коп. А. Серафимовичъ. На льдинѣ. Цѣна 3 коп. И. П. Бллоконскій. Какъ живутъ японцы. Цѣна 8 к. Н. Д. Телешовъ. Хлѣбъ-соль. Цѣна 1½ коп. Н. П. Бллоконскаго. Корея. Цѣна 4 коп. В. Г. Короленко. Соколинецъ. Цѣна 7 коп. Е. Н. Чириковъ. Коля и Коля. Цѣна 2 коп. С. Елеонскій. Грубіянь. Цѣна 7 коп. А. Кизеветтеръ. Русское общество въ во семнадцатомъ столѣтіи. Цѣна 15 к. В. Алексеевъ. Земские соборы древней Руси. Цѣна 15 коп. Некрасовъ и Никитинъ. Избранныя стихотворенія. И. А. Бунинъ-Байбаки. Цѣна 3 коп. А. И. Петровскій. Не дался. Цѣна 1 коп. В. І. Дмитриева. Бѣлыя. Крылья. Цѣна 2 коп. А. Серафимовичъ. Въ бурю. Цѣна 3 коп. А. Яблоновскій. Коноврадъ. Цѣна 3 коп. В. Немировичъ-Данченко. Воскресшая пѣснь. Цѣна 5 к. Иванъ Франко. На днѣ. Цѣна 9 коп. А. Купринъ. Молохъ. Цѣна 12 коп. Феликсъ Гра. Марсельцы. Цѣна 35 коп.

Изд. т-ва „Знаніе“. Шелли. Полное собраніе сочиненій пер. К. Д. Бальмонта. т. II. Цѣна 2 р. Софокль. Эдипъ въ Коловѣ. Цѣна 40 коп. Софокль. Антигона. Цѣна 40 коп. Эврипидъ. Ипполитъ. Цѣна 40 к. Красинскій. Ириціонъ. Цѣна 60 коп. Софокль. Эдипъ-царь. Цѣна 40 к. Эврипидъ. Медея. Цѣна 40 коп. Эсхилъ. Скванный Прометей. Цѣна 30 коп. (всѣ пьесы во 2 изданіи). Г. Гауптманъ. Роза Берндъ. Драма въ пяти д. Ц. 50 к. Шелли. Освобожденный Прометей. Ц. 50 к. Сборникъ Т-ва „Знаніе“ за 1903 г. I томъ цѣна 1 руб., II томъ цѣна 1 руб. С. Найденовъ. Томъ первый. Пьесы. Цѣна 1 руб. Н. Гаринъ. По Корей, Манчжуріи и Лаодунскому полуострову. Ц. 1 руб. Его же Корейскія сказки. Ц. 60 к. С. Елпатьяевскій. Разсказы. Томъ I, II и III. Ц. по 1 р. Евгений Чириковъ. Томъ четвертый. Пьесы. Ц. 1 р.

Изд. А. Ф. Маркса. Новая карта театра военныхъ дѣйствій. Манчжурія и Корея. Цѣна 80 коп.

Изд. А. Ф. Девриена. Р. Браунсъ. Царство минераловъ вып. 1-ый. Цѣна 2 р. 75 коп.

Изд. С. Г-а Ст. Пшибышевскій. Для счастья, пер. Я. В. Перовича. Цѣна 25 к.

19. **РОДНЫЯ КАРТИНЫ.** О г. Фаресовѣ и его дружбѣ съ покойниками. О дѣтскомъ трудѣ на сценѣ. Обь одесскихъ учителяхъ и обь одесской городской Управѣ. Обь инженерахъ—„манчжурцахъ“ и о скамьѣ подсудимыхъ. Мелочи. **А Яблоновскаго** . . . . . 43 — 67
20. **НА ЗАПАДѢ.** (Изъ Германіи) Пасторъ Гере и его политическая карьера **Г. Гроссмана** . . . . . 68 — 86
21. **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.** 1. С. Елеонскій. Разсказы. **Н. Ашешова.** 2. И. Новиковъ. Исканія. Сборникъ разсказовъ **О Миртова.** 3. К. Баранцевичъ. Свободные сны и др. разсказы. **А Налимова.** 4. В. Умановъ-Каплуновскій. Лучи и тѣни.—**Н. Карповъ.** Штрихи и блики.—**Н. Клеменць.** Грусть и смѣхъ.—**А. Рокотковъ.** Разсказы и пѣсни о жизни. **Л. В.** 5. Зоя Бухарова. Стихотворенія **Л. В.** 6. П. Каленовъ. **Атта Троль, Гейне. П. Морозова.** 7. И. Озеровъ. Изъ жизни труда. **П. Берлина.** 8. Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи 9. Г. Дюмоларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и социальномъ отношеніи. **Вас. Сторожева.** 10. Вѣстникъ психологін, криминальной антропологін и гипнотизма. № 1—3. **П. Каптерева.** 11. А. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному образованию **Н. Чехова.** . . . . . 87 —122
22. Объявленія. . . . . 127—128

Изданія редакціи журнала «ОБРАЗОВАНИЕ».

- Задачи городского самоуправления.** В. Тотоміанца. Ц. 20 к.
- Очеркъ общей педагогики** проф. Теоб. Циглера, перев. съ нѣмецк. Ц. 50 коп.
- Среди народа.** Романъ П. Розеггера, перев. съ нѣм. Ц. 40 к.
- Саранча.** Романъ А. Грушецкаго, перев. съ польскаго Ц. 80 к.
- Деревенскія впечатлѣнія.** И. П. Бѣлоконскаго. Т. II. Ц. 80 к.
Содержаніе: Реформаторы. „Нѣдры“. Ночлегъ съ богомольцами. Изъ за процентовъ. Въ 20 верстахъ отъ цивилизациі. Николаевскій солдатъ. Переселенцы. Накрылъ. Плода грѣховнаго вкусившіе. Ея превосходительство и Его Превосходительство. „Деревня ѣдетъ“. Подслушанный разговоръ.
- Успѣхи астрономіи въ XIX в.** К. Покровскаго съ 94 рис. Ц. 1 р. 20 к.
- Чудеса земного шара.** Общеизвестныя бесѣды Германа Клейна съ рис., перев. съ нѣмецк. Ц. 1 руб.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Продолжается подписка на 1904 г.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„Образование“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода — 3 р.,
за границу 8 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 38. Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ и у Н. Печковской. Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образование“ (Ришельевская).

- 1) *Рукописи*, присылаемые въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ.
  - 2) По поводу неприятныхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.
  - 3) *Принятые статьи*, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, неприятныя же сохраняются въ теченіе *полугода* и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.
  - 4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.
  - 5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.
  - 6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.
  - 7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.
  - 8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.
- Контора редакціи открыта ежедневно, *кромѣ праздниковъ*, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ *ежедневно отъ 11 до 1 часу, кромѣ праздничныхъ дней.*

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

Вышло новое изданіе редакціи журнала „Образование“

ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НА ЗАПАДѢ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

- I. Очерки современной журналистики *П. Берлина.*
  - II. Періодическая печать въ Германіи. *Г. Гроссмана.*
  - III. Развитие печати въ Австріи *П. Звѣздича.*
  - IV. Очеркъ періодической печати въ Англіи *Д. Сатурина.*
  - V. Періодическая печать въ Италіи *А. Лабріола.*
  - VI. Періодическая печать во Франціи *Е. Смирнова.*
  - VII. Американская печать *А. Гуревича.*
- Приложеніе: Очеркъ исторіи развитія періодической печати въ Англіи *Э. Пименовой.*

Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

YC 84275

